

С.А. НЕФЕДОВ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-
СТРУКТУРНЫЙ
АНАЛИЗ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
РОССИИ**

ГЛАВА I. НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО И ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНАЯ ТЕОРИЯ

1.1. Классическое неомальтузианство

1.1.1. Развитие мальтузианско-рикардианской теории в XX веке

Как отмечают известные специалисты-историографы Е. Б. Заболотный и В. Д. Камынин, «историческая наука в России на рубеже XX-XXI веков переживает методологический и научный плюрализм, который... является необходимым условием для переосмысления истории России»¹. Апробируются новые методологические подходы и дается новое осмысление концепциям, получившим распространение в западной историографии XX века; систематически издаются сборники, посвященные теоретическим проблемам исторических исследований². Среди концепций, апробирующихся отечественными историками в последние десятилетия, можно назвать цивилизационный подход, теорию модернизации, теорию мир-систем И. Валлерстайна³.

Среди этих концепций видное место занимает также концептуальный подход, традиционно называемый «неомальтузианством». Влияние демографического фактора на течение исторического процесса отмечалось многими философами, начиная с античных времен. В трудах Платона, Аристотеля, Хань Фэй-цзы рост численности населения связывался с опасностью перенаселения, которое приводило к нехватке пахотных земель, к недостатку продовольствия, бедности, к голоду и к восстаниям бедняков⁴.

Начало исследования проблемы перенаселения в новое время связано с именем основателя демографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что *«количество населения неизбежно ограничено средствами существования (means of subsistence)»*⁵. Однако «великий закон природы состоит в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и в уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет приостановку роста населения или его сокращение до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увели-

чивается – но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁶.

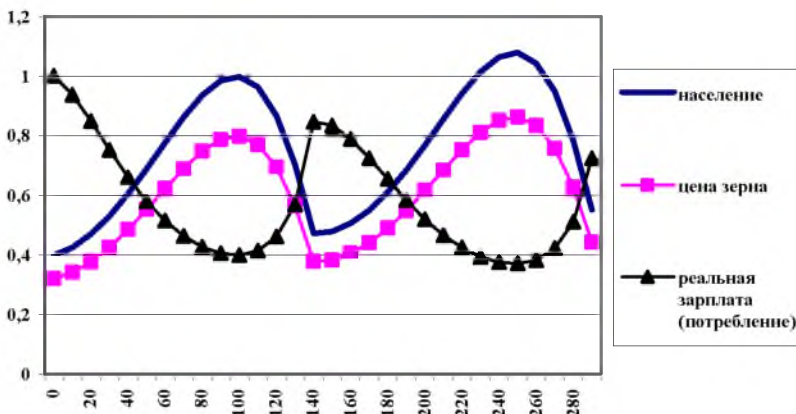

Рис. 1.1. Демографические циклы по теории Мальтуса-Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (А. Смит, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской⁷. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о **демографических циклах**. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1.1).

Мальтус полагал, что падение темпов роста населения с уменьшением потребления является законом природы, и впоследствии эта связь была подтверждена биологическими экспериментами. В 1920-х годах американский биолог и демограф Раймонд Пирл показал, что изменение численности популяций некоторых видов животных описывается так называемым логистическим уравнением. Решением этого дифференциального уравнения является логистическая кривая (рис. 1.2). Поведение логистической кривой показывает, что поначалу, в условиях высокого потребления, численность популяции быстро возрастает. При избытке ресурсов рост популяции может какое-то время не сопровождаться падением потребления, но затем появляется нехватка пищи и потребление начинает падать. Падение

потребления приводит к замедлению роста населения, и, в конечном счете, численность населения стабилизируется вблизи асимптоты, соответствующей максимально возможной численности при минимальном потреблении – так называемой емкости экологической ниши K . Это состояние «голодного гомеостаза», в действительности, оказывается неустойчивым, колебания природных факторов могут привести к резкому уменьшению численности популяции, после чего начинается период восстановления в новом цикле⁸. Таким образом, «логистические циклы» в популяциях животных имели, в принципе, ту же природу, что и мальтузианские демографические циклы. Впоследствии теория популяционных циклов стала одним из важных разделов новой науки, экологии⁹; она привлекалась последователями Мальтуса как один из аргументов, подтверждающих его теорию¹⁰.

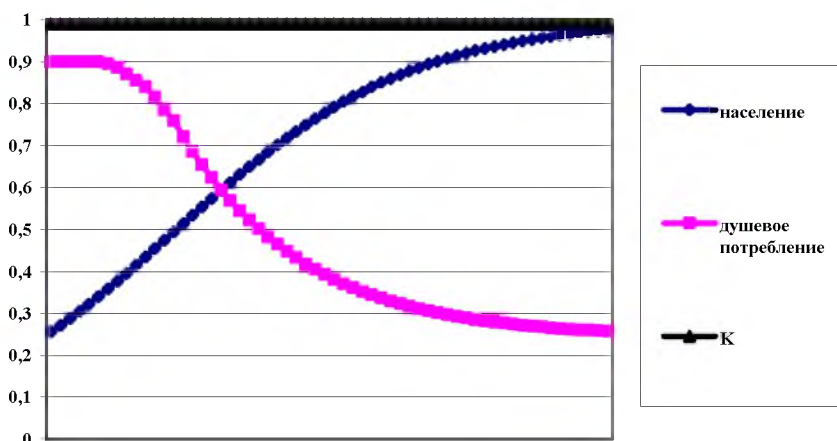

Рис. 1.2. Логистическая кривая и кривая душевого потребления.

Мальтус пытался выявить постулированные им циклы в реальной истории и, привлекая данные о реальной заработной плате в Англии в XVI и XVIII веках, утверждал, что падение потребления в эти периоды, должно быть, объясняется ростом населения¹¹. Однако состояние демографической статистики в XIX веке не позволяло подтвердить теорию с помощью реальных данных о численности населения в странах Европы. Традиция проведения переписей населения с давних времен существовала лишь в Китае. В 1933 году работавший в Харбине русский экономист Е. Е. Яшнов опубликовал небольшое исследование «Особенности истории и хозяйства Китая»¹². Объясняя фиксируемые в исторических источниках колебания населения Китая, Е. Е. Яшнов дал первое описание механизма демографического цикла в истории человеческого общества. Голод, эпидемии и войны в конце предыдущего цикла резко сокращают численность населения, писал Е. Е. Яшнов, поэтому в начале нового цикла крестьяне пользуются

относительным земельным простором и сравнительным достатком. В благоприятных условиях численность населения начинает быстро расти, и через некоторое время все заброшенные ранее поля оказываются распашанными, снова обнаруживается недостаток пахотных земель. Размеры наделов уменьшаются, арендная плата растет, крестьянское хозяйство теряет устойчивость, в годы голода крестьяне продают землю ростовщикам и помещикам. В деревне растет помещичье землевладение; разоренные крестьяне пытаются прокормиться ремеслом, уходят в города. Города растут, но вместе с тем растет число голодных и нищих. В конце концов, голод приводит к крестьянским восстаниям, к попыткам передела земель, внутренним войнам. Разрушение ирригационных систем в ходе войн еще более усиливает голод, начинаются эпидемии, и бедствия сливаются в катастрофу, которая губит большую часть населения¹³.

Описание демографического цикла, данное Е. Е. Яшновым, в настоящее время можно считать классическим, однако с фактологической стороны идея цикличности не получила в работе Е. Е. Яшнова достаточного обоснования. Кроме того, опубликованная в Харбине книга Е. Е. Яшнова осталась вне поля зрения европейских историков и была незаслуженно забыта. Исследование демографических циклов проводилось в Европе независимо и основывалось на изучении материалов о хозяйственной жизни европейских стран.

Как отмечалось выше, для европейских стран имелось мало данных о численности населения, однако существовали данные о другом параметре колебательного экономического процесса – о ценах. Пионером статистического изучения ценовых колебаний стал французский исследователь Франсуа Симиан. В работе Симиана, опубликованной в 1932 году, было введено понятие «вековой тенденции», цикла, состоящего из фазы роста цен (фазы А или повышательной тенденции) и фазы убывания цен (фазы В или понижательной тенденции)¹⁴. Симиан обнаружил в XVI веке повышательную тенденцию, а в XVII веке – понижательную тенденцию, но он не связывал эти ценовые тенденции с демографической динамикой. Продолжая разработку идей Симиана, Эрнест Лабрусс в 1933 году опубликовал более детальное исследование динамики цен и заработной платы во Франции – но также вне связи с демографией¹⁵. В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период «повышательной тенденции» в XIII-начале XIV века, сменившийся затем понижательной тенденцией в XV веке и снова повышательной тенденцией в XVI-начале XVII века. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и – как можно было судить по данным об отдельных областях – относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения¹⁶. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо, в том смысле, что именно рост населения вызывает рост цен и падение заработной платы, а уменьшение населения вызывает обратные следствия. Однако немецкий историк счи-

тал, что падение численности населения в середине XIV века было вызвано не перенаселением, а случайным и внешним фактором – эпидемией Черной Смерти 1348 года¹⁷.

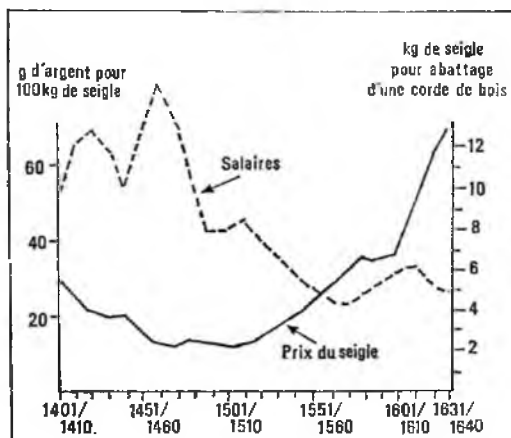

Рис. 1.3. Повышательная тенденция в 1450-1630 гг. в Германии: рост населения вызывает рост цен (prix) и падение заработной платы (salaires). График заимствован из французского издания книги В. Абея¹⁸.

Работы В. Абея нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Лондонский журнал «Ревю экономической истории» ввел рубрику «Ревизия экономической истории», в которой публиковались статьи, посвященные анализу экономических процессов XIII-XV веков и связи этих процессов с динамикой численности населения. Надо сказать, что до этого времени вопрос о масштабах потерь, принесенных Черной Смертью, был далеко не ясным. В отсутствие статистических данных многие специалисты были склонны приуменьшать эти потери; преобладала точка зрения о том, что, несмотря на отдельные проблемы, экономика XIV столетия в целом развивалась поступательно. Работы М. Постана, К. Киполлы, К.Хеллинера, Д. Салмарша, Е. Перри, Ф. Лютге, Э. Кельтера и других историков на материале различных европейских стран показали истинные масштабы катастрофы. Прояснилась связь экономики с ростом населения: было показано, что рост населения служил движущей силой роста экономики, что увеличение численности крестьян заставляло их производить распахки и осваивать новые земли; безземельные крестьяне уходили в города, что приводило к росту городов и ремесел. Сокращение численности населения, в свою очередь, вело к запустению деревень и сокращению пахотных земель¹⁹. Возникло понятие «кризис XIV века», количество работ, посвященных данной тематике, быстро росло.

Следующий шаг в апробации мальтузианско-рикардианской теории был сделан английским историком Майклом Постаном. М. Поста́н показал, что катастрофа середины XIV века не была случайностью, что уже в начале этого столетия сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и голод 1310-х годов был первым симптомом наступившего перенаселения. М. Поста́ну и Д. Титову удалось доказать, что после 1300 года наметились рост смертности и уменьшение естественного прироста, которые объяснялись падением уровня жизни, что именно падение уровня жизни и постоянные голодовки подготовили почву для губительной эпидемии Черной смерти²⁰. Позднее было показано, что сокращение численности населения в начале XIV века (до эпидемии) имело место и в других странах. Таким образом, демографический цикл XI-XIV веков получил вполне мальтузианскую трактовку, зафиксированную в недавно выпедшем в свет шестом томе «Новой кембриджской истории средних веков»²¹.

Еще одна проблема, стоявшая перед историками, заключалась в том, как судить о численности населения в отсутствие надежных статистических данных. В работе 1950 года Майкл Поста́н приводит свидетельства о резком увеличении реальной заработной платы, о падении цен и ренты после 1348 года и затем делает вывод о больших масштабах демографической катастрофы²². Здесь мы впервые видим пример обращения теории Мальтуса-Рикардо, когда, исходя из поведения экономических показателей, делается вывод о динамике численности населения. Впоследствии этот вывод был подтвержден данными демографии²³.

В 50-х годах XX века исследованием вековых тенденций занималось большое число историков в различных странах. На X международном конгрессе исторических наук в 1955 году группа исследователей – М. Молла, М. Поста́н, П. Иогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден – представила новое видение истории позднего средневековья с точки зрения теории вековых тенденций²⁴. Одним из крупных достижений этого периода была работа Ф.Брауна и Ш. Хопкинса, построивших временные ряды цен и реальной заработной платы в Англии²⁵.

График, построенный Ф. Брауном и Ш. Хопкинса, был сопоставлен В.Абелем и Б. Слихером ван Батом с динамикой численности населения, и в результате получилась картина, близко напоминающая теоретические построения Мальтуса и Рикардо²⁶. На рис. 1.4 приведен вариант графика Абеля, построенный с использованием последних данных о численности населения Англии²⁷. П. Турчин добавил к этому графику кривую уровня мальтусовских «средств существования», или, на современном языке, емкости экологической ниши (К), которая равна тому количеству населения, которое может проживать на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, средней для данного периода урожайности и потреблении по минимально возможной норме²⁸.

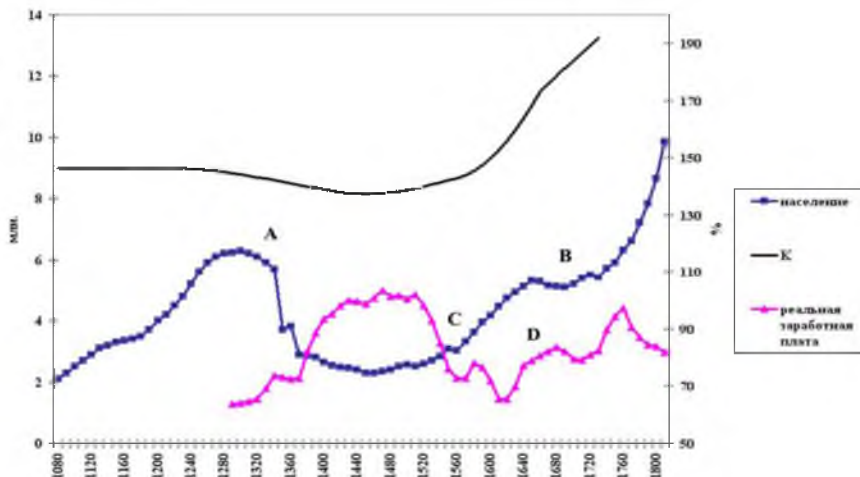

Рис. 1.4. Численность населения и уровень потребления в Англии XII-XVIII вв. За уровень потребления взят усредненный по 30-летиям тренд реальной заработной платы лондонского каменщика (средний уровень XV века взят за 100%).

В традиционном обществе урожайность и емкость экологической ниши остаются постоянными на протяжении многих столетий, и это жесткое ограничение придает демографическим кризисам характер катастроф. Как показывает график, первый глобальный демографический кризис (обозначенный на графике буквой А) разразился в середине XIV века, он был ознаменован голодом, страшной пандемией чумы и крестьянским восстанием 1381 года. Кризис привел к гибели более чем половины населения Англии; в результате сокращения населения уровень потребления увеличился почти вдвое. После того как утихли эпидемии и стабилизировалась политическая обстановка (примерно с 1480 года), население стало расти, и участок С на графике подобен классической картине демографического цикла: население растет, а потребление падает. К 1600-1630 годам потребление упало примерно на 40%, до критического уровня, на котором начался предыдущий кризис. Однако в это время начались аграрные преобразования, сопровождавшиеся повышением урожайности и расширением экологической ниши (участок D). Потребление стало увеличиваться – но экосистема все же не успела выйти из зоны неустойчивости, и Англии не удалось избежать кризиса, который ознаменовался гражданской войной середины XVII века и последующими эпидемиями (этот кризис обозначен на графике буквой В). Однако благодаря расширению экологической ниши катастрофы на этот раз не произошло, имело место лишь небольшое

уменьшение численности населения, а затем – длительная демографической стагнация. За счет продолжающегося увеличения урожайности уровень потребления в этот период значительно возрос и почти достиг уровня, установившегося после первой катастрофы. Увеличение потребления способствовало возобновлению быстрого роста населения после 1730 года. В этот период рост урожайности уже не мог компенсировать рост населения, и уровень потребления снова стал падать²⁹.

В 50-х и 60-х годах мальтузианская теория циклов нашла подробное отражение в обобщающих трудах Б. Сликера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверсея и других авторов³⁰. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню³¹. В 1958 году, подводя итог достижениям предшествующего периода, редактор «Анналов» Фернан Бродель заявил о рождении «новой исторической науки». «Новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, – писал Ф. Бродель, – она заморожена фантомом, но вместе с тем и реальностью циклического подъема и падения цен»³². В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках»³³.

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. **В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...**» Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием...»

Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как

²⁹ Здесь и далее, если это особо не оговаривается, выделение курсивом принадлежит автору книги.

если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»³⁴.

Из других наиболее известных изданий 60-х годов следует отметить книгу Эммануэля Ле Руа Ладжори «Крестьяне Лангедока», которая является наиболее полным исследованием социально-экономических процессов во французской деревне на основе концепции демографических циклов³⁵. В 1967 году вышел в свет четвертый том «Кембриджской экономической истории Европы», в котором теория вековых тенденций представлена в разделах, написанных Ф. Броделем, Ф. Спунером и К. Хеллинером³⁶.

В 70-х годах концепция демографических циклов получает освещение в энциклопедических многотомных изданиях, таких как «Экономическая и социальная история Франции», «История Италии»³⁷. В это время выходят в свет обобщающие работы М. Постана «Средневековая экономика и общество», «Очерк средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики»³⁸. В 1976 году известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общепризнание³⁹.

В 70-80-е годы учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо.

Большое теоретическое значение имело появление в 1981 году исследования А. Ригли и Р. Шофилда «История населения Англии»⁴⁰. Авторы восстановили динамику численности населения Англии с 1541 года и использовали полученные данные как экспериментальный тест для проверки теоретических положений мальтузианской теории. В результате этого исследования математическими методами было подтверждено наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тесной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла, то есть *сфера приложения мальтузианской теории должна быть ограничена традиционным допромышленным обществом*⁴¹. Это важное обстоятельство отмечалось историками и раньше, и, в частности, Ле Руа Ладжори называл Мальтуса «пророком прошлого» – в том смысле, что его теория перестала действовать вскоре после опубликования его книги⁴².

Тем не менее, авторы «Истории населения Англии» подчеркивали исключительную ценность мальтузианско-рикардианской теории для понимания динамики социально-экономического развития в доиндустриальную эпоху. «При отсутствии какой-либо теории, объединяющей социальные структуры и их динамику, историческое объяснение обречено быть не-

формальным и эклектичным... – писал Р. Шофилд. – Теория Мальтуса особенно хорошо подходит для объяснения исторической динамики, потому что она не только объединяет концептуальные элементы в структуру, но и явно рассматривает природу динамики этих структур. Теория не просто говорит, что демографические и экономические элементы, такие как прирост населения, цены продуктов питания... связаны, она изучает, как изменения в каждом из этих элементов воздействуют на изменения в других элементах»⁴³. Это важное преимущество теории Мальтуса *делало возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого*⁴⁴. В 1978 году известный экономист Рональд Ли провел экономико-математический анализ данных Ф. Брауна и Ш. Хопкинса и пришел к выводу о том, что они соответствуют постулатам Мальтуса⁴⁵. Постулаты мальтузианско-рикардианской теории были использованы в ряде появившихся в это время глобальных экономико-демографических моделей, в том числе в моделях Д. Форрестера, Д. Медоуза, М. Месаровича и Э. Пестеля⁴⁶.

Обостренное внимание уделялось связи мальтузианской теории с проблемой аграрного перенаселения в развивающихся странах. В капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира⁴⁷. Как видно из графика на рис. 1.5 динамика населения и потребления в обширном регионе Центральной Африки во второй половине XX века имела мальтузианский характер: рост населения сопровождался падением потребления.

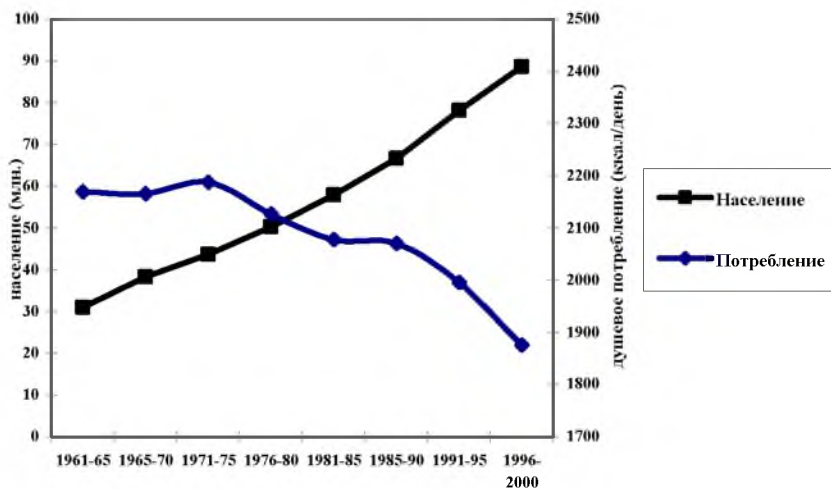

Рис. 1.5. Население и потребление в Центральной Африке⁴⁸.

Среди изданий 80-х годов мы можем отметить также книгу Ф. Броделя «Что такое Франция? Люди и вещи» и популярный учебник Р. Камерона «Краткая экономическая история мира» – обе эти книги переведены на русский язык⁴⁹. Помимо трех описанных выше демографических циклов, Ф. Бродель и Р. Камерон рассматривают демографические циклы античности и раннего средневековья; таким образом, делается попытка представить всю историю Европы в виде чередующихся демографических циклов и объяснить социальные явления, исходя из демографических закономерностей.

Как отмечалось выше, Ф. Бродель постулировал наличие демографических циклов также и в истории Востока. Р. Камерон подвергает критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на отсутствие исследований по этой тематике⁵⁰. До сравнительно недавнего времени исключение в этом отношении представляли лишь работы израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке и полагавшего, что согласно «тезису М. Постана» причиной этих циклов являются колебания в численности населения⁵¹. Имеется также несколько работ, посвященных демографическим циклам в Китае⁵². Приводящиеся в этих работах данные позволяют установить, в частности, что зависимость между численностью населения и потреблением в XVIII-XIX веках имела мальтузианский характер: рост населения в этот период сопровождался падением потребления.

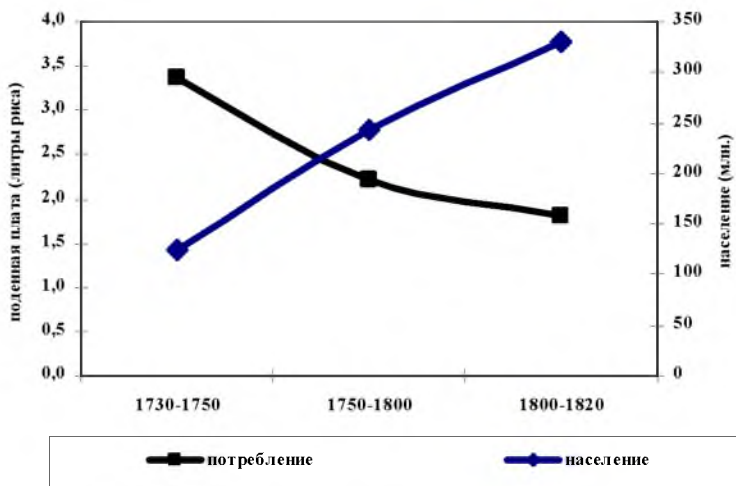

Рис. 1.6. Население и потребление в Китае XVIII-XIX веков⁵³.

В 1996 году вышла в свет книга Дэвида Фишера «Великие волны», которая исследует ценовые волны не только в Европе, но и в Азии – но вне

связи с демографическим фактором⁵⁴. Заметим также, что элементы мальтузианского подхода используются в теории мир-систем Иммануила Валлерстайна⁵⁵. Относительно недавно А. Франк и Б. Гиллс предприняли попытку продлить теорию мир-систем вглубь веков и выделили четыре больших цикла роста-упадка: доклассический (1700-100/50 гг. до н.э.), классический (100/50 гг. до н.э. – 200-500 г. н.э.), средневековый (200-500-1450/1500), и современный (с XVI в.)⁵⁶. Это выделение предполагает постулированную Ф. Броделем синхронность циклов на огромных территориях Евразии. Однако Дж. Ричарде убедительно показал, что синхронность в действительности отсутствует, например, в кризисном для Европы XVII веке Индия переживала подъем, а кризис наступил позже⁵⁷.

В последнее время проблема влияния демографического фактора на исторический процесс разрабатывается группой российских историков, возглавляемой Э. С. Кульпиным. Э. С. Кульпин и его последователи создали новое научное направление, называемое *социоестественной историей* – эта научная дисциплина призвана изучать исторические события в неразрывной связи с экологией и демографией. Отдельные работы, выполненные в рамках социоестественной истории, посвящены некоторым аспектам истории Китая, Египта и Японии⁵⁸. Группой Э. С. Кульпина была предпринята первая попытка создания социоестественной истории России⁵⁹.

Однако объект изучения у социоестественной истории иной, нежели у мальтузианско-рикардианской теории; исследователи из группы Э. С. Кульпина не признают связи с этой теорией и не ссылаются на упомянутые выше работы западных специалистов. Социоестественная история изучает, главным образом, динамику населения в условиях экологических кризисов, то есть в условиях сокращающейся экологической ниши, в то время как классическая теория не рассматривает этот случай, полагая емкость экологической ниши примерно постоянной или увеличивающейся. В этой связи характерно, что Э. С. Кульпин, несмотря на фиксируемые переписями резкие колебания численности населения Китая, называет период I-XVII веков (поскольку в это время не было экологических кризисов) «временем относительной социально-экономической стабильности»⁶⁰.

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Это новое направление исследования представлено, в том числе, в работах Дж. Комлоса, П. Турчина, А. В. Коротаева, Д. А. Халтуриной, С. Ю. и А. С. Малковых, С. В. Циреля, а также в работах автора⁶¹.

В заключение этого краткого обзора коснемся основных направлений критики неомальтузианства. Основное положение Мальтуса и Риккардо о том, что «количество населения ограничено средствами существования» и при ограниченности ресурсов рост численности населения вызывает падение потребления, редко встречает возражения. Однако некоторые авторы указывали на то обстоятельство, что рост населения даже в традиционном обществе влечет за собой совершенствование технологии и увеличение ресурсов⁶². Кроме того, историки-марксисты отмечали, что количество «средств существования», находящееся в распоряжении населения, зависит от общественной системы, и в некоторых случаях государство и элита отнимали у народа до половины ресурсов, что сказывалось на демографической динамике⁶³. Таким образом, мальтузианское ограничение *«means of*

subsistence» – на современном языке, емкость экологической ниши – имело некоторую эластичность, что было существенно для анализа ситуации в конкретный момент времени. Однако в принципе (как отвечали на критику мальтузианцы), резервы совершенствования технологии или социальной системы в традиционном обществе, так или иначе, были ограничены и рано или поздно должно было наступить перенаселение.

Другое направление критики неомальтузианской концепции было связано с относительно слабой верификацией причин уменьшения численности населения. Многие критики полагали, что главной причиной упадка было не перенаселение и не долговременное падение потребления, а случайные факторы, такие как неурожаи, губительные эпидемии или вторжения завоевателей. Д. Григг отмечает, однако, что неурожаи и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда популяция была ослаблена постоянным недоеданием, – то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения⁶⁴.

Более важную роль могли играть долговременные климатические колебания, расширяющие и сужающие экологическую нишу. В одной из моделей Р. Ли было показано, что периодические колебания такого рода, в теории, могли объяснять уменьшение и увеличение численности населения, а через демографическую динамику – также и колебания в ценах и заработной плате⁶⁵. Однако Э. Ле Руа Ладюри в специальной работе, посвященной исследованию климата, показал, что реально зафиксированные климатические колебания не в состоянии объяснить демографическую динамику⁶⁶.

Еще одно направление критики было связано с «немальтузианским» объяснением сокращения численности населения – с тем обстоятельством, что фактором, резко увеличивавшим губительную силу эпидемий, было, возможно, не столько недоедание, сколько характерная для периодов перенаселения скученность населения в городах⁶⁷. Эта критика, однако, не опровергает мальтузианского положения о сокращении численности населения как реакции на перенаселение, а лишь показывает необходимость учета дополнительных факторов, ограничивающих экологическую нишу.

Библиографию работ, посвященных критическому анализу неомальтузианской концепции можно найти в книге Д. Фишера⁶⁸.

1.1.2. Фазы демографического цикла

Как отмечалось выше, Ф. Симиан – и вслед за ним многие другие историки – выделял в экономическом цикле фазу роста (фазу А или «повышательную тенденцию») и фазу убывания (фазу В или «понижательную тенденцию»). Э. Ле Руа Ладюри на примере Южной Франции дал более подробное описание демографического цикла (Ладюри называл этот цикл «большим аграрным циклом») с выделением четырех фаз⁶⁹.

Первая, «предварительная», фаза наступает после того, как голод, войны и эпидемии в конце предыдущего цикла резко уменьшили численность

населения, поэтому она характеризуется малой плотностью населения и избытком свободных земель, низкими ценами на продовольствие, относительно высоким уровнем потребления крестьян, низкой земельной рентой.

Вторая, «фаза роста», характеризуется быстрым ростом населения, интенсивной распашкой свободных земель, но вместе с тем уменьшением и дроблением крестьянских хозяйств, ростом цен, падением реальной заработной платы и нарастанием социальной напряженности. «Мальтус и Рикардожимают друг другу руки», – писал Ле Руа Ладюри, отмечая полное совпадение наблюдавшихся в Лангедоке явлений с мальтузианско-рикардианской теорией⁷⁰.

Третья «фаза зрелости», характеризуется замедлением или прекращением роста населения, крестьянским малоземельем, ростом ренты и налогов, высокими ценами на продовольствие, низким уровнем реальной заработной платы и потребления, войнами. «Эта зрелость не является счастливой», – отмечал Ле Руа Ладюри⁷¹.

Наконец, четвертая фаза – это фаза упадка, характеризуемая голодом, эпидемиями, сокращением численности населения.

Легко заметить, что фазы Ле Руа Ладюри в основном повторяют те признаки, которые соответствуют фазам цикла в мальтузианско-рикардианской теории. В то же время эта характеристика различных фаз сделана французским исследователем на основе изучения аграрной истории Южной Франции и не отражает многообразие явлений, наблюдавшихся в других странах. Более подробное перечисление признаков перенаселения в различных странах имеется в цитированной ранее монографии Д. Григга, это, в первую очередь: крестьянское малоземелье, дробление хозяйств, рост продовольственных цен и арендной платы, падение потребления до прожиточного минимума, рост смертности, задержки браков и ограничение рождаемости, нищета, бандитизм, эмиграция (постоянная и сезонная), большое количество безземельных, интенсификация земледелия, ирригация и мелиорация, переход безземельных крестьян к занятиям ремеслом и торговлей и в связи с этим – переселение сельских жителей в города, рост городов, который, однако, не решает проблемы перенаселения и т. д.⁷² Еще одно важное следствие перенаселения – это рост крупного землевладения и усиление социальной дифференциации; наличие устойчивой связи между плотностью населения и уровнем дифференциации была доказано А. В. Коротаевым на основе статистического критерия «хи-квадрат»⁷³. А. В. Коротаев указал также на наличие статистической связи между плотностью населения и уровнем централизации⁷⁴; применяя ту же методику, нам удалось показать наличие связи между плотностью населения и формой правления – а именно, тот факт, что перенаселение порождает тенденцию к установлению автократии⁷⁵. Этот факт ранее отмечался многими исследователями, можно упомянуть, например, известное высказывание выдающегося французского демографа А. Соби, который полагал, что в традиционных обществах «перенаселение долгое время благоприятствовало авторитарному строю»⁷⁶.

Главный признак перенаселения – и его определение по Мальтусу – это падение потребления до минимального уровня⁷⁷. Некоторые другие из перечисленных здесь признаков являются часто встречающимися, но не обязательными следствиями перенаселения. Например, задержка браков и ограничение рождаемости были характерны для Европы, но не характерны, в частности, для традиционного Китая⁷⁸.

Что касается последней фазы цикла, главный признак которой – уменьшение численности населения, то эта тема наиболее подробно разрабатывалась Э. Лабруссом, который доказывал, что череда французских революций – революции 1789, 1830 и 1848 годов – являются завершающей фазой третьего европейского экономического цикла⁷⁹. Тезис о том, что завершением цикла часто является социальная революция, на многочисленных исторических примерах был проиллюстрирован в нашей, совместной с акад. В. В. Алексеевым, статье, где приведены также и некоторые статистические данные о связи уровня потребления и социальных революций⁸⁰. В последней работе А. В. Коротяева, А. С. Малкова и Д. А. Хаптуриной на материале стран Африки южнее Сахары было показано существование статистической связи между уровнем потребления и происходящими в различных странах политическими переворотами, массовыми беспорядками и гражданскими войнами. В частности, установлено, что при понижении потребления ниже 1850 ккал на трехлетний срок стабильность сохранялась только в 17% известных случаев, в 50% случаев имели место массовые беспорядки и политические перевороты, в 33% случаев голод порождал гражданскую войну⁸¹.

Перенаселение и падение потребления приводили к распространению массового недовольства и к высокой социальной напряженности. В то же время, как отмечалось выше, большую роль играли случайные факторы, такие, как неурожай и эпидемии. Эти сами по себе, хотя и случайные, но достаточно обычные для традиционного общества явления в условиях постоянного недоедания и отсутствия запасов продовольствия приобретали драматические масштабы. Участвовавшие голодные годы вызывали городские бунты и крестьянские восстания, особенно характерные для истории Востока⁸². Военное разорение при подавлении восстаний, в свою очередь, влекло за собой голод и эпидемии; внешние враги не упускали случая воспользоваться кризисом для вторжения, и события могли принять характер глобальной катастрофы – примером может служить катастрофа, произошедшая в Китае в середине XVII века.

Как отмечалось выше, перенаселение порождает тенденцию к автократии. Существует мнение, что масштабный социальный кризис, сопровождаемый голодом и войной, порождает автократию в ее крайней форме – в форме этатистского государства. Наиболее аргументировано эта точка зрения изложена Питиримом Сорокиным в работе «Голод как фактор»⁸³. П. Сорокин определяет «идеальное» этатистское общество как общество, в котором государство регулирует все стороны жизни граждан, которое характеризуется «деспотической» властью и отсутствием (или ограничени-

ем) частной собственности на средства производства (в аграрном обществе – главным образом, на землю)⁸⁴. «Голод – отец этатизма, – писал П. Сорokin, – война – его мать»⁸⁵. Многие историки, вслед за Р. Мунье, связывают торжество европейского абсолютизма с кризисом XVII века⁸⁶. В одной из работ автора был произведен анализ демографических циклов в странах Востока на предмет выяснения вопроса, порождает ли перенаселение этатистскую монархию. Оказалось, что социальные революции и реформы были достаточно обычным исходом «вековых» демографических циклов: в 13 из 16 исследованных циклов в странах Востока, которые начались в условиях господства частной собственности на землю, революции или реформы в последних фазах цикла привели к установлению этатистской монархии. Эти социальные перевороты сопровождались либо радикальным ограничением крупного землевладения, либо его полной ликвидацией вплоть до установления государственной собственности на землю⁸⁷.

Экосоциальный кризис часто вызывает разрушение государства и может стать началом длительного периода социальной нестабильности, в течение которого периодически возобновляющиеся внутренние и внешние войны сопровождаются разрухой, голодом и эпидемиями. Такое состояние посткризисной депрессии препятствует возобновлению роста населения в следующем демографическом цикле, и этот период называют интерциклом. П. Турчин на материале Англии, Китая и Римской империи, установил наличие тесной статистической связи между коэффициентом естественного прироста и индексом социальной нестабильности⁸⁸. Таким образом, можно утверждать, что задержка в возобновлении роста населения (несмотря на повышение потребления после кризиса) непосредственно связана с внутренними и внешними войнами, мятежами и восстаниями, которые являются более или менее отдаленными последствиями экосоциального кризиса, нарушившего стабильное состояние государства.

Интерцикл между двумя циклами наблюдается не всегда, но в некоторых случаях он может быть достаточно продолжительным, так, например, после кризиса времен Черной смерти в Англии и Франции интерцикл продолжался около столетия. В интерциклах большой длительности динамика населения зависит от интенсивности внешних войн и внутренних конфликтов. Так, например, во Франции, после экосоциального кризиса 1340-1360-х годов наступил период успокоения, в течение которого понесенные страной потери были частично компенсированы. Однако нарушенная кризисом государственная и общественная стабильность не была вполне восстановлена, и в 1410-1430-х годах разразился новый кризис, оказавшийся в некоторых областях более губительным, чем первый⁸⁹.

Суммируя имеющиеся в литературе данные, мы предложили⁹⁰ следующую характеристику цикла с разбиением на три фазы:

Первая фаза цикла – это **период внутренней колонизации** (или **фаза роста**). Для этого периода характерны наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно

высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества.

После исчерпания ресурсов свободных земель наступает вторая фаза, **период Сжатия**, для этой фазы характерны отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения, замедление или приостановка роста населения, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, высокий уровень смертности, стихийное ограничение рождаемости, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, рост социальной дифференциации, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, тенденция к увеличению централизации и установлению этактистской монархии, попытки увеличения продуктивности земель, в частности, с помощью ирригации и мелиорации, поощрительная политика в области колонизации и эмиграции, ввоз продовольствия из других стран (или районов), внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления. Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», – писал П. Шонно⁹¹.

Третья фаза демографического цикла – это фаза **экосоциального кризиса**; для этого периода характерны голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этактистскую монархию.

После третьей фазы в некоторых случаях имеет место **период депрессии или интерцикл** – период социальной нестабильности, внутренних конфликтов и внешних войн, в течение которого могут наблюдаться повторные экосоциальные кризисы. Новый демографический цикл начинается лишь после того, как прекращаются войны и восстанавливается государственная и общественная стабильность.

1.2. Демографически-структурная теория

1.2.1. Основные положения демографически-структурной теории

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна⁹². Монография Дж. Голдстоуна «Революции и восстания в раннем современном мире», опубликованная в 1991 году, была отмечена большим количеством положительных рецензий крупных специалистов и быстро завоевала признание среди историков и социологов⁹³. В частности, М. Роджерс сформулировал значение книги Дж. Голдстоуна следующим образом: «Это – книга, которая должна заставить историков заново обдумать эру между XV и XIX веками»⁹⁴.

Отличительной чертой демографически-структурной теории является новый, структурный подход: в то время как неомальтузианская теория рассматривала население и экономику в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру – народ, государство и элиту – и анализирует взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения.

Прежде всего, Дж. Голдстоун дает определение составляющих структуру элементов. Государство, по Дж. Голдстоуну, это учреждения, являющиеся носителями централизованной и предписывающей законы власти, включая отдельных лиц, управляющих этими учреждениями. В частности, государство включает монархов, их придворных, чиновников, судей и армию. Элита – это лица, имеющие исключительное общественное или имущественное положение: дворянство, крупные землевладельцы, купцы, высшие чиновники и т. д. Все остальное население составляет третий элемент структуры – простой народ, или просто «народ»⁹⁵.

Элементы структуры взаимодействуют между собой. Государство обеспечивает народу и элите защиту от антиобщественных элементов и внешних врагов, а также заботится о поддержании экономического роста; для обеспечения этих функций оно собирает налоги, то есть отнимает у народа часть ресурсов. Элита по традиции обеспечивает государство кадрами чиновников и офицеров (а иногда и солдат). Она также отнимает у народа часть ресурсов, в частности, в виде ренты с принадлежащих ей земель, и негативно реагирует на попытки государства увеличить свою долю. Таким образом, государство, элита и народ находятся в состоянии постоянной борьбы за ресурсы – и динамику этой борьбы необходимо учитывать при определении тех ресурсов, которые остаются у простого народа⁹⁶. (Здесь Дж. Голдстоун неявно учитывает критику неомальтузианской теории марксистскими историками).

Необходимо подчеркнуть, что Дж. Голдстоун, следуя за Т. Скочпол⁹⁷ и современной американской школой исторической социологии, рассматривает государство как относительно независимый элемент социальной структуры. Государство, принимающее, в частности, форму абсолютной монархии, в принципе, способно проводить этатистскую политику, не совпадающую с интересами элиты, и его взаимоотношения с элитой (и наро-

дом) представляют собой сложный комплекс сотрудничества и противостояния – но в обычной ситуации сотрудничество все же преобладает⁹⁸.

Далее Голдстоун вводит понятие *государственного кризиса* – это ситуация, в которой значительная часть элиты и народа полагает, что политика государства является неэффективной, несправедливой или устаревшей, не отвечающей современным нуждам. В период кризиса противостояние между элементами общественной структуры начинает преобладать над сотрудничеством и борьба за ресурсы становится более острой. Государственный кризис может быть вызван, например, поражением в войне, банкротством казны или неспособностью подавить беспорядки – но часто является следствием неспособности государства справиться с нарастающими экономическими проблемами⁹⁹.

Другое важное понятие, вводимое Голдстоуном, – это понятие «разрушения государства», *«брейкдауна»*, ситуации, когда государственный кризис приводит к выступлениям элиты против государства и к народным восстаниям, направленным как против государства, так и против элиты; эти выступления и восстания, в конечном счете, порождают гражданскую войну. Брейкдаун может завершиться изменением основных форм экономической организации и собственности – то есть полномасштабной социальной революцией, но, в теории, этого может и не произойти¹⁰⁰.

Наиболее существенным моментом демографически-структурной теории является анализ того, как структура «государство-элита-народ» реагирует на рост населения. В своем исследовании Дж. Голдстоун обобщил материалы, полученные путем изучения социально-политических кризисов XVII века в Англии, Франции, Испании, Китае, Османской империи, а также кризисов конца XVIII – XIX века во Франции, Германии, Китае, Японии. Тщательное изучение обширного материала позволило американскому исследователю сделать вывод о том, что рост населения является главным фактором, приводящим сначала к кризису государства, а затем к брейкдауну, и иногда – к социальной революции¹⁰¹.

Описывая воздействие демографического роста на основные элементы структуры, Дж. Голдстоун отмечает, прежде всего, изменения в положении народа («динамику народа»). Рост населения приводит к крестьянскому малоземелью, росту цен и ренты, падению потребления, разорению крестьян, миграциям в города, к безработице, нищете, неурожаю, продовольственным бунтам, попыткам конфискации земель у помещиков¹⁰². Легко видеть, что выводы Голдстоуна в этой части его исследования идентичны положениям неомальтузианской теории – но Голдстоун усложняет эту теорию, обращая внимание на то, что демографический рост приводил к нелинейной реакции в нижних слоях населения. Американский исследователь иллюстрирует эту реакцию на следующем примере. Допустим, пишет Голдстоун, что в начальный момент 90% населения имеет земельные участки, наследующиеся по принципу майората, а остальные 10% составляют безземельные. Если допустить, что через какое-то время население увеличится вдвое, то при этом численность безземельных возрастет не вдвое, а в

11 раз, причем значительную часть не обеспеченного средствами существования населения составит молодежь. Таким образом, рост населения приводит к резкому усилению социального расслоения и огромному увеличению численности бедных и нищих. Такая нелинейная реакция, утверждает Голдстоун, приводит к тому, что социально-экономический кризис начинается задолго до того, как образуется реальное перенаселение. Поэтому Голдстоун не рассматривает связи между перенаселением, голодом и сокращением численности населения. Имеется еще один пункт расхождения с классическим неомальтузианством: Дж. Голдстоун (вслед за Р. Ли) считает, что вековые циклы имеют экзогенный характер и, как рост, так и уменьшение численности населения объясняется благоприятными или неблагоприятными изменениями климата¹⁰³. Поэтому, в частности, Дж. Голдстоун формально не считает себя мальтузианцем, полагая, что созданная им теория имеет новое качество¹⁰⁴. Однако некоторые последователи Дж. Голдстоуна указывают на очевидную связь демографически-структурной теории с неомальтузианским подходом. П. Турчин, в частности, показал, что предположение Дж. Голдстоуна об экзогенном характере вековых циклов, по существу, является излишним, что эти циклы естественным образом объясняются из мальтузианского постулата о связи между естественным приростом и потреблением¹⁰⁵. *Таким образом, мы можем рассматривать демографически-структурную теорию, как новую ступень в развитии концепции демографических циклов.*

Переходя к влиянию демографического роста на государство («динамике государства»), Дж. Голдстоун констатирует, что происходящий одновременно рост цен обесценивает государственные доходы, поэтому государство вынуждено повышать денежные ставки налогов – тем более, что рост населения вызывает рост расходов. С другой стороны, обедневшее население оказывается не в состоянии платить налоги в требуемом размере – в результате государство постепенно приближается к финансовому кризису, банкротству и потере управляемости¹⁰⁶.

Демографический рост определяет и динамику элиты. С одной стороны, доходы элиты растут за счет роста земельной ренты, но с другой стороны рост численности элиты приводит к резкому росту числа претендентов на статусные позиции (например, на владение поместьем или занятие высокой должности). Число претендентов растет в той же пропорции, в какой растет число безземельных, и намного перекрывает рост доходов. К тому же значительное число статусных должностей – это должности чиновников, а государство не может увеличивать свои штаты ввиду финансового кризиса. В таких условиях происходит резкое расслоение элиты, ее распад на отдельные фракции, вступающие в борьбу за статусные позиции. Эта борьба ведется как внутри элиты, так и с государством, от которого элита требует финансовой поддержки, то есть передела долей в распределении поступающих от народа ресурсов. Наконец, возрастает и давление элиты на народ, что вызывает резкое сопротивление со стороны обедневшего населения¹⁰⁷.

Таким образом, демографический рост вызывает государственный кризис – значительная часть элиты и народа приходит к убеждению, что государство не в состоянии эффективно контролировать экономическую ситуацию и, тем более, защищать их интересы. Рост оппозиционных настроений находит свое выражение в распространении неортодоксальных религиозных и идеологических течений. Распространению диссидентства способствует также и то обстоятельство, что находящееся в финансовом кризисе государство не может в достаточной мере финансировать ортодоксальную церковь. Вслед за финансовой опорой государства рушится и его идеологическая опора. В этой ситуации конфликт между государством и элитой может привести к тому, что оппозиционные фракции элиты призывают на помощь народ или просто откроют двери народному восстанию. При этом, отмечает Дж. Голдстоун, народ имеет свои собственные побуждения и импульсы, и его проще поднять на восстание, чем управлять им – он легко может обратиться против элиты¹⁰⁸. В итоге, бессилие государства, выслушения элиты и народные восстания приводят к гражданской войне и брейкдауну.

Дж. Голдстоун особо касается роли внешних войн в разрушении государства – то есть роли того случайного фактора, которому придают большое значение критики неомальтузианской концепции. Отвечая тем историкам, которые придают главное значение в кризисе XVII века Тридцатилетней войне, а в объяснении русской революции – Первой мировой войне, Дж. Голдстоун указывает, что войны являются обычным явлением истории, что в 1550-1815 годах в Европе было всего несколько десятилетий без войн. Наибольшая интенсивность европейских войн приходится на 1688-1714 и 1800-1815 годы, но в это время не было никаких революций. Отсюда следует, что война способствовала брейкдауну в периоды высокого демографического давления, но не могла вызвать брейкдаун в периоды низкого давления¹⁰⁹.

Переходя к анализу революций XIX века, Дж. Голдстоун отмечает, что с индустриализацией Западной Европы после 1850 года демографический рост уже не мог привести к разрушению государства. *Но Россия, Китай и Османская империя с их сохранившейся традиционной экономической, политической и социальной структурой, остались уязвимыми к демографическому давлению, которое продолжало нарастать в XIX веке и привело к брейкдауну в начале XX века*¹¹⁰. Таким образом, Дж. Голдстоун утверждает, что демографически-структурная теория применима для объяснения русской революции начала XX века, но не разрабатывает эту тему, которая, очевидно, требует особого исследования.

Такого же мнения придерживается Питер Турчин, давший в недавно вышедшей монографии «Историческая динамика»¹¹¹ краткий обзор истории России с точки зрения теории Дж. Голдстоуна. Книга П. Турчина заслуживает внимания и в другом отношении: в ней делается попытка построения имитационной модели, воплощающей основные положения демографически-структурной теории. П. Турчин превратил вербальную схе-

му Дж. Голдстоуна в теорию, описанную на математическом языке, и с помощью анализа временных рядов произвел проверку предсказаний этой теории с конкретно-историческими данными. Таким образом, было показано, что теория Дж. Голдстоуна (так же, как и мальтузианская теория) может быть описана в терминах экономико-математических моделей, что существенно увеличивает ее прогностические возможности¹¹².

На возможность использования демографически-структурной теории для объяснения российской истории (но в применении к другому периоду) указывал также известный американский русист Честер Даннинг, специалист по истории Смутного времени. Изучая причины российского брейкдауна начала XVII века, Ч. Даннинг указал на явления, совпадающие с характерными признаками государственного кризиса по Голдстоуну: на рост населения, сопровождаемый ростом цен, на финансовый кризис государства, на обеднение, раскол и фракционирование элиты. Отмечая необходимость более подробного исследования этого вопроса, Ч. Даннинг делает осторожный вывод, что «как кажется, модель Голдстоуна применима для России»¹¹³.

Таким образом, исследование вопроса о том, в какой степени демографически-структурная теория может объяснить процессы и факты русской истории является достаточно актуальным. Это исследование и является целью книги, предлагаемой вниманию читателя. Мы рассмотрим также некоторые вопросы, не обсуждавшиеся в книге Дж. Голдстоуна, но ставившиеся неомальтузианской теорией – например, вопрос о происхождении российского этатизма и самодержавия. Таким образом, предполагается шаг за шагом рассмотреть важнейшие факты, явления и процессы социально-экономической истории России и проанализировать, могут ли эти факты получить объяснение исходя из неомальтузианских или демографически-структурных представлений.

Однако для того, чтобы сделать определенный вывод о том, что данный конкретный процесс является результатом влияния демографического фактора, нужно рассмотреть также вопрос том, не может ли он быть проявлением действия других факторов – то есть рассмотреть возможность (хотя бы некоторых) альтернативных объяснений. Отсюда возникает необходимость проведения краткого анализа роли других факторов: это поможет нам указать на место демографического фактора в общем балансе сил, исследовать область его влияния и характер взаимодействия с другими силами.

1.2.2. Необходимость учета альтернативных объяснений

При позитивном восприятии теории Дж. Голдстоуна в целом, некоторые историки указывали на необходимость учета, кроме демографической динамики, и других важных факторов.

В частности, Ч. Даннинг, обсуждая вопрос о перспективности применения демографически-структурной теории, указывает на важное влияние еще одного фактора – фактора военно-технических (и просто технических)

инноваций. Наиболее важной военно-технической инновацией рассматриваемого периода было распространение огнестрельного оружия. Социально-экономические последствия этого процесса были рассмотрены Майклом Робертсом, создавшим теорию «военной революции», под которой понимается революция в военной технике, тактике и стратегии, повлекшая за собой создание вооруженных огнестрельным оружием постоянных наемных армий. Содержание таких армий, в свою очередь, потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «военно-бюрократическим абсолютизмом». Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания¹¹⁴.

Теория «военной революции» дает альтернативное объяснение кризису XVII века в европейских странах, и, по мнению Ч. Даннинга, может быть применена и для объяснения кризиса конца XVI – начала XVII века в России¹¹⁵.

Другой фактор, который необходимо учитывать при анализе конкретных исторических событий – это фактор внешних влияний, которые могут проявляться во вторжении завоевателей, в военном или экономическом давлении, а также в *диффузии* идей, технических изобретений или социально-политических институтов. Технические инновации часто распространяются путем диффузии, поэтому фактор внешних влияний тесно связан с техническим фактором. Появление нового оружия вызывает волну завоеваний, и находящимся перед фронтом волны противникам не остается ничего иного, как поспешно заимствовать это оружие, а вместе с ним военную организацию, которая обычно является частью социальной системы. Однако фактор внешних влияний (или фактор диффузии) действует в более широкой области, чем область действия технического фактора; процесс заимствования распространяется на другие социальные и культурные институты, и, как показывает пример реформ Петра I, может привести к глубокой трансформации общества. В приложении к допетровскому периоду русской истории проблема диффузии инноваций была рассмотрена в статье В. В. Алексеева, С. А. Нефедова, И. В. Побережникова «Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии»¹¹⁶.

Для периода Нового времени процессы, определяемые факторами технических инноваций и внешних влияний, в широком плане рассматриваются в рамках *теории модернизации*. По определению одного из создателей этой теории С. Блэка, модернизация – это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической

революцией, которая сделала возможным контроль за средой обитания¹¹⁷. Европейская научно-техническая революция началась во времена Ренессанса, и достигла значительных успехов в XVI-XVII веках, она привела к развитию мануфактур и торговли и вызвала к жизни «просвещенный абсолютизм» с его централизацией и бюрократизацией¹¹⁸. При этом страны, находившиеся на периферии Европы, практически сразу же стали перенимать достижения Запада. «Начиная с конца XV века в России и несколько позже в Турции, – писал С. Блэк, – была принята система политического использования западной техники и специалистов, чтобы модернизировать войско и бюрократию, строить укрепления и общественные здания, создавать фабрики и осваивать природные ресурсы. Эта политика приняла наиболее активную форму в России при Петре Великом...»¹¹⁹ Таким образом, как отмечают А. Б. Каменский и А. Н. Медушевский, модернизация приняла в России форму европеизации или вестернизации – преобразования общества по западному образцу¹²⁰. Однако это преобразование было лишь частичным, западные учреждения принимались скорее с целью защиты традиционного российского общества против иностранных вторжений, чем для осуществления фундаментальной модернизации. При этом наиболее ярким проявлением этой «защитной» модернизации был рост централизации и бюрократизации государства – в этих положениях теория модернизации смыкается с теорией «военной революции»¹²¹.

Модернизация не сводилась к простому перениманию отдельных западных институциональных и технических инноваций, в процессе этого перенимания происходил синтез привнесенных и традиционных элементов. «Во многих обществах, – писал Д. Рюшмейер, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры... Частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур»¹²². Более того, такое частично модернизированное общество может существовать в течение поколений и развиваться по своей, определенной толчком частичной модернизации траектории, отличной от траектории развития Запада. При этом – если это общество достаточно сильно для проведения изоляционистской политики – оно может некоторое время отторгать дальнейшие диффузионные импульсы, идущие с Запада. Таким образом, модернизация в периферийных странах распадается на два процесса – эндогенное развитие как следствие частичной модернизации и экзогенное развитие под действием постоянной диффузии, которая, однако, может частично блокироваться.

В конце XVIII века европейская модернизация вступила в новый этап – этап промышленной революции. «Триста лет назад... – писал Элвин Тоффлер, – произошел взрыв, ударная волна которого обошла всю землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была промышленная революция. Высвобожденная ею ги-

гантская сила, распространявшаяся по миру... пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов»¹²³.

Техническая революция сделала возможным применение машин, что открыло невиданные перспективы для экономического роста. Началась индустриализация, сопровождавшаяся перемещением значительных масс населения из сферы сельскохозяйственного производства в сферу промышленности. Развитие транспорта, торговли и сельскохозяйственных технологий позволило индустриальным странам Запада резко увеличить «средства существования» для своих народов и снять мальтузианские ограничения. Промышленная революция дала в руки европейцев новое оружие, и военная экспансия Запада привела к резкому усилению процесса вестернизации.

«Теория вестернизации» была подробно разработана в работах Теодора фон Лауэ, одного из наиболее известных историков XX века¹²⁴. Согласно теории фон Лауэ, процесс вестернизации был главным содержанием мировой истории XIX-XX веков; он был обусловлен военным, техническим и культурным превосходством Европы – результатом промышленной революции, которая началась в Англии в конце XVIII столетия. Государства, оставшиеся независимыми, были вынуждены перед лицом военного и экономического давления спешно перенимать вооружение, технику, промышленную и социальную организацию, материальную, а затем и духовную культуру Запада¹²⁵. Вестернизация наносила сокрушительные удары по традиционной культуре и традиционным общественным отношениям. «...Господство Запада делается явным не только в прямолинейной форме превосходящих машин или экономического вторжения, – писал фон Лауэ, – но в более коварной форме всеобщей модели. Эта форма давления, наименее заметная среди инструментов империалистов, была все же наиболее мощной и действовала как постоянная тихая подрывная деятельность. Она разрушала престиж традиционной власти и подрывала преданность людей к их традициям и к их правительству. Никогда во всей истории не существовало такой обширной подрывной силы, как сила Запада... Почти все, что делал белый человек, вплоть до его прихотей, вызывало подражание, иногда просто потому, что это было необычным. Некоторые важнейшие понятия, подобно демократии и свободе, носили такой ореол престижа, что и сегодня они служат как ключевые лозунги – и даже в тех в странах, которые извратили их значение в противоположное... То же самое изливание западных норм, которое подорвало различные неевропейские цивилизации, ниспровергало также традиции и нравы имперской России. Тихая революция извне разрушала традиционную власть царской России намного раньше того, когда она физически разрушилась»¹²⁶.

Мы не ставим перед собой цель подробного изложения теорий «военной революции», модернизации и вестернизации, изложению этих теорий и анализу развития России с позиций модернизации и вестернизации посвящена многочисленная литература¹²⁷. В данном случае речь идет лишь о том, чтобы указать на возможность альтернативных объяснений историче-

ского процесса. При рассмотрении конкретных явлений российской истории мы будем иметь возможность вернуться к этим теориям и на конкретном материале кратко проанализировать роль факторов технических инновации и внешних влияний. Как отмечалось выше, наша цель состоит в том, чтобы отделить результаты их действия от результатов действия демографического фактора – или, по крайней мере, попытаться сделать это, чтобы установить роль демографического фактора в общем балансе сил.

Как отмечалось выше, критики мальтузианской теории указывали также на существенную роль *климатического фактора*. Чтобы не возвращаться к этой теме в каждой главе, мы приведем здесь сводку сведений М. Е. Ляхова о среднегодовых температурах и числе засушливых и дождливых годов в центральной части Европейской России по 30-летиям.

Анализируя табл. 1, прежде всего, нужно отметить отсутствие корреляции между средней температурой лета и количеством засух: коэффициент корреляции равен $-0,31$, то есть засух, как ни странно, было больше в относительно холодные периоды. Очень слаба корреляция между температурой лета и дождливыми сезонами ($-0,37$). Это означает, что глобальные температурные сдвиги не играли существенной роли в сельскохозяйственных кризисах.

Периоды	Экстремальные сезоны			Средняя температура		Фазы цикла
	засушливые	дождливые	сумма	годовая	летняя	
1471-1500	4	3	7	3,9	17,4	0
1501-1530	3	4	7	4,2	17,8	0
1531-1560	3	3	6	4,1	17,6	0,5
1561-1590	3	4	7	4	17,4	1
1591-1620	3	4	7	3,7	17	1
1621-1650	3	0	3	3,7	17,3	0
1651-1680	5	1	6	3,7	17,4	0
1681-1710	2	4	6	4	17	0
1711-1740	3	1	4	3,9	17	0
1741-1770	2	1	3	3,9	17,3	0
1771-1800	1	2	3	3,9	17,9	0
1801-1830	7	0	7	4,1	18	0
1831-1860	9	0	9	3,7	17,3	0,5
1861-1890	5	2	7	3,3	16,4	0,5
1891-1920	9	6	15	3,5	16,3	1

Табл. 1.1. Среднегодовые температуры и число экстремальных сельскохозяйственных сезонов за 30-летние периоды¹²⁸

Кроме того, отсюда, по-видимому, следует, что летописцы отмечали большей частью те неурожаи, которые повлекли существенные последствия в виде повышения цен или голода, иногда пропуская недороды, которые имели место в благоприятные в целом периоды. Чтобы проверить это предположение мы (немного забегая вперед) указали для каждого периода соответствующую фазу демографического цикла: 0 – фаза роста, 0,5 – фаза Сжатия и малоземелья, 1 – экосоциальный кризис. Оказалось, что коэффициент корреляции между фазами цикла и числом экстремальных сельскохозяйственных сезонов равен 0,63, то есть существует, хотя и не очень сильная, связь между числом неурожая и фазой цикла. Таким образом, мы можем, в целом, принять цитированную выше точку зрения Д. Григга: неурожаи бывали во все времена, но они оказывались тяжелыми и даже катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда у крестьян не было запасов зерна и популяция была ослаблена постоянным недоеданием – то есть климатический фактор лишь усиливал эффект перенаселения.

Как отмечалось выше, критики неомальгузианства приписывали большое значение также *фактору внешних войн*. Роль этого фактора будет рассмотрена в последующих главах в контексте объяснения конкретных исторических событий. При этом мы будем опираться на достаточно хорошо аргументированную точку зрения Дж. Голдстоуна о том, что война может вызвать брейкдаун лишь в том случае, если государство уже находилось в состоянии кризиса.

Необходимо отметить, что в работах различных историков действующие факторы исторического процесса выделяются неоднозначно¹²⁹. Наше выделение в основном совпадает со схемой, предложенной Л. Е. Грининым¹³⁰. И. В. Побережников¹³¹, кроме упомянутых выше факторов, считает необходимым учитывать *экономические сдвиги* и изменения *нормативных систем* – то есть изменение социальных стереотипов, традиций, обычаев. Изменения и сдвиги в этих сферах обычно обусловлены демографическим, техническим и диффузионным факторами, поэтому в нашем исследовании мы не рассматриваем эти факторы как независимые. Фактически выделение действующих факторов лимитируется наличием разработанной теории, которая детально описывала бы механизм действия данного фактора и позволяла бы провести соответствующий анализ в конкретной ситуации. Таких теорий сравнительно немного – к их числу относятся упомянутые выше теории модернизации, вестернизации и военной революции. Иногда в качестве альтернативного объяснения предлагается также цивилизационный подход, но сторонники этого подхода признают слабость теоретической базы цивилизационной концепции¹³². А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов отмечают, что слабым местом классического цивилизационного подхода является объяснение динамики цивилизационного процесса и расплывчатость самого термина «цивилизация»¹³³.

Выше шла речь о необходимости учета постоянно действующих факторов. По мере возможности, в предлагаемом исследовании будет обсуждена также роль случайных факторов – таких, как эпидемии, династиче-

ские кризисы, характер воспитания некоторых царей, случайные политические события и т. п. При этом желательной целью является отделить случайное от закономерного и выделить роль закономерности в формировании исторического процесса. Конечно, это удастся далеко не всегда, но поиск закономерностей является конечной целью любого научного исследования.

1.2.3. План исследования

Демографически-структурная теория описывает различные сферы социально-экономической жизни, поэтому проверка применимости этой теории и интерпретация социально-экономической истории России на ее основе требует проведения достаточно сложного и многостороннего комплекса исследований.

Обычная схема анализа подразумевает выделение в реальном историческом процессе демографического цикла. Этот процесс предполагает проверку наличия классических признаков каждой фазы цикла (см. п. 1.1.2.). Напомним, что для первой фазы, фазы роста, характерны наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества. Затем, согласно теории, необходимо проверить наличие признаков следующей фазы, фазы Сжатия. Для этой фазы характерны отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы, замедление или приостановка роста населения, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, высокий уровень смертности и другие признаки, перечисленные в п. 1.1.2. В соответствии с теорией нехватка земли и перенаселение в деревне вызывает рост миграции в города и в малонаселенные районы. Поэтому необходимо провести анализ данных о численности городского населения, о заработной плате рабочих, ценах на хлеб и уровне потребления, о распространении отходничества. Малоземелье вынуждает крестьян заниматься промыслами и искать работы на мануфактурах и позднее, на фабриках. В этой связи необходим анализ данных об увеличении численности промышленного, мануфактурного и фабричного населения в сопоставлении с обеспеченностью крестьян землей.

Таким образом, задача исследования состоит, в первую очередь, в изучении динамики макроэкономических и демографических параметров. Сюда входят данные о численности населения, рождаемости и смертности, посевных площадях, урожайности, обеспеченности землей, производстве зерна и его экспорте, о ценах, уровне арендной платы, доле зерна, идущей на потребление крестьян, на расходы землевладельцев и на уплату нало-

гов. Для XVI – XVIII веков такие данные часто фрагментарны, рассеяны по различным источникам, требуют критического анализа и систематизации. Для XIX – начала XX века наличие статистической информации позволяет строить временные ряды данных, что открывает возможности для статистического анализа с целью выделения трендов и обнаружения корреляционных связей. Полученные тренды анализируются на предмет соответствия классической картине мальтузианско-рикардианских циклов.

В то же время нужно признать, что для России с ее огромной территорией и большими региональными различиями средние величины сравнительно малоинформативны. В периоды, для которых это возможно, необходим анализ перечисленных выше процессов по регионам. Мы будем рассматривать в основном два региона – Центральный (или Центрально-Промышленный) и Черноземный (или Центрально-Черноземный) регионы, иногда привлекая данные для Северо-Запада и Поволжья.

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание анализу динамики отношений и распределения ресурсов в структуре «государство-элита-народ». Этот анализ требует рассмотрения динамики государства и динамики элиты. Динамика государства – это, прежде всего, динамика государственных доходов и расходов, размеры налогов и повинностей, размеры государственного долга, динамика недоимок по различным регионам. В это понятие входят также элементы, характеризующие силу государства по отношению к элите и народу – численность чиновничества, армии и полиции, степень контроля со стороны государства за войском, элитой, церковью и т. д. Рассмотрев динамику государства, мы сможем ответить на вопрос о наличии в российской истории государственных кризисов и брейкдаунов.

Динамика элиты включает численность дворянства, размеры имеющих в его распоряжении материальных ресурсов, размеры поместий, число крепостных у различных категорий дворянства, уровень ренты и уровень доходов. Анализ динамики доходов элиты и их распределения помогает фиксировать периоды кризиса элиты, для которых, согласно теории, характерны такие явления, рост недовольства элиты, ее стремление увеличить ренту, повышение ее претензий к государству, попытки перераспределения ресурсов в свою пользу, фрагментация элиты, появление в ее среде антиправительственных группировок. Для иллюстрации тезиса о внутриэлитной конкуренции привлекаются данные о численности дворянства и недворянских элементов в правительственном аппарате, в гражданских учреждениях и армии. Для XIX века важным показателем интенсивности конкуренции за хорошо оплачиваемые «классные» места в административном аппарате являются данные о росте числа учащихся в средних школах и высших учебных заведениях. Необходимо использовать также косвенные данные о внутриэлитных конфликтах, в частности, на основе пропагандистских компаний в прессе, данных об участии различных слоев в антиправительственной деятельности (с использованием статистики государственных преступлений).

Изучение динамики отношений в структуре «государство-элита-народ» предполагает также анализ социальной напряженности, характеризующейся численностью и частотой крестьянских (и рабочих) выступлений, анализ значения крестьянских восстаний для перераспределения ресурсов. Для этой темы представляется важным также рассмотрение последствий дворянских выступлений и изучение вопроса о степени контроля со стороны элиты над государством (в периоды господства элиты). Необходимо обратить особое внимание на случаи, когда изменение отношений в структуре «государство-элита-народ» не сводилось к перераспределению ресурсов, но имело качественный характер: речь идет о *создании новых отношений внутри структуры, об определенном качественном изменении составляющих ее элементов и принципов их взаимодействия – о трансформации структуры*. (Отметим, что понятие трансформации структуры отсутствует у Дж. Голдстоуна и вводится здесь впервые с целью учета одного из немногих критических замечаний, высказанных в адрес книги Дж. Голдстоуна¹³⁴). Трансформации структуры имеют чрезвычайно важное значение, в частности, потому, что они приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов. Такое масштабное перераспределение ресурсов, в свою очередь, влияет на темпы роста населения; поэтому необходимо исследовать случаи, когда масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства или элиты приводит к сокращению ресурсов народа и стагнации населения (или наоборот, расширение ресурсов народа приводит к увеличению темпов естественного прироста). При этом важное значение имеют причины таких трансформаций, и существенный вопрос – можно ли объяснить их с помощью демографически-структурной теории, или необходимо привлечение других объяснительных концепций.

Наконец, переходя к анализу заключительных фаз демографических циклов, мы постараемся прояснить вопрос о том, в какой степени такие кризисы, как Смута и революции начала XX века, могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории, и в целом, в рамках неомальтузианской парадигмы.

Необходимо отметить, что очерченные здесь задачи исследования, естественно, ограничиваются его источниковой базой – если для второй половины XIX века в источниках, как правило, имеются необходимые статистические материалы, то для других периодов отмечается их недостаток и фрагментарность, и это делает проводимый анализ менее фундированным.

ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

2.1. Период восстановления и роста

2.1.1. Становление Московского царства

Демографически-структурная теория изучает исторические процессы, протекающие в рамках структуры «государство-элита-народ», и наше исследование начинается с периода формирования этой структуры – с создания единого Российского государства во второй половине XV столетия. При этом необходимо отметить, что существенным моментом, ограничивающим поле деятельности историка, является наличие соответствующих исторических источников. Как известно, достаточно представительные источники по аграрной истории России появляются только с конца XV века, со времени составления новгородских писцовых книг – причем появление этих источников было непосредственно связано с рождением нового государства: писцовые книги были своеобразным проявлением этой новой государственности в фискальной сфере. Таким образом, момент рождения новой структуры естественным образом совпадает с появлением массовых источников, позволяющих исследовать эту структуру.

Определение 70-80-х годов XV столетия как нижней границы нашего исследования не означает, что анализ более ранних периодов с точки зрения концепции демографической цикличности в принципе невозможен – попытка такого анализа была сделана в одной из наших работ¹. Не пересказывая содержания этой работы, отметим, что ее главный вывод подтверждает мнение многих исследователей о том, что первая половина XV века была временем тяжелого социально-экономического кризиса. Этот кризис сопровождался голодом, эпидемиями, внутренними войнами, иноземными нашествиями и, в конечном счете, привел к значительному сокращению численности населения². Таким образом, созданию Московского царства предшествовал тяжелый экосоциальный кризис, после которого страна вступила в период восстановления.

В контексте демографически-структурной теории период 1470-1490-х годов важен тем, что в это время формировались отношения в новой создающейся структуре «государство-элита-народ». В этот период определилась доминирующая роль одного из элементов структуры, государства, и выявились характер и принципы распределения ресурсов в новой структуре. Таким образом, нам предстоит кратко рассмотреть, как формировалась новая структура и устанавливались новые (или трансформировались старые) социальные и сословные отношения. Необходимо кратко описать

составные элементы этой структуры и основные принципы взаимодействия между этими элементами, и, в частности, особенности российской структуры «государство-элита-народ» по сравнению с европейскими структурами. В соответствии с теорией, это описание должно стать основой для дальнейшего изучения динамики отдельных элементов структуры и динамики структурных связей.

Как известно, одним из определяющих моментов создания нового Российского государства было присоединение новгородских земель. Вслед за этим присоединением, зимой 1487-88 года великий князь Иван III выселил всех богатых новгородцев, отправил в Москву 7 тысяч «житых людей» и вселил на их место москвичей. Практически все земли Новгорода – кроме немногочисленных крестьянских земель – были конфискованы; затем была проведена перепись и осуществлено первое массовое наделение воинов поместьями³.

Эта небывалая до тех пор на Руси акция имеет огромное значение: она положила начало созданию *поместной системы*, системы, которая легла в основу нового российского государства, новой структуры «государство-элита-народ». Впрочем, от времени Ивана III не сохранилось детального описания поместной системы, такие документы относятся к середине XVI века. В соответствии с порядками того времени воину за его службу давали от государя поместье с крестьянами – однако это поместье оставалось государственной собственностью; помещику причитались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. Поместье было небольшим, молодой воин, «новик», получал не больше 150 десятин земли – порядка десяти крестьянских хозяйств. Если воин на смотре или в походе вызывал недовольство командиров, то поместье могли отнять; если помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали⁴.

В 1480-х годах перепись проводилась не только в Новгороде: переписывались земли бывшего Белозерского, Ярославского и Ростовского княжеств, недавно присоединенных к землям великого князя. Специалисты обращают внимание, что при этих переписях проводилась проверка владельческих грамот и многие земли были конфискованы в казну. У местных бояр и детей боярских отнимали лучшие деревни, их записывали на великого князя и затем раздавали в поместья (иногда – бывшим владельцам). В 1490-х годах переписи распространились на другие уезды, в течение двадцати лет княжеские дьяки описывали уезд за уездом – это было сплошное описание земель великого княжества⁵. При этом большинство вотчинников лишались податных иммунитетов, отныне они были обязаны нести службу и платить налоги в казну. Иммунитетные привилегии в свое время были пожалованы вотчинникам за их службу, теперь они отнимались – но обязанность служить при этом не отменялась, все вотчинники (кроме мельчайших) были обязаны военной службой⁶. Известно, что в 1520-х годах существовал порядок (вероятно, появившийся при Иване III), при котором дети боярские были занесены в списки по областям и едва ли не каждый год призывались на службу; перед походом нуждающимся выплачивалось

жалование, но те, кто обладал достаточными вотчинами, были обязаны снаряжаться за свой счет⁷.

Окончательно система обязательной службы вотчинников утвердилась при Иване Грозном, в 1556 году, когда были установлены единообразные нормы службы в зависимости от количества и качества земли. «Введение обязательной службы... – отмечает Р. Пайпс, – означало не более не менее, как упразднение частной собственности на землю»⁸. Действительно, по западным понятиям того времени собственник не был никому обязан служить. Это отметил Р. Ченслор, посетивший Россию в 1550-х годах: «В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти [служить] по требованию государя...»⁹ «Историческое значение поместной системы, – подчеркивает Р. Г. Скрынников, – определялось тем, что с ее организацией в России утвердилась всеобъемлющая государственная собственность. Развитие государственной собственности трансформировало старое боярство периода раздробленности в военно-служилое сословие XVI века»¹⁰.

Огосударствление развивалось и в другом направлении: одновременно с наступлением на права вотчинников шло наступление на податные привилегии монастырей – более того, ставился вопрос о праве церкви владеть деревнями. Иван III собирался конфисковать церковные вотчины; уже были конфискованы церковные земли в Новгороде и в Перми. Только болезнь, воспринятая как проявление «божьего гнева», удержала великого князя от дальнейших действий¹¹.

Еще одним важным моментом в строительстве нового государства была централизация власти, нашедшая свое выражение в постепенном становлении российского самодержавия. «Современники заметили, что Иоанн... явился грозным государем на московском великокняжеском престоле... – писал С. М. Соловьев, – он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание...»¹² После 1485 года Иван III называет себя «господарем всея Руси», а бояре именуют себя «холопами» великого князя¹³. Летописи больше не сообщают о совещаниях царя с боярами, подобных совещанию, которое имело место в 1471 году. На коронации Дмитрия-внука в 1497 году великого князя называют уже не иначе как «самодержцем», а на наследника престола возлагают «шапку Мономаха». Подобно византийскому императору (и турецкому султану) великий князь стремится выступать в роли самодержавного монарха¹⁴.

Самодержавная монархия претендовала на право регулирования отношений в рамках структуры «государство-народ-элита», исходя из принципа «справедливости». К моменту коронации был подготовлен регулирующий эти отношения Судебник 1497 года, а во время коронации митрополит и великий князь дважды обращались к наследнику, повторяя одну ту же фразу: «Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве»¹⁵. Слово «правда» тогда и позже, вплоть до XIX века, понималось как «справедливость»¹⁶, и по мнению

Л. В. Черепнина, этим торжественным актом провозглашалось не более не менее, как начало правосудия на Руси¹⁷.

Как отмечает Ю. Г. Алексеев, «основная идея Судебника 1497 года – приоритет общего над частным, государственного интереса над партикулярным... Приоритет общего над частным, который квалифицируется некоторыми исследователями как показатель бесправия, есть на самом деле следствие и необходимое условие функционирования единого государства как целостного организма, призванного фактически обеспечить жизнь, имущество и интерес подданных этой всеземской общины. Не “закрепление сословий”, а регламентация их прав и обязанностей во имя общего интереса – в этом суть сословной политики Русского государства»¹⁸.

Существенно, что, регулируя отношения между крестьянами, вотчинниками и помещиками, Судебник гарантировал право крестьянского перехода, но ограничил его неделей до и неделей после «Юрьева дня», 26 ноября. По мнению Г. В. Вернадского, эта статья не ограничивала, а гарантировала свободу крестьян, сообразуясь с естественными условиями сельской экономики. Она предлагала для перехода самое удобное время: после сбора урожая крестьяне могли рассчитаться со своими долгами и перейти на другое место к началу сельскохозяйственных работ¹⁹.

В контексте демографически-структурной теории движение к самодержавию означало перераспределение ресурсов между государством и элитой в пользу государства, поэтому оно сопровождалось конфликтом великого князя с боярским окружением. Конфликт развивался постепенно, начиная с 1480-х годов, и подспудно тлел на протяжении второй половины правления Ивана III. В этот период не было многочисленных казней (был казнен лишь один боярин), но опалы были весьма многочисленны. По-видимому, одной из основных причин конфликта было запрещение боярам переходить на службу к другим князьям (то есть использовать ресурсы своей вотчины вопреки интересам великого князя). Всего за время правления Ивана III опале подверглись не менее восьми боярских родов. Из 19 боярских родов, известных в XIV веке, в 1525 году осталось только шесть, но в то же время боярское сословие было пополнено родственниками великого князя и князьями из Литвы, перешедшими на московскую службу – так что в 1525 году имелось в общей сложности 23 боярских рода²⁰.

Василий III (1505-1533) продолжал политику своего отца и пытался лишить знать ее привилегий. По восточному обычаю после смерти государя все жалованные грамоты должны подтверждаться его наследником²¹ – такой обычай существовал и на Руси. Василий III не подтвердил очень многие жалованные грамоты; после переписей Ивана III это был второй удар по вотчинным привилегиям; после этого податные иммунитеты сохранились лишь у сравнительно немногих монастырей, бояр и князей²². «В течение всего правления Василия III иммунитеты, как правило, принуждались к уплате государственных налогов, а судебные иммунитеты ограничивались путем изъятия из вотчинной юрисдикции тяжб по вопросам душегубства и разбоя», – отмечает С. М. Каштанов²³.

При присоединении Пскова, Смоленска, Рязани Василий III следовал методу, опробованному при овладении Новгородом, – этот метод подразумевал конфискацию земель и выселение знати, а затем испомещение московских дворян²⁴. Отбирая земли у бояр, царь ссылался на справедливость, он говорил, что было «насилые велико черным и мелким людям от посадников псковских и бояр»²⁵.

Василий III был самодержавным государем, недруги обвиняли его в том, что он решает дела «сам-третей у постели». Если Иван III, случалось, выслушивал от своих бояр «укоризные словеса», то его сын никакой «встречи» не терпел. Хотя в правление Василия III появляются первые упоминания о Боярской думе, в те времена она не была установившимся институтом: великий князь советовался с «ближними боярами», но лишь с теми, с кем он считал нужным советоваться по данному делу²⁶. По мнению Герберштейна, Василий III своей властью превосходил всех монархов в мире. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, писал имперский посол: своих братьев, бояр и незнатных подданных, он может присвоить себе имущество любого из них. «Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех; из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним... Они открыто заявляют, что воля государя есть воля божия и, что ни сделает государь, он делает по воле божией»²⁷.

Таким образом, в период становления Московского царства мы видим тенденцию к укреплению самодержавной власти, к созданию *этатистской монархии*. Происходит частичная конфискация земельной собственности бояр, в других случаях частные владения огосударствуются путем обременения их военной службой. Мы наблюдаем, как монархия формирует новую элиту, регулируя положение ее фракций. Важность этой формирующей и главенствующей роли государства в свое время подчеркивал А.В. Романовский-Славатинский, видевший именно в этом «радикальное и основное» отличие российского дворянства от европейской аристократии²⁸. Как признает большинство исследователей, отмечает Н. Коллман, для западной монархии была характерна полная зависимость короля от элиты, а для Московского царства – автократия, не делящаяся своей властью ни с какими социальными группами²⁹.

Характерно, что эта автократия регулирует отношения внутри общества, прибегая к не знакомым на Западе бюрократическим методам – к переписям, земельным кадастрам и обязательным для всего населения законодательным кодексам. Как известно (если не считать «Книгу страшного суда»), переписи и кадастры появились в Европе только вконец XVIII века³⁰.

Как отмечалось выше, в рамках демографически-структурной теории процесс формирования нового Российского государства рассматривается как процесс формирования новой структуры «государство-элита-народ». Конкретной формой этого процесса стало создание поместной системы и огосударствление вотчин, таким образом, государство, с одной стороны,

создавало новую, тесно связанную с ним элиту (поместное дворянство), а с другой стороны пыталось подчинить и инкорпорировать в состав государственных институтов старую элиту, сначала мелких, а затем и крупных вотчинников. Это огосударствление сопровождалось резким перераспределением ресурсов в пользу государства и выдвиганием государства на первое место в структуре «государство-элита-народ», что и означало создание этатистской монархии.

При всей значимости происходившей трансформации, огосударствление вотчин не означало поглощения элиты государством. Вотчины продолжали наследоваться, и элита сохраняла определенную самостоятельность. Но с другой стороны, рядом со старой элитой возникает новое сословие, поместье дворянство, которое по форме является «служилым» – то есть составляет часть государства, но в реальности со временем приближается по своему положению к низшим слоям элиты, детям боярским.

Вопрос о факторах, обусловивших формирование российского самодержавного государства, является чрезвычайно важным, но сравнительно малоизученным³¹. Он имеет значение для нашего исследования, главным образом, в связи с тем обстоятельством, что, как отмечалось выше, рождение этатистской монархии является одним из часто наблюдаемых исходов последней фазы демографического цикла. Согласно неомальтузианской теории, восстания и революции, вызванные перенаселением и голодом, часто порождают диктатуру, осуществляющую перераспределение имущества, прежде всего земли (см. п. 1.1.2).

Действительно, в период кризиса 1420-х годов мы наблюдаем острые социальные конфликты в Новгороде, восстания «черни» против бояр и разграбление боярских дворов³². Этот конфликт не привел к возникновению диктатуры, но он сохранился до 1470-х годов и был использован Иваном III во время присоединения Новгорода³³. Однако основное направление социально-политического развития определялось не новгородским конфликтом, а обстановкой в центральных областях Московского государства. Что же касается собственно Московского княжества, то мы не видим здесь острых социальных конфликтов и выраженной борьбы за землю – прежде всего потому, что в центральных областях еще сохранялись свободные земли; таким образом, демографический фактор не мог стать причиной рождения московского самодержавия.

Историки евразийской школы, Г. В. Вернадский, Ч. Гальперин, Ю. Паленский полагают, что самодержавие на Русь принесли монголы³⁴. «Москва обязана своим величием ханам», – сказал в свое время Н. М. Карамзин. Однако вместе с тем евразийцы отмечают странный парадокс русской истории: «Влияние монгольской модели на Русь дало свой полный эффект только после освобождения Руси от монголов», – пишет Г. В. Вернадский. Вернадский называет этот парадокс «эффектом отложенного действия» и объясняет его тем обстоятельством, что после падения Золотой Орды на службу московскому князю перешли «сонмы татар»³⁵. Это объяснение подтверждается критикой со стороны ряда исследователей³⁶.

Вместе с тем существует мнение, что в рождении российского самодержавия большую роль сыграло влияние Османской империи. На это влияние, в частности, указывали Г. В. Вернадский и Р. Г. Вишпер³⁷. Мы обсудим этот вопрос подробнее в пункте 2.2.4.

Подводя итоги, можно кратко охарактеризовать новую структуру «государство-элита-народ», сложившуюся в общих чертах в правление Ивана III. Это, прежде всего, специфическая форма государства – самодержавная монархия, которая подчиняет себе другие элементы структуры. Этатистский характер этой монархии проявляется в установлении государственной собственности на землю, в принципе обязательной и безусловной службы вотчинников и в регулировании государством отношений внутри структуры путем переписей и законодательных кодексов.

Элита – другой элемент структуры – носит гетерогенный характер. Нижний слой элиты – помещики – полностью подчинен государству, и его отношения с крестьянством регулируются переписями и Судебником. Нижние слои старой элиты – мелкие вотчинники, дети боярские – так же как и помещики, обязаны исполнять личную службу, но в отношениях с крестьянами ограничены лишь Судебником, то есть устанавливают ренту по соглашению с ними. Высшие слои старой элиты – бояре и князья – хотя и обязаны поставлять воинов, но размеры этой службы реально еще не регламентированы. Старая знать сохраняла определенную самостоятельность и враждебно относилась к наступлению самодержавия (см. ниже. п. 2.2.2).

Народ – третий элемент структуры – это, в основном, свободное крестьянство. Повинности крестьян на помещичьих землях регулируются государством, а на вотчинных – общеэкономическими законами спроса и предложения рабочей силы. Крестьяне правоспособны и обеспечены судебной защитой³⁸. Что касается уровня ренты и государственных налогов, то в конце XV века этот уровень был относительно невысоким (см. ниже. п. 2.1.2).

2.1.2. Начало демографического цикла: период восстановления

В контексте демографически-структурной теории нам предстоит далее перейти к рассмотрению процесса влияния демографического фактора на динамику новой структуры «государство-элита-народ». В соответствии с обычным неомальтузианским подходом необходимо, в первую очередь, рассмотреть динамику численности населения, ценной реальной заработной платы.

Кризис XV века привел к значительному уменьшению численности населения, и на Руси создалась ситуация, характерная для начальной фазы нового демографического цикла: малая плотность населения, избыток свободных земель, высокая реальная заработная плата, относительно низкая рента. Приезжавшие в Россию иностранцы писали о больших лесах и избытке хлеба. «Вокруг города (Москвы – С. Н.) большие леса, их ведь вообще очень много в этой стране, – отмечал Амброджо Конгарини. – Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками»³⁹. «Значительную часть Московии занимает Герцинский лес, – записал Паоло Джовио со слов русских послов, – но он там и сям заселен, и повсюду в нем располо-

жены строения. Вообще, от продолжительной работы людей он стал уже гораздо реже...»⁴⁰. Московский посол, повидавший многое грек Георгий Перкамото, рассказывал в 1486 году в Милане, что «в этой стране есть громадное количество крупного и мелкого скота... что у них есть громадное количество зерна, так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы... особенно в тех местах, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто бы мог взять его и отправить в другое место»⁴¹.

Как отмечалось выше, одним из признаков периода восстановления является относительно высокая реальная заработная плата. В 1520-х годах неквалифицированный поденщик в Москве получал 1,5 деньги в день⁴², в переводе на рожь это составляет 9,6 кг зерна⁴³ – это примерно соответствует уровню оплаты работников в Германии в 1490-1510 годах, то есть высокому уровню заработной платы в начале второго европейского демографического цикла⁴⁴.

Относительно размеров ренты известно, что нормой крестьянского участка в центральных областях в начале столетия считалась выть – 15 десятин; с этого надела крестьянин должен был платить оброк или нести барщину: обрабатывать одну десятину под озимые и одну под яровые – то есть в пользу вотчинника шла 1/6 урожая⁴⁵. Земли у крестьян было достаточно; с учетом барщинных полей на двор полагалось 18 десятин – это был большой надел; по новгородским данным, такие наделы обрабатывали неразделенные семьи в 7-8 человек с двумя взрослыми мужчинами и с 2-3 лошадьми⁴⁶; надо полагать, что и в центральных районах преобладали большие семьи. При урожайности ржи сам-3,3 и овса сам-3,1⁴⁷ выть давала 200-210 пудов хлеба; при дворе в 8 человек получалось около 26 пудов на человека. Считается, что душевой минимум потребления зерна в пищу составляет примерно 15 пудов, если зерно расходуется также на корм скоту, то потребление увеличивается до 18 пудов (но в те времена крестьяне не испытывали недостатка в пастбищах и в сене)⁴⁸. Если учесть, что крестьянское хозяйство имело доходы не только от земледелия, но также от животноводства и лесных промыслов, то следует сделать вывод, что уровень потребления крестьян в начале XVI века был относительно высоким.

Необходимо отметить, что поместная система строго фиксировала размеры крестьянской ренты помещикам, причем, как показывает, например, Торопецкая переписная книга 1540 года, оброки были расписаны до мельчайших деталей⁴⁹. Государственные налоги были невелики и составляли в этот период лишь 2,5-3% дохода крестьянина; главным из этих налогов была «дань»⁵⁰. Однако существовали еще государственные отработочные повинности, такие, как ямская гоньба, «городовое дело» (отработка на строительстве укреплений) и «посоха» (выставление воинов с «сох»). Ямская гоньба в начале XVI века была частично переведена на деньги, но в целом государство сохраняло натуральный характер и требовало от населения отработки, стоимость которых трудно поддается оценке⁵¹.

С. М. Соловьев отмечал, что для московских земель правление Ивана III «было самым спокойным, самым счастливым временем»⁵². Голод и мор, татарские нападения – все это на время ушло в прошлое. В актах, оставшихся от этого периода, встречаются многочисленные указания на распахку пустошей, на рост площадей под сельскохозяйственными культурами⁵³. При Иване III в Новгородской земле было проведено две переписи, одна в 1480-х годах, другая – около 1500 года. За время, прошедшее между этими переписями, население увеличилось на 14%, то есть рост был довольно быстрым – порядка 1% в год⁵⁴. Для центральных районов нет статистических данных о росте населения, но имеются примеры, указывающие на рост числа дворов в отдельных волостках или имениях в 1,5, в 2, в 3 раза. Обобщая эти материалы, А. И. Копанев пришел к выводу, что за первую половину XVI века население России увеличилось в 1,5 раза и достигло 9-10 млн.⁵⁵ Другие авторы дают более низкие оценки для абсолютной численности населения в этот период, но все исследователи соглашаются с тем, что рост был очень значительным⁵⁶.

Таким образом, имеющиеся данные об уровне потребления, размерах крестьянских наделов и относительно быстром росте населения в контексте неомальтузианской теории позволяют охарактеризовать период конца XV-начала XVI века как *период восстановления*.

2.1.3. Повышение демографического давления. Порающиеся различия

В соответствии с неомальтузианской теорией, процессом, определяющим социально-экономическое развитие России, был *рост населения*. С ростом населения леса уступали место пашне. Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1526 году, писал о лесах уже в прошедшем времени: «По пням больших деревьев, существующих еще и поныне, видно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой ...» Теперь же, отмечал Герберштейн, «она достаточно возделана усердием и трудами земледельцев»⁵⁷. Ричард Ченслор свидетельствует, что в 1550-х годах область между Москвой и Ярославлем «изобиловала маленькими деревушками, которые так полны народом, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом...»⁵⁸

Наиболее плотно заселенными районами были земли вокруг Новгорода и Пскова. В некоторых районах Новгородчины уже ощущался недостаток земли, так, за время между двумя переписями в Деревской пятине население возросло на 16%, а пашня – только на 6%. В этом районе на крестьянское хозяйство приходилось в среднем лишь 2,3 десятины в одном поле, вдвое меньше, чем в соседней Шелонской пятине. Опережающий рост населения привел к росту цен на рожь, они увеличились с 14 до 20 московских денег за коробью (7-8 пудов)⁵⁹.

Археологи свидетельствуют, что плотность поселений в Деревской пятине (в долине р. Ловать) в этот период была выше, чем когда-либо в прошлом, что стали распахиваться неиспользуемые ранее глинистые почвы⁶⁰. Начинается массовое применение удобрений; это свидетельствует об

окончательном формировании трехпольной системы земледелия (в прежние времена переход к трехполью без удобрений приводил к быстрому «выпахиванию» земель). Известно, что переложная система требовала объединения усилий для сведения леса и долгое время способствовала сохранению большой семьи. С окончательным переходом к трехполью большая семья распадается на малые семьи. Для некоторых районов новгородчины сохранились статистические данные, свидетельствующие о процессе распада больших семей, так в Старорусском уезде в 1498 году на двор приходилось в среднем 1,6 семьи, а в 1539 году – 1,28 семьи⁶¹.

До присоединения к Москве новгородчина была краем крупного землевладения, где крестьяне были обременены тяжелыми оброками (половники платили до половины урожая). После присоединения на землях, отписанных на государя, оброки переводились на деньги и значительно уменьшались, но на землях, переданных помещикам, повинности почти не менялись – иногда даже немного возрастали⁶². Таким образом, положение крестьян на Северо-Западе значительно отличалось от положения в центральных областях, где, как отмечалось выше, обычная рента составляла шестую часть урожая. Это отличие было следствием исторической традиции, сложившейся в перенаселенном регионе, но также и следствием того, что после конфискации Ивана III государство использовало Новгородчину как основной источник своих ресурсов – именно здесь располагался основной массив дворцовых и поместных земель.

В табл. 1.1 представлены данные о доходах крестьян, оброках и налогах в Деревской и Водской пятинах.

годы	Деревская пятина		Водская пятина	
	1500	1540	1500	1540
Пашня на двор (с паром, дес.)	6,7	7,8	11,4	11,7
Душ на двор	5,2	5	6	5,3
Пашня на душу (дес.)	1,3	1,6	1,9	2,2
Урожайность ржи (в самах)	3,1-3,9	3,1-3,9	3,1-3,9	3,1-3,9
Урожай за вычетом семян(пудов)	88,4-110,5	103-117	150,5-171	154,4-175
Урожай на душу (пудов)	17,0-19,3	20,6-23,4	25,1-28,5	29,1-33,1
Оброк со двора (пудов)	32,6-33,6	38,0-39,2	75,2-77,5	64,6-66,6
Налоги со двора (пудов)	5,1	6,6	6,6	6,2
Потребление (пудов)	50,7-61,8	58,4-71,2	68,7-86,9	83,4-102,7
Оброк на душу (пудов)	6,3-6,5	7,6-7,8	12,5-12,9	12,2-12,6
Налоги на душу (пудов)	1,0	1,3	1,1	1,2
Потребление на душу (пудов)	9,8-11,9	11,7-14,2	11,4-14,5	15,8-19,4

Табл. 1.1. Зерновой бюджет крестьянского хозяйства на поместных землях новгородчины. Оброк, налоги и потребление указаны в пудах хлеба (полпуда ржи и полпуда овса).

Эта таблица представляет несколько видоизмененный вариант таблицы 60 из: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л. 1978. Авторы этой работы подвергались критике⁶³ за то, что брали в своих расчетах слишком большую урожайность: сам-4 (фактически сам-3,9) для ржи и сам-3 для овса. В соответствии с данными Е. И. Индовой⁶⁴ в 1650-1700 годах урожайность ржи была в среднем сам-3,1, урожайность овса сам-3. В нашей таблице урожайность ржи варьируется в пределах от сам-3,1 до сам-3,9, а урожайность овса взята сам-3. Нужно заметить также, что по расчетам Л. Г. Степановой⁶⁵, основанных на случаях перевода издоля в фиксированный оброк, урожайность составляла всего лишь сам-2. Однако эти расчеты вызывают сомнения, поскольку неясно, насколько данный перевод был эквивалентным, не произошло ли при этом снижение оброка. Кроме того, простой расчет показывает, что при такой урожайности сбора хлебов не хватало бы даже на уплату оброков и налогов.

Хотя в целом душевое производство обеспечивало необходимый минимум потребления, после уплаты оброков в Водской и, в особенности, в Деревской пятине душевое потребление падало ниже минимального уровня. В соответствии с неомальгузианской теорией следствием уменьшения потребления ниже допустимого минимума было уменьшение численности населения, с 1500 по 1540 год оно уменьшилось в Водской пятине на 17%, а в Деревской пятине – на 13%⁶⁶. Уменьшение населения к 1540 году привело к увеличению душевой запашки и некоторому увеличению потребления, но оно оставалось на уровне, близком к минимальному. Низкий уровень потребления способствовал увеличению смертности от эпидемий – источники отмечают, что именно в этом районе эпидемии свирепствовали с особой жестокостью⁶⁷.

Таким образом, в отдельных, наиболее густонаселенных районах Сжатие началась уже в начале XV века, и этот процесс был существенно ускорен высоким уровнем изъятия ресурсов, осуществляемым государством и помещиками. В то же время даже в пределах Северо-Запада имелись существенные порайонные различия. В Бежецкой и Шелонской пятинах положение было более благоприятным, чем в Деревской и Водской. В 1500-1540 годах здесь отмечался значительный рост населения – в некоторых уездах население возросло на 27-45%⁶⁸. Сжатие было неравномерным и проявлялось в одних районах сильнее, а в других – слабее.

Исследование вопроса о положении крестьян в Центральном районе затрудняется недостатком источников. Однако и здесь рост населения привел к уменьшению крестьянских наделов. С. Б. Веселовский отмечал быстрый рост цен на землю в первой трети XVI века и увеличение числа земельных тяжб⁶⁹. В середине XVI века появляются упоминания о случаях, когда на выгном наделе сидят два или даже три двора⁷⁰. В этот период в Борисовской волости на владимирщине на двор приходилось 7,5 десятин⁷¹; если считать в семье 5 человек, то душевая обеспеченность составляла всего 1,5 десятины – меньше, чем в Деревской пятине. Отмечалась нехватка земли в Белозерском крае – здесь у крестьян было лишь по 2 десятины в одном поле, и зерна не хватало до следующего урожая⁷². Но в некоторых уездах положение было более благополучным, например, на черных землях Тверского уезда на двор приходилось 12,5 десятины, на монастырских

землях в Дмитровском уезде – 12,7 десятины (в последнем случае большая величина надела, по-видимому, объяснялась очень плохими почвенными условиями)⁷³.

Согласно теории, одним из следствий перенаселения является оскудение крестьян и *развитие ростовщичества*. На Руси в этот период в качестве главных ростовщиков, крупных землевладельцев и «поглотителей земли» выступали монастыри. Они столь активно затягивали крестьян в ростовщические сети, что, к примеру, в районе «колонизации» Кирилло-Белозерского монастыря практически не осталось «черных» крестьянских земель. Из кругов «нестяжателей» раздавались многочисленные обвинения в адрес монастырей⁷⁴. Вассиан Патрикеев писал о том, что недостойно монахам «села многонародно стяжати и поработати христиан», «лихву на лихву на них налагать». Когда крестьяне не могут отдать лихвы, писал Вассиан, монахи, «коровку их и лошадку отъмше», изгоняли крестьян из их дворов⁷⁵. Максим Грек негодовал о том, что монахи крестьян «бичи истязуют за лютых сребра резюиманий», обращают их в своих холопов⁷⁶. На Белоозере, где земли не хватало, происходили многочисленные столкновения между крестьянами и монахами; в 1550 году одно из таких столкновений привело к разорению Адриановой пустыни и гибели 42 монахов. Характерно, однако, что в сети ростовщиков попадали не только крестьяне, но и «дети боярские», бояре и даже князья. К концу XV века Кирилло-Белозерский монастырь забрал в свои руки все расположенные в округе мелкие вотчины⁷⁷. В Звенигородском уезде на долю монастырей и церквей приходилось 45% всех земель, в Тверском уезде – 33%. В середине XVI века, по свидетельству Адама Клементского, духовенству принадлежала треть населенных земель⁷⁸.

Таким образом, имеющиеся данные о динамике потребления в первой половине XVI века, в целом, соответствуют прогнозам демографической структурной теории: по мере роста численности населения мы наблюдаем уменьшение крестьянских наделов, оскудение крестьян и рост их задолженности, проявляющийся в развитии ростовщичества. Эти процессы происходили неравномерно и были более выраженными на Северо-Западе, в Новгородской земле. При этом существенное значение имело перераспределение ресурсов в рамках структуры «государство-элита-народ»: Сжатие на Новгородчине было ускорено высоким, по сравнению с центральными областями, уровнем ренты, что было, в свою очередь, связано с тем, что именно Новгородчина была регионом наибольшего распространения местного землевладения и, в военном смысле, опорой государства.

2.2. Фаза Сжатия

2.2.1. Начало Сжатия

В соответствии с неомальтузианской теорией рост численности населения должен был постепенно привести к недостатку пахотных земель, росту цен, падению потребления и частым голодным годам.

Как отмечалось выше, Сжатие на Северо-Западе началось еще в начале XVI века, но в Центральном районе этот процесс стал проявляться значительно позже – примерно в 1540-х годах. В начале столетия голодовки были относительно редкими: после длительного благополучного периода летопись впервые говорит о голоде в 1511/1512; затем голод повторился в 1526 году, когда цены возросли в 7-10 раз⁷⁹. 1521 год был отмечен бедствием другого рода – «великим приходом» крымских татар, разоривших южные области страны. Однако годы голода и набегов были исключениями на общем фоне, в целом экономическое положение оставалось благоприятным. До 1530-х годов цены оставались, в общем, стабильными – около 20 денег за коробью ржи (10 денег за 4-пудовую четверть)⁸⁰. «Времена тиха и прохладна и обилие велие изобилованна бысть», – говорит новгородская летопись об этом десятилетии⁸¹. Впоследствии цены снова стали расти, в 1532 году цена в Иосифо-Волоколамском монастыре составляла 22 деньги за четверть; во время неурожая 1543-1544 годов цены на новгородчине поднялись до 35-40 денег⁸². Некоторые авторы прямо объясняют рост цен ростом населения⁸³ – в соответствии с мальтузианской теорией.

В середине XVI века голод становится обычным явлением. В 1548-1549 годах голод охватил северные районы страны: «Хлеб был дорог на Двине, на Холмогорах, четверть купили по осьми гривен, и людей с голоду мерло много», – отмечает летописец⁸⁴. В 1552 году разразилась страшная эпидемия в Новгороде и Пскове; в Пскове погибло 30 тысяч человек. В 1556/57 году снова пришел голод, свирепствовавший в Заволжье и на Севере; в результате голода и бегства крестьян на юг в северных областях началось запустение; в конце 50-х годов на Двине пустовало 40% пашни⁸⁵. Е. И. Кольчева описывает положение как «крайне неустойчивое равновесие с наметившимися признаками запустения посевных площадей и убылью населения из-за неурожая, эпидемий»⁸⁶. Как утверждает неомальтузианская теория, для периода Сжатия характерно именно такое неустойчивое экологическое равновесие, и его причина – отсутствие у крестьян значительных запасов зерна. А. Л. Шапиро утверждал, что уже в первой половине XVI века «запас прочности у крестьянских хозяйств был невысок»⁸⁷.

Таким образом, симптомы надвигающегося кризиса появились задолго до Ливонской войны. Россия не представляла собой экономического единства, в ней были относительно богатые и относительно бедные, перенаселенные области. Север и Новгородчина издавна относились к бедным областям. Нехватка земли заставляла крестьян этих районов распахивать неплодородные почвы: «Земля худа, камениста, песчата...» – так описывалась недавно поднятая целина в переписной книге Бежецкой пятины 1551 года⁸⁸. В центральных районах положение было более благоприятным, в Замосковном крае до 1560 года еще продолжался рост населения, но все удобные земли к этому времени были уже распаханы. «Если в начале XVI в. на периферии старых владений еще есть резерв годных к освоению земель, – отмечает Л. И. Ивина, – то к середине XVI века он полностью исчерпывается, как, например, во владениях Троице-Сергиева монастыря

близ Углича... Плотность поселений внутри владений возрастает... Увеличиваются сами поселения, многие деревни превращаются в сельца и села»⁸⁹. В 1560-1561 годах в Замосковский край пришел голод, цены на хлеб поднялись до 50-60 денег за четь. Характерно, что в качестве причины этого бедствия старцы Иосифо-Волоколамского монастыря указали на недостаток угодий и на рост государевых повинностей⁹⁰.

В середине XVI века проблема нехватки земельных ресурсов встала во весь рост. Специалисты утверждают, что уровень распахек в это время был близок к максимально возможному при тогдашней агротехнике, что дальнейшее расширение пашен было невозможно⁹¹. Скудные почвы и суровый климат ограничивали емкость экологической ниши, и, казалось бы, обширные пространства Московии в действительности не могли прокормить растущее население. В то же время *Сжатие было крайне неравномерным и проявлялось с большей силой на Северо-Западе* – там, где экологическая ниша дополнительно сужалась более интенсивным перераспределением доходов в пользу государства и дворянства.

В современной экономической истории соотношение между численностью населения и наличными ресурсами характеризуется заработной платой, исчисленной в килограммах зерна. Около 1520 года поденщик в Москве мог купить на дневную плату около 10 кг хлеба. В 1568 году поденщик на Белоозере получал 1 деньгу в день, а четверть ржи стоила 20 денег⁹², на дневную зарплату можно было купить 3,6 кг хлеба*. Таким образом, реальная заработная плата за полвека уменьшилась втрое, что свидетельствует о росте населения и нехватке продовольственных ресурсов. Дневная плата в 3,6 кг кажется довольно большой, но нужно учесть, что поденщиков брали на короткие сроки, что большую часть года они не имели работы (в конце XIX века оплата при поденном найме летом в 3 раза превосходила дневную оплату при годовом найме). В действительности уровень дневной оплаты порядка 4 кг – это был уровень, характерный для времен кризиса и голода, именно таким был уровень оплаты в Европе во времена «кризиса XVII века»⁹³.

Правда, в нашем распоряжении имеются лишь единичные данные о поденном найме; гораздо больше информации имеется об условиях годового найма монастырских работников. Монастыри привлекали для обработки своей пашни наемных «казаков» или «детенышей»; эти работники получали от монастыря продукты (4 четверти хлеба в год) и денежное содержание, «оброк». В 1547 г. плотники в Новгородском Софийском доме и Иосифо-Волоколамском монастыре получали по 100 денег в год, а простые чернорабочие в Волоколамске – 80 денег в год, и их дневная зарплата в деньгах и продуктах была эквивалентна лишь 1,2 кг хлеба. Впоследствии мы видим столь низкий уровень зарплат лишь один раз, во время сильно-

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» – 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле, поэтому цена пуда «хлеба» составляла 9/10 от цены пуда ржи.

го голода 1588-89 годов – однако тогда этот голодный уровень держался лишь один год, а в 50-х годах это была обычная плата⁹⁴. Таким образом, уровень жизни в 50-х годах был примерно таким же, как в голодные годы. Отсюда можно сделать вывод, что, в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории, уровень реальной заработной платы в середине XVI века понизился до минимума.

Неомальтузианская теория утверждает, что одним из главных следствий перенаселения является развитие деревенского ремесла, переселение крестьян в города и рост городов. Эти процессы действительно наблюдались в XVI веке в отдельных наиболее густонаселенных районах России. Перенаселенные Деревская и Водская пятины Новгородчины не могли обеспечить себя хлебом, и многие крестьяне пытались заработать на жизнь ремеслом и торговлей; здесь было много торгово-ремесленных поселений, «рядков»⁹⁵. Промыслы были развиты и в других районах Северо-Запада: железо производили в Орешке, Тихвине, в Заонежье, соль выпаривали в Старой Русе, в Поморье. Многие крестьяне занимались выращиванием льна и выделкой льняных тканей; некоторые в поисках заработка уходили в Новгород. По сравнению с Москвой, где большую часть населения составляли дворяне и их слуги, Новгород был городом ремесленников и купцов. В начале XVI века в Новгороде было 5,5 тыс. дворов и примерно 30 тысяч жителей, из них около 6 тысяч ремесленников – практически все взрослое мужское население состояло из ремесленников⁹⁶. По некоторым данным, Псков по размерам не уступал Новгороду, в нем насчитывалось более 6 тысяч дворов и 30 тысяч жителей⁹⁷. В то же время нужно отметить, что население Новгорода (и возможно, Пскова) в первой половине XVI века не увеличилось; в городах новгородчины уже тогда проживало 10% населения⁹⁸ – для аграрного общества это цифра, близкая к максимальной; окрестные области не могли прокормить такой большой город. Как центры перенаселенного района, Новгород и Псков были часто подвержены эпидемиям – при Василии III летописи по крайней мере 4 раза отмечают здесь мор, в то время как в центральных районах эпидемии не упоминаются⁹⁹. В 1552/53 годах по, несомненно, сильно преувеличенным сведениям летописи в Новгороде умерло от мора 280 тысяч человек¹⁰⁰.

В центральных районах ремесла были развиты меньше, чем на Северо-Западе. Крупнейшим городом России была Москва. Великие князья придавали стольному городу первостепенное значение и переселяли в столицу часть населения завоеванных городов¹⁰¹. Сигизмунд Герберштейн сообщает, что по официальным данным в 1520 году в Москве было 41,5 тысячи дворов¹⁰². Если считать по 5 человек на двор, то получится примерно 200 тысяч жителей, однако современные историки считают цифру Герберштейна завышенной и полагают, что население Москвы не превышало 100 тысяч¹⁰³. В Москве существовало много ремесленных слобод – Кожевники, Гончарная, Бронная; здесь был расположен Пушечный двор и работало много оружейников, производивших разнообразное воинское снаряже-

ние¹⁰⁴. В целом, однако, о московском ремесле известно гораздо меньше, чем о ремесле Новгорода.

Другие города Руси много уступали в размерах не только Москве, но и Новгороду. В Нижнем Новгороде в конце XVI столетия насчитывалось около 2 тысяч дворов; это был центр торговли по волжскому пути; при Василии III здесь был построен каменный кремль. В Можайске и Старой Руссе было по 1,5 тысячи дворов и 7-8 тысяч жителей. Владимир, Суздаль, Тверь потеряли свое былое значение. Правда, появилось много новых небольших городов – в их числе Руза, Радонеж, Боровск, Серпухов, Кашира; общее число городов увеличилось за полвека с 96 до 160¹⁰⁵.

В целом, можно сделать вывод, что имеющиеся данные о ценах и реальной заработной плате соответствуют теоретической динамике развития в период Сжатия. Эти данные показывают, что Сжатие, начавшееся в начале столетия на Северо-Западе, в середине столетия распространилось на центральные области. В соответствии с неомальтузианской теорией Сжатие вызвало развитие городов и ремесел, причем этот процесс в наибольшей степени затронул район раннего Сжатия – Северо-Запад, где сформировались большие ремесленные города. Для характеристики степени перенаселения Северо-Запада существенно, что рост этих городов к середине XVI века уже прекратился, а их население все чаще становилось жертвой голода и жестоких эпидемий.

2.2.2. Динамика элиты

Как отмечалось выше, демографически-структурная теория изучает отдельно (и вместе с тем во взаимной связи) динамику населения, динамику элиты и динамику государства. Изучение динамики элиты предполагает рассмотрение материального и правового положения элитных групп, в частности, в отношении перераспределения ресурсов, исследование динамики их численности и доходов. Согласно теории, рост численности элиты должен был привести к дроблению поместий, ухудшению положения низших групп элиты, что вызывало усиление давления элиты на народ и государство, а также фрагментацию элиты и конфликты между различными элитными группами.

В первой половине XVI века великие князья стремились увеличить контингенты поместной конницы, и численность дворянства быстро росла. Однако в нашем распоряжении нет цифр, которые бы достоверно отражали численность дворянского сословия. Известно лишь, что в 1520-х годах на Оке ежегодно несло сторожевую службу 20-тысячное дворянское ополчение¹⁰⁶; отсюда можно предположить, что число дворян и детей боярских в это время было не менее 20 тысяч.

На Новгородчине, которая являлась главным районом поместного землевладения, ресурсы годных для поместных раздач земель были полностью исчерпаны. В 1500 году в Шелонской пятине поместные земли занимали 58% пашни, а в 1540 году – 98%; в Бежецкой пятне в 1544 году под поместья было занято 99% пригодных земель¹⁰⁷. Вследствие нехватки зем-

ли поместья мельчали. Если в 1500 году только 22% новгородских помещиков имели земли меньше 150 десятин, то в 1540 году – 39%; доля владельцев поместий свыше 300 дес. уменьшилась с 48% до 22%¹⁰⁸. Таким образом (в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории) по мере численного роста элиты положение ее рядовых членов ухудшалось.

В центральных уездах большая часть земель принадлежала боярам и церкви, и это препятствовало распространению поместного землевладения. Как показывают данные по Тверскому уезду, вотчинникам (преимущественно боярам) принадлежало 36% земель, церкви – 33%, а помещикам – только 27%. При этом бояре получали также и земли, предназначенные для поместной раздачи – причем забирали лучшие угодья сверх всяких норм¹⁰⁹.

Демографически-структурная теория утверждает, что рост численности элиты вызывает ее фракционирование и борьбу между различными фракциями. В российской элите XVI века имелось несколько фракций, причем наиболее высокое положение занимала старинная знать, удельные и служилые князья и бояре. Новая элитная группа, дворянство, занимала более низкое положение.

Первое место среди московской знати занимали удельные князья, родственники великого князя. Василий II, Иван III, Василий III прилагали много сил, чтобы ликвидировать уделы, но перед смертью они раздавали новые уделы своим младшим сыновьям – и удельная система вновь возрождалась. После побед Ивана III над Литвой в число удельных князей вошли бывшие русско-литовские князья, перешедшие на московскую службу и сохранившие свои владения: князья Воротынские, Одоевские, Трубецкие. Удельные князья полновластно распоряжались в своих уделах, имели своих бояр и свое войско; к примеру, у князей Воротынских было несколько тысяч «боевых холопов»¹¹⁰.

Второе место в иерархии знатности занимали служилые князья, в их числе было много потомков владимиро-суздальских великих князей. В свое время эти князья добровольно подчинились Москве, и многие из них остались в своих городах на положении наместников. К XVI веку потомство Всеволода Большое Гнездо необычайно размножилось и насчитывало около двухсот князей, одних ярославских князей было больше восьмидесяти, и некоторые из них по своему положению были близки к удельным князьям. С давних времен служилые князья в силу тарханских грамот освобождались от всех налогов; Иван III пытался ликвидировать эти тарханы, но некоторые князья все-таки сохранили свои привилегии. «Княжата» закрепили за собой наместничьи должности и заправляли в городах, как в своих вотчинах. В отличие от волостелей, назначавшихся на год-другой, срок их кормлений был неопределенным; фактически кормления были пожизненными. Размеры наместнических кормов постоянно росли; в Новгороде уже в начале XVI века наместничий корм был в два раза больше «обежной дани», основного государственного налога¹¹¹. Боярская дума по большей части состояла из этих князей-наместников; эти удельные «державцы» кичились своей знатностью и постоянно вступали в местнические

споры; по словам В. О. Ключевского, они намеревались, сидя в Боярской думе, править Русской землей, как некогда их отцы правили ею, сидя по уделам¹¹². Некоторые княжеские кланы настолько укоренились, что претендовали на наследственное думское представительство. Вдобавок, князья и бояре обладали старинным «правом отъезда» в другое княжество, правом службы другому князю без потери вотчин. В условиях единой Руси отъехать можно было только в Литву, и «право отъезда» было правом на государственную измену¹¹³.

Третью ступень по знатности занимало «старомосковское» боярство. Количество боярских родов в 1525-1555 годах увеличилось с 23 до 46, и это предопределило обострение конкуренции за придворные должности. Старинные бояре имели сотни слуг и большие вотчины; к примеру, лишь одна из вотчин И. П. Федорова на Белоозере насчитывала 120 деревень. Московские бояре традиционно занимали важные посты в системе управления. Как правило, посты дворецкого и конюшего занимали представители одних и тех же старомосковских фамилий Морозовых, Захарьиных, Челядиных¹¹⁴.

Таким образом, численность элиты росла, что, в соответствии с теорией, должно было усилить конкуренцию за ресурсы между знатью и государством. Наиболее сильное давление на государство оказывала старая знать, сила и влияние которой восходили еще к XIV-XV векам; эта знать опиралась на свои огромные вотчины и сопротивлялась стремлению самодержавия ущемить ее традиционные привилегии.

В год смерти Василия III наследнику престола Ивану IV было лишь три года, и фактической правительницей стала вдова великого князя Елена Глинская. Князья и бояре с трудом мирились с самодержавием Василия III; после его смерти начались измены и мятежи¹¹⁵. Елена Глинская пыталась продолжать самодержавную политику своего мужа, но в 1538 году она была отравлена боярами. К власти пришла боярская олигархия, господство которой оформилось как правление Боярской думы; решения думы стали равнозначны великокняжеским указам¹¹⁶. Однако боярское правление сопровождалось борьбой знатных родов, заговорами и дворцовыми переворотами. «Встала вражда, – говорит летописец, – между великого князя боярами... и многие были между ними вражды из-за корысти и за родственников: всякий о своих делах печется, а не о государских, не о мирских»¹¹⁷. «Бояре живут по своей воле, – говорил бежавший из России итальянский архитектор Петр Фрязин, – от них великое насилие, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства»¹¹⁸. «Великое насилие» заключалось в том, что бояре поделили между собой наместничества и стали требовать у населения «корма» сверх всяких норм. «Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование... – вспоминал Иван Грозный. – Потом напали на города и села, мучили различными жестокими способами жителей, без милости грабили их имущество...»¹¹⁹. Наместничьи суды превратились в орудие вымогательства: «От всех брали безмерную мзду и в

зависимости от нее и говорили так или иначе и делали»¹²⁰. В Пскове, например, наместник князь А. М. Шуйский поднимал старые дела и «правил на людях» по сто рублей и больше, мастеровые делали все для него даром, «большие люди» несли ему подарки¹²¹. «Бояре... вместо еже любити правду... в ненависть уклонишася», – говорит летопись¹²². В наделении воинов поместьями воцарился беспорядок; царь Иван писал, что в его «несовершенные лета» «бояре его и воеводы земли его государьские себе разоимали, и другом своим и племенником его государьские земли раздавали», в результате чего держат за собой «поместья и вотчины великие»¹²³. Документы свидетельствуют, что только в одной поместной раздаче 1539 года князь П. И. Шуйский присвоил земли на 2 тысячи десятин, его родственник А. Б. Горбатый – на 1,5 тысячи десятин – и было много других примеров такого рода¹²⁴. Нормы наделения землей воинов не соблюдались; царь писал, что у одних земли было больше положенного, а другие голодали¹²⁵. Не заботясь о простых воинах, боярское правительство щедрой рукой раздавало податные привилегии монастырям и знати. Запрет на передачу земли монастырям был забыт, монахи снова отнимали за долги земли у детей боярских и у крестьян¹²⁶. В 1540-х годах начинает чувствоваться недовольство дворян, направленное, прежде всего, против правящей боярской верхушки и монастырей. Земельные споры помещиков с монастырями стали обычным явлением¹²⁷.

Таким образом, в соответствии с теорией, Сжатие сопровождалось ростом численности элиты и ухудшением ее положения. Этот процесс привел к фрагментации элиты, к выделению отдельных групп и к конфронтации между этими группами. С другой стороны, также в соответствии с теорией, Сжатие привело к обострению борьбы между элитой и государством за перераспределение доходов. После смерти Василия III аристократия начала наступление на государство и в 1538 году добилась победы, установив боярское правление. За этим последовали перераспределение ресурсов в пользу аристократии и столкновения между конкурирующими группами по поводу раздела доходов. Низшие слои элиты при этом ничего не приобрели и даже потеряли в результате захвата боярами части поместных земель. В итоге, наметилась основная линия раскола элиты – конфронтация между боярами и дворянством.

Аристократия воспользовалась ситуацией также и для усиления давления на народ, в частности, на горожан. Для этого была использована (формально государственная) система наместнических кормлений, которая превратилась в механизм перераспределения доходов в пользу элиты. Другим механизмом такого рода стала пораженная коррупцией судебная система. Ответом народа на давление со стороны аристократии стало восстание 1547 года.

2.2.3. Государственный кризис и проекты реформ

Неомальтузианская теория утверждает, что для фазы Сжатия характерны народные восстания и попытки социальных реформ. В этом контексте

большое значение имеет анализ событий, связанных с восстанием 1547 года и появившимися после восстания реформаторскими проектами.

Перераспределение ресурсов в пользу аристократии привело к ослаблению и дезорганизации войска, и это сразу же отразилось на обороноспособности государства. Зима 1537/38 года была отмечена «великим приходом» казанских татар; после этого набеги повторялись регулярно, причиняя каждый раз страшное разорение¹²⁸. Между тем, продолжающееся Сжатие привело к подъему цен на зерно; в 1543 году был большой неурожай, который привел к волнениям в Пскове. Неурожай повторился в 1546 году, в феврале следующего года начался голод, а в июне произошел большой пожар в Москве. В этой обстановке в столице вспыхнуло восстание против правящей боярской группировки, восставшие убили одного из правителей, Ю. Глинского и разгромили многие боярские дворы¹²⁹. Нужно отметить, что это было первое народное восстание со времен основания Московского княжества; до тех пор в Москве (в отличие от Новгорода) не было крупных выступлений, направленных против властей.

Восставшие двинулись из Москвы в село Воробьево, где тогда находился Иван IV, и царю лишь с трудом удалось убедить их, что он не стоит заодно с Глинскими. В этой сложной и опасной ситуации ближайшими советниками юного царя стали священник Сильвестр и рында (телохранитель) Алексей Адашев. Грозя юному царю божьим гневом, Сильвестр призывал его восстановить в государстве «*правду*», восстановить справедливый суд, одинаковый для всех, малых и великих. Царь должен расстаться с прежними советниками, говорил Сильвестр, расстаться с «богатыми» и «брюхатыми», «истязующими» в свою пользу бесконечные дани с простых людей¹³⁰.

Возможно, следуя советам Сильвестра, молодой царь совершил неслыханный доселе поступок: он обратился к народу и в начале 1549 года созвал на собор из городов людей «всякого чина». Это было первое собрание «всей земли» – первое из тех собраний, которые позже стали называть «Земскими соборами». В. О. Ключевский отмечает, что соборы «появляются как-то вдруг и неожиданно», и они мало похожи на европейские парламенты¹³¹. Еще более неожиданно, что царь начинает свою речь с обвинения бояр во многих корыстях, обидах и «неправдах», которые они чинили народу. Такого еще не случалось в Москве – правда, Василий III в свое время обвинял в этом псковских бояр, но Псков тогда был самостоятельной республикой (и речь шла о конце этой самостоятельности и о конфискации боярских земель). Царь грозил боярам, что впредь им придется держать ответ за свои действия; он обещал восстановить «*правду*» и защищать простой народ от насилия. «Я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, – говорил царь, – буду неправды разорять и похищенное возвращать»¹³². Чтобы утвердить правду и справедливость, Иван IV учредил Челобитный приказ; всем обиженным было дозволено жаловаться на вельмож прямо царю.

Таким образом, сообщения о восстании 1547 года показывают, что это был социальный конфликт, возникший в обстановке Сжатия и на почве распределения ресурсов – то есть один из тех конфликтов, возникновение которых предсказывает неомальтузианская теория. В контексте демографически-структурной теории такие явления рассматриваются как *государственный кризис*.

В этом контексте характерны также и социальные проекты, обсуждавшиеся после восстания. Главой Челобитного приказа был назначен Алексей Адашев, незаметный прежде молодой царский телохранитель, выходец из захудалых костромских дворян. Челобитный приказ должен был принимать челобитные от народа, в том числе и предложения преобразований. Среди проектов реформ того времени известен проект священника Ермолая-Еразма; Ермолай предлагал, в частности, ограничить владения бояр 8-кратным размером обычных дворянских поместий и выделить для царя во всех уездах особые земельные угодья¹³³. Радикализм этого предложения, несомненно, отражал глубину конфликта между аристократией и населением городов (в общем смысле – между аристократией и народом). Другой проект был представлен Иваном Пересветовым; Пересветов был многоопытным воином, служившим молдавскому господарю Петру Рарешу, вассалу турецкого султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки. Челобитная, поданная Пересветовым царю, содержала «Сказание о Магмете-салтане»; в этом «Сказании» рассказывалось, как Магмет-салтан *«великую правду в царстве своем ввел»*¹³⁴.

Показательно, что Магмет-салтан выступал в «Сказании» как охранитель справедливости: он выдал судьям книги судебные, чтоб судили всех одинаково, он установил справедливые налоги и послал сборщиков – «а после сборщиков проверял, по приказу ли его царскому собирают». Воинов царь «наделил царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам». «Если у царя кто против недруга крепко стоит... будь он и незнатного рода, то он его возвысит и имя ему знатное даст...» «Еще мудро устроил царь турецкий: каждый день 40 тысяч янычар при себе держит, умелых стрельцов из пищалей, и жалование им дает и довольствие на каждый день...»¹³⁵. Пересветов не просто рассказывал о порядках Османской империи – он предлагал брать пример с эти порядков, предлагал проект преобразований. Главное в этом проекте – это *призыв к утверждению самодержавия*, призванного охранять «правду» с помощью «грозы». Самодержавная монархия Пересветова носила военный характер, она нацелена на завоевания, и первое место в ней занимали «воинники»-дворяне, которые годами не слезают с коней. Конкретные меры, которые предлагал Пересветов – это ликвидация наместнических судов и системы кормлений (превратившихся в механизм перераспределения доходов в пользу аристократии), создание справедливого суда и нового свода законов, сбор судебных пошлин в казну, наделение служилых людей постоянным жалованием, особый суд для военных, запрещение закабалить свободных людей. Три наиболее настоятельных совета Пересветова – это установление «великой

правды», возвышение воинов по заслугам и создание приближенного к царю стрелецкого корпуса, подобного корпусу «умелых стрельцов»-ынычар.

«Челобитная» Пересветова отражала раскол элиты и антибоярские настроения дворянства, объясняемые в рамках демографически-структурной теории конкуренцией за распределение ресурсов. Многие исследователи рассматривали начавшиеся затем реформы Ивана IV как начало долгой борьбы дворянства против бояр¹³⁶; эта борьба привела к учреждению опричнины, конфискации значительной части боярских земель и раздаче их в поместья; она не окончилась с отменой опричнины, и на протяжении полувека оставалась одним из главных проявлений социально-политического кризиса, начавшегося в правление Ивана IV.

2.2.4. Реформы Ивана IV: взаимодействие факторов

В соответствии с демографически-структурной теорией конфликт бояр и дворянства может быть истолкован как результат действия демографического фактора, однако этот конфликт лишь отчасти объясняет содержание реформ Ивана IV. Демографический фактор был лишь одним из факторов, определявших исход событий, и анализ социально-экономического развития второй половины XVI века дает нам возможность показать его роль в совокупности нескольких действующих факторов. Некоторые из этих факторов имеют в той или иной степени случайный характер, как, например, катастрофические неурожаи, глобальные эпидемии или вторжения завоевателей (мы обсудим вопрос о влиянии этих факторов в своем месте). Существуют также факторы, имеющие качественный характер, такие как технические инновации, внешние влияния или экономические сдвиги (см. п. 1.2.2). Влияние всех факторов проанализировать практически невозможно, но мы попытаемся (в дополнение к демографическому фактору) учесть влияние еще двух факторов – технических инноваций и внешних влияний.

Анализ взаимодействующего влияния различных факторов важен для фиксации роли демографического фактора. Мы попытаемся на конкретном примере очертить границы влияния этого фактора, показать, какие именно явления можно объяснить с помощью концепции демографических циклов, и какие явления объяснимы лишь с учетом действия других причинных связей. Анализ влияния трех факторов на социально-экономическое и политическое развитие России второй половины XVI века был выполнен автором в совместной статье с американским историком Честером Данингом¹³⁷. Поскольку изложение деталей действия других факторов, кроме демографического, не входит в задачу данного исследования, мы ограничимся лишь кратким изложением результатов вышеуказанной статьи.

Наиболее важной технической инновацией рассматриваемого периода было распространение огнестрельного оружия. Как отмечалось в п. 1.2.2, социально-экономические последствия этой инновации описывает так называемая теория «военной революции». Эта теория утверждает, что рево-

люция в военной технике повлекла за собой создание вооруженных огнестрельным оружием постоянных наемных армий. Содержание таких армий, в свою очередь, потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, которое иногда называют «военно-бюрократическим абсолютизмом». Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания¹³⁸.

Технические инновации часто распространяются путем диффузии, поэтому фактор внешних влияний (или *диффузионный фактор*) тесно связан с техническим фактором. Появление нового оружия вызывает волну завоеваний, и находящимся перед фронтом волны противникам не остается ничего иного, как поспешно заимствовать это оружие, а вместе с ним военную организацию, которая обычно является частью социальной системы. Однако фактор диффузии действует в более широкой области, чем область действия технического фактора; процесс заимствования распространяется на другие социальные и культурные институты и может привести к глубокой трансформации общества¹³⁹.

Возвращаясь к реформам Ивана IV, необходимо отметить, что «Челобитная» Ивана Пересветова содержала не только советы «веселить сердце» «воинникам-дворянам»; это была целая программа преобразований, предполагающая заимствование турецких порядков, и одним из пунктов этой программы было создание стрелецкого войска по образцу корпуса янычар¹⁴⁰. Летом 1550 года, спустя девять месяцев после подачи Пересветовым его «Челобитной», был сформирован корпус «выборных стрельцов». Данных об общей численности стрельцов не имеется, но она была весьма значительна: известно, к примеру, что только в одном походе 1578 года принимали участие 15 тыс. стрельцов¹⁴¹. Уже при жизни Грозного некоторые авторы, в частности, Франческо Тьеполо и Александр Гваньини, сравнивали стрельцов с янычарами¹⁴². Был создан также корпус пушкарей, организованный подобно подразделениям стрельцов. Характерно, что легкие пушки на Руси называли «тюфяками» (турецк. «тюфенг»), а пушкари носили специальный нагрудный знак «алам» (перс. «алам» — «знак оплечия надежде») ¹⁴³.

Таким образом, была создана постоянная (и быстро растущая) наемная армия, вооруженная огнестрельным оружием. Это было начало «военной революции», которая, в соответствии с теорией, должна была повлечь за собой цепь неизбежных следствий: реформу налоговой системы, создание бюрократического аппарата и наступление «военно-бюрократического абсолютизма» с целью перераспределения ресурсов. Все эти следствия действительно наблюдаются в 1550-60-х годах.

Наиболее важное значение имела налоговая реформа. В прежние времена землю клали в податные единицы, «сохи», в значительной мере произвольно – теперь были введена стандартная соха, зависевшая от качества земли. На служилых (поместных и вотчинных) землях в соху клали 1200 десятин «доброй» или 1500 десятин «средней» или 1800 десятин «худой» земли; на монастырских землях – соответственно 900, 1050 и 1200 десятин; на черных землях – 750, 900 и 1050 десятин. Был проведен кадастр, все поля, луга, леса были измерены и соответственно качеству земли поделены на «сохи»; каждой «сохе» был присвоен номер. Со всех сох полагались одинаковые государственные подати, которые крестьяне разверстывали между собой, соответственно размерам наделов (их, как и прежде, исчисляли в «вытях»). Поскольку размеры сох были разными, то обложение служилых земель составляло 62,5%, а обложение монастырских земель – 83% от обложения черных земель. За счет снижения обложения с поместных, вотчинных и монастырских земель государство позволяло служилым людям и церкви брать с крестьян свою долю дохода¹⁴⁴.

Одним из главных пунктов программы Пересветова была ликвидация наместничеств и сбор «кормов» в казну. Мероприятия в этом направлении проводились постепенно, начиная с 1550 года. В 1556 году состоялся «приговор царский о кормлениях и службе». По «приговору» наместники заменялись губными и земскими старостами, выбираемыми местным населением¹⁴⁵; губным старостам особо предписывалось, чтобы у них «насильства христианом от сильных людей не было»¹⁴⁶. Корма, которые, прежде собирали наместники, теперь собирались в казну¹⁴⁷.

Налоговая реформа привела к полной перестройке податной системы. Начиная с 1551 года московское правительство осуществляло коммутацию отработочных повинностей. Ямская повинность, военная служба «с сох» и прочие повинности были заменены выплатой денег; отныне крестьяне платили в 4 раза больше, чем прежде¹⁴⁸. Трудно сказать, насколько эквивалентной была эта замена, однако даже после четырехкратного увеличения денежных выплат государственные налоги не превышали 9% крестьянского дохода¹⁴⁹. С государственной точки зрения коммутация была вполне оправданной: набравшиеся с сох крестьяне-ополченцы были практически непригодны для войны, по своим воинским качествам они не шли в сравнение с поместной конницей. Вместо крестьянской службы реформа дала правительству деньги, которые пошли на финансирование нового войска. Налоговая реформа (в сочетании с поместной реформой) обеспечила создание огромной армии Ивана Грозного.

Начиная с 1550 года проводились мероприятия по приведению в порядок поместной системы. Суть поместной реформы заключалась в строгом государственном регулировании службы бояр, дворян и детей боярских, что означало, с одной стороны, отягчение этой службы, а с другой стороны, перераспределение на военные нужды части ресурсов, которые ранее шли на потребление элиты. В «приговоре» 1556 года были впервые введены нормы службы: со 150 десятин доброй земли выставлялся человек на

коне и в доспехе – «а в дальний поход о дву конь». Поместья предполагалось измерить и уравнивать соответственно «достоинству»¹⁵⁰. Особенно большое значение это нововведение имело для организации службы вотчинников: бояре и князья были обязаны служить и прежде, но число воинов, которых они должны были приводить с собой, не было четко определено. Теперь был организован учет, по уездам были составлены нарядные списки, и отныне никто не мог уклониться от службы. «И свезли государю списки изо всех мест и государь сметил множество воинства своего, – говорит летопись, – еще прежде сего не быть так, многие бо крышася, от службы избываше»¹⁵¹. Эта реформа намного увеличила московское войско. Венецианский посол Фоскарино свидетельствует, что прежде войско было немногочисленным, но преобразования «императора Ивана Васильевича» увеличили его до огромных размеров: он сам будто бы видел две армии по 100 тысяч человек каждая¹⁵². По более надежным (но более поздним) сведениям Д. Флетчера, «число всадников, находящихся всегда в готовности», достигало 80 тысяч человек, но в случае необходимости каждый дворянин мог привести с собой одного или двух «боевых холопов»¹⁵³. Таким образом, военные реформы Ивана Грозного достигли своей цели – была создана мощная армия, которая позволила России намного расширить свою территорию, стать великой державой того времени.

Необходимо отметить важную деталь организации русской поместной системы: воины обеспечивались не только поместьями, но и дополнительным жалованьем, которое выдавалось на смотрах. Таким образом, увеличение численности воинов требовало изыскания новых средств, что и было целью финансовой реформы¹⁵⁴.

Один из наиболее настоятельных советов Пересветова – это выдвижение служилых людей по заслугам, а не по знатности. Штаден отмечал, что если воин был ранен в бою спереди, то он получал придачу к поместью, если же он был ранен в спину, то поместье убавляли¹⁵⁵. Однако боярское местничество не допускало назначения неродовитых служак на высокие посты; бояре издавна боролись между собой из-за «мест». В 1550 году царь отменил местничество в полках во время военных походов – но большего он сделать не смог. Частичная отмена местничества вызвала резкое недовольство знати. В тайной беседе с литовским послом боярин Ростовский жаловался: «Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей...»¹⁵⁶ Ростовский стал одним из организаторов заговора 1553 года.

Еще одно направление реформ (в соответствии с теорией военной революции) было связано с организацией бюрократических центральных ведомств, «приказов». Налоговая и поместная реформа, составление земельного кадастра, ведение нарядных книг – все это требовало учета и контроля, создания новых специализированных ведомств. Военными делами стал управлять Разрядный приказ, сбором ямских денег и организацией ямской службы – Ямской приказ, государственными землями – Поместный приказ. Прежняя Казна превратилась в Казенный приказ, появи-

лись и другие приказы – Посольский, Разбойный и т. д. Над каждым приказом начальствовал думный боярин, но бояре плохо разбирались в делопроизводстве, и в действительности главой приказа был ученый грамотей-дьяк. Дьяки происходили обычно из «поповского рода», они были незнатными людьми, но, тем не менее, они были включены в состав думы и стали «думными дьяками». Это выдвижение худородных чиновников вызывало негодование у родовитых бояр. А. Курбский писал, что писарям русским царь «зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичей или от простого всенародства, а от ненавидячи творит вельмож своих»¹⁵⁷. Царь больше не верит боярам, писал Т. Тетерин боярину М. Я. Морозову, «есть у великого князя новые верники-дьяки... у которых отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не только землею владеют, но и вашими головами торгуют»¹⁵⁸.

В соответствии с теорией военной революции конечной целью «военно-бюрократического абсолютизма» было перераспределение ресурсов: отнятие части ресурсов у элиты, мобилизация ресурсов народа и направление их на содержание новой армии и бюрократического аппарата. По переписям 40-х годов примерно треть земли в центральных уездах принадлежала церкви, треть составляли вотчины (преимущественно боярские) и треть принадлежала государству¹⁵⁹. Перераспределение ресурсов подразумевало перераспределение этих пропорций в пользу государства.

Первая попытка в этом направлении была сделана в начале 1551 года, когда Иван IV обратился к патриарху и церковному собору с вопросом о том достойно ли монастырям приобретать земли и копить богатства. В ответ на запрос царя иерархи церкви объявили вероотступником всякого, кто покушается на ее богатства, и Иван IV был вынужден отступить. Тем не менее, правительство нашло способ перераспределения церковных доходов в свою пользу. Церковь была лишена прежних налоговых привилегий (тарханов), и монастыри были обязаны платить налоги по ставке, лишь немного уступавшей ставке налога с государственных («черных») земель. Земли, полученные церковью в 40-е годы «за долги» были отписаны на царя, и впредь монахам было запрещено заниматься ростовщичеством. Все новые покупки земель производились только с разрешения царя¹⁶⁰.

Затем делается попытка ограничить боярское землевладение. В 1562 году появился закон, запрещавший продажу родовых княжеских вотчин; в случае отсутствия прямого наследника вотчины отбирались в казну. Вслед за отменой кормлений, обязательством платить налоги и выставлять воинов этот указ был новым шагом, ущемлявшим интересы знати. Фактически речь шла о частичной конфискации боярских земель (выморочных вотчин). Естественно, он не мог не вызвать противодействия знати, есть известие, что при обсуждении указа «князь Михайло (*Воротынский* –С.Н.) царю погрубил»¹⁶¹.

Покушение на боярские земли, отягощение их налогами и обязанностью выставлять воинов, «выдвижение молодых», «бесчестье великих родов» и приближение «верников-дьяков», в конечном счете, вызвали жесто-

кий конфликт между царем и боярской аристократией. Этот конфликт был предусмотрен «теорией военной революции», но быстрота, с которой причина (создание новой армии) вызывала все описанные выше следствия, объясняется тем, что «военная революция» ускорялась третьим фактором – внешним диффузионным влиянием. Как отмечалось выше, стрелецкий корпус был создан по образцу корпуса янычар; османское влияние можно заметить и в общей направленности реформ на установление самодержавия. Фактор диффузии позволяет объяснить некоторые специфические особенности реформ, необъяснимые, исходя из теории военной революции. В частности, институт опричнины, по-видимому, был аналогом османского института «хассе», включавшего дворцовые земли, султанскую казну и гвардию¹⁶². «Слово “опричина”, и есть, в сущности, хороший русский перевод слова “хассе”», – писал известный востоковед И. П. Перушевский¹⁶³.

Как показано в работах многих исследователей (в том числе, в работах автора¹⁶⁴), процесс диффузии османских государственных институтов начался задолго до реформ Ивана Грозного, еще при Иване III, и его первым проявлением было заимствование османского института тимаров – той самой поместной системы, которая составила основу российского государства. В контексте диффузионных процессов находит объяснение и становление российского самодержавия, которое, несомненно, имело восточные черты¹⁶⁵.

Другим примером заимствования османских политических методов является лишение вотчин большого числа княжеских и боярских родов и переселение («вывод») их на окраины¹⁶⁶. «Представители знатных родов, – пишут И. Таубе и Э. Крузе, – были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от отцов имений, и так, что не могли взять с собой даже движимое имущество... Эти бояре были переведены на новые места, где им были указаны поместья...»¹⁶⁷. Р. Г. Скрынников установил, что свыше 150 представителей высшей знати были «выведены» в Казанскую землю, едва ли не большинство этих сельных имели княжеские титулы¹⁶⁸.

«Великий вывод» нанес решающий удар княжеской и боярской знати. Хотя через некоторое время сосланным было дозволено вернуться в Москву, мало кто из них получил назад свои земли. Дж. Флетчер в следующих словах отразил изменение положения бояр при Иване IV: «Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич... человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока, наконец, не сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами... Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав... он дал им другие земли на праве поместном... владение коими зависит от произвола царя... почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими...»¹⁶⁹ «Установлено фактически, – пишет В. Д. Назаров, – что в ряде уездов опричные выселения и переселения имели массовый характер, причем имело место в широких масштабах изменение формы собственности (вотчинной на поместную)»¹⁷⁰.

Реформы Ивана Грозного имели решающее значение для формирования социально-политической системы Московского царства, основными компонентами которой стали самодержавие, приказная бюрократия, полурегулярное стрелецкое войско и поместная система. Эти реформы означали *трансформацию структуры* – качественное изменение отношений между элементами структуры «государство-элита-народ». Это качественное изменение заключалось в ликвидации относительной самостоятельности старой знати, полном подчинении элиты государству, отяжении условий военной службы, появлении новых подчиненных государству неэлитных военных формирований, создании новых инструментов бюрократического управления и масштабном перераспределении ресурсов элиты и народа в пользу государства.

Таким образом, имеются основания полагать, что реформы 1550-х годов и опричнина могут быть во многом объяснены совокупным действием демографического, военно-технического и диффузионного факторов. В этом гетерогенном процессе роль демографического фактора (в соответствии с демографически-структурной теорией) проявлялась, в частности, в столкновении государства и аристократии, в процессе фракционирования элиты и в борьбе аристократии и дворянства, в направленных против аристократии выступлениях городского населения, в тенденциях к самодержавию и этатизму, в экономическом и финансовом кризисе, в росте цен, падении потребления и в постоянно повторяющихся голодовках, на фоне которых происходила политическая борьба. Однако параллельно демографическому фактору и почти в том же направлении действовали технический и диффузионный факторы, и в некоторых процессах эти факторы играли более важную роль, чем демографический фактор. Наступление самодержавия, в частности, началось задолго до Сжатия и может получить более обстоятельное объяснение при изучении диффузионных процессов. Военная реформа также необъяснима в рамках демографически-структурной теории, но имеет логическое объяснение в рамках процессов военной революции и диффузии; такой же вывод можно сделать и в отношении налоговой реформы. Опричнина, хотя и была следствием общего конфликта между государством и аристократией, в своих конкретных формах может получить объяснение в рамках процесса османских заимствований.

2.3. Экосоциальный кризис

2.3.1. Демографическая катастрофа

Наряду с динамикой населения и динамикой элиты демографически-структурная теория изучает также и динамику государства. Основные величины, характеризующие эту динамику, – это объем финансовых средств государства (соответствующий объему поступающих налогов), численность его военных сил, а также уровень авторитаризма и степень государственного регулирования. Трансформация структуры «государство-элита-

народ» в период правления Ивана Грозного привела к резкому усилению государственной и военной мощи России. Следствием этого усиления стало завоевание Поволжья, что в долгосрочной перспективе означало значительное расширение экологической ниши русского этноса. Однако трансформация структуры привела также и к резкому увеличению налогов. Конечной целью «военно-бюрократического абсолютизма» было перераспределение ресурсов, не только отнятие части ресурсов у элиты, но и мобилизация ресурсов народа и направление их на содержание новой армии и бюрократического аппарата. Рис. 2.1. дает представление о драматическом наступлении военно-бюрократического самодержавия.

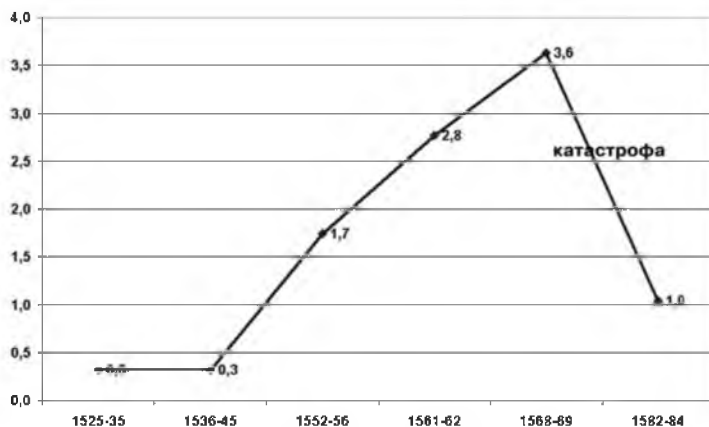

Рис. 2.1. Динамика государственных повинностей в Бежецкой пятине (в пудах хлеба на душу населения)¹⁷¹.

Для того чтобы заплатить увеличившиеся налоги, крестьяне были вынуждены продавать больше хлеба; это вызвало снижение цен в 1562-1568 годах, и еще более увеличило тяжесть налогов. После собора 1566 года налоги были еще раз увеличены, теперь в пересчете на хлеб они составляли около 3,5 пудов на душу населения, в два раза больше, чем в начале 50-х годов.

Демографически-структурная теория, описывая динамику государства в период Сжатия, утверждает, что в этот период государство испытывает финансовые проблемы, обусловленные трудностями сбора налогов с беднеющего населения и обесцениением поступающих денежных средств в результате роста цен. Однако в России резкое усиление государственной мощи позволяло увеличивать налоги, несмотря ни на что. В результате государственный кризис не проявился явно, но рост налогов в огромной степени способствовал развитию кризиса в другом предсказываемом немальтузианской теорией направлении – в направлении демографической катастрофы.

В контексте неомальтузианской теории резкое увеличение налогов означает перераспределение ресурсов в пользу государства и отнятие средств существования (*means of subsistence*) у народа – то есть искусственное сокращение экологической ниши. С другой стороны, рост населения и уже начавшееся Сжатие и без того обуславливали низкий уровень потребления; теперь к естественному Сжатию добавлялось искусственное, что еще более понижало уровень потребления и резко повышалось демографическое давление.

Здесь необходимо вернуться к ситуации, которая сложилась к середине XVI века на новгородчине. Как отмечалось выше, Сжатие было неравномерным, и его очаг был расположен на Северо-Западе – там, где и без того скудные средства существования крестьян сокращались большими изъятиями ресурсов в пользу дворян и государства. Мы видели, что в некоторых пятинах Новгородчины потребление крестьян было ниже минимума в 15 пудов на душу населения, что крестьяне часто голодали и население пятин уменьшалось. Откуда крестьяне могли взять лишние 3-4 пуда на душу, чтобы заплатить увеличившиеся налоги? Изъятие необходимого для пропитания зерна должно было привести к голоду и к вспышке эпидемий. Имеющиеся данные, действительно, говорят о нарастании голода и эпидемий в Деревской пятине, начиная с 1560 года (см. рис. 2.2).

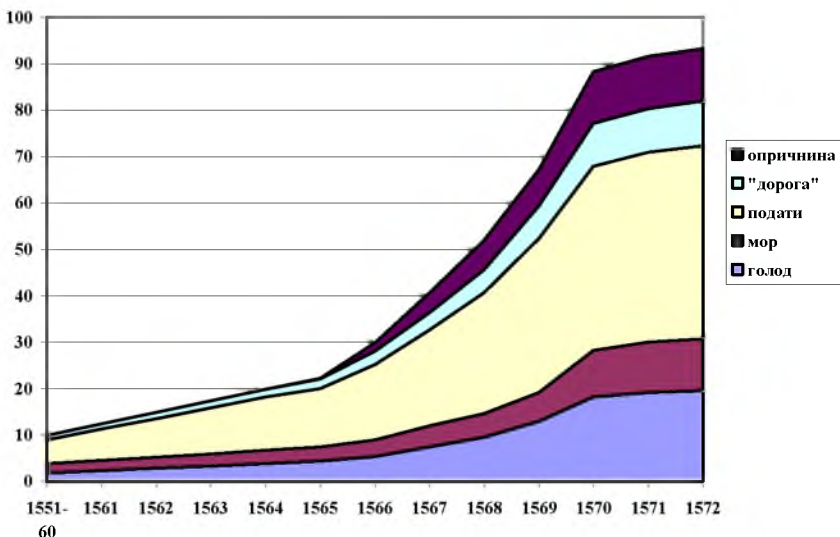

Рис. 2.2. Процесс запустения Деревской пятинны (в процентах к общему числу обезж в 1500 году)¹⁷². При «обьске» в 1573 году писцы указывали причины запустения обезж, ухода или гибели хозяев: голод, мор, бегство от податей, от насилий войск, двигавшихся в Ливонию по проходившим по пятине дорогам. Часть обезж запустела от вывоза крестьян в поместья опричников.

Общее впечатление от этой картины – это постоянные голод и мор. Увеличение податей вызвало повальное бегство, но судьба бежавших остается неизвестной – многие, вероятно, погибли от голода на дорогах. График говорит о том, что голод и мор, разразившиеся по всей России в 1568-1571 годах, были подготовлены протекавшими ранее процессами. В Деревской пятине они означали лишь некоторое усиление голода и мора, которые свирепствовали здесь все 60-е годы.

В конце 60-х годов тревожные сообщения приходят и из других районов. Увеличение налогов должно было привести к сокращению крестьянских запасов, что в случае неурожая было чревато большим голодом. Здесь мы соприкасаемся с важным вопросом о влиянии случайных факторов, таких, как неурожай и эпидемии. Большие неурожаи случались на Руси в среднем каждые 6-7 лет¹⁷³, но они обычно не приводили к катастрофическому голоду, потому что, в силу давней традиции, крестьяне хранили запасы хлеба на случай неурожая. Запасы поддерживали устойчивость экономической системы, теперь же высокие налоги лишили крестьян возможности запастись хлебом, система становилась неустойчивой – и «случайные» факторы начали действовать.

В 1567/68 годах летописи отмечают неурожай и голод в центральных областях: «Глад был на Руси велик, купили в Москве четверть ржи в полтора рубля»¹⁷⁴. Обычная цена ржи была 30-40 денег – стало быть, цены возросли в 8-10 раз! Следующий год снова был неурожайным: «Была межевина велика добре, на Москве, и в Твери и на Волоце ржи четверть купили по полутора рубля по штыдесят алтын и людей много умерло с голоду»¹⁷⁵. В 1569 году в вотчинах старицкого Успенского монастыря в Тверском уезде пустовала треть деревень, а в Кашинском и Старицком уездах – около половины¹⁷⁶. В 1570 году следом за голодом пришла чума. В современной историографии считается, что большие эпидемии не приходят сами по себе, что они являются следствием хронического недоедания и падения сопротивляемости организма¹⁷⁷. «Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни», – писала Е. И. Колычева¹⁷⁸. «Великий голод» продолжался и во время эпидемии. «Был тогда великий голод, – свидетельствует Г. Штаден, – из-за кусочка хлеба человек убивал человека...»¹⁷⁹. Весной 1571 года монахи Троице-Сергиева монастыря жаловались, что в монастырских вотчинах «крестьяне от глада и от поветрия вымерли», «крестьян... у них во всей троецкой вотчине не осталось ни тридцатого жеребья»¹⁸⁰.

В условиях жестоких войн ослабление одного из противников побуждает других к наступлению – и такой «случайный» фактор, как опустошительное нашествие врагов, тоже оказывается не случайным. Перебежчики поспешили донести крымскому хану о трагедии Руси¹⁸¹. Хан Девлет-Гирей решил воспользоваться тяжелым положением русских, собрал огромное войско и пошел походом на Москву. В мае 1571 года крымцы окружили в

Москве русскую армию и сожгли осажденный город, в огне погибли сотни тысяч людей. Татары подвергли страшному разорению весь Московский уезд и уезды, лежавшие южнее столицы¹⁸².

Каковы были масштабы катастрофы? Наиболее подробные данные по этому вопросу предоставляют новгородские материалы. В Деревской пятине 1/3 беж была заброшена из-за голода и мора – то есть хозяева погибли; остальные бежали от царевых податей и правей. В Водской пятине запустело 3/5 всех беж, но неизвестно, сколько крестьян погибло, а сколько ушло в другие места. В одной из волостей Бежецкой пятины от мора и голода погибло 40% населения¹⁸³. Для центральных областей статистических данных гораздо меньше; имеется, в частности, информация о запустении расположенных в различных уездах вотчин Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей. В опустошенном татарами Московском уезде в этих вотчинах было заброшено 90% пашни, в Суздальском уезде – 60%, в Муромском уезде – 36%, в Юрьев-Польском уезде – 18%¹⁸⁴. Масштабы запустения были велики; часть крестьян погибла, но некоторые, вероятно, переселились в другие места. Однако массовое переселение во время эпидемии было невозможно: во избежание распространения болезни дороги были перекрыты заставами. Бежать на окраины не имело смысла: 1570-е годы были временем больших восстаний в Поволжье, а южные области в этот период трижды подвергались опустошению кочевниками¹⁸⁵. Таким образом, крестьянам было некуда уходить, и приведенные выше цифры говорят об огромных масштабах гибели населения. В итоге, можно предположить, что демографическая катастрофа привела к уменьшению численности населения примерно на 30-50%¹⁸⁶.

Суммируя сказанное, необходимо отметить, что демографическую катастрофу 1568-1571 годов нельзя объяснить, исходя из одного демографического фактора. Демографический фактор обусловил перенаселение и нехватку земли в некоторых районах, ухудшающееся продовольственное положение, часто повторяющийся голод. На эту классическую картину Сжатия наложились потребности военной революции и войны, которые обусловили резкое увеличение налогов. В результате изъятия хлебных запасов экономическая система потеряла устойчивость и стала чувствительной к действию случайных факторов, таких, как неурожай. Неурожай вызвал голод, а за голодом, как обычно бывает, последовала эпидемия. Внешние враги воспользовались ситуацией, чтобы довершить разорение Московии – и в результате произошла страшная демографическая катастрофа. Таким образом, мы снова сталкиваемся с совокупным действием нескольких факторов, причем те из них, которые можно считать главными (демографический и технический), открывают дорогу действию других, случайных факторов (неурожаи, эпидемии и нашествия врагов).

Казалось бы, в противоречии с теорией, демографическая катастрофа не сопровождалась теми явлениями, которые присутствуют в описаниях классического экосоциального кризиса: голодными бунтами, народными восстаниями и мятежами знати. Мощное государство сумело на время

предотвратить политическую дестабилизацию. Однако оно не сумело предотвратить дестабилизацию экономическую, а это означало, что экосоциальный кризис будет продолжаться, что грозные события еще впереди.

2.3.2. Экономические последствия катастрофы

Классический пример анализа экономических последствий демографической катастрофы был дан в свое время М. Постаном, изучавшим последствия Черной Смерти XIV века. Анализируя эти последствия, М. Постаном следует неомальтузианской теории и подчеркивает следующие основные моменты. Убыль населения приводит к тому, что на смену прежней нехватке земли приходит ее избыток, появляется нехватка рабочей силы. Первым следствием нехватки рабочей силы является резкое возрастание реальной заработной платы (то есть платы, исчисленной в зерне). Вторым следствием является понижение ценности земли, то есть уменьшение земельной ренты, оброков и барщин. В Англии после Черной Смерти численность населения уменьшилась вдвое, а реальная заработная плата возросла в 2-2,5 раза¹⁸⁷.

Соответствуют ли неомальтузианским представлениям последствия российской катастрофы 1568-1571 годов? Имел ли место рост реальной заработной платы, и наблюдалось ли уменьшение оброков? Ответ на этот вопрос имеет чрезвычайно большое значение в плане апробации неомальтузианского подхода на российском материале.

Анализируя данные о заработной плате наемных работников, нужно отметить, что информации о поденной плате имеется сравнительно немного. Известно, например, что в 1576 году поденщики на вологодчине получали по 3 деньги в день, а четверть зерна стоила 23 деньги¹⁸⁸, таким образом, дневная плата составляла 9,3 кг хлеба. Как отмечалось выше, в 1568 году поденщик на Белоозере мог на дневную плату купить только 3,6 кг хлеба*. Но, хотя в данном примере реальная заработная плата возросла в 2,5 раза, трудно сделать вывод о статистической значимости таких единичных примеров.

Гораздо больше данных имеется об оплате монастырских работников («детеньшей» или «казаков») нанимавшихся на год или на большие сроки. Рост оплаты монастырских работников в 1570-х годах отмечался многими исследователями – причем Б. Д. Греков еще в 20-х годах предполагал, что оплата выросла вследствие нехватки рабочей силы¹⁸⁹. Однако обобщающих данных по этому вопросу в литературе не имеется, и нам пришлось провести конкретно-историческое исследование с использованием приходно-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. В результате обработки данных о заработной плате нескольких сот «детеньшей» выяснилось, что средняя реальная (а также и номинальная) заработная плата

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» – 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле, поэтому цена пуда «хлеба» составляла 9/10 от цены пуда ржи.

после катастрофы 1570-71 годов возросла примерно в 2,5 раза (рис.2.3). Оплата квалифицированных работников, например, плотников, портных, возросла в 2 раза. Подобное увеличение оплаты имело место и в других церковных учреждениях. В Новгородском Софийском Доме оплата дворовых работников увеличилась в 1547-1577 годах с 60 до 120 денег; в Кирилло-Белозерском монастыре оброк дворовых слуг возрос в 1568-1581 годах с 42 до 126 денег, а оброк портных – с 90 до 200 денег¹⁹⁰. М. Постан особо отмечает, что после Великой Чумы оплата чернорабочих увеличилась в большей степени, чем оплата квалифицированных рабочих¹⁹¹, – это явление мы отмечаем и в России.

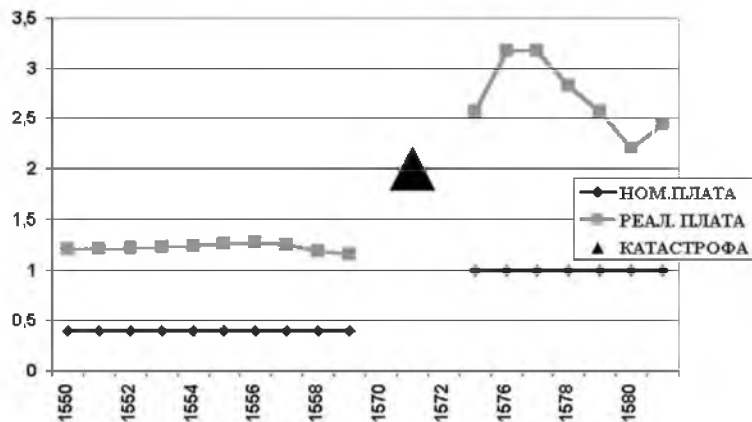

Рис. 2.3. Размеры оброка и реальной заработной платы в Иосифо-Волоколамском монастыре¹⁹². Годовой размер оброка дан в рублях. Реальная плата исчисляется как количество ржи (в кг) которые мог купить работник на дневную плату плюс дневное продуктовоесодержание (0,8кг)¹⁹³.

Вторым признаком резкого сокращения численности населения является значительное уменьшение земельной ренты. После Черной смерти нехватка рабочей силы в Англии привела к тому, что крестьяне и батраки стали передвигаться по стране в поисках лучших условий. Они отказывались занимать освободившиеся после чумы обремененные барщиной тяглые «вилланские» наделы; землевладельцы были вынуждены сдавать эти земли в аренду по пониженным расценкам, и арендная плата упала на 20-30%¹⁹⁴. Мы наблюдаем аналогичный процесс и в России, здесь наблюдается резкое сокращение величины тяглого надела и распространение аренды по пониженным оброчным ставкам. В первой половине XVI века размеры облагаемого налогами и зафиксированного в переписях тяглого надела крестьянина приближались к одной выги, а аренды за оброк практически не существовало. Теперь же крестьяне отказываются брать полные тяглые

наделы, эти наделы сокращаются до 1/3-1/6 выги; появилось множество безнадельных крестьян, «бобылей». Остальную необходимую им землю крестьяне арендовали у своего или у соседнего землевладельца; эта земля не указывалась в переписных книгах, и с нее не платили казенные налоги, а плата, полагавшаяся землевладельцу, была намного ниже, чем на тяглых землях. В результате после катастрофы 1568-1571 годов оброки на поместных землях упали примерно в 3 раза (с 10-12 пудов до 3-4 пудов на душу), на дворцовых землях – примерно в 2 раза¹⁹⁵.

В некоторых случаях отмечалось не только уменьшение оброков в расчете на двор, но и уменьшение выгных ставок. Так, З. В. Дмитриева, сравнивая размеры ставок в 1559 и 1601 годах в различных вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря, пришла к выводу, что они резко уменьшились в тех селах, где тяжело сказался кризис 1568-1571 годов, и почти не изменились в районах, не пострадавших от голода и мора¹⁹⁶.

Уменьшение оброков для оброчных крестьян шло параллельно уменьшению барщины в барщинных хозяйствах. Известно, что в первой половине XVI века норма барщины составляла 1 десятину с выги в одном поле; в подавляющем большинстве известных случаев эта норма сохранялась вплоть до 90-х годов¹⁹⁷. Но количество дворов на выть за это время возросло в 2-3 раза – то есть объем барщины в расчете на двор значительно сократился¹⁹⁸.

Таким образом, нормы оброка и барщины снизились, свободной земли было более чем достаточно, можно было выбирать лучшие участки. Напрашивается вывод о том, что крестьяне стали жить намного лучше – однако у нас нет массовых данных, которые бы позволили реконструировать бюджет крестьянского хозяйства¹⁹⁹. Крестьяне скрывали свою безоброчную пашню и указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки, поэтому размеры средней запашки известны лишь в редких случаях. В Прибужском погосте Старорусского уезда в 1580-х годах на крестьянский двор приходилось 3 десятины тяглой, 5 десятин арендной земли, и, вероятно, кое-что обрабатывалось безоброчно. В Бежецкой пятине известно много случаев, когда крестьяне безоброчно распаивали очень большие наделы²⁰⁰. Естественно предположить, что в сложившихся благоприятных условиях крестьяне пахали столько, сколько считали нужным – и, во всяком случае, не меньше, чем раньше. Г. Штаден свидетельствует, что в то время среди крестьян были богатые люди; известно также, что некоторые сельчане делали большие вклады в монастыри²⁰¹. О высоком уровне жизни крестьян говорит и высокая оплата монастырских батраков-«детеньшей».

Таким образом, в период, следовавший за катастрофой 70-х годов, уровень эксплуатации крестьян не увеличился (как утверждают некоторые историки), а напротив, значительно уменьшился – в полном соответствии с неомальтузианской теорией. Это означало экономическую дестабилизацию, перераспределение ресурсов в пользу народа и в ущерб государству и элите. Начался тяжелый финансовый кризис государства, сопровождаемый кризисом элиты – характерные процессы, фиксируемые демографически-

структурной теорией, как признаки надвигающегося брейкдауна. Государству угрожал и старый конфликт, унаследованный от периода до катастрофы – затянувшееся противостояние между самодержавием и боярское аристократией.

2.3.3. Кризис государства

Теперь нам необходимо вернуться к рассмотрению динамики государства. С первого взгляда, мощное государство Ивана Грозного сумело справиться с тяжелым кризисом: крымские татары были разбиты в битве при Молодях, а внутри страны не было восстаний и мятежей. Однако в действительности демографическая катастрофа нанесла сильнейший удар по государственной системе России. Уменьшились не только подати, уплачиваемые землевладельцам, сокращение тяглых наделов привело к уменьшению крестьянских платежей в казну. Реальный размер податей, платимых с одного двора, сократился в 3-4 раза. В Новгородском уезде Шелонской пятины в 1573-1588 годах реальные платежи крестьянского двора уменьшились в 5 раз! Казна опустела; сборы с новгородских земель к 1576 году уменьшились вдвое, а к 1583 году в 12 раз²⁰²!

Власти не сразу осознали всей тяжести бедствия, первое время они, как встарь, заставляли уцелевших крестьян платить подати за погибших и ушедших. К 1570-1571 годам относятся сведения о жестоких «правежах», которые творили хлебные «праветчики» и посланные им на подмогу опричники; иной раз крестьян забивали насмерть; их имущество продавали за долги. В 1571 году правительство опомнилось и послало в деревню писцов выяснять положение и править писцовые книги, снимать налоги с умерших. Но было уже поздно, жестокие «правежи» вынудили крестьян к бегству – и бегство приняло массовый характер. Многие уходили на земли монастырей – во время борьбы с боярами царь восстановил отмененные было налоговые привилегии монастырей, «тархань»; теперь монастыри, в свою очередь, давали льготы крестьянам. В условиях катастрофической нехватки рабочей силы крестьяне могли диктовать землевладельцам свои условия, заставляя их уменьшать величину тяглого надела и сдавать землю под оброк. Так же как в Англии, начался процесс интенсивного перемещения крестьян в поисках лучших мест²⁰³.

Последствия катастрофы тяжело сказались на положении военного сословия. Дворянские поместья стояли пустыми, землю было некому обрабатывать; в Московском уезде обрабатывалось только 7% помещичьей пашни, в Коломенском уезде – 25%. В Деревской пятине в начале 80-х годов больше трети помещиков не имели ни пашни, ни крестьян²⁰⁴. «А крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханами по льготе, – говорится в приговоре церковного собора 1584 года, – и оттого великая тощета воинским людям прииде»²⁰⁵. Барская запашка сократилась до уровня, немногим превосходящего запашку крестьянского двора, а доходы помещика – до уровня крестьянских доходов. «В период хозяйственного кризиса... оставшиеся крестьяне почти полностью перестали пахать тяглую землю, тем

самым почти полностью лишив владельцев оброка», – отмечал Г. В. Абрамович²⁰⁶. Не имея денег, помещик не мог купить кольчугу или саблю – но несмотря на это должен был идти воевать. «У тех, кто не объявлялся на смотр, отписывались именья, – свидетельствует Г. Штаден, – а его самого били публично на торгу или в лагере кнутом...»²⁰⁷ Дворяне бросали свои опустевшие поместья и скрывались в бегах, московское войско уменьшилось более чем вдвое²⁰⁸.

Под угрозой лагерных «правежей» помещикам не оставалось ничего иного, кроме как увеличивать оброки и барщину немногих оставшихся у них крестьян. В прежние времена величина оброка фиксировалась в переписных книгах; именно это детальное перечисление оброков составляло основное содержание русских переписных книг. В «послушных грамотах», выдаваемых при испомещении, указывалось, что крестьяне должны платить оброки и нести барщину «по старине» – то есть так, как зафиксировано в прежних книгах. (Иногда, правда, встречались грамоты, позволявшие помещику «прибавить доходу», но так, чтобы не вызвать уход недовольных крестьян, чтобы поместье не запустело²⁰⁹.) В немногих сохранившихся переписных книгах 60-х годов сохраняется перечисление оброков примерно в тех же размерах, что и прежде. Однако с конца 60-х годов меняется форма «послушных грамот»; грамоты теперь требуют, чтобы крестьяне давали помещику все, «чем вас избочит»²¹⁰. Таким образом, помещики получили право произвольно увеличивать оброки крестьян. «Служилые люди стали брать с бедных крестьян, которые были им даны, все, что те имели», – свидетельствуют И. Таубе и Э. Крузе²¹¹. В ответ крестьяне стали уходить от помещиков, не дожидаясь Юрьева дня и не платя «пожилого». Бывали случаи, когда при повышении оброка все крестьяне разом уходили из деревни помещика²¹².

Кризис продолжался, и некогда мощное московское войско быстро теряло боеспособность. По литовским сведениям, в 1580 году в Москве собрался собор, на котором «всей землей просили великого князя о мире, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, что против сильного государя трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь на чем и с чем»²¹³. «Обращение к материалам разрядных книг за 1578-1579 показывает, с каким трудом приходилось заставлять «оскудевших» служилых людей выступать в походы, – отмечает В. И. Корецкий. – Ни угрозы битья кнутом, ни даже смертной казни уже не действовали»²¹⁴. Правительство пыталось что-то предпринять: чтобы предотвратить уход крестьян с помещичьих на монастырские земли, были окончательно отменены все налоговые привилегии монастырей; была запрещена любая передача земель служилых людей церкви, были введены новые чрезвычайные налоги. Была начата перепись, в районах ее проведения временно вводились «заповедные годы» – в эти годы крестьяне и горожане не должны были менять место жительства²¹⁵. Все эти меры не могли спасти положение.

В начале 1582 года правительство признало свое бессилие, отказалось от завоеваний в Ливонии и подписало мир с Польшей. Два года спустя

умер Иван Грозный, и на престол возшел его сын Федор (1584-1598). Федор был «слаб умом» и практически неспособен к управлению; это означало резкое ослабление государственной власти в период, когда экономическая дестабилизация грозила перейти в политический кризис²¹⁶.

Таким образом, произошедшее в соответствии с неомальтузианской теорией перераспределение ресурсов в пользу народа (и их сокращение в целом) привело к финансовому кризису государства, к расстройству военных сил и к частичной потере управляемости. Это перераспределение привело также и к кризису элиты, потерявшей большую часть своих доходов, и требовавшей от государства принять меры к их восстановлению. При этом сохранялся глубокий раскол элиты и конфронтация между аристократией и дворянством, с одной стороны, и аристократией и государством – с другой.

В условиях кризиса государство перестало устанавливать размеры ренты помещиков; это была уступка государства элите, говорящая об ослаблении самодержавия, и о существенных изменениях взаимоотношений в рамках структуры «государство-элита-народ». В сочетании с утвердившейся практикой передачи отцовских поместий сыновьям (то есть практикой фактического наследования) эта уступка привела к тому, что поместное дворянство стало более независимым от государства. Благодаря этой относительной независимости дворянство является не только частью государства, но и частью элиты – то есть у дворянства появляются свои собственные интересы, отличные и даже противоположные интересам государства. Например, помещики крайне заинтересованы в повышении своей ренты с крестьян – и в частности, за счет сокращения государственных налогов. Однако увеличить ренту можно лишь в том случае, если крестьяне лишены возможности покинуть поместье – то есть путем введения крепостного права. Государство также заинтересовано в прикреплении крестьян к земле, чтобы обеспечить сбор налогов и военную службу помещиков. Таким образом, на первый план вышел вопрос о крепостном праве.

2.3.4. Социальные последствия катастроф: опыт Европы

Кризис Российского государства в 1570-1580-е годы был обусловлен последствиями демографической катастрофы – острой нехваткой рабочей силы, запустением поместий, оскудением дворянства и финансовым кризисом государства. В рамках неомальтузианской концепции демографическая катастрофа 1568-1571 годов и ее последствия могут сравниваться с другими экосоциальными кризисами, в которых, как утверждает теория, демографический и экономический механизм кризиса должен был работать аналогичным образом. По самой своей сути неомальтузианский подход предполагает компаративный анализ, и мы воспользуемся этой возможностью для прояснения вопроса о последствиях катастрофы. Как отмечалось выше, эти последствия могут быть сопоставлены с явлениями, наблюдавшимися в Европе после Великой Чумы середины XIV века. В связи с этим представляется полезным обратиться к анализу тех социаль-

ных сдвигов, которые последовали в Европе за «Черной Смертью». Анализ социальных последствий Великой Чумы, был дан, в частности, П. Фриденом в шестом томе «Кембриджской новой средневековой истории»²¹⁷.

Черная Смерть привела к глубоким социально-экономическим переменам, но эти перемены имели различный характер в разных странах. В Англии к этому времени большинство населения составляли малоземельные и безземельные крестьяне, по существу, сельскохозяйственные рабочие, нанмавшиеся обрабатывать поля землевладельцев. Почувствовав благоприятную ситуацию, эти «рабочие» (laboratories) стали переходить с места на место в поисках хозяина, который предложит лучшие условия. В ответ власти прибегли к изданию законов против «наглости и корыстолюбия» работников. По «статуту о рабочих» 1351 года, они не должны были уходить из своей деревни, если в округе был наниматель, предлагавший им установленную статутом (прежнюю, существовавшую до катастрофы) плату. Позднее был издан закон о сыске беглых, а также определены правила, по которым рабочий мог уходить из родных мест только с письменного разрешения властей. *Д. М. Петрушевский прямо называет эти законы закрепощением*²¹⁸. Имели место и другие проявления «сеньориальной реакции», когда сеньоры вспоминали свои давно забытые «права», переводили крестьян с оброка на барщину или насильно сажали их на опустевшие барщинные надель (а барщина была признаком крепостного статуса). Эта попытка закрепощения столкнулась с возросшим самоуважением простолюдинов, с их надеждами повысить свой статус и привела к восстанию Уота Тайлера. Историки называют это восстание «революцией растущих надежд»²¹⁹, и, хотя восстание было подавлено, оно не позволило дворянству осуществить закрепощение работников. По мнению некоторых исследователей причиной конечного успеха английского крестьянства было то, что крестьяне имели мощное оружие обороны – «Большой Лук», стрела которого пробивала рыцарские латы²²⁰. В итоге, экономический процесс реализовался в полном соответствии с неомальтузианской теорией: уровень потребления крестьян увеличился, а уровень ренты упал, и английское дворянство было вынуждено увеличивать свои доходы другим способом. Далее, также в соответствии теорией, в условиях острого недостатка доходов элита стала фрагментироваться и распалась на группировки, которые вступили в борьбу за ресурсы между собой и с государством. В Англии начался долгий период междоусобных войн, известных как «Войны Алой и Белой розы».

Во Франции сеньориальная реакция также вызвала большое восстание, «жакерию», и также закончилась неудачей, а затем начался период междоусобиц и внешних войн. Однако в других странах – там, где не было Большого Лука, – ситуация сложилась иначе. Дворянская элита использовала свое военное превосходство, чтобы остановить действие мальтузианского механизма путем трансформации отношений внутри структуры «государство-элита-народ» и резкого перераспределения доходов в свою

пользу. Эта *трансформация структуры* включала захват элитой политической власти и введение крепостного права.

Крепостное право одержало победу в Каталонии, Пруссии, в Ливонии, на датских островах. В Ливонии прикрепление крестьян было оформлено в 1509 году, причем исследователи напрямую связывают этот факт с катастрофической нехваткой рабочей силы, возникшей после страшного мора 1504 года (когда погибла половина населения страны). Ливонские дворяне могли продавать своих крестьян; они обладали над ними высшей судебной властью²²¹.

Характерным примером развития событий является Дания – традиционный союзник Московского государства. Эта страна служила для России в некотором роде образцом «цивилизованной европейской нации», а между тем к XVI веку датские крестьяне были обращены в рабов, их продавали семьями и в разбивку, они подлежали помещичьему суду. Крестьянство не раз восставало против попыток порабощения; последнее такое восстание произошло в 1534 году, когда простой народ поддержал короля Кристиана II, попытавшегося отменить рабство. Восстание закончилось поражением, король был взят в плен, и дворянство окончательно восторжествовало. В XVI веке дворянский совет, «риксрод», избирал и низлагал королей и фактически управлял государством; при избрании на престол короли в особой «капитуляции» подтверждали вольности датского дворянства – в том числе даже право мятежа²²².

В Венгрии и Польше вопрос о крепостном праве также был частью борьбы дворянства за политическую власть; он репался в ходе дворянских мятежей, «рокошей». Венгерские «рокоши» в конце XV века привели к тому, что все дворяне добились права личного участия в государственном собрании; это собрание утверждало законы, вотивало налоги и выбирало королей. Дворянское собрание стало вводить «заповедные годы» и запрещать крестьянский выход; повинности резко возросли. Крестьяне сопротивлялись угнетению тем же способом, что и в России – сокращали величину тяглого надела. Француз Шок де Бретань писал в 1503 году, что венгерские дворяне приравнивают крестьян к скоту и жестоко обращаются с ними; другой современник прямо называл венгерских крестьян рабами. В 1514 году крестьяне поднялись на восстание; их вождь Дьёдь Дожа призывал крестьян «сбросить ярмо рабства». Восстание было подавлено, и крестьяне были «закрепощены навечно», однако дворянское собрание сочло разумным ограничить барщинные повинности одним днем в неделю. Позднее турки освободили крестьян в завоеванных ими областях Венгрии, а в остальной части страны ограничения барщины были постепенно отменены, и положение крестьян действительно приблизилось к положению рабов²²³.

Наиболее важным для России был пример Польши – после побед Стефана Батория в России резко усилилась тенденция к перениманию польских порядков. Польша имела много общего с Венгрией – здесь также было много свободной земли и мало рабочих рук (ведь чумные эпидемии

продолжались до середины XV века). Польская шляхта пришла к власти примерно в одно время с венгерским дворянством. После мятежа шляхты в лагере под Нешавой в 1454 году король был вынужден утвердить так называемые «Нешавские статуты» – первую польскую конституцию. С этих пор дворянство собиралось на сеймы, выбирало королей и вотивало субсидии на ведение войны; если на сейме не достигалось согласия, то по «безнарядным» польским обычаям недовольная сторона могла поднять вооруженный мятеж. Дворянство свободно владело землями, могло их покупать и продавать, и это владение не было обусловлено службой. Все это составляло понятие польской «свободы», «золотой вольности». Обратной стороной шляхетской свободы было крестьянское рабство. Захватив власть, шляхта постепенно и медленно (в отличие от венгерских дворян) стала закрепощать крестьян. Крестьянский выход, ограниченный статутом 1496 года, был полностью запрещен только в 1540-х годах. Барщина, поначалу составлявшая один день в неделю, перестала нормироваться в середине столетия и к концу столетия обычно составляла 3-4 дня в неделю с половинного надела. На исходе XVI века крестьян официально именовали рабами («холопами»), «сыновьями Хама». Холопы принадлежали пану; их продавали и покупали; они должны были исполнять все приказы пана, выходить на барщину и нести оброки, как скажет пан. Шляхта вела обширное фольварочное хозяйство, и большую часть недели крестьяне обрабатывали земли своих хозяев. Крестьяне подлежали суду пана, и приговор не мог быть обжалован; по приказу пана крестьянина могли сечь плетью до смерти. «Крестьяне, – подданные своих господ, которые распоряжаются их жизнью и смертью», – писал папский нунций из Польши в 1565 году. «У них, без всякой с их стороны провинности, господа по своему произволу отбирают землю и все имущество и, как принято в некоторых поветах, продают их, как скот», – свидетельствует Ян Можевский. «Разгневанный помещик... не только разграбит все, что есть у бедняка, но и убьет его – когда захочет и как захочет», – говорил иезуит Петр Скарга²²⁴.

В сопредельных Венгрии и Польше дунайских княжествах, в Молдавии и Валахии, в конце XVI века также происходит прикрепление крестьян. В 1591-1592 годах в Молдавии была проведена перепись, и крестьяне были закреплены за их господами-землевладельцами; около 1595 года подобная реформа была проведена в Валахии. Характерно, что одновременно с запретом выхода были законодательно зафиксированы повинности молдавских крестьян – причем на довольно низком уровне: барщина составляла не более 12 дней в году. Низкий уровень повинностей в пользу землевладельца объяснялся высокими налогами, которые молдавские крестьяне платили своему господарю (в Венгрии и Польше крепостные ничего не платили в казну). В данном случае мы видим пример государственного закрепощения, когда оно осуществляется не столько в интересах дворянства, сколько в интересах центральной власти²²⁵.

Обзор последствий Черной Смерти, сделанный П. Фридменом, показывает, что стремление дворянства восстановить свои уменьшившиеся дохо-

ды вызвало попытки закрепощения крестьян во всей Европе, и во многих странах эти попытки увенчались успехом.

Таким образом, были возможны два варианта развития: в «восточноевропейском» варианте (осуществившемся, впрочем, и в некоторых западных странах) дворянство ответило на падение своих доходов захватом власти и введением крепостного права, то есть радикальной *трансформацией структуры* «государство-элита-народ» и резким перераспределением ресурсов в свою пользу. В другом, «западноевропейском» варианте дворянство оказалось не в состоянии произвести трансформацию структуры и остановить мальтузианское развитие событий. В этом случае падение доходов дворянства привело к его расколу на группировки, которые начинали междоусобную борьбу за ресурсы. Войны продолжались до тех пор, пока численность дворянства не уменьшалась, что позволяло восстановить равновесие между численностью элиты и численностью населения. Оба эти варианта развития событий могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории.

2.3.5. Депрессия

Как показывает пример Англии, механизм кризиса, запущенный демографической катастрофой, работал довольно медленно: между Черной Смертью и восстанием Уота Тайлера прошло 33 года. В России демографической катастрофа и Смута были разделены таким же временным промежутком, как и в Англии; это было время неустойчивой депрессии, когда государство и элита пытались сопротивляться падению доходов путем увеличения налогов и постепенного введения крепостнических порядков.

С точки зрения демографически-структурной теории в этот период на первый план вышла политическая борьба за перераспределение ресурсов. В России после смерти Ивана Грозного сложилась ситуация, в которой ослабшая монархия подвергалась натиску с разных направлений. С одной стороны, аристократия пыталась взять реванш, вернуть свои огромные вотчины и свое положение в государственном аппарате и при дворе. С другой стороны, обедневшее дворянство просило и требовало поддержки и перераспределения ресурсов в свою пользу; от решения этой проблемы напрямую зависела боеспособность войска, и путь к решению этой проблемы лежал через закрепощение крестьян. Наконец, государство само было заинтересовано в *прикреплении* крестьян к земле, чтобы обеспечить сбор налогов.

Первым конфликтом, прорвавшимся на поверхность после смерти грозного царя, был старый конфликт между государством и боярской аристократией. Боярская партия сразу подняла голову и начала атаку на ближайших сподвижников Ивана IV. Прежде всего, оппозиция добились ликвидации «дворовой охраны» – прежнего опричного корпуса. Была объявлена амнистия и из тюрем вышли враги Грозного, князья и бояре, которые сумели выжить; им вернули отобранные поместья²²⁶.

Однако партия, связанная с «дворовой охраной», продолжала оказывать сопротивление; ее руководителем стал Борис Годунов. Годунов был

братом царицы Ирины, и с ее помощью ему удалось подчинить своему влиянию безвольного царя Федора. Борьба с боярами носила ожесточенный характер; знать спровоцировала волнения в Москве; толпа пыталась взять приступом укрепленное подворье Годунова – однако штурм был отбит; глава заговора князь Иван Шуйский был отправлен в ссылку. Победа бывшего опричника была обусловлена тем, что после казней Ивана Грозного бояре уже не обладали той силой, что прежде. По утверждению Р. С. Скрынникова, политика Годунова напоминала опричнину, знать подвергалась гонениям, были конфискованы уделы Симеона Тверского и Марии Старицкой²²⁷. Исаак Масса называл правление Годунова «великой тайной тиранией» и говорил, что эта «тирания» «погубила все знатные роды» (что, конечно, было преувеличением)²²⁸.

В итоге, Годунову удалось на время отразить контрнаступление боярской аристократии и поддержать государственную стабильность. Царский шурин стал официально именоваться «правителем» России; он принимал послов, замещая на церемониях царя. Вместе с тем, «правитель» считал необходимым пойти на определенные уступки. Персональный состав государственного двора был пересмотрен, и худородные опричники были вынуждены уступить первые места потомственной знати²²⁹. Тем не менее, существовавший еще с середины XVI столетия раскол элиты сохранялся, и бояре по-прежнему находились в оппозиции к опиравшемуся на дворянство правительству Годунова.

Первые экономические мероприятия Бориса Годунова следовали линии, намеченной Иваном Грозным, – требовалось восстановить финансовую систему государства и завершить перепись, начатую в 1581 году. К концу 1580-х годов правительству удалось наладить сбор налогов в соответствии с результатами новой переписи. К этому времени относятся первые надежные сведения о доходах и расходах государственного бюджета, представляющие интерес в плане демографически-структурного анализа и оценки реальной мощи русского государства того времени. Дж. Флетчер перечисляет доходы русского государства в 1588/89 году: подати с «сох» составляли 400 тыс. рублей, доходы дворцового хозяйства 230 тыс. руб., но самую большую прибыль давали таможенные и судебные пошлины и кабаки – около 800 тыс. рублей²³⁰. В целом доходы составляли 1430 тысяч рублей, что при пересчете на рожь по средней цене 1580-90-х годов 44 деньги за четверть эквивалентно 26 млн. пудов. Если принять численность населения в этот период ориентировочно в 6 млн. человек (допуская его уменьшение за время кризиса с 9-10 до 6 млн.), то душевой налог с сох составит 1,2 пуда (что примерно согласуется с данными по Бежецкой пятине²³¹), а общие государственные доходы в расчете на душу населения – 4,3 пуда. Налогообложение, было, конечно, много ниже, чем во времена Ивана Грозного (см. рис. 2.1), но все же выше, чем в эпоху ослабления государства в XVII веке: в 1680 году доходы на душу населения в пересчете на хлеб составляли 2,5 пуда, а прямые налоги с души – 1 пуд(см.рис.4.4).

Флетчер приводит также данные о численности московского войска: 80 тыс. всадников получали ежегодное жалование (в придачу к поместьям), причем 65 тыс. из них ежегодно выходили нести сторожевую службу на южной границе²³². По сравнению с временами Василия III, когда службу на южной границе несли 20 тысяч всадников, количество конницы увеличилось в 3-4 раза. Можно предположить, что и численность дворян увеличилась в такой же пропорции, в то время как население страны после пережитой демографической катастрофы, по-видимому, не превосходило той численности, которая была при Василии III. Могло ли это население обеспечивать увеличившейся в 3-4 раза элите прежние доходы? Очевидно, не могло бы, даже если бы, закрепостив крестьян, помещики увеличили ренту до прежнего, или, скажем, вдвое более высокого уровня. *Таким образом, демографическая катастрофа нарушила равновесие между численностью элиты и численностью населения, и это равновесие могло быть восстановлено только уменьшением численности дворянства.* Как отмечалось выше, история Англии и Франции подсказывает, каким образом могло быть осуществлено такое уменьшение: это путь внутренних войн, когда дворянство распадается на враждебные группировки и воюет само с собой.

Таким образом, представляется сомнительным, что политика закрепощения могла кардинальным образом улучшить положение дворянства и спасти страну от междоусобной войны. Однако Годунов был обречен проводить эту политику: находясь в конфликте с аристократией, он, естественным образом, искал поддержки у дворянства²³³. Это проявилось уже при проведении переписи 1580-х годов. Прежде в переписных листах подробно расписывались все барщины и оброки, полагающиеся с крестьян помещику. В 80-х годах такая роспись не делалась – таким образом, правительство утвердило тот порядок, который сложился после катастрофы, признало право помещиков увеличивать повинности по своему произволу. Кроме того, как отмечалось выше, одновременно с проведением переписи во многих районах временно объявлялись «заповедные лета» – крестьянам (и горожанам) запрещалось менять место жительства вплоть «до государева указа». В результате, помещики при желании могли увеличивать оброки до прежнего, бывшего до катастрофы, уровня, и крестьяне не имели права уходить от них. Эти указы по сути были близки тем законам, которые приняло английское правительство после Великой Чумы – как отмечалось выше, парламент запретил крестьянам уходить из своих деревень и обязал их работать за прежнюю плату. Еще один указ освобождал от налогов усадебную пашню помещиков с тем, чтобы они могли беспрепятственно расширять свое барщинное хозяйство²³⁴.

Перемена правительственной политики была сразу же замечена современниками. «Кроме податей... налагаемых царем, – писал Дж. Флетчер, – простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян... что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пусты, весь народ разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий»²³⁵. Конечно, Дж. Флетчер прав

лишь отчасти, народ разбежался не только от насилий – пользуясь нехваткой рабочей силы, многие крестьяне искали лучших условий в монастырских владениях или в южных районах. Последние десятилетия XVI века были наполнены борьбой между правительством, землевладельцами и крестьянами. Крестьяне (несмотря на «заповедные годы») пытались уйти туда, где им сократят тяглый надел и дадут возможность обрабатывать землю за малый оброк. Малоземельные помещики старались удержать, закрепить своих крестьян, увеличить их повинности и при этом платить меньше налогов. Крупные землевладельцы (в том числе монастыри) переманивали к себе крестьян, сокращая их тяглые наделы. Это привело к уменьшению учтенной пахотной площади (вытей), и правительство отвечало увеличением налога на оставшиеся выти²³⁶.

Каков был результат этой борьбы? Прежде всего, очевидно, что до введения крепостного права крестьян было трудно удержать; они уходили на земли крупных владельцев и в южные области – в особенности из северных районов. В Бежецкой пятине в 1584-1594 году численность населения не только не увеличилась, но существенно уменьшилась. С другой стороны, население некоторых расположенных по соседству волостей Троице-Сергиева монастыря увеличилось втрое²³⁷. В Вологодском уезде в 1583-1590 годах пашня сократилась вдвое, в Московском уезде в 1585 году обрабатывалось лишь 1/8 часть посевных площадей²³⁸. Таким образом, первым результатом борьбы было усугубляющееся запустение северных и центральных районов – и быстрая колонизация Юга.

Выдавливаемые из родных мест налогами и помещичьим произволом крестьяне толпами уходили на юг и на юго-восток, на благодатные земли Черноземья и Поволжья²³⁹. После 1584 года восстания в Поволжье, наконец, стихли; на время прекратились татарские набеги. Победы Ивана Грозного, в конце концов, стали приносить плоды – обширные области на юге и юго-востоке стали более доступны для земледельческой колонизации. В 80-х годах в южные степи устремились массы переселенцев; они возводили крепости и распаивали вокруг них целинные земли. Население центральной России, писал Ю. Готье, «неудержимым потоком двинулось на черноземную новь, так легко и так богато в первое время вознаграждавшую земледельческий труд»²⁴⁰. В 1585 году были построены крепости Ливны, Елец, Воронеж, в 1586 году – Самара, в 1589 году – Царицын, в 1590 году – Саратов, Цивильск, Ядринск, в 1593 году – Оскол, Валуйки и, наконец, в 1599 году – Царев-Борисов. Мощная крепость Царев-Борисов обозначила новый южный рубеж Московского царства, она располагалась на сотни верст южнее старой границы. Темпы колонизации были таковы, что за 4 года (1585-1589) размеры пашни в Тульском уезде увеличились более чем в 2 раза; в Каширском уезде к 1589 году было распаханно уже 2/3 всех земель, в Свияжском уезде – до 9/10²⁴¹.

На колонизируемых землях Юга обстановка была совсем иной, чем в центральных областях государства. Черноземная целина давала огромные урожаи – в 3, в 4, в 5 раз больше, чем в Центре; земли было так много, что

писцы не могли наладить учет. Зачастую крестьяне пахали землю «наездом», пахали, сколько хотели и меняли поля, как хотели. Поселенцы Юга жили зажиточно; в источниках встречаются упоминания о хозяйствах с 6 лошадьми, о многолетних запасах зерна, о сборах в одном хозяйстве 80, 100, 150 четвертей ржи (одному человеку на год хватало 4 четвертей). Татарские набеги заставляли крестьян быть одновременно и воинами. Крестьяне селились вокруг крепостей, и многие из них числились в гарнизонах как «служилые люди по прибору»: «казаки», «стрельцы», «сторожи», «ездоки». Эти воины отличались от дворян тем, что они были преимущественно пешими стрелками, вооруженными огнестрельным оружием, пищалями. Пищаль была «демократическим», сравнительно дешевым и не требующим длительного обучения оружием. Таким образом, появление пищалей в сочетании с условиями степной границы привело к появлению новой сословной группы, которую можно обобщенно называть «казаками»²⁴².

Казаки получали от властей земельные оклады – в Орловском уезде 50 четвертей в одном поле, то есть 75 десятин. Особое положение казаков было характерно также и тем, что власти довольно часто переводили их в разряд детей боярских. Впрочем, дворяне южных областей почти не отличались своим положением от казаков, так, в Рязанском крае половина дворян имела поместья менее 60 десятин. Большинство из этих дворян не имело крестьян; они сами «раздирали» целину сохами и были столь бедны, что не имели доспехов, а иногда и боевых коней. Некоторые из них числились «пищальникам», и воевали, как казаки, в пешем строю. Не удивительно при этом, что южные дворяне были недовольны своим положением и часто жаловались властям. Особое недовольство вызывало то обстоятельство, что власти завели на юге государеву «десятинную пашню», и, поскольку крестьян не хватало, то они заставляли работать на барщине казаков и детей боярских. Кроме того, дворянам приходилось принимать участие в широко развернувшемся в это время строительстве новых крепостей²⁴³.

Тяжелое положение южного дворянства было одной из причин того, что в будущей гражданской войне оно часто выступало против правительства вместе с казаками и крестьянами. Таким образом, в дополнение к старой вражде между дворянами и боярами, намечился раскол внутри дворянства: с одной стороны, основная часть поместного дворянства поддерживала Годунова; с другой стороны, беднейшая часть дворянства была готова восстать против правительства – происходила предсказываемая демографически-структурной теорией *фрагментация элиты*.

2.3.6. Трансформация структуры: начало закрепощения

Несмотря на введение «заповедных лет» крестьяне продолжали уходить из дворянских поместий, и остановить бегство могло лишь полное запрещение крестьянских переходов – то есть введение крепостного права. «Богатые землевладельцы большими льготами переманивали к себе крестьян мелких землевладельцев, помещиков, – писал С. М. Соловьев, – по-

следние, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы... последовало запрещение крестьянам переходить от одного землевладельца к другому». Исходная причина этого явления, продолжает С. М. Соловьев, заключалась в недостатке рабочих рук²⁴⁴. Таким образом, как отмечалось выше, закрепощение находит свое объяснение в рамках демографически-структурной теории.

В. И. Корецкий предпринял попытку доказать, что в 1592/93 годах был издан указ, запрещающий крестьянский выход и прикреплявший крестьян к земле и к землевладельцу на основании писцовых книг 80-х-начала 90-х годов²⁴⁵. Р. Г. Скрынников, В. М. Панях, Г. Н. Анпилогов полагают, что прикрепление крестьян было осуществлено постепенно на базе указов о «заповедных годах»²⁴⁶. Как бы то ни было, к 1597 году прикрепление стало юридическим фактом: в этом году был установлен 5-летний срок сыска беглых²⁴⁷. При царе Василии Шуйском, в 1607 году, Поместный приказ издал пространное Уложение о крестьянах, которому предшествует своего рода историческая справка. «При царе Иване Васильевиче... – утверждали приказные дьяки, – крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иванович по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьянам заказал, и у кого колико тогда крестьян было, книги учинил»²⁴⁸. В запрещении выхода была заинтересована основная масса дворян, мелкие помещики и вотчинники, у которых было мало крестьян и которые поэтому были вынуждены обременять их высокими оброками. Бояре (так же, как магнаты в Польше и Венгрии) противились прикреплению крестьян, потому что имели возможность понижать оброки и переманивать пахарей из чужих имений. Таким образом, вопрос о крепостном праве стал еще одной линией конфронтации между боярами и дворянами. В конечном счете, речь шла о борьбе за ресурсы и доходы, резко сократившиеся после катастрофы; в соответствии с демографически-структурной теорией эта борьба фрагментировала элиту, заставляла одни группы выступать против других и подталкивала страну к междоусобной войне.

Прикрепление крестьян к земле служило не только помещичьим интересам, но и фискальным интересам государства²⁴⁹. Однако если бы государственный интерес был преобладающим, то следовало бы ожидать, что государство, запрещая выход крестьян, ограничит их оброки в пользу помещика (как это было в Молдавии). Действительно, австрийский агент Штиль свидетельствует, что Годунов имел такое намерение²⁵⁰, и в 1601 году по царскому указу в монастырях была введена единая норма барщины – но на помещичьих землях это ограничение не стало реальностью²⁵¹.

Каков был результат введения крепостного права? Закрепощение дало землевладельцу возможность увеличивать ренту, и попытка такого рода имела место в Иосифо-Волоколамском монастыре. Увеличение барщины до 1,5 десятин на выть вызвало крестьянские волнения, и, в конечном счете, руководство монастыря было вынуждено вернуться к старым порядкам²⁵². Однако наступление на крестьян продолжалось и принимало централизованные формы: в 1601-1603 годах во многих монастырях царскими

указами барщина была установлена в 2 десятины с выги. Таким образом, можно констатировать двойной рост выгных норм барщины на монастырских землях в первое десятилетие после закрепощения²⁵³. Отмечается также и уменьшение реальной оплаты монастырских работников: хотя номинально она составляла, как и раньше, 1 рубль в год²⁵⁴, с учетом роста цен плата упала примерно в полтора раза – до 2,1 кг хлеба в день.

Однако остается самый важный вопрос: как изменилась жизнь помещичьих крестьян? Ответ на этот вопрос затруднен недостатком материалов в источниках²⁵⁵. Однако некоторые выводы вполне очевидны. Во-первых, дворяне добились своей главной цели, запрещения крестьянских переходов. «К началу XVI века, судя по материалам приказного делопроизводства, крепостной порядок действовал безотказно», – пишет В. И. Корецкий²⁵⁶. Указ о закрепощении запрещал выход хозяев-дворовладельцев и не касался их сыновей и младших братьев – однако помещики не считались с этим обстоятельством. Крестьян, пытавшихся уйти от помещика, заковывали в «железа», захватывали их имущество, их жен и детей. Закрепощение сразу же привело к помещичьему произволу и жестокому насилию над крестьянами. Уже в 1590-х годах отмечались факты замаскированной купли-продажи крестьян²⁵⁷. Очевидно, положение в разных поместьях было неодинаковым, многое зависело от личности помещика. Однако факт заключался в том, что крепостное право позволило помещикам увеличивать повинности и оброки крестьян. Достаточно одного примера, чтобы показать, какими могли быть эти повинности. В трех деревнях ничем не примечательного помещика Степана Рахманова на новгородчине в 1599 году имелось 13 крестьянских дворов и 2 выги тяглой земли. Крестьяне в этом поместье несли барщину и платили 860 денег оброка с выги; если же они хотели откупиться от барщины, то оброк увеличивался вдвое, до 1730 денег²⁵⁸. При пересчете на хлеб получается примерно 20 пудов на двор; это в два раза больше, чем в дворцовых и монастырских владениях. Таким образом, введение крепостного права нарушило стабилизирующий механизм рынка рабочей силы и привело к тому, что в одних владениях уровень ренты мог быть в два раза выше, чем в других.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в контексте демографически-структурной теории введение крепостного права означало *трансформацию структуры* – создание новых отношений внутри структуры «государство-элита-народ». Эта трансформация выражалась в том, что народ становился зависим от элиты, которая получала право устанавливать уровень ренты по своему произволу, независимо от экономических факторов.

2.3.7. Голод 1601-1603 годов

В контексте демографически-структурной теории введение крепостного права привело к перераспределению ресурсов в пользу дворянства и государства и к уменьшению ресурсов народа – то есть к сокращению экологической ниши. С точки зрения теории, создавшаяся ситуация была аналогична ситуации 1560-х годов – только тогда средства существования у

народа отнимало государство, а теперь это делали дворяне с позволения государства. Разница состояла в том, что в 1560-х годах общество находилось в состоянии Сжатия, и у крестьян было мало земли; они не могли предоставить государству требуемые у них ресурсы. Теперь же, после катастрофы, земли было достаточно и крестьяне, в принципе, могли увеличить запашку, чтобы удовлетворить разумные требования помещиков. Но были ли эти требования разумными? Мелкие помещики имели лишь несколько крестьянских дворов, и, тем не менее, им нужно было каждый год снаряжаться в поход. Степан Рахманов был по тем временам богатым помещиком, у него было 13 крестьянских дворов. В Тульском уезде средний помещик имел 4 двора²⁵⁹ – что оставалось делать этому нищему воину? Мелкие и средние помещики были вынуждены отнимать у крестьян весь прибавочный продукт, не оставляя им никаких запасов. В случае большого неурожая такое положение было чревато страшным голодом – а ведь большой неурожай случался на Руси каждые 6-7 лет.

Лето 1601 года выдалось холодным и сырым, уже в начале сентября выпал снег, и крестьяне смогли собрать лишь малую часть урожая – а то, что собрали, – это была «зблая», недозревшая и помороженная рожь. В прежние времена, когда у крестьян были запасы хлеба, один неурожай не смог бы вызвать голод. Теперь же сразу начались большие волнения, и под впечатлением этих волнений уже в ноябре 1601 года правительство издало указ о крестьянском выходе. Указ разрешал крестьянам уходить от бесхлебных провинциальных дворян, но не позволял уходить из монастырей, из дворцовых имений и от богатых московских дворян. Адрес грядущей беды был обозначен очень точно: *правительство понимало, что крестьяне мелких провинциальных помещиков не имеют запасов, что им грозит голод*. Голод еще не начался – но царь понимал, что грядущий голод будет следствием политики закрепощения. Годунов пытался спасти крестьян, отменив (хотя бы на время) крепостное право, разрешив им уходить от своих корыстных хозяев²⁶⁰. Дело в том, что в стране был хлеб: во-первых, неурожай был не повсеместным; к примеру, на Вологодчине в тот год урожайность ржи была сам-3,6, почти как обычно²⁶¹. Во-вторых, сохранение запасов хлеба на случай голода было давней традицией, поэтому у помещиков побогаче, у монастырей, у некоторых крестьян были многолетние запасы хлеба. В Иосифо-Волоколамском монастыре были запасы хлеба на 3 года, в Кириллю-Белозерском монастыре – на шесть лет²⁶². «Запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года... – свидетельствует Исаак Масса, – у знатных господ, а также в монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его... Многие богатые крестьяне, у которых были большие запасы хлеба, зарыли его в ямы и не осмеливались продавать...»²⁶³ «Царь снарядил розыск по всей стране, не найдется ли запасов хлеба, – пишет Конрад Буссов, – и тогда обнаружили несказанно много скирд зерна в 100 и больше сажень длиной, которые 50 и больше лет простояли не вымолоченные в полях, так что

сквозь них росли деревья»²⁶⁴. Авраамий Палицын говорит, что и после голода в полях стояли старые скирды хлеба²⁶⁵.

Таким образом, при всех своих масштабах, голод имел избирательный характер – он поразил в первую очередь крепостных, принадлежавших мелким провинциальным помещикам, у которых их хозяева отнимали весь прибавочный продукт, и которые поэтому не имели запасов зерна.

Годунов обращался с призывами к владельцам хлеба, требовал, чтобы хлеб продавали по более дешевой цене, но царь не мог настоять на выполнении своих распоряжений²⁶⁶. Богатые помещики ожидали дальнейшего повышения цен, а бедные помещики, в свою очередь, не отпускали своих крестьян. «Те дети боярские отказчиков бьют и в железа куют», – свидетельствует один их документов того времени²⁶⁷. Указ 1602 года, подтверждавший право выхода, признавал, что дети боярские силой держат за собой крестьян²⁶⁸. Голодная смерть крестьянина была выгоднее для помещика, нежели его уход со всей семьей и с имуществом. Холопов прогоняли со двора, чтобы они не просили хлеба, но при этом не давали им полной – чтобы потом, если холоп выживет, предъявить на него свои права²⁶⁹.

Повышение цен началось сразу же после неурожая, весной 1601 года четверть ржи в центральных районах стоила 30-32 деньги, а осенью – 60-70 денег. В феврале 1602 года цена достигла одного рубля (то есть 200 денег)²⁷⁰. Весной неожиданно грянувший мороз погубил посевы озимых – нужно было пересевать поля. Но у многих крестьян не оказалось запасов семенного зерна, и пересев производился «зяблыми семенами». Минимальный посевной запас семян старых урожаев мог бы спасти крестьян – теперь же наступила катастрофа. «Зяблые семена» не взопли, разразился страшный голод. Осенью 1602 года цена ржи достигла 3 рублей за четверть, и у многих крестьян попросту не было зерна для посева озимых. В 1603 году погода была хорошая – но поля стояли пустыми, и голод продолжался²⁷¹. Таким образом, катастрофа не была следствием «трехлетних проливных дождей», как полагают некоторые авторы – в действительности дожди шли лишь один год и вызвали один неурожай (1601 года). Но поскольку у закрепощенных крестьян не было минимальных хлебных запасов, то *один* неурожай породил страшный *трехлетний* голод. Причина катастрофы была не только в погодных условиях; катастрофа была в значительной степени следствием введения крепостного права.

Р. Г. Скрынников и Р. Крами объясняют голод 1601-1603 годов глобальными климатическими изменениями: похолоданием XVI века, пик которого пришелся на 1591-1620 годы²⁷². Действительно, средняя летняя температура уменьшилась на протяжении столетия на 0,8 градуса. Однако, как отмечалось выше, изменение температуры практически не коррелирует с частотой больших неурожаев (см. п. 1.2.2). В частности, используя те же материалы, которые использовал Р. Г. Скрынников, можно указать на то обстоятельство, что значительное похолодание отмечалось также в 1526-1530 и 1639-1643 годах, но в это время не отмечалось неурожаев и голода²⁷³. Р. Крами, склонный объяснять всю динамику населения в XVI-XVII веках влиянием неурожаев и эпидемий, в то же время вынужден признать, что эти факторы не влияли на устойчивый рост населения в XVII веке (после Смуты)²⁷⁴.

«В то время, по воле божией, по всей московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного не приходилось описывать ни одному историку... – свидетельствует Исаак Масса. – Так что даже матери ели своих детей... ели также мякину, кошек и собак... И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисы...»²⁷⁵ Борис Годунов распорядился выдавать в Москве милостыню голодающим, это вызвало приток в столицу населения из окрестных областей. Ресурсы казны вскоре иссякли, и, не получив помощи, голодающие умирали на улицах столицы. Авраамий Палицын сообщает, что в Москве в трех скудельницах было похоронено 127 тысяч погибших от голода²⁷⁶. Один из свидетелей голода писал, что «вымерла треть царства Московского голодной смертью»²⁷⁷.

Голодающие не имели иных средств к существованию, кроме разбоя, они собирались в отряды, нападали на дома богатых крестьян и на помещичьи усадьбы. «...Из-за ужасной дороговизны и голода начались столь страшные, бесчеловечные и в некоторых местностях никогда неслыханные убийства», – свидетельствует К. Буссов²⁷⁸. Поэтому крестьяне, имевшие излишки хлеба, предпочитали прятать зерно в ямы, и даже в Москве хлеб на рынок, опасаясь нападений, вывозили тайком. С осени 1602 года «разбоями» были охвачены многие районы страны, сохранились сведения о посылке карательных отрядов во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев, Коломну²⁷⁹. Летопись говорит, что царь Борис не мог справиться с «разбойниками»: «посылаша многожда на них и ничево им не можаху сотворити»²⁸⁰. «И бысть велие насилие, – писал очевидец событий, – много богатых домов грабили и разбивали и зажигали...»²⁸¹ Многие исследователи считают это стихийное повстанческое движение первой вспышкой начинавшейся гражданской войны²⁸².

Таким образом, демографическая катастрофа 1601-1603 годов находит следующее объяснение в рамках демографически-структурной теории. Кризис 1568-1571 годов привел к резкому уменьшению численности крестьянства, что в соответствии с неомальтузианской концепцией обусловило резкое уменьшение ренты и налогов и перераспределение ресурсов в пользу крестьянства и в ущерб государству и элите. Под давлением элиты государство осуществило закрепощение крестьян; это позволило помещикам увеличивать ренту по своему произволу. Мелкие помещики, вынуждаемые необходимостью ежегодно снаряжаться на войну, стали отнимать у своих крестьян весь прибавочный продукт, не оставляя запасов на случай голода. Поэтому неурожай 1601 года вызвал страшный голод, который в первую очередь поразил помещичьих крестьян. В итоге, можно утверждать, что катастрофа 1601-1603 года и последовавшая за ней гражданская война, в конечном счете, были следствием кризиса 1568-1571 годов.

2.3.8. Брейкдаун и гражданская война

Голод 1601-1603 годов подготовил почву для гражданской войны. Во время голода массы голодающих искали спасения на хлебобордном юге²⁸³.

На южных окраинах крестьяне имели большие запасы зерна, и местное население не знало голода. Наплыв беженцев вызвал и здесь повышение цен, в 1603 году четверть ржи стоила в Курске 150-180 денег, но все же эта цена была в 3-4 раза меньше, чем в Москве²⁸⁴. Юг был переполнен беженцами, которые ушли от своих помещиков без ушатки выхода – то есть считались беглецами и по закону подлежали возвращению своим хозяевам. В 1603 году царь Борис отменил свободный выход, который продолжался два года, и следовало ждать, что скоро начнется сыск беглых. На юг уходили и разбитые под Москвой отряды повстанцев²⁸⁵, здесь скопилось масса горючего материала – по свидетельству летописи, беглые крестьяне и холопы «пошли к самозванцу отчасти и неволей, не имея пристанища нигде»²⁸⁶.

Вождем нового восстания стал самозванец, называвший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Самозванца поддерживали некоторые польские магнаты, предоставившие ему отряд наемников – но характерно, что царь Борис обвинил в поставлении самозванца не поляков, а своих врагов из боярской партии²⁸⁷. Таким образом, движение, по видимому, было инспирировано боярами, в чем проявился старый конфликт между аристократией и государством. Но искра попала в разнородную горючую смесь, к повстанцам примкнули беглые крестьяне и холопы, казаки и некоторые дворяне. Однако основную силу повстанцев составляло местное население, «украинные» казаки и крестьяне²⁸⁸.

Как отмечалось выше, население южных областей представляло собой особый социальный слой, обязанный своим появлением как новому оружию, пищалям, так и жизни на границе со степью. Крестьянин там легко становился казаком, воином, и крестьяне-казаки жили довольно зажиточно. В ряды восставших их толкал не голод и не отчаянное положение беженцев, у них были свои счеты с Годуновым. Еще недавно южные крестьяне были зажиточными свободными людьми – а Годунов пытался отдать их в «крепость» помещикам. Приграничных казаков и стрельцов заставляли отбывать изнурительную барщину на «государевой папше» – а между тем, эти люди несли сторожевую службу и новое оружие, пищаль, давало им силу перед лицом дворянской конницы. Ситуация напоминала восстание Уота Тайлера в Англии, когда крестьянам придавал силу и уверенность «большой лук». Растущее самоуважение этих людей столкнулось с попыткой вернуть их к прежней нищей жизни²⁸⁹ – в России, так же как в Англии, восстание крестьян и казаков было «революцией растущих надежд».

Однако и дворянство южных областей тоже принимало участие в восстании: как отмечалось выше, это были преимущественно бедные дворяне, не имевшие крестьян, обремененные повинностями и испытывавшие далеко не дружественные чувства к московским властям. В соответствии с демографически-структурной теорией борьба за сократившиеся ресурсы фрагментировала элиту и побуждала одни ее группы выступать против других. Для обнищавших воинов-дворян любая смута давала возможность поправить свои дела за счет грабежа; при этом им было выгодно поверить,

что претендент, называвший себя Дмитрием, так хорошо игравший свою роль и так много им обещавший, – действительно царский сын²⁹⁰.

Лжедмитрий обещал «живущим во градах и селех от большого чину до малого великую свою милость показать: оным величество и славу, оным богатство и честь, иным вольность и во всех винах пощада»²⁹¹. Крестьяне толпами вливались в армию самозванца²⁹². В ответ царь послал войска, которые чинили жестокие расправы над сельчанами²⁹³. Однако при известии о внезапной смерти Бориса Годунова южные дворяне, воевавшие до тех пор в составе царской армии, перешли на сторону самозванца, и в июне 1605 года при поддержке восставшего народа Лжедмитрий вступил в Москву. Новый царь объявил свое желание править по справедливости и обещал, что будет дважды в неделю лично принимать челобитные. Как при Иване IV, символом восстановления справедливости должен был стать новый Судебник, подготовленный по приказу Лжедмитрия. В этом Судебнике восстанавливалось право крестьянского перехода в Юрьев день – но работа над Судебником была прервана из-за гибели Лжедмитрия, и он не вступил в силу. Однако некоторые уступки Лжедмитрия его сторонникам были вполне реальны: царь ликвидировал «десятинную пашню» и признал свободными крестьян, бежавших на юг во время голода 1601-1603 годов – если они действительно «сбредли от бедности»²⁹⁴. Этот указ Лжедмитрия показывает, какую роль в начале гражданской войны играл голод и скопление на Юге массы бежавших от голода беглецов – очевидно, что они составляли значительную часть сторонников «царя Дмитрия».

Ко времени появления «Дмитрия» голод уже закончился, 1604 год принес богатый урожай. Экономическое положение вновь стало благоприятным. В соответствии с неомальтузианской теорией, уменьшение численности населения усугубило проблему нехватки рабочей силы, и это отразилось в повышении заработной платы. Оплата дворовых слуг в монастырях возросла по сравнению со временами до голода в полтора раза²⁹⁵. Цена на рожь в 1606 году составляла 32 деньги за четверть, то есть была примерно той же, что и до голода²⁹⁶. Таким образом, можно предполагать, что реальная заработная плата возросла после катастрофы в полтора раза. Как отмечалось выше, после голода и чумы 1568-1571 годов реальная плата возросла в 2,5 раза.

Лжедмитрий старался продолжать политику своего «отца», но, с другой стороны, на его поведении сказывалось пребывание в Польше. Царь выказывал свое пристрастие к польским порядкам, окружил себя польской и немецкой охраной, смеялся над московскими обычаями и предлагал боярам поехать учиться за границу²⁹⁷. Более всего возмущало москвичей желание Лжедмитрия жениться на «неверной» католичке, польке Марии Мнишек. Это пренебрежение русскими традициями вызвало националистическую реакцию, стали распространяться слухи, что царь – самозванец, поляк и католик; в мае 1606 года подстрекательство бояр вызвало восстание москвичей, и Лжедмитрий был убит.

После смерти Лжедмитрия Земской Собор избрал в цари Василия Шуйского, самого знатного из бояр, род которого восходил к Рюрику. Однако южные области не признали власть Шуйского, здесь считали, что «царь Дмитрий Иванович» спасся и находится в Польше. «Присланный царем» воевода Болотников собрал на юге войско и двинулся на Москву, в октябре повстанческая армия начала осаду столицы. Гражданская война принимала ожесточенный характер. «Идем вси и примем Москву, – говорили повстанцы, – и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим дома вельмож сильных, и благородные жены их и тщери примем о жены себе»²⁹⁸. Почти все население Юга двинулось с Болотниковым на Москву. «И изыдоша множество народу с ним, – свидетельствует современник, – и не остапаса во странах тех, ни в градах, ни в селех, никто же, но токмо женский пол остапаша»²⁹⁹. Крестьяне не только Юга, но и многих других областей отказывались платить казенные налоги и оброки помещикам, многие уходили к Болотникову. Василий Шуйский, со своей стороны, делал все, чтобы собрать под свои знамена дворянство. Рискуя окончательно развалить помещную систему, царь стал раздавать не поместья, а вотчины – он даровал вотчины двум тысячам дворян³⁰⁰. В марте 1607 года царь утвердил новое Уложение, в котором отказался признавать законность каких-либо переходов и пообещал дворянам вернуть всех крестьян бежавших или ушедших с 1592 года³⁰¹. В Уложении прямо говорится о том, что именно запрет крестьянского выхода стал причиной «великих распр», которые и «ныне чинятся»³⁰².

Власть пыталась внести раскол в среду восставших, отделить дворян от крестьян – и ей это отчасти удалось: дворяне из войска Болотникова перешли на сторону правительства. Дворянскому ополчению удалось одержать победу над войском Болотникова, но летом 1608 года к Москве подошла новая повстанческая армия во главе с воскресшим «царем Дмитрием Ивановичем» (Лжедмитрием II). «Дмитрий приказал объявить повсюду... – свидетельствует К. Буссов, – чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами...»³⁰³ Множество простых крестьян влилось в ряды казаков, они выбирали своих атаманов и устанавливали в городах свою власть³⁰⁴.

Во время войны казаки создали, по-видимому, по польскому образцу систему сбора кормов с местного населения, так называемую систему приставств. Таким образом, они пытались играть роль нового, противостоящего дворянству, военного сословия, к тому же опирающегося на новую военную технику – в отличие от рыцарей-дворян казаки были пехотинцами-пищальниками. Как отмечает В. Э. Лебедев, именно эти претензии казачества вызвали жестокую борьбу между казачеством и дворянством³⁰⁵, хотя, конечно, большую роль играло и стремление дворян прекратить уход крепостных в казаки. О социальном составе повстанцев на позднем этапе гражданской войны можно судить по документам о 94 пленных, захваченных

после разгрома в 1615 году одного из последних «казачьих» отрядов. Среди этих пленных 12% были дворянами, 7% – настоящими городскими казаками и стрельцами, 24% составляли «показавшиеся» крестьяне и 35% – «показавшиеся» холопы³⁰⁶.

Наряду с казаками, крестьянами и служилыми людьми в армии Лжедмитрия II были отряды польских магнатов, которые желали воспользоваться смутой в своих целях. Гражданская война открыла дорогу польской интервенции, осенью 1609 года Сигизмунд III осадил Смоленск, польские войска двигались к Москве. Летом 1610 года в битве при Клушине усиленная отрядом шведских наемников русская армия потерпела жестокое поражение. После этого разгрома группа московских дворян, сторонников «царя Дмитрия», свергла с престола Василия Шуйского. Однако бояре предпочли власть поляков власти «царя Дмитрия»: «Лучше убо государичу (королевичу – С. Н.) служить, – говорили они, – нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучиться»³⁰⁷.

Москва присягнула польскому королевичу Владиславу, польский гарнизон вступил в Кремль. Вскоре началось разорение церквей, польские наемники грабили соборы Кремля, сдирали оклады с икон и покровы с великокняжеских гробниц. Хозяйничанье поляков в Москве и грабежи в волостях привели к подъему национальной борьбы. Патриарх Гермоген первым поднял голос в защиту религии и национальных традиций; он рассылал по городам призывы к выступлению против поляков. Смерть Лжедмитрия II облегчила процесс сплочения национальных сил, и весной 1611 года к Москве подступило ополчение, состоявшее из дворян, крестьян и казаков. Польский сейм не желал оплачивать наемную армию короля, и военное преимущество Польши сводилось на нет ее «безнарядными» порядками; король Сигизмунд овладел Смоленском, но так и не смог оказать помощи польскому гарнизону в Кремле. Тем не менее, ополченцам не удалось овладеть Москвой: в их лагере не было единства; когда дворяне стали требовать прикрепления крестьян, их вождь Прокопий Ляпунов был убит казаками, дворяне разошлись, и под Москвой осталась только часть крестьян и казаков. Летом 1612 года в Нижнем Новгороде и Ярославле собралось новое дворянское ополчение; оно подступило к Москве и вместе с казаками вынудило поляков к капитуляции. Польская интервенция привела к примирению враждующих партий, гражданская война закончилась, и наступил мир.

Анализ в рамках демографически-структурной теории показывает, что гражданская война характеризовалась достаточно сложной группировкой противоборствующих сил. Сравнение с двумя вариантами развития событий, которые имели место в европейских странах после Великой Чумы, позволяет сделать вывод, что российский сценарий был более близок к английскому варианту: так же, как в Англии, после демографической катастрофы мы видим перераспределение ресурсов в пользу крестьянства и ответные попытки закрепощения крестьян. В Англии эти попытки сразу же привели к крестьянскому восстанию, в России же они привели сначала к

голоду, а затем к гражданской войне, в которой крестьянское восстание слилось с внутриэлитным конфликтом подобным английской «войне Роз». Так же, как в Англии (и в некоторых других странах), причина внутреннего конфликта имела демографически-структурный характер: в условиях борьбы за ресурсы дворянство было расколото на различные фракции и сражалось само с собой (а также с восставшими крестьянами, казаками, и боярской властью). Наконец, чрезвычайно важным было участие в борьбе «третьей силы», нового сословия крестьян-казачков, сформировавшегося на южной границе; многие крестьяне в ходе войны «показались» и вошли в состав этого сословия³⁰⁸.

В конечном счете, главная причина войны – проблема крепостного права – так и не получила своего разрешения. Положение оставалось противоречивым: формально законы о прикреплении крестьян и 5-летнем сроке сыска остались в силе, но фактически они не действовали. На Юге крестьяне официально могли уходить от помещиков; в других районах они уходили, не обращая внимания на законы³⁰⁹. «При Михаиле Федоровиче бегство крестьян приняло грандиозные размеры, – пишет Ю. А. Тихонов. – Как правило, бежали семьями, иногда целыми деревнями. Беглецы захватывали с собой хозяйственный инвентарь, одежду, ульи с пчелами, уводили скот»³¹⁰. Найти и вернуть беглецов было очень трудно, практически невозможно: никаких государственных органов для сыска беглых не существовало, так как после крестьянской войны правительство делало все, чтобы избежать новых волнений³¹¹.

Главным результатом многолетней войны была всеобщая разруха. Голод и война принесли с собой новую катастрофу, численность населения намного уменьшилась. Экономический результат катастрофы начала XVII века был таким же, как и результат катастрофы 1570-х годов. Сокращение численности населения привело к недостатку рабочей силы и к увеличению реальной заработной платы.

Итак, Великая Смута привела к новой демографической катастрофе и, вместе с тем, к новому повышению уровня жизни крестьян. Так же, как в Англии, крестьянам удалось дать отпор попытке закрепощения – но, в отличие от Англии, успех русских крестьян оказался временным.

Долгая война привела к уменьшению численности дворянства. В 1580-х годах численность дворянского ополчения, ежегодно выходившего на южную границу, составляла 65 тысяч всадников; в 1630 году полевую службу могли нести лишь 15 тысяч дворян³¹².

2.4. Выводы

Итак, в какой степени концепция демографического циклизма объясняет социально-экономическое развитие России в период с конца XV до начала XVII века? Окончание междоусобных войн в 1450-х годах создало условия для восстановления экономики, и во второй половине XV века мы можем уверенно фиксировать признаки процесса, который описывается в неомальтузианской теории как *период восстановления*. Как отмечалось

выше, для этого периода характерны: *наличие большого количества свободных земель, относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел, социальная стабильность, рост численности элиты.*

В то же время в период восстановления отмечаются процессы, не связанные непосредственно с демографическим циклом: процесс становления самодержавия, введение поместной системы и формирование государственной властью нового социального слоя – поместного дворянства. Находясь на государственной службе, дворянство первоначально было частью государственной структуры, но постепенно, приобретая относительную самостоятельность (в частности, получив право самостоятельно устанавливать размеры оброка с поместных крестьян), дворянство стало также и частью элиты, приблизившись по положению к массе мелких вотчинников, детей боярских.

Необходимо также отметить, что уже с начала XVI века в некоторых пятинах новгородчины отмечаются признаки начавшегося *Сжатия*: *отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, низкий уровень потребления основной массы населения, приостановка роста населения, рост цен на хлеб, частые сообщения о голоде и эпидемиях, уход разоренных крестьян в города, рост городов, развитие ремесел и торговли.*

Раннее начало Сжатия на новгородчине говорит о неравномерности развития различных областей. Существенную роль играло также то обстоятельство, что в этом регионе сохранялся традиционно высокий уровень оброка, что сужало экологическую нишу и затрудняло развитие крестьянского хозяйства.

К середине столетия признаки Сжатия появились и в центральных областях: *крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, падение уровня реальной заработной платы, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, распространение ростовщичества, развитие ремесел и торговли, рост городов, нарастание внутриэлитной конкуренции, раскол и фрагментация элиты, внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления.*

В отношении малоземелья положение в различных областях было, по видимому, не одинаковым, и в Центре (так же, как на новгородчине) существовали относительно бедные, перенаселенные области и относительно благополучные районы.

В середине столетия стали проявляться и такие признаки, как *рост социальной напряженности, восстания и попытки проведения социальных реформ с целью облегчения положения народа*, которые нашли свое выражение в Московском восстании 1547 года и в первых реформах Ивана IV, в частности, в создании Челобитного приказа.

Таким образом, в середине XVI века определяются контуры социального конфликта: с одной стороны, выступления народа против боярской аристократии, с другой стороны, конфликт между аристократией и дворянством на почве увеличения численности обеих социальных групп и обострения борьбы за ресурсы. *Оба этих конфликта находят свое объяснение в рамках демографически-структурной теории.*

Дальнейшее развитие событий, однако, не может быть объяснено в рамках однофакторной теории и требует более обстоятельного анализа с привлечением других действующих факторов, в частности, технического фактора и фактора внешних влияний. Анализ совокупного действия этих факторов позволяет дать вероятное объяснение социально-экономических и политических явлений, наблюдаемых в 1550-1570 годах, в том числе, наступления самодержавия, военных и административных реформ и острого конфликта монархии с боярской аристократией. Совместное действие указанных факторов привело к трансформации структуры «государство-элита-народ», то есть к качественным изменениям отношений между элементами структуры. Эти качественные изменения заключались в ликвидации относительной самостоятельности старой знати, в полном подчинении элиты государству, в отягчении условий военной службы, в появлении новых подчиненных государству неэлитных военных формирований, в создании новых инструментов бюрократического управления и в масштабном перераспределении ресурсов элиты и народа в пользу государства.

С другой стороны, перераспределение ресурсов и увеличение налогов в контексте неомальтузианской теории означало сокращение экологической ниши народа и резкое усиление Сжатия. Изъятие и без того немногочисленных ресурсов привело к нарушению компенсирующих механизмов экономической стабильности, к тому, что многие семьи уже не имели запасов на случай неурожая. В случае долгой войны такое положение должно было привести к катастрофе, и действительно, два неурожайных года породили страшный голод, а вслед за голодом пришла чума. Крымский хан воспользовался эпидемией, чтобы нанести Москве страшный удар – к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная катастрофа.

Период конца 1560-х – начала 1570-х годов соответствует неомальтузианскому пониманию *экоциального кризиса*. Хотя кризису предшествовало Сжатие, он был существенно ускорен чрезмерным налоговым давлением государства, которое сужало экологическую нишу этноса. Ситуации такого рода достаточно часто встречаются в истории, в числе примеров можно указать на демографическую катастрофу в Египте в начале VIII века, на гибель китайской империи Суй, на кризис, охвативший Францию в конце правления Людовика XIV³¹³.

В 1568-1571 годах мы наблюдаем *демографическую катастрофу*: голод, эпидемии, нашествие внешних врагов, разрушение или запустение многих городов. Однако социальных проявлений кризиса, восстаний, мятежей, внутренних войн пока не отмечается; так же, как в Европе середины XIV века, экономико-демографический кризис предшествует социальному.

Однако механизм кризиса развивался в том же направлении, что и в Европе: демографическая катастрофа породила дисбаланс социальных отношений. После катастрофы численность крестьянского населения намного уменьшилась; в соответствии с теорией это должно было привести – и привело – к повышению уровня жизни крестьян и уменьшению ренты. Уменьшение ренты вместе с сокращением числа плательщиков вызвало резкое падение доходов элиты и губительно отразилось на боеспособности дворянского ополчения.

Другой стороной экономической ситуации 1570-1590-х годов был финансовый кризис государства и частичная потеря управляемости (связанная также и со слабостью наследников Ивана Грозного). В этот период мы наблюдаем присутствие многих признаков, характерных, по Дж. Голдстону, для состояния накануне брейкдауна: раскол и фракционирование элиты, финансовый кризис государства и потеря управляемости. Экосоциальный кризис 1568-1572 годов не разрешил социальных проблем России, наоборот, как и западноевропейский кризис середины XIV века, он привел к социополитической дестабилизации, и кризис перешел в состояние неустойчивой депрессии. Экономический и социальный дисбаланс, порожденный первым кризисом, в конечном счете, привел к новому кризису – так называемой «Великой Смуте». Чтобы компенсировать этот дисбаланс, государство было вынуждено прикрепить крестьян к земле, что дало возможность дворянам увеличить ренту. В этой ситуации наиболее важным обстоятельством были условия прикрепления. Если бы правительство зафиксировало в переписных листах размеры крестьянского оброка (как оно делало еще недавно), то крестьяне смогли бы сохранить запасы зерна и голод 1601-1603 годов был бы не страшен (или не столь страшен). Но управляемость не была вполне восстановлена, и слабая правительственная власть была вынуждена уступить желаниям и требованиям дворянства. В результате закрепощение было проведено без законодательного ограничения помещичьих оброков и барщины. Это привело к резкому росту ренты в мелких поместьях – там, где помещик, чтобы снарядиться на войну, был вынужден отнимать у своих крестьян последнее.

С теоретической точки зрения закрепощение представляло собой новую *трансформацию структуры* – качественное изменение отношений между элементами структуры, в данном случае, между элитой и народом.

В Англии и во Франции XIV века сеньориальная реакция и попытки закрепощения сразу же привели к крестьянским восстаниям – но в России восстанию предшествовал голод. Механизм кризиса был примерно таким же, что и тридцать лет назад, но теперь зерно у крестьян отнимало не государство, а дворянство. Отнятие зерна у крестьян привело к тому, что они не имели хлебных запасов, и в случае неурожая это должно было повлечь страшный голод. Такой голод стал реальностью в 1601-1603 годах. Голод привел к крестьянским восстаниям; в центре эти восстания были подавлены, но массы наиболее активных повстанцев отступили на юг, где соеди-

нились с местными казаками и крестьянами. В итоге южные окраины стали очагом, откуда гражданская война распространилась на всю Россию.

Ситуация осложнялась тем, что, как и в Европе, социополитическая динамика имела еще одно направление развития. Под воздействием конкуренции за сократившиеся ресурсы элита стала раскалываться и фрагментироваться; отдельные ее группы были готовы выступить против других групп. Ситуация близко напоминала «Войну Роз» в Англии: достаточно было появиться претенденту на престол, как началась междоусобная война. В Англии успокоение не пришло, пока дворянство не истребило себя в усобицах и не было восстановлено равновесие между численностью элиты и численностью населения. В России в результате гражданской войны так же произошло уменьшение численности дворянства, однако, как мы увидим далее, социальное равновесие не было восстановлено, положение дворянства после Смуты оставалось тяжелым.

Гражданская война привела к польской интервенции, к взаимному изурованию борющихся сторон, и, в конце концов, закончилась компромиссом. Результатом голода и войны была новая демографическая катастрофа. Как и в 1570-х годах, уменьшение численности населения привело к снижению оброков и барщин. В итоге, уровень жизни крестьян снова повысился, а доходы помещиков – понизились. После окончания Смуты крепостное право не было формально отменено, но фактически сыск беглых не осуществлялся, и крестьяне могли уходить от своих хозяев. Таким образом, вопрос о крепостном праве остался неразрешенным.

В итоге, можно сделать вывод, что в конце XVI – начале XVII века в России имели место два экосоциальных кризиса, разделенных периодом неустойчивой депрессии. Второй кризис, «Великая смута», был вторичным по отношению к первому кризису; он был обусловлен той социополитической дестабилизацией, которая явилась результатом первого кризиса. Социальная стабильность была восстановлена лишь после второго кризиса, и в 1620-х годах начался период восстановления в новом демографическом цикле.

В заключение этой главы необходимо остановиться на критических замечаниях Роберта Крами, сделанных им по вопросу о возможности применения демографически-структурной теории для объяснения кризисов второй половины XVI-начала XVII века³¹⁴. Об одном из этих замечаний, касающемся объяснения колебаний численности населения влиянием эпидемий и неурожаяев мы уже говорили в пункте 2.3.7. Кроме того, Р. Крами утверждает, что рост цен в первой половине XVI века объясняется не демографическими факторами, а так называемой «революцией цен»³¹⁵. В примечании, однако, американский исследователь сам отмечает, что Б. Н. Миронов показал, что «революция цен» пришла в Россию только в XVIII веке³¹⁶. Более существенно, на наш взгляд, замечание Р. Крами о том, что кризис Смуты пришелся на время падения численности населения после кризиса 1570-х годов, что, как он считает, противоречит положению демографически-структурной теории о том, что кризисы являются результатами перенаселения. Однако выше мы показали, что кризис Смуты был вторичным по отношению к первому кризису; он был вызван социально-экономическими последствиями первого кризиса, который, в соответствии с теорией, произошел в условиях аграрное перенаселения.

ГЛАВА III. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД ВОСТАНОВЛЕНИЯ И РОСТА

3.1. Период восстановления

3.1.1 Россия после Смуты

Избрание на царство Михаила Федоровича было шагом на пути к политической стабильности, но Смута закончилась не сразу. Первые годы царствования были наполнены восстаниями и войнами; война с Польшей закончилась только в 1618 году. Россия была вынуждена признать утрату западных областей, Смоленска и северских городов; западная граница страны вернулась к рубежам времен Ивана III. Еще более тяжелым было положение на юге; все южные области были опустошены, татары ежегодно переправлялись через Оку и иногда доходили до окрестностей Москвы. За время Смуты в полон были выведены сотни тысяч русских людей, и, принимая московского посла, персидский шах Аббас выражал удивление, что в Русском государстве еще остались люди¹.

В контексте неомальтузианской теории наиболее важными представляются демографические последствия катастрофы. Великая Смута нанесла страшный удар России. Города лежали в развалинах, повсюду виднелись пепелища деревень. «Вотчины монастырские все до основания разорены, – писали монахи Иосифо-Волоколамского монастыря, – и крестьянишка с женами и детьми посечены, а достальные в полон повыведены... все пусто, стоит лес да небо»². Бывшие пашни заросли лесом, и в некоторых местах крестьяне вернулись к подсечному земледелию – как в начальные времена Киевской Руси. Судя по данным переписей, в Новгородской земле численность населения в 1620 году была вдвое меньше, чем в 1582 году и в 10 раз меньше, чем в 1500 году. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря, разбросанных по всему центральному району, площадь пашни сократилась более чем в 10 раз. В Московском уезде по данным переписи 1626-1629 годов регулярно обрабатывалось только 1/8 прежней пашни, остальная часть заросла лесом или использовалась под перелог³.

Северная часть страны, Поморье, была меньше затронута бедствиями, чем центральные области. Часть жителей Замосковья бежала от Смуты на Двину и на Вятку, поэтому население отдельных районов Севера в это время не только не уменьшилось, но и возросло. В 1620-х годах новые деревни, починки, составляли почти половину вятских деревень; в Устьянских волостях на Двине в 1646 году запашка была втрое больше, чем до катастрофы 1569-1572 годов. В годы после Смуты площадь пашни на Севере была больше, чем в разоренном Замосковье; Север на некоторое время стал опорным краем Руси⁴.

В целом, по переписи 1646 года население страны составляло 551 тысячу крестьянских и 31 тысячу посадских дворов⁵. Если принять среднюю населенность двора в 6 человек, то получится 3,5 млн., а с поправкой на недоучет (который Я. Е. Водарский оценивает в 25%) – 4,5-5 млн. На 1620 год численность населения, была, конечно, меньше; если считать ежегодный прирост около 1%, то получится 3,5 млн. В 1550-х годах, по оценке А. И. Копанева, население составляло 9-10 млн.⁶, то есть две демографические катастрофы уменьшили население в 2,5-3 раза.

Каковы были социальные последствия катастроф? Неомальтузианская теория утверждает, что экосоциальный кризис нередко порождает автократию и этатистское государство. Вождь партии, добившейся победы на поле брани, часто становится военным диктатором и самодержавным монархом; подавив сопротивление врагов, он железной рукой проводит необходимые реформы. Соответствует ли этому образу российский кризис XVII века?

Очевидно, не соответствует. В российской гражданской войне не было победителя, она закончилась компромиссными выборами нового царя. В январе 1613 года в Москве собрался Земской Собор; помимо бояр, священников, дворян и посадских людей в Соборе впервые участвовали выборные от черносошных крестьян и казаков. Решающее слово в выборах царя оказалось за казаками, которые едва ли не силой заставили бояр принять кандидатуру 17-летнего Михаила Романова. «Казачи и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули царю», – свидетельствует современник⁷. По своей молодости царь не мог выступать в роли самодержца; некоторые историки полагают, что при вступлении на престол Михаил подписал обязательство, ограничивающее его власть. Как бы то ни было, первые десять лет своего царствования Михаил правил совместно с Земским собором, находя в нем совет и опору. Если прежде царские грамоты заканчивались традиционной формулой: «Царь приказал и бояре приговорили», то на грамотах Михаила Романова появляется новая формула: «Поцарскому указу изземскому приговору»⁸.

Характер новой монархии определялся тем обстоятельством, что она родилась вследствие компромисса между сословиями. Монархии стоило большого труда примирить дворян и казаков (многие из которых были восставшими крестьянами и холопами). После воцарения Михаила многие казаки вернулись к крестьянской жизни и устроились на пашню «по льготе»; другие поступили на царскую службу. Казаки превратились в многочисленное военное сословие, они пользовались внутренним самоуправлением, жили в пограничных крепостях, имели земельные наделы и получали дополнительное денежное жалованье. Часть казаков (полторы тысячи) получила маленькие поместья, от одного до трех дворов зависимых крестьян, некоторые стали дворянами⁹. Таким образом, наиболее активная часть крестьянства не только улучшила свое экономическое положение, но и добилась повышения своего социального статуса. То, что часть восставших была включена в военные структуры нового государства, несомненно, свидетельствовало о достижении компромисса между враждовавшими сословиями.

Возникшая на основе компромисса новая власть была слабой. Вместо того, чтобы требовать, царь и Собор просили взаймы деньги у купцов Строгановых¹⁰. Для содержания ратников освободившего Москву ополчения Земской собор решил собрать «пятую денгу» с посадских жителей. Однако во многих городах отказывались платить сполна и оказывали открытое сопротивление сборщикам. Крестьяне при попытке властей собрать с них чрезвычайные налоги бросали свои деревни и уходили туда, где им давали льготы: так случилось, к примеру, в Кирилло-Белозерском монастыре¹¹. «Государевой казны нет нисколько, – говорилось в указе, – кроме таможенных и кабацких денег государевым деньгам сбору нет»¹². В 1626 году отсутствие денег заставило правительство уменьшить вес серебряной копейки, новая монета весила 0,47 грамма, почти на треть меньше, чем прежде¹³.

Таким образом, вопреки предсказаниям неомальтузианской теории, российский кризис не привел к укреплению этактической монархии, скорее наоборот, он привел к ослаблению государства и монархии. Следует ли отсюда, что теория должна быть отвергнута? Нет, не следует – нужно напомнить, что выводы этой теории носят вероятностный характер, она утверждает, что один из исходов более вероятен, чем другие – и только. Возможность других исходов не отвергается, и можно найти примеры, когда экосоциальный кризис не приводил к усилению монархии.

Более того, теория демографических циклов рассматривает цикл в целом, и утверждает, что переход от слабого государства к частной собственности на землю к этактической монархии вероятен в фазе кризиса, или до него, в фазе Сжатия. И такой переход в российском цикле XVI века действительно имел место: его завершающие моменты относятся к правлению Ивана Грозного. Что происходит с этактической монархией позже, в период кризиса? Как показывает статистический анализ исследованных циклов, наиболее частый исход – это завоевание внешними врагами, но встречаются также случаи, когда восстанавливалась частная собственность на землю и случаи, когда существенных перемен не происходило – монархия сохранилась¹⁴.

Исход российского цикла (если учитывать укрепление самодержавия в правление Филарета), нужно отнести, очевидно, к последнему варианту развития событий. Несмотря на тяжелый кризис, этактическая монархия устояла, и главным свидетельством этого было сохранение поместной системы и государственной собственности на землю. Дворяне не стали собственниками своих земель; они по-прежнему несли государеву службу, то есть сохранились те отношения, о которых писал Р. Ченслор: «В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти [служить] по требованию государя...»¹⁵

3.1.2. Динамика элиты: положение дворянства после Смуты

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание положению элиты и, в частности, вопросу об обеспеченности элиты материальными средствами. От обеспеченности элиты зависит тот уровень материальных требований, которые она предъявляет государству и народу, и от-

ношения внутри структуры «государство-элита-народ». Каково было положение элиты после Смуты? Конфискации Ивана Грозного и «Смутное время» нанесли тяжелый удар по боярским родовым вотчинам и по вотчинному землевладению в целом. В Тверском уезде, например, в 1548 году было 318 вотчин средним размером 370 десятин пашни, в 1620-х годах осталось 197 вотчин, имевших в среднем 137 десятин, общая площадь вотчинного землевладения сократилась в 4,3 раза. Обширные когда-то владения так измельчали, что в центральных уездах в среднем на одного вотчинника приходилось 4,2 крестьянских двора¹⁶.

Поместное землевладение также испытывало кризис – но не из-за недостатка земли, а из-за недостатка обрабатывавших ее крестьян. Самое богатое, московское, дворянство, в 1632 году имело на одно поместье (или вотчину) в среднем 24 крестьянина, включая бобылей. В других районах положение было гораздо хуже, помещики Шелонской пятины в 1626-1627 годах имели в среднем по 3,8 двора и по 6,2 душ мужского пола на владение, 35% владений стояли пустыми¹⁷. Уход крестьян доводил некоторых помещиков до отчаяния. «Государь нас не жалует, крестьян из-за нас велит выводить, – говорил ливенский помещик Авдей Яковлев, – нас в заговоре человек пятьсот: кто из-за нас крестьян выводит, у тех мы вотчины выжжем, а крестьян побьем, и пойдем до другого государя»¹⁸. Яковлева можно было понять: учитывая, что оброки сократились в 2-3 раза (см. ниже), доходы помещиков уменьшились примерно в 10 раз. Петр Петрей отмечал, что первое время после Смуты многие дворяне ходили в лаптях – так же, как и крестьяне¹⁹. Как отмечалось выше, в 1580-х годах в списках имелось 80 тыс. воинов, из них 65 тыс. ежегодно выходили на южную границу. По сметному списку 1630 года числилось 27 тыс. служилых дворян, из них лишь 15 тысяч воинов могли нести полевую службу; остальные сидели в гарнизонах по своим городам²⁰. Чтобы как-то поддержать этих служивых, один раз в пять лет им выдавали денежное жалование. В 1648 году давали по 13 рублей²¹; эта сумма была эквивалентна 130 пудам хлеба, или примерно годовому доходу крестьянского хозяйства – и только.

Таким образом, хотя численность дворянства резко сократилась, социально-экономическое равновесие в структуре «государство-элита-народ» не было восстановлено в полной мере. Доходы дворянства оставались крайне низкими, и дворянство требовало улучшения своего положения путем более строгого прикрепления крестьян к земле – реального введения крепостного права.

Следует отметить, однако, что еще до введения крепостного права, по мере преодоления хозяйственной разрухи, (и, может быть, в связи с увеличением «урочных лет») положение дворянства постепенно улучшалось. В 1646 году в Шелонской пятине на одно владение приходилось уже 6,8 двора и 22,1 душ мужского пола, а количество пустых поместий сократилось до 14%. Общая численность служилых дворян в России увеличилась с 27 тыс. в 1630 году до 39 тыс. человек в 1651 году²².

Положение высшего слоя элиты, боярской аристократии, в период Смуты и после нее претерпело существенные изменения. Дьяк Котошихин,

писавший в середине XVII века, свидетельствует, что к тому времени «прежние большие роды многие без остатку миновались»²³. Переход на сторону королевича Владислава привел к окончательной утрате авторитета «старшими боярами», и после коронации Михаила на сцену вышло новое боярство из среды участников ополчения. Эта новая знать получила от царя поместья и вотчины, но она была немногочисленна, и ее земельные владения не могли сравниться с вотчинами бояр XVI века или с владениями екатерининских вельмож. По росписи 1638 года лишь 14 бояр имели свыше 500 крестьянских дворов, причем их владения были разбросаны по многим уездам²⁴. Новая знать была сильна, главным образом, своим положением на государственной службе. «Наследственной аристократии, высшего сословия не было, – писал С. М. Соловьев, – были чины: бояре, окольные, казначей, думные дяки...»²⁵

3.1.3. Динамика государства: восстановление налоговой системы

Продолжая анализ взаимоотношений в структуре «государство-элитанарод», необходимо отметить, что, как отмечалось выше, Смута привела к ослаблению государственной власти и распаду налоговой системы. Восстановление управляемости стало первоочередной задачей государственного строительства. После заключения мира с поляками из плена вернулся патриарх Филарет, отец царя, который стал фактическим руководителем правительства. Филарет вырос в эпоху Ивана Грозного и придерживался старых понятий о значении царской власти. Патриарх получил титул «Великого Государя» и правил как самодержец. С 1622 года перестают собираться Земские Соборы, и понятие «совет всей земли» исчезает из правительственных документов. «Филарет был ... настолько властным, что даже сам царь боялся его, – писал архиепископ Пахомий. – Он держал в повиновении бояр и других царских людей, ссылая их или налагая на них другие наказания... Он управлял всеми государственными и военными делами царства»²⁶.

Филарет энергично взялся за восстановление налоговой системы. Чтобы наладить сбор налогов, необходимо было провести перепись земель, подобную тем, которые производились в XVI веке. Первые же попытки проведения переписи в отдельных районах показали, что площадь зарегистрированной «живущей» (т. е. регулярно засеваемой) пашни сократилась в 4, в 10 и более раз. Чтобы уклониться от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки в одну-две четверти (четверть – половина десятины). В Шелонской пятине на обжу, которую когда-то распахивал один крестьянин, теперь приходилось больше 20 дворов; общая сумма налогов сократилась в 50 раз²⁷. Правительство боялось возобновления восстаний, и писцы не смели выявлять утайку пашен; им было приказано действовать со всяческой осмотрительностью, чтобы крестьян «не оскорбить»²⁸. При таких обстоятельствах в 20-х годах была-таки проведена перепись и назначены новые налоги: «ямские деньги» и собиравшийся натурой «стрелецкий хлеб». Как и раньше, окладной единицей служила соха, содержащая на поместных и вотчинных землях 800 четвертей

«живущей пашни», на монастырских землях в соху клали 600 четвертей, а на черных землях – 500 четвертей. Правительство попыталось получить необходимые деньги, взимая с мизерных тяглых наделов достаточно высокие налоги. В конце 20-х годов с сохи брали 400 рублей ямских денег и 100 «юфтей» стрелецкого хлеба (юфть – это четверть ржи плюс четверть овса). В пересчете на хлеб крестьянский двор, имевший надел в 1-2 четверти на поместных землях, должен был отдавать в уплату налогов 7-14 пудов ржи и овса, примерно 1,4-2,8 пуда на душу населения. Это была ставка, значительно более высокая, чем до Смуты, и естественно, что слабая власть не смогла заставить крестьян платить такие налоги. Характерно, что ходатаями за крестьян выступили дворяне – ведь высокие налоги уменьшали их ренту²⁹. Дворяне засыпали правительство коллективными челобитными; в канун Смоленской войны коллективная подача челобитных приобрела характер массового политического движения – и не терпевший пререканий Филарет был вынужден пойти на уступки. Была введена новая окладная единица, «живущая четверть», которая заменила прежнюю реальную четверть «живущей» пашни. В «живущую четверть» на поместных и вотчинных землях стали класть 8 крестьянских и 4 бобыльских двора или (в других уездах) 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Если раньше четверть пашни (1/800 часть сохи) соответствовала примерно 1 крестьянскому двору, то теперь «живущая четверть» (тоже 1/800 часть сохи) соответствовала 10 или 16 дворам (два бобыльских двора считались за один крестьянский). Обложение сохи осталось прежним, а число дворов в сохе возросло в 10-16 раз – следовательно, налоги со двора уменьшились более чем в 10 раз! Эта впечатляющая победа дворян продемонстрировала полное бессилие правительства³⁰. Филарету не удалось восстановить самодержавие, и страна продолжала оставаться ареной борьбы сословий.

годы	стрелецкий хлеб(юфтей сохи)	пудовна двор	ямские деньги (руб.сохи)	денега двор	цена юфти (денег)	пудовна двор	всего (пудовна двор)	населенность двора	пудовна душу
1561-62									2,8
1631-32	100	0,1	534	11	160	0,67	0,8	4,8	0,16
1639-40	100	0,1	726	15	260	0,56	0,7	4,8	0,14
1640-45	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1646-53	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1654-62	700	0,7	784	16	257	0,61	1,3	6,6	0,20
1663-72	1400	1,4	784	16	350	0,45	1,8	6,6	0,28
1672-79	2800	2,8	784	16	220	0,71	3,5	6,6	0,53
1680-88		3		20	120	2,23	5,2	7,5	0,70
1688-96		5		20	150	1,8	6,8	7,5	0,9
1723-25					390				2,5

Табл. 3.1. Основные налоги поместных и вотчинных крестьян³¹. В сохе условно принимается 10 тысяч дворов.

Уменьшив налоги с поместных земель, власти были вынуждены сократить и податное обложение монастырей. В «живущую четверть» на монастырских землях клали 6 крестьянских и 3 бобыльских двора. Поскольку в монастырской сохе было 600 четвертей, то налоги на монастырских землях были примерно в 2,3 выше, чем на поместных. Кроме того, во время войн монастырские и черные крестьяне были обязаны поставлять «даточных» (или «посошных») людей и платить «ратным людям на жалование»; в отдельные годы это резко увеличивало тяжесть повинностей. Хуже всего было положение крестьян на черных землях: «живущая четверть» оставалась здесь реальной четвертью пашни, и обложение черных крестьян, таким образом, сохранилось на прежнем высоком уровне. Земли центральных уездов были розданы в поместья, и основные массивы черных земель располагались на Севере и на Вятке. На черных землях стрелецкий хлеб выплачивался деньгами, и до начала Смоленской война вятские крестьяне платили примерно 260 денег³²; по официальным расценкам это составляло около 20 пудов хлеба со двора, или примерно 4 пуда с души. Это в 10-20 раз больше, чем налоги поместных крестьян, но при этом, нужно, конечно, учесть, что черные крестьяне не платили оброков помещикам.

В целом, уровень налогов определялся размерами податей поместных и вотчинных крестьян, которые составляли основную часть населения страны. В 1670-х годах этот уровень был низким: в пять-шесть раз ниже, чем во времена Ивана Грозного и Петра I. Голландский посол Кузрад Кленк писал, что «в мирное время в Московии платится мало», но в военное время налоги значительно увеличиваются³³.

Таким образом, в соответствии с неомальтузианской теорией, уровень государственной ренты после катастрофы оставался низким. Государство не сумело вернуть утраченные после 1570-х годов ресурсы; оно оставалось слабым, и это негативным образом отражалось на обороноспособности страны: Россия была вынуждена платить крымскому хану дань, дипломатично именовавшуюся «поминками».

3.1.4. Динамика перераспределения ресурсов: размеры ренты

Неомальтузианская теория утверждает, что для периодов восстановления после кризисов характерен низкий уровень земельной ренты. Попытаемся проверить этот теоретический прогноз на российских материалах XVII века. Вопрос о размерах барщины в XVII – начале XVIII века подробно исследован в работах Н. А. Горской, Л. В. Милова, А. Н. Сахарова, Ю. А. Тихонова и ряда других авторов³⁴. Используя приводимые в этих работах данные, можно оценить средние размеры барщины на протяжении этих столетий (табл. 3.2).

Период	1630-1644	1660-1669	1680-1700	1715-1723
Размеры барщины	0,32	0,66	0,36	0,37

Таблица. 3.2. Барщина в поместных и вотчинных хозяйствах в расчете на душу населения (в десятинах)³⁵.

Сопоставление данных для различных периодов показывает, что в целом для XVII века барщинные нормы были примерно в 3 раза ниже, чем во времена расцвета крепостничества в середине XIX века. Однако общий уровень барщины может быть оценен только в сравнении с наделами крестьян, со средними размерами крестьянской запашки. Для XVII века этот важный вопрос остается почти не изученным: проблема заключается в том, что, уклоняясь от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов участки земли, намного меньшие, чем действительная запашка³⁶. В принципе, земли было более чем достаточно, после демографической катастрофы население резко уменьшилось, крестьянин мог выбирать лучшие участки и пахать столько, сколько желает. Нет особых оснований полагать, что производственные возможности крестьянского хозяйства в XVII веке были меньше, чем в XVI или в XVIII веках. Как в XVIII, так и в XVII веке землевладелец был готов предоставить крестьянину ссуду на обзаведение семенами и рабочим скотом: ведь он был кровно заинтересован в крестьянском труде. Часто упоминаемых в источниках XVII века «бобышей» нельзя с уверенностью классифицировать как разорившихся крестьян – во многих случаях это были скорее поселенцы на льготе; они распахивали перелог и осваивали «пашню, лесом поросшую», земли, заброшенные в период кризиса³⁷. В XVI веке в многоземельной Шелонской пятине новгородчины средний двор в 5-6 человек имел 11-13 десятин пашни³⁸, то есть примерно по 2,2 десятины на душу. В конце XVIII века барщинные крестьяне в центральных уездах обрабатывали в среднем на душу 1,8 десятины пашни, в том числе 0,5 десятин барской запашки³⁹. Эта величина соответствует расчетам С. А. Короленко (1890-е годы) который показал, что средняя семья в 6 человек могла обработать 10,5 десятин, то есть 1,75 десятины на душу⁴⁰. И. Д. Ковальченко полагал, что в первой половине XIX века крестьяне могли возделывать максимально 1,8-2 десятины на душу⁴¹. Относительно XVII века известны лишь немногие случаи, когда удается выяснить полные размеры крестьянской запашки. На смоленщине (с. Андреевское) в конце столетия средний крестьянский двор имел 12 десятин пашни; в Старорусском уезде в 1660-х годах на двор приходилось более 15 десятин⁴². В 1660 году власти Кирилло-Белозерского монастыря попытались установить реальную величину крестьянской запашки. Обмер проводился монастырской администрацией с участием самих крестьян, которые, конечно, не допустили бы включения в перепись земель, лежащих «в пусте». Крестьяне так и не дали довести проверку до конца, но результаты по 503 дворам показали, что средний надел равнялся 11 десятинам⁴³. Средний размер двора на Белоозере составлял 6,8 человека⁴⁴, то есть на душу населения приходилось 1,6 десятин пашни. Этот надел меньше, чем средняя запашка в XVIII веке, поскольку в те времена оброки и барщина были существенно меньше, и помещики не заставляли крестьян работать «до седьмого пота». В Троицко-Гледенском монастыре в конце 1670-х годов землю обрабатывали половники, и им приходилось трудиться, не покладая

рук, – поэтому пашенный надел был значительно больше: на душу приходилось 1,9 десятин⁴⁵.

Опираясь на эти данные, мы можем считать, что в XVII веке крестьянин был в состоянии обрабатывать в среднем 1,6-1,8 десятин пашни. Приняв эти цифры, мы получим, что в первой половине XVII века барщина отнимала примерно 1/5 крестьянского труда, в 60-х годах – примерно 2/5, и в конце столетия – немногим более 1/5.

В литературе часто цитируется инструкция помещика А. И. Безобразова приказчику села Тельчей, в которой помещик предписывает «крестьянам дать на себя работать на неделе два дня»⁴⁶. Здесь нужно пояснить, что в селе Тельчей на двор приходилось семь душ мужского пола, поэтому обязанность одного из мужчин работать 4 дня в неделю не выглядит обременительной. В действительности в этом селе на душу приходилось 0,36 десятин барской запашки⁴⁷, что соответствует среднему уровню 1680-х годов.

В целом сравнительно небольшие нормы барщины согласуются с неомальтузианской теорией, утверждающей, что уровень ренты в XVII веке должен быть ниже, чем в другие столетия. Однако на протяжении XVII века барщина не оставалась одинаковой, как показывает табл. 3.2, в 1660-х годах имело место значительное, более чем двойное увеличение барщинных норм. Ю. А. Тихонов объяснял это увеличение барщины закрепощением крестьянства по Уложению 1649 года⁴⁸. Такое объяснение кажется вполне естественным, но почему же тогда впоследствии, в 1680-х годах, барщинные нормы уменьшились и практически вернулись к низкому уровню первой половины столетия? Что это? Последствие крестьянской войны, которая, в свою очередь, была ответом на рост барщины?

Для объяснения эволюции барщины естественно привлечь данные о динамике оброка в соответствующий период. Эволюцию оброка проследить труднее, чем эволюцию барщины, в силу его многообразного характера. Случаев, когда можно подсчитать стоимость оброка в деньгах или в зерне, в литературе приводится сравнительно немного. Кроме того, чтобы установить реальную тяжесть оброка, нужно учесть уровень цен на зерно – нужно выяснить, сколько хлеба должен продать крестьянин, чтобы заплатить оброк. Мы пересчитали денежные величины оброка в пуды «хлеба», исходя из того, что юфть «хлеба» (четверть ржи плюс четверть овса) до 1680 года весила 10 пудов, а после 1680 года – 13,4 пуда (см. табл. 3.3).

В число оброчных платежей в XVII веке входила и плата за аренду внаемных земель. Специфика используемых источников такова, что не всегда можно установить, включена ли эта плата в указанную в источнике сумму платежей. Однако, в тех случаях, когда мы знаем плату за аренду, оказывается, что она, в общем, невелика и не оказывает существенного влияния на общую динамику оброков⁴⁹.

Данные таблицы 3.3 подтверждают предположение о том, что величина оброка в XVII веке была намного меньше, чем в предыдущее и последующее столетие. Однако если перейти к рассмотрению динамики оброка на протяжении XVII века, то можно заметить, что данные об оброках указывают на тенденцию, отличающую от эволюции барщины. Если рассматривать денежный оброк, то оказывается, что на протяжении 1630-1716 годов он

практически не меняется, оставаясь примерно на уровне 25 копеек на душу – это хорошо видно по приводимым в таблице средним величинам оброка для различных периодов.

	Уезд, село	Поместные или монастырские	Паша юфты(134 пуда)коп.	Оброкнадушу	
				копеек	пудов
1540	Новгородские пятины	пом.			8-12
1623	Бежецкий Верх. С. Молоково и др.	мон.	94	8	<i>1,1</i>
1620-30	Юрьев-Польский у. Тальшинская в.	мон.	94	11	<i>1,5</i>
1626	Владимирский у. 5 деревень.	пом.	94	21	<i>3,0</i>
1626	Галицкий у. 5 деревень.	пом.	94	29	<i>3,7</i>
1626	Галицкий у. 4 деревни.	пом.	94	21	<i>3,0</i>
1634	Галицкий у. 14 деревень.	пом.	174	42	<i>3,2</i>
1639	Псковский у. Завелицкая засада (оброк хлебом)	мон.			<i>3,7</i>
1630-40	Коломенский у. 3 деревни.	пом.	174	15	<i>1,2</i>
1644	Вологодский у. С. Оларевский Ключ.	мон.	107	21	<i>2,6</i>
	средние 1626-44		123	25	2,9
ср. 60-хл.	Уличский у. С. Притыкино	пом.	235	27	<i>1,5</i>
1660-е	Зубцовский у. С. Фаустова Гора	мон.	235	21	<i>1,2</i>
1664	Бежецкий у. С. Алабузино	мон.	235	25	<i>1,4</i>
1667	Тверской у. д. Пешки и др.	пом.	235	34	<i>1,9</i>
1667	Рязанский у. С. Киструс и др.	пом.	235	32	<i>1,8</i>
1670	Рязанский у. С. Высоково	мон.	235	15	<i>0,9</i>
	средние 1660-1670		235	25	1,5
1679	Ржевский у. С. Обобурово	пом.	92	27	<i>3,2</i>
1683-99	Кашинский у.	мон.	60	17	<i>3,8</i>
1680-е	Псковский у. Завелицкая засада	мон.	60	16	<i>3,6</i>
1690-е	Центральные районы. Опенки Н.А.Горской	мон.	75	22-32	38-58

Табл. 3.3. Оброки в XVII веке (в пересчете на пуды хлеба)⁵⁰. В некоторых случаях населенность двора неизвестна, тогда в соответствии с усредненной оценкой Ю. А. Тихонова⁵¹, она принимается за 4,8 человека для 1620-1648 годов и 6,6 человека для 1649-1679 годов. Такие цифры выделены курсивом.

Здесь нужно отметить, что это обстоятельство, неизменность земельной ренты в период после Смуты, отмечалось многими авторами; Н. А. Горская назвала это «принципом фиксированности ренты»⁵². Однако, если перейти к рассмотрению реальной ренты, исчисленной в пудах хлеба, то окажется, что рента менялась, причем ее динамика, как это ни странно,

прямо противоположна динамике изменения барщины. В то время как барщина в 1660-х годах возрастает, оброк уменьшается, а позже, когда барщина уменьшается, оброк увеличивается. Само по себе уменьшение оброка в 1660-х годах легко объяснимо: резко возросла цена на хлеб, и поэтому, чтобы заплатить прежнюю сумму в деньгах, крестьянину нужно было продать меньше хлеба. К 1680 году цена упала – и оброк увеличился до уровня, превышавшего уровень первой половины столетия. Таким образом, можно утверждать, что денежный оброк в XVII веке оставался примерно постоянным, а причина изменения его реальной стоимости заключалась в изменении хлебных цен. Почему же менялись цены? И не могло ли их изменение повлиять не только на динамику оброка, но и на динамику барщины?

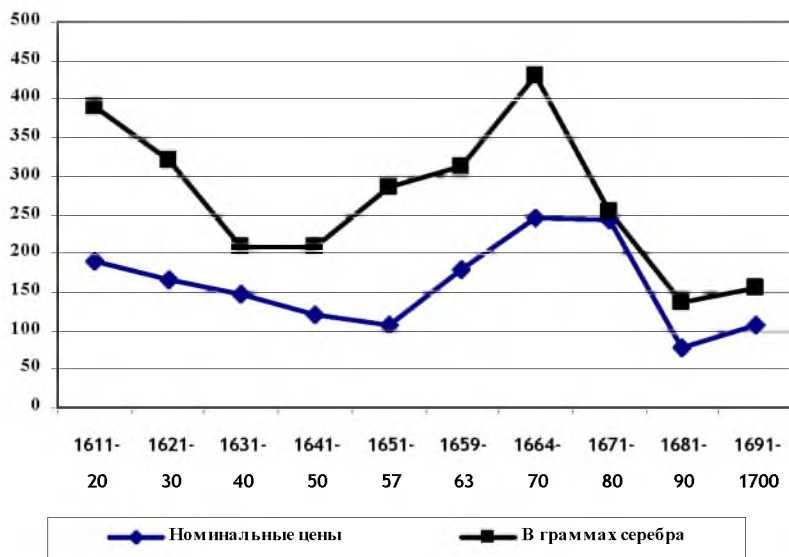

Рис. 3.1. Невзвешенный индекс хлебных цен за 8-пудовую четверть для четырех культур – ржи, овса, ячменя и пшеницы (1701-1710 гг. = 100)⁵³.

Как известно, в начале второй польской войны, в 1654 году, правительство в целях оплаты военных расходов прибегло к выпуску медной монеты с номинальным курсом. За пять лет (1656-1661 гг.) этой монеты было выпущено на колоссальную сумму в 20 млн. рублей – и естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 45 копеек; к осени 1661 года цена выросла до 2,5 рублей, в январе 1663 года четверть ржи стоила 24 рубля (!). Уже с 1660 года крестьяне во многих районах отказывались продавать хлеб на медь. Хлебная торговля была полностью парализована; в 1654-1656 годах в Великом Устюге продава-

лось в среднем 4 тыс. четвертей ржи – в 1661 году было продано 20 четвертей! Дворяне в войсках уже не могли купить хлеб, как прежде, на деньги, которые им платило правительство, они были вынуждены брать в поход запасы своего хлеба, а чтобы получать этот хлеб, нужно было увеличивать крестьянскую барщину. Сам царь Алексей Михайлович завел в подмосковных деревнях крупное барщинное хозяйство, чтобы обеспечивать хлебом своих стрелянных стрельцов. Росла барщина и в старинных дворцовых хозяйствах, например, в селе Черкизово Коломенского уезда она к 1662 году увеличилась более чем вдвое; имеются данные о таком же увеличении барщины в ряде помещичьих сел. Характерно, что в упомянутых случаях увеличение барщины не привело к уменьшению других повинностей⁵⁴.

Таким образом, резкое увеличение барщины было обусловлено экономической необходимостью, прекращением хлебной торговли. Однако это увеличение стало возможным лишь в условиях прикрепления крестьян, когда им трудно было ответить на рост эксплуатации уходом из поместья. В 1663 году правительство отменило медные деньги, и в обращение снова поступила устойчивая серебряная валюта. Торговля хлебом возобновилась, но цены не вернулись к прежнему, довоенному, уровню; в течение 1660-х годов они оставались на уровне, вдвое превосходящем довоенный. Причиной этого повышения цен была нехватка хлеба на рынке. Крестьяне вели натуральное хозяйство и вывозили зерно на продажу, в основном, для того, чтобы заплатить оброк или государственные налоги. До 1662 года главный налог, «стрелецкий хлеб», собирался с государственных («черных») крестьян деньгами, но с 1662 года его брали хлебом, что привело к резкому сокращению поставки зерна на рынок и к повышению цен. Как отмечалось выше, в начале войны в Устюге продавалось по 4 тысячи четвертей в год, а в 1663-1668 годах – только по одной тысяче четвертей. Естественно, что в условиях высоких хлебных цен помещики продолжали развивать барщинное хозяйство. В 1668-1672 годах власти собирали налоги иногда хлебом, иногда деньгами, а с 1673 года окончательно вернулись к сбору деньгами. С этого времени поставка хлеба на рынок увеличилась, в 1673-1677 годах в Устюге продавалось в среднем 3 тысячи четвертей; цены стали быстро падать и к 1680 году снизились до уровня 1640-х годов. После 1680 года падение цен продолжалось, по-видимому, вследствие поступления на рынки центральных районов большого количества зерна из осваиваемых южных областей⁵⁵. Когда цены упали в три раза, рентабельность барщинного хозяйства резко снизилась – поэтому многие помещики сократили запашку и стали покупать хлеб на рынке.

Таково, по нашему мнению, экономическое объяснение динамики барщины в XVII веке. Эти соображения могут оказаться полезными и при изучении причин восстания Степана Разина. Рост барщины, естественно, вызвал протест крестьян, ярко проявившийся в восстании 1670-1671 годов. Это восстание в сочетании с падением цен привело к уменьшению барщины в 1680-х годах.

Что же касается государственных налогов, то, как видно из табл. 3.1, в 1620-1680 годах их уровень существенно вырос и достиг полпуда с души. Однако это были далеко не те налоги, которые собирали при Иване Грозном и Петре I: в 1707-1716 годах налог составлял около 4 пудов с души.

Таким образом, в соответствии с положениями неомальтузианской теории, уровень податей и повинностей в период после Смуты был очень низким, в несколько раз более низким, чем в другие эпохи.

3.1.5. Динамика народа: уровень жизни в XVII веке

Теория демографических циклов утверждает, что период восстановления должен характеризоваться не только низким уровнем ренты, но и сравнительно высоким уровнем жизни населения. Справедлив ли этот прогноз в отношении России XVII века?

Оценка уровня жизни крестьян сталкивается с недостаточностью конкретных материалов в источниках, и этот недостаток можно в определенной степени компенсировать лишь условным расчетом. Зная уровень оброков и налогов, можно сопоставить их с возможностями крестьянского хозяйства. Попытаемся сначала оценить продуктивность десятины⁵⁶. На озимом поле обычно сеяли рожь, на яровом – овес (с небольшими добавлениями других культур) при этом нормы высева колебались в зависимости от качества земли, на хороших землях высевали меньше, на плохих больше; мы будем использовать стандартные нормы высева, применявшиеся до 1735 года в дворцовом хозяйстве, а именно, 9 пудов на десятину для ржи и 12 пудов для овса⁵⁷. По данным Е. И. Индовой⁵⁸ средняя урожайность ржи во второй половине XVII века была сам-3,3, а овса сам-3,1, таким образом, чистый сбор с десятины составлял 21 пуд ржи или 25 пудов овса, учитывая, что раз в три года десятина оставалась под паром, получим, что средняя продуктивность десятины составляла 15,3 пуда хлеба в год. Как отмечалось выше, крестьянин мог пахать 1,6-1,8 десятины на душу, поэтому чистый сбор на душу мог составить 24,5-27,5 пудов.

Таковы были теоретические возможности среднего крестьянского хозяйства, если же в действительности крестьянин пахал меньше, но это означало, что он не нуждался в таком количестве хлеба. После вычета 3,5-4,5 пудов оброка и налога у крестьянина, использующего свои возможности, оставалось на потребление 20-24 пуда. Считается, что минимальная норма потребления – это примерно 15 пудов, в случае нехватки сенокосов требуется еще примерно 3 пуда на корм скоту и норма повышается до 18 пудов⁵⁹. Однако в те времена сенокосов хватало, и можно считать, что в среднем крестьянском хозяйстве мог существовать ежегодный излишек хлеба в 5-9 пудов на душу. Барщинные крестьяне не платили оброк, но пахали на помещика около 0,4 десятины на душу; следовательно, они могли пахать на себя 1,2-1,4 десятины, и собирать с них 18,5-21,5 пудов хлеба. После вычета налогов у них оставалось на потребление 18-21 пуд хлеба на душу населения.

Конечно, этот расчет является сугубо ориентировочным и приближительным, мы не учитываем некоторых второстепенных расходов крестьянского хозяйства, например, покупки соли, платы приказчикам и мирских сборов. Но с другой стороны, не учитываются и доходы от скотоводства, леса, рыбных ловель, которые, вероятно, компенсируют эти расходы.

Таким образом, имеются основания полагать, что крестьяне XVII века жили довольно зажиточно. Это подтверждается имеющимися статистическими сведениями по отдельным районам. А. Х. Горфункель, изучавший хозяйственную жизнь Кирилло-Белозерского монастыря, назвал время после Смуты «золотым веком» монастырского крестьянства⁶⁰. По подсчетам П. А. Колесникова средний сбор на душу населения в 1620-е годы в Тотемском уезде составлял 28-32 пуда⁶¹. По некоторым данным, в 1680-90-х годах в монастырских селах центральных уездов обычное хозяйство имело от 2 до 5 лошадей, у помещичьих крестьян в среднем было 2,2-2,6 лошади, 1-2 коровы⁶². В Старорусском уезде в 1660-х годах на двор приходилось 2-3 лошади, 4-5 коров⁶³. В вотчинах Псково-Печерского монастыря в 1639 году средний двор при населенности 5-6 человек имел 3-4 лошади, 4 коровы⁶⁴. Даже крестьяне, бежавшие в 1660-х годах из центральных районов на Юг, оказывается, отнюдь не были бедняками: они имели на двор в среднем по 3 лошади и 2 коровы⁶⁵.

Эти данные согласуются с впечатлениями западных путешественников: Олеарий свидетельствует о «громдном изобилии хлеба и пастбищ», о больших пространствах свободных плодородных земель, о том, что в России редко приходится слышать о дороговизне⁶⁶. Как видно из рис. 3.1, индексе хлебных цен (в особенности цен в серебре) резко упал сразу же по окончании Смуты и продолжал падать до середины столетия. Подъем цен в 1657-1670-х годах был связан с войной и инфляционной политикой правительства, а затем цены снова упали, причем их реальный уровень в конце столетия был ниже, чем в 1630-х годах – это говорит о том, что **посевные площади росли быстрее, чем население**. Много повидавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь»⁶⁷.

В литературе, однако, высказывались и другие мнения по поводу уровня жизни крестьян. Так Л. Г. Дубинская утверждала, что средняя запашка крестьян Мещерского края составляла лишь 3,2 десятины, и, опираясь на эти данные, пришла к выводу, что «в среднем крестьянское хозяйство могло прокормить только половину семьи»⁶⁸. Тем не менее, крестьяне как-то выживали – очевидно, за счет не учтенного в подсчетах Л. Г. Дубинской вненадельного землепользования. Пример с обмером земель на Белоозере показывает, что даже очень крупный и сильный землевладелец подчас не мог выявить скрытую пашню и заставить крестьян платить за нее. Обмер земель производила обычно сама община, и о том, как крестьяне меряли землю, можно судить по эпизоду с обмером наделов в Солодчинском монастыре. При проверке в 1690 году оказалась, что мерная веревка была намного длиннее положенной, а площадь, которую крестьяне выда-

вали за десятину, составляла почти три десятины⁶⁹. Кроме того, пашню на пере­логе учесть было практически невозможно, сегодня она была в одном месте, на следующий год – в другом, и ее размеры постоянно менялись.

Наши суждения об уровне жизни населения становятся на более твер­дую почву при привлечении данных о заработной плате работников, в том числе о заработках деревенских батраков. Запросы поденщиков в 1630-х годах были столь велики, что монахи Иосифо-Волоколамского монастыря не могли подрядить крестьян для обработки своей пашни. «Люди стали огурливы, в слободу посылаем для жнецов нанять, и никто из нойму не идет, не страшатся никою», – жаловались монахи⁷⁰. Не шли работные лю­ди и на Тульские заводы – так что правительству пришлось обязать кре­стьян соседних деревень поставлять подсобных рабочих в порядке обрабо­точной повинности⁷¹.

Р. Хелли собрал большое число данные о заработной плате неквалифи­цированных рабочих в 1635-1725 годах. Большинство этих данных, одна­ко, относятся к олонцким медеплавильным заводам и к короткому про­межутку 1669-1674 г. Если исключить весьма специфические олонцкие данные, то окажется, что средняя поденная плата на протяжении столетия составляла 5 копеек (10 денег)⁷². Р. Хелли определяет среднюю цену ржи в этот период в 58 коп. за четверть⁷³, не учитывая изменения размеров чет­верти, которая в 1678 году была увеличена с 6 до 8 пудов. Поскольку ме­дианная цена Р. Хелли учитывает экстремально высокие цены периода медной инфляции (и высокие цены Поморья), то она представляется суще­ственно завышенной, тем не менее, приняв эту цену, мы получим, что хлебный эквивалент поденной платы составлял от 8,5 кг (при 6-пудовой четверти) до 11,3 кг (при 8-пудовой четверти) ржи.

Р. Хелли попытался оценить уровень потребления в XVII веке путем сравне­ния с потреблением в другие периоды, в частности с потреблением московских рабочих-текстильщиков в 1880-х годах, с потреблением иностранных специали­стов в 1931-1932 годах, с потреблением в лагерях НКВД и в армии в 1941 году и средним потреблением в 1993 году⁷⁴. При сравнении с 1880-ми годами амери­канский исследователь берет таблицу потреблявшихся в то время рабочими про­дуктов⁷⁵ и вычисляет их стоимость в ценах XVII века.

Общая стоимость рациона текстильщиков в ценах XVII века по Р. Хелли со­ставляет 4,8 коп., что примерно равно величине средней поденной платы (в то время как в 1880-х годах у текстильщиков уходило на питание 37,6% от поден­ной платы⁷⁶). «Или по крайней мере некоторые из этих таблиц и данных, на ко­торых основаны расчеты, являются неправильными, либо жизнь, должно быть, была необычно трудна в Московии», – делает вывод Р. Хелли⁷⁷. Действительно, можно отметить некоторые неточности в этой таблице (табл. 3.4). Во-первых, Р. Хелли исходит из веса булки хлеба в 800 г при средней цене 3 коп., в то время как стандартного веса тогда не существовало; к примеру, в одном документе 1624 года упоминается «хлеб», стоивший 3 коп. и весивший 9,5 гривенок⁷⁸, то есть около 4 кг. Во-вторых, как отмечает сам Р. Хелли, большинство работников, о заработной плате которых он приводит сведения, были крестьянами; если же они жили в городе, то имели свои дома и приусадебные хозяйства⁷⁹. Работники XVII века, в отличие от фабричных рабочих, не покупали печеный хлеб, муку и крупу в лавке, они сами мололи зерно и пекли хлеб в своих домашних печах. При цене 6-пудовой четверти в 58 коп. и при известных нормах помола и припе­ка⁸⁰ 913 г хлеба домашней выпечки обходились не в 3,4 коп., а в 0,46 коп.; если

же четверть считать 8-пудовой, то в 0,34 коп. Учитывая домашнюю выпечку и помол, мы получим общие затраты на питание работника в пределах 1,17-1,35 коп., то есть 23-27% от средней поденной платы в 5 коп (см. табл. 3.4).

Потребляемые продукты	Количество (грамм)	Стоимость по Р. Хелли (коп.)	Скорректированная стоимость при размерах четверти		С учетом приусадебного хозяйства	
			8 пуд.	6 пуд.	8 пуд.	6 пудов
Хлеб	913,5	3,4200	0,3452	0,4602	0,3452	0,4602
Мука	21,3	0,0240	0,0121	0,0161	0,0121	0,0161
Крупа	264,1	0,3000	0,1497	0,1996	0,1497	0,1996
Горох	7,18	0,0058	0,0058	0,0058	0,0058	0,0058
Макароны	11	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001
Картофель с закваской на хлеб 5:1	58,18	0,2200	0,0051	0,0069	0,0051	0,0069
Капуста	243,1	0,0590	0,0590	0,0590		
Огурцы	9,32	0,0056	0,0056	0,0056		
Грибы	1,13	0,0150	0,0150	0,0150		
Масло постное	32,75	0,2100	0,2100	0,2100		
Сахар или мед	0,62	0,0023	0,0023	0,0023	0,0023	0,0023
Чай	1,3	0,1000				
Солод для кваса	39,5	0,0290	0,0290	0,0290	0,0290	0,0290
Ржаная мука для кваса	39,5	0,0270	0,0224	0,0298	0,0224	0,0298
Говядина	88,77	0,1100	0,1100	0,1100		
Другое мясо	9,15	0,0150	0,0150	0,0150		
Рыба	12,22	0,0180	0,0180	0,0180	0,0180	0,0180
Масло коровье	2,8	0,0170	0,0170	0,0170		
Сало	24,96	0,1200	0,1200	0,1200		
Молоко	0,51	0,0003	0,0003	0,0003		
Творог	17,1	0,0160	0,0160	0,0160		
Соль	24,5	0,0150	0,0150	0,0150	0,0150	0,0150
Всего		4,7291	1,1725	1,3507	0,6047	0,7828

Табл. 3.4. Рацион московских текстильщиков-мужчин 1880-1885 гг. в переводе на цены XVII века⁸¹.

Однако можно внести и дальнейшие коррективы в эти расчеты. Как отмечалось выше, работники XVII века имели свое хозяйство, и, как правило, они не покупали на рынке овощи, молочные и мясные продукты. Если вычеркнуть эти продукты из таблицы Р. Хелли, то стоимость рациона сократиться до 0,6-0,78 коп. – 12-15% от поденной платы. С другой стороны, фабричные рабочие 1880-х годов были вынуждены оплачивать жилье, покупать одежду, обувь и платить налоги, намного большие, чем в XVII веке. У петербургских рабочих в 1907-1908 годах на жилище уходило 15% дохода, на одежду и обувь – 14%, на баню и стирку – 4%⁸². Если вычтеть эти расходы из зарплаты, то стоимость рациона по отношению к оставшейся сумме составит не 37%, а 55%. Но надо еще учесть,

что рабочие 1880-х годов были преимущественно крестьянами-отходниками, и им приходилось платить выкупные платежи за землю, помогать родным в деревне и время от времени совершать поездки на родину, требовавшие существенных затрат. Эти обстоятельства до крайности затрудняют расчеты, и, как нам представляется, сравнение уровня жизни работников XVII века и фабричных рабочих 1880-х годов невозможно в принципе ввиду несопоставимости условий жизни. В этом смысле более перспективно сравнение с более близкими временами и использование классической методологии перевода денежной заработной платы в зерно.

Практически повсюду в Европе поденная плата в начале второго европейского демографического цикла (в начале XVI века) в пересчете на хлеб составляла 9-12 кг, а в конце столетия (и в конце цикла) – 3,5-4,5 кг⁸³. Таким образом, российский уровень поденной платы соответствовал обычному уровню начала демографического цикла и был относительно высоким.

Годы	Район	Выполняемые работы	Плата в деньгах	Цена юфти (денег)	Плата в кг хлеба
1640	Подмосковье	расчистка леса	12	200	9,6
1641	Подмосковье	Жатва	8	200	6,4
1642	Подмосковье	Молодьба	11	200	8,8
1640е	Подмосковье	Косцы	20	200	16
1640е	Москва	чёрнорабочие	11	200	8,8
1646	Архангельск	каменщик	10	200	8
1647	Тульские заводы	чёрнорабочий	10	200	8
сер.XVIIв.	Москва	каменщик	12	200	8,0-9,6
сер.XVIIв.	Москва	портной	10	200	8
сер.XVIIв.	Москва	плотник	10	200	8
Средне сер.XVIIв.					9,1
1666-70	Подмосковье	Косцы	12	350	5,5
1666-70	Подмосковье	расчистка леса	14	350	6,4
1669	Измайлово	чёрнорабочие на строительстве	15	350	6,9
1677	Подмосковье	расчистка прудов	10	220	7,3
1670е	Подмосковье	носильщик в каменоломнях	6	220	4,4
Средне 1660-70е гг.					6,1
1690	Тульские заводы	чёрнорабочие	10	150	14,2
1690е	Москва	чёрнорабочие	10	150	14,2
1698-99	Подмосковье	Косцы	13	150	18,6
кон.XVIIв.	Москва	портной	10	150	14,2
кон.XVIIв.	Москва	каменщик	8	150	11,4
кон.XVIIв.	Москва	плотник	10	150	14,2
Средне кон.XVIIв.					14,5

Табл. 3.5. Поденная плата рабочих в XVII веке⁸⁴.

Данные Р. Хелли не дают представления о динамике реальной заработной платы. Данных, когда заработную плату можно сопоставить с ценами на зерно, не так много; в таблице 3.5 приведены некоторые из них.

Как видно из этой таблицы, в середине XVII века дневная плата составляла около 10 кг хлеба, затем в период инфляции и во время последующего периода высоких цен (1654-1679 гг.) она уменьшилась примерно до 6 кг, но с последующим падением цен в конце XVII века заработная плата увеличилась до 14 кг. В 1674 году пуд говядины стоил 56 денег⁸⁵ и чернорабочий на дневную плату в 15 денег мог купить примерно 4 кг мяса – притом, что 1674 год – это было далеко не лучшее для страны время.

Таким образом, подтверждается теоретический прогноз неомальтузианской теории, о том, что в период восстановления после кризиса уровень жизни населения был относительно высоким.

3.1.6. Начало колонизации Черноземья

Итак, состояние России после Великой смуты было подобно состоянию Европы после кризиса XIV века: обширные пространства запустевших земель, разоренные полувымершие города, государство, которое требуется вновь восстанавливать – но вместе с тем изобилие земли, лесов, природных богатств, которые достались в наследство уцелевшим. Подобно американским фермерам крестьяне могли вновь осваивать свою страну, могли пахать, сколько захочется, и ни помещики, ни слабое государство пока не осмеливались притеснять их, опасаясь нового восстания. В соответствии с неомальтузианской теорией, за периодом экосоциального кризиса должен был последовать период восстановления. Постепенно крестьяне стали возвращаться в свои родные места, основывать новые деревни и расчищать лес под пашню. Московское государство постепенно «пополнялось» и «приходило в достоинство», и люди за «многое время тишины и покоя», по выражению источника, «в животах своих пополнились гораздо»⁸⁶. В За-московном крае восстановление было очень быстрым: бежавшее на Север или в Поволжье население возвращалось в окрестности столицы, и уже в 1640-х годах здесь восстановился существовавший до Смуты уровень населения. *Однако если сравнить с первой половиной XVI века, то население далеко не достигало прежнего уровня.* На новгородчине численность населения в 1646 году была в четыре раза меньше, чем в 1500 году. Медленно восстанавливались города: в середине XVII века население городских посадов оставалась в 2,5 раза меньше, чем столетие назад. В целом, как отмечалось выше, численность населения в 1646 году оценивается в 4,5-5 млн. В 1550-х годах, по оценке А. И. Копанева население составляло 9-10 млн⁸⁷.

В 1646-1678 годах численность населения (без учета территориальных приращений) возросла с 4,5-5 до 8,6 млн. На новгородчине в этот период население увеличилось более чем в два раза (но все еще оставалось на треть меньше, чем в 1500 году)⁸⁸. Огромную роль в процессе восстановления экономики сыграло строительство 800-километровой «Белгородской

черты», которая должна была защитить южные области от татарских набегов и обеспечить возможность сельскохозяйственного освоения обширных территорий. Строительство укрепленной линии продолжалось 12 лет (1635-1646 гг.), на «черте» было построено 23 города-крепости, несколько десятков острогов, пять больших земляных валов, протяженностью по 25-30 км каждый. В 1648-1654 годах была создана Симбирская черта, продолжившая укрепленную линию до берега Волги.

В 1642-1648 годах в уездах, расположенных вдоль Белгородской черты, большинство крестьян было отписано на государя и зачислено во вновь созданные драгунские полки. Крестьяне были освобождены от податей, они жили в своих деревнях, пахали землю, и раз в неделю проходили военное обучение. Казна обеспечивала драгун оружием, и они должны были нести на «черте» сторожевую службу⁸⁹. Нехватка солдат заставляла зачислять в полки всех желающих, даже беглецов из центральных районов⁹⁰ – поэтому сюда держали путь многие беглые. Белгородчина была изобильным краем: урожайность ржи на юге была в 2-3 раза выше, чем в центральных районах, и запасы хлеба в хозяйствах служилых людей в среднем (по 45 известным описям) составляли около 500 пудов (на год человеку хватало 15 пудов)⁹¹. В 1639-42 годах власти предлагали платить за работу на жатве 7-10 денег в день, что в пересчете на зерно составляет 14-20 кг. Это была щедрая плата, в два раза больше, чем платили в Подмосковье – однако зажиточные крестьяне юга не желали работать и за эту плату⁹². Если бы не постоянные войны и татарские набеги, то многие могли бы позавидовать жизни поселенцев Юга.

Белгородская черта стала надежным препятствием на пути татарских набегов. Хотя татары многократно опустошали Белгородчину, им ни разу не удалось прорваться за черту. С середины XVII века началась прочная колонизация южных областей; сюда устремился поток переселенцев из центральных районов. Со времени строительства черты до конца XVII века запашка в южных уездах возросла в 7 раз⁹³; примерно так же возросло и население. С 1670-х годов началась помещичья колонизация Юга: помещики стали в массовом масштабе переводить своих крестьян на отмежеванные им земли «дикого поля»; уже в 1678 году три четверти бояр имели владения на Юге. «В Тульских и в Орловских и в иных к тому краю прилегающих местах, – говорилось в докладе Разрядного приказа в 1681 году, – многие государевы ближние люди... помещики и вотчинники в диких полях построили многие села и деревни... а тем в Московском государстве хлеба и съестных запасов учинилось множество и покупке всего цена дешевая...»⁹⁴

Это были процессы огромного значения, ведь оттесненное татарами в северные леса русское крестьянство веками пыталось выйти в черноземные степи. После побед Ивана Грозного Русь продвинулась за Оку в верховья Дона – но во время Смуты татары отбросили поселенцев назад в северные леса. Теперь России наконец-то удалось закрепиться в южных степях; это означало, что мощь русского государства будет расти за счет

освоения новых плодородных земель. Скученное на Севере население теперь получило возможность переселяться на юг, и угроза нового перенаселения отодвигалась на столетия. С точки зрения демографически-структурной теории процесс колонизации означал расширение экологической ниши – увеличение средств существования (means of subsistence), последствием которого должны были стать уменьшение цен и увеличение реальной заработной платы – те явления, которые действительно отмечались в конце XVII века.

В 1678 году в Черноземном центре проживало уже 1,8 млн. человек, в то время как в старом Нечерноземном центре – 3,5 млн. На Белгородчине насчитывалось 260 тысяч не имевших крепостных детей боярских-«однодворцев» (с семьями), поставлявших в войско 40 тысяч солдат, драгун, рейтар⁹⁵. У служилых людей были крепкие хозяйства: на двор в среднем приходилось 3 лошади и 4 коровы. Небедно жили и дворцовые крестьяне: в Тамбовском уезде большинство дворов имело 2-3 лошади, 2-3 коровы и с избытком обеспечивало себя хлебом⁹⁶.

Вся территория страны разделялась на две части, старые, «заселенные», и новые, «заселявшиеся» области (Юг и Поволжье). По оценке Я. Е. Водарского за вторую половину XVII века площадь пашины в «заселенных» областях возросла с 8 до 13 млн. десятин, а в «заселявшихся» областях – с 4 до 16 млн.⁹⁷ Таким образом, уступая в численности населения, новые «заселявшиеся» области уже превосходили старые «заселенные» по размерам запашки. *Юг стал поставщиком хлеба для центральных районов*; в конце 70-х годов эти поставки достигали 1 млн. пудов, и правительство не раз с удовлетворением отмечало рост «хлебного пополнения»⁹⁸.

Неомальтузианская теория утверждает, что период восстановления характеризуется относительно медленным ростом городов. Действительно, наличие свободных земель не создавало у крестьян стимула к занятию ремеслом и переселению в города, поэтому в XVII веке города росли сравнительно медленно. Русские города этого периода были в большей степени крепостями и административными центрами, нежели торговоремесленными поселениями. Жившие в городах «служилые люди» – дворяне, стрельцы, казаки и т. д. – по своей численности превосходили «посадских людей», торговцев и ремесленников. По оценке Я. Е. Водарского в 1652 году городское население составляло 247 тыс. человек мужского пола, в том числе 139 тыс. служилых и 108 тыс. посадских людей, в 1678 году – 329 тыс. человек, в том числе 149 тыс. служилых и 134 тыс. посадских людей. Население Москвы в 1640-х годах насчитывало около 38 тыс. жителей мужского пола, в том числе около 20 тыс. служилых, 10 тыс. посадских и 8 тыс. «прочих»; к 1680 году число жителей возросло до 51 тыс. в том числе 20 тыс. служилых, 20 тыс. посадских и 11 тыс. «прочих». Другие города намного уступали размерами Москве; в Ярославле в конце XVII века насчитывалось 8 тыс. жителей мужского пола, в Пскове, Казани и Астрахани – 5 тыс. Новгород, когда-то превосходивший по размерам Мо-

ску, находился в глубоком упадке, мужское население этого города не превышало 3 тыс.⁹⁹

Среди городского населения выделялась богатая торгово-промышленная верхушка – гости, торговые люди гостиной и суконной сотен. Это привилегированное купечество вело торговлю в масштабе всей страны и имело капиталы в тысячи рублей, однако оно было очень немногочисленно: в конце XVII века оно насчитывало лишь 250-300 семей. Собственно же посадские люди были в основной массе мелкими ремесленниками и торговцами, торговавшими со скамей и лотков, и стоимость товаров у них не достигала подчас одного рубля¹⁰⁰.

После разорения времен Смуты уровень развития ремесел и промышленности оставался низким. Крупное ремесло было представлено несколькими десятками кожевенных мастерских и винокурен. На соляных промыслах близ Соли Камской в конце XVII века имелось около 200 варниц, на которых было занято около 4 тыс. работников. Мануфактуры были редким явлением; они обычно принадлежали либо дворцовому хозяйству (Хамовный, Печатный, Монетный дворы), либо иностранцам. Голландские предприниматели построили близ Тулы и Капиры несколько доменных заводов, в основном отливавших пушки. В начале 1660-х годов на этих предприятиях насчитывалось всего лишь 119 постоянных рабочих, в том числе 56 иностранцев¹⁰¹.

3.2. Трансформация структуры во второй половине XVII века

3.2.1. Закрепощение крестьян

Возвращаясь к анализу отношений внутри структуры «государство-народ-элита», напомним, что, с точки зрения демографически-структурной теории Смута в значительной степени объяснялась «перенаселением» в элите, тем, что народ не мог обеспечить средствами слишком многочисленное дворянство. Как отмечалось выше, численность дворянства после Смуты уменьшилась. Однако социальное равновесие не было достигнуто, положение дворянства оставалось тяжелым, и дворяне по-прежнему выказывали недовольство политикой властей. Период после окончания Смоленской войны стал временем дворянского наступления на правительство. Как отмечалось выше, дворяне начали предъявлять свои требования еще перед войной, и им удалось добиться многократного снижения налогов со своих крестьян. «Начавшееся еще перед войной движение дворян не прекращалось и приобретало все более широкие и опасные формы, – отмечал П. П. Смирнов. – К этому полуприкрытому мятежу подчас присоединялись черные слободы и сотни...»¹⁰². Дело в том, что, облегчив обложение поместных и вотчинных крестьян, правительство было вынуждено увеличить обложение черных посадских людей. Между тем, в посадах складывалась та же ситуация, что и на селе; здесь существовали освобожденные от посадского тягла («беломестные») боярские и монастырские слободы, куда,

стремясь жить на «льготе», уходили посадские люди. Чем больше купцов и ремесленников уходило в слободы, тем больше налогов приходилось платить оставшимся – и естественно, посадские люди требовали включения слобод в «тягло». Посадские общины жаловались на бояр и монастыри, уводивших у них тяглецов, однако жалобы попадали в воеводские или в московские суды, где сидели бояре, владельцы «беломестных» слобод. Точно так же и дворяне жаловались на бояр и на монастыри, уводившие у них крестьян – но жалобы попадали к тем же боярам.

После смерти Филарета не стало той сильной руки, которая сдерживала проявления недовольства. Началось время коллективных челобитий, своеобразное «петиционное движение»¹⁰³, в котором дворяне и поместные люди все энергичнее высказывали свои требования. Ослабевшее правительство было вынуждено возобновить созыв Земских соборов – но на эти соборы уже не приглашали представителей от крестьян. На соборе 1637 года дворяне обратились к царю с петицией, жалуясь на то, что в то время как они пребывают на службе, крестьяне из их поместий и вотчин бегут за монастыри, за московских сильных людей, а если дело дойдет до суда, то в приказах волочат по 5, по 10 лет и больше. В конце концов, беглые крестьяне из урочных лет выходят, и поместья остаются пустыми¹⁰⁴. Дворяне требовали облегчить службу, открыть в городах выборные суды и установить бессрочный сыск беглых. По этой челобитной дворянам было разрешено являться в ополчение по очереди, через год, а срок сыска беглых крестьян («урочные лета») был увеличен с 5 до 9 лет¹⁰⁵. «Помещикам понадобилось около десяти лет натиска на правительство, чтобы уничтожить урочные лета, причем выступления армии были весьма бурными», – пишет Д. А. Высоцкий¹⁰⁶. В 1641 году собравшееся в Москве (по случаю ожидавшейся войны с Турцией) поместное ополчение подняло настоящий мятеж. Современник сообщал, что служилые люди «завели на Москве рокош»¹⁰⁷; 11 июля они с «большим шумом» ломились в царский дворец, чтобы подать петицию от имени дворян 44 городов¹⁰⁸. Здесь впервые упоминается характерное слово «рокош» – так называли вооруженные мятежи польских и венгерских дворян, мятежи, результатом которых было закрепощение крестьян и установление шляхетских «свобод». Таким образом, события развивались по хорошо известному восточноевропейскому сценарию¹⁰⁹.

Летом 1645 года умер царь Михаил Федорович, и в сентябре состоялась коронация его 16-летнего сына Алексея. На эту коронацию прибыли тысячи дворян – почти все поместное ополчение; дворяне снова потребовали установления бессрочного сыска и отмены «урочных лет»¹¹⁰. Юный царь неуверенно чувствовал себя на престоле и не мог отказать. Дворянам было дано обещание, что «как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки без урочных лет»¹¹¹.

Главой нового правительства царя Алексея был его воспитатель боярин Борис Иванович Морозов. Морозов пытался решить финансовую проблему путем проведения налоговой реформы, замены прямых налогов кос-

венными. В 1646 году была введена пошлина на соль, вследствие чего цена соли увеличилась в два-три раза. Однако реформаторы просчитались: соли стало продаваться гораздо меньше, чем прежде. Через два года после введения, в декабре 1647 года, соляная пошлина была отменена, и правительство стало собирать прямые налоги за эти два года – как будто оно ничего не обещало. Пытаясь пополнить пустую казну, власти принимали меры строгой экономии, было урезано жалование стрельцов и сокращены придворные штаты; усиленно взыскивались недоимки за прошлые годы¹¹².

Весной 1648 года по случаю нового осложнения в турецких делах был объявлен сбор поместного ополчения. 2 июня 1648 года, во время крестного хода в Москве, дворяне и посадские люди пытались подать царю петицию с обвинениями в адрес правительства. Царь отказался принять петицию – тогда началось восстание: были разгромлены дворы всех высших чиновников. Посовещавшись, дворяне и посадские потребовали у царя реформы суда и, кроме того, созыва Земского Собора, на котором они «учнут бить челом государю о всяких своих делах» – то есть предъявят свои требования. Часть дворян поместного ополчения осталась в Москве, дожидаясь Собора. На собравшемся в сентябре Соборе преобладали дворянские депутаты, и правительство откровенно заискивало перед ними: им раздавали поместья и вотчины, для них устраивали угощения, им выдали большое дополнительное жалование. Царь был вынужден удовлетворить все требования дворянства и посадских людей – требования, которые высказывались уже давно, но не находили ответа. Был положен конец произволу воевод и боярских судов; уголовные дела были переданы выборным из дворян губным старостам, которые судили по новому Судебнику – Уложению 1649 года. «Беломестные» слободы были ликвидированы, и их жители стали нести тягло наравне с посадскими. Но самое главное – Собор принял решение об отмене «урочных лет» и окончательном прикрепении крестьян¹¹³.

Таким образом, введение крепостного права было результатом восстания, в котором бунт против реформ соединился с дворянским «рокошем», подобным выступлению 1641 года. Правительство капитулировало перед дворянами и внесло в Уложение все их пожелания по крестьянскому вопросу – глава XI Уложения иногда даже текстуально совпадает с дворянскими челобитными¹¹⁴. По новым законам вечная крепость распространялась на всю крестьянскую семью, определение объема крестьянских повинностей отдавалось на усмотрение землевладельца, который становился также и судьей крестьянина во всех делах, кроме «татьбы и разбоя, и личного и смертного убийства». За прием беглого крестьянина полагался штраф – 10 рублей за год укрывательства. Формально помещику запрещалось грабить своих крестьян, но закон не определял наказания – оно отдавалось на усмотрение царя. «Бесчестье» крестьянина каралось штрафом в 1 рубль, для сравнения можно отметить, что бесчестье посадского человека каралось штрафом в 5-7 рублей, а бесчестье дворянина – штрафом в 5-15 рублей¹¹⁵.

Необходимо отметить, что хотя прикрепление к земле означало потерю крестьянами свободы передвижения, они оставались свободными людьми. Крестьяне владели своим имуществом, которое не мог отнять помещик, могли вступать в финансовые сделки, брать на себя денежные обязательства. Крестьяне могли жаловаться в суд, в том числе и на господские поборы «через силу и грабежом»; они могли по суду возратить себе насильственный перебор. Крестьянин не мог быть лишен земли и превращен в дворового; помещик был обязан наделить своего крестьянина землей и, в случае необходимости, инвентарем. В то же время помещики издавна обладали судебной властью над крестьянами в гражданских делах, и, вместе с прикреплением крестьян, это создавало благоприятную почву для дальнейшего наступления на крестьянство¹¹⁶.

Московское восстание в июне 1648 года было ключевым моментом в установлении крепостного права, поэтому его освещение в трудах историков в определенной степени зависело от политических и партийных интересов. Мысль о том, что «верные государевы слуги», дворяне, подняли мятеж и заставили царя закрепить крестьян, была недопустима для дворянской историографии; по этой причине июньские события 1648 года долгое время считались бунтом «черных людей» и никак не связывались с крепостническими статьями Уложения¹¹⁷. Первым исследователем, доказавшим эту связь, был П. П. Смирнов, автор фундаментальной монографии¹¹⁸, которая до сих пор остается непревзойденной по широте и охвату материала. П. П. Смирнов доказывал, что дворянство играло главную роль с первых дней мятежа, и даже называл мятеж «дворянской революцией»¹¹⁹. Точку зрения П. П. Смирнова разделял и А. Н. Сперанский¹²⁰. С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров и Е. В. Чистякова полагали, что события начались с восстания посадских людей, а дворянство присоединилось к движению позже¹²¹. Л. В. Черепнин считал, что дворяне с самого начала принимали участие в волнениях вместе с посадскими людьми, но преследовали свои собственные интересы¹²². Однако, несмотря на некоторые расхождения, все исследователи согласны в том, что участие дворянства в мятеже (или «восстании») имело решающее значение: именно дворянские требования заставили правительство создать Земский собор.

Оценивая общее направление развития русского общества, Б. Д. Греков писал, что «в России происходило то же самое, что и в Литве, и в Польше, и в Прибалтике, и в Восточной Пруссии»¹²³. Эта общность развития была продиктована одинаковыми экономическими условиями, а именно, наличием обширных свободных земель и недостатком рабочей силы. Именно эти общие экономические условия, указывал С. М. Соловьев, привели к господству крепостничества и рабства не только в Восточной Европе, но и в американских колониях¹²⁴. Это объяснение, как отмечалось выше, вполне согласуется с неомальтузианской теорией. «Как и в ранней европейской Америке, – писал Фернан Бродель, – главной проблемой здесь было удерживать человека, который был редок, а не землю, которой было сверх всякой меры. И именно это было причиной, которая, в конечном счете, навязала крепостничество»¹²⁵.

В целом, в рамках демографически-структурной теории закрепощение крестьян может быть представлено как логическое завершение того процесса, который начался после катастрофы 1568-1571 годов. Как отмеча-

лось выше, катастрофа нарушила естественные демографические пропорции – возник тот недостаток рабочей силы, о котором говорили многие историки. Нехватка рабочей силы в силу экономических законов, описанных Мальтусом и Риккардо, создала дисбаланс в распределении ресурсов между крестьянством и дворянством. Этот дисбаланс мог быть скорректирован либо увеличением ренты посредством закрепощения крестьян, либо уменьшением численности дворянства. В 1590-х годах была предпринята первая попытка закрепощения, которая вызвала голод, крестьянские и казацкие восстания, которые слились с междоусобицами в дворянской среде и породили Смуту. Долгая гражданская война значительно сократила численность дворянства, но уменьшилась также и численность крестьян – в результате дисбаланс не был преодолен, и дворянство по-прежнему требовало установления крепостного права.

Однако демографический фактор не был единственным фактором, обусловившим победу крепостничества. Другим фактором, действующим в том же направлении, был диффузионный фактор: после того, как Польша доказала свое военное превосходство над Россией, тенденция к перениманию польских порядков была весьма естественной. Эта тенденция нашла свое яркое выражение в составлении Уложения 1649 года: в его основу был положен Литовский статут. Общая структура и целые главы Уложения были заимствованы из законов Литвы, характерной чертой которых было крепостное право. Польско-литовское влияние чувствовалось также и в «рокошах», с помощью которых дворянство добивалось своих целей. В этой связи нужно отметить, что законы Литвы содержали не только крепостное право – они содержали и ограничение королевской власти шляхетским сеймом. Можно представить, насколько опасным для монархии было распространение подобных взглядов в тот момент, когда она была вынуждена идти на уступки дворянству. Но все закончилось благополучно для царской власти: опасные главы были исключены и не оставили следа в русских законах¹²⁶.

С теоретической точки зрения наиболее важным было то обстоятельство, что в контексте демографически-структурной теории введение крепостного права означало *трансформацию структуры* – создание новых отношений внутри структуры «государство-элита-народ». Эта трансформация выражалась в том, что народ становился зависимым от элиты, которая получала право устанавливать уровень ренты по своему произволу, независимо от экономических факторов.

3.2.2. Динамика элиты: последствия закрепощения

Трансформация структуры и усиление дворянства должны были сказаться на распределении ресурсов в рамках структуры «государство-народ-элита». Государство уже не могло требовать от дворянства службы в тех размерах, что прежде. Действительно, на смотр 1650 года из 3529 стольников, стряпчих и дворян московских (высшей прослойки дворянства) не явилась почти половина – 1615 человек. Появляется и постепенно распро-

страняется практика уклонения под различными предлогами от личной службы и замены этой службы выставлением с поместья «даточных». Дворяне стали все чаще пренебрегать служебными обязанностями и обращаться с поместьем как со своей собственностью¹²⁷.

Наиболее важным последствием победы дворянства стало утверждение крепостного права. Как отразилось это на положении помещичьих крестьян? Последствия отмены «урочных лет» сказались не сразу: ведь реальный механизм сыска беглых еще не существовал и крестьяне продолжали уходить от помещиков. Бояре и церковь продолжали сманивать крестьян на «льготу»; в 50-х годах приказчики патриарха Никона разъезжали по казанским уездам и увели от помещиков тысячи крестьян. Когда в 1657 году поместное ополчение перед походом собралось в Москве, дворяне подали царю новую челобитную: они требовали организации сыска беглых. В 1658 году были впервые посланы сыщики по уездам выявлять бежавших крестьян; затем они посылались ежегодно. В 1661 году было установлено, что землевладелец, принявший крестьянина, должен в качестве штрафа отдать четырех своих крестьян. Сыск беглых в 60-х годах стал грандиозным предприятием, охватившим всю страну; были пойманы и возвращены прежним владельцам десятки тысяч крестьян¹²⁸.

В 1660-х годах, как отмечалось выше, экономическая обстановка побудила помещиков к увеличению барщины. Средний размер барщины в 60-х годах составлял 0,69 десятин на душу; эта величина вдвое превосходила средние нормы 30-40-х годов¹²⁹. Увеличение барщины, по-видимому, стало одной из главных причин восстания Степана Разина. Здесь мы можем отметить определенный параллелизм между событиями, последовавшими за введением крепостного права в 1590-х и 1650-х годах: увеличение ренты приводит к крестьянскому восстанию. Однако условия крестьянских выступлений в 1603-1608 и 1670-1671 годах были различны: в 1670-х годах не было той фрагментации элиты, которая расколола дворянство в начале XVII века, и отсутствовал династический кризис. В итоге крестьянско-казацкое восстание не переросло в Смуту и было быстро подавлено. Однако, так же как и Смута, это восстание на время остановило наступление дворянства. После восстания Разина в благоприятных экономических условиях барщинные нормы стали уменьшаться, и в 1670-1690 годах средняя барщина составила 0,36 десятины на душу (0,12 десятины в одном поле)¹³⁰. Таким образом, норма барщины уменьшилась вдвое и практически вернулась к тем небольшим размерам, которые были характерны для периода до закрепощения. Это уменьшение отчасти объясняется «испугом» помещиков, но, как отмечалось выше, оно имеет и экономические причины – а именно, падение цен на хлеб.

Таким образом, закрепощение крестьян, в конечном счете, не привело к увеличению барщины. Денежный оброк также формально оставался примерно на одном уровне – однако реально падение цен на хлеб привело к тому, что тяжесть оброка возросла до 3,5-4 пудов с души (см. табл. 3.3). Более существенный выигрыш дворянство получило не от увеличения

ренты, а от увеличения числа крестьян в поместьях вследствие прекращения бегства. Этот процесс начался еще до 1649 года. В 1626-1627 годах в Шелонской пятине новгородчины на одно владение приходилось в среднем 3,8 двора и 6,2 крестьянина мужского пола, в 1646 году – уже 6,8 двора и 22,1 крестьянина, в 1678 году – 7,5 двора и 29,1 крестьянина. Более общие данные по всей Новгородской земле приведены в табл. 3.6.

Год	Число владений	Число крестьян на одно владение		
		в среднем	богатая треть	остальные 2/3
1646	1540	14,9	36,2	4,2
1678	1901	26,4	60,1	9,0

Табл. 3.6. Среднее число крестьян мужского пола (включая бобылей и дворовых) в поместьях и вотчинах Новгородской земли¹³¹.

Как следует из таблицы 3.6, две трети новгородских помещиков были мелкопоместными, у них было менее 10 крестьян мужского пола. Тем не менее, в целом положение дворянства значительно улучшилось, на новгородчине уже не было пустых поместий и диспропорция между численностью дворянства и крестьянства была в значительной степени преодолена. Помимо прекращения бегства крестьян существенное значение имело сравнительно медленное увеличение численности дворянского сословия при очень быстром росте населения (1,02% в год)¹³².

Как отмечалось выше, по данным сметных списков о численности дворянского ополчения, число служилых дворян в 1630 году составляло 27 тыс., к 1651 году оно возросло до 39 тыс. Но к 1663 году численность дворянской конницы уменьшилась до 15 тыс., а в 1680 году она составляла 16 тыс. человек. Эти неожиданные перемены были следствием вмешательства технического фактора, следствием новой «военной революции», которая принесла с собой новую перестройку в структуре дворянского сословия¹³³.

3.2.3. Создание полков «иноземного строя»

Как отмечалось выше, первая «военная революция» в России относится к середине XVI века – она была связана с созданием вооруженной огнестрельным оружием стрелцкой пехоты. В соответствии с теорией, создание новой армии потребовало перераспределения ресурсов в пользу государства, введения новых налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Перераспределение ресурсов вызвало сопротивление аристократии и конфликт между аристократией и монархией. Положение осложнялось тем, что «военная революция» XVI века происходила в период, когда экономика России находилась в фазе Сжатия. Это обстоятельство до крайности обостряло борьбу за ресурсы, и, в частности, стимулировало конфликт между аристократией и народом, что также способствовало усилению самодержавия. Таким образом, совместное действие военно-технического и демографического (а

также и диффузионного) факторов привело к *трансформации структуры*, подчинению элиты государством и созданию политического режима, который традиционно называют самодержавием, и который имел много общего с абсолютизмом. С другой стороны, увеличение налогов означало сокращение средств существования народа, что в условиях Сжатия привело к кризису и к демографической катастрофе.

Таким образом, изучая ход и последствия второй военной революции, мы можем сравнить их с результатами первой военной революции. При этом, однако, надо учитывать, что в середине XVII века демографическая ситуация была иной, экономика находилась не в фазе Сжатия, а в фазе роста, в стране было много свободных земель, а уровень жизни был относительно высоким – вопрос о борьбе за ресурсы не стоял так остро, как раньше.

Вторая военная революция была вызвана военно-техническими достижениями XVII века – появлением облегченных мушкетов и полковых пушек. Полковая пушка «*regementsstycke*» была созданием оружейников шведского короля Густава Адольфа (1611-1632); она отличалась от прежних пушек большей скорострельностью и намного меньшим весом, благодаря чему ее можно было легко перевозить по полю боя. Это открытие вызвало волну шведских завоеваний, которая заставила окружающие государства проводить военные реформы и спешно перенимать оружие шведов. История русских военных реформ середины XVII века более подробно проанализирована в одной из работ автора¹³⁴, и мы ограничимся здесь лишь кратким обзором этих событий. Первая попытка новой военной реформы была предпринята в 1630 году, когда в преддверие Смоленской войны были сформированы первые «полки иноземного строя». Но этот опыт оказался неудачным, и вторая, более энергичная попытка реформы была осуществлена во время войн с Польшей и Швецией в 1658-1661 годах. Осенью 1658 года был проведен первый массовый набор «даточных»; затем последовали еще два набора, которые дали в общей сложности 51 тысячу солдат. К началу 60-х годов было сформировано 55 полков «иноземного строя» с русскими солдатами и иностранными офицерами, общая численность полков составляла 60 тыс. человек. Новые солдаты находились полностью на содержании государства; они получали жалование и обеспечивались обмундированием и оружием. Это были неслыханные для России порядки – ведь крестьянина на долгие годы отрывали от земли и от дома. Правда, солдаты получали неплохое жалование – по 6 копеек в день, это была оплата квалифицированного ремесленника¹³⁵.

Создание новой армии требовало больших денег, и, как и в XVI веке, в повестку дня стал вопрос об увеличении налогов. Правительство резко увеличило подати государственных крестьян и, как мы увидим впоследствии (см. п. 3.2.5), это привело к результатам, подобным катастрофе 1568-1571 годов, к разорению Севера и Вятки – регионов, где проживали государственные крестьяне. Однако после «дворянской революции» 1648 года правительство не рискнуло вступить в новый конфликт с дворянством и не осмелилось увеличить налоги на составлявших основную часть населения

поместных крестьян. Поэтому средств на содержание новой армии не хватало, и в поисках решения финансовой проблемы власти были вынуждены пойти по новому и чреватому опасностями пути: по примеру Густава Адольфа была выпущена в обращение медная монета с номинальным курсом. В первые два года войны на содержание войск было истрачено 1300 тысяч рублей, но курс медных денег был еще достаточно устойчив. Затем расходы резко возросли, и правительство увеличило чекан медной монеты; за пять лет ее было выпущено на 20 млн. рублей. Естественно, началась инфляция. «Многие помещики и вотчинники и крестьяне на медные деньги и не продают, – жаловались московские купцы, – и в таком дорогом хлебе... скудные людшки погибают»¹³⁶. 25 июля 1662 года в Москве вспыхнул «медный бунт»; к восставшим присоединились и солдаты стоявших под Москвой полков, недовольные тем, что им платят медью¹³⁷.

Бунт был подавлен, однако положение продолжало ухудшаться. Дезертирство приняло массовый характер; в Москве сам царь два раза упрашивал войско не покидать службы. Правительству, в конце концов, пришлось отказаться от чеканки медяков и возвратиться к серебряной монете. С февраля 1663 года солдатам стали платить серебром – но меньше, чем раньше: одним по 2, а другим по 3 копейки в день. Тем не менее, доходы не могли обеспечить содержание армии, и в 1664 году правительство начало переговоры о мире с Польшей. Польша была тоже обессилена войной, и, в конечном счете, России удалось удержать за собой Смоленск и левобережную Украину. После окончания войны новая армия была сокращена примерно наполовину, а солдаты на время мира были отправлены по домам¹³⁸.

Оставшиеся без солдат офицеры были сосредоточены в двух «выборных» полках, стоявших под Москвой; перед началом войны полки разворачивались и доукомплектовывались. Армия была отмобилизована вновь во время войны с Турцией в 1678 году, когда был произведен новый большой набор, после него в 41 пехотном полку имелась 61 тысяча солдат, а в 26 рейтарских и драгунских полках – 30 тысяч всадников¹³⁹. По мнению исследователей, русская армия начала 1680-х годов, в общем, стояла на уровне того времени – за исключением, может быть, строевой выучки¹⁴⁰.

Таким образом, вторая военная революция привела к *трансформации структуры* «государство-элита-народ» – к качественным изменениям, выразившимся, прежде всего, в создании новой армии. Однако, в отличие от времен Ивана Грозного, реформы проводились медленно и постепенно – они растянулись более чем на полвека и были завершены только Петром I. Как и в XVI веке, создание армии привело к финансовым реформам и перераспределению ресурсов в пользу государства¹⁴¹. В 1676 году была начата новая всеобщая перепись земель, подобная тем переписям, которые проводились при Грозном. Как отмечалось выше, попытка проведения такой переписи после Смуты закончилась неудачей, и вот теперь правительство вновь пыталось восстановить систему точного учета земель. Перепись встречала сопротивление помещиков, которые желали скрыть свои земли от обложения, поэтому она затянулась и продолжалась двадцать лет,

пока, в конце концов, Петр I не осуществил переход к подушному налогообложению¹⁴².

Поскольку работы по проведении переписи затягивались, а финансовая проблема требовала немедленного решения, то в 1679 году временно, до окончания переписи, было введено подворное обложение (количество дворов к этому времени было уже подсчитано). Поместные крестьяне с этого времени платили со двора 3 пуда «стрелецкого хлеба» и 10 копеек «ямских и полонянничьих денег», в хлебном исчислении примерно 0,5 пуда на душу, вдвое больше, чем прежде (см. табл. 3.1) В 1680 году обычные доходы казны составляли 950 тысяч рублей и 1,6 млн. пудов хлеба, что в сумме было эквивалентно 23 млн. пудов – даже меньше, чем в конце XVI века. Правительство не решалось увеличивать налоги на основную часть населения, поместных крестьян, и прямые налоги давали лишь около трети денежных доходов, остальное составляли кабацкие и таможенные деньги. Расходы на армию составляли около 700 тысяч рублей¹⁴³, однако этого было недостаточно, чтобы содержать «полки иноземного строя» на постоянной основе; после войны солдат распускали по деревням, и на время мира они становились крестьянами. В 1688 году «стрелецкий хлеб» был увеличен до 5 пудов со двора, и налоги стали составлять 0,7 пудов с души. Таким образом, процесс перераспределения ресурсов начался еще в 1670-х годах – но решающий шаг в этом направлении был сделан Петром I.

3.2.4. Трансформация структуры

Так же как во времена Ивана Грозного, трансформация структуры, вызванная второй военной революцией, привела к наступлению самодержавия и отягчению дворянской военной службы.

Как отмечалось выше, Смута нанесла тяжелый удар авторитету власти, и до середины XVII века цари были вынуждены созывать Земские соборы и считаться с мнением «всей земли». Е. И. Филина считает, что в последние годы Михаила Федоровича существовала влиятельная боярская партия, стремившаяся к установлению выборной монархии и видевшая будущим выборным царем датского принца Вольдемара¹⁴⁴. Новая тенденция к централизации проявилась в 1650-х годах одновременно с формированием «полков иноземного строя». Коронавание Алексея Михайловича означало поражение боярской партии, и создание правительства Морозова сопровождалось массовым нарушением местнических традиций, в результате чего у власти оказались «худородные» дворяне и купцы. Боярская оппозиция проявилась в скрытном подстрекательстве к восстанию 1648 года; это восстание показало реальную слабость монархии, и Алексей Михайлович стал искать поддержки у церкви¹⁴⁵. С ноября 1651 года царь стал ставить на указах рядом со своим именем имя патриарха Иосифа, а после смерти Иосифа новый патриарх Никон стал фактическим соправителем Алексея и получил титул «великий государь». Современники отмечали, что в некоторых случаях патриарх даже отменял царские указы¹⁴⁶.

После восстания царь почувствовал необходимость создания верных гвардейских частей, подобных опричному корпусу Ивана Грозного. В соответствии с теорией «военной революции» опорой монархии должны были стать полки «иноземного строя». Сначала предполагалось создать из голландцев лейб-гвардию и поставить во главе ее полковника Букгофена, но затем (поскольку голландцев было мало) стали формировать двухтысячный гвардейский корпус с русскими солдатами и голландскими офицерами. Однако набранные в этот корпус московские дворяне отказались подчиняться голландским офицерам, и корпус был распущен. Первое время роль избранной гвардии выполняли несколько стрелецких «приказов» (полков), которым назначили повышенное жалованье и командиров которых царь постоянно потчевал за своим столом. В 1657 году в дополнение к стрельцам были созданы два гвардейских («выборных») солдатских полка, которые разместили в слободах под Москвой¹⁴⁷.

Таким образом, самодержавие получило военную опору. Первые победы в войне с Польшей резко подняли авторитет царя Алексея. После 1653 года Алексей уже не созывал Земских соборов, а в царском титуле снова появилось слово «самодержец»¹⁴⁸. Возвышение самодержавия вызвало конфликт с патриархом Никоном – отчасти на почве борьбы за власть (в частности, по вопросу о подчинении царю церковного суда), отчасти на почве распределения ресурсов: царь требовал у церкви деньги на ведение войны, и позднее Никон выставлял причиной конфликта то, что царь «обнищал и ограбил святую церковь»¹⁴⁹. Падение Никона показало, что отныне никто не может противопоставлять себя царю.

И. Андреев отмечает, что после падения Никона Алексей уже не давал своим помощникам прежней власти, а правил самовластно¹⁵⁰. Известно, что идеалом Алексея Михайловича был Иван Грозный¹⁵¹. Дьяк Котошихин писал о царе Алексее, что он «государство свое правит по своей воле... в его воле, что хочет, то учинить может...», в отличие от своего отца, который «хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»¹⁵². В 1650-х годах Алексей Михайлович создал приказ Тайных дел, свою личную канцелярию, в которой царь самовластно решал важнейшие дела и рассматривал подаваемые челобитные. Быстро разрастается бюрократический аппарат, количество приказных людей, прежде бывшее почти постоянным, в 1656-1677 годах возросло вдвое, а к 1698 году – еще почти в два раза¹⁵³.

«Алексей I являлся очень крупным представителем государственной централизации и самодержавного строя, который он окончательно укрепил», – писал Д. И. Иловайский¹⁵⁴, такого же мнения придерживались А. Н. Сахаров и другие участники дискуссии 1960-1970-х о становлении абсолютизма в России¹⁵⁵. В 1670-х годах авторитет самодержавия был непрекаем. «Моски постоянно и открыто заявляют, что Богу и царю все возможно, что только богу и царю они готовы отдать все, что только имеют наилучшего, и даже саму жизнь», – свидетельствует Я. Рейтефельс¹⁵⁶. Ари-

стократия не оказывала, как прежде, сопротивления самодержавию, потому что она была уже сломлена Смутой и казнями Ивана Грозного.

Наиболее сильный удар по боярской аристократии был нанесен отменой местничества при царе Федоре Алексеевиче в 1682 году – это было осуществление давнего намерения Ивана Грозного. Характерно, что реформа была подана ближним царским советником князем В. В. Голицыным как военная необходимость в связи с переформированием поместного ополчения в регулярную конницу «иноземного строя». Отмена местничества натолкнулась на противодействие знати, которая в качестве компенсации стала добиваться установления пожизненных наместничеств – однако этот боярский проект был отвергнут¹⁵⁷.

Трансформация структуры требовала преобразования дворянской конницы в соответствии с потребностями военной реформы. Как отмечалось выше, «военная революция» XVI века сопровождалась поместной реформой и введением более тяжелых норм службы «детей боярских». Подобные процессы происходили и во время второй «военной революции». В преддверии польской войны при создании полков иноземного строя было указано сыновей и братьев дворян, еще не верстанных в службу, отправлять в солдаты – причем в случае отказа «быть им в земледельцах»¹⁵⁸. В этом указе можно увидеть предвозвестие требования Петра I, чтобы все дворяне начинали службу солдатами. Во время войны мелкопоместных дворян также стали направлять на службу в полки «иноземного строя» – но не в солдаты, а преимущественно в рейтары; по указу 1678 года служба в дворянском ополчении была разрешена только тем дворянам, которые имели больше 24 крестьянских дворов. Рейтары обучались регулярному строю, получали жалование и оружие из казны, но лошадей покупали сами. Во время войны с Польшей в рейтары «прибирали» и недворян, но после войны недворяне по большей части были уволены, и рейтары превратились в дворянскую конницу «нового строя»; в 1663 году имелось 18 тыс. рейтар (и 15 тыс. в дворянском ополчении), в 1680 году – 30 тысяч рейтар (и 16 тыс. в ополчении)¹⁵⁹. Естественно, что дворяне были недовольны этими военными реформами, и шведский резидент Форстен сообщал, что в восстании 1662 года наряду с горожанами и солдатами участвовали также «некоторые обедневшие дворяне»¹⁶⁰. О недовольстве дворянства в связи с военной реформой писал также Ю. Крижанич¹⁶¹.

Как отмечалось выше, в середине XVII века значительная часть дворян не имела крепостных. В особенности много было таких дворян в южных областях, где с конца XVI века существовала практика верстания казаков и крестьян в «дети боярские». В 1670-1680-х годах на юге были проведены переписи служилых людей, в ходе которых всех детей боярских, не имевших крестьян, («одюдворцев») исключили из числа рейтар и определили в солдаты. Позже, при Петре I было указано считать одюдворцев государственными крестьянами – таким образом, они лишились дворянского статуса¹⁶².

Таким образом, переформирование дворянского сословия привело к значительному уменьшению численности дворянства: если в 1651 году

численность служилых дворян составляла 39 тыс., то в 1700 году количество дворян-помещиков равнялось 22-23 тыс. В среднем на одного помещика приходилось 19 крестьянских дворов и 70 крепостных мужского пола (если считать по 3,68 крестьянина на двор). Однако средние цифры, скрывают за собой наличие большой группы мелкопоместных дворян и концентрацию огромных владений у земельной аристократии. Дворяне, имевшие от одного до пяти дворов, составляли около половины (47%) всех помещиков и в среднем у них было всего лишь по 2,4 крестьянских двора и по 8,8 крестьянина мужского пола. С другой стороны, 464 богатейших помещика (и вотчинника) владели 42% всех крепостных, на каждого из них приходилось в среднем 355 дворов, то есть примерно по 1300 душ мужского пола¹⁶³.

В целом, реформа привела к усилению самодержавия и подчинению дворянства центральной власти. Последствия «дворянской революции», выразившиеся в падении военной дисциплины среди дворянства, были постепенно нейтрализованы. Будучи включена в новые рейтарские полки, дворянская конница была вынуждена подчиняться более строгим и обременительным условиям военной службы.

3.2.5. Катастрофа на Севере

Трансформация структуры, вызванная второй военной революцией, подразумевала, в том числе, и перераспределение ресурсов в пользу государства. Новое отягчение налогов обернулось в некоторых регионах тяжелыми демографическими последствиями – катастрофой, во многом подобной катастрофе 1568-1571 годов.

Как отмечалось выше, необходимость содержания «полков иноземного строя» заставляла государство прибегать к мерам по перераспределению ресурсов. Одной из таких мер была чеканка медных денег, другой – увеличение налогов на черносошных крестьян. Основной массив черносошного крестьянства располагался на Севере – в Поморье и на Вятке. Опираясь на обстоятельную монографию М. А. Мацука¹⁶⁴, мы можем восстановить картину катастрофы, произошедшей на Вятке. До 1660-х годов Вятка была вполне благополучной областью; здесь были тучные земли, и крестьяне не испытывали земельной тесноты. Население Вятки за 1620-1663 увеличилось более чем вдвое, но крестьяне вполне обеспечивали себя хлебом и в больших количествах вывозили зерно на Север¹⁶⁵. В 1663-1668 годах вятские крестьяне платили около 10 пудов хлеба со двора¹⁶⁶ или примерно 2 пуда с души, и, за исключением последнего года, платили без недоимок. Однако дальнейшие события показали, что происходит, если размеры налогов превосходят допустимый предел. В 1668/69 году правительство предписало вятчанам платить вместо хлеба деньгами, и в результате этой коммутации на двор пришлось 2 рубля налога, а на душу – примерно 40 копеек; по вятским ценам это эквивалентно 4 пудам хлеба¹⁶⁷. Многие крестьяне не могли заплатить такой налог и начались «большие непомерные пражежи». Крестьянский ответ на «пражежи» был всегда одинаков – вятча-

не толпами побежали на Урал и в Сибирь. Перепись 1672 года показала, что население уменьшилось на одну пятую; тем не менее, власти упорствовали и после кратковременного снижения налогов вновь стали требовать их в полном объеме. Так как крестьяне для уплаты налогов выбросили на рынок большое количество зерна, то цены стали снижаться; в 1674/75 году они упали вдвое. Платежи со двора в этот год составляли 2 рубля 70 копеек, это было эквивалентно 54 пудам хлеба, более 10 пудов с души! С помощью «больших непомерных правей» власти смогли собрать лишь половину этого налога. Недоимки копились из года в год, правежи становились все более жестокими, у крестьян отбирали последнее – в конечном счете, в на рубеже 70-80-х годов разразился страшный трехлетний голод. Население разбегалось, «последние вятчяня, покиня свои дворы и деревни, бредут врозь», – говорилось в крестьянской челобитной¹⁶⁸.

В 60-70-х годах непомерные налоги разорили не только Вятку, та же картина наблюдалась во всех «черных» уездах Севера. Однако, в отличие от Вятки, на Двине ощущалось действие еще одного негативного фактора – перенаселения. Как отмечалась выше, бедствия Смутного времени вытеснили часть населения из центральных районов на Север и в 20-е годы здесь наблюдался относительно высокий уровень распашки (принимая во внимание неблагоприятные условия этого региона). Имеющиеся данные по отдельным «черным» уездам показывают, что в период с 20-х до 60-х годов запашка не возросла – в то время как население увеличилось, по крайней мере, в полтора раза. Соответственно, отмечается уменьшение пашни на душу населения¹⁶⁹. Многие хозяйства имели мизерные наделы, недостаточные для прокормления крестьянской семьи, поэтому – в отличие от центральных областей – на Севере довольно часто упоминаются голодные годы. В 1643-44 годах голод опустошил Кевроло-Мезенский уезд; в результате голодной смертности и бегства население уезда сократилось наполовину. Страдающие от голода бедняки закладывали свою землю зажиточным крестьянам или монастырям; чаще всего они не могли ее выкупить и становились арендаторами-половниками на бывшей своей земле. Троицко-Гледенский монастырь близ Устюга имел в 1620-х годах 30 дворов половников, а около 1680 года – 113 дворов. Уровень жизни половников был крайне низким, опираясь на данные Г. Н. Лохтевой¹⁷⁰, можно подсчитать, что на душу семьи половника в упомянутом монастыре приходилось лишь 11 пудов хлеба в год. Растет социальное расслоение деревни; в источниках упоминаются крестьяне, имевшие по 50, 60 десятин земли и обрабатывавшие эту землю с помощью десятка половников. Половничество получило массовое распространение: судя по описи земель Устюжского уезда, приобретенных по разного рода купчим, практически во всех хозяйствах были половники. Обезземеливание бедноты приняло такие размеры, что массы крестьян стали требовать введения уравнильных А. И. Колчанов¹⁷¹ полагает, что именно социальное расслоение было главной причиной запустения многих поморских деревень¹⁷² – однако непосредственный толчок к развитию кризиса был дан увеличением налогов во

время войны с Польшей. Рост налогов привел к тому, что многие крестьяне не могли заплатить налоги, и, спасаясь от «правежей» бежали в Сибирь; эти недоимки раскладывались на оставшихся. Северяне жаловались в Москву, что «тех денег сполна не выплачивают за пустою, потому что у них многие тягла запустели и взять тех денег не на ком, и достальные посадские и уездные люди от непомерного правежа бегут в Сибирские разные города»¹⁷³. «Тяжелыми податями они доведены до такой бедности, что ничего не имеют, кроме изорванной одежды с подойником... – писал Яков Рейтенфельс, – а иногда бывают вынуждены за неимением каких-либо средств таскаться толпами по городам и просить милостыню»¹⁷⁴. В конце концов, бегство тяглого населения вызвало цепную реакцию неплатежей; к 1671 году поступления по Устюжской «четверти» упали в более чем в три раза. На Вологодчине разразился страшный голод – цена четверти ржи достигала 2 рублей 70 копеек. Крестьяне толпами уходили из северных областей; в 1646 году в Устюжском уезде насчитывалось 9,5 тысяч дворов, а в 1670 – 7 тысяч, но эти цифры не отражают реальной убыли: ведь до начала 60-х годов население возрастало и достигло, возможно, 11-12 тысяч дворов. Население продолжало уменьшаться и дальше; в 1679-1686 годах произошла катастрофа в Тотемском уезде: число жителей здесь сократилось на 40%; пятую часть оставшихся составляли нищие¹⁷⁵. Эти данные показывают, что в Приморье кризис был более разрушительным, чем в Вятке.

Вслед за кризисом 1568-1571 годов разорение северных уездов было вторым кризисом, порожденным «военной революцией» и перераспределением ресурсов в структуре «государство-элита-народ» в пользу государства. Механизм кризиса до некоторой степени напоминал историю разорения России при Иване Грозном: война вызывает рост налогов, но эти налоги еще терпимы, когда они взимаются натурой. Коммутация налогов приводит к выбросу хлеба на рынок и падению хлебных цен, которое еще более увеличивает налоги. Кризис достигает особой остроты в перенаселенных областях, где положение было тяжелым и раньше – теперь же оно становится невыносимым. С помощью «больших непомерных правежей» у крестьян отнимают последний хлеб, начинается голод, который вместе с правежами приводит к гибели одних крестьян и к бегству других. Разница состояла в том, что на этот раз кризис имел локальный характер: он распространился только на северные «черные» земли; правительство не осмелилось повысить налоги на основной территории страны, и глобальной демографической катастрофы не произошло.

3.2.6. Динамика государства: кризис самодержавия

В 1682 году смерть царя Федора, тяжелая болезнь его брата Ивана и малолетство другого наследника, Петра, вызвали кризис самодержавия. На арену снова вышли боярские группировки, начавшие борьбу за власть под видом поддержки царя Петра или царя Ивана. В эту борьбу вмешались стрельцы, недовольные злоупотреблениями своих начальных людей, ухудшением своего материального положения и, кроме того, опасавшиеся

ропуска стрелецкого войска и замены его солдатскими полками. Как убедительно показывает Л. Хьюз, стрельцы (и примкнувшие к ним солдаты) выступили под лозунгом защиты «доброе царя» Ивана от якобы покушавшихся на его жизнь бояр – то есть это было антибоярское выступление в защиту самодержавия и собственных сословных интересов. Мятеж сопровождался многочисленными убийствами представителей аристократии; всего было убито 16 человек, среди них несколько князей¹⁷⁶. Единственным представителем царской семьи, способным поддержать авторитет власти в обстановке начавшейся анархии, оказалась царевна Софья. Софья укрылась вместе с царями в Троице-Сергиевой лавре, призвала на помощь поместное ополчение и привела стрельцов к покорности. Таким образом, в критический момент монархия нашла опору в дворянстве; другой опорой Софьи стала боярская аристократия. В силу своего положения Софья не могла проявлять самовластие, и она искала поддержки знати, в огромном количестве раздавая думские чины. Современники свидетельствуют, что Софья правила вместе с боярами¹⁷⁷.

Дворянство воспользовалось слабостью центральной власти и уже во время сбора в Троице предъявило ей новые требования по пресечению бегства крепостных. В 1683 году правительство увеличило штраф за укрыительство беглых вдвое и указало южным воеводам (на которых жаловались дворяне) немедленно вернуть крепостных, пришедших на Черту после 1675 года, и впредь никого не принимать. После этого сыск беглых на Юге усилился и стал постоянным. Другой уступкой дворянству был указ 1684 года, установивший, что поместья (даже большие) после смерти их владельца остаются в роду и делятся между наследниками сверх их поместных окладов – несмотря на то, что наследники не выслужили этой прибавки. Указ 1688 года разрешал продажу вотчинных крестьян без земли; указы 1688 и 1690 годов санкционировали право владельцев обменивать как вотчины, так и поместья. К концу XVII века различие между поместьем и вотчиной почти стерлось; поместья передавались по наследству по мужской линии, отдавались вдовам и незамужним девушкам «для прокорму» и иногда даже продавались¹⁷⁸.

К 1686 году положение Софьи несколько укрепилось, но в 1689 году она была отстранена от власти, и боярское управление при эпизодическом вмешательстве Петра продолжалось до 1698 года, когда царь вернулся из путешествия за границу и энергично приступил к реформам¹⁷⁹.

В конечном счете, боярское правление тяжело отразилось на дисциплине дворянства и состоянии «полков иноземного строя». В 1695 году, при первом походе на Азов, в боевой готовности оказалось лишь 14 тысяч солдат «иноземного строя»; остальное 120-тысячное войско состояло из ратников «русского строя», то есть из стрельцов и поместного ополчения. Впоследствии, в 1717 году, князь Я. Ф. Долгорукий говорил Петру, что его отец устройением регулярных войск путь ему показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось почитать все вновь делать и в лучшее состояние приводить¹⁸⁰.

Ослабление самодержавия было обусловлено, в основном, случайными факторами, но оно привело к тому, что результаты «военной революции» были отчасти утрачены. Дворянство вновь заявило свои претензии на увеличение ренты и смягчение условий службы; дворянские права на распоряжение поместьями приблизились к правам вотчинников.

3.3. Реформы Петра Великого

3.3.1. Реформы как результат взаимодействия факторов

Общепризнано, что основным содержанием российского исторического процесса начала XVIII века были реформы Петра I. Вокруг реформ Петра Великого уже три столетия ведутся оживленные споры; в то время как одни историки (например, С. М. Соловьев) признают их кардинальным переворотом, «революцией», другие (как П. Н. Милоков) отказываются называть их реформами, ибо «хозяйничанье изо дня в день не представляет собой ничего похожего на реформу»¹⁸¹. Петровские реформы были сложным явлением, которое невозможно изучать без учета многообразия действующих факторов, в том числе, демографического фактора, технического фактора «военной революции» и диффузионного фактора внешних влияний. Социальные, экономические и политические процессы XVII-XVIII веков, описывающие воздействие технического и диффузионного фактора и включающие европеизацию, военную революцию и развитие мануфактурной промышленности, анализируются обычно в рамках носящей синтезирующий характер теории модернизации (см. п. 1.2.2).

Реформы Петра I являлись продолжением реформ Алексея Михайловича, и в контексте демографически-структурной теории их главным результатом была *трансформация структуры* «государство-элита-народ» – то есть трансформация того объекта, который изучает эта теория. Эта трансформация подразумевала изменения в связях между элементами структуры и в принципах их функционирования. Государство теперь включало в свой состав регулярную армию, новые финансовые, бюрократические институты, а также государственную промышленность. Элита превратилась в поставщика образованных кадров для армии и бюрократии, причем в силу ужесточения принципа обязательной службы, ее связь с государством и зависимость от него стала более сильной. Народ был обременен новыми повинностями, к прежним повинностям добавилась новая и необычная повинность, рекрутчина, введение которой существенно изменило отношения между народом и государством. В дополнение к этим качественным изменениям произошло масштабное перераспределение ресурсов в структуре «государство-элита-народ» – перераспределение в пользу государства и в ущерб народу и дворянству; при этом новые налоги существенно уменьшили средства существования народа, и как мы увидим далее, вызвали новое Сжатие. Таким образом, трансформация структуры и ее демографические последствия делают рассмотрение реформ Петра I весьма важным с точки зрения демографически-структурной теории.

Сложность восприятия петровского времени заключается в чрезвычайно сильной роли фактора внешних влияний, причем характер действия этого фактора обусловлен в значительной мере случайными обстоятельствами. Эта случайность проявилась уже в том, что формирование личности Петра протекало в необычных условиях; волею случая он был отторгнут из дворцовой кремлевской среды, о его образовании никто не заботился, и сцепление странных обстоятельств привело к тому, что его воспитателями стали не московские попы и дьяки, а голландские плотники и офицеры из Немецкой слободы¹⁸². Это необычное воспитание, в свою очередь, повлекло за собой другой необычный шаг – путешествие молодого царя в Европу, где он познакомился с западной культурой и утвердился в решимости во что бы то ни стало преобразовать Россию по европейскому образцу.

По возвращении Петра на родину были изданы указы о бритье бород и о запрещении носить русскую одежду. В 1699 году городским жителям было предложено избрать бурмистров и учредить самоуправление по голландскому образцу – эта реформа поначалу не нашла отклика у населения, и ее пришлось проводить силой¹⁸³. В январе 1701 года антицерковные (может быть, даже протестантские) настроения Петра нашли выход в секуляризационной реформе: монастырские и церковные вотчины были взяты под управление государства, которое забирало все доходы, оставляя монахам лишь содержание по 10 (а потом по 5) рублей в год. Хотя эта реформа официально мотивировалась финансовыми соображениями, в действительности, она дала государству лишь около 100 тысяч рублей в год – меньше 4% от всех доходов¹⁸⁴. Как считал Б. И. Сыромятников, царь фактически провел реформацию по протестантскому образцу¹⁸⁵.

Решение Петра начать войну со Швецией было также навеяно впечатлениями от поездки на Запад: царю не терпелось «прорубить» окно в Европу, «ногою твердой стать у моря», построить свой «Новый Амстердам» и завести флот. В действительности, Россия давно имела «окно в Европу»; этим окном был Архангельск, который даже после постройки Петербурга долгое время оставался основным русским портом¹⁸⁶.

Однако сколь ни велико было влияние случайных обстоятельств, основное содержание исторического процесса определялось действием долговременных базисных факторов, в данном случае технического фактора и фактора диффузии. В том, что касается причин реформ, роль демографического фактора была невелика, но в дальнейшем трансформация структуры повлекла за собой неизбежные демографические последствия – сокращение экологической ниши народа и демографический кризис. Для анализа причин реформ более уместно использование теории «военной революции», в контексте которой реформы Петра Великого рассматриваются как продолжение процесса, начавшегося еще в правление Алексея Михайловича, когда были созданы «полки иноземного строя». Необходимость вернуться к реформам была вызвана тем, что в период боярского управления численный состав армии значительно сократился. Кроме того, именно в это время, в конце XVII века в Европе произошла новая революция в воен-

ном деле. Изобретение птыка-багинета позволило европейским армиям отказаться от использования пик и формировать батальоны из одних мушкетеров, что обусловило переход к линейной тактике¹⁸⁷. Ввиду приближавшейся войны со Швецией необходимо было восстановление «полков иноземного строя» и обучение их новой тактике.

Подготовка к войне со Швецией началась в ноябре 1699 года, когда было объявлено о наборе даточных по 1 человеку с 50 дворов и одновременном наборе добровольцев – причем разрешалось записываться холопам и крепостным. К осени 1700 года из новобранцев было сформировано 27 полков, эти полки четыре месяца обучали линейной тактике по новому уставу, составленному майором А. Вейде¹⁸⁸. Однако офицерами были преимущественно иностранцы, которые не успели завоевать доверия у своих новых солдат, новобранцы были «необстрелянными», и это губительным образом повлияло на исход сражения под Нарвой 20 ноября 1700 года¹⁸⁹.

После нарвского разгрома выяснилось, что Россия была совершенно не подготовлена к войне – не было ни пушек, ни ружей, ни шпаг, ни сукна для солдатской формы¹⁹⁰. Однако Карл XII отказался от немедленного похода в Россию; Петр получил столь желанную передышку и принялся восстанавливать армию. Под Нарвой была потеряна большая часть артиллерии – 177 пушек и мортир¹⁹¹, и Петр решил на поступок, который многие сочли святотатством – он приказал снимать с церквей колокола и переливать их в пушки. Однако это не спасало положения, нужно было создавать новую военную промышленность и ускорять начатое перед войной строительство заводов на Урале. Осенью 1701 года была пущена первая домна Каменского завода; в 1702 году на этом заводе было отлито 180 пушек, а в 1703 году было отлито 572 орудия, и проблема с артиллерией была решена¹⁹². Одновременно с воссозданием артиллерии решалась проблема производства ружей. В начале войны тульские мастера могли изготавливать лишь несколько тысяч ружей в год, и первое время положение спасали закупки оружия в Голландии. Закупки продолжались до 1712 года, когда в Туле был пущен большой оружейный завод; в 1714 году на этом заводе было произведено из уральского железа 14 тысяч ружей¹⁹³. В то же время в правление Петра было построено около полусотни металлургических заводов и оружейных заводов; производство железа возросло с 50 до 370 тыс. пудов. Для обеспечения армии и флота Петр строил также полотняные, кожевенные, амуничные мануфактуры – в общей сложности было создано около 200 мануфактур, заложивших начало русской промышленности. Стоимость русского экспорта увеличилась с 1,4 млн. руб. в 1710 году до 2,2 млн. руб. в 1725 году, причем благодаря развитию мануфактур 72% этого экспорта составляли готовые продукты¹⁹⁴. Создание преимущественно государственной, ориентированной на военные заказы промышленности было важной чертой трансформации структуры, начатой при Алексее Михайловиче и завершенной Петром.

Одновременно с созданием военной промышленности проводились мероприятия по созданию огромной новой армии. В первые годы после Нар-

вы Петр ограничился восстановлением и доукомплектованием разбитых дивизий; он не рещался проводить массовые наборы «даточных», подобные наборам времен польской войны 1654-1667 годов. Но когда проблема с вооружением была отчасти решена, Петр решил создать огромную армию и раздавить противника численностью. В феврале 1705 года был произведен первый большой набор даточных (теперь их называли рекрутами) – по 1 человеку с 20 дворов, затем большие наборы повторялись ежегодно до 1709 года. По этим наборам было призвано 118 тыс. рекрутов. К 1708 году полевая армия увеличилась в два с половиной раза, она насчитывала теперь 57 пехотных и 28 кавалерийских полков, 113 тыс. солдат (но, кроме того, были еще многочисленные гарнизонные части)¹⁹⁵.

3.3.2. Динамика элиты

Трансформация структуры привела к радикальному изменению положения элиты. Как отмечалось выше, при царе Алексее Михайловиче началось переформирование дворянской элиты в рамках второй «военной революции». Этот процесс был остановлен кризисом самодержавия после смерти царя Федора и возобновился с началом Северной войны. Воздействие фактора военно-технических инноваций было настолько велико, что «военная революция» меняла не только распределение ресурсов между государством и элитой, но трансформировала функции и положение элиты. Как и прежде, одним из основных моментов этого процесса было преобразование поместного ополчения в регулярную кавалерию. После Нарвы началось формирование новых регулярных кавалерийских полков. В 1700-1701 годах комиссия под председательством князя Б. Голицына произвела перепись всех дворян и их сыновей; всего было учтено 27 тысяч человек, и годные к службе были распределены по полкам. При этом существенно, что дворян теперь посылали на службу не в рейтары, а в драгуны; это было вызвано падением значения тяжелой кавалерии в результате усиления артиллерии и широкого применения картечи. Однако, вместе с тем, служба в драгунах означала умаление престижа дворян и должна была вызвать их недовольство¹⁹⁶.

Другим направлением преобразования элиты было создание нового офицерского корпуса. Петр полагал, что офицерами новой армии должны быть, в основном, дворяне – но для того, чтобы стать офицером, дворянин должен был сначала получить необходимое образование, а затем в качестве солдата пройти военное обучение в гвардейских частях. В 1714 году было указано всех дворянских недорослей десяти лет определить для учебы в новосозданные «цифирные» школы; это мероприятие было сопряжено с отрывом детей от семьи – ведь школы имелись лишь в немногих губернских городах. Учеба в школах продолжалось до 16 лет, после чего юношей распределяли рядовыми в полки. Отпрыски знатных фамилий обычно служили в гвардии; тех, кто не служил в гвардии и «с фундамента солдатского дела не знает», было запрещено производить в офицеры¹⁹⁷.

Если раньше дворяне жили в поместьях и собирались лишь перед началом похода, то теперь служба стала постоянной. После окончания Северной войны постепенно установился порядок, по которому в мирное время офицер раз в два года мог получить полугодовой отпуск. Отставку давали только за старостью или увечьем. Правда, можно было записаться на гражданскую службу, но число принимаемых в чиновники было ограничено третью от каждой фамилии и требовалось соответствующее образование¹⁹⁸.

Другой указ 1714 года вводил единонаследие поместий и вотчин, нарушенное в правление Софьи; по существу, это было частичное восстановление традиционной системы верстания «в припуск», когда один из сыновей заменял на службе отца. Кроме того, была запрещена продажа не только поместий, но и вотчин. В целом, политику Петра I в отношении дворянства можно рассматривать, как меры, направленные на реставрацию и усиление поместной системы, со времен Ивана III составлявшей основу российской элитарной монархии.

Отягчение службы, естественно, вызывало недовольство дворян, многие не являлись на смотр и скрывались в «нетях». В 1703 году многие дворяне не явились к сроку в стоявший в Пскове корпус Б. П. Шереметева. У «нетчиков» были отобраны поместья и вотчины – причем эти конфискации приобрели массовый характер; за время войны было конфисковано в общей сложности около 3 тысяч поместий¹⁹⁹. Таким образом, Петр эффективно использовал старый принцип поместной системы, возможность конфискации поместий; благодаря этому, царю удалось навести дисциплину среди дворян²⁰⁰.

Тем не менее, недовольство дворянства оставалось постоянно действующим фактором. Французский эмиссар де ла Ви в 1716 году писал о том, что деятельность Петра крайне непопулярна, что дворянство недовольно. Ганноверский посол Ф. Х. Вебер придерживался того же мнения. Императорский посол Плейер сообщал о недовольстве и заговоре в гвардейских полках²⁰¹. Дело царевича Алексея показало, что к недовольным примыкали широкие круги старомосковского боярства, включавшие и часть генералитета – князя Долгорукие, Нарышкины, Апраксины, Голицыны. Следствие не подтвердило наличие заговора, но раскрыло картину широкой оппозиции. Голландский и австрийский послы сообщали, что сторонники Алексея ставили перед собой четыре основные задачи: мир со Швецией, уход из Петербурга, отказ от регулярной армии европейского образца в пользу дворянской конницы и снижение налогов²⁰².

Вместе с тем, сила петровского государства была столь велика, что оппозиция не смогла объединиться для сколько-нибудь организованного сопротивления. Более того, в конце своего правления Петр смог приступить к решительной перестройке элиты в духе военно-бюрократического абсолютизма. Царь в большом количестве раздавал офицерские чины недворянам, и к концу Северной войны лишь 62% офицеров русской армии происходили из русских дворян (в пехоте 52%), остальные были из служилых

людей, из городских сословий, 13% были иностранцами²⁰³. В 1722 году была введена «Табель о рангах», установившая лестницу чинов и правила производства. Одно из этих правил имело фундаментальное значение: любой выходец из простонародья, получая чин 14-го ранга (прапорщик или секретарь) становился вместе с тем дворянином. Правда, чиновникам этот ранг давал только «личное» дворянство (без права передачи по наследству), но, дослужившись до 8-го ранга, чиновник становился стопроцентным дворянином. Таким образом, дворянское сословие было открыто для выходцев из низов – это было одно из важнейших проявлений трансформации структуры при Петре I. С. П. Постников называет эту реформу «бюрократической революцией»²⁰⁴; после реформы российская элита состояла из двух классов, собственно «дворян», то есть помещиков и офицеров, и «чиновников» – тоже дворян, но выслужившихся из народа. При этом дворянина, занимавшего высокий чиновный пост, никогда не называли чиновником. Дворяне неприязненно относились к чиновникам, рассматривая в их возвышении покушение на свои привилегии. Во время событий 1730 года «шляхта» требовала исключить из дворянства петровских выдвиженцев; в 1758 году чиновникам было запрещено владеть крепостными. В середине XVIII века чиновники занимали около половины гражданских должностей, но в армии офицеров, происходивших из недворян, было гораздо меньше – около 1/6 от общего числа²⁰⁵.

3.3.3. Перераспределение ресурсов в пользу государства

Другим важнейшим проявлением трансформации структуры было перераспределения ресурсов в пользу государства. Создание новой армии требовало огромных затрат, поэтому, так же как и раньше, во время войн Алексея Михайловича, на первый план вышла финансовая проблема. В этой области правительство Петра в основном копировало реформы руководителей правительства царя Алексея, Морозова и Милославского, но, учитывая опыт своих предшественников, оно действовало более осторожно. В 1705 году была введена государственная монополия на продажу соли; соль стала продаваться вдвое дороже, что давало казне около 200 тыс. руб. в год. В 1705-1710 годах расходы населения на покупку соли составляли 400 тыс. рублей²⁰⁶, то есть примерно 4 коп. на человека – сумма, эквивалентная 0,8 пуда хлеба; это была существенная добавка к прямым налогам. Наибольшую выгоду давала монетная реформа: с 1698 года правительство чеканило серебряные копейки в полтора раза более легкие, чем прежде; население заставляли менять старую монету на более легкую, и от этой девальвации казна получала в 1701-1709 годах в среднем 500 тысяч рублей в год. Когда основная часть серебряной монеты была перечеканена, стали во все возрастающих масштабах выпускать медные деньги, которые должны были иметь хождение наравне с серебряными; чеканка медных денег давала в 1710-1718 годах 130 тыс. руб. прибыли в год²⁰⁷. Зная о «медном бунте» 1662 года, Петр ограничивал размеры чеканки, и до 1714 года она почти не сказывалась на ценах, но, в конце

года она почти не сказывалась на ценах, но, в конце концов, началась инфляция: в 1715-1721 годах хлебные цены возросли вдвое.

Морозов и Милославский боялись повышать прямые налоги с составлявших большинство населения помещичьих крестьян – Петр преодолел этот давний страх перед Смутой. Уже в начале Северной войны, в 1701 году, правительство повысило денежные налоги с поместных крестьян с 5 до 40 копеек со двора, в хлебном исчислении – с 0,7 до 1,9 пуда на душу; расходы бюджета возросли до 2,3 млн. руб. Но это было только начало, в 1705 году расходы составили 3,2 млн. рублей²⁰⁸, были введены чрезвычайные налоги, и в итоге прямые налоги на поместных крестьян в 1707-1710 годах достигли 2,3 пуда на душу²⁰⁹. Таким образом, Петр сломал старую государственную традицию, предусматривавшую падающее обложение крестьян налогами. Именно этот «фискальный скачок» позволил царю резко увеличить армию и создать военную промышленность. К началу Северной войны армия не была распущена по домам, как делалось прежде; 210 тысяч солдат были переведены на постоянное содержание. Предполагалось, что полки будут расквартированы по деревням и будут принимать участие в сборе подушной подати, шедшей на их содержание. Крупнейшая в Европе постоянная армия стала основой мощи новой Российской империи; ее содержание было определено Петром I в 4 млн. рублей, но эти цифры были сразу же превышены; в бюджете 1725 года на армию предполагалось истратить 5,1 млн. руб., а на флот – 1,4 млн. В пересчете на хлеб военные расходы были примерно в 2,5 раза больше, чем до Петра. Кроме того, если прежнее войско финансировалось по большей части за счет кабацких и таможенных пошлин, то содержание новой армии обеспечивалось прямыми налогами, введенной Петром подушной податью. Для организации сбора этой подати в 1719-1723 годах была проведена перепись мужских «душ». По сравнению с проводившимися в XVI веке кадастрами новая налоговая система была шагом назад – но сопротивление помещиков было настолько значительным, что и подушную перепись удалось провести лишь с большим трудом, угрожая за утайку «душ» смертной казнью. В бюджете 1724 года подушная подать составила 4,6 млн. рублей, таможенные и кабацкие сборы – по 1 млн., а все доходы – 8,6 млн. рублей; в пересчете на хлеб по высоким ценам тех лет получается 58 млн. пудов - в 2,5 раза больше, чем при царе Федоре²¹⁰.

Подушная подать должна была заменить все существовавшие прежде прямые налоги; с момента своего введения в 1724 году вплоть до 1794 года – за исключением льготных лет – она собиралась по одной и той же ставке в 70 копеек с ревизской (т. е. с мужской) души. Кроме того, при покупке соли крестьяне платили пошлину, которая составляла в 1731-1749 годах в среднем 12 копеек с ревизской души. После стабилизации цен в 30-х годах, подушная подать и соляная пошлина отнимали у крестьян в среднем 3,9 пуда хлеба с души – это был тот новый уровень налогов, который был результатом петровских реформ, уровень, обеспечивавший содержание по-

стоянной армии и великодержавие России. По сравнению с допетровским временем налоги возросли в пять-шесть раз.

Таким образом, количественное выражение петровских реформ дается следующими цифрами: увеличение налогов на поместных крестьян в 5-6 раз и увеличение расходов на армию в 2,5 раза.

Это было масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства, более крупное чем то, которое произошло в ходе «военной революции» Ивана Грозного. Причем перераспределялись не только денежные средства, в рамках перестройки структуры перераспределялись и обязанности сословий. Дворянство было обременено более тяжелой, чем когда-либо службой, а народ был вынужден платить «налог кровью» – поставляя рекрутов.

При Петре Россия стала самой милитаризованной из крупных держав того времени. По отношению к численности населения русская армия составляла 1,56%, австрийская армия во время войны за испанское наследство составляла 1,25% от населения, для французской и английской армий этот показатель был существенно меньше. При этом нужно заметить, что армии других великих держав сильно сокращались в мирное время, в то время как русская армия была постоянной. Преимущество в численности и в относительной дешевизне содержания вооруженных сил было достигнуто за счет того, что Россия первой из великих держав (за исключением Швеции) ввела рекрутскую повинность – однако рекрутская повинность была дополнительным тяжелым бременем для населения²¹¹.

Неслыханная до тех пор мобилизация сил привела к успеху, была одержана победа под Полтавой и завоевана Лифляндия. Была создана мощная регулярная армия – и главная, рациональная задача петровских реформ была решена. Казалось бы, можно было снизить налоги и дать облегчение народу – но царь рассуждал иначе. Началось время иррациональных решений, определяемых фактором внешних влияний. Петр считал, что, хотя война еще не закончилась, пришла пора заняться строительством Петербурга.

Е. В. Анисимов полагает, что в строительстве Петербурга проявилось максималистское желание Петра начать свою жизнь заново, на западный лад, что Петербург создавался Петром как антипод «варварской» Москвы²¹². Это было политическое решение, с экономической точки зрения это строительство было нелепостью: в руках царя уже находились Рига, Ревель, Нарва – у России было вполне достаточно портов с готовой инфраструктурой. От Риги шел удобный водный путь на Смоленщину, и, несмотря на противодействие властей, именно Рига, а не Петербург, впоследствии стала главным портом России²¹³. Петербург был изначально обречен на нехватку продовольствия: хлеб нужно было везти из центральных районов, а провоз обходился очень дорого: в 1726-1730 годах пуд ржи стоил в Ярославле 11 копеек, а провоз до Петербурга стоил 18 копеек. До Архангельска благодаря водному пути доставка обходилась втрое дешевле²¹⁴. В дальнейшем, когда население Петербурга увеличилось, доставка хлеба в столицу потребовала сотен тысяч бурлаков и стала основным заня-

тием для значительной части населения Центрального региона. Таким образом, Петр взвалил на экономику России тяжелое бремя, которое и при нем, и после него препятствовало решению актуальных задач модернизации.

Решение о возведении новой столицы, по-видимому, необходимо рассматривать в контексте случайного характера действия фактора внешних влияний, тех случайных обстоятельств, которые повлияли на воспитание юного Петра и способствовали созданию психологического комплекса максималистского подражания Европе. Как показывает мировой опыт, перенесение столицы не является необходимым моментом модернизации.

Ситуация усугублялась тем, что строительство Петербурга осуществлялось во время войны, которая отнимала у народа все силы и средства. В 1710-1717 годах на строительство Петербурга ежегодно требовали по одному работнику с 10-15 дворов, в среднем по 35 тысяч человек в год. Подневольные рабочие шли в Петербург из всех областей – поначалу даже из Сибири – тратя на дорогу по несколько месяцев²¹⁵. Французский консул де ла Ви свидетельствует, что две трети этих людей погибали на петербургских болотах²¹⁶. Фельдмаршал Миних писал, что в Северную войну «от неприятеля столько людей не побито... сколько погибло при строении Петербургской крепости и Ладожского канала»²¹⁷.

Как отмечалось выше, в 1707-1710 годах помещичьи крестьяне платили постоянных и чрезвычайных налогов в среднем около 60 копеек со двора. В связи с началом широкомасштабного строительства в 1711 году был введен налог «на дачу петербургским работникам», затем к этому налогу были добавлены сборы «на известное жжение», «на кирпичное дело» и «на городовое строение» – в общей сложности 35 коп. со двора. Но это было далеко не все: были введены новые чрезвычайные налоги. Главным из них был «санкт-петербургский провиант», составлявший в 1712-1717 годах в среднем 60 коп. в год, а с 1718 года – 1 рубль. В 1714-1715 годах собирали «на каменное строение на острове Котлин» по 25 коп., в 1716-1717 годах «на гаванное строение в Петербурге» по 1 руб. 21 коп., в 1718-1719 годах на постройку Ладожского канала по 70 коп. – и так далее, здесь трудно перечислить все тогдашние сборы²¹⁸.

Всего в 1711-1716 годах прямые и чрезвычайные налоги составили в среднем 2 руб. 50 коп. со двора, в четыре раза больше, чем до начала широкомасштабного строительства! Правда, нужно учесть, что в это время возросли хлебные цены; в пересчете на хлеб с учетом натуральных поставок и соляной пошрины в 1707-1710 годах крестьяне отдавали государству 3,1 пуда с души, а в 1710-1716 годах – 5,6 пуда²¹⁹. По сравнению с допетровскими временами тяжесть налогов возросла в 8 раз!

3.3.4. Динамика народа: положение крестьян

С точки зрения демографически-структурной теории перераспределение ресурсов в пользу государства означало сокращение экологической ниши народа, что должно было повлечь за собой падение потребления. Как отмечалось выше, подобное перераспределение ресурсов во времена Ивана

Грозного стало одной из причин демографической катастрофы – и схожая ситуация наблюдалась на севере страны в правление Алексея Михайловича.

Мог ли крестьянин платить петровские налоги? Попытаемся приблизительно подсчитать, каковы были в то время возможности крестьянского хозяйства. Трудность состоит в том, что для конца XVII-начала XVIII века не сохранились данные о реальных размерах крестьянской запашки. Как мы отмечали выше, барщинные крестьяне в XVII веке были в состоянии обрабатывать 1,6-1,8 десятины пашни на душу. Многие исследователи полагают, что в этот период крестьяне пахали меньше²²⁰, но, как отмечал В. О. Ключевский, именно повышение налогов Петром заставило крестьян увеличить запашку²²¹. Исходя из максимальных возможностей крестьянского хозяйства, мы будем считать, что в этот период крестьяне могли обрабатывать 1,8 десятин пашни на душу. Большинство крестьян в это время находились на барщине, которая составляла в среднем около 0,4 десятины на душу²²², таким образом, на себя они могли пахать 1,4 десятины.

Период	Урожайность в самах		Высев в пудах на дес.		Сбор с десятины (пуд.)		Средняя продуктивность десятины (пуд.)
	ржи	овса	ржи	овса	ржи	овса	
1650-1700	3,3	3,1	9,0	12,0	20,7	25,2	15,3
1710-1730	3,0	2,6	9,0	12,0	18,0	19,2	12,4
1731-1760	3,5	3,1	9,0	12,0	22,5	25,6	16,0
1761-1780	3,5	3,5	9,0	12,0	22,5	30,0	17,5
1781-1800	3,0	2,6	11,0	17,0	22,0	25,6	15,94

Табл. 3.7. Средняя продуктивность десятины в Центральном районе²²³.

Учитывая, что урожайность в этот период снизилась и средняя продуктивность десятины составляла 12,4 пуда хлеба (табл. 3.7), крестьянин мог получить с этого надела 18 пудов хлеба. Считается, что норма потребления составляла минимально 15 пудов на душу²²⁴, стало быть, на уплату налогов оставалось максимум 3 пуда. Таким образом, при всех оптимистических допущениях получается, что крестьяне, возможно, еще могли кое-как платить допетровские военные налоги. Но «петербургские» налоги в 5,6 пудов хлеба вынуждали крестьянина брать хлеб из запасов, предназначенных на случай голода. Такие запасы были у многих крестьян. В российских условиях, при гораздо больших, чем в Европе, колебаниях урожаев, крестьяне старались обеспечить себя на случай недорода. Какое-то время крестьяне могли платить непомерные налоги и жить за счет запасов. Но в случае неурожая истощение запасов должно было привести к катастрофе – а большой неурожай имел место в среднем один раз в семь лет. Так что дело было только во времени.

Посмотрим, каково было положение оброчных крестьян. С участка в 1,8 десятины оброчный крестьянин мог получить 23 пуда хлеба. Номи-

нальные нормы денежного оброка по сравнению с последними десятилетиями XVII века не изменились и составляли в расчете на душу 25-30 копеек. Однако в результате падения цен реальные оброки в это время увеличились примерно до 4,5 пудов, и в целом правительство и помещики требовали с оброчных крестьян более 10 пудов хлеба с души! Таким образом, после вычета налогов и оброков у оброчного крестьянина оставалось 13 пудов хлеба – меньше прожиточной нормы 15 пудов в год.

Год	Уезд, селение	Душ. муж. пола.	Оброк на душу об. коп/в(коп)	Цена юфти (коп)	Пудов на душу
1701	Суздальский, с. Мыт		25	75	4,5
1708	Ярославский, Юхотская вол.	7524	33	79	5,7
1708	Ржевский, с. Молодой Туд.	4005	24	79	4,0
1708	Костромской у. С. Харитоновка.	134	29	79	4,9
1708	Мещовский у. Дер. Дербинка.	41	30	79	5,2
1715	Алексинский, с. Ясенево	126	32	87	4,9
1715	Владимирский, д. Сулово	38	20	87	3,0
1716	Каширский, с. Жерновки.	816	33	95	4,7
	средние 1701-1716		28		4,6
1727	Вотчины А. Д. Меньшикова в 8 уездах	20876	25	165	2,0
1742	Каширский у. С. Тешилово		36	149	3,1
1742	Звенигородский у. с. Троицкое		67	149	5,9
1742	Суздальский у. с. Боговяленское		37	149	3,2
1742	Каширский у. с. Шульгино		60	149	5,3
1742	Переяславский у. с. Рюмино		44	149	3,8
1742	Серпейский у. с. Успенское		20	149	1,8
1742	Вяземский у. с. Дугино		25	149	2,2
	средние 1742-1744г.		41		3,6
1758-59	Суздальский у. с. Богородское		73	157	6,2
1758-59	Суздальский у. с. Богословское		74	157	6,3
1758-59	Суздальский у. С. Васильевское		62	157	5,3
1758-60	Ярославский у., вотчины М. М. Щербатова		60	142	5,7
	Средние 1758-1760		67		5,9

Табл. 3.8. Оброк поместных крестьян центрального района в первой половине XVIII века²²⁵.

Тяжелым было и положение монастырских крестьян. В 1707-1716 годах монастырские крестьяне отдавали в среднем по 8 пудов хлеба с души, а в отдельные годы – до 10 пудов²²⁶. Таким образом, оброки и налоги при-

близились к уровню времен Ивана Грозного, когда у крестьян отнимали по 11-12 пудов хлеба с души. Как известно, «фискальный скачок» Ивана Грозного привел к катастрофе – страшному голоду и чуме 1568-1571 годов. П. Н. Милоков считал, что непомерные налоги Петра I также привели к демографической катастрофе – к уменьшению населения на одну пятую. Действительно, в 1704 году был «голод великий по деревням», когда цена ржи возросла вчетверо. В 1707 году сборщик налогов докладывал из Борисоглебского монастыря, что «великие правежи» с крестьян уже ничего не дают; в 1708 году из Олонецкого края сообщали, что крестьяне из-за непосильных налогов «обнищали и сошли безвестно и дворы их пусты...»²²⁷

О прогрессирующем ухудшении материального положения крестьян говорит и такой показатель, как уменьшение роста рекрутов. Рекруты, родившиеся в 1700-1704 годах, имели средний рост 1647 мм, родившиеся в 1710-1714 годах – 1635 мм, родившиеся в 1720-1724 годах – 1626 мм²²⁸.

Перепись 1710 года зафиксировала уменьшение численности дворов на одну пятую – однако правительство не поверило переписчикам²²⁹. Сокращение числа дворов было истолковано как результат распространившейся практики сведения нескольких дворов в один с целью уменьшения обложения. Более строгая и точная подушная перепись, так называемая «первая ревизия» 1719-1721 годов, действительно, показала, что по сравнению с 1678 годом численность населения возросла с 8,6 до 11,6 млн. человек (в границах 1650 года)²³⁰. Однако, хотя в целом население в годы Северной войны, по-видимому, не уменьшилось, отдельные категории населения понесли существенные потери – в особенности это касается монастырских крестьян, на которых падала наибольшая тяжесть налогов. Население домовых патриарших вотчин в 1679-1702 годах увеличилось с 32 до 49 тысяч, а к 1719 году уменьшилось до 46 тысяч. Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь к концу войны потерял от голода и побегов около трети из 20 тысяч крестьян²³¹. Особенно тяжелым было положение крестьян северных областей, которым приходилось нести тяжелые повинности, связанные со строительством Петербурга. Население восточной части Вологодского уезда в 1678-1719 годах сократилось наполовину, а в целом численность населения северных уездов уменьшилась на 13%²³². На значительной территории Центрального района (Владимирский и ряд других уездов к востоку от Москвы) население в 1678-1719 годах не увеличилось, и поскольку, в 1678-1700 годах, оно, очевидно, росло, то это означает, что в 1701-1719 годах население этих территорий сокращалось²³³.

Резкий рост налогов и повинностей привел к массовому бегству крестьян в южные области, на Дон, на Украину, в Сибирь. Бежали большими партиями, «многолюдством, человек по сту и более»²³⁴. Правительство приняло жесткие меры, чтобы остановить это бегство, была введена паспортная система и создана цепь кордонов вдоль границ²³⁵. Однако начальник уральских горных заводов В. Геннин докладывал, что, если вернуть беглых, то все заводы будут пусты, что бегство не остановить, даже если поставить караулы на каждой версте²³⁶. В 1707 году была предпринята

операция по возвращению беглых с Дона – в результате там вспыхнуло большое крестьянское восстание, и летом 1708 года войскам Петра I пришлось сражаться на два фронта: против вторгшихся в страну шведов и против собственных крестьян²³⁷. «Известно, что среди низших классов населения... распространено было крайне враждебное отношение к личности Петра и его деятельности... – писал Н. П. Павлов-Сильванский. – Жаловались больше всего на то, что... “крестьян разорил с их домами, мужей побрал в рекруты, а жен и детей осиротил”»²³⁸.

3.3.5. Динамика государства: абсолютизм и этатизм Петра Великого

Одной из важнейших сторон произведенной Петром Великим трансформации структуры было укрепление самодержавия. Согласно теории «военной революции» создание регулярной армии приводит к установлению военно-бюрократического абсолютизма. Высшей формой бюрократического абсолютизма, включающей в себя не только самодержавие, но и государственное регулирование социально-экономических процессов, является этатистская монархия. Как отмечалось выше, реформы Ивана Грозного в свое время привели к установлению государственной собственности на землю, что является главным признаком этатистского государства. К периоду правления Петра I относится новый пик этатизма, отмеченный широким распространением практики государственного регулирования. Идеологической основой петровского этатизма было учение о «всеобщем благе» и «регулярном полицейском государстве». Наиболее известным представителем этого учения был немецкий философ Христиан Вольф, которого Петр собирался назначить президентом Петербургской академии²³⁹. Х. Вольф утверждал, что в целях достижения «всеобщего блага» государство должно регламентировать все стороны жизни граждан: принуждать их к работе, регулировать заработную плату, условия труда, цену товаров, поддерживать правопорядок и нравственность, поощрять образование, науки, искусства и т. д.²⁴⁰ В конце XVII века теория регулярного государства получила широкое распространение, и ее принципами (иногда не вполне осознанно) руководствовались в своей деятельности шведский король Карл XI, «великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм, Людовик XIV и его министр Колбер. Эту теорию часто отождествляют с европейским «просвещенным абсолютизмом», который отличается от восточного самодержавия тем, что имеет светский характер и руководствуется в своих действиях не религиозным идеалом, а «законами разума» и «общим благом»²⁴¹.

Правление Петра I было периодом расцвета этатистской монархии, когда государственное регулирование достигло чрезвычайной интенсивности и указы регламентировали все и вся. В соответствии с теорией «регулярного государства» Петр издавал множество указов, посвященных регламентации того или иного вида деятельности. Как отмечает А. И. Медушевский, в отношении глубины вмешательства государства в жизнь общества империя Петра Великого может сравниться только с «полицейским госу-

дарством» Иосифа II²⁴². Однако в одном, и самом важном, отношении в государственном регулировании Петра имелся очевидный пробел. В начале XVIII века (в отличие от времен Иосифа II) теория регулярного государства уделяла мало внимания регламентации сельскохозяйственной деятельности и отношений между крестьянами и землевладельцами. Между тем, прикрепление крестьян к земле давало возможность помещикам отягощать крестьянские повинности; в 1720-х годах появились купчие на крестьян – хотя по закону продажа поместных крестьян не разрешалась²⁴³. В 1719 году воеводам был разослан наказ, требующий наказания помещиков, которые «своим деревням сами беспутные разорители суть... налагая на крестьян всякие несносные тяготы, и в том их бьют и мучат, и от того крестьяне, покинув тягла свои бегают...». «Разорителей своих имений» предписывалось отдавать под опеку их родственникам²⁴⁴. Однако в целом, как отмечают специалисты, царь уделял положению крестьян гораздо меньше внимания, чем многим другим вопросам²⁴⁵.

Основным инструментом всеобщей регламентации и контроля было правильно организованное и четко функционирующее чиновничество (включающее в себя и полицию). Наука об управлении государственным хозяйством, и в частности, о коллегиальной и четкой организации чиновничества составляла часть теории «регулярного государства» и называлась камерализмом. Для старинной русской приказной системы было характерно сосредоточение разных функций в ведении одного приказа или одного воеводы, отсутствие контролирующих инстанций и правильной системы оплаты чиновников. Многие дьяки жили «от дел» – то есть существовали на взятки и подношения просителей, и, соответственно, решение вопроса зависело от размера подношений. Петр решил наладить правильную административную систему, взяв за образец административную систему Швеции. В соответствии с докладом, представленным ездившим в Швецию советником царя Г. Фиком, в 1717 году был издан указ о создании коллегий, а в 1719 году – указ о введении провинциальной администрации шведского образца²⁴⁶. М. Богословский отмечал, что почти всем нововведениям Петра можно найти прообразы в допетровской России и «только заимствование иностранной администрации ... было действительно новым, оригинальным явлением допетровской эпохи»²⁴⁷. Административная реформа привела к резкому разрастанию штатов центральных и местных учреждений, всем чиновникам которых отныне платили оклады. В проекте бюджета 1725 года расходы на чиновничество (вместе с дворцовыми расходами) составляли 2,5 млн. рублей, в то время как в 1680 году они составляли 250 тысяч; в пересчете на хлеб расходы возросли более чем в три раза²⁴⁸.

Этапизм Петра Великого породил в среде историков представление о независимости российского государства от сословий и классов²⁴⁹. «Как и на Западе, с победой абсолютной монархии, государство – как институт и идея – приобрело автономное существование и получило свои самоувечивающиеся интересы, цели и дела», – отмечал М. Раев²⁵⁰. «Многие и многие авторы полагали, что самой существенной из движущих сил про-

песса зарождения и дальнейшей эволюции абсолютной монархии является... **внутренняя динамика государственного организма**, его автономность, имманентность, то, что по-немецки называется *Eigengesetzlichkeit*», – писал О. Кристенсен²⁵¹. Х. Баггер, суммируя в обзоре историографии мнения различных историков, указывает, что абсолютизм в России был гораздо более последовательным, чем на Западе, и что здесь, в отличие от Запада, «государство и проводимая им политика формировали социальную структуру»²⁵². Развитием этих взглядов была теория о «закрепощении» самодержавным государством всех сословий: крестьянства, городских жителей и дворянства. Эта концепция восходит к работам Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина и в настоящее время разделяется многими историками²⁵³. Этой концепции, однако противостоит цитированная ранее весьма аргументированная точка зрения Ю. Г. Алексеева, который настаивает на том, что не «закрепощение сословий», а регламентация их прав и обязанностей во имя общего интереса составляла суть сословной политики Русского государства²⁵⁴. Отметим также, что «закрепощение» имело различный характер и различную тяжесть для разных сословий, и что государство все же не смогло полностью подчинить элиту, свидетельством чего стала последовавшая после смерти Петра «эпоха дворцовых переворотов». С другой стороны, регламентация деятельности сословий является достаточно обычным явлением в этакстических монархиях – в частности, в государствах Востока²⁵⁵. В этом контексте «закрепощение» не представляло собой чего-то уникального, отличающего Россию от других стран Востока – хотя конечно, отличало ее от стран Запада.

Вопрос об относительной независимости государства от элиты и народа существенно связан с проблемой апробации демографически-структурной теории. Как отмечалось выше, эта независимость является одним из постулатов Дж. Голдстоуна, на котором строятся все отношения в рамках структуры «государство-элита-народ». Этот вопрос представляется важным, поскольку, например, марксистская историография считала государство «слугой» правящего класса, то есть элиты. Как можно заключить из приведенного выше краткого обзора, большинство немарксистских историков признает относительную независимость российского самодержавия. В тоже время необходимо отметить, что отношения между государством (олицетворяемым монархом) и элитой были неодинаковыми в различные периоды. В правление Петра I государство почти полностью подчинило элиту, но во второй половине XVIII века монархия фактически оказалась в зависимости от дворянства. Таким образом, можно прийти к выводу, что в принципе, государство и элита являются самостоятельными элементами структуры, но отношения между ними в разные периоды могут быть различными, как относительно сбалансированными, так и с выделением (подчас резким) ведущей роли одного из элементов.

* Выделено цитируемым автором

3.4. Демографически-структурные процессы в 1725-1760-х годах

3.4.1. Кризис 1723-1726 годов и контрреформы

Непомерное увеличение налогов в процессе трансформации структуры при Петре Великом означало *сокращение экологической ниши народа*. Как отмечалось выше, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе военных реформ не раз приводило к катастрофам – так было при Иване Грозном, и (в северном регионе) при Алексее Михайловиче. Петровские реформы, в конечном счете, также привели к кризису. Многолетнее тяжкое налоговое бремя вызвало истощение запасов хлеба в крестьянских хозяйствах, и с чередой неурожайных лет (1722-1724 гг.) пришел большой голод. Летом 1723 года из провинций сообщали, что вследствие неурожая, бывшего два года сряду, крестьяне едят льняное семя и дубовые желуди, бывают по несколько дней без пищи, многие от того пухнут и умирают, иные села и деревни стоят пусты...²⁵⁶ Полковник Трайден, отправленный в Пошехонье с ревизией, докладывал, что в 1723 году от голода погибла десятая часть местного населения²⁵⁷. В таких условиях Петр I решился на крайнюю этатистскую меру: было указано повсеместно конфисковать излишки хлеба у дворян, купцов и у богатых крестьян, чтобы раздать голодающим²⁵⁸.

Вероятно, эта «продразверстка» отчасти исправила положение – но не до конца: голод продолжался до самой смерти императора и еще год после нее. Сразу после кончины Петра Екатерина I уменьшила подушную подать на 4 копейки и сняла с крестьян повинность по строительству квартир для солдат. Через два месяца Сенат приказал собиравшим налоги комиссарам умерить жестокость правейшей. Генерал-прокурор П. И. Ягужинский подал императрице доклад, в котором требовал более действенных мер по облегчению положения крестьян. Крестьяне уже не могли платить, за восемь месяцев 1725 года недоимка достигла половины окладных сумм. В 12 провинциях имели место антиналоговые выступления голодающих крестьян²⁵⁹. В июне 1726 года в Верховном Тайном Совете был поставлен на обсуждение вопрос, какие меры нужно принять «ввиду крайнего разорения крестьян». В представленных по этому поводу «мнениях» ближайшие сподвижники Петра говорили о «великой скудости крестьян», об их «крайнем всеконечном разорении». Было решено в 1727 году снять третью часть подушной подати и учредить комиссию для учета умерших и исключения их из оклада²⁶⁰.

Комиссия, возглавленная Д. М. Голицыным, стала собирать по губерниям ведомости об убыли населения. В не полностью сохранившихся материалах комиссии не имеется окончательных данных по всей стране, но они приводятся в более позднем докладе Сената. В этом докладе утверждается, что из учтенных в 1719-1724 годах 5,5 млн. душ мужского пола к 1727 году было 199 тысяч бежавших и 733 тысячи умерших²⁶¹. Беглецы в то время обычно умирали от голода на дорогах, поэтому их можно причислить к умершим; в этом случае расчеты по таблице смертности Буны-

ковского показывают превышение над естественной смертностью в 300 тыс. душ обоего пола; 300 тысяч человек – это было число погибших от голода.

Таким образом, царствование Петра I завершилось голодом, унесшим сотни тысяч жизней. Это был уже третий кризис (после кризисов времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича), вызванный различными этапами «военной революции» – в данном случае созданием петровской регулярной армии и сопутствующим увеличением налогов. Этот кризис имел свою специфику, которая выражалась в меньшей роли демографического фактора. Во времена Ивана Грозного демографический цикл находился в фазе Сжатия, поэтому в условиях крестьянского малоземелья и продовольственных трудностей повышение налогов до 3-4 пудов хлеба с души сразу же привело к катастрофе. Во времена Петра I демографический цикл находился еще в фазе роста, на Юге продолжался процесс колонизации, у крестьян были свободные земли, и продовольственная ситуация была более благоприятной. Поэтому, хотя Петр I в своих налоговых требованиях превзошел Ивана Грозного, кризис не имел столь драматического характера и не привел к демографической катастрофе.

Необходимо, однако, добавить, что кризис времен Петра I был обусловлен не только налоговыми требованиями военного характера. Кризис в значительной степени был ценой строительства Петербурга – то есть был обусловлен отчасти случайным действием фактора внешних влияний. Некоторую роль, возможно, играли также изменения климата: отмеченное выше падение урожайности может быть связано с уменьшением среднегодовой летней температуры с $17,4^{\circ}$ в 1650-80-х годах до 17° в 1680-1740-хх. Однако зимы были, наоборот, мягкими, а количество экстремальных летних сезонов в 1710-1740-х годах соответствовало уровню благополучных лет²⁶². Таким образом, кризис 1723-1726 годов был порожден в основном налоговым давлением государства.

В обстановке кризиса власти были вынуждены принять меры для облегчения тяжести налогов. Подушная подать в 1727-1732 годах трижды сокращалась на год на одну треть, но в действительности сокращение было больше, так как подать собиралась с большими недоимками. В 1728 году была ликвидирована соляная монополия и понижена цена соли. После смерти Петра, при императрице Екатерине I, у власти находилась группа ближайших соратников преобразователя, возглавляемая князем А. Д. Меншиковым. Но в условиях кризиса, уменьшения налогов и отсутствия средств им не оставалось ничего иного, как начать демонтаж петровских учреждений. Армия чиновников, призванная обеспечить «всеобщее благо», была частично распущена – просто потому, что не было денег для ее содержания. Ряд изданных в 1727 году указов возвращал областную администрацию к допетровским временам, суд и сбор налогов были снова поручены воеводам, а дьяки, как и прежде, должны были иметь пропитание «от дел». Коллегии сохранились, но их штаты были сокращены втрое; осуществлявший контрольные функции институт прокуроров был уничто-

жен. В целом расходы на чиновничество к 1734 году сократились в два раза²⁶³.

Сократились и расходы на армию. В результате нехватки средств военные не получали установленного содержания. В январе 1727 года польский посол писал, что флот девять месяцев не получает ни гроша, а гвардия – около двух лет²⁶⁴. В 1727 году было разрешено две трети солдат и офицеров из дворян уволить в продолжительные (год и более) отпуска без сохранения оплаты; на службе рекомендовалось оставить лишь тех, у кого не было поместий и кто жил жалованьем. Была создана Военная комиссия для рассмотрения вопроса о сокращении штатной численности армии с целью уменьшения подушной подати²⁶⁵.

Недостаток средств совмещался с недостатком энергии: новые правители были не в силах (и не хотели) поддерживать темп государственной деятельности Петра Великого, вникать во все дела и руководить всем и вся путем бесчисленных указов. Если десятки указов первой четверти XVIII века предписывали подданным, какого покроя носить одежду, как строить дома и сооружать барки, как убирать хлеб и лечить больных, то в дальнейшем такого рода указы почти исчезли²⁶⁶. Смерть императора означала вместе с тем прекращение попыток построения «регулярного полицейского государства» и резкий спад в политике государственного регулирования.

После смерти Екатерины I, при юном императоре Петре II, к власти пришла партия старомосковского боярства во главе с князьями Долгорукими и Голицыными. Это была оппозиция, которая в свое время поддерживала царевича Алексея, но была вынуждена смириться из-за страха перед застенками Преображенского приказа. Первым делом новая власть уничтожила символ петровского террора – Преображенский приказ. Другим символом петровской политики был Петербург. «Петербург, – говорил князь Д. М. Голицын, – это часть тела, зараженная антоновым огнем; если ее впору не отнять, то пропадет все тело»²⁶⁷. В феврале 1728 года двор и государственные учреждения переехали из Петербурга в Москву. Жизнь Петербурга замерла, началось бегство из города дворян, купцов и мастеровых. Все строительные работы были остановлены, сотни недостроенных домов постепенно превращались в руины²⁶⁸. Но народ радовался решению Петра II. «Русские старого времени находили в нем государя по душе оттого, что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву, – свидетельствует К. Манштейн. – Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со своими соседями; служить в войсках никого не принуждали... вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах... Только армия и флот приходили в упадок...»²⁶⁹. «Теперь больше не подрываются финансы этого государства ненужными постройками гаваней и домов, – писал прусский посол А. Мардерфельд, – плохо усвоенными мануфактурами и заводами, слишком обширными и неудобноисполнимыми затеями или пиршествами и пышностью...»²⁷⁰

Итак, через три года после смерти Петра Великого налоги были уменьшены, Преображенский приказ уничтожен, Петербург был оставлен, флот сгнил, петровская администрация была, в основном, распущена, а армейские офицеры большей частью вернулись в свои деревни. В целом, смысл перемен заключался в сокращении непомерных государственных расходов, в частичном перераспределении ресурсов в обратном направлении, от государства к крестьянству и дворянству, в уменьшении того давления, которое государство оказывало на другие сословия. Однако, это было лишь частичное перераспределение, оставившее в неприкосновенности основные результаты петровских реформ, постоянную регулярную армию и подушный налог.

3.4.2. Борьба за распределение ресурсов в 1730-х годах

Кризис поставил под вопрос все результаты произошедшей трансформации структуры, в том числе и судьбу петровской абсолютной монархии. После внезапной смерти Петра II власть оказалась в руках Верховного Тайного совета, состоявшего по большей части из старой знати. Князь Д.М. Голицын предложил избрать на престол племянницу Петра герцогиню курляндскую Анну Иоанновну, ограничив ее власть конституционными «кондициями»²⁷¹. В целом этот проект можно рассматривать как продолжение контрреформ, и В. Кивельсон генетически связывает его с традициями Московского царства, с Боярской думой, Земскими соборами и теми «кондициями», которые были представлены в 1610 году королевичу Владиславу²⁷².

Когда олигархический замысел «верховников» открылся, то выяснилось, что он противоречит интересам мелкого дворянства, опасавшегося восстановления привилегий родовой аристократии. В ситуации 1730 года снова проявился раскол элиты, столь характерный для эпохи Ивана Грозного и времен Смуты²⁷³. В рамках демографически-структурной теории этот раскол объяснялся борьбой различных фракций элиты за ресурсы; раскол элиты позволил самодержавию удержать власть. Вдохновителем опиравшейся на мелкое дворянство монархической партии стал вице-канцлер А. И. Остерман. Монархисты тоже желали конституции, но они хотели получить привилегии и «свободы» не от Верховного Тайного Совета, а из рук императрицы. 25 февраля монархисты подали Анне Иоанновне петицию, в которой требовали уничтожения уже подписанных императрицей «кондиций», и Анна, воспользовавшись растерянностью «верховников», объявила о намерении править самодержавно, как ее предки²⁷⁴.

Сопротивление старой знати было подавлено – хотя и не сразу; князья Долгорукие были сосланы, Д. М. Голицын умер в заключении в Шлиссельбургской крепости. В 1732 году двор покинул боярскую Москву и вернулся в Петербург. Для охраны новой власти от недовольных под именем Тайной канцелярии был восстановлен петровский Преображенский приказ – однако Анна старалась избегать казней, предпочитая отправлять противников в ссылку. За десять лет было сослано свыше 20 тысяч чело-

век, причем зачастую ссылали так, что от человека не оставалось никаких следов, меняли сосланным имена и уничтожали записи о месте ссылки²⁷⁵.

Придя к власти, Анна была вынуждена удовлетворить часть требований поддержавшего ее дворянства. Были отменены указ о единонаследии и содержавшиеся в этом указе ограничения на продажу поместий; поместья стали именоваться вотчинами – в юридическом отношении эти два типа владений уже не различались. В 1731 году был учрежден Шляхетский кадетский корпус, выпускники которого шли в армию офицерами. В 1738 году срок службы дворян был ограничен 25 годами, и отцы нескольких сыновей получили право удерживать одного из них дома для ведения хозяйства. Были несколько облегчены условия обучения, отныне богатые родители могли обучать своих детей дома – но по окончании обучения дети должны были сдавать экзамены на общих основаниях. Однако Анна предпочла забыть о главном требовании петиции 25 февраля – о выборах членов Сената дворянством²⁷⁶.

Управлявшая страной при Анне придворная «немецкая партия» имела чиновный, бюрократический характер, поэтому она была заинтересована в сохранении этатистского абсолютизма. Для поддержания сильного государства требовалось поддерживать петровскую систему сбора налогов. Однако тот уровень налогов, который был установлен Петром I, отнимал у крестьян все излишки и не позволял дворянам увеличивать ренту. Борьба за ресурсы стала причиной конфликта между дворянством и монархией²⁷⁷.

Важным фактором, который в соответствии с демографической теорией, должен был обострить борьбу за распределение ресурсов, был рост численности дворянства. По оценке Я. Е. Водарского в 1700 году насчитывалось 22-23 тыс. дворян, владеющих поместьями; к 1737 году их число увеличилось примерно до 46 тыс.; число владений возросло с 29 тыс. до 63 тыс. (некоторые помещики имели несколько владений). Между тем, вследствие резкого увеличения налогов и падения уровня жизни, рост населения в указанный период был медленным и существенно уступал численному росту элиты. Эта диспропорция привела к значительному уменьшению среднего размера владений (см. табл. 3.9)

Год	Все владения			Крупные владения (более 25 дворов)			Остальные владения		
	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение
1700	28534	1708	60	2873	915	318	25661	793	31
1737	63097	2599	41	5240	1412	269	57857	1187	21

Табл. 3.9. Размеры владений помещиков в 1700 и 1737 годах²⁷⁸.

Как показывают данные табл. 3.9 владения не более 25 дворов составляли около 90 % всех владений. Средний размер этих владений уменьшил-

ся в 1700-1737 годах в полтора раза, с 31 до 21 души мужского пола (без учета дворовых людей). Таким образом, имело место падение доходов основной массы дворянства. Материалы Герольдмейстерской конторы этого времени содержат многочисленные упоминания о нищих дворянах, которые «скитались меж двор», переходили от монастыря к монастырю в поисках пропитания²⁷⁹.

Естественно, что дворяне пытались компенсировать падение доходов увеличением ренты. Однако уровень совокупной ренты, установившийся после петровских реформ был максимальным для нечерноземных областей – с крестьян нельзя было брать больше, не доводя их до голода. При этом если сравнить с концом XVII века, то нормы барщины и денежного оброка оставалась примерно на том же уровне, что и прежде, однако все излишки прибавочного продукта, остающиеся после выплаты оброка, теперь забирало государство. В таких условиях помещики могли увеличить свою ренту только за счет государственных налогов – и действительно, вплоть до правления Екатерины II снижение налогов было постоянным требованием дворянства; это особенно проявилось в наказах дворянских депутатов в Комиссию 1767 года²⁸⁰.

Правительство Бирона-Остермана не собиралось идти на уступки дворянству и снижать подушную подать. В 1733 году были приняты решительные меры для строгого сбора налогов и недоимок, которые к тому времени достигли 7 млн. рублей. Еще в 1727 году правительство поручило помещикам собирать подушную подать со своих крестьян, одновременно возложив на них ответственность за недоимки. Однако, по свидетельству Б. Х. Миниха, некоторые помещики, собрав налоги, не отдавали их в казну, а тратили на свои нужды²⁸¹. В случае непоступления налога землевладельцев садили под караул, а в деревни посылали «экзекуторские команды», при приближении которых крестьяне в ужасе разбежались и прятались по лесам. Но тем не менее, помещики отказывались платить – и пример подавала высшая знать: 111 «знатных персон» должны были в казну 445 тыс. рублей²⁸². От помещиков поступали в Сенат «страшные жалобы» на разорение крестьян от беспощадного взыскания недоимок – в ответ сенатский указ обвинил владельцев «душ» в том, что они так отягчают крестьян работой, что у них «не только на подати государственные, но и на свое годовое пропитание хлеба добыть... времени не достает»²⁸³. Обер-прокурор Сената А. С. Маслов выступил с проектом ограничения помещичьих оброчков и барщин, но императрица Анна наложила резолюцию: «Обождать»²⁸⁴.

Другой сферой борьбы за ресурсы были косвенные налоги. В 1731 году была восстановлена соляная пошлина, которая стала давать 600-800 тыс. рублей ежегодного дохода. Однако появились проблемы с винными откупам. В 1730-х годах значительно расширилось дворянское винокурение; хотя дворяне могли курить вино лишь для собственного употребления, они нелегально продавали его и тем самым отнимали у государства часть доходов от пошрины. В 1741 фактический глава кабинета барон Остерман предложил резко расширить казенное производство вина за счет сокраще-

ния подпольного винокурения. Остерман утверждал, что дворяне выкуривают больше половины из производимых в стране 4 млн. ведер вина²⁸⁵. Проект Остермана не был принят, но его появление, как и появление проекта Маслова, свидетельствовали о нарастающем конфликте между дворянством и монархией.

Таким образом, анализ событий периода правления императрицы Анны с точки зрения демографически-структурной теории показывает, что это было время ожесточенной борьбы за ресурсы между абсолютной монархией и элитой. Причинами этой борьбы был рост численности элиты и то обстоятельство, что перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры лишило возможности элиту увеличивать ренту крестьян. Обстоятельства этой борьбы свидетельствуют о том, что у крестьян отнимали максимум возможного. Столь интенсивный нажим на крестьянство должен был вызвать неминуемые демографические последствия.

3.4.3. Сжатие в Центральном районе

Перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры довело государственные налоги с крестьян до максимального уровня, резко сократив экологическую нишу народа. Подушная подать не учитывала размеры крестьянских наделов, и в наиболее густонаселенных и малоземельных районах доходы крестьян не могли обеспечить уплату подати. Особенно тяжелое положение сложилось в Московской губернии. «В Московской губернии... от худой и выпаханной земли никогда хлеб не родится, – писал управляющий дворцовыми волостями барон Розен, – а в иных местах, хотя и родится, токмо за тесным расселением той земли надлежащим их участков довольно не достает, и оттого приходят в нищету...»²⁸⁶ Тяжелое положение отмечалось и в других районах Центра, в частности, на Белоозере, где, по расчетам Л. С. Прокофьевой, уровень потребления был ниже минимального²⁸⁷. По расчетам М. Ф. Прохорова и А. А. Федулina средняя величина надела в Центральном районе не обеспечивала пропитания семьи, и «в середине XVIII века вопрос о малоземелье крепостных... приобретает острый характер»²⁸⁸. «Вопрос о земле у крестьян Центрально-промышленного района в то время стоял очень остро, – отмечает П. К. Алефиренко, – и часть из них в поисках земли бежала в малоосвоенные уезды Поволжья или Земледельческого района»²⁸⁹. Неурожай 1733 года вызвал большой голод и массовое бегство крестьян; в 1732-1735 годах из дворцовых сел Московской губернии бежала почти десятая часть населения. Правительство снова прибегло к описям хлебных запасов, конфискациям излишков и раздачам зерна нуждающимся. В 1734 году был издан указ, по которому помещики и приказчики в годы голода должны были кормить своих крестьян и снабжать их посевным зерном. В 1742-1743 годах снова пришел большой голод. Дворцовое ведомство пыталось решить проблему, переселяя крестьян в Воронежскую губернию, в 1745 году было переселено 14 тыс. человек. Тем не менее, земли не хватало;

мене, земли не хватало; седьмая часть дворцовых крестьян Подмосковья не имела ни лошадей, ни коров²⁹⁰. В крестьянских хозяйствах не было запасов зерна, поэтому в неурожайные годы цены резко возрастали, описываемая колебания с периодом около 10 лет – так называемые циклы Жуглара²⁹¹.

Перенаселение Центрального региона в этот период было в основном относительным, оно было вызвано увеличением налогов – при прежних налогах крестьяне еще могли как-то жить, хотя их наделы постепенно уменьшались. Однако в пределах Центрального района имелись и такие местности, где надел не мог кормить крестьянина ни при каких налоговых условиях. В. Н. Татищев полагал, что минимальный надел, обеспечивавший существование крестьянской семьи, был равен 1 десятина на душу; И. Д. Ковальченко оценивал размеры такого надела в 1-1,2 десятины на душу²⁹². Действительно, при средней продуктивности в 15 пудов с десятины пашни надел в 1-1,2 десятины давал чистый сбор в 15-18 пудов – ту самую норму потребления, о которой говорилось выше. Между тем, материалы дворцового хозяйства свидетельствуют, что в Хатунской, Селинской и Гжелской волостях Московской губернии в 1730-40-х годах на душу приходилось лишь 0,5-0,9 десятин²⁹³. Таким образом, в отдельных уездах Центра уже проявлялось абсолютное перенаселение.

Регулярно повторяющиеся голодовки, а также массовое бегство привели к тому, что население Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний в 1719-1744 годах уменьшилось, а население Центрального района в целом осталось на прежнем уровне (4,5 млн.). Нехватка земли, голод, остановка роста населения – это были свидетельства наступившего *Сжатия*, и очевидно, что Сжатие было ускорено повышением налогов при Петре I. Если в прежние времена крестьянин-бедняк еще мог как-то прокормиться на душевом наделе в 1 десятину, то петровские налоги обрекали его на голод. Центральный регион оказался перед угрозой демографической катастрофы – и, в соответствии с теорией, ответом общества стала стихийная перестройка хозяйственной системы, постепенная переориентация региона на развитие промыслов. «Петр Великий наложением подати принудил крестьян стараться другими ремеслами приобретать себе на пропитание и на ушлату податей...» – писал князь М. Щербатов²⁹⁴.

Нехватка земли привела к массовому переводу крестьян на оброк. «В тех местах, где довольно земли, сходнее держать их на пашне, – писал известный экономист и агроном П. И. Рычков, – но в таких местах, где недостаток есть в землях... оброчное содержание крестьян необходимо»²⁹⁵. Известно, что в первой половине XIX века имения, где крестьянский надел на душу был меньше 0,8 десятины, как правило, были оброчными, так как эксплуатация столь скудных крестьян на барщине была практически невозможна²⁹⁶. Действительно, с конца 40-х годов XVIII века Главная дворцовая канцелярия постепенно ликвидирует барщинное хозяйство и переводит крестьян на денежный оброк; барщинные земли при этом передаются крестьянам, что несколько улучшает их положение²⁹⁷. Помещики Цен-

трального района также переводят крестьян на оброк; если в петровские времена основная часть крестьян была на барщине, то к 1780-м годам 62% крестьян шести губерний района находились на оброке²⁹⁸.

Переход на денежный оброк дал возможность крестьянам заниматься ремеслами. По некоторым подсчетам, к 1760-м годам около двух третей крестьянского населения Московского уезда наряду с сельским хозяйством, занималось домашними промыслами. Крестьяне стали конкурентами посадских ремесленников и купцов-мануфактуристов, которым традиционно принадлежало исключительное право заниматься торговлей и ремеслами; помещичьим крестьянам разрешалось торговать лишь съестными припасами с возов. В конечном счете, ряд указов, изданных в начале правления Екатерины II, позволил крестьянам свободно заниматься ремесленной и промышленной деятельностью²⁹⁹.

Таким образом, в соответствии с демографически-структурной теорией, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры вызвало *сокращение экологической ниши населения и преждевременное Сжатие в Центральном районе*. Как и предсказывает теория, Сжатие вызвало массовое развитие ремесел и торговли.

3.4.4. Колонизация Черноземья. «Две России»

Крестьяне промысловых сел Центра питались покупным хлебом, привозимым из черноземных областей; таким образом, начала оформляться промышленная специализация Центрального региона и все ярче проявлялась роль Черноземья как житницы России. Как отмечал П. Б. Струве, с этого времени появились «две России», различавшиеся в хозяйственном отношении³⁰⁰ – старый волго-окский центр Московского царства и новая колонизируемая Россия – Черноземье.

Мы употребляем традиционное понятие «Центральный район» для обозначения семи центральных губерний, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Тверской и Калужской. Этот район позже, с развитием промышленности, стали называть также «Центрально-промышленным», чтобы отличать его от «Центрально-черноземного района», включающего Тульскую, Рязанскую, Курскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии. В XVIII веке, однако, перечисленные черноземные губернии еще не составляли центра Российского государства, а располагались вблизи южной границы – поэтому мы будем называть эти семь губерний просто «Черноземным районом» или, кратко, «Черноземьем». Поскольку статистические данные часто относятся не ко всему Черноземному региону, а к шести его губерниям (без Пензенской) или к четырем губерниям (без Пензенской, Воронежской и Курской) то мы будем иногда говорить также о шести или о четырех губерниях Черноземья.

Процесс колонизации черноземных областей был важнейшим процессом, определявшим экономическую жизнь России XVIII века. В период с 1678 по 1719 год население четырех черноземных губерний увеличилось с

0,8 до 2,1 млн. человек – в основном за счет переселенцев и беглецов из Центрального региона³⁰¹. Население изобильного Черноземья росло гораздо быстрее, чем население обделенного почвами и климатом, и к тому же перенаселенного Центра, и к концу столетия Черноземный регион обогнал Центральный по численности населения (рис. 3.2).

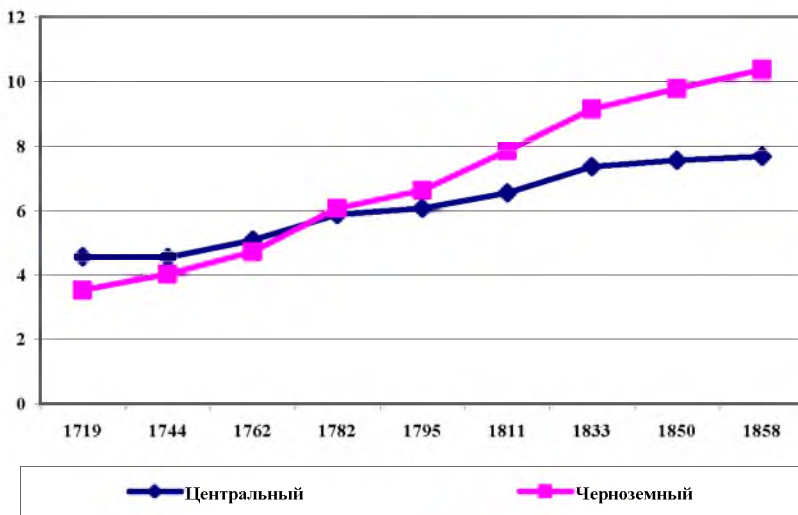

Рис. 3.2. Рост численности населения Центрального и Черноземного регионов (млн.)³⁰².

Южные помещики из числа высшей знати владели обширными пространствами незаселенных земель – и, чтобы привлечь на них поселенцев, они предоставляли им льготы и укрывали беглых. Посошков писал, что у знатных землевладельцев на Юге населены беглыми крестьянами «целые села великие». Князь А. Д. Меншиков в своих трех огромных вотчинах требовал с крестьян лишь небольшой оброк: в переводе на хлеб около 2-3 пудов с души³⁰³. На юге Черноземья, в Воронежской и Курской губерниях такой уровень оброков сохранялся и в 60-х годах. Крестьяне здесь имели большие наделы, около 2,5 десятин пашни на душу³⁰⁴. «Великое число земель и легкая работа дают способ земледельцам великое число земли запихивать, – писал князь М. Щербатов, – так что во многих местах они четверть жатвы своей отдают приходящим из Московской губернии за то, что помогают хлеб их убирать»³⁰⁵. О найме работников «немалой платой» говорят и ответы на Сенатскую анкету 1767 года из Тамбовской губернии³⁰⁶.

Большой интерес представляют данные о потреблении помещичьих крестьян, полученные М. Ф. Прохоровым и А. А. Федулиным на основе анализа подворных описей 138 имений (32 тыс. крестьян). Эти данные относятся к середине XVIII века и наиболее представительны для Централь-

ного района (58 имений) и Черноземного района (50 имений). Авторы берут в качестве нормы потребления с учетом расходов на корм скоту 3 четверти зерна на душу в год, и получают, что у крестьян Центрального района не хватало до нормы 3/8 четверти зерна, а у крестьян Черноземья был излишек в 1/8 четверти. Данные о количестве скота также указывают на то, что крестьяне Черноземья жили много лучше, чем крестьяне Центра, в частности, на одного взрослого работника-мужчину на Черноземье приходилось 1,6 лошади, а в Центре – 1,3 лошади³⁰⁷.

Необходимо отметить, что эти данные относятся только к помещичьим крестьянам – положение государственных крестьян на Черноземье было лучше, чем положение крепостных. Около половины населения южных губерний составляли однодворцы, которые прежде несли пограничную службу в драгунских полках, затем в ландмилиции, а после ее расформирования (в 1780-х годах) превратились в государственных крестьян. Топографическое описание Курской губернии 1784 года говорит, что средний двор государственных крестьян имел 5 лошадей, 5 коров и чистый сбор в 300 пудов хлеба – в 3-4 раза больше, чем нужно для потребления. По ответам на анкету Вольного экономического общества 1765 года в Острожском уезде Воронежской губернии у средних крестьян было 5-15 коров, а у зажиточных – 15-50 коров (для сравнения: во Владимирской губернии на двор приходилась в среднем 1 лошадь и 1 корова)³⁰⁸.

О жизни тех времен повествуют рассказы стариков, записанные священником из села Ольшаницы (Орловская губ.) в 1850 году: «Старики со слезами вспоминают золотой век, когда предки их жили без нужды и без горя. Денег было мало, и они были почти не нужны. Продавая за 3 алтына меру пшеницы за 300 или 400 верст, они клали алтыны в горшки. Из алтынов составлялись у них сотни рублей. Кто имел 100 рублей, считался богатыем беспримерным. «Не наживи, – говаривали, – 100 рублей, а имей 100 друзей». Пчеловодство, множество хлеба и скота позволяли варить для себя мед, пиво, водку и делали стариков роскошными без всякого ущерба для их состояния. «Поглядел бы, – говорили они, – на тогдашние праздники. То-то ли бы было! Бывало, выставляют на стол меду кисейного, пресного, перегонного, пива, а вина-то – хоть залейся!»³⁰⁹

Высокий уровень жизни на Черноземье объяснялся сравнительно высокой урожайностью и легкостью обработки почв. Попытаемся приблизительно оценить продуктивность десятины черноземных полей. Во второй половине XVIII века высеv ржи составлял около 10 пудов на десятину, высеv овса – около 12 пудов. Урожайность в середине столетия составляла сам-4,6 для ржи и сам-4,2 для овса³¹⁰, и в среднем десятину давала примерно 25 пудов чистого сбора (а в нечерноземных областях – 15 пудов). Без привлечения наемной силы крестьянин мог обработать (и обрабатывал в XIX веке) 2,2-2,5 десятины черноземной пашни на душу населения³¹¹. Следовательно, на одного крестьянина (крестьянку), при условии полной отдачи сил приходилось 55-62 пуда! Крестьянину же было вполне достаточно 20-25 пудов, и ему было некуда девать такое количество зерна: ведь

везти приходилось за 300-400 верст. Таким образом, становится понятной «Легенда о Золотом веке», ходившая среди крестьян Черноземья – а также и то, что в действительности, как показал Л. В. Милов, крестьяне в те времена не обрабатывали полностью своих больших наделов³¹²: это было просто ненужно. Становится понятным также и то, какую огромную выгоду могла принести помещикам организация товарного производства зерна на Черноземье – если в центральных областях максимальная рента составляла 7-9 пудов с души, то в черноземных областях она могла составлять 15, 20 и более пудов!

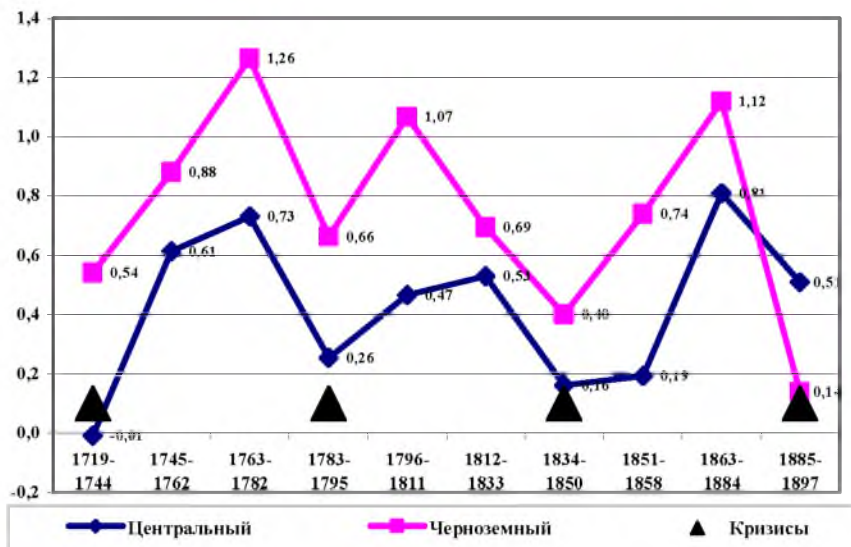

Рис. 3.3. Темпы роста населения по регионам (%)³¹³.

«Легенда о Золотом веке» повествует о патриархальных временах, когда на юге еще не было товарного производства хлеба и барщинных латифундий. В 20-е годы XVIII века общий объем хлебной торговли оценивался лишь в 2,5 млн. пудов³¹⁴ – это было до начала промышленной специализации Центра, когда промысловые села стали кормиться хлебом Черноземья. В 30-е годы поставки с юга возросли; они осуществлялись гужевым транспортом из ближайших к Центру тульских и рязанских черноземных районов, а также водным путем: в 1737 году в Москву было доставлено 1 млн. пудов зерна из Орловской губернии³¹⁵. По некоторым оценкам в 30-х годах общая масса товарного хлеба (с учетом винокурения) достигла 10 млн. пудов³¹⁶. Как отмечают И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, в 1740-1750-х годах происходит формирование Московско-Черноземного регионального хлебного рынка и товарный оборот хлеба стремительно растет. В 1780-х годах реализация товарного хлеба лишь по двум черноземным гу-

берниям, Орловской и Курской, оценивается в 24 млн. пуд.³¹⁷. Очевидно, именно поставками с Юга объясняется наблюдавшееся в это время падение цен на рожь в Центральном районе: эти цены уменьшились со 110 коп за четверть в среднем в 1741-1750 годах до 87 коп. в 1751-1760 годах³¹⁸.

Налаживание хлебного снабжения способствовало выходу центральных областей из состояния Сжатия, в котором они находились на протяжении 1720-1730-х годов. Вероятно, некоторую роль сыграло и отмечавшееся в это время увеличение урожайности (см. табл. 3.7). В 1740-1750-х годах население Центра снова стало расти (рис. 3.3), хотя темпы роста были меньше чем на Юге. Антропометрические данные говорят о некотором увеличении роста рекрутов, родившихся в 1740-х годах – то есть об увеличении потребления³¹⁹.

Возвращаясь к анализу социально-экономического развития в 1720-1740-е годы с точки зрения демографически-структурной теории, нужно отметить, что многие, наблюдающиеся в это время явления подпадают под определение ситуации перед брейкдауном. Действительно, мы наблюдаем малоземелье в Центральном регионе, прекращение роста населения, голод и нищету, тяжелое положение элиты, ее раскол и фрагментацию, ожесточенную борьбу элиты с государством за ресурсы.

Исходя из теории, можно сделать вывод, что следствием этой ситуации мог быть полномасштабный кризис, подобный тому, который произошел в правление Ивана Грозного – более того, что кризис уже начался в 1724-1726 годах. Однако дальнейшее развитие кризиса было предотвращено расширением экологической ниши – колонизацией Черноземья и поставкой хлеба этого региона в центральные губернии (мы вернемся к этому вопросу ниже). Такое развитие событий стало возможным благодаря строительству оборонительных линий на юге и общему усилению военной мощи России – то есть благодаря «военной революции» и мобилизации ресурсов на военные цели. Вторжение русской армии в Крым в 1735-1739 годах нанесло решающий удар крымским татарам и практически лишило их возможности производить набеги на южные области России. Таким образом, с одной стороны, перераспределение ресурсов в пользу государства приблизило Сжатие в центральных районах, с другой стороны, оно обеспечило колонизацию Черноземья и предотвратило перерастание Сжатия в экосоциальный кризис.

3.4.5. Отступление государства

Как отмечалось выше, правление Анны Иоанновны было отмечено ожесточенной борьбой государства и элиты за перераспределение ресурсов. В конечном счете, государство потерпело поражение в этой борьбе. Смерть императрицы Анны вызвала династический кризис и ослабление монархии; в этой обстановке дворцовый переворот 1741 года завершился падением бюрократической «немецкой» партии. Бирон, Остерман и Миних были сосланы в Сибирь. Пришедшая к власти в результате переворота императрица Елизавета Петровна чувствовала себя неуверенно, и ей при-

плось пойти на уступки дворянству. Сбор податей стал не таким строгим, и помещиков уже не держали под караулом. Вступление императрицы на престол стало поводом для уменьшения в 1742 и 1743 годах подушной подати на 10 копеек. Подать постоянно собиралась с недоимками, которые в 50-х годах составляли 7-14% душевого оклада. Эти недоимки время от времени списывались, в 1752 году были прощены недоимки за 1724-1746 годы на сумму 2,5 млн. руб.³²⁰

Фактическим главой правительства императрицы Елизаветы был граф П. И. Шувалов; он проводил линию на частичную замену подушной подати косвенными налогами – прежде всего, пошлинами на соль и вино. В 1750 году цена соли была увеличена с 21 до 35 коп., а в 1756 году – до 50 коп., и затраты на покупку соли в расчете на ревизскую душу возросли с 12 до 18 коп. в 1750 году и до 32 коп. в 1756 году. За счет этих доходов подушная подать была немного уменьшена; в 1750-х годах она составляла 62-67 коп. в год – таким образом, по своей обременительности для крестьян покупка соли составляла половину от подушной подати. Цены на вино в правление Елизаветы увеличились вдвое, и, в целом, к 1758 году косвенные налоги превзошли по своим размерам прямые. Даже когда началась Семилетняя война, Елизавета Петровна не осмелилась увеличить прямые налоги; война финансировалась за счет дальнейшего повышения цен на вино и соль – но главным образом за счет огромной эмиссии медных денег. В 1757-1762 годах было начеканено медных денег на 15 млн. рублей; это вызвало инфляцию, и в следующие пять лет, в правление Екатерины II, цена на хлеб возросла в 2 раза³²¹.

Другой уступкой дворянству стало поощрение дворянского винокурения. В начале 1720-х годов у дворян было лишь 40 маленьких винокуренных заводов, а в 1753 году – 280 заводов, и среди них встречались значительные предприятия. Винокурением занималась в том числе и высшая знать: граф П. М. Апраксин, граф С. А. Салтыков, граф П. И. Шувалов. Формально дворяне производили хлебное вино по подрядам казны, но на деле сбывали часть продукции на сторону, что приносило им огромные доходы. В 1754 году было подсчитано, что на дворянских и купеческих заводах выкуривается 4 млн. ведер, а из казны продается не более 2 млн. ведер; при этом Сенат совершенно резонно считал, что оставшееся вино продается тайно. Однако результат обсуждения был парадоксальным: правительство запретило купцам заниматься винокурением, и эта самая выгодная отрасль предпринимательства стала монополией дворян³²².

Еще одним каналом перераспределения средств в пользу дворянства стала основанная в 1750-х годах по инициативе Шувалова сеть банков: Государственный заемный банк, Медный банк, Артиллерийский банк. Идея создания таких банков состояла в том, чтобы помочь дворянству расплатиться со своими долгами: к тому времени в залоге у ростовщиков находилось около 100 тыс. дворянских имений. Однако деятельность банков ограничилась предоставлением огромных ссуд сравнительно немногочисленным представителям высшей аристократии; вельможи не собирались

отдавать свои долги, и, таким образом, капитал банков был практически расхищен. В 1763 году Медный и Артиллерийский банки были ликвидированы, их деятельность обошлась казне в 3,2 млн. руб., по большей части присвоенных дворянами³²³.

Главным средством получения денег для удовлетворения потребностей дворянства было увеличение оброков и барщины. При восшествии на престол Елизавета отказалась принимать присягу у помещичьих крестьян; присягу за крестьян приносили их помещики – это говорило о том, что правительство отныне считает крепостных подданными помещиков и намерено свести к минимуму свое вмешательство в их отношения. Другим свидетельством ухудшающегося положения крестьян было нарушение принципа фиксации ренты. Как отмечалось выше, в XVII веке денежная рента оставалась практически постоянной и составляла около 25 коп. с души. При Петре I принцип фиксированной ренты сохранял свое действие, о чем говорят, в частности, данные об оброках в поместьях князя Меншикова, расположенных в восьми центральных уездах. По нашим подсчетам, в 1727 году в этих поместьях числилось 20876 душ мужского пола, с которых полагалось 10560 руб. оброка – то есть в среднем 25 коп. с души обоюбого пола³²⁴. Для 30-40-х годов имеющиеся данные сравнительно немногочисленны, но, тем не менее, весьма показательны: данные 1742 года говорят о росте ренты примерно до 40 коп. К концу правления Елизаветы оброк крестьян на суздальщине и ярославщине достигал 67 коп. с души или 5,9 пуда в пересчете на хлеб (см. табл. 3.8). Оброк с государственных крестьян, составлявший со времен Петра 40 коп. с души мужского пола, в 1745 году был увеличен до 55 коп. Оброк с дворцовых крестьян, формально также равнявшийся 40 коп., в 1743-1750 годах составлял в среднем 67 коп. В 1755 году дворцовый оброк вырос до 1 руб. с души мужского пола, а в 1762 году – до 1 руб. 25 коп. Поскольку оброк дворцовых и государственных крестьян всегда рассматривался как эквивалент тех оброков, которые платят своим хозяевам помещичьи крестьяне, то его рост был отражением роста ренты в помещичьих хозяйствах. В 1761 году оброк государственных крестьян был увечен до 1 руб., и в указе особо отмечалось, что почти все помещичьи крестьяне уже давно платят такой оброк своим владельцам³²⁵. В отношении барщины у нас не имеется статистических данных, но характерно, что в это время появляются помещичьи инструкции, вводящие невиданные ранее нормы отработок – до 1 десятины в пересчете на душу³²⁶.

Таким образом, в период правления императрицы Елизаветы элита одержала первые (в XVIII веке) победы в борьбе за распределение ресурсов в структуре «государство-элита-народ». Государство было вынуждено уступить дворянству (на первых порах небольшую) часть прямых и косвенных налогов. Одновременно дворянство сломало старый принцип фиксированности крестьянской ренты и приступило к увеличению крестьянских повинностей.

3.5. Период дворянской монархии

3.5.1. Падение элитарной монархии

Как отмечалось выше, в рамках демографически-структурной теории наступление дворянства объясняется увеличением его численности и, соответственно, уменьшением поместий и относительного уровня потребления. Однако, как и в других случаях, течение исторического процесса объяснялось совместным действием нескольких факторов, и окончательная победа дворянства была обусловлена тем, что демографический фактор действовал совместно с фактором внешних влияний.

После реформ Петра Великого модернизация по образцу Запада, или «вестернизация», стала постоянным фактором российской истории, и в данном случае «вестернизация» явственно проявлялась в характере требований дворянства. Главным требованием дворянства было освобождение от обязательной военной службы, и мотивация этого требования изложена в докладе Комиссии о вольности дворянства, созданной в 1763 году Екатериной II. Если будет подтверждено право дворян служить по своей воле, говорилось в докладе, то «тем уподобится российское дворянство всем просвещенным в Европе государствам»³²⁷.

Таким образом, в основной своей части дворянская программа следовала идее модернизации по европейскому образцу; это была новая волна модернизации, связанная с победами Фридриха Великого.

Реформы «короля-философа» Фридриха II создали из Пруссии образец просвещенной монархии и «регулярного государства», о котором мечтал Петр I. Среди поклонников прусского короля был и наследник русского престола, сын голштинского герцога Карла Фридриха и дочери Петра I Анны, Карл-Петер, которого в России называли «Петром Федоровичем». Став императором Петром III, Карл-Петер заключил союз с Фридрихом II и попытался ввести в России прусские порядки: наладил дисциплину в государственных учреждениях, ввел в армии прусскую форму и прусскую мушкетерскую, разрешил вывоз хлеба, ликвидировал Тайную канцелярию и запретил пытки. Немцы вновь заполнили императорский двор, из ссылки вернулись Миних и Бирон. Император конфиденциально советовался с Фридрихом II о возможности введения в России протестантской религии – причем прусский король выражал опасения относительно возможных последствий. Тем не менее, Петр III конфисковал церковные имущества и, в духе свободы вероисповедания, прекратил преследование старообрядцев. 19 февраля 1762 года Петр III подписал «Манифест о вольности дворянства», даровавший русскому дворянству ту привилегию, которой уже давно обладало немецкое дворянство – свободу от обязательной службы³²⁸.

«По существу, своими законодательными актами он совершил революцию в системе социальных отношений России, – пишет А. Б. Каменский, – в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу»³²⁹.

Таким образом, реформа Петра III означала *социальную революцию*. В контексте демографически-структурной теории эта реформа являлась *трансформацией структуры* «государство-элита-народ»: она качественным образом меняла отношения государства и элиты. Элита освобождалась от служебных обязанностей по отношению к государству и приобретала относительную независимость. Освобождение дворянства означало ликвидацию государства, господствовавшего над сословиями и регламентировавшего их положение в своих целях, – то есть ликвидацию этатистской монархии. Новая монархия уже не могла приказывать дворянству: как только Петр III попытался навести дисциплину в дворянской гвардии, он был сразу же свергнут.

Орудием дворянской гвардии на этот раз стала жена Петра III, Екатерина. Немка, воспитанная на произведениях французских философов, она, тем не менее, была вынуждена проводить политику русского дворянства. Посаженная на престол гвардейцами, пишет В. О. Ключевский, «Екатерина чувствовала себя на углях». В разговоре с иностранным послом она сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и травят со всех сторон³³⁰. Заговоры следовали один за другим. В 1772 году (после девяти лет правления), узнав об очередном заговоре в гвардии, императрица перепугалась до такой степени, что бежала из столицы в Финляндию, а когда заговорщики были арестованы, не посмела казнить никого из них³³¹.

Роль Екатерины II в значительной мере была сведена к тому, чтобы ублажать дворянство землями, деньгами и привилегиями. При вступлении Екатерины на престол помещикам было роздано 18 тыс. крестьян, а всего за время царствования – более 850 тысяч³³². Манифест о Генеральном межевании 1765 года объявил помещикам, что им «всемилоостивейше жалуются и утверждаются» самовольно захваченные ими государственные земли, если они «поллобовно только между соседями своими разберутся»³³³. В 1763 году были введены новые административные штаты, предусматривавшие специализацию служащих и резкое увеличение окладов; жалование стали платить и тем служащим, которые прежде питались «от дел». В итоге расходы на содержание администрации в начале правления Екатерины увеличились до 8 млн. руб. (40% расходов бюджета); они продолжали расти и далее, так что к концу правления содержание чиновничества обходилось дороже содержания армии³³⁴. В 1775 году административная реформа была продолжена, было установлено новое административное деление и учреждена губернская администрация с отдельными финансовыми и судебными учреждениями; новые суды были сословными: отныне дворяне имели свой суд с выборными заседателями. Власть на нижнем, уездном уровне была передана в руки дворян, которые получили право выбирать уездного капитана-исправника. «Жалованная грамота дворянству» 1785 года оформила существование дворянских губернских корпораций, органами которых были дворянские собрания, избиравшие губернских и уездных предводителей дворянства, капитан-исправников и судебных заседателей. Статьи 11 и 24 «Жалованной грамоты» запрещали практиковавшие

в рамках поместной системы произвольные конфискации поместий, и устанавливали принцип, по которому дворяне получали право свободного распоряжения своими имениями. Это означало признание частной собственности дворян на землю. Незадолго до этого Екатерина II ввела в российское законодательство сам термин «собственность», сразу же принявший частноправовой характер. Таким образом, *вслед за освобождением дворян от службы была юридически оформлена приватизация дворянских имений, земли которых при существовании поместной системы считались государственными*. Сравнивая «Жалованную грамоту» с дворянской политической программой времен Елизаветы, можно сделать вывод, что к 1785 году все основные требования дворянства были удовлетворены Екатериной II и Петром III³³⁵.

Таким образом, в результате трансформации структуры, совершившейся в 1760-х годах, дворянство в значительной мере подчинило себе государственную власть. Как отмечалось выше, одной из причин этого конфликта был демографический дисбаланс, повлекший за собой оскудение дворянства, – та же причина, что толкала дворянство к «рокошам» 1640-х годов. Этот дисбаланс продолжал ухудшаться и далее, по данным В. М. Кабузана удельный вес дворянства в населении страны постоянно рос; в 1744 году он составлял на территориях, вошедших в первую ревизию, 0,50%, в 1762 году – 0,59%, в 1795 году – 0,68%³³⁶. Число крепостных крестьян, приходившихся на одного дворянина, постоянно уменьшалось, а число обедневших дворян – росло, что подталкивало их к попыткам увеличить ренту.

Но помимо демографического фактора, действовал и диффузионный фактор, проявившийся в подражании русского дворянства европейским, и в частности, немецким, порядкам. Пруссия и Австрия в этот период были странами, где дворянство формально было свободно от служебной повинности, где оно обладало собственностью на свои земли, где господствовало крепостное право и барщинная система. Очевидно, некоторую роль сыграл и случайный фактор, проявившийся в династических кризисах, наступивших после смерти Петра Великого, а затем – после смерти императрицы Анны. Династический кризис способствовал ослаблению самодержавия, и, в конечном счете, этот кризис привел на русский престол немецкого принца Карла-Петера, стремившегося ввести в России порядки Пруссии Фридриха Великого.

3.5.2. Перераспределение ресурсов в пользу элиты

Трансформация структуры означала радикальное перераспределение ресурсов в пользу дворянства. Государство было вынуждено поступиться в пользу дворянства значительной частью ренты, которую оно собирало с помещичьих крестьян в виде подушного налога. Как отмечалось выше, огромная эмиссия медных денег во время Семилетней войны вызвала инфляцию и двойной рост цен. Соответственно, реальная величина подушной подати уменьшилась в два раза, и государственный бюджет понес

большие потери. Однако Екатерина не осмелилась увеличить подать, чтобы компенсировать потери – в результате государственная доля ренты с крестьян сократилась, и это дало возможность помещикам увеличить свою долю – произошло то, чего давно добивались помещики (см. рис. 3.7). Но инфляция продолжалась и далее, к 1794 году подушная подать уменьшилась по сравнению с 1750-ми годами более чем в четыре раза. Государственные доходы с крепостных крестьян были отданы помещикам. График на рис. 3.7 иллюстрирует этот кардинальный результат совершившейся социальной революции: до 50-х годов кривые государственной и частной ренты с крепостных крестьян идут параллельно, но затем они расходятся: государственная рента убывает, а помещичья растет, поглощая те ресурсы, которые раньше принадлежали государству.

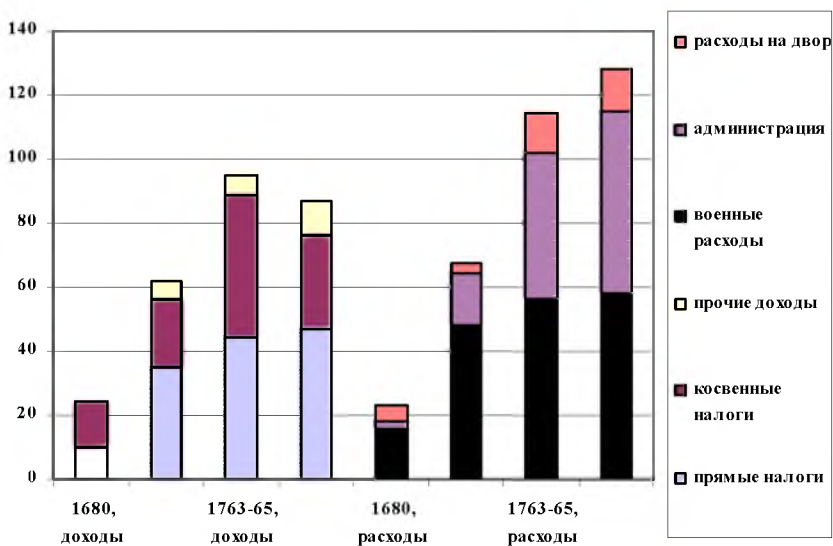

Рис. 3.4. Доходы и расходы государственного бюджета в 1680-1794 годах (в пересчете на хлеб, млн. руб.)³³⁷

Таким же образом обстояло дело и в сфере косвенных налогов. Сразу же после захвата власти Екатерина в демагогических целях понизила цену на соль с 50 до 40 коп.; после восстания Пугачева последовало новое понижение – до 35 коп. В условиях инфляции это привело к тому, что продажа соли стала убыточной, то есть соляная пошлина прекратила существование, и деньги, которые крестьяне платили за соль, достались помещикам.

Правительство пыталось компенсировать свои потери дальнейшим повышением пошлины на вино, но столкнулось с огромным ростом нелегальной «корчемной» торговли³³⁸. Поскольку вино корчемникам продавали

дворяне, то Екатерина не осмеливалась принимать решительные меры к искоренению нелегальной торговли; в результате, несмотря на рост населения, доход от винных откупов в 1791-1794 годах сократился по сравнению с 1750-ми годами в полтора раза³³⁹.

Более того, вслед за ликвидацией хлебной монополии при Петре III в правление Екатерины II были уничтожены почти все оставшиеся торговые и промышленные монополии государства. Доходы от этих монополий были переданы в частные руки – то есть в значительной степени в руки дворянства³⁴⁰.

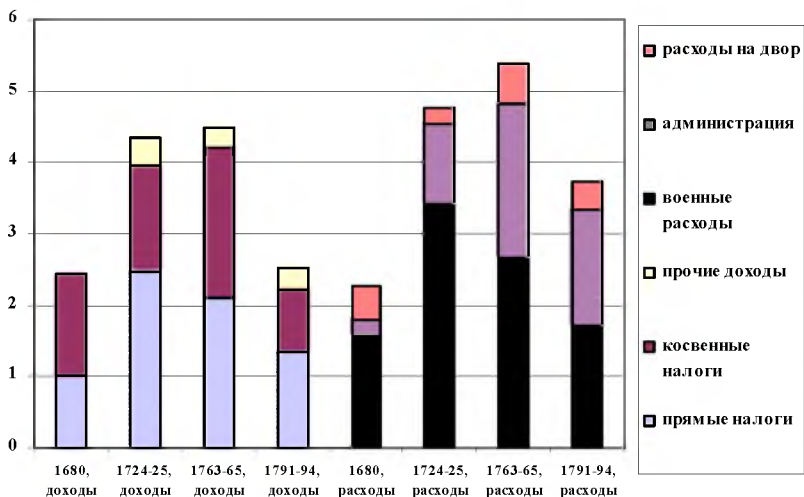

Рис. 3.5. Доходы и расходы бюджета в расчете на душу населения (в пудах хлеба).

Символом бессилия Екатерины II была ее финансовая политика. Не смея компенсировать потери от инфляции повышением налогов, Екатерина покрывала огромный дефицит бюджета печатанием бумажных денег, ассигнаций. Естественно, это вызывало огромный рост цен – за время правления Екатерины цены возросли в три раза. Рост цен обесценивал реальные доходы бюджета, и правительство восполняло недостаток печатанием новых ассигнаций – это был порочный круг, который удалось разорвать лишь Николаю I.

Таким образом, Екатерина II отдала дворянству власть на местах и большую часть государственных доходов. По существу, это был демонтаж некогда могущественной государственной машины, созданной Петром Великим, *демонтаж механизмов этатистской монархии*. В хлебном исчислении доходы государства в расчете на душу населения уменьшились вдвое, и в целом, несмотря на то, что население возросло в 1,7 раза, доходы в конце правления Екатерины были меньше, чем в его

ды в конце правления Екатерины были меньше, чем в его начале! Сокращение доходов притом, что все большая часть их уходила на двор и чиновников, должно было привести к сокращению расходов на армию. Диаграмма на рис. 3.5 наглядно показывает, как в послепетровские времена вместе с прямыми налогами уменьшались душевые расходы на армию. При Петре I численность армии составляла 1,56% от численности населения, при Екатерине II этот показатель снизился до 0,83% – в то время как в Австрии он составлял 1,04%, а в военизированной Пруссии – 3,45%³⁴¹.

Однако дело было не только в относительном уменьшении армии, но и в ее разложении. Коррупция стала еще одним способом перераспределения доходов в пользу элиты. Екатерина не смела контролировать своих генералов и полковников, и, пользуясь этим, они присваивали деньги, отпускаемые на содержание полков. «Несколько полковников признались мне, что каждый год получают от трех до четырех тысяч рублей со своих полков», – свидетельствует французский посол Сегюр. Князь Цицианов, приняв полк от своего предшественника, писал, что довольствие расхищается и не доходит до солдат, что «ротные командиры избалованы и считают роту за деревню»³⁴². Расхищали и самих солдат: полковники отправляли рекрутов в свои деревни, и они навсегда исчезали из армии. Князь Г. А. Потемкин присвоил себе целый рекрутский набор; по словам канцлера А. А. Безбородко, в 1795 году было 50 тысяч «растасканных» солдат³⁴³. При проверках на смотр вывели не более половины от списочного состава полков, три четверти офицеров числились на бумаге. Среди знати распространилась практика, когда в полки записывали малолетних детей, и, подрастая, они «выслуживали» очередные офицерские чины. В армии было много 20-22 летних полковников и даже генералов, в то же время заслуженные офицеры не получали повышения³⁴⁴. Наивысшей степени разложение достигло в гвардейских частях, где числилось 20 тысяч мнимых сержантов и унтер-офицеров, а офицеры годами не показывались в полках. «Гвардия – позор и бич русской армии», – писал граф Ланжерон³⁴⁵.

Подобное разложение отмечалось и в среде чиновничества. «Судии во всяких делах стали стараться... лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль», – свидетельствует князь М. Щербатов³⁴⁶. «В 20 последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления пришли в упадок... – докладывал в 1797 году прусский посол генерал Гребен. – Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в попойках и игре... Отсюда происходило взяточничество в обширных размерах... отсюда же происходили бесчисленные злоупотребления...»³⁴⁷ «Внутри страны происходят ужасы, – писал Ф. В. Растопчин. – Никогда еще преступления не были так наглы, как ныне. Безнаказанность и дерзость дошли до крайнего порядка. Один Рибас ворует более 500 тысяч рублей в год»³⁴⁸. Пушкин подытожил это разложение одной фразой: «Развратная государыня развратила свое государство».

Таким образом, трансформация структуры, произошедшая в 1760-х годах, привела к радикальному перераспределению доходов в пользу дво-

рянства и в ущерб государству, к ослаблению государства и разложению государственного аппарата.

3.5.3. Динамика народа: отягощение крепостничества

Суть трансформации структуры 1760-х годов заключалась не только в «освобождении» дворян и перераспределении доходов – ее обратной стороной было отягощение крепостного состояния крестьян. По словам И. Д. Беляева, манифест 1762 года «окончательно порешил судьбу крестьян и обратил их в полную исключительную собственность помещиков»³⁴⁹. В. О. Ключевский также говорит о том, что крестьяне стали «частной собственностью помещика», а помещики превратились в «рабовладельцев»³⁵⁰. Обессилевшая монархия уже не могла регулировать отношения между сословиями и защищать крестьян от притязаний помещиков. В 1765 году Екатерина II предоставила помещикам право без суда и следствия отправлять своих крестьян на каторгу, то есть применять наказание, которое давалось только за самые тяжкие уголовные и государственные преступления. В 1767 году крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков, и попытки обращения за справедливостью стали квалифицироваться как преступления.

Иногда утверждается, что крестьяне и раньше не имели права жаловаться на помещиков, что этот запрет был введен еще Уложением 1649 года³⁵¹. Однако это не так. Уложение (II.13) запрещает принимать «изветы» т. е. доносы крестьян на владельцев, исключая случаи государственных преступлений. Но «челобитная», т. е. жалоба не была «изветом», и до Екатерины II такие челобитные принимались, хотя часто не имели хода в низших инстанциях. Со времен Петра указы запрещали подачу жалоб государю в обход инстанций. Указ 19 января 1765 года назначал уголовные наказания за подачу прошений на Высочайшее имя. Указ 22 августа 1767 года запрещал подачу крестьянских челобитных не только императрице, но и в другие инстанции. Составителям и подателям челобитных грозило наказание кнутом и бессрочная ссылка на каторгу в Нерчинск с зачетом помещику рекрута³⁵².

Помещики прямо называли своих крестьян рабами – и сама Екатерина называла их рабами в Наказе Уложенной комиссии³⁵³. Когда известный поэт А. П. Сумароков стал возражать, утверждая, что «между крепостным и невольником есть разность: один привязан к земле, а другой – к помещику», Екатерина воскликнула: «Как это сказать можно, отверзните очи!»³⁵⁴ Однако желание «прилично выглядеть» перед Европой побудило императрицу в 1786 году запретить использовать слово «раб» по отношению к своим подданным – хотя в секретных документах и частных беседах императоры часто называли крестьян рабами³⁵⁵. Ввиду цензурных требований русские историки были вынуждены избегать упоминаний о рабстве и называли помещичьих крестьян «крепостными». Приглашенный преподавать в Харькове немецкий профессор Шад осмелился написать (на латинском языке) книгу, в которой клеймил рабство – и был немедленно выслан из России³⁵⁶. Академик А. К. Шторх, в начале XIX века упорно доказывавший тождество «крепостных» и рабов, так и не смог опубликовать своих работ на русском языке³⁵⁷. Впоследствии на тождество «крепостных» и рабов указывали некоторые либеральные историки, в том числе П. Б.

Струве³⁵⁸. Однако В. И. Ленин заявил, что феодальный строй России отличался от рабовладения именно тем, что при нем «крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина как вещи»³⁵⁹. Поэтому историки-марксисты в подавляющем большинстве отрицали рабовладельческий характер крепостного строя. Лишь немногие из них осмеливались противоречить В. И. Ленину. «Но во второй половине XVIII века помещики не случайно называли своих крестьян рабами, – писал М. Т. Беляевский. – Они продавали крестьян без земли и в розницу... Крепостной не мог вступить в брак без согласия помещика... Но помещик не только определял семейные отношения крестьян. Он безнаказанно бесчестил их жен и дочерей, создавая настоящие крепостные гаремы и возрождая отвратительные нравы рабовладельцев в отношении своих рабынь. Неограниченный произвол помещиков, простиравшийся на экономическую деятельность крестьянина, его юридическое положение, его имущество, личность и семейные отношения был юридически оформлен и узаконен...»³⁶⁰

Что же касается зарубежных историков, то тождество русского крепостничества и рабства не вызывает у них сомнений – в качестве примера можно привести труды П. Колчина, М. Раева, А. Лентина, Дж. Блома, Б. Муравьева, Е. Домара, Э. Хобсбаума и многих других авторов³⁶¹. М. Раев пишет, что не только экономическое положение рабов, но и их юридическое состояние было ужасным³⁶². Дж. Блом отмечает, что законы Екатерины II низвели положение крестьян «до уровня правового статуса американских негров»³⁶³. Б. Муравьев квалифицирует социальную систему, «характеризуемую свободой дворянства от обязательной службы и рабским положением крепостных» как «наиболее одиозную форму государственности» и называет ее «социальным феодализмом»³⁶⁴. В российской историографии это общество обычно называют «дворянской монархией»; этот термин передает лишь одну сторону господствовавших в то время социальных отношений – но мы будем им пользоваться в силу сложившейся традиции.

Таким образом, трансформация структуры в 1760-х годах привела к резким изменениям в отношениях элиты и простого народа, к крайнему отягощению крепостничества, принявшего формы, близкие к рабству.

3.5.4. Вестернизация и рост потребностей дворянства

Как отмечалось выше, в первой половине XVI века наблюдался быстрый рост численности элиты, который, в соответствии с демографически-структурной теорией, должен был вызвать усиление давления дворянства, как на крестьян, так и на государство. Но это был лишь один из факторов, вызвавших трансформацию структуры в 1760-х годах. Другим фактором, действовавшим в том же направлении, была вестернизация, проявлявшаяся не только в стремлении дворянства приобрести права своих западных собратьев, но и в стремлении заимствовать европейский образ жизни, европейскую роскошь.

Многие историки настаивают на том, что стремление к роскоши было связано именно с модернизацией по европейскому образцу, с «вестернизацией», желанием не отстать от европейских дворян³⁶⁵. О неприхотливости русской знати в допетровскую эпоху писали многие иностранные путешественники. «Как бы русский не был знатен, он вовсе неприхотлив, – писал Я. Стрейс. – Самая обычная его пища: каша, горох, кислая капуста, соленая рыба, ржаной хлеб...»³⁶⁶ В прежние времена, писал князь М. Щербатов, «не токмо подданные, но и государи наши вели жизнь весьма простую», но Петр Великий, подражая «чужестранным народам», ввел асамблеи и роскошные чужестранные одежды³⁶⁷.

Роскошь русского двора стала бросаться в глаза при императрице Елизавете. По заказу Елизаветы знаменитый итальянский архитектор Растрелли построил два дворца, способных соперничать с Версалем: Зимний дворец в Петербурге и Большой дворец в Царском Селе. «Капители колонн, фронтоны, наличники окон, даже статуи вдоль верхней балюстрады дворца – все было позолочено», – писал Растрелли³⁶⁸.

Екатерина II намного превзошла в роскоши свою предшественницу. «Роскошь и блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собой великолепие других дворов», – писал английский путешественник У. Кокс³⁶⁹. Расходы на двор достигли 11% государственного бюджета. По закону императрица могла расходовать на нужды двора лишь доходы с дворцовых крестьян, составлявшие в то время 3,6% бюджета, – но императрица не стеснялась нарушать закон³⁷⁰.

Дворянство следовало примеру императорского двора. «Примеры таковые не могли не розлиться на весь народ, – писал князь Щербатов, – и повсюду роскошь и сластолюбие умножились. Дамы стали великолепно убираться и стыдились неанглийские мебели иметь; столы учинились великолепны и повары... стали великие деньги в жалованье получать... Вины дорогие и до того незнаемые не токмо в знатных домах вошли в употребление... Роскошь в одеждах все пределы превзошла... и в таком множестве, что часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого придворного...»³⁷¹

Е. И. Марасинова отмечает, что соперничество в роскоши среди высшей знати было санкционировано самой императрицей Екатериной II и что среди рядового дворянства «умеренная роскошь» считалась не прихотью и не расточительством, а уровнем, ниже которого не позволяло опускаться достоинство дворянина³⁷².

Стиль нового образа жизни задавало гвардейское офицерство – цвет дворянства, окружавший двор императрицы. Екатерининский гвардеец должен был ездить в карете, запряженной шестеркой лошадей, иметь несколько роскошных мундиров, ценой не менее 120 рублей каждый, и десяток-другой лакеев и слуг (у выходцев из богатых семей число слуг достигало 500). В гвардии сформировались определенные нормы престижного потребления, например, за обедом было положено выпивать не менее двух бутылок настоящего шампанского. «Жить не просто в долг, но жить не по

средствам было нормой в гвардейской среде, – пишет Ю. А. Сорокин. – Более того, такой образ жизни стал модным и считался единственно правильным для дворянина»³⁷³. «В столице без долгу никто не живет», – свидетельствует Д. И. Фонвизин³⁷⁴.

Прежде, отмечал П. И. Рычков, лучшие люди жили в своих домах умеренно и бережно, теперь же молодые помещики выстраивают себе богатые дома, роскошно убирают их и заводят немалое число официантов и ливрейных служителей. Лет двадцать тому назад знатные и заслуженные дворяне имели при себе по два, по три человека, а теперь их дети и наследники предаются всевозможным излишествам, не жалея себя икрянкнпн³⁷⁵.

«Лет 70 назад, – писал в 1856 году историк и философ Ю. Ф. Самарин, – владельцы значительных имений мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком... Они управляли своими вотчинами издали... оставляя в покое крестьян... Этот порядок вещей изменился постепенно под совокупным действием многих причин. Имения быстро дробились и с каждого нового раздела средства владельцев уменьшались, а потребности, как существенные, так и искусственные, порожденные непомерным развитием роскоши, не только не ограничивались, но и возрастали в изумительной прогрессии... Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы... и для достижения этих целей, естественно, избрали самое сподручное и дешевое средство: заведение барщины»³⁷⁶.

Таким образом, демографический фактор, дробление хозяйств, в сочетании с диффузионным фактором, заимствованным из Европы стремлением к роскоши, стали причиной резкого увеличения ренты и отягчения крепостного права. Другой вывод, который можно сделать из вышеизложенного материала, заключается в том, что трансформация структуры включала в себя не только изменение отношений элиты с народом и государством, но и изменение менталитета элиты.

Охватывая дворянство страсть к роскоши была связана также с развитием внешней торговли и широким рыночным предложением западных изделий. За время правления Екатерины ввоз увеличился почти в пять раз: с 9,3 млн. руб. в 1763-1765 годах до 41,9 млн. руб. в 1796 году. Первое место среди ввозимых товаров занимал сахар (5,6 млн. руб.), затем шли тонкие сукна (3,9 млн. руб.), хлопчатобумажные ткани (2,6 млн. руб.), шелка, вина, фрукты и т. п. «Ввоз носил исключительно потребительский характер для удовлетворения потребностей высших классов», – отмечал П. И. Лященко³⁷⁷.

Ф. Бродель, акцентируя этот аспект проблемы, цитирует памятную записку неизвестного русского автора, поданную в правительство в 1765 году. Автор записки рекомендовал по примеру Китая закрыть страну для ввоза иностранных предметов роскоши. Если такой роскоши суждено продолжаться, предупреждал автор, то она станет причиной «разорения земледельчества»³⁷⁸. А. Кахан приблизительно подсчитал «цену вестернизации», то есть стоимость расходов, которые платило русское дворянство за

западную роскошь, а также за западный стиль жизни, путешествия в Европу и за образование, сводившееся по преимуществу к изучению французского языка. По оценке американского исследователя эти расходы в 1793-1795 годах в среднем составляли ежегодно не менее 18 млн. руб. и отличались более 35% дохода помещичьих хозяйств; такие расходы были непосильны более чем для половины помещиков. Отсюда следует, заключает А. Кахан, что вестернизация была мощным стимулом, заставлявшим помещиков искать пути увеличения своих доходов³⁷⁹.

В то же время необходимо отметить, что стремление к роскоши характерно для правящих классов во все времена и его нельзя полностью приписать влиянию вестернизации. Русская роскошь имела и восточные оттенки, и это проявлялось, в частности, в огромном количестве слуг. «Число крестьян, которых употребляли для домашнего услужения было так велико, что в других странах не могут себе этого и представить», – писал академик А. К. Шторх³⁸⁰. У богатого помещика Головина было 300 человек дворни, у графа Орлова – не менее 500 слуг, у графа Разумовского – 300 человек в Батурине, 190 в петербургском доме и т. д. А. К. Шторх объяснял эту «восточную роскошь» наличием крепостного права, то есть дешевой поддержкой крепостных слуг³⁸¹. Таким образом, вызванное в значительной степени вестернизацией стремление к роскоши порождало отягчение крепостничества, а крепостничество, в свою очередь, способствовало усилению роскоши – имела место «автогенерация», которая, с одной стороны, побуждала помещиков еще более усиливать эксплуатацию крепостных, а с другой стороны, доводила их стремление к роскоши до абсурда.

3.5.5. Начало товарного барщинного хозяйства

Один из путей перераспределения ресурсов в пользу элиты заключался в интенсификации и расширении вотчинного хозяйства. Для этого, прежде всего, требовались соответствующие земельные ресурсы. Во время Генерального межевания Екатерина II постаралась удовлетворить это требование дворянства, и передала помещикам огромные массивы государственных земель – в числе этих земель были и еще неосвоенные степные просторы Черноземья. Это дало толчок к развитию помещичьего предпринимательства. «Началась земельная лихорадка, которая охватила большинство дворянства», – отмечает А. Кахан³⁸². «Никогда такого хода на землю не было, как теперь, – свидетельствует агроном А. Т. Болотов, – все хватают себе земельки и рвут, и едва только успевают отсыпать денежки»³⁸³. Во главе хозяйств теперь становились наиболее опытные, энергичные члены дворянских семейств; как писал Болотов, «все лучшее тогда в армии российское дворянство, а не те престарелые старики и старушки»³⁸⁴.

Возрастающий интерес помещиков к предпринимательству был отмечен появлением в середине XVIII века ряда помещичьих инструкций, предусматривающих организацию товарного барщинного хозяйства – в частности, известных инструкций Татищева и Румянцева. В 1765 году было создано Вольное экономическое общество, основной целью которого была

выработка наиболее эффективных методов ведения барщинного хозяйства и подготовка наставлений для управителей латифундий. В 1769-1770 году появилось несколько таких наставлений, в том числе «Наказ управителю» лифляндского помещика барона Вольфа, «Наказ для управителя или приказчика» П. Рычкова и «Инструкция управителям и приказчикам имений» А. Т. Болотова. «Наказ» П. Рычкова дает представление о степени развития барщинного хозяйства: уже в то время многие помещики отводили на барщину четыре дня, оставляя для обработки крестьянских полей так мало времени, что крестьяне были вынуждены нарушать церковные заповеди и работать по воскресеньям. Помещики, которые забирали на барщину три дня и давали крестьянам отдохнуть в воскресенье, считались «умеренными». П. Рычков рекомендовал норму барщины, которая в пересчете на душу составляла 0,8 десятины, максимально – 1,2 дес.³⁸⁵ Как мы увидим далее, норма в 0,8 десятины, действительно, стала обычной в 80-х годах.

В «наказах» детально описывается организация барщинных работ не только в полеводстве, но и в садоводстве, винокурении и других областях; при этом подчеркивается товарная ориентация хозяйства на производство хлеба и хлебного вина (то есть водки)³⁸⁶. Винокурение было частью барщинного хозяйства, и барщинный бум сопровождался винокуренным бумом. «Бесчисленное множество корыстолюбивых дворян... – писал А. Т. Болотов, – давно уже грызли губы и зубы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли... Повсюду началось копанье и запруживание прудов... и воздвигание огромных винных заводов...»³⁸⁷

Как известно, в ряде стран Восточной Европы, в частности, в Польше, помещики, принимавшие участие в торговле через своих управляющих, обменивали произведенный в барщинных фольварках хлеб на западные предметы роскоши, и этот обмен служил непосредственным стимулом к распространению барщины и отягчению крепостничества³⁸⁸. Некоторые авторы проводили аналогию между процессом становления крепостничества в России и Восточной Европе, акцентируя роль экспортной торговли хлебом³⁸⁹. Действительно, русские помещики проявляли заинтересованность в налаживании хлебного экспорта, и отмена ограничений на экспорт стала одним из следствий революции 1762 года. Однако транспортные условия в то время не позволили наладить широкий вывоз хлеба из России. Лишь в немногих доступных для мирового рынка районах страны (в частности, на Смоленщине) получили развитие ориентированные на экспорт барщинные экономии³⁹⁰. В 1790-х годах среднегодовой экспорт хлеба из России составлял лишь 2,5 млн. пудов, тогда как из Польши только через Данциг экспортировалось 170 тыс. лаштов, то есть примерно 23 млн. пудов. По некоторым оценкам, общая масса продаваемого хлеба в России составляла в это время около 140 млн. пудов, таким образом, на экспорт шло лишь около 5% товарных поставок³⁹¹.

Если в Польше барщинные хозяйства непосредственно работали на внешний рынок и производимый в них хлеб питал перенаселенные страны Западной Европы, то в России производимый помещиками хлеб потреб-

лялся ремесленниками и крестьянами перенаселенного Центрального региона. В обмен на этот хлеб население Центра производило некоторые предметы роскоши для помещиков и более простые товары для их двора, а так же лен, пеньку, полотно, которые обменивались на внешнем рынке на западные товары для дворян. Таким образом, торговля имела треугольный характер «Черноземье – Центр – Запад», и роль барщинных плантаций в этой торговле заключалась, в основном, в снабжении хлебом «промышленного» Центра.

Географическое расположение определило последовательность распространения барщинных плантаций: сначала они появились в Тульской и Рязанской губерниях. Далее на юг районы товарного земледелия формировались вдоль водных коммуникаций. Удобный путь сплавом по Оке превратил Орел в первую хлебную пристань Черноземья. В 1780-х годах более 200 судов ежегодно отправлялись от Орла вниз по Оке, доставляя в Центральный регион около 4 млн. пудов хлеба (по другим сведениям – 8 млн.)³⁹². Другой водный путь вел от пристани Моршанск вниз по реке Цне, а затем по Оке на Волгу. В 80-х годах по этому пути ежегодно вывозилось свыше 2 млн. пудов хлеба, выращенного в Тамбовской губернии. В связи с трудностью доставки большая часть пензенского хлеба, около 1 млн. пудов, расходовалась на винокурение; здесь располагались крупнейшие в России винокуренные заводы³⁹³. Но много и вывозилось: поток хлеба шел от Пензы по реке Сура до Волги, здесь у пристани Лысково к нему присоединялся поток зерна из Нижегородской губернии. У Нижнего Новгорода встречались караваны с хлебом, шедшие по Оке и Волге; через Нижний проходило свыше 4 тысяч судов, которые следовали вверх по Волге к Ярославлю и Рыбинской слободе. Нижегородский губернатор с гордостью называл свой город «внутренним Российского государства портом»³⁹⁴. Около 70 тысяч бурлаков собирались ежегодно в Нижнем, чтобы тянуть суда вверх по реке – это был один из основных промыслов волжских крестьян. Привозной хлеб питал ремесленный район Ярославля-Иваново, но большая его часть уходила дальше – на Петербург. Северная столица потребляла в общей сложности около 8 млн. пудов хлеба ежегодно³⁹⁵.

Таким образом, к 80-м годам XVIII века установился мощный поток хлеба в центральные губернии из крепостных поместий Северного Черноземья. Напротив, Южное Черноземье, Воронежская и Курская губернии, не имело удобной транспортной связи с Центром, поэтому товарное производство распространялось здесь сравнительно медленно; излишки зерна везли из этих районов на Украину, где их перерабатывали в водку³⁹⁶.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что барщинное хозяйство было вызвано к жизни не только стремлением помещиков увеличить свои доходы, но и относительным перенаселением Центрального района, которое создало рынок для барщинных плантаций. В этом сказывалась важная роль демографического фактора.

3.5.6. Динамика перераспределения ресурсов: рост ренты

Трансформация структуры, перераспределение ресурсов в пользу элиты и организация барщинного хозяйства означали резкий рост ренты. Организация товарного производства хлеба повлекла за собой быстрое расширение посевов в 80-90-х годах XVIII века: по различным губерниям Черноземья они увеличились в 1,5-2 раза³⁹⁷. Другим следствием был резкий рост оброков и барщины; сначала помещики увеличивали оброки, а на следующем этапе переходили к организации сложного барщинного хозяйства. Рост оброков был экономическим проявлением свершившейся социальной революции; он начался в 60-х годах с тех губерний, которые были ближе к Москве: уже в это время оброк в тульском имении гр. П. Б. Шереметева достиг 11 пудов на душу, а в имении кн. А. М. Голицына – 13 пудов с души. К 1776-1780 годам оброк в 13 пудов стал средним для крестьян двух южных уездов тульской губернии, Епифанского и Ефремовского³⁹⁸. На орловщине увеличение оброков началось в 70-х годах: еще в 1771 году в имении Д. М. Голицына оброк в пересчете на хлеб составлял 8 пудов с души, а в 1776-1780 годах средний оброк по Орловскому уезду достиг 17 пудов!³⁹⁹ Следующим шагом была организация барщинного производства. В 1768 году граф П. Б. Шереметев перевел крестьян своего тульского имения на барщину из расчета 1 дес. барской запашки на душу. Примерно такая же норма запашки установилась в 70-х годах в имениях Голицыных. В целом, данные по четырем черноземным уездам Тульской и Рязанской губерний говорят, что к 1780 году в барщинных хозяйствах на душу приходилось 0,8 десятины барской запашки – намного больше, чем в центральном регионе. Однако в Орловской и Тамбовской губерниях барщина еще не достигла таких размеров, как на рязанщине: она составляла 0,5 десятины на душу⁴⁰⁰.

Некоторые помещики не ограничивались организацией полевых барщинных хозяйств, «экономий»; они создавали в своих имениях мануфактуры, на которых работали крепостные крестьяне. Крупнейший пензенский землевладелец А. И. Полянский имел в своей вотчине полотняную мануфактуру с 25 рабочими, суконную мануфактуру с 19 рабочими, ковровую «фабрику» с 12 рабочими, два кирпичных завода, два винокуренных завода. На этих предприятиях были заняты постоянные рабочие из крепостных, которые получали месячину, а также и барщинные крестьяне, привлекавшиеся на фабрики в свободное от полевых работ время – преимущественно зимой. Молодой аристократ князь А. Б. Куракин завел в своем поместье полотняную, суконную мануфактуры и два винокуренных завода. Винокуренные предприятия были распространены повсеместно, и некоторые из них имели очень большие размеры, так, например, Чибирлеевский завод Воронцовых потреблял значительную часть зерна, произведенного в Саранском уезде – около 200 тысяч пудов в год⁴⁰¹.

Если в первой четверти XVIII века из 40 частных мануфактур только две принадлежали дворянам, то в 1773 году из 328 мануфактур дворяне имели 66, которые производили до трети всех товаров; в 1813-1814 годах

из 1018 предприятий 520 принадлежали дворянам⁴⁰². В значительной части это были мелкие вотчинные предприятия, однако имелись и крупные крепостные мануфактуры, в частности, в производстве сукон. Армия требовала большое количество сукна для мундиров, и производство сукон было одной из основных отраслей военно-промышленного комплекса, созданного Петром I. Это производство имело гарантированный сбыт и давало гарантированные прибыли, поэтому дворянство стремилось закрепить за собой эту отрасль предпринимательства – и, в конце концов, получило привилегии на поставку сукна для армии. В 1804 году существовало 155 дворянских суконных мануфактур, и 90% работников на этих мануфактурах были крепостными⁴⁰³. Помещики, писал Н. И. Тургенев, помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мальчиков, в жалкие лачуги и силой заставляли работать. «Я помню, с каким ужасом говорили крестьяне об этих учреждениях: они говорили: “в этой деревне есть фабрика”, так, как если бы говорилось “там есть чума”»⁴⁰⁴.

Создатели крепостных латифундий не знали меры в эксплуатации крестьян. Помещичьи инструкции полагали естественной работу крестьян по воскресеньям и праздникам – хотя прежде это считалось преступлением. Установленные инструкциями нормы барщины часто оказывались непосильными, у крестьян не оставалось времени для обработки своих полей. В 1775 году в шереметевской вотчине начался голод. «За неимением хлеба, а особливо в нынешний год по худому урожаю, – писали крестьяне Шереметеву, – большая половина крестьян кормится пополам с мякиною, а прочие, не имея у себя ничего, скитаются со всеми семьями по миру...»⁴⁰⁵. Шереметев был вынужден уменьшить барскую запашку до 0,8 десятины на душу. «Помилуйте, государь, мы уже из сил выбились, – жаловались крестьяне Полянского. – Воля твоя, хотя наши головы руби... хотя и не хочитца, да плакамши пойдем на чужую сторону»⁴⁰⁶.

Характерной иллюстрацией происходивших процессов может служить положение в пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское). В 1768 году оброк в имении был увеличен с 2 до 3 руб. с души мужского пола; это повышение было усугублено падением цен на хлеб, в результате, если в 1767 году с крестьян требовали оброк, эквивалентный 5 пудам хлеба с души, то в 1771-1772 годах, чтобы заплатить оброк, нужно было продать 12 пудов⁴⁰⁷. Крепостные Куракина, несмотря на массовые порки, четыре года отказывались платить повышенный оброк; в конце концов, они присоединились к повстанцам Пугачева и разгромили усадьбу помещика. Когда пришли каратели и восстание было подавлено, в Архангельском был установлен вотчинный полицейский режим: все крестьяне были разделены на группы в 25-30 человек во главе с десятским. Десятский получил право наказывать своих крестьян за посещение чужого «десятка», нерадивость, непосещение церкви и т. д.; было запрещено уходить из вотчины даже на несколько часов. Только так удалось заставить крестьян платить оброк, который к 1782-1784 году достиг в пересчете на хлеб 15 пудов с души⁴⁰⁸.

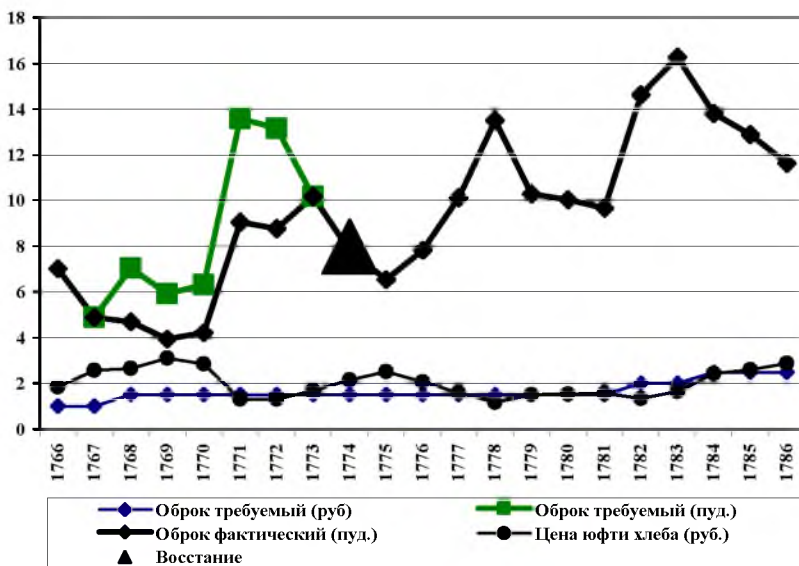

Рис. 3.6. Динамика душевого оброка в Пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское)⁴⁰⁹.

В контексте демографически-структурной теории резкое перераспределение ресурсов в пользу элиты означало значительное сужение экологической ниши народа – несмотря на то, что земли на Черноземье было достаточно. Сужение экологической ниши привело к падению потребления и, в теории, могло привести к голоду и кризису наподобие тех кризисов, которые раньше происходили вследствие перераспределения ресурсов от народа к государству.

3.5.7. Динамика структурных отношений: крестьянские восстания

Основным содержанием социальных сдвигов, произошедших в структуре «государство-элита-народ» в середине XVIII века, было подчинение государства элитой, перераспределение ресурсов государства и народа в пользу элиты и резко усилившееся давление элиты на народ с целью его подчинения и порабощения. Народ, естественно, оказывал сопротивление отягчению крепостничества. Самой распространенной формой сопротивления крестьян было бегство. Поскольку донские казаки перестали давать убежище беглецам, то усилилось бегство за границу; в 1767 году смоленские дворяне заявили, что в Польшу бежало 50 тысяч крепостных со смоленщины⁴¹⁰. Участились и крестьянские волнения; в 1756-1760 годах происходили выступления монастырских крестьян, давшие Петру III повод к секуляризации монастырских земель. Когда Екатерина II приостановила секуляризацию, волнения приняли еще более широкий характер. По сведе-

ниям Н. Л. Рубинштейна, в 1762-1769 годах имело место 73 крестьянских выступления⁴¹¹. Императрица с тревогой писала, что 150 тысяч монастырских и помещичьих крестьян находятся в явном возмущении и предписывала войскам использовать пушки, действовать против крестьян «как против неприятеля». После того как монастырские крестьяне стали государственными, распространился слух, будто Петр III хотел сделать государственными и помещичьих крестьян, и именно за это он был убит дворянами. В 1773 году казак Емельян Пугачев объявил себя «императором Петром Федоровичем» и поднял на восстание казаков и крестьян на Яике. Повстанцы убивали дворян, выступая под лозунгами крестьянской свободы и возвращения к старым московским порядкам. Пугачев говорил, что в случае победы он прикажет всем держаться старой веры, носить русское платье и запретит брить бороды⁴¹².

31 июля 1774 года «император Петр III» именованным указом пожаловал крепостных крестьян «вольностию и свободой» и призвал их «казнить и вешать» своих господ. Тому, кто убьет помещика, обещали 100 рублей, тому, кто убьет 10 помещиков – 1000 рублей и генеральский чин. Ненависть к господам была такова, что восставшие вырезали дворян вместе с семьями. Во время восстания было убито в общей сложности около 1600 помещиков, включая их жен и детей, около 1 тысячи офицеров и чиновников и больше 200 священников – уже тогда официальные священники воспринимались повстанцами как «продавшие Христа» прислужники власти. Правительство Екатерины, в свою очередь, «наводило порядок» самыми жестокими методами, оно воскресило самые изуверские и уже забытые виды казни – такие, как колесование, четвертование, повешение за ребро на крюк и т. д.⁴¹³

В конечном счете, повстанцы были разбиты, и подавление восстания сделало возможным дальнейшее повышение ренты (см. рис. 3.6). Однако возникает естественный вопрос: почему сопротивление крестьян не привело, как это было в начале XVII века (и в 1670-х годах) к отступлению дворянства и уменьшению ренты? Очевидно, изменилось соотношение сил между борющимися сословиями, между крестьянством и дворянством. В начале XVII века крестьяне действовали вместе с казаками и даже с частью дворян; они неоднократно одерживали победы над правительственными войсками. В 1773-1774 годах крестьяне тоже действовали вместе с казаками, но, как правило, терпели поражение даже при очень большом численном превосходстве. Дворянство одержало победу с помощью регулярной армии, созданной Петром I, – и, следовательно, причиной его превосходства над народом, в конечном счете, были, во-первых, мощь новой армии и нового оружия, и, во-вторых, подчинение дворянами государства, которому принадлежали эта армия и это оружие.

Таким образом, выявляется существенная роль технического фактора, определившего полное преобладание профессиональной армии над многочисленными, но плохо вооруженными и необученными повстанцами. Но более выпуклой становится также и роль обстоятельств, которые позволи-

ли элите овладеть государством и армией, в частности, роль гвардейских полков в событиях 1741 и 1762 годов (и, забегая вперед, в событиях 1801 года). Речь идет о степени влияния элиты на офицерский корпус армии, о том, может ли это влияние превосходить влияние государства, которому формально принадлежит армия. Влияние государства на армию определяется, прежде всего, авторитетом монарха: мы видим, что при всем недобольстве дворянства гвардия покорно подчинялась не только Петру I, но и Анне Иоанновне. Но конечно, влияние государства на армию резко падало, когда на престоле волею случая оказывался ребенок или плохо говоривший по-русски иностранец. В конечном счете, мы приходим к выводу о важной роли династических кризисов и обеспечения преемственности власти в монархических государствах – к вопросу, важность которого так хорошо понимал Петр I, так и не сумевший его разрешить.

3.5.8. Кризис 1787-1788 годов и уменьшение ренты

Трансформация структуры и резкое перераспределение ресурсов в пользу дворянства привели к сокращению экологической ниши народа. Так же как в 1560-х, 1590-х и 1710-20-х годах чрезмерное изъятие ресурсов было чревато большим голодом и демографическим кризисом.

Необходимо отметить, что во второй половине XVIII века почвы на Черноземье понемногу истощались и урожайность падала, в 80-90 годах она уменьшилась до сам-3,9. По данным губернаторских отчетов средний чистый сбор в начале 80-х годов составлял в Орловской губернии 43 пуда на душу, затем он уменьшился и в среднем за 80-90-е годы был равен 32 пудам. Примерно таким же был чистый сбор в конце века в Тульской и Рязанской губерниях⁴¹⁴. За вычетом необходимых для потребления 15 пудов на оброк и налог остается 17 пудов – как отмечалось выше, именно таким был уровень ренты в Орловском уезде в начале 80-х годов, и, таким образом, у крестьян не оставалось никаких запасов зерна. Л. В. Милов указывает, что помещики буквально «выдирали» прибавочный продукт их крестьянских хозяйств⁴¹⁵. В случае неурожая такое положение было чревато голодом, и действительно, за плохим урожаем 1785 года последовал неурожай 1786 года, и в следующем, 1787 году, разразился голод невиданной прежде силы. По свидетельству князя М. М. Щербатова, голод произошел от «недостатка запасного хлеба и уменьшения доброты» земель⁴¹⁶. Крестьяне Юсуповских вотчин в Нижегородской губернии писали, что «запасного старого хлеба у нас... ни у едина человека не имеется»⁴¹⁷. В ряде губерний (например, в Калужской) отсутствие запасов привело к тому, что осенью 1787 и весной 1788 года крестьяне не имели зерна на посев, поля не были полностью засеяны, поэтому урожай 1788 года был скудным и голод продолжался до осени 1789 года – то есть более двух лет⁴¹⁸. Характерно, что в наибольшей степени пострадали черноземные губернии, где прежде голодовки и неурожай были большой редкостью⁴¹⁹, а теперь непомерно увеличившиеся оброки отнимали у крестьян все излишки. При этом, как можно видеть из табл. 1.1, период 1771-1800 годов в целом был благо-

приятным в сельскохозяйственном отношении, это было время относительного потепления, когда количество экстремальных сельскохозяйственных сезонов было невелико. Таким образом, голод был результатом интенсификации помещичьего хозяйства и увеличения ренты.

Характерно, что правительство пассивно отнеслось к этому бедствию, и, в отличие от времен Петра и Анны Иоанновны, не пыталось конфисковать хлебные излишки и раздавать их голодающим. Монархия уже не имела сил для энергичного вмешательства в частную хлебную торговлю. «Ныне, когда большая часть государства с голоду помирает, – писал М. М. Щербатов, – кажется на сие правительство наихолоднейшим духом смотри»⁴²⁰.

По существу, кризис 1787-1788 годов был подобен кризису 1723-1726 годов, только теперь хлеб у народа отнимала элита, а не государство. Новое сужение экологической ниши народа привело к новому кризису и голоду. Свидетельством нового усиления Сжатия было падение естественного прироста населения. Естественный прирост в Центральном регионе уменьшился с 0,73% в 1763-1782 годах до 0,26% в 1783-1795 годах (см. рис. 3.3). Другим свидетельством уменьшения потребления было существенное уменьшение роста рекрутов, родившихся в 1780-х годах (см. рис. 3.8).

Кризис 1787-1788 годов стал одной из причин последовавшего затем уменьшения ренты: в период после голодовки помещики уже не могли повышать оброки. Между тем, чрезмерная эмиссия ассигнаций в конце правления Екатерины II вызвала инфляцию. Помещики не могли утнаться за быстрым ростом цен, в Тульском имении Юсуповых оброк уменьшился с 11 пудов в 1778-1782 годах до 6 пудов в 90-х годах⁴²¹. А. Б. Куракин не стал состязаться с ценами и перевел своих крестьян на барщину. А. М. и Д.М. Голицыны увеличили в 1793 году оброк до 4 рублей с души мужского пола, но в хлебном исчислении душевой оброк уменьшился до 6 пудов. Правда, рента в имениях Голицыных, по-видимому, была меньше, чем у их соседей: А. М. Голицын писал, что другие помещики берут по 6 рублей (то есть по 9 пудов)⁴²². Мы не имеем массовых данных по Тульской губернии, но данные по Тамбовской и Рязанской губерниям говорят, что в 1788-1793 годах средний оброк составлял 9-10 пудов. Благодаря уменьшению ренты потребление оброчных крестьян несколько возросло⁴²³.

Таким образом, помещики временно отступили, потребление крестьян увеличилось, голодовки прекратились, и естественный прирост населения снова вырос (см. рис. 3.3). Страна вышла из кризиса, и Сжатие на время ослабло. Это улучшение ситуации, по-видимому, было связано также и с новой политикой монархии, с возвратом к этатизму и ограничением барщины императором Павлом I (см. ниже, п. 3.5.11).

3.5.9. Сжатие в Центральном районе

Главным фактором, определявшим развитие Центрального района, было перенаселение, первые признаки которого отмечались уже в 1730-х годах. В 1770-х годах в Центральном районе было распаханно 32% территории, и большая часть оставшихся земель – это были неудобные и скудные

земли⁴²⁴. Ввиду недостатка земли помещики центральных областей переводили своих крестьян на оброк. Однако влияние крупнейшего потребительского центра, Москвы, привело к тому, что в Московской губернии, а также в северных уездах Калужской губернии сохранилось преобладание барщины. В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию имеются массовые статистические данные по семи уездам Московской и Калужской губерний: Клинскому, Дмитровскому, Малоярославецкому, Боровскому, Тарусскому, Серпуховскому и Мосальскому. В этих уездах было в общей сложности около 100 тысяч барщинных крестьян, которые обрабатывали на себя в среднем 0,96 дес. на душу, а на помещика – 0,5 дес.⁴²⁵ По сравнению с 1720-ми годами барщина увеличилась на треть, а размер крестьянского надела был сведен к тому минимуму, о котором писал В. Н. Татищев – 1 дес. на душу. При урожаях 1770-х годов с такого надела можно было собирать 17 пудов хлеба, из них 1,8 пуда уходило на уплату подушного налога и покупку соли, так что в распоряжении крестьянина оставался как раз минимальный паек в 15 пудов.

Согласно неомальтузианской теории перенаселение должно было вызывать частичный переход крестьян к занятию ремеслами – и действительно, главным фактором, определявшим жизнь крестьян Центрального района, было развитие промыслов. Промыслы позволяли избыточному населению Центра кормиться, обменивая продукты своего труда на хлеб, поступающий с юга. В царствование императрицы Екатерины развитие крестьянских ремесел заметно ускорилось. «Историческое и топографическое описание Московской губернии», составленное в 1787 году, дает обстоятельное описание крестьянской торговли и промышленности по уездам. По свидетельству этого источника, крестьяне Московского уезда больше упражняются в ремеслах, нежели в хлебопашестве, среди них распространено ткачество полотняных и шелковых тканей, изготовление глиняной посуды, кузнечное, слесарное, столярное и прочие ремесла⁴²⁶. Особую роль играло производство грубых льняных холстов, которые шли не только на изготовление крестьянской одежды, но и на паруса для кораблей – поэтому их охотно покупали иностранцы. В Дмитровском уезде Московской губернии на душу приходилось лишь 0,7 десятины пашни и крестьяне занимались сапожным, извозным, гребенным промыслами⁴²⁷. Десятая часть мужского населения Московской губернии ежегодно отправлялись на заработки⁴²⁸. Похожая ситуация складывалась и в соседних губерниях. В Егорьевском уезде Рязанской губернии к середине XVIII века были вырублены все леса и малоземелье заставляло крестьян платить большие деньги за аренду угодий. В 70-х годах большая часть населения уезда стала заниматься ремеслом, в селах развилось производство бочек, колес, полозьев, тысячи крестьян отходили на работы в Москву и бурлачили на Оке⁴²⁹.

По некоторым оценкам, в 1760-1790-е годы XIX века количество вольнонаемных работников из числа отходников и постоянных рабочих увеличилось с 220 до 420 тысяч⁴³⁰. Половину этого числа составляли бурлаки – это говорит о том, что крестьяне зарабатывали дополнительные средства

на жизнь не только производством ремесленных изделий для знати и ее двора, но и перевозкой хлеба в потребительские центры, в Москву и в Петербург, где была сосредоточена знать.

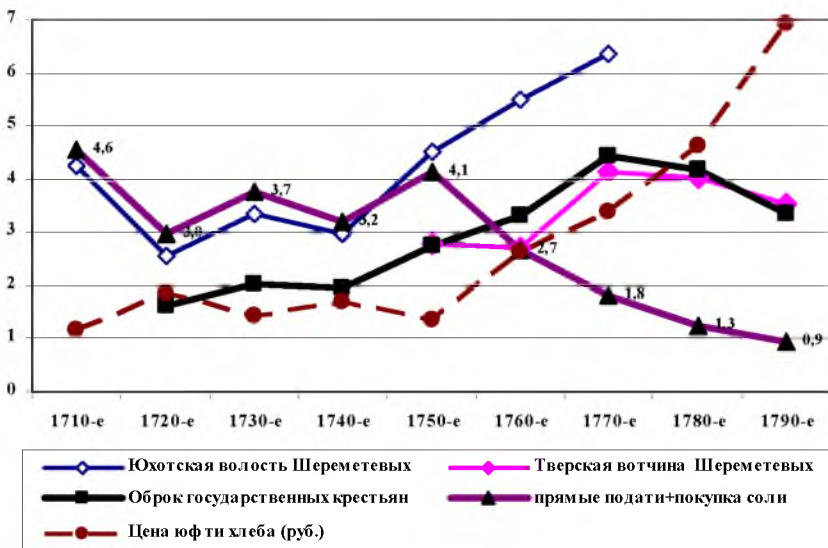

Рис. 3.7. Динамика оброков и податей в Центральном районе (в пудах хлеба на душу населения)⁴³¹.

Развитие промыслов позволяло помещикам Центрального района требовать повышенные оброки со своих крестьян. Один из инициаторов новых принципов хозяйствования, князь М. М. Щербатов, в 1763 году перевел своих ярославских крестьян на денежный оброк, эквивалентный 8 пудам хлеба с души. Крестьяне не могли производить столько хлеба, но предприимчивый князь построил в своей вотчине полотняную мануфактуру, и крепостные нанимались на нее, возвращая часть заработанных денег в качестве оброка⁴³². Другой тип помещика представлял граф П. Б. Шереметев; этот богатейший в России вельможа владел 170 тысячами крепостных; он не вникал в хозяйственные вопросы и предоставлял крестьянам своих нечерноземных вотчин максимально широкую свободу в зарабатывании для него денег. Сотни крестьян Шереметева занимались торговлей и имели лавки в Москве и Петербурге; некоторые из них, разбогатев, становились владельцами маленьких мануфактур – граф, как правило, не отнимал у «капиталистских» крестьян деньги, а лишь повышал оброк. В селе Иваново и его окрестностях в 1803 году было 60 ситцевых мануфактур, а в селе Павлове больше 300 ремесленных мастерских, производивших замки, ножи, ружья⁴³³.

Хотя наладившийся товарообмен позволял многим крестьянам жить за счет промыслов и питаться привозным хлебом, продовольственное положение Центра оставалось тяжелым. Данные, приводимые И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым, говорят о том, что в Московской и Тверской губерниях в конце XVIII века потребление хлеба было ниже минимальной нормы⁴³⁴. После некоторого улучшения экономической ситуации в середине XVIII века, положение снова стало ухудшаться. В 1767 и 1775 годах центральные районы были поражены голодом, а 1771 год был отмечен эпидемией чумы⁴³⁵. В 1787-1788 годах, как отмечалось выше, разразился новый кризис, сопровождавшийся катастрофическим голодом. Восстановление после кризиса было медленным, и темпы роста населения оставались низкими (см. рис. 3.3), если же рассматривать рост рекрутов, то этот параметр указывает не на улучшение, а на ухудшение ситуации (рис. 3.8). Фактически после 1787 года Сжатие в Центральном районе стало постоянным явлением, и по отношению к последующим временам иногда можно говорить о его временном ослаблении – но не о прекращении.

Губерния	Уезд	Крестьян (тыс.)	1769-73	1773-78	1782-89
Костромская	Кинешемский	13,4		3,3	3,9
Костромская	Нерехотский	21,7		5,4	5,8
Рязанская	Егорьевский	31,8	7		9,5

Табл. 3.10. Динамика оброка в некоторых уездах Центрального района (пудов хлеба на душу)⁴³⁶.

Величина оброка в различных уездах в большой степени зависела от развития ремесел, от близости столиц, от наличия водных путей – в общем, от возможности для крестьян заниматься ремеслами на месте или уходить на отхожий промысел. Имеющиеся массовые данные показывают большую пестроту оброков (см. табл. 3.10), что позволяет некоторым авторам говорить о невозможности вычисления «среднего» оброка для больших регионов⁴³⁷. Попытки такого рода, однако, делались, и ниже мы приводим оценки оброков, принадлежащие В. И. Семевскому и Л. В. Милову. Первая оценка относится ко всей России, вторая – к Центральному району.

Оценка В. И. Семевского				Оценка Л. В. Милова			
годы	Оброк (руб.)	Цаняюфи хлеба (руб.)	Оброк (пуд)	годы	Оброк (руб.)	Цаняюфи хлеба (руб.)	Оброк (пуд)
1760-е	1-2	2,2	3-6				
1770-е	2-3	3,5	3,9-5,8	1770-73	2	3,5	3,8
1780-е	4	4,6	5,8	1780-е	5-7	4,6	7,2-10,1
сер90-х	5	7,4	4,5	1797-99	7-10	7,2	6,5-9,3

Табл. 3.11. Динамика оброков по В. И. Семевскому и Л. В. Милову в расчете на ревизскую душу (в руб.) и на душу населения (в пудах хлеба)⁴³⁸.

Отметим, что А. Кахан, используя оценку В. И. Семевского, построил таблицу динамики оброка в период 1730-1800 годов⁴³⁹. Но как видно из табл. 3.11 в существующих оценках имеются большие расхождения, поэтому, на наш взгляд цифры А. Кахана не отличаются надежностью, что отчасти признает и сам автор⁴⁴⁰. Заниженная оценка В. И. Семевского приводит А. Кахана к выводу, что совокупные размеры ренты и налогов в послеекатеринский период не увеличивались, что происходило лишь замещение убывающей подушной подати помещичьими оброками⁴⁴¹. Однако, если использовать оценку Л. В. Милова, и учесть платежи за соль, то получится, что совокупные платежи в хлебном эквиваленте возросли с 7-7,5 пудов хлеба в 1730-х годах до 8,5-11,4 пудов в 1780-х годах (см. рис. 3.7, и табл. 3.8 и 3.11). Таким образом, помещичья рента росла быстрее, чем уменьшались государственные налоги.

При недостатке массовых данных о динамике ренты можно судить лишь по ее изменению в отдельных больших имениях. Однако сопоставимые данные о динамике оброка за длительные промежутки времени имеются в литературе лишь для небольшого числа имений, некоторые из них представлены на рис. 3.7. Известны также данные об оброке государственных крестьян, но он, по-видимому, возрастал медленнее, чем оброк помещичьих крестьян.

В целом вырисовывается картина значительного роста оброков с 1750-х до 1780-х годов. Голод 1787-1788 годов и наступившая затем инфляция привели к некоторому снижению ренты, как в центральных областях, так и на Черноземье.

3.5.10. Рост городов как следствие Сжатия

Как отмечалось выше, развитие ремесел в Центральном районе было следствием проявлявшегося там относительного перенаселения. В соответствии с неомальтузианской теорией развитие ремесел должно было бы вызвать рост городов: в странах, где население обладает свободой передвижения, ремесленники стремятся поселиться ближе к крупным рынкам и уходят из деревень в города. Однако в России крестьяне были прикреплены к земле, поэтому ремесло имело преимущественно деревенский характер, а стремление к переселению в города приняло форму сезонного отходничества. Мануфактуры также часто располагались не в городе, а в деревне и имели характер вотчинных предприятий. В 1725 году на предприятиях обрабатывающей промышленности было занято 14 тыс. работников, из них только 2 тыс. в деревне; в 1803-1804 годах – 75 тыс., из них 34 тыс. в деревне⁴⁴².

Что касается других регионов, помимо Центра, то в Черноземном регионе и в Поволжье было достаточно свободных земель, и у крестьян не было стимула к переселению в города. Поэтому в целом российские города росли в XVIII веке очень медленно, численность городских сословий возросла в 1719-1796 годах только на 34% (в границах первой ревизии без Прибалтики); в перенаселенном Центральном районе рост был более быстрым – 61%⁴⁴³. По расчетам Б. Н. Миронова темп роста населения городов в 1743-1783 годах составлял 0,84% в год, причем на долю миграций из деревни приходилось только 0,04%, а 0,8% – на естественный прирост.

Сельское население росло значительно быстрее, поэтому доля горожан в населении страны сократилась с 11,5% в 1740-х годах до 7,1% в 1830-х годах⁴⁴⁴.

	1737	1796	1825	1857	1870
Все население (тыс.)	1074	1644	1970	2445	2566
В т. ч. (%) дворяне и чиновники	2,6	3,0	4,3	6,4	6,0
духовенство	2,4	2,4	2,2	2,3	2,2
военные	9,9	11,9	11,0	12,5	12,2
городские сословия	39,8	38,3	41,8	45,9	47,1
крестьяне	19,9	29,2	27,4	25,9	30,5
дворовые слуги	12,2	8,4	8,3	4,4	0
разночинцы	13,2	6,8	5,1	2,6	2,0

Табл. 3.12. Численность и социальный состав городского населения (в границах 1737 года без Прибалтики, Украины, Белоруссии и Бессарабии)⁴⁴⁵.

Как отмечалось выше (пункт 3.1.6), в 1678 году численность городского населения оценивалась примерно в 329 тыс. душ мужского пола, причем собственно городские сословия (тогда именуемые «посадскими людьми») составляли только 40% горожан, а 45% составляли «служилые люди» – стрельцы, пушкари, казаки и т. д. При Петре I «служилые люди» были определены в солдаты или в посадские люди, но военные продолжали составлять значительную часть населения русских городов. «Настоящие» горожане входили в городские сословия посадских, мещан, купцов, «цеховых»; их доля, как и прежде, составляла около 2/5 всего населения. Другую значительную часть населения городов составляли крестьяне, занимавшиеся ремеслом или торговлей по большей части нелегально, без приписки к посаду. Доля крестьян в населении городов возросла с 20% в 1737 году до 29% в 1796 году, и этот процесс показывал, что общая тенденция к миграции части крестьян в города все же пробивала себе дорогу.

Согласно теории, перенаселение в Центральных районах должно было бы вызвать падение реальной заработной платы, однако условия крепостничества деформировали рынок рабочей силы и искажали реальную цену на труд. С одной стороны, затрудненность перехода крестьян в города создавала там дефицит рабочей силы даже с учетом распространения отхода, с другой стороны, крестьяне-отходники должны были платить оброк помещикам; этот оброк, естественно, включался в стоимость рабочей силы, и его динамика влияла на динамику заработной платы. Таким образом, при крепостном праве динамика реальной заработной платы не дает адекватного представления об уровне жизни. Кроме того, представительные данные о динамике оплаты труда имеются только для Петербурга. Эти данные указывают, что в середине столетия, действительно, имело место уменьшение реальной платы примерно в полтора раза⁴⁴⁶, но в виду отмеченных соображений, а также особенности положения Петербурга как столицы, значительно удаленной от центра страны, трудно судить, в какой степени это было проявлением общих закономерностей.

3.5.11. Попытка восстановления этактистской монархии

Революция 1762 года создала новые отношения в структуре «государство-элита-народ», отношения, которые отводили дворянству первенствующую роль. К концу правления Екатерины II эти отношения упрочилось и стали традиционными, поэтому попытка изменить их должна была неизбежно натолкнуться на ожесточенное сопротивление дворянства. Император Павел стремился вернуть главенствующую роль государству; эта попытка завершилась государственным переворотом и смертью императора, что лишь подтвердило слабость монархии и силу дворянства.

Царствованию Павла I посвящено большое число исторических исследований⁴⁴⁷, и мы коснемся в этой работе лишь тех аспектов, которые представляются существенными в контексте демографически-структурной теории. Хотя большинство начинаний Павла I не получило дальнейшего развития, некоторые его реформы привели к определенному перераспределению ресурсов между государством, элитой и народом.

В начале 1797 года император предложил всем дворянам выбрать себе службу, а также велел «наблюдать, чтобы все сословные преимущества соответствовали служебным заслугам, чтобы не было дворян-тунеядцев»⁴⁴⁸. Это была не формальная отмена «вольности дворянства», а скорее форма морального давления - тем не менее это давление не могло быть приятным привыкшим к «вольности» помещикам. Были уничтожены губернские дворянские собрания и ограничено местное дворянское самоуправление. Таким образом, Павел I пытался более жестко регламентировать положение дворянства, не позволяя ему злоупотреблять «вольностью» и диктовать свои требования государству. Это был шаг к восстановлению неограниченной абсолютной монархии, не зависимой от воли сословий.⁴⁴⁹

Павел I пытался регламентировать отношения между дворянами и крестьянами и в какой-то мере ограничить давление элиты на народ. Император допустил крестьян к присяге, вернул им право жалобы, запретил работу по воскресеньям и ограничил барщину тремя днями в неделю. С точки зрения неомальтузианской теории такого рода указы – попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, – характерны для периода Сжатия и являются одним из признаков этой фазы демографического цикла. При жизни Павла I указ о трехдневной барщине воспринимался вполне серьезно и, вероятно, оказал свое влияние на наблюдающееся в этот период временное уменьшение ренты. Однако после гибели императора он перестал исполняться⁴⁵⁰.

Финансовые мероприятия Павла I были подчинены задаче восстановления утраченных при Екатерине II доходов казны. Чтобы компенсировать обесценение подушной подати в результате скачка инфляции в конце правления Екатерины II, Павел увеличил подать с 1 руб. до 1 р. 26 коп с души мужского пола. В хлебном исчислении подушная подать в Центральном районе возросла с 0,9 до 1,2 пуда на душу (всего населения), но ее размеры по-прежнему были в три с лишним раз меньше, чем при Елизавете⁴⁵¹.

Пытаясь пополнить доходы, Павел I уделял особое внимание государственным крестьянам. Государственные крестьяне, в отличие от помещичьих, считались «свободными сельскими обывателями» – хотя формально были прикреплены к земле и могли переселяться только с разрешения властей. В 1762 году численность государственных крестьян увеличилась за счет секуляризации владений духовенства. Кроме того, на протяжении XVIII века оброки государственных крестьян были значительно меньше, чем оброки помещичьих крестьян, поэтому их численность росла быстрее. В 1719 году государственные и дворцовые крестьяне составляли 26% всех крестьян, а к концу столетия – 44%. Это был большой государственный сектор экономики, выросший рядом с крепостническим сектором. В Центральном районе по-прежнему преобладали крепостные крестьяне (72%), но по мере удаления от центра их становилось меньше: в Черноземье – 60%, в Поволжье – 47%⁴⁵². После того, как реальные размеры подушной подати резко сократились, главную роль в прямых налогах стал играть оброк с государственных крестьян; в конце правления Екатерины он превосходил подушную подать в полтора раза. Не осмелившись существенно увеличить подушную подать помещичьих крестьян, Павел I увеличил оброк казенных крестьян с 3 до 4-5 рублей с ревизской души, введя дифференциацию по губерниям в зависимости от развития ремесел. После этого повышения крестьяне платили в Центральном районе в пересчете на хлеб примерно 4,2 пуда с души, а в черноземном районе 6,7 пуда – столько же, сколько в 1780-х годах, до последнего всплеска инфляции. В целом государственные крестьяне Центрального и Черноземного районов платили казне 5 рублей оброка и 1 р. 26 коп. подушной подати с ревизской души, а помещичьи крестьяне только 1 р. 26 коп., то есть **вдвое дешевле**⁴⁵³.

В целом, усилия Павла I по восстановлению сильного государства не прошли бесследно. Если в последние годы правления Екатерины доходы государства в пересчете на хлеб составляли 2,6 пуда хлеба на душу населения, то при Павле они поднялись до 5 пудов – таким образом, правительству удалось увеличить доходы казны и вернуться к уровню налогообложения доекатерининских времен. Кроме того, император радикально пересмотрел структуру расходов государственного бюджета. Расходы на двор, составлявшие в 1795 году 10,6 млн. рублей, уменьшились в 1797 году до 1,2 млн. руб. Павел пытался уменьшить и расходы на администрацию, которые составляли 28,2 млн. руб. и превосходили расходы на армию. Дворян обложили налогом на содержание местной администрации; этот налог давал не так много, но его введение означало нарушение исконной привилегии дворянства, которое никогда не платило налогов. Была налажена дисциплина среди чиновников и введены регулярные ревизии, уделявшие особое внимание жалобам на взяточничество и лихоимство. Сокращая расходы на двор и чиновничество, император увеличивал расходы на армию и флот, в 1796-1801 годах они возросли с 27,7 млн. до 41,7 млн. рублей⁴⁵⁴.

Это восстановление военных и финансовых сил государства имело большое значение в преддверии войн с Наполеоном. «Император Павел, – доносил прусский агент в 1801 году, – создал в некотором роде дисциплину, регулярную организацию, военное обучение русской армии, которой пренебрегала Екатерина II»⁴⁵⁵. Английский историк Мак Грю полагает, что Павлу I удалось восстановить порядок в государственном аппарате и боеготовность армии⁴⁵⁶.

Однако, как пишет Ю. А. Сорокин, «жесткое требование беспорочной службы со стороны императора вызвало невиданное озлобление петербургского дворянства против личности Павла»⁴⁵⁷. Император был убит заговорщиками, и попытка восстановления этактистской монархии закончилась неудачей.

3.6. Выводы

В какой мере концепция демографического циклизма может объяснить развитие России в XVII-XVIII веках?

С точки зрения неомальтузианской теории социально-экономическое развитие России в XVII веке определялось, главным образом, последствиями кризиса и демографической катастрофы времен Смуты. В соответствии с этой теорией в XVII веке мы наблюдаем характерные признаки *периода восстановления*: наличие большого количества свободных земель, низкий уровень земельной ренты и налогов, относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел.

Специфической особенностью этого периода, казалось бы, противоречащей общей теории, было значительное развитие аренды. Это объясняется тем, что аренда была способом ухода от государственного налогообложения; что же касается размеров арендной платы, то она была низкой (что согласуется с теорией).

В плане динамики экологической ниши наиболее важным обстоятельством была вновь начавшаяся после строительства Белгородской черты колонизация черноземных областей. Сочетание процесса восстановления в центральных областях с быстрой колонизацией Юга обусловило очень быстрый рост населения. При этом экологическая ниша и посевные площади, по-видимому, *расширялись даже более быстро, чем росло население*, следствием чего было падение хлебных цен в конце столетия и сохранение относительно высокого уровня жизни на протяжении всего периода (за исключением северных областей).

Р. Крами отметил, что такое поведение цен не соответствует обычным представлениям демографически-структурной теории, которая (по Дж. Голдстоуну) рассматривает лишь случай, когда ресурсы пахотных земель не расширяются⁴⁵⁸. В России, как подчеркивает Р. Крами, посевные площади расширялись за счет освоения плодо-

родного пограничья – следовательно, на наш взгляд, такое поведение цен вполне объяснимо.

Обращаясь к демографически-структурному анализу, можно констатировать, что экосоциальный кризис времен Смуты не снял диспропорции между численностью крестьян и численностью дворянства. Этот дисбаланс усугублялся уменьшением ренты, поэтому дворянство требовало предоставить ему возможность повысить ренту путем более эффективного прикрепления крестьян к земле. В конечном счете, усиливающееся давление дворянства заставило правительство утвердить крепостническое Уложение 1649 года. Помимо демографического фактора, в направлении закрепощения действовал также фактор диффузии – тенденция к перениманию польско-литовских порядков, обусловленная военным превосходством Польши.

С теоретической точки зрения закрепощение представляло собой трансформацию структуры – качественное изменение отношений между ее элементами, в данном случае, между элитой и народом.

Утверждение крепостного права и расстройство хлебного рынка в 1660-1670-х годах обусловили отмечаемое в этот период увеличение барщины. Это наступление дворян, как и в начале XVII века, натолкнулась на сопротивление крестьянства. Однако, с точки зрения теории, условия крестьянских восстаний в начале XVII века и 1670-1671 годах были различны: в 1670-х годах не было той фрагментации элиты, которая расколола дворянство в начале XVII века, и отсутствовал династический кризис. В итоге крестьянско-казацкое восстание не переросло в Смуту и было быстро подавлено. Однако, так же как и Смута, это восстание на время остановило наступление дворянства и (вместе с экономическими факторами) привело к уменьшению ренты до прежних размеров. Тем не менее, к концу столетия положение дворянства улучшилось в результате быстрого роста крестьянского населения при относительно медленном росте численности помещиков.

Состояние государства в период после Смуты характеризуется слабостью финансового аппарата, уменьшением налогов и распадом военной организации. При Филарете предпринимается попытка укрепления налоговой системы и перераспределения ресурсов в пользу государства – но эта попытка не привела к существенным результатам. Важным фактором, обусловившим тенденцию к укреплению государства, как и в XVI веке, был военно-технический фактор. Военное давление соседей побуждало к перениманию западной военной технологии. Создание «полков иноземного строя» в середине XVII века стало отправным моментом новой «военной революции», результатом которой, в соответствии с теорией, был рост налогов, усиление бюрократического аппарата и наступление самодержавия. Здесь мы вновь видим картину взаимодействия факторов, без учета которого невозможно объяснить исторические события.

Как и во времена Ивана Грозного, новая «военная революция» требовала проведения финансовых реформ и перераспределения ресурсов для финансирования новой армии. Однако правительство Алексея Михайловича

ча не осмелилось повышать налоги на помещичьих крестьян, поэтому необходимые средства были получены путем введения медных денег, что вызвало стремительную инфляцию и восстание 1662 года. Другим способом финансирования армии стало повышение налогов на чернососных крестьян Севера и Вятки. Между тем, Север был регионом, который менее других пострадал во время Смуты, здесь сохранялось высокое демографическое давление, а в середине столетия отмечались явные признаки Сжатия: крестьянское малоземелье, распространение аренды по очень высоким ставкам, отсутствие свободных земель, частые голодные годы и уменьшение населения в отдельных уездах. Налоговое давление государства в условиях Сжатия – так же, как во времена Ивана Грозного, – привело к катастрофическому голоду, бегству жителей и резкому уменьшению численности населения Поморья.

Нужно отметить, однако, что в отличие от катастрофы XVI века новая катастрофа имела локальный характер. В демографическом контексте, кардинальным отличием ситуации после Смуты и ситуации XVI века было то обстоятельство, что первая военная революция проходила в период Сжатия, а вторая – в период роста экономики, когда свободных земель было достаточно. Кроме того, правительство не решилось на масштабное повышение налогов и проводило реформы более постепенно, поэтому в центральных и южных районах сохранялся относительно высокий уровень жизни. Однако продолжение военных реформ делало увеличение налогов неизбежным – и они были радикально увеличены Петром I.

Еще одним следствием военной революции было переформирование дворянского сословия. Как отмечалось выше, «военная революция» XVI века сопровождалась поместной реформой и введением более тяжелых норм службы «детей боярских». «Военная революция» XVII века заставила дворян нести службу в рейтарских полках и привела к значительному сокращению численности дворянского сословия. С другой стороны, сокращение численности сословия привело к улучшению материального обеспечения дворян, к увеличению среднего размера поместий и вотчин. В целом, военные реформы представляли собой новую трансформацию структуры (вторую в XVII веке) – но эта трансформация затянулась и завершилась лишь в следующем столетии реформами Петра Великого.

В конце столетия в процесс военных реформ вмешиваются случайные факторы, связанные с внутренней динамикой государства. Ослабление центральной власти ввиду малолетства (или недееспособности) наследников царя Федора привело к «контрреформам» – к уменьшению численности полков «иноземного строя» и частичному возврату к прежней военной системе. Эти процессы сопровождались временным отступлением абсолютизма и новым усилением влияния элиты на правительство.

Большая роль случайных и внешних факторов в социально-экономических процессах XVII века оттеняется сравнительно менее интенсивным влиянием демографического фактора. Это обстоятельство, очевидно, связано со спецификой роли этого фактора в период восстановле-

ния. Роль демографического фактора особо значима в периоды Сжатия и перенаселения, когда малоземелье и повторяющиеся голодовки предписывают людям и властям определенную линию поведения. В период восстановления изобилие ресурсов и относительно высокий уровень жизни обуславливают большую свободу поведенческого выбора. В этот период демографический фактор почти не ставит ограничений вмешательству других факторов, в том числе и случайных. В это время действие демографического фактора, не «запрещающее», а «разрешающее»; например он «разрешает» крепостное право и рабство, которое в условиях перенаселения и избытка дешевой рабочей силы становится неэффективным и исчезает (см. п. 4.1.9).

В контексте демографически-структурной теории в начале XVIII века на первый план выходит динамика государства – процесс создания Российской империи. Основными факторами, стимулировавшими этот процесс, были технический и диффузионный; новый этап военной революции, слившись с диффузионным влиянием и усиленный случайными обстоятельствами воспитания Петра I, породил процесс модернизации России по западному образцу. Создание империи, прежде всего, означало решительную трансформацию структуры: появление нового структурного элемента, постоянной регулярной армии, отягчение служебных повинностей дворянства, создание нового чиновничества и реформирование элиты, перераспределение ресурсов в пользу государства, значительное увеличение налогов на крестьян. Мобилизация ресурсов позволила создать мощную армию, которая утвердила господство России в Восточной Европе. С точки зрения демографической теории наибольшее значение имел не выход России к Балтийскому морю, а прекращение татарских набегов, и в дальнейшем – завоевание Крыма. Это сделало возможным освоение обширных областей Южного Черноземья, что означало новое значительное расширение экологической ниши русского этноса; эта колонизация Черноземья была основным содержанием экономической истории России XVIII-XIX веков.

В то же время увеличение налогов сузило экологическую нишу центральных районов и ускорило назревавшие здесь процессы Сжатия. Модернизационный экстремизм Петра Великого выразился в чрезмерной мобилизации средств на строительство Петербурга и, в конце концов, привел к истощению сил народа и голоду 1723-1726 годов. Кризис не означал демографической катастрофы, но он вызвал изменение государственной динамики, некоторое сокращение налогов и военных расходов, а также временный отказ от дорогостоящих строительных проектов.

В правление Анны Иоанновны положение стабилизировалось, но уровень налогов оставался высоким, и Сжатие в центральных районах продолжалось. Анализ в рамках неомальтузианской теории обнаруживает в этот период такие характерные признаки Сжатия, как *низкий уровень потребления основной массы населения, приостановка роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, развитие ремесел и торговли*. Наблюдается отток населения на

Юг, однако города растут по-прежнему медленно, что объясняется трудностью переселения из деревни в условиях крепостного права.

Анализ структурной динамики показывает, что усиление давления государства на элиту при Петре I вызвало противодействие, которое в 1730-х годах стало более активным. Внутренняя динамика элиты, увеличение ее численности и уменьшение размеров поместий, в соответствии с демографически-структурной теорией, подталкивала дворянство к более активной борьбе. На динамику элиты оказывал важное влияние и диффузионный фактор: вестернизация постепенно пробуждала в дворянстве стремление к роскоши, что требовало увеличения его доходов. Наиболее важным аспектом борьбы между государством и дворянством был вопрос о распределении ресурсов; в условиях, когда совокупные поборы с крестьян центральных областей уже не могли быть увеличены, этот вопрос в значительной степени сводился к проблеме соотношения размеров ренты и налогов.

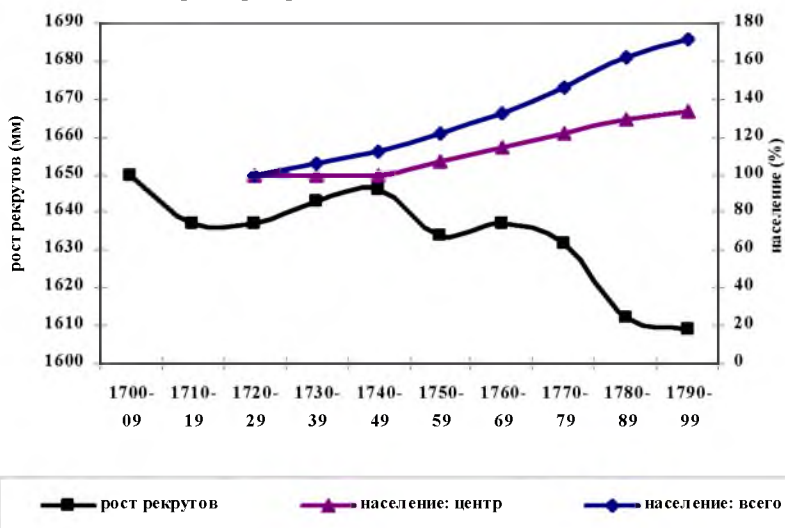

Рис. 3.8. Численность населения в Черноземном районе и на территории всей первой ревизии в сопоставлении с данными о росте рекрутов (по годам рождения)⁴⁵⁹.

По совокупности признаков социально-экономическая ситуация в 1720-1740-х годах может быть охарактеризована как ситуация накануне брейкдауна, однако кризис был преодолен за счет расширения экологической ниши, достигнутого в результате колонизации Черноземья. В то же время эта колонизация была невозможна без мобилизации ресурсов и создания новой армии – таким образом, в конечном счете, именно этатистская военная мобилизация позволила избежать катастрофы, которая теоретически была вполне возможна.

В политической сфере борьба за ресурсы между элитой и государством завершилась поражением государства. После гвардейского переворота 1741 года положение стало постепенно меняться в пользу дворянства, которое вскоре развернуло энергичное наступление на монархию. Решающими событиями в этом процессе были «освобождение дворянства» и переворот 1762 года, приведший к власти Екатерину II. В ходе этой «дворянской революции» и в последующие десятилетия происходит новая трансформация структуры, включающая освобождение дворянства от служебных обязанностей перед государством и превращение его в сословие независимых собственников, отягчение крепостного права, приблизившее положение крепостных к положению рабов, масштабное перераспределение ресурсов в пользу дворянства, выразившееся в резком сокращении реального размера налогов и росте ренты. Дворянство получает в свои руки власть на местах и в значительной мере определяет политику правительства. Это означает превращение этатистской монархии в служащую интересам элиты дворянскую монархию.

Дворянство оказывало давление одновременно на государство и крестьянство. Сокращение государственных доходов привело к ослаблению государства и армии. С другой стороны, рост ренты привел к искусственному сужению экологической ниши и голоду 1787 года.

Как отмечалось выше, современные исследователи при отсутствии данных о динамике потребления часто используют биометрическую информацию, в частности, данные о росте рекрутов. В этой связи чрезвычайно большую ценность имеет информация, собранная и проанализированная Б. Н. Мироновым⁴⁶⁰. Построенная по данным Б. Н. Миронова кривая роста рекрутов на рис. 3.8 до некоторой степени заменяет кривую потребления в обычной логистической схеме. При рассмотрении этих данных необходимо, однако, учитывать, что рост рекрутов, родившихся, скажем, в 1740-х годах отражает не только уровень жизни в эти годы, но и положение в период до призыва рекрута, то есть также и в 1750-е годы. Таким образом, при сохранении общей понижающей тенденции динамика изменений в действительности была менее конкретной, чем это может показаться из рис. 3.8. Тем не менее, из имеющихся данных можно сделать вывод, что в 1710-1720-х годах имело место резкое падение уровня жизни населения, но в 1740-х годах положение улучшилось, очевидно, за счет колонизации Черноземья. Затем уровень жизни снова падает, и особенно сильное падение приходится на время кризиса 1780-х годов. В целом эта картина соответствует демографической теории: рост населения сопровождается падением потребления, однако необходимо учитывать также структурную динамику, в частности, увеличение давления государства и элиты на крестьянство, что ускоряло темп падения уровня жизни и приводило к временным кризисам, таким, как кризисы 1724-1726 и 1787-1788 годов. Эти кризисы отчетливо видны на графике динамики естественного прироста (рис. 3.3).

Необходимо также учитывать динамику колонизационного процесса; в колонизируемых областях уровень жизни был выше, чем в Центре, и население там росло быстрее. Кроме того, с 1740-х годов стал более интенсивным подвоз продовольствия с Юга в центральные области, что сделало возможным организацию обмена ремесленных изделий Центра на хлеб, и улучшило продовольственное положение. Население центральных областей вновь стало расти – хотя этот рост был медленным.

После 1760-х годов положение стало постепенно ухудшаться и временно ослабшее Сжатие вновь усилилось, причем причиной этого усиления был не только рост населения, но и увеличение ренты. Кризис 1787-1788 годов был переломным моментом, заставившим как правительство, так и дворян осознать тяжесть положения крестьянства. Дворянство было вынуждено на время смириться с невозможностью увеличения ренты, и более того, в результате инфляции она стала уменьшаться. Со своей стороны, правительство впервые обратилось к мерам, которые в период Сжатия проводят многие государства, и Павел I ограничил размеры крестьянской барщины. При Павле I монархия на время вышла из подчинения дворянства, вновь попыталась регулировать отношения между сословиями и перераспределять в свою пользу экономические ресурсы. Это позволило увеличить военные расходы и усилить армию, но, в конечном счете, конфликт с дворянством привел к государственному перевороту и гибели Павла I.

В целом, анализ в рамках неомальтузианской концепции показывает, что XVII и XVIII века были периодом восстановления и колонизации. В 1730-х годах в Центральном районе появились первые признаки Сжатия, но колонизация Черноземья и организация торгового обмена между Черноземьем и Центром позволили замедлить процесс нарастания перенаселения. Тем не менее, биометрическая кривая показывает, что, в соответствии с теорией, с ростом населения потребление постепенно падало (рис. 3.8). На эту общую картину накладывалась структурно-демографическая динамика, состоявшая из ряда трансформаций структуры, каждая из которых вызывала отток ресурсов от народа и демографический кризис. Первая трансформация, закрепощение крестьян, как мы отмечали, находит объяснение в рамках демографически-структурной теории. Вторая трансформация, создание полков «иноземного строя» при Алексее Михайловиче, и третья трансформация, реформы Петра Великого, были вызваны действием технического и отчасти диффузионного фактора. Четвертая трансформация, «дворянская революция» 1760-х годов была вызвана совокупным действием демографического и диффузионного факторов. Вторая и третья трансформации (которые, впрочем, можно объединить в одну) показывают, что трансформация структуры, объекта, изучаемого демографически-структурной теорией, может быть результатом действия внешних по отношению к этой теории, не демографических, факторов. Таким образом, демографически-структурная теория может дать адекватное описание исторического процесса лишь в синтезе с другими объяснительными теориями, в данном случае, с теорией «военной революции».

ГЛАВА IV. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД СЖАТИЯ

4.1. Демографические и социальные процессы в первой половине XIX века

4.1.1. Динамика посевов, сборов и населения

В неомальтузианской теории главными признаками наступления второй фазы демографического цикла, фазы Сжатия, являются отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения. Как отмечалось в предыдущей главе, эти признаки начинают появляться в Центральном районе в 1730-х годах и становятся явными в 1780-х годах. В то же время в Черноземном районе до конца XVIII века происходит процесс колонизации и освоения новых земель, Сжатие пришло в этот район позже, поэтому нельзя говорить о одновременном переходе Европейской России в новую фазу демографического цикла. Тем не менее, как мы увидим далее, падение среднего уровня потребления позволяет датировать переход в фазу Сжатия на большей части территории страны в широких рамках первой половины XIX века – этим и объясняется название четвертой главы нашего исследования.

В рамках неомальтузианской теории основными параметрами, характеризующими экономическую динамику, являются данные о посевах, сборах, потреблении и росте населения. Общая динамика экономического положения в первой половине XIX века обычно реконструируется по данным губернаторских отчетов. Среди историков нет единого мнения по поводу степени достоверности этих отчетов, в то время как часть специалистов занимает критическую позицию, группа авторитетных исследователей (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, А. С. Нифонтов и др.) считает, что выведенные по отчетам средние показатели вполне объективно отражают направление экономического развития. Сопоставимые данные за 1800-1860 гг. имеются лишь для 36 из 50 губерний Европейской России, в том числе для всех 7 центральных губерний и для 5 из 7 черноземных губерний (табл. 4.1)¹.

В целом данные губернаторских отчетов говорят о том, что в начале XIX века средний уровень потребления был еще достаточно высоким – более 24 пудов на душу населения. Однако существовали значительные порайонные различия, если на Черноземье чистый душевой сбор превышал 34 пуда, то в перенаселенном Центральном районе он составлял только 17 пудов. Хотя за полвека посевы возросли, но урожайность упала, и рост населения привел к падению чистого сбора в среднем по Европейской России до 18,9 пуда. Уровень чистого сбора, однако, не вполне совпадает с

уровнем потребления, так как часть зерна шла на экспорт, на винокурение и поставки для армии. Если мы учтем известные данные об экспорте², примем душевой расход на винокурение таким же, как в 50-е годы (см. табл. 6.1), а армейские поставки – пропорциональными численности армии, то получим кривую потребления, изображенную на рис 4.1. График на рис. 4.1 в целом подобен графику классического демографического цикла (рис. 1.2), однако, надо учесть, что перед нами лишь фрагмент более широкой картины, что рост населения и падение потребления происходили на протяжении всего XVIII века – так что этот график можно рассматривать как продолжение графика на рис. 3.8.

36 губерний Европейской России			
	1802-1811	1841-1850	1851-1860
Численность населения (млн.)	28,8	38,9	42,7
Посев (млн. пуд.)	278,3	329,5	347,8
Сбор (млн. пуд.)	974,4	1147,4	1153,5
Урожайность (сам-)	3,5	3,5	3,3
Чистый сбор (млн. пуд.)	696,1	817,9	805,7
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	24,2	21,0	18,9
7 центральных губерний: Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская			
Численность населения (млн.)	6,6	7,9	8,6
Посев (млн. пуд.)	65,6	73,6	78,2
Сбор (млн. пуд.)	183,1	211,4	221,6
Урожайность (сам-)	2,8	2,9	2,8
Чистый сбор (млн. пуд.)	117,5	137,9	143,4
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	17,8	17,5	16,7
5 черноземных губерний: Тульская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская			
Численность населения (млн.)	5,6	6,8	7,5
Посев (млн. пуд.)	64,5	75,0	79,9
Сбор (млн. пуд.)	258,0	289,4	278,2
Урожайность (сам-)	4,0	3,9	3,5
Чистый сбор (млн. пуд.)	193,6	214,4	198,3
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	34,6	31,6	26,4

Табл.4.1. Динамика численности населения, посевов, сборов и урожайности в 1802-1860 гг.³

Кроме того, необходимо выяснить, насколько кривая потребления приблизилась к нижней асимптоте – минимальной норме потребления. Какова была эта норма для того времени? Как отмечалось выше, минимальная норма потребления хлеба в пищу составляет 15 пудов, однако часть зерна

расходуется дополнительно на корм скоту. Для второй половины XIX века минимальная норма потребления на питание и фураж по оценке А. С. Нифонтова составляла для нечерноземных областей 2,25 четверти, а для черноземных областей – 2,5 четверти. Если принять средний вес четверти в 7,8 пуда, то получится в первом случае 17,6 пуда, а во втором – 19,5 пуда⁴. В среднем для Европейской России (пропорционально численности населения черноземных и нечерноземных областей) норма потребления во второй половине XIX века составляла 18,7 пуда. Однако нужно заметить, что расходы на фураж в 1850-1900 годах заметно выросли, и приведенная оценка, по-видимому, более справедлива для конца столетия. В середине столетия у крестьян было еще достаточно пастбищ; в 1860-х годах в четырех губерниях Черноземья (Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской) пашня занимала в среднем 60% площади крестьянских наделов⁵. В первой половине XIX века скот очень редко кормили зерном⁶, поэтому можно предположить, что минимальная норма потребления хлеба составляла около 16 пудов.

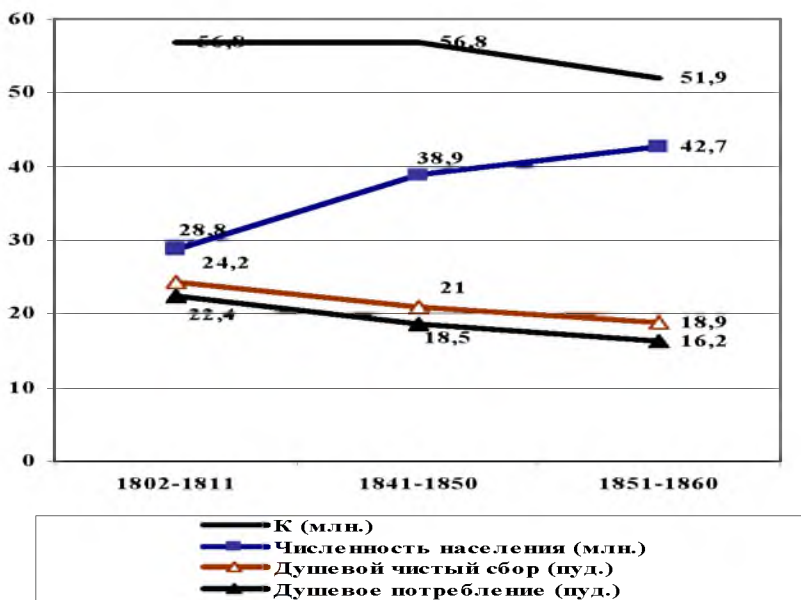

Рис. 4.1. Динамика населения и душевого чистого сбора в 36 губерниях России.

Таким образом, падение душевых сборов в первой половине XIX века привело к тому, что потребление снизилось до минимально возможной нормы. Это означает, что на большей части территории страны наступило Сжатие. Урожайность в 1800-1850 гг. была практически постоянна и равнялась сам-3,5, а в 1851-1860 гг. уменьшилась до сам-3,3. Если принять за максимально возможный посев для 36 губерний посев 1913 года (когда

почти все пригодные земли были уже распаханы) и взять минимальную норму потребления 17 пудов на человека в год, то мы получим, что емкость экологической ниши (величина К) в первой половине XIX века была постоянна и равнялась примерно 57 млн.; в середине столетия в связи с уменьшением урожайности она немного уменьшилась. Стабильность экологической ниши соответствует характеристике российского общества этого периода как традиционного общества; сбор хлебов увеличивался исключительно за счет освоения еще имевшихся на окраинах свободных земель, при этом численность населения постепенно приближалась к емкости экологической ниши. Таким образом, можно утверждать, что в целом по России рост населения (в соответствии с демографической теорией) сопровождался уменьшением душевых сборов хлебов и падением потребления. Падение потребления, в свою очередь замедлило рост населения; естественный прирост уменьшился с 0,91% в 1795-1833 гг. до 0,58% в 1834-1850 гг. и до 0,49% в 1851-1957 гг.⁷ Однако существовали значительные порайонные различия (табл. 4.2).

	Даты для душевого сбора -	1802-1811	1841-1850	1851-1860
Губернии	Даты для естественного пророста -	1795-1811	1834-1850	1851-1857
7 центральных губерний	Душевой сбор (пуд.)	17,3	17,0	16,2
	Естественный прирост (%)	0,47	0,16	0,22
Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская, Тульская	Душевой сбор (пуд.)	32,7	31,1	24,9
	Естественный прирост (%)	0,76	0,35	0,86
Тульская	Душевой сбор (пуд.)	33,1	40,0	34,7
	Естественный прирост (%)	0,71	0,08	0,26

Табл. 4.2. Динамика среднегодового естественного пророста и душевого чистого сбора в 1802-1860 гг.⁸

Коэффициент естественного пророста, указанный в этой таблице, – это так называемый брутто-коэффициент, показывающий средний прирост населения за год с учетом миграций. Когда речь идет о популяционной динамике большого региона или сословия учет пространственных и социальных миграций представляется естественным и необходимым. Уровень потребления влияет на миграции точно так же как на рождаемость и смертность, поэтому их учет тем более необходим в работах, посвященных изучению связей между этими факторами. Увеличение ренты и уменьшение потребления побуждало крестьян всеми возможными способами – в том числе бегством – стремиться покинуть сословие крепостных. Такого рода миграции, конечно, уменьшали естественный прирост крепостных, но мы не имеем права не учитывать эти явления, сводя демографическую динамику к нетто-коэффициенту естественного пророста, как это пытались сделать некоторые авторы⁹. Нетто-коэффициент равен разности коэффициентов рождаемости и смертности; в случаях, когда имеется значительная эмиграция, умершие мигранты не учитываются коэффициентом смертности, поэтому нетто-коэффициент искажает реальную картину популяционной динамики. При этом безразлично, идет ли речь о динамике численности населения отдельного регио-

на или об изменении численности отдельного сословия (в частности, крепостных крестьян). Далее в этой работе используется только брутто-коэффициент естественного прироста.

Возвращаясь к данным таблицы 4.2, можно заметить, что в центральных губерниях душевой сбор находился на уровне, близком к минимальной норме уже в начале столетия; это свидетельствует о том, что здесь уже существовало аграрное перенаселение и регион с трудом обеспечивал себя продовольствием. На протяжении полувека душевой сбор практически оставался постоянным; он лишь немного уменьшился, упав при этом до уровня минимальной нормы. Это привело к падению естественного прироста в 1833-50 гг. до 0,16% – уровня, при котором можно говорить о демографической стагнации. В 50-х годах XIX века положение несколько улучшилось, по-видимому, в результате ввоза продовольствия извне. Действительно, в 1850-х годах только в Москву из черноземных областей доставлялось 23 млн. пудов хлеба в год¹⁰, что давало в расчете на душу населения центральных губерний дополнительно 2,7 пуда. Таким образом, реальное потребление в Центральном районе превышало голодный минимум, что и объясняет рост населения.

4.1.2. Рост барщины вызывает стагнацию крепостного населения

В Черноземном районе в начале столетия душевой сбор был вдвое больше, чем в Центральном районе¹¹. В начале века, несмотря на потери в войнах, численность населения быстро росла, но в 1834-1850 гг. темпы естественного прироста упали вдвое, хотя душевое производство почти не изменилось. В 1850-х годах естественный прирост, наоборот, увеличился вдвое, и эти странные колебания невозможно объяснить исходя из классической теории. Наиболее странной выглядит ситуация в Тульской губернии: в 1834-1850 гг. здесь отмечается стагнация населения притом, что душевое производство находилось на очень высоком уровне (табл. 4.2).

Факт отсутствия корреляции между душевым производством и естественным приростом в Черноземном районе был в свое время отмечен И. Д. Ковальченко¹². В. М. Кабузан отмечал, что понижающее влияние на темпы роста населения оказало крепостничество, и это влияние особенно проявилось с 40-х годов XIX века¹³. А. И. Комиссаренко указывал на связь между естественным приростом в различных губерниях и долей крепостных в их населении¹⁴. Действительно, корреляционный анализ показывает, что существует тесная связь: чем больше в губернии крепостных, тем меньше естественный прирост. В целом по шести губерниям Черноземья (кроме Курской) естественный прирост крепостного населения упал с 0,62% в 1795-1833 гг. до минус 0,03% в 1834-1850 годах, то есть при достаточно большом душевом производстве началась внезапная стагнация. Именно эта стагнация и была основной причиной резкого уменьшения общего прироста населения – с 0,9% в 1795-1833 гг. до 0,37% в 1834-1850 годах. Статистический анализ имеющихся погубернских данных позволил обнаружить связь между ростом населения и двумя факторами: нормой барщины (отрицательная корреляция) и отношением средней величины крестья-

янского надела к норме барщины (положительная корреляция). Размеры барщины объясняли 64% вариаций в естественном приросте, а два фактора вместе – 79%¹⁵. Таким образом, темпы роста крепостного населения на Черноземье в основном зависели от соотношения размеров барщины (которая была негативным фактором) и величины надела (которая была позитивным фактором).

Естественно предположить, что причиной наступившей в 30-х годах стагнации крепостного населения был резкий рост повинностей. В принципе, известно, что в конце XVIII – первой половине XIX века барщина существенно возросла. В литературе имеются сведения о размерах барщинной и крестьянской запашки в некоторых губерниях района (табл.4.3). Как следует из приведенных в табл. 4.3. данных за указанный период барщина возросла более чем в два раза, и, в соответствии с имеющейся корреляцией, это должно было привести к уменьшению естественного прироста.

Губерния	Уезды	Барщинная запашка		Крестьянская запашка	
		Кон. XVIII в.	Середина XIX в.	Кон. XVIII в.	Середина XIX в.
Тамбовская	Темниковский, Спасский, Шацкий, Тамбовский, Усманский	0,5	1,2	1,4	1,0
Рязанская	Сапожковский, Скопинский	0,5	1,2	1,9	1,2
Тульская	все уезды губернии	0,6	1,3	1,4	1,1

Табл. 4.3. Размеры запашки на душу населения в конце XVIII и в середине XIX века (в дес.)¹⁶.

Таким образом, результаты корреляционного анализа говорят о том, что в 1840-50-х годах уровень естественного прироста крепостных крестьян в шести губерниях в основном определялся уровнем оброков и барщины. Отсюда следует, что остановка роста крепостного населения на Черноземье была вызвана, главным образом, увеличением барщинных норм, то есть перераспределением ресурсов в структуре «государство-элита-народ».

Стагнация крепостного населения имела место и в масштабах всей страны. В 1833 году общая численность помещичьих крестьян в Европейской России составляла 22,4 млн., а в 1857 году – 22,1 млн. человек¹⁷. Механизм этой стагнации включал в себя такие факторы, как бегство крепостных, попытки перейти в другие сословия, ограничение рождаемости и рост смертности. Эти факторы были непосредственно связаны с уровнем жизни крепостных и находят объяснение, в основном, через корреляцию с барщиной. Однако существовал также один официальный канал выхода из крепостного сословия – рекрутские наборы. По подсчетам В. М. Кабузана в 1835-1850 гг. было взято в рекруты 546 тыс. крепостных крестьян; смертность в армии за этот период составила 44%, следовательно, 306 тыс. крепостных за 16 лет получили свободу¹⁸. В 1835 году в России насчитывалось 11447 тыс. крепостных душ мужского пола, и можно подсчитать, что в среднем за год через армию переходило в сословие государственных

крестьян 0,165% крепостных. В 1833-1850 годах крепостное население уменьшалось в среднем на 0,0325% в год, следовательно, если бы рекруты не выходили из крепостного состояния, то рост составил бы 0,132% в год. Если сравнить этот процент с 0,76% роста (даже с учетом ухода рекрутов) в 1815-1833 годах, то вывод о происходившей в этот период стагнации останется неизменным¹⁹.

4.1.3. Повышение ренты после окончания войн

Когда произошло то масштабное перераспределение ресурсов, которое вызвало стагнацию крепостного населения? Имеющиеся массовые данные (табл. 4.3) разделены большим временным промежутком, и неясно, когда именно на протяжении этого промежутка имел место рост барщины, был ли он постепенным или происходил резкими скачками. Величина барщины и оброка имела чрезвычайно высокую корреляцию (0,95)²⁰, и это позволяет достаточно уверенно предполагать, что барщина и оброк росли одновременно, и, таким образом, данные об оброке могут восполнить пробел в данных о барщине.

Динамика оброка в ряде крупных поместий Черноземного региона представлена на рис. 4.2. Чтобы исключить инфляцию (в том числе и по отношению к серебру) мы пересчитали оброки на хлеб соответственно уровню цен. Поскольку крестьяне выращивали преимущественно рожь и овес, то было принято, что в пуде условного «хлеба» содержится 60% ржи и 40% овса, и соответственно при расчетах учитывались текущие цены на эти продукты.

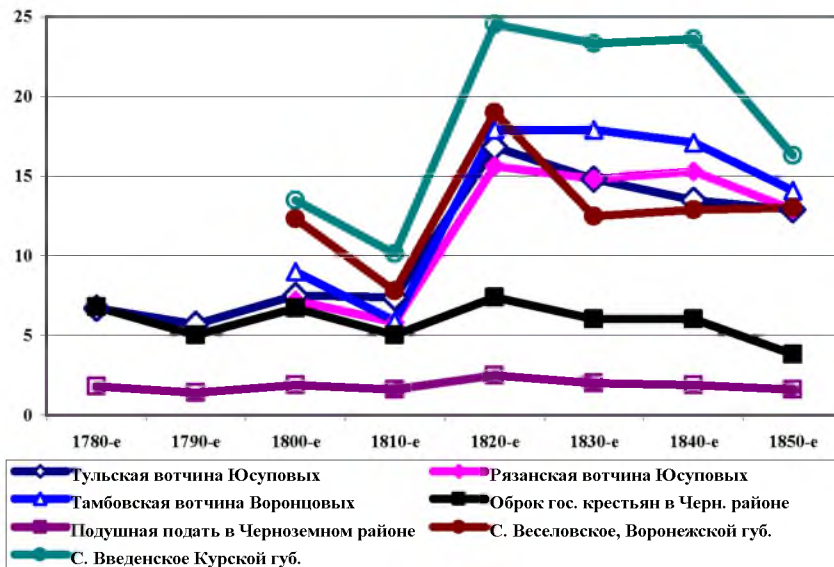

Рис. 4.2. Динамика оброков на Черноземье в 1780-1850-х годах (в пудах хлеба на душу населения)²¹.

В целом, из приведенных данных складывается следующая картина. В начале XIX века финансирование войн с Наполеоном потребовало огромной эмиссии ассигнаций; это вызвало инфляцию и невиданный до того времени рост цен. Помещики увеличивали оброки, но не могли угнаться за ценами: их сдерживала опасность нового крестьянского восстания, которое могло вспыхнуть в обстановке войны. Инфляция, продолжавшаяся до 1817 года, сказывалась не только на доходах правительства, но и на доходах дворян. Помещики увеличивали оброки, но не могли угнаться за ценами: их сдерживала опасность нового крестьянского восстания. В 1807 году Наполеон освободил крестьян в Польше, вследствие чего прусский король был вынужден объявить об освобождении крепостных в Пруссии. Над Россией постоянно висела угроза французского вторжения, которое могло привести к крестьянской войне. Один за другим производились чрезвычайные рекрутские наборы, от крестьян требовали все возрастающий «налог кровью». В 1810-1811 годах было взято в армию 211 тысяч рекрутов, в 1812 году – 420 тысяч рекрутов²². В такой обстановке помещики были вынуждены смириться со значительным падением реального оброка в пересчете на хлеб (см. рис. 4.2).

Однако, вернувшись победителями из Парижа, русские дворяне пожела-ли жить по-парижски. «С 1812 года среднее дворянство, познакомив-шись с западноевропейской жизнью, стало презирать национальные обы-чаи и жить на европейский манер, – свидетельствует барон Гакстгаузен. – Оно уже и прежде было склонно к роскоши, а с тех пор страшно обреме-нило себя долгами... Новые господа смотрели на крепостных лишь как на орудия, на машины для приобретения денег»²³.

Хотя стремление к роскоши было инициировано диффузионным влия-нием, необходимо отметить, что благодаря крепостному праву оно приобрело на российской почве крайние, иррациональные формы. «По сравне-нию с российскими сановниками... даже крупные прусские помещики вы-глядели как жалкие скряги», – отмечает И. Ф. Гиндин²⁴. «“Жизнь не по средствам” вело множество помещиков, – указывает Н. И. Яковкина. – Столичное дворянство чуть ли не поголовно было в долгах. Причина этого крылась не столько в дороговизне предметов роскоши... сколько в господ-ствовавшем еще с конца XVIII века убеждении в необходимости “широко-го” образа жизни. Представление о том, что истинно дворянское поведение заключается не только в тратах, но именно в тратах чрезмерных, не по средствам, прочно укоренилось в дворянской среде. Отсюда – необычай-ная роскошь дворцов, празднеств и даже обычного обихода столичной знати, безумные проигрыши в карты, различные фантастические затеи»²⁵. Популярными сборники по этикету того времени разъясняют выражение «прилично жить» как участие в изысканном обществе, постоянные увесе-ления, разнообразный досуг и т. д. Контент-анализ нескольких десятков мемуаров выявил, что для быта почти 80% крупных помещиков характер-ны такие определения, как «показная роскошь», «буйная, безудержная

роскошь», «нарочитое великолепие», «роскошество». Роскоши состоятельных дворян часто старались подражать менее обеспеченные помещики, что приводило к разорению их хозяйств²⁶.

Новая волна потребительства predetermined новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. В 1815-1828 годах денежные оброки возросли в два-три раза, затем началось падение цен, дополнительно усилившее тяжесть эксплуатации. На Черноземье за десять послевоенных лет оброк в хлебном исчислении вырос втрое, с 4-6 до 17-20 пудов на душу, и достиг предела крестьянских возможностей.

Вторая волна повышения ренты сопровождалась новым бурным оживлением дворянского предпринимательства. В 1818 году было основано Общество сельского хозяйства, имевшее экспериментальную ферму и Земледельческую школу для подготовки приказчиков помещичьих хозяйств. В отличие от времен первого предпринимательского бума (в 1760-1770-х годах), основное внимание теперь уделялось не организации барщинного хозяйства, а интенсификации аграрного производства, новым сортам зерновых, травосеянию, распространению посевов картофеля и сахарной свеклы²⁷.

Вторая четверть XIX века стала временем расцвета барщинных латифундий Черноземья. Три четверти из 4,3 млн. помещичьих крестьян этого региона находились на барщине; в 1850-е годы Черноземье поставляло – в основном в центральные области – около 50 млн. пудов хлеба, еще 10 млн. пудов расходовалось на производство водки. В целом на вывоз и винокурение шло около 30% чистого сбора хлеба. В это время Москва потребляла 23 млн. пудов в год, Петербург – около 30 млн. пудов. Каждый год тысячи барок с зерном спускались по рекам на север, к Оке и к Москве; часть из них бурлаки тащили вверх по Волге и по каналам – к Петербургу. Назад барки не возвращались, это была односторонняя торговля: по Рязанской губернии, к примеру, вывоз превышал ввоз в 10 раз²⁸.

По сравнению с концом XVIII века средняя норма барщинной запашки увеличилась в два раза. В целом по Черноземью площадь барщинных полей лишь немного уступала общей площади наделов помещичьих крестьян²⁹. Механизм, через который увеличение барщины приводило к падению уровня жизни и к уменьшению естественного прироста хорошо известен: это был механизм доведенной до предела интенсификации труда. Для интенсификации труда использовалась урочная система, и время, полагавшееся на выполнение «уроков», было урезано вдвое по сравнению с нормами конца XVIII века³⁰. Летняя барщина отнимала у крестьянина в среднем 4 дня в неделю; работать должны были все, женщины с грудными детьми работали на току, старики сторожили урожай, 10-летние мальчики работали на возке навоза и бороновании, а малые дети подбирали за жнецами упавшие колоски³¹. В зимнее время крестьяне выполняли тяжелую барщину по доставке помещичьего зерна в большие города или к речным пристаням. По некоторым оценкам, за полвека извозная повинность в Московской, Тульской и Рязанской губерниях увеличилась в 2-3 раза³².

Многочисленные свидетельства говорят о том, что постоянно занятые на барщине крестьяне не успевали производить работы на своем участке – хотя работали от восхода до заката, и в воскресные, и в праздничные дни, а иногда и ночью. Сплошь и рядом крестьянам приходилось употреблять в пищу невывзревшее или проросшее зерно; из-за нехватки времени муку не очищали от спорыньи, и такой хлеб был вреден для здоровья³³. Тяжелый, выматывающий труд сказывался на психическом состоянии крестьян. «От недостатка скота и хлеба происходит и чрезмерная бедность барщинных крестьян, доведшая их до отчаяния... – писал приказчик одного из крупных имений, – следствие чего есть необыкновенное равнодушие к своему положению»³⁴. «Самое существенное, на наш взгляд, – пишет о положении крестьян Л. В. Милов, – состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением пассивное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи... В итоге такие крестьяне... “смерть свою за покой считают”»³⁵.

4.1.4. Кризис 1847-1849 годов

Перераспределение ресурсов не сводилось к повышению ренты; оно означало также и сокращение крестьянских наделов. Крестьянское малоземелье является основным признаком Сжатия, но на Черноземье малоземелье было результатом экспроприации крестьян, и следовательно, Сжатие в этом регионе носило искусственный характер – оно было ускорено демографически-структурным процессом, перераспределением ресурсов (в данном случае земли) в пользу элиты.

Помещики оставляли барщинным крестьянам мизерные наделы, едва обеспечивавшие прожиточный минимум при обычном урожае. Такая практика лишала крестьян возможности создавать запасы на случай голода. В конечном счете, так же как в 1780-х годах, наступление элиты на крестьянство должно было привести к демографическому кризису.

В 1840-50-х годах широко распространилась практика сгона крестьян с земельных наделов; экспроприированные крестьяне должны были работать на барщине за «месячину» – месячные продуктовые пайки. Эта практика была аналогична той, которая применялась на польских и остзейских барщинных фольварках (Bauernlegen)³⁶. В Центрально-Черноземном районе эта практика была распространена меньше, чем в западных областях; здесь помещики обычно ограничивались урезанием крестьянского надела. Средний надел крестьян района в конце XVIII века составлял 1,3-1,7 десятин на душу, к середине XIX века он уменьшился до 1,0-1,3 десятин на душу. Это была грандиозная экспроприация крестьянства, которая определила все будущее развитие деревни: именно эта экспроприация была причиной крестьянского малоземелья, проблемы, впоследствии ставшей роковой для России.

По расчетам Л. В. Милова и И. Д. Ковальченко надел, оставленный крестьянам, был той нормой, которая обеспечивала минимальные возмож-

ности для простого воспроизводства³⁷. В Рязанской губернии крестьяне имели 1 дес. пашни на душу, что при среднем урожае 40-х годов давало им лишь 16,8 пуда чистого сбора³⁸. При этом необходимо было заплатить подушную подать, эквивалентную по местным ценам 1,4 пудам хлеба. Постоянно занятые на барщине, крестьяне практически не имели возможности зарабатывать деньги промыслами, поэтому, очевидно, их потребление было на уровне голодного минимума в 15 пудов. Оброчные крестьяне имели такой же надел, что и барщинные – но вместо барщины, должны были платить оброк, эквивалентный в конце 50-х годов 9-10 пудам³⁹. Очевидно, что оброчные крестьяне были вынуждены зарабатывать деньги для уплаты оброка ремеслом и отходничеством; оценка этих доходов затруднена недостатком данных, тем не менее, И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов выполнили такой расчет для Рязанской губернии и установили, что заработки оброчных крестьян не обеспечивали минимального уровня потребления⁴⁰.

«Приобретенные крестьянами от их помещиков выгоды обеспечивали им лишь *минимум* средств существования, – подчеркивал А. Д. Повалипин, – и не давали возможности даже в отдаленном будущем думать об улучшении этого положения... Наоборот, весь ход развития помещичьего хозяйства давал основание заключить о переходе крестьян в совершенное рабство...»⁴¹

В урожайные годы остававшегося у крестьян зерна еще хватало на пропитание, но в неурожайные годы наступал голод. После резкого увеличения оброков и барщины в 1815-1825 годах у крестьян не было запасов хлеба, и каждый неурожай приводил к резкому росту цен и к голоду. Неурожай и голод на Черноземье отмечался в 1833-34, 1839-1840, 1848, 1856 годах. «В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно, – писал в 1841 году А. П. Заблоцкий-Десятковский. – Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома, – все идет в пищу. При этом ему не на что купить соли. Он почти отравляется, у него делается понос, он пухнет или сохнет. Являются страшные болезни... У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут как мухи. Никто не знает этого потому, что никто не посмеет писать или громко толковать об этом, да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина?»⁴²

В конечном счете, так же как в 1780-х годах, увеличение ренты привело к демографическому кризису. В 1847-1849 годах к голоду присоединились его обычные спутники – эпидемии, но вследствие постоянного недоедания огромных масс крепостных эпидемия холеры приняла катастрофический характер. Толпы нищих, как тени, блуждали по селам, прося милостыню; крестьяне питались мякиной и лебедой. Зимой к холере присоединились цинга и оспа. Причина распространения этих болезней, докладывал воронежский губернатор, «заключается преимущественно в недостатке питательной и привычной пищи». «Болезнетворное влияние это еще более усиливается от недостатка в топливе, которое, в безлесных уездах, состоит

большей частью из соломы, употребляемой на корм животным, с раскрытием даже избытков крыш»⁴³.

В 1848 г. по данным Министерства внутренних дел только от холеры погибло 668 тыс. человек, а в целом по России, по некоторым оценкам, число жертв эпидемии и голода в 1847-1849 годах составляло около одного миллиона⁴⁴.

Голод (вместе с влиянием европейских событий) привел к невиданной до тех пор волне крестьянских волнений. В 1847 году голод породил массовое переселение крестьян Белоруссии, которое привело к крупным столкновениям с войсками⁴⁵. В 1848 году было зарегистрировано 160 крестьянских волнений – число, примерно в четыре раза превышающее средний уровень (см. рис. 4.5). Правительство было вынуждено принимать экстренные меры. Местные власти оказывали давление на помещиков, требовали от них выдачи подписок-обязательств о прокормлении крестьян до нового урожая и об обеспечении посева весной. Помещикам выдавались ссуды для приобретения посевного зерна, а в случае растраты этих ссуд их имения передавались в опеку. Власти организовали общественные работы, бесплатно выдавали паспорта отходникам. В деревнях на случай неурожая создавались запасные хлебные магазины⁴⁶. Очевидно, влияние кризиса сказалось также и на поспешном введении инвентарей в Западном крае (см. п. 4.1.12).

Как и в 1790-х годах, кризис вынудил помещиков к временному снижению ренты. Известны конкретные случаи такого рода, например, голод в тульской вотчине заставил графа Шереметева дать крестьянам ссуду и отпустить их на оброк⁴⁷. Более существенным моментом было то, что, как и в 1790-х годах, помещики уже не могли увеличивать оброки, чтобы компенсировать инфляцию. В 1855-1859 годах в результате эмиссии кредитных билетов в период Крымской войны цена ржи возросла по сравнению с предыдущим пятилетием в полтора раза. В итоге перед освобождением оброк составлял в Рязанской и Тамбовской губерниях (и во всем Черноземье) 10 пудов с души⁴⁸ – то есть уменьшился по сравнению с 1840-ми годами примерно в полтора раза.

4.1.5. Сжатие в Центральном районе

Центральный район пребывал в состоянии Сжатия еще с 30-х годов XVIII века, и положение здесь смягчалось лишь поставкой хлеба с Черноземья. В 1815-1833 годах среднегодовой прирост крепостного населения в Центре составлял лишь 0,39%, а в 1833-1857 годах прирост сменился убылью в 0,07%. Поскольку крепостные составляли основную часть населения, то в целом население также стагнировало: по пяти центральным губерниям среднегодовой рост составлял в 1833-1857 годах лишь 0,08%. За полвека посевы хлебов увеличились на 22% – отчасти за счет увеличения нормы высева, отчасти за счет ввода в оборот бедных земель, которые раньше не использовались. В силу этих обстоятельств, а также вследствие общего истощения почв урожайность, которая в XVIII веке составляла в

среднем сам-3,1, в первой половине XIX века упала до сам-2,7. Чистый сбор хлебов на душу населения на протяжении первой половины столетия оставался практически постоянным и составлял 2,3 четверти (17,7 пуда на душу). Вследствие распашки лугов значительно сократилось поголовье скота; в 1842 году на 100 человек приходилось 29 лошадей и 38 коров, а в 1860 году – 23 лошади и 31 корова⁴⁹.

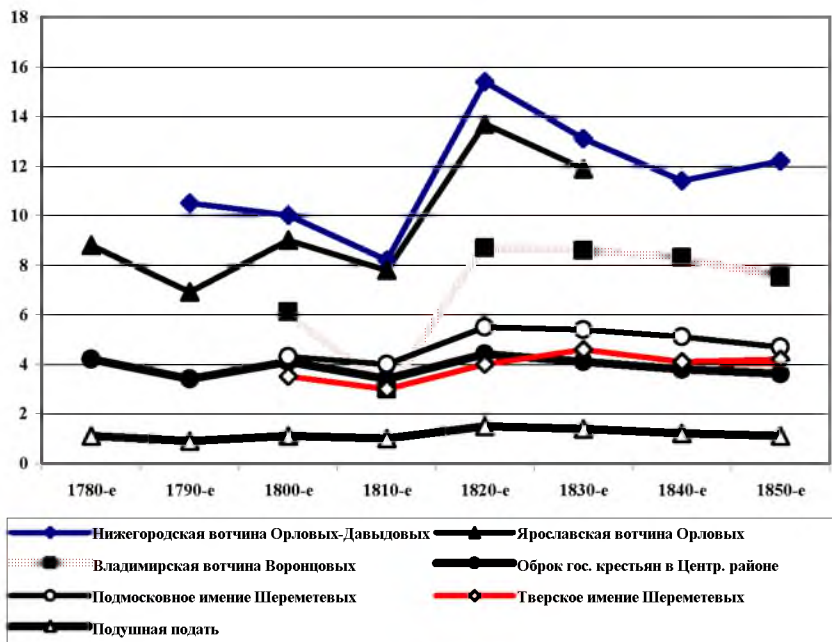

Рис. 4.3. Динамика оброков в Центральном районе в 1780-1850-х годах (в пудах на душу населения)⁵⁰.

Крестьянское малоземелье заставляло помещиков переводить еще оставшихся барщинных крестьян на оброк и отказываться от барской запашки – к середине XIX века барская запашка составляла только 15% пашни. Высвободившиеся земли делили между крестьянами, и – вместе с освоением новых земель – это до какой-то степени позволяло бороться с малоземельем. Чистый сбор на наделах помещичьих крестьян в середине столетия составлял около 2 четвертей (15,4 пуда) хлеба на душу⁵¹ – то есть был как раз на уровне потребительского минимума. Но, кроме того, крестьянину нужно было платить налоги и оброк; в Центре преобладали оброчные крестьяне, оброк был очень различным и зависел от развития промыслов в конкретном селе, от близости столиц, куда отправлялись массы отходов, и некоторых других факторов. После резкого увеличения в 20-х годах

оброки в целом стабилизировались. В середине XIX века средний оброк в Московской губернии был равен примерно 4 руб. 68 коп. серебром или 8,7 пуда хлеба на душу⁵² – и часто получалось так, что крестьяне продавали весь свой урожай, платили оброки и налоги, а потом уходили на заработки, и, как могли, жили ремеслами и промыслами.

Оценка уровня доходов и расходов оброчных крестьян, произведенная И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым для Московской и Тверской губерний⁵³, показывает, что, несмотря на масштабы промысловой деятельности крестьян, их заработки были недостаточны, и у них не хватало денег на пропитание и на уплату оброков. Данные по отдельным крупным имениям указывают на постоянный рост недоимок, которые помещики вынуждены были снимать – но они снова росли. К 1858 году средняя недоимка по Калужской губернии составляла около 4/5 годового оброка⁵⁴.

Положение государственных крестьян было лучше, чем положение крепостных, но недостаток земли ощущался и в казенной деревне. По вычислениям комиссий, работавших в 1850-х годах, в Костромской губернии доля избыточной рабочей силы составляла 37%, во Владимирской губернии – 41%⁵⁵.

В соответствии с демографически-структурной теорией нехватка земли вынуждала крестьян заниматься ремеслом. 27% мужчин из деревень центральных губерний вообще не пахали землю: они ежегодно уходили на промыслы; 700 тысяч работали бурлаками и грузчиками на судах, 600 тысяч – батраками на южных латифундиях, 400 тысяч – строительными рабочими, 400 тысяч – извозчиками, 250 тысяч – слугами, 200 тысяч становились ремесленниками в городах, 100 тысяч – фабричными рабочими⁵⁶. Перенаселение понизило цены на рабочие руки, и на многих вотчинных мануфактурах вместо принадлежавших хозяину крепостных стали использовать отходников. В суконной промышленности в 1825 году насчитывалось 324 мануфактуры, на которых работали в основном крепостные (82%), в 1850 году на 492 мануфактурах было лишь 4% крепостных, принадлежащих хозяевам⁵⁷.

Начинающаяся промышленная революция вызвала упадок многих старых промыслов и появление новых. Бурлаки на Волге в 1810-х годах зарабатывали около 300 рублей за сезон, но в 30-х годах появились суда с конными машинами, а затем пароходы и заработок упал до 60-90 рублей. Это означало разорение и нищету для многих прежде богатых волжских сел⁵⁸. Появление пароходов привело к упадку полотняного и парусинного промысла, но с другой стороны, промышленная революция вызвала стремительное развитие хлопчатобумажного производства. Поначалу ткачи работали на английской пряже, но в 1842 году был разрешен ввоз прядильных машин из Англии. В 1843 году в России насчитывалось уже 40 бумагопрядильных мануфактур с 350 тысячами веретен, в 1869 году число веретен достигло 1,6 млн. Дешевые хлопчатые ткани быстро вытеснили льняные. В одной Владимирской губернии, имевшей в 1850 году 1100 тыс. жителей, было 150 тысяч ткачей-надомников. Село Иваново выросло в промышлен-

ный город, в нем было 135 фабрик с 10 тысячами рабочих, причем хлопок для фабрик доставляли из Америки! Промышленные города и ремесленные поселки жили привозным хлебом; в губернию ежегодно ввозилось 4 млн. пудов хлеба, т. е. около 4 пудов на каждого жителя – таким образом, привозной хлеб обеспечивал 20-25% потребления⁵⁹.

Согласно теории, перенаселение и нехватка земли побуждают крестьян не только заниматься ремеслами, но и переселяться в города – ближе к большим рынкам. В России крепостное право препятствовало этому процессу, и ремесла развивались по большей части в селах. Однако тенденция к миграции в города все же пробивала себе дорогу: темп роста городского населения Европейской России заметно ускорился, в 1811-1831 годах он составлял 0,47% в год, а в 1832-1859 годах – 0,91%; при этом $\frac{3}{4}$ прироста давали мигранты. В отличие от XVIII века, городское население росло значительно быстрее, чем население в целом (в 1833-1857 гг. темп роста населения в границах I ревизии составлял 0,65%). В населении городов по-прежнему большую долю (около одной трети) составляли крестьяне, осевшие в посадах, но числившиеся деревенскими жителями⁶⁰.

4.1.6. Положение государственных крестьян

Как отмечалось выше, демографически-структурная теория акцентирует роль дифференциации крестьянства. Дж. Голдстоун особо отмечал, что ухудшение положения беднейших слоев населения может привести к социальному взрыву задолго до того как продовольственные возможности страны будут исчерпаны⁶¹. Ухудшение положения крепостных крестьян делало такой вариант развития событий вполне реальным. Но в то же время нельзя забывать о том, что рядом с крепостнической Россией существовала другая Россия – страна свободных государственных крестьян-общинников. В то время как рост численности помещичьих крестьян остановился, численность государственных крестьян быстро росла, и в середине XIX века они составляли половину населения. Император Александр I, придя к власти, заявил, что не желает «насаждать рабство» и прекратил пожалование государственных и дворцовых крестьян помещикам⁶².

В то время как оброки крепостных в 1820-х возросли в 2-3 раза и достигли 8-10 рублей серебром с ревизской души, государственные оброки остались на уровне 2,5 рублей серебром. На Черноземье крепостные крестьяне платили в 1830-40-х годах в пересчете на хлеб 15-18 пудов с души всего населения, а государственные крестьяне – 5-7 пудов, примерно столько же, сколько во времена Екатерины II (см. рис. 4.2). Подушная подать также почти не изменилась с тех времен, в пересчете на хлеб она составляла около 2 пудов на душу (в Центральном районе вдвое меньше – рис. 4.3). Таким образом, «эксплуататорский бум» 1820-х годов не коснулся государственной деревни, оброки и налоги оставались умеренными.

Уровень жизни крестьян зависел также от размеров наделов. В конце 50-х годов помещичьи крестьяне Тамбовской губернии имели в среднем 1 десятину пашни на душу, а государственные крестьяне – 1,7 дес. (таким же

был и средний надел по всему Черноземью). Уровень оброка помещичьих крестьян в пересчете на хлеб в результате инфляции к этому времени понизился до 11 пудов на душу, а оброк государственных крестьян составлял 6,7 пуда⁶³.

В целом, государственные крестьяне Черноземья жили намного лучше, чем помещичьи. К примеру, государственные крестьяне потребляли вдвое больше вина – в 40-х годах в среднем на 4 рубля ассигнациями (2,4 пуда хлеба) на душу. В Пензенской губернии в урожайный год средний двор имел излишки до 25 пудов на душу. На средний двор в этой губернии (насчитывавший 8 душ) приходилось 2 лошади, 2 коровы и 8 голов мелкого скота⁶⁴.

Однако, как отмечалось выше (п. 3.5.2), господство дворянства в структуре «государство-элита-народ» привело к подчинению государства элите и массовому распространению коррупции. В то время как помещичьи крестьяне находились во власти помещиков, государственные крестьяне находились в зависимости от чиновников. Павел I утвердил выборное волостное самоуправление, однако в правление Александра I крестьянское самоуправление было подмято под себя коррумпированным чиновничеством. По свидетельству современников, государственную деревню грабили все без исключения, на ней наживались и земские исправники, и коронные чиновники через посредство выборных крестьянских начальников. Сметные книги волостных правлений содержали приходные записи, во много раз превышающие официальные сборы; под самыми разными поводами среди крестьян устраивались «добровольные» складки для «задабривания» чиновников⁶⁵.

Дополнительный «оброк», наложенный коррумпированным чиновничеством на государственную деревню, привел к резкому росту недоимок по государственным податям. Недоимки, составлявшие в 1828 году 45 млн. руб., к 1835 году возросли до 68 млн.; это побудило правительство приступить к наведению порядка. Первой была проведена реформа дворцового ведомства, управлявшего личными владениями императорского дома, в которых проживало свыше 1 млн. крестьян. В ходе этой реформы новый руководитель ведомства Л. А. Перовский сменил за воровство и вымогательства свыше 70% чиновников⁶⁶.

Реформа управления государственными имениями была поручена графу П. Д. Киселеву, одному из доверенных друзей императора Николая I. Помимо пресечения коррупции, предусматривалось проведение кадастра и замена подушного оброка податью, взимаемой с земли и промысловых доходов. Было создано Министерство государственных имуществ, взявшее на себя управление государственными крестьянами и провозгласившее своей целью «упрочение хозяйственного быта поселян»⁶⁷.

Сравнительно более высокий уровень жизни определял и высокий уровень естественного прироста государственных крестьян. По 6 губерниям в 1795-1833 гг. этот прирост составлял 1,6%, в 1834-1850 гг. он упал до 0,98% а в 1851-1857 гг. увеличился до 1,15%. Разницу между приростом в

двух последних периодах, по-видимому, можно в основном отнести на счет эпидемии холеры 1848 года, поэтому наибольший интерес представляет уменьшение естественного прироста в 1834-1850 годах. При этом, хотя коэффициент естественного прироста снизился более чем в полтора раза, рост оставался все же достаточно быстрым. За 1795-1833 годы численность государственных крестьян увеличилась в 1,97 раза, за 1834-1857 годы еще в 1,28 раза. Поскольку численность государственных крестьян за 1795-1857 гг. увеличилась в 2,5 раза, то земельные ресурсы, приходившиеся на душу населения, существенно уменьшились, и это не могло не отразиться на уровне жизни государственных крестьян. На связь между величиной надела и темпами естественного прироста в свое время обратил внимание известный статистик П. П. Семенов, изучавший движение населения в 1858-1878 гг. По подсчетам Семенова в Центрально-земледельческом районе эта связь выглядела следующим образом:

Надел на ревизскую душу (дес.)	Менее 1	1-2	2-3	3-4	4-5	5-6	Более 6
Прирост в 1858-1878 гг. (%)	16,6	17,3	19,0	21,2	25,4	27,6	30,3
Годовой естественный прирост (%)	0,77	0,80	0,87	0,96	1,14	1,23	1,33

Табл. 4.4. Зависимость между размерами надела и приростом крестьянского населения в 1858-1878 гг.⁶⁸.

Если мы заменим интервалы значений средними величинами («менее 1» на 0,5, интервал (1,2) на 1,5 и т.д., интервал «более 6» на 6,5), и найдем корреляцию между средними значениями и среднегодовым естественным приростом, то мы получим необычайно высокий коэффициент – 0,98, то есть величина надела в этот период определяла динамику прироста на 96%. При этом существенно, что увеличение прироста с увеличением надела отмечалось и при сравнительно больших наделах, подобных тем, которые были у государственных крестьян черноземных губерний в 1850-е годы (наделах в 3-5 дес. на ревизскую душу). Естественно ожидать, что связь между величинами надела и естественного прироста должна отмечаться и в 1850-е годы. Действительно, для этого периода коэффициент корреляции между земельными наделами государственных крестьян и их естественным приростом составляет 0,79⁶⁹. Связь оказывается слабее, чем в последующий период, но все же величина надела определяла динамику роста на 62%. Это позволяет утверждать, что падение естественного прироста в 1834-1858 гг. было вызвано, главным образом, уменьшением величины надела, то есть это был результат действия основного «мальтузианского» механизма. Однако имели место и другие факторы, в том числе увеличение податного обложения в результате реформы П. Д. Киселева, а так же отмечаемое многими авторами падение урожайности (см. п. 4.1.1).

4.1.7. Динамика социальной борьбы. Крестьянские волнения

Увеличение повинностей в первой половине XIX столетия вызывало сопротивление крестьянства, проявившееся, прежде всего, в крестьянских волнениях. Динамика крестьянских волнений отражает интенсивность борьбы за перераспределение ресурсов в структуре «государство-элитанарод». На долю помещичьих крестьян приходилось 90% всех выступлений, что объясняется большим различием в материальном и социальном положении двух категорий крестьянства. Основным социальным конфликтом, угрожавшим стабильности государства, был конфликт между помещиками и крепостными.

Как видно из рис. 4.4, число крестьянских волнений резко возросло в период повышения ренты в 1820-х годах, затем несколько понизилось, а потом снова стало расти. В 1840-х годах общее число волнений было почти в четыре раза больше, чем в первое десятилетие XIX века. По данным В.А. Федорова в Центральном районе 59% всех волнений были обусловлены ухудшением положения крестьян – увеличением оброка и барщины, переводом на смешанную повинность, отобранием земли, недостатком продовольствия, жестокими наказаниями, стеснением в промыслах, самоуправством властей. Причиной 20% волнений была смена владельца, которая также часто вела к ухудшению положения крестьян, но иногда порождала и надежды на освобождение по завещанию умершего помещика. 15% волнений было вызвано слухами о «воле», дарованной царем⁷⁰.

Теоретически число волнений было невелико, ежегодно в среднем по Центральному району в них принимало участие лишь 0,3% помещичьих крестьян⁷¹. Однако присутствие такой причины волнений, как слухи о «воле», приводило к непредсказуемым и сильным всплескам крестьянских волнений, вызывавшим острое беспокойство у правительства. Эти всплески говорили о потенциальной возможности спонтанного социального взрыва, в котором могло проявиться накопленное за десятилетия социальное напряжение. Резкие всплески массовых выступлений отмечались в 1797, 1812, 1826, 1848 годах (см. рис. 4.4). Поводом для волнения 1796-1797 годов были надежды крестьян на освобождение, вызванные реформами Павла I. Волнения 1826 года были связаны с ожиданием перемен при воцарении императора Николая I; эти надежды совместились с реакцией крестьян на повышение ренты. В этом году волнениями были охвачены некоторые большие имения, насчитывавшие тысячи крепостных «душ», и помещики одно время говорили о «второй пугачевщине»⁷².

Под впечатлением волнений 1826 года Николай I издал рескрипт, предписывающий предводителям дворянства вести негласное наблюдение за помещиками и в случае обнаружения злоупотреблений информировать вышестоящие власти. За 12 лет, с 1834 по 1845 год было осуждено за злоупотребления 630 помещиков, но наказания были довольно легкие и не соответствовали тяжести преступлений⁷³. Все же сам факт заведения судебных дел, по-видимому, сыграл некоторую роль в приостановке роста ренты; в 1830-х годах число крестьянских волнений уменьшилось, но за-

тем снова стало расти. В 1848 году в обстановке голода и холерной эпидемии снова распространились слухи об освобождении; эти слухи были связаны с появлением указа 1847 года о возможности выкупа крестьян при продаже имения за долги. Одновременно под влиянием галицийского восстания 1846 года и европейской революции произошла мощная вспышка волнений на Украине; сложившись, эти движения породили пик волнений 1848 года. Волнения на Украине вызвали панику среди помещиков и их массовое бегство из деревни в города; среди крестьян западных областей ходили слухи, что французы уже идут освобождать их от помещиков. Эти волнения выявили роль диффузионного фактора и показали, что в условиях высокой социальной напряженности поводом для бунта могут стать также и внешнеполитические события⁷⁴.

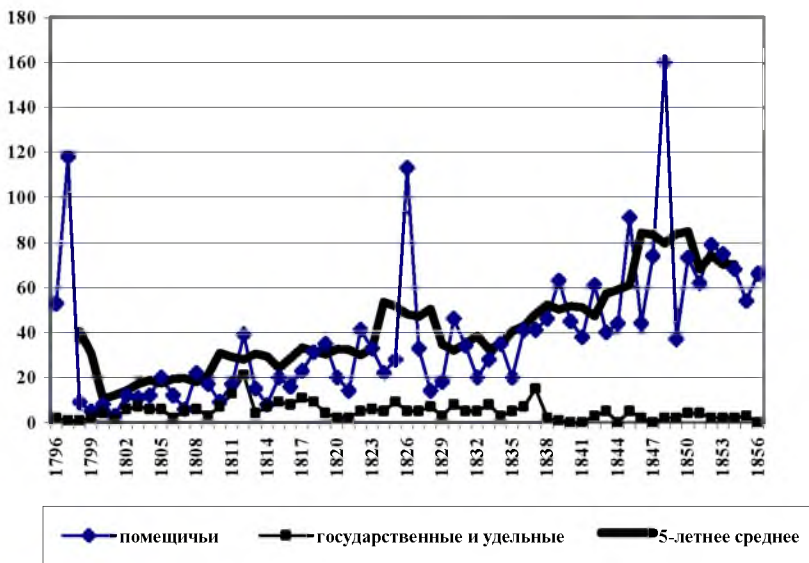

Рис. 4.4. Динамика волнений помещичьих и государственных крестьян и тренд для общего числа волнений в 1796-1856 годах⁷⁵.

Спонтанные вспышки крестьянских волнений порождали у властей боязнь перемен, боязнь того, что реформы могут спровоцировать всеобщий бунт. «Нет сомнения, что крепостное право... есть зло, для всех ощутительное и очевидное, – говорил Николай I в 1842 году, – но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более губительным»⁷⁶. Но в то же время власти хорошо понимали всю опасность нарастания социальной напряженности. «Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности», – писал в своем отчете царю за 1834 год начальник III отделения. «Простой народ ныне не тот, что был за 25

лет перед сим... – писал он в отчете за 1839 год. – Вообще весь дух народа направлен к одной цели – к освобождению»⁷⁷.

О нарастании социальной напряженности говорит также и рост числа крестьян, сосланных в Сибирь помещиками за «дурное поведение». В 1827-1831 годах было сослано 1249 крестьян, в 1832-1836 годах количество сосланных уменьшилось до 882 (что соответствует уменьшению числа крестьянских волнений), но затем оно возросло до 1980 в 1837-1841 годах и 2775 в 1842-1846 годах⁷⁸. В то же время другой показатель социальной напряженности, динамика преступности, не показывает определенной тенденции к росту. В то время как число волнений исчислялось десятками, статистика преступлений оперировала десятками тысяч, и социальные конфликты растворялись в массе бытовых преступлений. В целом уровень криминогенности в России был намного ниже, чем в европейских странах: в 4 раза ниже, чем во Франции, в 7,6 раза ниже, чем в Англии⁷⁹. Число покушений на жизнь помещиков было, в целом, невелико, тем не менее, имеются свидетельства о росте числа убийств и избиений «господ». В Рязанской губернии в 1801-1820 годах был лишь один такой случай, в 1821-1830 годах – 6 случаев, в 1831-1840 годах – 9 случаев, в 1841-1850 годах – 10 случаев и в 1851-1860 годах – 20 случаев⁸⁰.

Демографически-структурная теория утверждает, что процесс Сжатиya сопровождается падением авторитета официальной церкви и распространением диссидентских течений. Действительно, наблюдалось определенное «охлаждение» крестьян к православной церкви, которая покорно служила их господам и постепенно утрачивала доверие народа. По закону 1722 года каждый подданный был обязан ежегодно исповедоваться у священника, но число уклонявшихся от исповеди постоянно возрастало. Например, в Волоколамском уезде Московской губернии в 1796 году уклонились от исповеди 4,2% помещичьих крестьян, а в 1858 году – 9,5%; значительно возросло число раскольников⁸¹.

4.1.8. Динамика элиты

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание динамике материального положения элиты. Ухудшение материального положения в связи с ростом численности элиты и дроблением поместий служит классическим объяснением повышения недовольства дворянства и увеличения давления элиты, как на народ, так и на государство. Как отмечалось выше, в XVIII веке доля дворянства в общей численности населения постоянно возрастала. Как следует из данных, приводимых В. М. Кабузаном и С. М. Троицким (табл. 4.5), эта доля продолжала возрастать и в начале XIX века. Число крепостных на одного дворянина за 1782-1816 годы сократилось в 1,6 раза, соответственно уменьшились и доходы дворянства, что до некоторой степени объясняет недовольство дворян и последовавшее в 1816-1820 годах увеличение ренты (хотя, конечно, это была не единственная причина).

	Численность (тыс.)	1782	1795	1816	1834	1850	1858
По Европейской России	Дворян	84	112	156	166	190	218
	в т. ч. личных			66			94
	% дворян ко всему населению	0,64	0,77	0,92	0,8	0,82	0,84
	крепостных на одного дворянина	76	64	48	52	45	39
В Центральном районе	Дворян	20,5	19,2	19,9	21,6	25,7	34
	в т. ч. личных			11,7			17,7
	крепостных на одного дворянина	94	106	103	102	85	65
В Черноземном районе	Дворян	13,1	21,3	25,7	33,4	35,5	32,9
	в т. ч. личных			10,0			11,0
	крепостных на одного дворянина	116	78	73	63	59	64

Табл. 4.5. Численность дворян (мужского пола) на территории Европейской России (в границах 1772 года)⁸².

В численном отношении преобладающую часть дворянства составляли мелкие дворяне, но все вместе они владели лишь малой частью крестьян. Правительство было обеспокоено ростом «дворянского пролетариата», и по указу Николая I была проведена «чистка» дворянства. Был организован перевод разорившихся дворян в однодворцы и в государственные крестьяне, поэтому число беспоместных и мелкопоместных дворян в 1838-1858 годах существенно уменьшилось (табл. 4.6). На территориях, находившихся ранее в составе Речи Посполитой, положением было иным: здесь имелось огромное количество малоземельной шляхты. Если в 1795 году собственно в России имелось 112 тысяч дворян мужского пола, то на присоединенных территориях их было 251 тыс.; на одного дворянина (включая детей и женщин) здесь приходилось только 14 крестьян, в то время как собственно в России – 64⁸³. Мелкая шляхта в массовых масштабах отнимала у крестьян землю и переводила их на «месячину» – голодные месячные пайки. «Нищета помещичьих крестьян превосходит всякое вероятие... – говорится в докладе Министерства внутренних дел от 7 февраля 1853 года. – Крестьяне, особенно у мелкопоместных владельцев, находятся в бедственном и угнетенном положении... Крестьяне нисходят до последней степени нищеты и нравственного унижения...»⁸⁴. Характеризуя положение крепостных на Украине, Ю. Ф. Самарин писал: «Требования помещиков непомерны; средства истязания развратили народ и сделали его бесчувственным. В имении, которым управляет Т., ежегодно секли от 40 до 60 баб, в том числе и беременных»⁸⁵. Сам Николай I в резолюции на рапорте виленского генерал-губернатора признавал, что западные губернии находятся в «страшном состоянии», которое невозможно исправить, действуя лишь законными мерами⁸⁶.

		Беспоместные	1-40	41-200	201-1000	1001-2000	более 2000	Всего
1838	Помещиков в тыс.	17,8	58,5	30,4	16,7	2,3	1,5	127103
	в %	14	46	24	13	1,8	1,1	100
	У них крестьян в тыс.	124	900	3001	7268	3126	7114	21533
	в %	0,6	4,1	13,9	33,9	14,5	33,0	100
	На 1 помещика крестьян	6	16	98	434	1376	4896	168
1858	Помещиков в тыс.	3,6	41,0	35,5	19,9	2,4	1,4	103880
	в %	3,5	39,5	34,5	19,2	2,3	1,3	100
	У них крестьян в тыс.	24	655	3332	7850	3140	6101	21102
	в %	0,1	3,1	15,8	37,1	14,9	29,0	100
	На 1 помещика крестьян	6	16	94	394	1296	4414	202

Табл.4.6. Численность помещиков Европейской России в зависимости от числа душ в их владении⁸⁷.

Рост численности дворянства был не единственной причиной усиления его давления на народ. Как отмечалось выше (см. пункт 3.5.4) вестернизация привела к деформации дворянского менталитета и формированию комплекса престижного потребления, который психологически давил на дворян, подталкивая их к непосильным расходам.

4.1.9. Вопрос о рентабельности барщинных хозяйств

В 1850-х годах – отчасти под влиянием крестьянских волнений – отмечается некоторое уменьшение крестьянских повинностей. Это породило среди историков споры о рентабельности крепостного хозяйства. Согласно марксистской историографии крепостное хозяйство «изжило себя» и приходило в упадок. Вопрос о том, имело ли место «изживание» крепостничества, имеет существенное значение в контексте неомальтузианской теории: дело в том, что увеличение численности населения приводит к удешевлению рабочей силы и в условиях избыточного предложения свободного труда рабство и крепостничество, действительно, может стать невыгодным. О том, что такое развитие событий вполне возможно, говорят некоторые исторические примеры, в частности, исчезновение категории крепостных крестьян в Китае в эпоху Цин⁸⁸. Связь между рентабельностью крепостничества и плотностью населения не была секретом и для государственных деятелей эпохи Николая I. «Крепостное право падет само собой, – писал адмирал Н. С. Мордвинов... – когда население будет соответствовать пространству земли...»⁸⁹. Министр внутренних дел Л. А. Перовский также отмечал, что опыт отдельных губерний показывает, что там, где нет недостатка в рабочих руках, хозяйствовать вольнонаемным трудом выгоднее, чем крепостным⁹⁰.

Действительно, рост населения в Центральном районе заставлял помещиков переводить крестьян с барщины на оброк. Однако в целом уровень прибыли крепостных хозяйств оставался еще достаточно высоким. «Барщинное хозяйство в момент своей ликвидации было наиболее

щинное хозяйство в момент своей ликвидации было наиболее производительной организацией земледельческого труда, и объективно, и, в особенности, с точки зрения получения прибавочной стоимости, – писал в свое время П. Б. Струве. – Владение крещеной собственностью могло тяготить русских помещиков только в перенаселенных местностях, то есть в мало-земельных имениях. Но мы не имеем указаний на то, чтобы помещики этих мест настолько тяготились своими крестьянами, чтобы стремиться от них избавиться. Иначе мы бы видели массовый отпуск крестьян на волю...»⁹¹

«Поскольку можно заключить из многочисленных в тогдашней литературе вычислений... а также из факта все еще широкого распространения барщины, – отмечал известный экономист П. И. Лященко, – крепостное помещичье хозяйство... было все еще выгодно, как сравнительно с оброчным, так и с вольнонаемным хозяйством»⁹². Мнения о том, что крепостное хозяйство было достаточно прибыльным, придерживаются также многие современные исследователи⁹³. Можно привести много примеров высоко рентабельных барщинных хозяйств. Известно, например, о громадном превышении доходов над расходами в тульских и рязанских вотчинах Юсуповых⁹⁴. Петровское имение Гагариных в Тамбовской губернии насчитывало 3,2 тысячи ревизских душ и приносило в 1856-1859 годах в среднем по 35 рублей с души или в хлебном эквиваленте по 28 пудов хлеба⁹⁵.

Таким образом, суждения о «кризисе» крепостного хозяйства выглядят преувеличенными и не объясняют последовавшей в 1861 году отмены крепостничества. «Крепостнические отношения были ликвидированы сверху, а не в силу своего внутреннего разложения», – подчеркивает Б. Н. Мионов⁹⁶.

С вопросом о рентабельности барщинного хозяйства тесно связан вопрос о росте задолженности помещиков. Дворянская монархия пыталась помочь правящему сословию, в том числе через организацию льготного кредитования. В 1759 году по инициативе П. И. Шувалова был создан Медный банк, выдававший кредиты такого рода. Канцлер граф М. И. Воронцов предупреждал, что получившие ссуды дворяне растрачат деньги впустую. Уже сейчас, отмечал канцлер, многие дворяне, заложив свои имения, тратят деньги в заграничных путешествиях. Действительно, получившие ссуды представители высшей знати практически ничего не вернули банку, и вскоре он прекратил свое существование⁹⁷. Тем не менее, в конце XVIII века система государственных банков была создана; эти банки давали кредиты под залог поместий на очень большие сроки (до 24 лет) и под очень низкий процент (до 1831 года – 6%, а затем – 5%)⁹⁸.

	1823	1833	1843	1859
Объем задолженности (млн. руб. сер.)	90	205	340	425
Заложено крестьян (млн.) и процент к общему числу	21 (20%)	45 (43%)	64 (52%)	71 (66%)
Объем вкладов (млн. руб. сер.)	111	268	416	746
Соотношение долги/вклады	0,81	0,76	0,82	0,57

Табл. 4.7. Объем задолженности и вклады помещиков в 1823-1859 годах⁹⁹.

Задолженность помещиков быстро росла, и к 1859 году было заложено 7,1 млн. душ – 66% их общей численности. Условия кредитов были настолько выгодны, что помещики часто брали ссуды, чтобы передать эти деньги в долг кушам под большой процент. В то же время они не торопились отдавать кредиты, постоянно добиваясь новых пролонгаций и облегчения условий возврата. Банки не решались применять к помещикам жесткие меры и продавать поместья за долги. В Петербургской сохранный казне к 1859 году было заложено 8453 поместья, из них за 1849-1859 годы было назначено к продаже 404 и меньше 100 были действительно проданы. В Тульской губернии было заложено три четверти всех крестьян, но из 3 тысяч заложённых поместий за 1854-1858 годы было продано только 20¹⁰⁰. В 1866 году министр финансов М. Х. Рейтерн докладывал, что за 1831-1865 годы помещикам было роздано в ссуду не менее 400 млн. рублей и «за малейшей частью все остальное пропало бесследно для народного хозяйства»¹⁰¹.

В то же время масштабы дворянской задолженности не следует преувеличивать. На Черноземье помещики могли получить в виде займов до 70 рублей на ревизскую душу, но фактически задолженность была вполвину меньше, и с 1842 года она не увеличивалась. По некоторым оценкам, стоимость только недвижимого имущества помещиков в 1859 году составляла 2,1 млрд. руб., а все их долги исчислялись в 425 млн. руб. Такое соотношение долга и собственности отнюдь не считается чрезмерным¹⁰².

С другой стороны, те же самые государственные банки, которые выдавали кредиты помещикам, принимали от них вклады. До 1820-х годов объем вкладов был невелик, но затем он начал стремительно расти – намного быстрее, чем объем долгов. К 1850 году российские дворянские банки (мы не учитываем здесь вклады купеческого Коммерческого банка) имели на хранении огромные средства, в несколько раз большие, чем все банки Лондона¹⁰³. Откуда взялись эти деньги? Очевидно, это были аккумулированные крестьянские оброки, те самые колоссальные суммы, которые стали получать помещики после тройного увеличения оброков в 20-х годах. Банки давали 5% по вкладу, и в стране, где практически не было акций, это был самый простой и выгодный способ хранения и преумножения денег¹⁰⁴. Таким образом, огромный рост вкладов говорит о росте богатства дворянского сословия.

Что же касается роста задолженности, то отсутствие связи между задолженностью и разорением помещиков отмечалось еще современниками. Так, в 1856 году министр внутренних дел Ланской писал, что на богатых саратовских помещиках числилось почти столько же долгов, сколько на помещиках нищей Витебской губернии¹⁰⁵.

4.1.10. Динамика государства: правление Александра I

Анализ исторического процесса в рамках демографически-структурной теории требует отдельного рассмотрения динамики государ-

ства. Согласно теории, в период Сжатия в связи с ростом цен и инфляцией государство испытывает финансовые трудности, с другой стороны, обостряется борьба между государством и элитой за распределение ресурсов. Для периода Сжатия характерны также попытки реформ с целью облегчения положения народа.

В конце XVIII века Сжатие в Центральном районе – в соответствии с положениями демографически-структурной теории – побудило правительство обратить внимание на тяжелое положение народа и ввести законодательное ограничение барщины. Другим следствием Сжатия стал конфликт между государством и элитой на почве распределения ресурсов, завершившийся убийством императора Павла I. Александр I был вынужден проводить свою политику с оглядкой на дворянство, но, тем не менее, эти два следствия Сжатия – тяжелое положение крестьянства и противоречие интересов государства и элиты – как мы увидим далее, постоянно имелись им в виду и побуждали к попыткам реформ. Но имелся также еще один мотив, побуждавший императора к действию – это было западное диффузионное влияние, усиленное обстоятельствами воспитания молодого царя.

Волею случая наставником Александра оказался Фридрих-Цезарь Лагарп, французский республиканец, впоследствии ставшим одним из руководителей Гельветической республики. По собственному признанию Александра, он был обязан Лагарпу «всем, кроме рождения»¹⁰⁶. Насколько можно судить по конспектам Лагарпа, воспитатель стремился привить наследнику престола идеалы просвященной монархии, ограниченной «фундаментальными законами»¹⁰⁷. В 1797 году вокруг наследника образовался кружок молодых друзей, который Г. Р. Державин называл не иначе как «якобинской шайкой». План «молодых друзей» состоял в постепенных преобразованиях «сверху» с целью введения конституции – причем Александр хорошо сознавал опасность этого плана, поэтому конечная цель преобразований должна была долгое время оставаться тайной для всех, кроме немногих посвященных¹⁰⁸.

В планы молодого царя входила и отмена крепостного права. Государственный секретарь А. С. Шишков писал позже, что у Александра сложилось «несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка». Предубеждение это, по словам Шихова, «внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и, словом, от всего русского»¹⁰⁹.

Таким образом, политическая программа Александра подразумевала частичную модернизацию России по французскому образцу и включала постепенное установление конституционного правления и отмену крепостного права. В этих устремлениях молодого царя, несомненно, проявлялось влияние диффузионного фактора – мощного процесса диффузии западных идей, связанного с французской революцией.

Однако, в отличие от Петра I, Александр I не мог проводить реформы силой самодержавной власти. Переворот 1801 года означал новую победу дворянства и поражение абсолютизма. В первых указах, изданных Александром, он был вынужден уничтожить едва ли не главное орудие самодержавия, Тайную экспедицию, и амнистировать всех осужденных ей заговорщиков. Было объявлено о подтверждении постоянно нарушавшейся Павлом I Жалованной грамоты дворянству и восстановлении дворянского самоуправления. «Для рассуждения и уважения дел государственных» был образован Совет из представителей высшей аристократии (этот Совет позже стали называть Государственным). С первых дней своего существования этот Совет приобрел такое значение, что его позиция предопределяла решения Александра по важнейшим политическим вопросам. Вельможи стремились ограничить власть императора подобием аристократической конституции и превратить Сенат в выборное дворянское представительство¹¹⁰.

Однако конституция, разрабатывавшаяся по указанию Александра М.М. Сперанским, была не той конституцией, которой желала аристократия. Созданная под влиянием французских образцов конституция Сперанского предоставляла гражданские права (во всяком случае, некоторые права) крепостным крестьянам. «Богатые помещики, имеющие крепостных, – свидетельствует Д. П. Рунич, – теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право. Недовольство высшего сословия было всеобщим»¹¹¹.

Таким образом, дворянство, в принципе, желало конституции, которая бы узаконила его власть, но оно было против той конституции, о которой мечтал царь. «Впрочем, – отмечает М. М. Сафонов, – у дворянства было испытанное средство “контролировать” действия правительства и без “конституции”, пресекать любые попытки отклониться от дворянской линии – дворцовый переворот. Это было проверенное и надежное средство, оно всегда действовало как потенциальная угроза. Александр постоянно имел это в виду»¹¹². В правление Александра слухи о заговорах, угрозы и резкая критика в адрес императора были постоянным явлением, и жесткая оппозиция дворянства останавливала реформы уже в их начальной стадии. Поэтому, пишет М. М. Сафонов, широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась к административным преобразованиям¹¹³. Были учреждены министерства и Государственный Совет, но смысл этой административной деятельности оставался неясным и вызывал недоумение у современников, не понимавших, что эти реформы были лишь началом далеко идущих, но остававшихся незавершенными замыслов¹¹⁴.

После победы в войне 1812-1814 годов положение царя укрепилось, и он снова приступил к разработке планов реформ. Снова были сделаны осторожные первые шаги: освобождение крестьян в прибалтийских губерниях и введение конституции в Польше, за которым должно было последовать создание общероссийской конституции. «Русская конституция здесь

уже давно закончена одним французом, состоящим при Новосильцеве», – докладывал в мае 1819 года прусский консул в Варшаве¹¹⁵. Однако в начале 1820 года вспыхнула революция в Испании, быстро распространившаяся на Италию; Южная Италия погрузилась в хаос междоусобной войны. Эти события привели к резкой перемене в политических взглядах Александра. В августе 1820 года царь писал Меттерниху: «...Я неправильно судил об обществе, сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера. Я принес много зла, я постараюсь его исправить»¹¹⁶. Планы реформ были оставлены¹¹⁷.

Определенную роль в переходе Александра I на консервативные позиции сыграли и другие факторы: сознание собственного бессилия перед лицом дворянской оппозиции и известия о существовании в России революционных организаций, подобных тем, которые зажгли огонь восстания в Южной Европе. Еще в 1816 году группой офицеров был создан тайный «Союз спасения» – организация по своей структуре и целям подобная карбонарским вентам и немецкому «Тугенбунду». После начала революций в Европе заговорщики приняли программу «военной революции» по испанскому образцу; попытка такой революции была осуществлена в декабре 1825 года после смерти Александра I – и закончилась неудачей¹¹⁸.

Как дореволюционная либеральная, так и значительная часть современной западной историографии рассматривают декабристское движение исключительно как продукт западного влияния – в духе теории вестернизации¹¹⁹. Близкой точки зрения придерживаются и некоторые современные российские исследователи¹²⁰. Ю.М. Лотман писал о перенимании декабристами западной идеологии: «Перед нами чрезвычайно интересный пример того, как одна идеологическая система, попадая в орбиту другой, “облучается, заражается” по существу чуждыми ей идеями»¹²¹. А. В. Предтеченский указывал на явное несоответствие «сознания передовой части дворянской общественности» «экономическому базису» – то есть на невозможность объяснить движение декабристов социально-экономическими процессами¹²². Естественно, что это движение не находит объяснения и в рамках описывающей эти процессы демографически-структурной теории – очевидно, его объяснение надо искать в контексте теории вестернизации.

Основной вывод из этого краткого обзора главных тенденций царствования Александра I состоит в том, что ни движение декабристов, ни попытки реформ сверху не привели к существенным переменам в социально-экономическом развитии России. Действие диффузионного и демографического факторов оказалось слишком слабым; элита по-прежнему занимала господствующее положение в общественной структуре. Радикализм проектов Александра I и полная неудача попыток проведения их в жизнь очевидным образом свидетельствуют о том, что, с одной стороны, цели государства противоречили целям элиты, но, с другой стороны, государство находилось в подчиненном положении и не могло следовать своим целям.

4.1.11. Борьба за ресурсы

Попытки проведения реформ и сопротивление дворянства отражают динамику отношений государства и элиты. Другим аспектом этих отношений, рассматриваемым в рамках демографически-структурной теории, была борьба за ресурсы. Согласно теории, в период Сжатия государство испытывает финансовые трудности, но не может значительно увеличить налоги из-за сопротивления элиты и народа. В отношении налогов политика Александра I была столь же робкой, как политика Екатерины II. Хотя в 1805 году начались войны с Наполеоном, царь не решился увеличивать налоги; как и при Екатерине, военные расходы финансировались путем печатания ассигнаций. Объем находившихся в обращении ассигнаций, составлявший в 1801 году 221 млн. руб., к 1809 году увеличился до 532 млн. руб. Естественно, это привело к бурной инфляции, и курс ассигнационного рубля упал в 1,7 раза, с 72 до 43 копеек. Цена на хлеб в ассигнациях увеличилась примерно в том же соотношении, следовательно (учитывая, что доходная часть бюджета возросла незначительно) казна потеряла свыше трети своих доходов¹²³. Государственный секретарь М. М. Сперанский утверждал, что существующие налоги с «умножением ассигнаций» и «повышением цен» упали с 1800 года в ущерб казне «более, нежели вдвое»¹²⁴. Уменьшилась также и оброчная подать государственных крестьян, если рассматривать ее в хлебном эквиваленте (см. рис. 4.2).

В 1809 году все доходы государственного бюджета составляли 136 млн. руб., а эмиссия ассигнаций – 127 млн., то есть расходы наполовину финансировались за счет эмиссии. Положение стало нетерпимым, и Александр I поручил М. М. Сперанскому провести финансовую реформу. Сперанский увеличил денежные ставки подушной подати для крестьян на 30%, а размеры оброчной подати (для государственных крестьян) – на 60%. Кроме того, был увеличен питейный сбор (что задело интересы помещиков), а также впервые был введен чрезвычайный налог на поместья – по 50 коп. с ревизской души. Благодаря этим нововведениям Сперанскому удалось увеличить государственные доходы почти вдвое и восстановить тот уровень налогов на душу населения, который существовал в 1803 году (см. рис. 4.5). В начале 1812 года государственный секретарь попытался временно ввести подоходный налог с недвижимых имуществ, в том числе с помещичьих имений. Этот налог (так же как чрезвычайный налог 1810 года) вызвал бурное негодование помещиков и стал одной из причин падения Сперанского¹²⁵.

Таким образом, дворянство, с одной стороны, подталкивало правительство к войне с Наполеоном, а с другой стороны, отказывалось оплачивать военные приготовления. Лишь непосредственно в преддверии войны правительство смогло увеличить подушную подать на 50%; оброчная подать государственных крестьян возросла на 25%. Этих сумм было недостаточно для финансирования военных расходов, и правительство вновь обратилось к печатанию ассигнаций. За время войны 1812-1814 годов дефицит бюджета составил 360 млн. рублей; он был более чем наполовину покрыт

эмиссией бумажных денег, в результате чего курс рубля упал до 20 коп. серебром, и правительство было близко к банкротству – положение спасли лишь победа и то обстоятельство, что война оказалась непродолжительной¹²⁶.

Необходимо отметить, что гиперинфляция была достаточно характерным следствием войны: в условиях Сжатия государство опасается повышать налоги с населения и единственным способом финансирования войны становится эмиссия бумажных денег, которая вызывает резкий рост цен и расстройство рынка. Другим опасным для государства последствием Сжатия в условиях войны является ненадежность мобилизуемых в армию крестьян-ополченцев и опасность восстания крестьян в тылу. Восстание Пензенского ополчения в декабре 1812 года было чрезвычайно опасным симптомом; имели место также многочисленные волнения и восстания крестьян в прифронтовых районах¹²⁷.

После окончания войны 1812 года правительство столкнулось с волнениями ополченцев, которые не желали снова возвращаться в крепостное состояние. Большую часть демобилизованных ополченцев пришлось вернуть в армию, что вместе с необходимостью поддерживать престиж России в новой геополитической ситуации привело к резкому росту вооруженных сил. Власти пытались решить проблему содержания армии путем перевода отдельных частей в «военные поселенцы»; кроме того, планировалось получить недостающие средства за счет отмены откупов и введения казенной питейной монополии. В соответствии с новыми порядками все вино, выкуренное на частных предприятиях, должно было поставляться в казенные магазины. Как отмечалось выше, владельцами этих предприятий были исключительно дворяне, причем винокурением занималась и высшая знать. Вскоре начались повсеместные нарушения монополии и подпольная торговля – в итоге, монополия была отменена и неудача этой реформы еще раз продемонстрировала слабость центральной власти¹²⁸.

Таким образом, в области распределения ресурсов, так же как и в политической сфере, соотношение сил государства и элиты практически не изменилось: элита сохранила свое господствующее положение.

4.1.12. Динамика государства: правление Николая I

Конкуренция за ресурсы и влияние между государством и элитой продолжалась и в правление Николая I. «Важный момент в политической жизни России первой половины XIX в. состоял в **ослаблении зависимости государя от дворянства***», – подчеркивает Б. Н. Миронов¹²⁹. Николай I проводил политику укрепления государства; он пытался восстановить четко функционирующий централизованный бюрократический аппарат и считал своей опорой дисциплинированное чиновничество. За полвека (1796-1847 гг.) количество ранговых чиновников возросло с 15 до 62 тысяч – государственный аппарат рос в три раза быстрее, чем численность население

* Выделено цитируемым автором

ния¹³⁰. В рамках демографически-структурной теории чиновничество (несмотря на то, что некоторые чиновники принадлежат также и к элите) считается частью государства и его естественной опорой. В этой связи приобретает большое значение социальное различие между дворянами и чиновниками, ставшее в первой половине XIX века более рельефным. Дворянство, элита российского общества, стало резко отличать себя от чиновничества. «В понятиях того времени гражданская служба вообще не пользовалась особенным сочувствием, – говорится в издании, посвященном 100-летию государственной канцелярии. – Клички «приказный», «чернильная душа», «крапивное семя»... наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные дела. Для дворян вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственных лиц»¹³¹.

С одной стороны, потомственные дворяне часто презирали чиновников, но с другой стороны, от присутствия дворян в среде чиновников зависела степень контроля элиты над государством. По некоторым оценкам в середине XIX века потомственное дворянство составляло примерно шестую часть чиновников XIV-VIII классов и пятую часть чиновников VIII-V класса¹³². Однако потомственные дворяне не обязательно были поместными дворянами, среди них было много беспоместных, обедневших помещиков или детей чиновников, выслуживших дворянство, но никогда не владевших поместьями. В 1858 году среди высших чиновников I-IV класса (которые все были потомственными дворянами), землевладельцев было 54%, а владельцев родовых поместий, то есть настоящих помещиков – 34%. В среде высшей бюрократии ситуация была иной; в 1853 году практически все члены Государственного Совета были землевладельцами, а 69% из них – крупными латифундистами, владельцами более чем 1 тыс. душ или 5 тыс. десятин каждый¹³³. Эта ситуация отражала господствующее положение элиты по отношению к государству: через своих представителей, занимающих высшие государственные посты, элита контролировала принятие наиболее важных правительственных решений. Преобладание латифундистов определяло позицию Совета, в частности, по вопросу об отмене крепостного права. «...Есть при том и такие предметы или вопросы, по которым... Совет вдруг становится чрезвычайно упорным, – писал член Госсовета М. А. Корф, – и, ничего не слушая, не склоняясь ни к каким рассуждениям, как упрямый осел, только лягается... Таковы особенно все дела о крепостном состоянии...»¹³⁴

Со времен Петра I чиновник, занявший первую «классную» должность (XIV ранга) становился личным дворянином, а должности, начиная с VIII класса, давали потомственное дворянство – таким образом, высшее чиновничество вливалось в ряды дворянства. В николаевское время социальное различие между дворянством и чиновничеством стало более резким, и дворянство постаралось ограничить приток в свои ряды выходцев из «неблагородных». С 1845 года чиновники получали личное дворянство, лишь

начиная с IX класса, чиновники более низких рангов считались «почетными гражданами». Потомственное дворянство теперь давалось лишь чиновникам V класса, а с 1858 года – IV класса, что соответствовало высокой должности действительного статского советника. Чиновники-дворяне четырех высших классов в 1858 году составляли лишь 1% от общей численности бюрократии; таким образом, между чиновничеством и дворянством пролегла резкая грань, и шансы чиновника стать потомственным дворянином стали призрачными¹³⁵.

Вследствие резкого сокращения социальной мобильности стала складываться каста потомственных чиновников – детей личных дворян, которые шли по стопам своих отцов. В середине XIX века численность потомственных чиновников достигала 40% от общего числа чиновников VIII-V классов¹³⁶. Не имея возможности влиться в среду потомственных дворян, чиновники без сочувствия относились к привилегиям дворянства и связывали свои надежды с упрочением самодержавия.

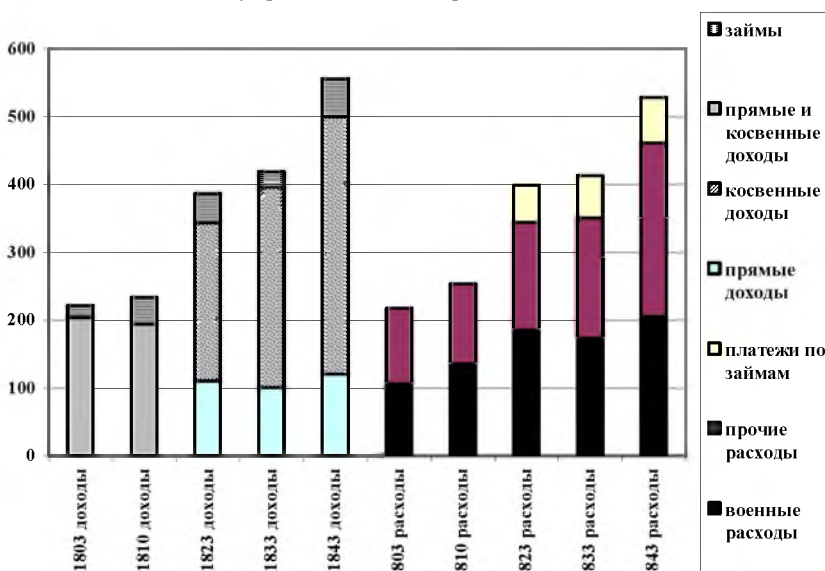

Рис. 4.5. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX века (в пересчете на хлеб, млн. пуд.)¹³⁷.

Отражением возрастающей силы государства был рост доходов казны (рис. 4.5). В пересчете на хлеб доходы на душу населения возросли с 5,2 до 7,6 пудов, но увеличения прямых доходов (подушной подати и казенных оброков) при этом не отмечалось: государство по-прежнему не осмеливалось увеличивать прямое обложение помещичьих крестьян. Рост доходов

происходил за счет косвенных налогов, питейной подати и таможенных пошлин.

Рост доходов позволил сохранить тот уровень военных расходов, который был достигнут во время наполеоновских войн. В 1833 году Россия была самым могущественным государством Европы; она имела армию в 860 тыс. человек, что составляло 1,46% населения (против 0,83% при Екатерине II). Как и его отец, Николай I был поклонником прусского «регулярного государства» и фридриховской военной системы. Император был женат на сестре прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, поддерживал с ним дружеские отношения и вместе с ним проводил военные маневры, на котором русские и пруссаки соревновались в искусстве выполнения маршей и перестроений. Император покровительствовал немецким офицерам и чиновникам, состоявшим на русской службе, и в его правление немцы составляли значительную часть российского чиновничества и генералитета. В те времена формулярные списки чиновников не содержали сведений о национальности, но характерно, что среди членов Государственного Совета в 1853 году было 17% лютеран (и, кроме того, было много лиц с немецкими фамилиями, исповедовавших православие)¹³⁸.

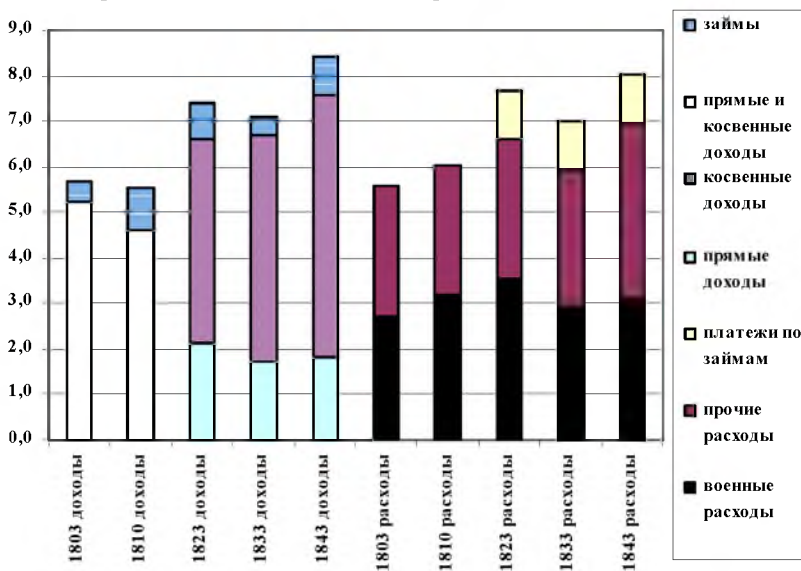

Рис. 4.6. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX века в расчете на душу населения (в пудах хлеба)¹³⁹.

Существенно, что новое этакетистское чиновничество в социальном отношении противостояло старой аристократии. Как отмечалось выше, даже среди высших чиновников две трети не имели родовых поместий. Эти не-

богатые служаки с раздражением взирали на дворцы «плантаторов» и, естественно, выступали против ущемляющих их интересы привилегий знати. Многие из них считали своим долгом служить народу и негативно относились к крепостному праву. Марк Раев характеризует отношения между бюрократией и дворянством как «подспудный и жестокий конфликт»¹⁴⁰.

Политика монархии в отношении крепостничества в значительной мере определялась влиянием диффузионного фактора. Россия оставалась единственной крепостнической страной в Европе, и это обстоятельство подрывало престиж империи. Разговаривая с П. Д. Киселевым, Николай I называл вещи своими именами: он говорил, что готовится вести «процесс... против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи»¹⁴¹. «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государство и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же..., – писал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. – Начинать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа»¹⁴². Однако, Николай I, как и его брат, Александр I, не обладал должной решимостью и, разумеется, помнил о судьбе своего отца. В 1841 году император поручил П. Д. Киселеву разработать закон об обязательной инвентаризации, по которому планировалось ввести для каждого поместья инвентари с описанием крестьянских повинностей по образцу урбарильной реформы Марии Терезии и Иосифа II. Однако император был вынужден отступить перед сплоченным сопротивлением высшей знати и согласился на исключительно добровольное введение инвентарей – естественно, что помещиков, добровольно желающих ограничить свои права, нашлось немного¹⁴³. Большое влияние на дальнейшую политическую борьбу оказали события в австрийской Галиции; в 1846 году здесь началось националистическое движение польской шляхты, и, чтобы подавить его, австрийские власти спровоцировали восстание украинских крестьян. Восстание охватило всю провинцию и сопровождалось страшной резней, многие тысячи дворян были убиты своими крепостными. Воспользовавшись этими событиями, министр внутренних дел Л. А. Перовский предложил новый проект введения инвентарей, и хотя он не был принят, правительство силой провело инвентаризацию в западных губерниях. После этого звать называла советников императора не иначе как «коммунистами»; в 1848 году по Москве ходила карикатура с подписью: «Идет тень Пугачева, опираясь одной рукой на плечо Перовского, а другой – на плечо Киселева»¹⁴⁴.

Последним в ряду николаевских указов об ограничении крепостного права был секретный указ 1853 года о неукоснительном исполнении забытого павловского закона о трехдневной барщине. Этот указ был издан после подавления крестьянского восстания в Ставропольском крае и в преддверии Крымской войны, которая – уже после смерти царя – поставила вопрос об окончательной отмене крепостничества¹⁴⁵.

В целом, несмотря на некоторые сдвиги, социально-экономическая система России в первой половине XIX века находилась в состоянии отно-

сительной стабильности. Дворянство по-прежнему занимало господствующее положение в структуре «государство-элита-народ» и блокировало попытки государства изменить существующий порядок. Хотя монархия укрепила свое положение, она не решалась пойти на конфликт с дворянством.

4.2. «Великие реформы» как трансформация структуры

4.2.1. Крымская война

Как отмечалось выше, на протяжении первой половины XIX столетия российская структура «государство-элита-народ» находилась в состоянии относительной стабильности. Ни демографический фактор, проявлявшийся в нарастающем Сжати и в крестьянских волнениях, ни технический фактор, олицетворяемый промышленной революцией, ни диффузионный фактор, связанный с влиянием западного либерализма и революций 1848 года, пока не могли поколебать сложившихся в структуре отношений.

Однако влияние происходившей в Европе модернизации постепенно усиливалась. К 1840-м годам Англия превратилась в «мастерскую мира», ее фабрики и огромные города поражали воображение русских путешественников. Вестернизация, подражание Англии, в условиях России означала прежде всего освобождение крепостных крестьян. Фактор внешнего влияния становился все более мощным – и, в конце концов, со всей силой проявился во время сражений Крымской войны.

Техническое превосходство Запада долгое время не находило должного отражения в военной сфере, и в Европе сохранялся миф о могуществе России. Однако в середине XIX века – незадолго до начала войны – положение резко изменилось: промышленная цивилизация достигла решающего превосходства в военной технике. На морях появились линейные корабли-пароходы, намного превосходившие своими боевыми качествами парусные суда. Усовершенствование металлургического процесса позволило получать ствольную сталь и в массовых масштабах наладить производство нарезных ружей («штуцеров»). В 1853 году на вооружение английской армии был принят капсульный штуцер «Энфилд» с прицельной дальностью 1300 шагов; большое количество штуцеров имелось и во французской армии. Между тем, вооружение русских войск оставалось практически тем же, что и во времена Наполеона; гладкоствольные кремниевые ружья русских солдат стреляли лишь на 350 шагов и при этом давали до 20% осечек¹⁴⁶. Страны, запаздывавшие с модернизацией, оказались перед лицом превосходящей военной мощи; новая промышленная цивилизация готовилась перейти к широкомасштабной военной экспансии.

В сентябре 1854 года англо-французские войска высадились в Крыму и вскоре встретились с русской армией в сражении на реке Альме. Пехота союзников издала расстреливала русских солдат, и, несмотря на отчаянные штыковые атаки, сражение закончилось поражением русских войск. Русский парусный флот не мог сражаться с противником и был затоплен в

севастопольской бухте. Эти два события как громом поразили русское общество: факт технической отсталости предстал во всей наготе¹⁴⁷.

Война является достаточно обычным проявлением исторического процесса; она является проверкой крепости связей в структуре «государство-элита-народ», и согласно демографически-структурной теории, может вызывать «брэйкдаун». Представляется важным рассмотреть, каков мог быть механизм этого брэйкдауна в российских условиях.

Во время Крымской войны Россия была спасена от полного разгрома тем обстоятельством, что война имела локальный характер – она велась ограниченными силами на ограниченном театре боевых действий. Тем не менее, к началу 1856 года страна находилась в преддверии социально-экономического кризиса¹⁴⁸. Как утверждалось в записке, составленной генералом Д. А. Милютиным для Государственного Совета, промышленность была не в состоянии снабдить армию необходимым количеством военного снаряжения и боеприпасов. Из 1 млн. ружей, имевшихся в арсеналах к началу войны, в 1856 году осталось только 90 тыс.; еще хуже обстояло дело с порохом и снарядами. Таким образом, первая из порожденных войной проблем имела военно-промышленный характер: страна была не в состоянии обеспечить армию оружием. Это означало, что в случае продолжения войны полное поражение было неизбежным, а военное поражение было чревато утратой авторитета монархии и политическими потрясениями.

Вторая проблема была финансовая. В 1854-1855 годах на войну было истрачено 500 млн. руб. что было равно сумме трехлетнего дохода; в 1856 году дефицит бюджета достиг 300 млн. руб. Правительство финансировало войну, заимствуя средства из хранящихся в государственных банках частных капиталов; в результате внутренний долг вырос с 400 до 525 млн. рублей серебром, а внешний долг - с 300 до 430 млн. рублей. Как отмечалось выше, средства, хранившиеся в государственных банках, – это были, в основном, средства принадлежавшие дворянству, – то есть государство обращалось к финансовой поддержке элиты. Это была ненадежная поддержка; средства банков в любой момент могли быть востребованы вкладчиками, и государственным банкам грозил крах (что и произошло после войны). Однако средств все равно не хватало, и главным способом финансирования военных расходов была эмиссия бумажных денег. Сумма кредитных билетов, находившихся в обращении, возросла за 1853-1856 гг. с 311 до 735 млн. руб. В результате этой эмиссии стал невозможен свободный обмен билетов на серебро и курс рубля упал до 75% номинала; цена ржи на Черноземье увеличилась почти в два раза, в стране началась мощная инфляция, которая при продолжении военных действий грозила развалом экономики¹⁴⁹.

Третья проблема – это была проблема надежности армии. За время войны было призвано 800-900 тысяч рекрутов, примерно десятая часть взрослого мужского населения. Взятие крепостного в рекруты означало его освобождение, и рекрутские наборы вызывали недовольство помещи-

ков. Правительство пыталось решить проблему путем призыва крестьян в ополчение; ополченцы должны были после войны вернуться к своим помещикам. Но призыв в ополчение спровоцировал массовые крестьянские волнения: весной и летом 1854 года десятки тысяч крестьян самовольно двинулись на призывные пункты, требуя, чтобы их записали в ополчение или в казаки и дали свободу. В 10 губерниях произошли массовые беспорядки, для усмирения которых пришлось использовать войска. Весной и летом 1855 года такие же волнения имели место в 6 губерниях. В южных уездах крестьянское движение приняло иной характер: крестьяне, собираясь огромными толпами, двигались в Крым, где, по слухам, «англо-французы дали волю»¹⁵⁰.

Таким образом, большая война ставила перед Россией тяжелые, почти неразрешимые проблемы. Первая проблема, недостаток вооружений, объяснялась техническим фактором. Но две другие проблемы – инфляция и опасность восстания крестьян-ополченцев – были обусловлены Сжатием и предсказаны теорией: инфляция была следствием финансового кризиса, о котором мы говорили выше, а волнения или восстания крестьян-ополченцев было ожидаемым последствием крестьянского бесправия и малоземелья. Эти две проблемы уже вставали во время войны 1812 года (см. п. 4.1.11), и они снова встали во весь рост во время Первой мировой войны – и как мы увидим, привели государство к катастрофе.

4.2.2. Первые шаги новой модернизации

Поражение в войне послужило толчком к Великим реформам и освобождению крестьян. Великие реформы представляли собой трансформацию структуры «государство-элита-народ», то есть трансформацию того объекта, который изучает демографически-структурная теория. Это был сложный социально-политический процесс, проходивший под воздействием нескольких факторов, в том числе демографического, технологического и диффузионного, и анализ этого процесса представляется чрезвычайно важным для определения роли демографического фактора в комплексе действующих сил.

Крымская война представляла собой удар волны завоеваний, столь же сильный как тот, который был нанесен под Нарвой. В соответствии с теорией вестернизации, государство, находящееся перед фронтом европейского наступления и стремящееся выжить, должно полностью или частично трансформироваться по образцу победоносного противника. В ходе этой трансформации сначала заимствуется оружие противника, затем – военная организация и военная промышленность. Это – необходимые первоочередные заимствования, без которых государство не сможет противостоять завоевателям. Затем круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной организации – глубина заимствований в этих областях может быть различной, она определяется силой того влияния, которое оказывает на государство победоносный противник, а также соотношением консервативных и модернизационных сил.

Первым и самым поспешным шагом на пути новой волны модернизации было освоение производства западной военной техники – того самого «штуцера», который обеспечил победу союзников в Крымской войне¹⁵¹. Это было лишь начало гонки вооружений, в которой Россия пыталась догнать Запад – вся вторая половина XIX века прошла под знаком военного соревнования. Другим аспектом проблемы модернизации было создание сети стратегических железных дорог. Николай I находился под влиянием традиционалистов и не понимал всей важности «железнодорожной революции». «Крымская война доказала, – писал позже министр финансов М.Х. Рейтерн, – что без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности в собственных границах»¹⁵².

В вопросе о железных дорогах военные реформы соприкасались с экономическими и социальными. Обеспечив мобильность армии, железные дороги должны были вместе с тем открыть внутренние районы России для мировой торговли; они создавали возможность вывоза хлеба, леса и других российских продуктов и их обмена на необходимые стране товары, в первую очередь, на машины, станки, оружие. После Крымской войны средств для строительства дорог у государства не было, и приходилось обращаться к частной инициативе. Это был важный момент модернизации и важная уступка либеральным идеям: правительство сняло существовавшие ограничения и разрешило всем частным лицам создавать акционерные компании – а затем и банки. В 1841-1855 годах было учреждено лишь 36 акционерных обществ с капиталом 30 млн. руб.; после снятия ограничений началась «грюндерская лихорадка», и за 1856-1860 годы было учреждено 107 акционерных обществ с капиталом в 267 млн. руб., из них 178 млн. руб. было вложено в железнодорожные компании. В 1857 году было создано «Главное общество российских железных дорог», которое должно было за 10 лет построить 3900 верст железных путей. Однако обществу не удалось разместить свои акции за границей, и было построено только 755 верст. В октябре 1862 года главноуправляющий путями сообщения П. П. Мельников докладывал Александру II, что банкиры-учредители выехали из России с большими премиями, бросив дело неоконченным¹⁵³.

Тем не менее, первый опыт массового строительства железных дорог показывал, что Александр II твердо намерен идти по пути модернизации России.

4.2.3. Освобождение крестьян

Первые шаги модернизации были сделаны в военной, технической и экономической сфере; они не вызывали в обществе сомнений и споров. Следующий шаг состоял в распространении модернизации на социальную сферу: на повестку дня ставился вопрос о социальных реформах, о ликвидации крепостного права, о политических свободах и о конституции. В 1856 году были отменены ограничения на поездки за границу и поступления в университеты, была ослаблена цензура. Требовало ли промышленное

и техническое развитие освобождения крестьян? На этот счет высказывались различные мнения. П. Струве утверждал, что крепостничество несовместимо с железными дорогами, но А. Гершенкрон возражал, что эта несовместимость была далеко не абсолютной¹⁵⁴. При определенных условиях рабские плантации экономически достаточно эффективны; как показали А. Конрад и Дж. Мейер, американские плантации были частью капиталистической рыночной экономики, они обеспечивали относительно высокую производительность труда и давали хозяевам высокую прибыль¹⁵⁵. Как отмечалось выше, прибыльными были и барщинные хозяйства русского Черноземья, а проведение железных дорог должно было открыть для их продукции европейский рынок и еще более увеличить рентабельность.

Однако помимо технического фактора действовал *фактор диффузии*: удар завоевательной волны привел не просто к технической модернизации, но к модернизации российского общества по европейскому образцу, к *вестернизации*. Вестернизация однозначно означала освобождение крестьян, потому что в Европе уже не было крепостного права и потому что в глазах Запада (и русских «западников») крепостное право было позором России. Эти настроения хорошо передал декабрист М. А. Фонвизин, племянник знаменитого драматурга, выражавший надежду, что подражание Европе приведет к отмене крепостного права. «Тогда мы много выиграем во мнении европейцев, – писал Фонвизин, – потому что существование в России рабства... внушает им презрение к нам»¹⁵⁶. Таким образом, главную роль в отмене крепостного права играл фактор диффузии, действовавший в форме морального, идеологического давления.

Главной движущей силой реформы была партия либералов-западников. Вождем «западников» в окружении нового императора Александра II был великий князь Константин Николаевич, глава военно-морского ведомства и (как многие моряки) закоренелый англоман. По свидетельству П. Долгорукова, именно Константин Николаевич убедил брата приступить к освобождению крестьян¹⁵⁷. Великий князь создал свою «партию реформ» и выдвигал своих приверженцев («константиновцев») на высокие посты, в частности, М. Х. Рейтерн занял пост министра финансов¹⁵⁸.

Свобода личности была для либералов самодвлекющей ценностью, но чтобы убедить крепостников в необходимости реформ, требовались другие аргументы. Таким аргументом была угроза крестьянского восстания. «Если мы не произведем собственными руками мирной и полной революции – она неизбежно произойдет без нас и против нас», – говорил великий князь Константин, держа в руках книгу Токвиля о французской революции¹⁵⁹. Об этом же говорил и Александр II в его первом обращении к московскому дворянству: «Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мной: следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». На позицию царя оказало большое влияние мнение барона Гакстгаузена, известного эксперта и деятеля прусских реформ, написавшего книгу о России и представившему

царю в июне 1857 года особый доклад. Гакстгаузен указывал, что в эпоху пара и электричества нет страны, которая могла бы предохранить себя от новых веяний, что правительство должно опережать события, «дабы события, опередив его... не вырвали от него уступок, которые повлекли бы к его падению». Прусский эксперт предупреждал царя, что европейские радикалы возлагают большие надежды на социальную революцию в России, и что, как показывает опыт, предводители этой партии – не пустые мечтатели. «Гакстгаузен отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу», – писал царь¹⁶⁰.

В этих высказываниях суммирована аргументация сторонников реформ. Во-первых, это ссылка на неизбежность модернизации по западному образцу. Надо брать пример с Запада, потому что Запад продемонстрировал свое военное и культурное превосходство – таким образом формулировалось влияние могущественного фактора диффузии. Второй аргумент – это призрак крестьянского восстания: если правительство промедлит, то освобождение «неизбежно произойдет без нас и против нас» – так формулировалась роль демографического фактора. Совокупное воздействие этих факторов должно было привести к неизбежным переменам.

Можно было ожидать сильного сопротивления, поэтому правительство сформировало для подготовки реформы две редакционные комиссии; без участия Константина Николаевича в обход высших сановников в эти комиссии были подобраны молодые (средний возраст 39 лет) министерские чиновники – убежденные «западники» и либералы. Наиболее активными из них были племянник П. Д. Киселева Н. А. Милотин и ближайший сподвижник знаменитого министра А. П. Заблоцкий-Десятковский. Возглавлял комиссии адъютант и близкий друг Александра Я. И. Ростовцев; он умер незадолго до начала реформы, и его последние слова были: «Государь, не бойтесь!»¹⁶¹ О том, что государь действительно боялся, говорит то обстоятельство, что, начиная с декабря 1857 года, министр внутренних дел по требованию царя делал ему еженедельные доклады о настроениях дворянства и крестьянства, о «слухах» и «толках» на местах¹⁶².

Решение освободить крестьян подкреплялось также и тем, что по мере обсуждения реформы правительство ощущало все более нарастающее давление снизу. В отчете III отделения за 1857 год указывалось, что слухи о приближающемся освобождении привели крестьян «в напряженное состояние», что возможны массовые волнения и «спокойствие России» будет зависеть главным образом от «расположения войск». В 1855 году было зафиксировано 63 крестьянских выступления, в 1856 – 71, в 1857 – 121, в 1858 – 423, в 1859 – 182, в 1860- 212¹⁶³.

Груше молодых чиновников-реформаторов удалось провести процедуру разработки и принятия законов так, чтобы обеспечить видимость «согласия» со стороны дворянства. Дворяне называли Н. А. Милотина «красным», и направляли в правительство протесты и официальные записки против выработанного комиссиями проекта¹⁶⁴. Раздавались и замаскированные призывы к неповиновению властям; едва не начавшиеся оппозици-

онные выступления были предотвращены полицией. О том, насколько реальной казалась тогда опасность, говорит то, что 19 февраля 1861 года, в день подписания указов о реформе, в Зимнем дворце были приняты особые меры безопасности, а для государя на всякий случай были приготовлены оседланные лошади¹⁶⁵.

Дворянство понимало, что оно не может отменить реформу, и ему остается лишь требовать компенсации – такой компенсацией могла быть аристократическая конституция, которая отняла бы часть власти у монархии и передала бы ее дворянству. Этим стремлением получить возмещение за потери, по мнению В. П. Мещерского и Б. Н. Чичерина, и объясняется выставление оппозицией либеральных требований, массовый переход еще недавно консервативных дворян в лагерь либералов-конституционалистов¹⁶⁶. В среде дворян становится популярной аристократическая Англия с ее традициями лендлордизма и палатой пэров, обеспечивающей права знати. «Высшее дворянство мечтает о положении английских лордов и успехах Мирабо», – писал прусский посол граф Отто Бисмарк¹⁶⁷.

В феврале 1862 года тверское дворянское собрание приняло адрес с требованием созыва «выборных от всей земли русской», а также с рядом других либеральных предложений, в том числе, передачи земли крестьянам в частную собственность и создания независимого гласного суда. В поддержку требования о создании выборного представительства высказались ряд других дворянских собраний – рязанское, московское, воронежское, смоленское, екатеринославское и др.¹⁶⁸ Подчеркивая остроту конфликта, министр внутренних дел П. А. Валуев в докладной записке, поданной Александру II в июне 1862 года, писал, что дворянство стремится «иметь некоторое участие в управлении. До тех пор, пока эти стремления не будут в известной мере удовлетворены, не будет ни мира, ни перемирия»¹⁶⁹.

В конечном счете, правительству пришлось пойти на частичные уступки и создать земское самоуправление в губерниях и уездах. П. А. Валуев свидетельствует, что императорское окружение видело в земских учреждениях «средство откупиться от “конституции”»¹⁷⁰. Земства были выборными органами, члены которых выбирались раздельно от трех сословий: от землевладельцев, горожан и крестьян, но в которых преобладали дворяне. В 1865-1867 годах дворяне и купцы составляли 85% членов губернских земских собраний. Земства назначали и собирали местные налоги, однако земское самоуправление было ограниченным и касалось в основном хозяйственных вопросов; вопросы охраны порядка оставались в ведении губернаторов¹⁷¹.

Таким образом, государство – впервые со времен неудачной попытки Павла I – вышло из подчинения элите и решилось на отстаивание своих интересов (и интересов народа) вопреки интересам дворянства. Это вызвало острый конфликт между монархией и элитой, но, несмотря на определенные уступки, победа осталась за монархией. В конечном счете, государство вновь приобрело относительную независимость от элиты, и мо-

нархия вновь стала *этактистской монархией* – то есть монархией, способной регулировать отношения между элементами структуры. Это качественное изменение отношений в рамках структуры «государство-элитанарод» был одним из проявлений произошедшей *трансформации структуры* – другим его проявлением было кардинальное изменение в положении крестьянства.

4.2.4. Изменение положения крестьян в результате освобождения

Первый параграф «Общего положения» о реформе гласил, что «крепостное право отменяется навсегда». Согласно «Местным положениям» (их было несколько для различных районов), повинности и наделы крестьян должны были фиксироваться в «уставных грамотах», которые составлялись с помощью мировых посредников. Для каждого района были установлены максимальная и минимальная величина крестьянского надела; если крестьянин имел надел меньше минимального, то ему прирезалась земля, если больше максимального, то земля отрезалась. При согласии крестьян помещик мог ограничиться выделением им маленького «дарственного» надела (который составлял одну четверть от максимального), но при этом крестьяне освобождались от повинностей. При любых обстоятельствах помещику отходило не менее трети всей удобной земли, а в южных степных районах – не менее половины. В итоге произведенного раздела угодий в Центральном районе крестьяне потеряли 20% земли, а на Черноземье – 16 %¹⁷². Таким образом, наделы крестьян были урезаны и не давали им достаточных средств для существования. Чтобы уплачивать выкупные платежи и налоги, часть крестьян была вынуждена идти батраками к помещикам или арендовать у них землю.

В Черноземном районе после проведения отрезки средний надел крестьян уменьшился с 1,54 до 1,28 дес. удобной земли на душу. В это количество входила не только пашня, но и угодья (луга, сенокосы и проч.); пашня занимала в среднем 78% надела¹⁷³, то есть составляла около 1,0 дес. на душу. За этот надел крестьянин должен был платить оброк или нести барщину, в соответствии с нормами, установленными «Положением». Для оброчных крестьян размеры оброка в связи с уменьшением надела немного уменьшились, в среднем с 4 руб. до 3 руб. 55 коп. с души (всего населения), в хлебном исчислении примерно с 10 до 8 пудов. Размеры барщины сократились более существенно (в 3-5 раз), ее максимальный размер составлял теперь 40 мужских и 30 женских дней, преимущественно летом. Барщина стала невыгодной помещикам, и они стали переводить крестьян на оброк; оброк бывших барщинных крестьян был немного больше, чем у старых оброчных; он составлял в среднем 4 руб. 05 коп с души¹⁷⁴.

Таким образом, крестьяне были освобождены, а их повинности зафиксированы, как это предполагалось сделать еще П. Д. Киселевым в 1841 году. Крестьяне, несшие эти повинности, назывались «временнообязанными», однако время их нахождения в этом состоянии не оговаривалось и зависело от помещика. Помещикам была предоставлена возможность пе-

ревести своих крестьян на выкуп земли и повинностей; помещик мог сделать это как по согласию с крестьянами, так и без их согласия (но в последнем случае он терял пятую часть выкупной суммы). Если же он не желал отпускать «временнообязанных» крестьян, то мог вести хозяйство по-старому; крестьяне могли лишь требовать перевода их с барщины на оброк (что было для них невыгодно)¹⁷⁵.

В селах сохранилось старое общинное самоуправление – но теперь уже без вмешательства помещика. Государство стремилось сохранить связанную круговой порукой общину, которая гарантировала уплату налогов и распределяла их по силам плательщиков. Сельский сход выбирал старосту, который теперь получил и полицейские полномочия; он должен был обеспечивать отбывание повинностей и исполнение требований вышестоящей администрации. Было создано и волостное самоуправление по образцу существовавшего у государственных крестьян¹⁷⁶.

С юридической стороны, важнейшей чертой манифеста 1861 года было то, что он подтверждал право частной собственности помещиков на «все земли, принадлежащие им». Как известно, это право было сформулировано в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 года, однако оно никогда не признавалось крестьянами в их обыденном сознании. Крестьяне истари считали себя «вековыми царевыми» работниками, по царской воле обязанными нести тягло в пользу помещиков. По их понятиям, земля также являлась «вековой царевой» или божьей и находилась во владении тех, кто ее обрабатывает¹⁷⁷. Поэтому требование выкупа земли, которую они считали своей, вызвало массовые протесты крестьян. Большинство крестьян отказалось подписывать «уставные грамоты», но, тем не менее, они вводились в действие. Крестьянство волновалось, в 1861 году имело место 784 выступления, это была самая большая волна бунтов со времен восстания Пугачева; при подавлении 499 выступлений были использованы войска. Крестьяне подчинились силе, но они так и не признали земли помещиков «неприкосновенной частной собственностью». Требование о возвращении захваченных помещиками земель стало частью крестьянского менталитета; оно воплотилось в мифе о будущем «Черном переделе»; по стране постоянно ходили слухи о том, что готовится царский указ, «что земля будет общая для чего ее отберут у помещиков и разделят между крестьянами». Этими слухами и надеждами на царя крестьяне жили вплоть до революции 1905 года¹⁷⁸.

Одной из форм крестьянского сопротивления было неисполнение барщины – и этот метод оказался достаточно эффективным. Оказавшись не в состоянии наладить обработку своих полей, помещики стали переводить крестьян на выкуп. Для начала выкупа необходимо было перевести крестьян с барщины на оброк (или хотя бы определить сумму оброка, эквивалентную барщине). Размер выкупа определялся исходя из величины оброка так, чтобы, получив этот капитал и положив его в банк из 6% годовых, помещик мог получить ту же сумму. Цена надела, дававшего средний для бывших оброчных крестьян Черноземья душевой оброк в 3

руб. 55 коп, таким образом, определялась в $3,55/0,06 = 59,16$ рублей; это было примерно на 20% больше рыночной цены. Если выкуп осуществлялся по согласию обеих сторон, то крестьяне должны были сразу же выплатить помещику 20% суммы из своих средств, а оставшиеся 80% выплачивало государство, предоставлявшее крестьянам ссуду. Эту ссуду нужно было выплачивать 49 лет, причем каждый год крестьяне платили по 6%. При выкупе надела и повинностей стоимостью 59 рублей крестьяне получали ссуду в $59*0,8 = 47,2$ рубля, за которую нужно было каждый год платить $47,2*0,06 = 2,83$ рубля, то есть меньше, чем прежний оброк в 3,55 рубля¹⁷⁹.

К 1870 году на выкуп перешло 67% крестьян, к 1880 году – 85%¹⁸⁰. Выкупные платежи превратились в новый налог, уплачиваемый государству и заменивший прежние оброки и барщину. На Черноземье при пересчете на хлеб по средним ценам 1862-1870 годов этот налог составлял 6,5 пуда на душу против 10 пудов оброка в 1855-1859 годах¹⁸¹. Если же учесть, что, судя по динамике оброка в отдельных имениях, в 40-х годах он достигал 14-18 пудов, то *рента с того времени уменьшилась более, чем вдвое* (нужно, правда, отметить, что и крестьянские наделы уменьшились на 16%). О том, что крестьяне сразу же почувствовали это уменьшение ренты, говорит быстрый спад волнений в деревне: за 1864-69 года было зафиксировано лишь 389 выступлений – меньше, чем в одном 1863 году¹⁸². Важным обстоятельством было также и то, что новый налог собирался не «с душ», а с земли, поэтому в расчете на душу с ростом населения выкупные платежи уменьшались. На Черноземье крестьяне платили в среднем 2 руб. 29 коп. с десятины¹⁸³, что в 60-х годах было эквивалентно 5 пудам хлеба; десятина же тогда давала в среднем 14 пудов чистого сбора¹⁸⁴. Конечно, у крестьян, имевших немногим более одной десятины на душу, не было хлеба на уплату выкупных платежей, и они были вынуждены арендовать землю у помещика или идти на заработки. В следующей главе мы рассмотрим более подробно положение бывших помещичьих крестьян после ~~новорожден~~ реформы. Изменения произошли и в жизни государственных крестьян. В соответствии с указом 24 ноября 1866 года было произведено размежевание государственных и крестьянских земель, и сельские общества получили на используемые ими земли «владенные записи». Наделы и платимый за них оброк при этом почти не изменились; крестьянам было предоставлено право выкупа земли; ее стоимость определялась так же, как для помещичьих крестьян, но ссуда не предоставлялась, и выкупить надел, заплатив сразу всю его стоимость, могли очень немногие. Наделы государственных крестьян были большими; в Черноземье в среднем на душу приходилось 2,4 десятины, почти в два раза больше, чем у помещичьих крестьян¹⁸⁵.

4.2.5. Итоги реформы

Реформы 1860-х годов создали две категории крестьян-мелких держателей. Одна из этих категорий, государственные крестьяне, имела относительно большие наделы, другая, бывшие крепостные крестьяне, изначально

но была поставлена в условия катастрофического малоземелья. Без посторонних заработков бывшие крепостные не только не могли платить подати, но зачастую не могли прокормиться собственным хлебом. Проблема нехватки земли обычно возникает вследствие роста населения, но в России она была создана искусственно, путем обезземеливания крепостных помещиками и последующего закрепления создавшегося положения реформой 1861 года. Дальнейший рост населения должен был усугубить это положение и привести к социальному взрыву.

С другой стороны, сохранение общины и придание ей самостоятельного статуса создало новый сектор экономики, построенный на уравнилельных и коллективистских началах. Как известно, партия социал-революционеров («эсеров») считала общину готовой «ячейкой социализма» и полагала, что смысл будущей революции будет заключаться лишь в ликвидации частновладельческих земель и передаче их общинам¹⁸⁶.

Реформа была проведена монархией вопреки сопротивлению дворянства, что ярко продемонстрировало силу самодержавия и его относительную независимость от сословий и классов. Монархия вновь стала этатистской монархией, то есть заняла ведущее положение в структуре «государство-элита-народ» и обрела силы, чтобы регулировать отношения между другими элементами структуры. Прежние находившиеся в жесткой оппозиции демократы были готовы аплодировать самодержавию. А. И. Герцен и Н. И. Тургенев теоретически обосновывали преимущества абсолютизма: «Я сочувствовал неограниченной власти, защищая необходимость ее для освобождения страны от эксплуатации человека человеком», – писал Тургенев¹⁸⁷. Дворянство, бывшее ранее опорой монархии, перешло в оппозицию и, взяв на вооружение западный либерализм, потребовало ограничения самодержавия. Одно время казалось, что опорой самодержавной власти может быть только «социалистическое» общинное крестьянство. «Если мы разрушим общину, – говорил Н. А. Милютин в 1865 году, – Россия не продержится и 24 часов. Крестьянский мир – единственный консервативный элемент у нас: все остальные классы исполнены революционных начал...»¹⁸⁸

Подводя итоги, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что реформы 1860-х годов были вызваны совокупным действием трех факторов, демографического, технического и диффузионного. Действие демографического фактора проявлялось в угрозе крестьянского восстания, которая была следствием сокращения наделов и отягчения повинностей крепостных в первой половине XIX века. Начиная с 1820-х годов, крепостные крестьяне существовали в условиях регулярно повторяющегося голода, что вместе с учащением эпидемий было главной причиной приостановки роста крепостного населения. Крайне тяжелые условия жизни крепостных крестьян отражались в увеличении числа крестьянских выступлений и в угрозе всеобщего бунта.

Как утверждает неомальтузианская теория, Сжатие должно было вызвать тенденцию к этатизму и попытки проведения социальных реформ,

направленных на облегчение положения народа. Великая реформа была именно такой этатистской социальной реформой, проведенной монархией, исходившей из общегосударственных интересов. Однако демографический фактор смог вызвать трансформацию структуры лишь действуя совместно с техническим и диффузионным факторами. Действие этих факторов проявлялось по нескольким направлениям. Технический фактор обеспечил победу союзников в Крымской войне, что доказало превосходство Запада и необходимость модернизации по западному образцу. Сама по себе новая техника, возможно, еще не требовала отмены крепостничества, но технический фактор резко усилил действие диффузионного фактора, который предписывал брать пример с Европы во всем – то есть, в том числе, освободить крестьян. Мощное диффузионное влияние проявилось в появлении партии «западников» и пропаганде либеральных идей, в том числе, и в окружении императора.

Действие диффузионного фактора проявлялось не только в отмене крепостного права, но и в судебной и военной реформах, в начавшейся компании по строительству железных дорог и в «грюндерской лихорадке». В целом все эти (и некоторые другие) нововведения означали начало широкомасштабной модернизации по западному образцу. Однако один из аспектов этой модернизации – дворянское требование создания выборного представительства – вызвал неприятие со стороны этатистского правительства, и модернизация в этом направлении была ограничена созданием земств. Еще один аспект модернизации – требование автономии со стороны поляков – показал, что модернизация таит в себе опасность для целостности империи, и породил традиционалистскую реакцию. После 1866 года все реформы, кроме экономических, были приостановлены и начался «период реакции».

4.3. Демографическо-структурные процессы в пореформенный период

4.3.1. Процесс модернизации в 1860-1870-х годах

Главной особенностью социально-экономической истории пореформенной России была ее сопряженность с процессами модернизации. Как отмечалось выше, теория модернизации изучает, в первую очередь, процессы, определяемые факторами диффузии и технического инноваций. Важнейшим проявлением роли технического фактора была совершившаяся на Западе промышленная революция; техническое, экономическое, военное превосходство промышленных стран вызвало мощный процесс диффузии и вестернизации – процесс перенимания западной техники и западных порядков. Наиболее важным обстоятельством было то, что промышленная революция обеспечила Англии, Франции и Германии военное превосходство над другими странами. Если прежде Россия не чувствовала угрозы со стороны превосходящего в военном отношении противника, то теперь эта ситуация стала реальностью. «После 1861 года Россия находи-

лась под прессингом состязания, который ощущали на себе все запоздавшие с модернизацией государства, – писал автор «теории модернизации» С. Блэк, – и тот факт, что она имела долгую традицию великодержавия, лишь делал этот прессинг более настойчивым... Россия чувствовала позади горячее дыхание истории»¹⁸⁹.

Военное ведомство постоянно требовало увеличения расходов, и это создавало крайне напряжение в государственных финансах. В 1884 году морской министр представил Александру III доклад, в котором писал, что «Россия без самоубийства не может выйти из ареопага великих держав и заставить забыть о себе». В ответ министр финансов Н. Х. Бунге указал на бедственное положение и истощение платежных сил крестьянства: «Идти далее по пути увеличения расходов, покрываемых займами или непосильными для плательщиков налогами, значило бы... идти на самоубийство»¹⁹⁰. Другой министр финансов, С. Ю. Витте, объясняя тяжелое положение экономики, говорил Николаю II, что, если сократить армию на четверть или на треть, то найдутся деньги и для сельского хозяйства¹⁹¹. Таким образом, социальная система находилась под постоянным давлением извне и изнутри: с одной стороны, военная угроза извне требовала увеличения налогов, с другой стороны, повышающееся демографическое давление требовало уменьшить налоги¹⁹². Как и предсказывает демографически-структурная теория, в условиях Сжатия финансовый кризис стал перманентным.

Правительство Александра II искало выход из создавшегося положения на пути включения России в мировой рынок, рассчитывая на то, что полученные от экспорта средства, по крайней мере, частично, будут вкладываться владельцами капиталов в промышленную и военную модернизацию страны. Первым пунктом этой программы было форсированное строительство железных дорог.

«Сооружение железных дорог можно назвать не только настоящей потребностью, но и положительно важнейшей для будущности России задачей правительства... – докладывал царю министр финансов М. Х. Рейтерн в 1866 году. – Экономическое положение России может быть существенно улучшено лишь посредством железных дорог, которые дадут ценность ее произведениям, и, следовательно, достаточное вознаграждение труду и безбедный доход с земли; в финансовом отношении можно ожидать существенного увеличения доходов лишь от улучшения экономического быта, который находится в зависимости от улучшения путей сообщения; наконец, даже в политическом отношении возможность скорого передвижения от центра к окраинам должна умножить силу России»¹⁹³.

У государства не было денег на строительство железных дорог, и М. Х. Рейтерн предпринял новую попытку привлечения иностранного капитала. В 1866-1870 годах было основано несколько привилегированных компаний по образцу «Главного общества»; ситуация на западных финансовых рынках на этот раз была более благоприятной, и компании смогли разместить на них часть своих акций и облигаций; другая часть была куплена

правительством. Началось интенсивное строительство; в 1866 году в стране было лишь 3543 версты железных дорог, в 1866-1870 годах было построено 6659 верст, в 1871-1875 годах – еще 7424 версты. Основная масса оборудования для этих дорог доставлялась из-за границы, стоимость ввозимых машин увеличилась с 7,5 млн. руб. в среднем в 1856-1860 годах до 51,1 млн. руб. в 1876-1880 гг.; ввоз черных металлов (в основном рельсов) в 1872-1876 годах составлял в среднем 24,5 млн. руб. В торговом балансе России предметы роскоши для дворянства были впервые отнесены на второй план индустриальными товарами. Одновременно строились заводы по производству паровозов, вагонов, рельсов. К концу 1870-х годов были построены первенцы русской индустрии: Коломенский, Невский, Сормовский, Обуховский, Балтийский, Путиловский, Брянский заводы. В 1880 году на машиностроительных заводах было занято 48 тыс. рабочих, и они давали продукции на 56 млн. руб.; к этому времени Россия производила в год 250 паровозов и могла полностью обеспечить локомотивами свои железные дороги. В 1881-1885 гг. ввоз машин уменьшился в среднем до 18,8 млн. руб. в год¹⁹⁴.

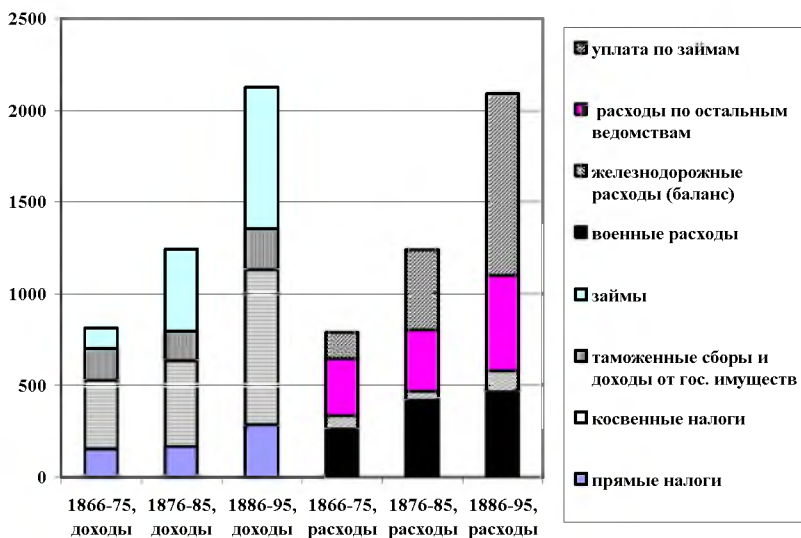

Рис. 4.7. Доходы и расходы бюджета второй половины XIX века в пересчете на хлеб (млн. пудов)¹⁹⁵.

Таким образом, в России начался процесс индустриализации, происходивший значительной мере благодаря приливу западных капиталов. Однако условия привлечения этих капиталов были настолько невыгодны для казны, что, как оказалось впоследствии, частные железные дороги строились в основном на средства, полученные от государственных и гаранти-

рованных государством внешних займов. Общий объем этих займов в 1861-1880 годах составили более 1,6 млрд. руб., и за 1866-1880 годы казна была вынуждена выплатить 350 млн. рублей процентов по этим займам. В итоге, Россия попала в долговую кабалу, выплата огромных процентов по займам стала главной статьей государственных расходов, намного превосходящей военные расходы (рис. 4.7)¹⁹⁶.

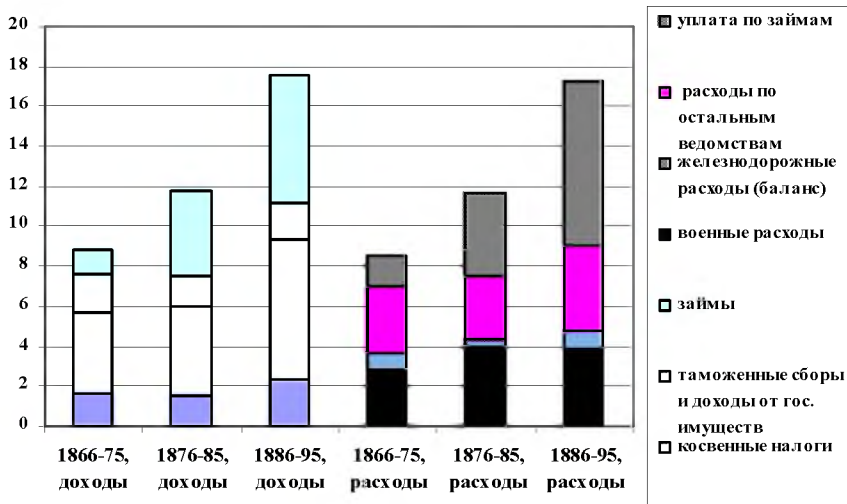

Рис. 4.8. Доходы и расходы бюджета на душу населения в пересчете на хлеб (пудов)¹⁹⁷.

Новые потребности индустриализации вызвали значительное увеличение расходов казны. Для покрытия этих расходов были увеличены косвенные налоги, в 1863 году правительство отменило винные откупа и старинную монополию дворянства на курение вина, разрешив его свободное производство при уплате акцизного сбора. Питейный доход в 1857-1864 годах увеличился с 73 до 121 млн. руб., но этого оказалось недостаточно, и министр финансов М. Х. Рейтерн настоял на увеличении подушной подати (которая не увеличивалась уже сорок лет). В 1861-1867 годах подушная подать возросла в среднем с 95 коп. до 1 руб. 75 коп. с ревизской души (с некоторыми колебаниями по губерниям). В 1863 году был введен налог с недвижимых имуществ в городах. В 1872 году было указано брать с помещичьих земель земский сбор, который вскоре стал называться государственным поземельным налогом. Хотя этот налог был поначалу невелик, его введение имело принципиальное значение: дворянство лишилось своего старинного податного иммунитета¹⁹⁸.

В контексте демографически-структурной теории произошедшее в этот период повышение налогов следует рассматривать как перераспределение ресурсов в пользу государства, соответствующее его новой ведущей роли в

структуре «государство-элита-народ». Рост хлебных цен, однако, привел к тому, что в пересчете на хлеб повышение налогов не было столь значительным. Налоги на душу населения в 1865-1870 годах составляли около 7,5-8 пудов, в то время как в николаевские времена – 7-7,5 пудов.

Что касается общей картины капиталовложений, то, по подсчетам И. Ф. Гиндина, в 1861-1880 гг. все вложения в ценные бумаги составили 4,5 млрд. руб., в том числе 2,5 млрд. руб. – внутренние вложения и 2 млрд. – привлеченные иностранные капиталы. Однако из 2,5 млрд. внутренних вложений на строительство железных дорог было потрачено лишь 108 млн. руб. Таким образом, вопреки ожиданиям, государству лишь в малой степени удалось привлечь владельцев капиталов (в частности, помещиков) к модернизации страны. Из 2 млрд. руб. иностранных капиталовложений 1,6 млрд. составляли железнодорожные займы. Доля иностранных капиталовложений в производственных вложениях составляла 72%, а в железнодорожном строительстве она была подавляющей¹⁹⁹.

4.3.2. Динамика элиты

В контексте демографически-структурной теории большое значение имеет внутренняя динамика элиты; изменение ее материального положения и появление новых фракций. Хотя торговая буржуазия существовала в России и ранее, возникновение фабричной промышленности и огромный рост торговых оборотов привели к качественному изменению положения купеческого сословия и к формированию новой значительной элитной группы, торгово-промышленной буржуазии. Мощный толчок этому процессу дала бурная кампания учреждения новых акционерных обществ в сфере железнодорожного строительства. «Грюндерская лихорадка» распространилась из этой сферы и на другие отрасли. Если в 1861 г. в России насчитывалось лишь 78 акционерных обществ с капиталом в 72 млн. руб., то за 1861-1873 гг. было учреждено 357 акционерных обществ с капиталом в 1116 млн. руб. (причем на 53 железнодорожных общества приходилось 699 млн. руб. капитала). Число акционерных банков увеличилось за 1868-1873 гг. с 3 до 42, их пассивы достигли 510 млн. руб.²⁰⁰

Помимо железнодорожного строительства, другой важной новой отраслью была текстильная промышленность. Владельцами текстильных фабрик Центра были в основном представители московского купечества. В 1870 г. в Москве было взято 583 купеческих свидетельств первой гильдии, в 1898 г. – 947, причем свидетельства иногда брались не на определенное лицо, а на банк или фабрику. Преуспевание «московской» буржуазии было связано с промышленным переворотом, происходившим в хлопчатобумажной промышленности. В 1860-1880 гг. производство хлопчатобумажных тканей по стоимости увеличилось почти в пять раз, с 43 до 200 млн. руб.; дивиденды некоторых предприятий достигали 40, 50 и даже 70 процентов. В дальнейшем прибыли уменьшились, и в начале XX века обычным дивидендом считалось 10% – тем не менее, текстильное производство было выгоднее других отраслей, и московские промышленники не стреми-

лись к вложению капиталов в тяжелую промышленность. Что же касается иностранных капиталистов и работавших на их деньги «петербуржцев», то для них такое вложение было достаточно привлекательным, так как средний уровень прибыли в Европе был значительно меньше, чем в России²⁰¹.

В пореформенное время московское купечество в целом придерживалось верноподданнических и монархических убеждений. «Купеческое большинство, – писал Б. Н. Чичерин, – было вообще невысокого уровня. Образование было очень мало, а участие к общественному делу, пожалуй, еще меньше»²⁰². После убийства Александра II двести видных московских купцов продемонстрировали свою верность престолу, вызвавшись охранять наследника во время коронации. Силы буржуазии постепенно росли, но вплоть до 1905 г. торгово-промышленные круги не проявляли своих амбиций и не претендовали на долю власти. В значительной мере это можно объяснить их заинтересованностью в казенных заказах и той поддержкой, которую оказывало правительство промышленникам во время экономических кризисов²⁰³. При Александре III политика «народного самодержавия» предусматривала защиту национальной промышленности; в соответствии с пожеланиями буржуазии были увеличены таможенные пошлины. Тариф 1891 года создал прочную таможенную стену, ограждавшую промышленность от иностранной конкуренции и обеспечившую промышленникам высокие нормы прибыли. В то же время правительство пыталось бороться со спекулятивными тенденциями и строго контролировало биржевые и банковские операции²⁰⁴.

Одновременно с появлением новых слоев элиты, изменилось и положение ее основной массы – дворянства. Освобождение крестьян породило тяжелый кризис дворянской элиты. Лишенные дарового труда крепостных барщинные экономии были вынуждены перестраивать свое хозяйство и многие мелкие помещики разорились. В 1862-1877 годах число помещичьих имений в Европейской России сократилось на 11 тыс. (8,4%), 12% дворянской земли перешло в руки других сословий. В Центральном районе дворяне продали 21% своих земель, на Черноземье – 12%²⁰⁵. В некоторых районах сокращение дворянского землевладения было значительно большим, так, в Тверской губернии было ликвидировано 40% помещичьих имений, в Тульской губернии дворянское землевладение сократилось наполовину. Земли разорвавшихся дворян покупали по большей части купцы и мещане, которые становились новыми помещиками²⁰⁶. Посевы на частных землях Черноземного района по сравнению с предреформенным десятилетием уменьшились на 17%²⁰⁷.

Комиссия для исследования сельского хозяйства, созданная в 1872 году, усиленно подчеркивала, что крестьянская реформа поставила в наиболее затруднительное положение помещичьи хозяйства, которые испытывали «чрезвычайно трудный и тяжелый кризис». В докладе Комиссии отмечалось, что помещики, пытавшиеся сразу после отмены крепостного права перейти к применению вольнонаемного труда, должны были от этого отказаться «вследствие его убыточности». Помещики стали тогда прибегать к

«издельной системе», основанной на обработке барской запашки крестьянами своим инвентарем, за что крестьяне получали в свое пользование часть помещичьей земли²⁰⁸. Этот новый вариант барщины назывался «отработками», и он устраивал многих крестьян тем, что не требовалось платить за аренду деньги – у большинства крестьян не было денег. Но, с другой стороны, о внедрении новых орудий и новой агротехники при такой системе не могло быть речи – хозяйство велось, как в домашинную эпоху.

Экономические трудности, переживаемые дворянством, отразились и в политической сфере. Как отмечалось в предыдущей главе, после реформы 1861 года значительная часть дворянства перешла в оппозицию, и аристократическая оппозиция взяла на вооружение лозунги политических свобод и парламентского представительства. Это была по преимуществу мирная либеральная оппозиция, пытавшаяся достичь своей цели путем агитации за реформы. Однако отчаянное положение разорявшегося мелкого дворянства толкало его к более радикальным средствам борьбы, что проявилось в участии дворян в движении «народников». Мы более подробно коснемся этой темы в пп. 4.3.10 и 4.3.11.

4.3.3. Открытие страны для мирового рынка и бумажного экспорта

Строительство железных дорог привело к значительному перераспределению ресурсов внутри структуры «государство-элита-народ», связанному с развитием хлебного экспорта. В прежние времена элита отторгала у народа часть ресурсов (в данном случае, хлеб), но эти ресурсы не уходили из страны, часть из них обменивалась дворянами на ремесленные изделия и, таким образом, возвращалась обратно к народу. Становление системы массового хлебного экспорта привело к тому, что ресурсы вывозились из страны, что существенно сокращало экологическую нишу народа и усиливало Сжатие.

До 1850-х годов экспорт хлеба был сравнительно невелик и не оказывал существенного влияния на потребление внутри страны. В то же время в открытых для мирового рынка прибалтийских странах еще в XVI-XVII веках сложилась экономическая система, основанная на экспортной хлебной торговле. Основной чертой этой системы были барщинные фольварки и обмен хлеба на импортные предметы потребления для элиты.

В середине XIX века в российской системе товарооборота произошли существенные изменения. Рост населения в Англии вынудил английское правительство в 1842 году отменить ввозные пошлины и открыть английский рынок для ввоза русского хлеба. В 1850-х годах вывоз хлеба из России увеличился вдвое, до 57 млн. пудов в год, и хлеб стал давать треть доходов от экспорта²⁰⁹. Хлебная торговля «восточноевропейского» образца постепенно принимала все большие масштабы, и П. И. Лященко отмечал, что помещики еще до освобождения крестьян нашли в экспорте хлебов способ реализации создававшегося в их хозяйствах прибавочного продукта²¹⁰.

Но в то время хлеб, вывозимый из России, производился в основном в Причерноморье, а глубинные районы, в том числе Черноземье, оставались отрезанными от мировой торговли. Между тем, к примеру, в Курской губернии у помещиков имелись трехлетние запасы зерна, которое не находило сбыта²¹¹. Гагетгаузен отмечал, что благодаря близости к порту поместья в районе Одессы были вчетверо более прибыльны, чем в районе Киева. «Главнейшая потребность России заключается в улучшенных путях сообщения», – таков был вывод немецкого ученого²¹².

Рекомендации Гагетгаузена в полной мере были реализованы в 1860-1870-х, когда появились «вывозные» железные дороги. И хотя крепостничество уже пало, экспортная хлебная торговля сохранила прежний характер: она была основана на крупном дворянском землевладении, корни которого вели в крепостническую эпоху.

В 1868 году в район Орла пришла первая железная дорога, связавшая Черноземье с Ригой. Эффект появления железных дорог был огромным: если стоимость гужевых перевозок составляла 0,1 коп. за пудо-версту, то по единому тарифу 1889 года стоимость перевозки на средние расстояния (360-1600 верст) составляла 0,0125 за пудо-версту, то есть в восемь раз меньше. Большое значение имело также и увеличение скорости перевозок: если в 1860-х годах средний срок оборота денег в хлебной торговле составлял около одного года, и для обеспечения прибыли наценка на один пуд равнялась 5-10 коп., то после проведения железных дорог срок оборота сократился до 25-30 дней, а наценка на пуд уменьшилась до 0,25 коп.²¹³

Поскольку цены на европейском рынке были много выше, чем в Черноземье, то наводнившие регион торговцы начали массовую скупку хлеба для отправки в Европу. Это вызвало повышение цен на рожь с 38 коп. за пуд в 1861-1865 гг. до 57 коп. в 1869-1873 гг. Повышение цен, в свою очередь, повлекло за собой повышение арендной платы и цены на землю. В 1871-1880 годах посевы на частных землях увеличились по сравнению с предшествующим десятилетием на 20%, а сборы – на 38%. В 1880-х годах посевы увеличились еще на 5% и достигли максимума – к этому времени все удобные земли региона были уже распаханы²¹⁴. Помещики стали переходить от отработок к денежной аренде; на полученные от арендаторов деньги они нанимали поденщиков для обработки своих полей. По материалам обследования 1888-1889 годов в Рязанской губернии помещики сдавали в аренду 40% своих земель, а другие 40% обрабатывали с помощью батраков; отработки почти не использовались. Улучшилось и положение с внедрением сельскохозяйственной техники: за 1876-1879 годы ее потребление в Европейской России увеличилось²¹⁵. Строительство железных дорог открыло внутренние районы России для мировой торговли и повлекло за собой бум хлебного экспорта. Если в 1850-х годах среднегодовой экспорт составлял 57 млн. пуд., то в 1875-1880 годах – 257 млн. пуд.; вывоз хлеба давал 56% всей стоимо-

сти экспорта. Россия стала крупнейшим в мире экспортером хлеба, в 1880-х годах вывозилось 23% от чистого сбора зерновых²¹⁶.

В контексте демографически-структурной теории вывоз четверти чистого сбора означал соответствующее *сокращение экологической ниши народа*, уменьшение его средств существования. Ограничений на вывоз хлеба не существовало, и землевладельцы могли вывозить хлеб из страны, доводя отдельные районы до голода – например, появление железной дороги в Смоленской губернии сразу же вызвало нехватку продовольствия²¹⁷. Вывоз продолжался и в условиях голода, как это было в 1873 году в Поволжье. Либеральная газета «Неделя» писала: «Среди известий о голоде и невозможности достать хлеб для нуждающихся неприятно действуют известия о том, что в тех или иных местах хлеб лежит массами или вывозится за границу... В настоящее время идет сильный отпуск хлеба от нас в Австрию... Но более всего странным представляется то, что хлеб вывозится даже из Самарской губернии – той самой, где люди грызут землю»²¹⁸.

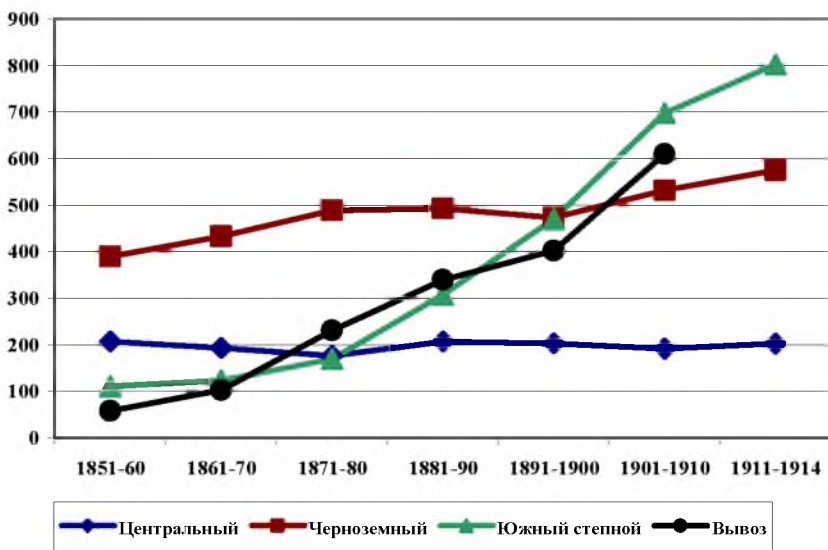

Рис. 4.9. Рост производства хлеба по регионам (млн. пуд.)²¹⁹

Вывозился не только хлеб, но и другие продукты. «По головам голодавшего русского центра, – писал известный публицист И. И. Кольшико, – неслись к Риге, Либаве, Одессе поезда с сибирским маслом, яйцами, мясом... Русским сахаром откармливала Англия своих свиней, а великоросс пил чай вприглядку. В Берлине в дни привоза русского мороженого мяса и птицы немцы обжирались ими до отвала, а великоросс ел мясо лишь по двенадцатым праздникам»²²⁰.

Крупный неурожай, естественно, повышал уровень цен, и вывозить хлеб становилось менее выгодно, чем продавать его на месте. Однако

средний уровень цен в Европе почти вдвое превышал средний уровень цен в России. Этот диспаритет цен был вызван не тем, что европейское население больше, чем русское, нуждалось в хлебе, а тем, что со времен открытия американских рудников в Европе было больше валюты, золота и серебра. В конце XIX века на каждого жителя Франции приходилось 32 доллара в драгоценных металлах, а на каждого жителя России – 7 долларов²²¹. Богатые нации могли платить за хлеб больше, чем русское население, и хлеб, производимый в помещичьих и отчасти в зажиточных крестьянских хозяйствах, уходил за границу, несмотря на то, что бедняки голодали. В 1860-х годах пуд ржи стоил в Германии 93 коп., а на Черноземье – 45 коп, в 1880-х годах соответственно 112 и 65 коп.²²² По железнодорожному тарифу 1889 года стоимость перевозки до порта Либавы составляла 23 коп., до германской границы – около 25 копеек. Вследствие разницы цен, намного превосходившей цену транспортировки, хлеб было выгодно вывозить даже в относительно неурожайные годы, до тех пор, пока создававшаяся в результате вывоза нехватка продовольствия не компенсирует разницу в ценах. Рыночный механизм работал таким образом, что в России создавалась нехватка продовольствия. Мировой рынок работал как насос, выкачивающий из России ее богатства: хлеб, масло, лес, лен, пеньку и другое сырье²²³.

Таким образом, в России сформировался новый, типичный для восточноевропейской «фольварочной» экономики, круг товарообмена, в котором зерно, производимое на помещичьих полях, обменивалось на импортные предметы потребления. Так, например, в 1907 г. было вывезено хлеба на 431 млн. руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов на 180 млн. руб. и 150-200 млн. руб. составили расходы «русских путешественников» за границей (многие представители русской знати постоянно жили во Франции). Для сравнения, в том же году, было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн. руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн. руб.²²⁴ Таким образом, на нужды индустриализации шла лишь небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта.

4.3.4. Динамика производства и потребления

Как отмечалось выше (п. 4.1.1), в первой половине XIX века в соответствии с мальтузианской теорией рост и уплотнение населения сопровождалось падением потребления, и в 1850-х годах потребление приблизилось к минимально возможной норме. В стране (в особенности в центральных областях) ощущалась нехватка хлеба, и резкий рост вывоза в таких условиях мог привести к голоду. Однако Россия избежала продовольственного кризиса, и, по-видимому, главной причиной улучшения экономической ситуации стало освобождение крестьян: использование свободного труда стимулировало расширение посевных площадей и совершенствование земледельческой технологии, что приводило к росту урожаев. С 1861-1870

по 1901-1910 гг. средняя урожайность в Европейской России возросла с сам-3,4 до сам-5,5, а сборы с 1,7 до 3,2 млн. пуд (табл. 4.8).

Рост производства хлеба был неравномерным по регионам. Наиболее впечатляющий прогресс был достигнут в южном степном Причерноморье. Это был район новой колонизации, и освоение этих земель было одним из важнейших факторов экономического развития пореформенной России. За полвека хлебное производство этого региона увеличилось в 7 раз и достигло 0,7 млрд. пудов (22% общероссийского производства). Чистые сборы на душу населения достигали 44 пудов (рис. 4.9). В 1895 году 73% производившегося в этом регионе товарного хлеба вывозилась за границу через черноморские порты²²⁵.

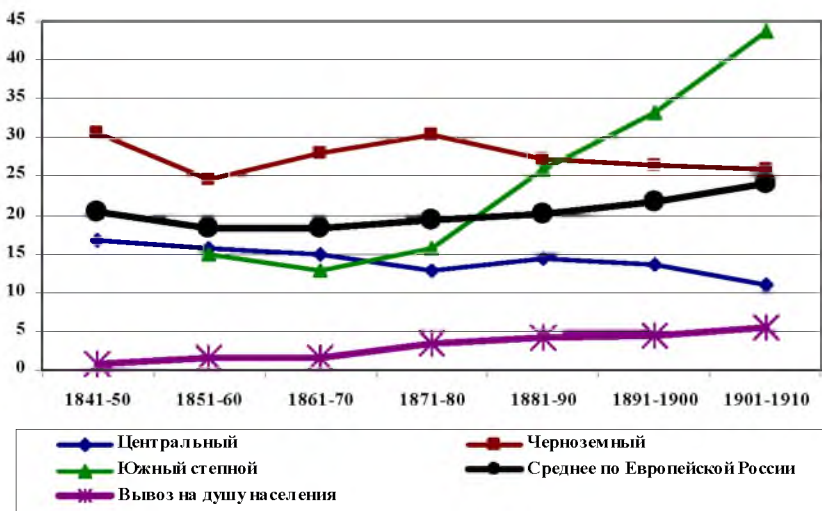

Рис. 4.9. Душевые чистые сборы хлебов в Европейской России и в некоторых регионах²²⁶.

Совершенно иной характер имело развитие Центрального региона. Здесь уже давно были освоены все удобные земли, наблюдалось истощение почв, урожайность оставалась низкой, и сбор хлебов сохранялся на уровне 0,2 млрд. пудов. В расчете на душу населения чистые сборы к началу XX века уменьшились до 11 пудов; район не обеспечивал себя продовольствием и жил в значительной части за счет ввоза из других областей.

В Черноземном районе в 1860-1880 гг. наблюдался небольшой рост, который затем сменился стагнацией. Практически все пригодные земли были распаханы, и урожай не росли вплоть до начала XX века, когда намечилось некоторое оживление сельскохозяйственного производства. Одна-

ко, несмотря на это оживление, рост населения привел к уменьшению душевых чистых сборов до 26 пудов.

	1851 -60	1861 -70	1871 -80	1881 -90	1891 -00	1901- 10
Население (млн.)	58,4	62,1	69,6	79,8	91,8	108,1
Зерновые						
Посев (млн. пудов.)	470	468	491	508	523	597
Сбор (млн. пуд.)	1577	1659	1890	2197	2606	3209
Урожайность в самах	3,4	3,5	3,9	4,3	5,0	5,4
Чистый сбор (млн. пуд)	1107	1190	1399	1690	2084	2612
Чистый сбор на душу (пуд)	19,0	19,2	20,1	21,2	22,7	24,2
Вывоз (млн. пуд)	57	102	234	385	441	610
Вывоз на душу (пуд.)	1,0	1,6	3,4	4,8	4,8	5,6
Посев для ввоза (млн. пуд.)	17	29	60	90	88	113
Посев для внутреннего потребления (млн. пуд)	453	439	431	418	435	484
Винокурение (млн. пудов)	62,0	70,0	58,0	49,0	40,0	44
Заготовки для армии (млн. пудов)	35	39	39	39	43	54
Потребление (млн. пуд.)	954	980	1068	1217	1559	1905
Потребление на душу (пуд)	16,3	15,8	15,3	15,3	17,0	17,6
Картофель						
Посев (млн. пудов)	49	64	80	99	177	248
Сбор (млн. пудов)	113	223	375	447	896	1168
Чистый сбор (млн. пуд)	64	160	295	348	719	920
Чистый сбор в пересчете на зерно (млн. пуд)	13	32	59	70	144	184
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	0,2	0,5	0,8	0,9	1,6	1,7
Переработка картофеля на винокурение (млн. пуд.)	0	7	66	80	110	147
Потребление картофеля на душу в переводе на хлеб (пуд.)	0,2	0,5	0,7	0,7	1,3	1,4
Потребление всех хлебов на душу с учетом картофеля (пуд)	16,6	16,3	16,0	15,9	18,3	19,0

Табл. 4.8. Продовольственный баланс по 50 губерниям Европейской России²⁷.

В целом чистые сборы хлебов в расчете на душу населения возросли с 18,3 пуда в 1861-70 гг. до 24,2 пуда в 1901-1910 гг. Однако рост хлебного производства сопровождался бурным ростом экспорта и вплоть до 1890-х годов не приводил к увеличению потребления. Огромный вывоз приводил к тому, что, несмотря на рост зернового производства, потребление оставалось на крайне низком уровне.

Продовольственный баланс страны, кроме чистого сбора и экспорта, должен учитывать также некоторые другие величины, такие, как производство картофеля, потребление хлеба на винокурение, закупки армии и т. д. (табл. 4.8). При построении продовольственных балансов, подобных приведенному в табл. 4.8, исследователи сталкиваются с трудностями, возникающими из-за невозможности учета некоторых факторов. В частности, отсутствуют полные данные о вывозе хлеба в Польшу и Финляндию, о привозе из Сибири, о производстве хлеба на Северном Кавказе и о доле этого хлеба в общем вывозе. Учет этих факторов (как показывают данные начала XX века), по-видимому, уменьшил бы цифру вывоза из Европейской России примерно на 40 млн. пудов²²⁸, что привело бы к увеличению душевого потребления в 1890-х годах на 0,4 пуда. Необходимо отметить также, что некоторые специалисты считают заниженными приводимые в официальных источниках данные об урожаях 1850-1870-х годов; в частности П. И. Лященко полагал, что надежные статистические сведения об урожаях появляются лишь после 1877 года²²⁹.

Тем не менее, большинство исследователей (в том числе А. С. Нифонтов, И. Д. Ковальченко, Б.Н. Миронов) полагают, что официальные данные, в целом, адекватно отражают динамику потребления. Таким образом, с учетом упомянутой выше поправки можно с достаточной уверенностью предположить, что среднее потребление в 1860-1880 годах не превосходило 17 пудов на душу населения. Эти величины соответствовали крайне низкому, полуголодному уровню потребления, который сформировался в России в период перед падением крепостного права. Как отмечалось выше (п. 4.1.1) минимальная норма потребления с учетом расхода на фураж во второй половине XIX века (ближе к концу столетия) оценивается в 18,7 пуда.

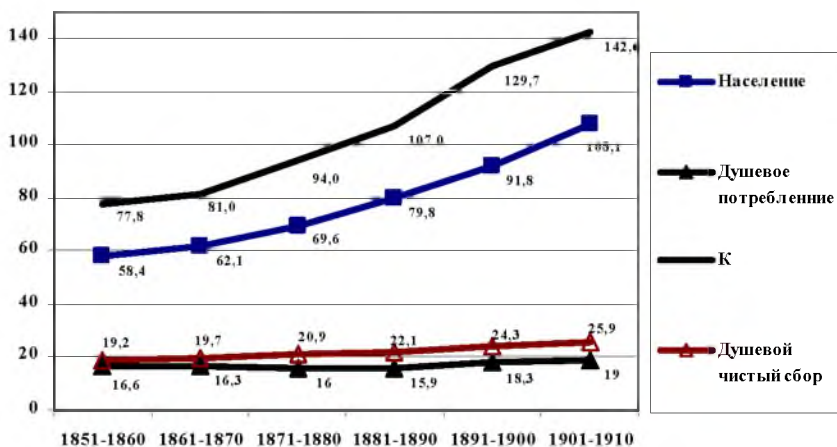

Рис. 4.10. Население, емкость экологической ниши К (млн. чел.), душевое потребление и чистый сбор (пуд.) в 1850-1910 гг. (50 губерний).

Как следует из данных, приводимых в табл. 4.8, в 1880-1910 гг. душевое потребление возросло с 15,9 до 19,0 пуда. Однако минимальная норма потребления также возросла – это был результат распашки пастбищ и роста потребления зерна в корм скоту. Известный экономист П. Попов полагал, что в середине XIX века этот расход был невелик, но он быстро возрастал и к 1912-1913 гг. достиг 678 млн. пудов или 5,7 пуда на душу населения²³⁰. Добавляя этот расход к 15 пудовой норме потребления в пищу, мы получим норму потребления в 20,7 пуда. С другой стороны, Госплан СССР в начале 1920-х годов определял норму зерновых кормов в 4,6 пуда на душу сельского населения (или 3,9 пуда на душу населения)²³¹. При норме питания Госплана в 15,3 пуда на душу это соответствует минимальной норме потребления в 19,2 пуда, поэтому можно считать, что минимальная норма потребления увеличилась к 1913 году, по крайней мере, до 19,2 пуда. Таким образом, хотя потребление и увеличилось, оно не превысило уровня минимальной нормы. *В целом, можно считать, что на протяжении 1850-1910 гг. потребление оставалось примерно на уровне минимальной нормы – как в классическом случае экологического равновесия.*

Известный медик профессор Л. А. Тарасевич на X Пироговском съезде в 1907 году высказал мнение, что русский народ находится в состоянии постоянной болезни – недоедания («хроническое неполное голодание»), причем достаточно небольшого ухудшения, чтобы начались все ужасы голода²³².

Однако в классическом случае стационарной экологической ниши на минимальном уровне потребления рост населения прекращается. В России мы наблюдаем другую картину. Как следует из табл. 4.8, во второй половине XIX века урожайность начинает возрастать, что приводит к расширению экологической ниши. Мы можем приблизительно подсчитать объем экологической ниши K , то есть максимальную численность населения, которое может проживать на территории 50 губерний. Примем за максимально возможную посевную площадь 1913 года, когда практически все удобные земли были уже распаханы; с учетом урожайности текущего десятилетия определим максимально возможный чистый сбор, а затем поделим эту величину на минимальную норму потребления (18,7 пуда). Мы получим верхнюю кривую K , изображенную на рис. 4.10.

Таким образом, экологическая ниша русского этноса расширялась с ростом урожайности. Одновременно с расширением экологической ниши росло и население, причем коэффициент корреляции между ростом населения и урожайности (и, соответственно, с расширением экологической ниши) равен 0,99 – то есть *население возрастало ровно настолько, насколько позволяло увеличение урожайности* (см. рис. 4.10). Это подтверждается тем, что посев для внутреннего потребления²³³ в 1860-1900 гг. оставался практически постоянным (см. табл. 4.8), то есть увеличение внутреннего потребления могло происходить только за счет роста урожайности. Ситуация была такова, что население страны потребляло сбор с

определенной практически постоянной площади посевов, в то время как с другой, расширяющейся части посевов, хлеб вывозился.

Поскольку потребление оставалось постоянным примерно на уровне минимальной нормы, то расширение экологической ниши полностью компенсировалось ростом населения. Население под действием хронического голода как бы давило на стенки экологической ниши, раздвигая ее. Как отмечает П. Гатрелл²³⁴, давление населения приводит к тому, что крестьяне обрабатывают землю более интенсивно и увеличивают применение удобрений. Корреляция между ростом населения и урожайности впервые была отмечена А. Фортунатовым на материалах Казанской губернии; теоретическое обоснование этой зависимости дано на африканских материалах в известной работе Э. Босеруп²³⁵.

В плане компаративного анализа можно отметить, что в Африке второй половины XX века имела место подобная ситуация: потребление стагнировало на уровне минимальной нормы, но население все же росло за счет расширения экологической ниши (рис. 4.11). Однако притом, что положение с потреблением как будто не ухудшалось, а, как и в России, даже немного улучшалось, оно оставалось стабильно тяжелым, причем в обширном регионе Центральной Африки (так же, как в Центральной России) наблюдалась типично мальтузианская картина падения душевого потребления (см. рис. 1.6 и 4.9).

При 686 млн. пудов среднего ежегодного вывоза в 1909-1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн. пудов. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн. руб. арендной платы²³⁶. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн. пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн. пудов – эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

На связь экспорта с помещичьим землевладением указывали ранее многие авторы²³⁷. Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать часть своего зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары, но это количество (около 700 млн. пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения²³⁸. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских – на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса. Помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта. Таким образом, внутри российской экономики существовала автономная экономическая система, которая

использовала значительную часть российских земель, но очень мало давала русскому народу, сужая его экологическую нишу.

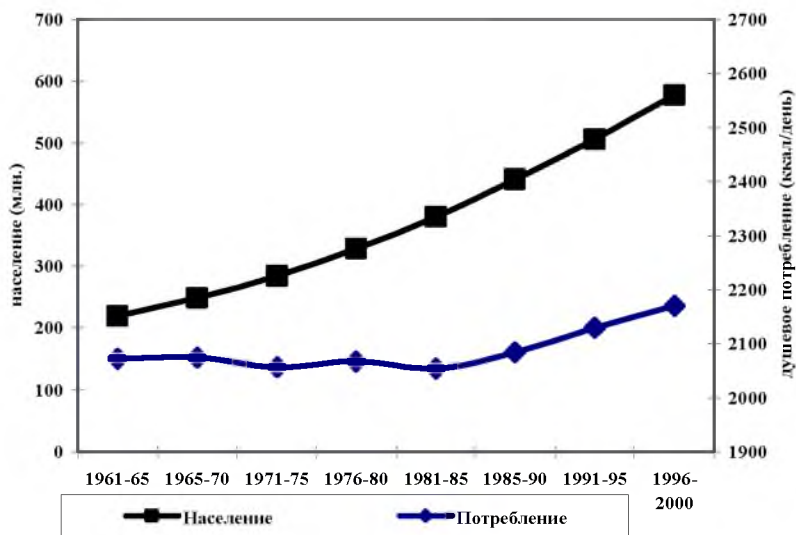

Рис. 4.11. Динамика населения и потребления в странах Африки южнее Сахары²³⁹.

Необходимо подчеркнуть, что ситуация в России не была чем-то особенным; в экономической истории много примеров, когда дворянство вывозило из страны хлеб, сужая экологическую нишу своего народа и доводя его до нищеты. Наиболее известный пример такого рода – это так называемое «второе издание крепостничества», когда дворянство балтийских стран под воздействием мирового рынка создавало экспортные хозяйства, фольварки, – и не только отнимало хлеб у своих крестьян, но и низводило их до положения, близкого к рабству. «Зерно, повсюду, где оно служило предметом широкой экспортной торговли, работало на “феодализацию”... - писал Фернан Бродель²⁴⁰. В этом смысле русский хлебный экспорт был остатком феодализма, он был основан на феодальном по происхождению крупном землевладении, и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство. Напомним, что согласно современным воззрениям уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом «революции модернизации» – это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах²⁴¹.

Представление о том, какой уровень потребления нужно иметь, чтобы достичь социальной стабильности, дает сравнение России с другими государствами.

Страна	Производство	Потребление	Импорт(+) или экспорт(-)	Страна	Производство	Потребление	Импорт(+) или экспорт(-)
Франция	30,2	33,6	+3,4	Бельгия	23,7	27,2	+3,5
Австро-Венгрия	27,4	23,8	-3,6	Великобритания	12,5	26,4	+13,9
Германия	24,2	27,8	+3,6	Россия	24,3	19,5	-4,8

Табл. 4.9. Чистый остаток хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб 1:4) после вычета посевного материала («производство») и остаток с учетом экспорта и импорта («потребление») на душу населения в конце XIX века²⁴². (Расход на винокурение и армию здесь не учитывается).

Следует признать, что даже по сравнению с густонаселенными европейскими странами душевое производство хлеба в России было сравнительно невелико, примерно как в Германии и Бельгии. Но в то время как Германия, Бельгия и другие страны ввозили зерно, Россия его вывозила, и в результате уровень потребления в России был намного ниже, чем в других странах Европы.

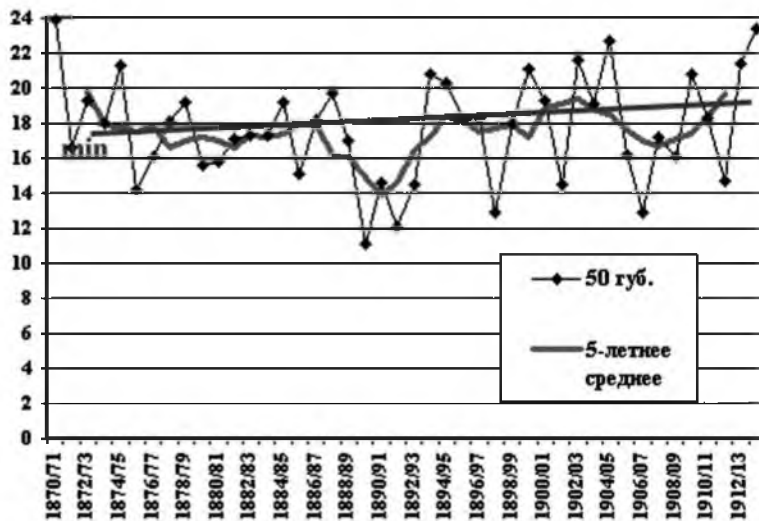

Рис. 4.12. Душевой чистый остаток хлебов за вычетом посева и вывоза по 50 губерниям Европейской России²⁴³. Прямая min – минимальная норма потребления.

Таким образом, уровень потребления в России далеко отставал от западных стран, и был близок к минимальной норме потребления. В данном случае речь идет о потреблении хлеба – основного продукта питания. Что касается потребления продуктов животноводства, то отставание от стран Европы было еще большим. «Если сравнивать потребление у нас и в Европе, – говорил С. Ю. Витте на заседании Совета министров 17 марта 1899 года, – то средний размер его на душу составляет в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования»²⁴⁴.

Нужно учесть при этом, что при среднем потреблении, близком к минимальной норме, в силу статистического разброса *потребление половины населения оказывается меньше среднего и существенно меньше нормы*. И хотя по объемам производства страна была более-менее обеспечена хлебом, политика форсирования вывоза приводила к тому, что среднее потребление балансировало на уровне голодного минимума и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания. Р. А. Белоусов называет нехватку продовольствия острой, хронической болезнью социального строя России, а причинами создавшегося положения – быстрый рост населения, растущий экспорт и имущественную дифференциацию крестьянского населения²⁴⁵. Как уже отмечалось, демографически-структурная теория особо акцентирует роль имущественной дифференциации. Причем необходимо отметить, что с развитием рынка имущественная дифференциация нарастала. «Законы капитализма сильнейшим образом стимулировали расслоение общинного крестьянства, – отмечает Л. В. Милов. – На всей территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привел к созданию огромного слоя однолопашных и безлопашных крестьян, составлявших от 50 до 65% всех крестьянских дворов. Социальное напряжение, порожденное такой асимметрией расслоения, дополнялось общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий. Эти два факта... лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который, в конечном счете, привел страну к трем русским революциям»²⁴⁶.

Таким образом, на протяжении полувекового Сжатиия Россия балансировала на грани голода, это было состояние неустойчивого равновесия, которое в любой момент могло быть нарушено действием случайных факторов. Факторами, поддерживавшими это равновесие, были авторитет освободившей крестьян царской власти и традиционный крестьянский менталитет, составными частями которого было долготерпение и фатализм. Еще одним, едва ли не важнейшим, благоприятным обстоятельством был внешний мир. Единственная война, которую вела Россия в 1861-1903 годах, была «маленькая победоносная война» с Турцией, популярная в народе война за освобождение «братушек-славян». Но неудачная война и потеря авторитета самодержавия могли привести к тому, что полуголодное население откажется подчиняться властям.

Наряду с войной, другим опасным случайным фактором было сочетание неурожайных лет. Специфика сельского хозяйства России заключалась в том, что урожаи сильно колебались. Подсчитано, что отношение максимального урожая ржи к минимальному в 1901-1910 годах составляло в России 1,67, во Франции – 1,28, в Германии - 1,18²⁴⁷.

Как показал С. Уикрофт, урожаи сильно колебались не только год от года, но в среднем по пятилетиям²⁴⁸.

В некоторых случаях это вводило в заблуждение исследователей, которые сравнивали отдельные, произвольно выбранные пятилетия и на основе этого сравнения делали далеко идущие выводы. Так, например, А. Гершенкрон, сравнивая пятилетия 1870-1874 и 1896-1900 гг., пришел к выводу об уменьшении душевого потребления в конце XIX века²⁴⁹. П. Грегори, сравнивая пятилетия 1885-1889 и 1897-1901 гг., напротив, сделал вывод о значительном росте потребления зерна в аграрных хозяйствах (к тому же П. Грегори не учитывал потребление овса и ряда других культур и вел исчисление не в натуральных, а стоимостных показателях, что завышало результат ввиду опережающего роста производства более дорогих – но не более калорийных – хлебов)²⁵⁰.

График С. Уикфорга не учитывает расходы на посев и поэтому не дает реальной картины изменения потребления хлеба в сравнении с минимальной нормой. Поскольку соответствующие данные в литературе отсутствуют, то нам пришлось провести конкретно-историческое исследование с использованием статистических источников; в результате проведенной работы был построен график, изображенный на рис. 4.12. Этот график наглядно показывает, что на протяжении полувекового периода в России было два промежутка концентрации неурожайных лет, именно 1889-1892 гг. и 1905-1908 гг. В эти годы среднее потребление падало ниже минимальной нормы и недоедала уже не половина, а большая часть населения. Падение потребления стимулировало всплески народного недовольства; в 1905-1906 гг. такой период массового недовольства совпал с временным ослаблением авторитета самодержавия; это привело к революции 1905-1907 гг.

4.3.5. Положение различных групп крестьянства

В восприятии крестьян основное содержание экономических процессов того времени заключалось в нарастающем малоземелье. В 1861 году на душу сельского населения приходилось 4,8 дес. наделной земли, в 1880 г. – 3,5 дес., в 1900 г. – 2,6 дес., в 1914 г. – 2,0 дес.²⁵¹. При этом демографически-структурная теория акцентирует то обстоятельство, что ситуация осложнялась неравномерным распределением земли среди крестьян. Две половины населения, «благополучная» и «голодающая», примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственным и бывшим крепостным крестьянам. Представляет интерес оценить, каковы были чистые сборы на душу населения у этих двух категорий крестьянства. К 1877 году душевая обеспеченность землей по сравнению с 1861 годом уменьшилась и составляла в среднем по Черноземью для помещичьих крестьян 1,08 десятины, для государственных крестьян – 1,9 десятины. Известно, что малоземельные крестьяне сеяли на десятину надела немного

меньше, чем многоземельные, а продуктивность на десятину посева была практически одинаковой²⁵². Поэтому если мы будем считать средний сбор на десятину надела одинаковым, то это может лишь немного завысить чистые сборы у бывших помещичьих крестьян и занижить их у крестьян государственных. Таким образом, можно примерно оценить душевой чистый сбор у помещичьих и государственных крестьян (см. табл. 4.10).

Категории крестьян →	Черноземный район		Центральный район	
	Бывшие помещичьи на выкупе	Бывшие государственные	Бывшие помещичьи на выкупе	Бывшие государственные
Средний душевой надел в 1877 г. (дес.)	1,08	1,91	1,72	2,11
Чистый сбор на десятину в 1870-е гг. (пуд.)	15,1	15,1	6,9	6,9
Чистый сбор на душу в 1870-е гг. (пуд.)	16,3	28,9	11,8	14,5
Повинности с души в 1870-е гг.	8,2	7,0	7,1	4,9

Табл. 4.10. Оценка душевых чистых сборов бывших помещичьих и государственных крестьян²⁵³.

Таким образом, на Черноземье государственные крестьяне могли получать со своих наделов 29 пудов на душу, а бывшие помещичьи крестьяне – 16 пудов хлеба на душу.

В целом душевые сборы на наделах бывших помещичьих крестьян не очень отличались от дореформенных – уже тогда помещики оставляли крестьянам лишь такое количество земли, которого только-только хватало на пропитание. Однако с тех пор в результате роста населения площадь пастбищ сократилась, и к тому же при разделе земли подавляющая часть непашенных угодий осталась у помещиков – поэтому крестьянам приходилось тратить дополнительные средства на аренду пастбищ или использовать часть овса на корм скоту. Э. Вольф придает утрате крестьянами пастбищ и лесных угодий настолько большое значение, что говорит об «экологическом кризисе», поразившем крестьянское хозяйство в результате нарушения необходимого баланса между земледелием и животноводством²⁵⁴.

В этих условиях, имея минимальные наделы, крестьяне должны были платить оброки, налоги и выкупные платежи. Одним из первых экономистов, попытавшихся оценить, могут ли крестьяне нести эти повинности, был Ю. Янсон. Опираясь на данные Янсона, можно подсчитать, что государственные крестьяне Черноземья должны были платить в 70-х годах в среднем сумму, эквивалентную 7,0 пудам хлеба с души; помещичьи крестьяне на выкупе должны были платить 8,2 пудов, крестьяне, оставшиеся на оброке – 9,8. Собственно государственные налоги (подушная подать, земские и мирские) в этих суммах были эквивалентны в среднем 3,3 пудам хлеба²⁵⁵.

Государственные крестьяне, имея в среднем 29 пудов хлеба на душу, могли продать 7 пудов, чтобы заплатить налоги, и им оставалось достаточно хлеба на потребление. Эти крестьяне составляли основу достаточно многочисленной прослойки зажиточных «сельских обывателей». В Курском уезде, например, в 1881-1882 годах четвертая часть всех крестьянских дворов имела по меньшей мере 3 лошади²⁵⁶.

Таким образом, среди русских крестьян выделялись две основные и примерно равные по численности группы, одна из которых – государственные крестьяне – жила довольно зажиточно, а другая – бывшие крепостные – была обречена на бедность. Это положение было унаследовано от эпохи крепостного права, и оно было одним из главных обстоятельств, определявших дальнейшее развитие страны. В различных районах достаток и бедность были смешаны в разных пропорциях. В Центральном районе преобладали бывшие крепостные, на Черноземье две группы крестьян были примерно равны, далее на юге и востоке, в Степном крае, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Предуралье, на Вятке преобладали государственные крестьяне. Достаток крестьян увеличивался от центра к окраинам; это было обусловлено тем, что на окраинах было больше земли и тем, что там, сравнительно с Центром, позже стало развиваться крепостное право. В тогдашней России наряду с нищим Центром существовали настоящие края изобилия, например, в Самарской губернии государственные крестьяне имели наделы в среднем 4,1 дес. на душу (1878 год). В 1889 году в Новоузенском уезде, на юго-востоке этой губернии, половина крестьян жила в хозяйствах, имевших не менее 4 лошадей²⁵⁷. Другая богатая область, Степное Причерноморье, была знаменита не только своим благодатным климатом, но и тем, что после освобождения государственные крестьяне имели там огромные наделы – в среднем 5,8 десятины на душу всего населения²⁵⁸. По данным социологических обследований в Херсонской губернии потреблялось в пищу в среднем 29 пудов хлеба на душу (1898 год). Высокий уровень жизни проявлялся в более низкой смертности, что вместе с притоком мигрантов обеспечивало быстрый рост населения. За 1861-1914 годы население Степного района возросло в 3,1 раза, а население Центра и Черноземья – только в 1,7 раза²⁵⁹.

При таких обстоятельствах массовое переселение на окраины было бы естественным решением проблемы, но условия освобождения были таковы, что разорившийся крестьянин не мог продать свой надел и переселиться в другие края. Первые 9 лет после 1861 года крестьяне не могли отказаться от надела; позднее они могли продать надел, но при продаже невыкупленной до конца земли деньги получало государство – таким образом, крестьянин терял все, что заплатил раньше, и на такие условия соглашались немногие. С разрешения «мира» можно было сдать надел в аренду одному из сельчан, а самому идти на заработки в город, но в этом варианте временный фабричный рабочий, по сути, оставался крестьянином: ведь он сохранял в деревне семью, хозяйство и по всем документам числился жителем такой-то деревни²⁶⁰.

Одним из основных способов получения дополнительного заработка была аренда помещичьей земли или работа на помещика. В 1877 году у бывших помещичьих крестьян Черноземья было 5,6 млн. дес. наделной земли (21% ко всей частной и наделной земле), у государственных крестьян – 10,5 млн. дес. (39%), у дворян было 8,6 млн. дес. частной земли (32%), у купцов и горожан – 1,1 млн. дес. (4%), кроме того, было еще 0,8 млн. дес. (3%) частной земли, купленной крестьянами у помещиков²⁶¹. Частная земля дворян и купцов сдавалась крестьянам в аренду или обрабатывалась с помощью батраков. По расчетам А. М. Анфимова арендная плата на Черноземье в 1887/88 году составляла 52% валового урожая, в 1901 году – 42%²⁶².

Прежде всего, необходимо оценить относительную величину арендной платы, понять, много это или мало – 40-50% урожая? Массовая аренда земли у частных землевладельцев была новым явлением российской истории, в крепостной период ее не существовало, поэтому сравнение возможно только с временами до введения крепостного права или с другими странами. В конце XVI века обычная арендная плата составляла 1/6-1/5 урожая, то есть была много меньше – но в те времена было изобилие свободных земель. Норма арендной платы в половину урожая была характерна для перенаселенных стран, где рабочая сила была дешева, например, для Китая в середине XIX века. Как правило, в начале «векового цикла», при наличии свободных земель, арендная плата была низкой, а затем по мере роста населения и обострения аграрного кризиса она возрастала, например, с начала XVI по середину XVII арендная плата увеличилась во Франции с 20% до 50% урожая. Таким образом, величина арендной платы в 40-50% , наблюдавшаяся в России во второй половине XIX века, характерна для периодов перенаселения и аграрного кризиса; это было свидетельство острой нехватки пашен²⁶³.

Как ни тяжелы были условия аренды и найма, часть урожая с частных земель доставалась крестьянам. В 80-х годах крестьянин получал от аренды примерно 1/3 чистого сбора; при временном найме батраков крестьяне получали меньше, примерно 1/4 часть сбора²⁶⁴. С другой стороны, часть частных земель принадлежала крестьянам, и эта часть постепенно увеличивалась, но за эти земли приходилось платить в рассрочку, и в первые годы покупка давала крестьянину не больше, чем аренда. Все эти многообразные обстоятельства практически невозможно учесть, и остается предположить, что при грубой оценке крестьяне получали с частных земель от 1/4 до 1/3 чистого сбора. В этом случае их среднее потребление увеличилось на соответствующую величину (см. табл. 4.11).

В этом расчете не учтены доходы от животноводства, от несельскохозяйственных промыслов, от отходничества. С другой стороны, не учтены и многие расходы: затраты на одежду и обувь, на топливо и т.д. Таким образом, приведенные цифры указывают лишь на тенденцию в зерновом производстве, но, тем не менее, они позволяют утверждать, что ее общее направление было понижающимся.

	1861-70	1871-80	1881-90	1891-1900	1901-1910	1911-1914
Сельское население (млн.)	10,1	11,6	13,0	13,0	15,2	18,0
Посев зерновых (млн. пуд.)	112	112	107	95	100	100
Урожайность	3,9	4,3	4,6	5,0	5,3	5,8
Чистый сбор зерна (млн. пуд.)	321	376	385	378	432	475
Чистый сбор зерна и картофеля (млн. пуд.)	330	391	402	410	475	530
Доля частных земель (%)	28	34	38	37	37	37
Чистый сбор зерна и картофеля на крестьянских землях на душу сельского населения (пуд.)	23,5	22,2	19,1	19,8	19,8	18,5
Чистый сбор на частных землях на душу сельского населения (пуд.)	9,2	11,7	11,8	11,8	11,6	10,9
Душевой сбор с учетом аренды, купчих земель и заработков умельных помещиков (пуд.)	25,8-26,5	25,1-26,0	22,1-23,1	22,7-23,7	22,7-23,6	21,3-22,2
Казенные платежи на душу (безмирских) (пуд.)		5,4	4,5	4,2		
Остаток на потребление после вычета платежей		19,7-20,6	17,6-18,6	18,5-19,5		

Табл. 4.11. Чистый сбор зерновых и картофеля (в переводе на зерно 1:5) на крестьянских и частных землях в Черноземном районе²⁶⁵.

Известный экономист Л. Н. Маресс провел более детальный анализ доходов крестьян Черноземья от аренды и купчих земель в 1883-1892 годах. В частности, Л. Н. Маресс подсчитал средний душевой чистый сбор с наделных, арендных и купчих земель, а также процент крестьянского населения, имеющего душевой сбор ниже минимального уровня, определенного им в 19 пудов (табл. 4.12).

Данные табл. 4.12 показывают большое различие в положении крестьян в различных губерниях, причем выделяются две группы губерний: бедная северная (Тульская, Рязанская и Орловская) и зажиточная южная (Воронежская, Курская, Тамбовская, Пензенская). В северной группе до освобождения преобладали помещичьи крестьяне, и наделы здесь были меньше, чем в южной группе; в южной группе, наоборот, преобладали государственные крестьяне. В итоге мы видим, что сбор с крестьянских земель в северной группе, даже без учета арендной платы и налогов, не достигал необходимого минимума. Положение, вдобавок, осложнялось сильной неравномерностью распределения доходов внутри губерний. В результате этой неравномерности даже в зажиточной Тамбовской губернии 54% населения имело доходы от местного земледелия ниже минимального уровня.

Таким образом, местное сельское хозяйство не обеспечивало большинство населения Черноземья даже минимальным доходом. Местное ремесло было не развито, и беднякам оставалось лишь идти в отход за пределы Черноземья.

Губерния	Душевой чистый сбор	Процент красных сборов в минимальном	Средний душевой надел в 1877 г.	Урожайность на крестьянских наделах в 1881-1890 гг.	% государственных крестьян в 1859 г.
Тульская	18,1	87	1,26	3,6	19
Рязанская	18,7	80	1,33	4,4	35
Орловская	18,8	92	1,36	3,9	36
Пензенская	22,7	61	1,54	4,2	47
Воронежская	23,2	53	1,78	4,6	67
Курская	23,3	66	1,36	4,2	54
Тамбовская	26,1	54	1,5	5,1	53
В среднем	21,9	72		4,2	

Табл. 4.12. Средний душевой чистый сбор с наделных, арендных и купчих земель по губерниям Черноземного района в 1883-1892 годах²⁶⁶.

Анализируя общую динамику посевов и урожаев на Черноземье, можно отметить, что в 1860-1914 годах процесс расширения пашни привел к тому, что были распаханы практически все удобные земли. Тамбовские историки-аграрии, досконально изучившие проблему, пишут, что «в течение XIX в. в губернии обнаружались естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества. К началу XX в. в аграрных регионах России все явственнее проявлялись черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур...»²⁶⁷ В четырех губерниях Черноземья – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской – в 1864 году пашня составляла в среднем 60% площади крестьянских наделов, в 1881 году – 80%, в 1900 году – 85%. Известный агроном С. Советов в своем отчете 1876 года писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, то есть нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля и поля со всевозможными красными и серыми хлебами»²⁶⁸. Об этом же свидетельствовал в 1902 году уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А. И. Шахназаров: «Еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Все, что можно было распахать – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны... Ввиду отсутствия естественных пастбищ... неизбежная пастьба скота по полям вдвое сокращает паровой период»²⁶⁹.

Парадоксально, что хотя крестьяне старались до максимума расширить пашни, размеры посевов практически не росли. Это объясняется тем, что ввиду истощения земли крестьяне были вынуждены все большую ее часть отводить под пар²⁷⁰. Однако более тщательная обработка почвы привела к постепенному и довольно значительному росту урожайности (табл. 4.8). С 1860-х по 1880-е годы чистые сборы возросли на 20%, но сельское население

ние за тот же период возросло на 30%, и в результате средний душевой чистый сбор на крестьянских наделах упал с 23,5 до 19,1 пуда.

	1861-70	1871-80	1881-90	1891-1900
Чистый сбор на крестьянских наделах (млн. пуд.)	105,3	105,3	126,1	138,1
Чистый сбор на владельческих землях (млн. пуд.)	16,3	16,2	27,0	26,0
Общий чистый сбор	121,6	121,6	153,1	164,2
Доля сбора на частных землях в общем сборе (%)	13	13	18	16
Сельское население (млн.)	6,9	8,0	8,4	9,0
(А) Чистый сбор на крестьянских наделах на душу (пуд.)	15,2	13,2	15,0	15,4
Чистый сбор на владельческих землях на душу (пуд.)	1,1	1,2	1,8	1,7
(В) 1/2 чистого сбора на владельческих землях на душу (пуд.)	0,5	0,6	0,9	0,8
(А+В) Доход крестьян от земледелия в расчете на душу (пуд.)	15,8	13,8	15,9	16,2
Городское население (млн.)	1,0	1,1	1,6	1,8
Чистый сбор на душу всего населения (пуд.)	15,4	13,5	15,3	15,2

Табл. 4.13. Чистый сбор зерновых и картофеля (в переводе на зерно 1:5) на различных категориях земель и продовольственная обеспеченность Центрального района²⁷¹.

Значительно более тяжелым было положение крестьян в Центральном районе. Низкая урожайность и давно начавшееся перенаселение привели к тому, что наделы не могли прокормить крестьян: в 1870-х годах государственные крестьяне имели лишь 14 пудов хлеба на душу, а бывшие помещичьи крестьяне (которые составляли здесь большинство) – 12 пудов на душу. Перенаселение еще до реформы вынудило помещиков отдать почти всю землю крестьянам и перевести их на оброк, поэтому пашня помещиков составляла лишь небольшую часть всей пашни района, на помещичьих землях получали порядка 15% чистого сбора. Эти земли сдавались в аренду или обрабатывались батраками; урожайность была низкая и арендная плата сравнительно невысокая: в 1887/88 году она составляла 25% от валового урожая, а в 1900 году – лишь 9%²⁷². С учетом затрат на посев крестьянин получал около половины чистого сбора, но это было лишь небольшой добавкой к урожаю на крестьянских наделах, и в среднем доход крестьян от зернового земледелия оставался ниже минимальной потребительской нормы.

Крестьяне Центра и раньше жили больше промыслами, нежели землей, и начисляемые в зависимости от оброка выкупные платежи никак не соотносились с реальными доходами от земледелия. По Московской губернии платежи бывших помещичьих крестьян в пересчете на хлеб по средним ценам 70-х годов составляли 7,1 пуда, а платежи государственных крестьян – 4,9 пуда²⁷³.

4.3.6. Рост населения

Надел привязывал крестьянина к деревне и затруднял переселение в город или на многоземельные окраины. Между тем, численность населения после освобождения стала быстро расти. В 1858-1878 годах крестьянское население Черноземья увеличилось на 23,8%, среднегодовой прирост составил 1,1% в год против 0,43% в 1851-1857 годах. Среднегодовой прирост численности государственного крестьянства и прежде был большим (0,95%), теперь он увеличился до 1,11%. Огромные перемены произошли в демографическом поведении бывшего крепостного крестьянства: если раньше крепостное население убывало (со скоростью 0,1% в год), то после освобождения эта часть крестьянского населения возростала со скоростью 1,09%²⁷⁴. Этот демографический взрыв был вызван улучшением положения крестьян в первое десятилетие после освобождения, а также и теми оптимистическими настроениями, которые охватили большую часть крестьянства.

Важным фактором, обределявшим высокий уровень естественного прироста, была роль общины. На Западе существование крестьянской частной собственности способствовало ограничению рождаемости²⁷⁵, в России же, как отмечал П. Маслов, наделяя землей молодые семьи, община выплачивала «премию за рождаемость», и это стимулировало ранние браки²⁷⁶. В последнее время получены убедительные доказательства справедливости такого вывода. С. О. Морозов, исследовав связь между рождаемостью и долей хозяйств, состоящих в общинах в 23 губерниях Центральной России, показал, что в 1897-1905 годах коэффициент корреляции между этими величинами составлял 0,97 – то есть высокая рождаемость объясняется ролью общины²⁷⁷.

При этом прирост крестьянского населения явственно зависел от размера надела, в общинах с большим наделом прирост был больше, чем в общинах с меньшим наделом (см. табл. 4.14). В силу худшего обеспечения земель, меньшей урожайности и большего числа отходников рост крестьянского населения в Центре был гораздо более слабым, чем на Черноземье, он составлял в среднем 0,55% в год²⁷⁸.

Размер душевого надела (дес.)	Прирост населения (%)	
	Черноземье	Центр
до 1	16,6	7,6
1 – 2	17,3	8,2
2 – 3	19,0	9,1
3 – 4	21,2	10,1
4 – 5	25,4	11,1
5-6	27,6	14,3
свыше 6	30,3	15,4

Табл. 4.14. Зависимость прироста населения в 1858-1878 годах от величины душевого надела²⁷⁹.

Данные об общем приросте населения (табл. 4.15) свидетельствуют о той же тенденции: в 1863-1884 годах население сравнительно медленно растет в Центральном районе, значительно быстрее – на Черноземье, и очень быстро – в колонизируемом Степном Причерноморье.

Район	1863-84	1885-97	1898-1914
Центральный	0,81	0,51	1,77
Черноземный	1,12	0,14	1,92
Степной	2,05	2,53	2,26

Табл. 4.15. Среднегодовые темпы роста населения по районам (в процентах)²⁸⁰.

В 1885-1897 годах темпы роста населения на Черноземье резко падают – это свидетельство нарастающего кризиса перенаселения, но в 1898-1914 годах население вновь начинает расти. В этот период ускоряется рост населения Центрального района, и продолжается быстрый рост на Юге. С.Хок в достаточно осторожной форме обращает внимание на то обстоятельство, что в соответствии с традиционными представлениями быстрый рост населения должен рассматриваться как свидетельство роста потребления²⁸¹. Однако это положение верно лишь для традиционного общества и для достаточно больших промежутков времени. На относительно коротких промежутках могут иметь место отклонения, связанные, например, с влиянием войн. В обществах, вступивших в начальную фазу модернизации проявляется также влияние такого фактора, как уменьшение эпидемической заболеваемости вследствие улучшения гигиены и применения простейших противомикробных средств – как известно, именно этот фактор сыграл основную роль в «демографическом взрыве», охватившем развивающиеся страны в XX веке²⁸². При этом в некоторых странах наблюдалось увеличение естественного прироста даже несмотря на падение потребления; это явление отмечалось, например в регионе Центральной Африки в 1985-1995 годах (см. рис. 1.5).

В России фактор снижения заболеваемости и смертности вследствие улучшения гигиены стал оказывать существенное влияние на динамику населения уже в конце XIX века²⁸³. Успехи медицины привели к снижению смертности с 3,6% в 1889-1890 гг. до 3,0% в 1906-1910 гг.; более чем наполовину это снижение объяснялось уменьшением детской смертности²⁸⁴.

Однако процесс снижения смертности происходил неравномерно по регионам, и в целом региональные различия в уровне смертности отражали различия в уровне жизни. В 1860-1890 годах смертность на Юге была значительно ниже, чем на Черноземье, а на Черноземье – ниже, чем в Центральном районе. В 1890-х годах кризис на Черноземье привел к росту смертности, но затем положение улучшилось, и в первом десятилетии XX века положение на Черноземье и в Центре было примерно одинаковым²⁸⁵. На Юге в 1860-1890 гг. отмечалось увеличение смертности, что было связано, по-видимому, с уменьшением крестьянских наделов из-за быстрого

роста населения, но затем возобладали общая тенденция уменьшения смертности в связи с успехами медицины.

Хотя смертность в России постепенно уменьшалась, по сравнению с другими странами она оставалась очень большой, что в значительной степени было связано с разницей в уровне потребления (табл. 4.16)

Страна	Потребление	Уровень смертности (%)	Страна	Потребление	Уровень смертности (%)
Франция	33,6	2,2	Голландия	24,4	2,0
Германия	27,8	2,3	Австро-Венгрия	23,8	2,8
Великобритания	26,4	2,0	Россия	19,5	3,4

Табл. 4.16. Уровень смертности и уровень душевого потребления (в пудах хлеба) в России и некоторых других странах Европы в конце XIX века²⁸⁶.

В Западной Европе смертность городского населения превышала смертность сельского населения – это было естественное явление, объясняющееся более здоровыми условиями жизни в деревне. В Великобритании уровень смертности городского населения составлял 2,6%, а сельского – 1,9%. В России же наблюдалась обратная картина: смертность в деревне (3,5%) превосходила смертность в городах (3,0%). «Недоедание и нищета наших крестьян делали свое дело и обрекали множество людей на преждевременную смерть», – писал известный экономист А. А. Кауфман²⁸⁷.

В соответствии с неомальтузианской теорией рост городского населения происходил быстрее, чем рост сельского населения, причем он постепенно ускорялся. В табл. 4.17 представлены темпы роста городского сельского населения по двум группам губерний. Группа промышленных губерний включает Московскую, Петербургскую, Владимирскую, Калужскую, Костромскую, Нижегородскую, Новгородскую, Псковскую, Смоленскую, Тверскую и Ярославскую губернии. Группа земледельческих губерний включает Воронежскую, Тамбовскую, Тульскую, Курскую, Орловскую, Пензенскую, Рязанскую, Полтавскую, Казанскую, Саратовскую, Симбирскую, Харьковскую и Черниговскую губернии.

Губернии	1863-1897			1898-1914			Процент городского населения		
	всего	сельское	городское	всего	сельское	городское	1863	1897	1914
Промышленные	0,88	0,61	2,14	1,81	1,54	2,71	14,1	21,5	25
Земледельческие	0,92	0,87	1,48	1,86	1,84	2,07	8,3	10	10,3
Всего по Европейской России	1,24	1,14	2,02	1,86	1,75	2,53	9,9	12,9	14,4

Табл. 4.17. Темпы роста городского и сельского населения России (в %) ²⁸⁸.

Из таблицы 4.17 видно, что темпы роста городского населения в Северо-Западных и Центральных губерниях были значительно выше, чем в земледельческих губерниях, притом, что темпы роста сельского населения (и всего населения) в них были ниже. Очевидно, что в этих губерниях, страдавших от малоземелья и перенаселения, деревенское население активнее переселялось в города и искало работу в ремесле, торговле и промышленности. В целом по Европейской России процент городского населения вырос с 9,9% в 1863 году до 14,4 % в 1914 году.

4.3.7. Развитие отходничества как следствие Сжатия

В соответствии с теорией, демографический рост усугублял проблему нехватки земли и побуждал крестьян все в больших размерах искать заработки в городах или в других районах. В других странах у крестьян обычно не было проблемы с переселением: они могли продать свою землю и идти на поиски лучшей жизни. В России крестьяне были привязаны к своим наделам, должны были платить за них выкупные платежи и могли уйти на заработки только по разрешению общинного «мира». В этих условиях в России в огромных масштабах развивается такое специфическое явление, как отходничество.

Отходничество появилось еще в крепостнические времена, когда помещики перенаселенного Центрального района, не будучи в состоянии обеспечить своих крестьян землей, отпускали их на заработки. По мере нарастания нехватки земли возрастали и масштабы отхода – в пореформенное время они намного превзошли те, что были прежде. По четырем губерниям Черноземья доля отходников во всем сельском населении составляла в 1860-х годах лишь 1,7% (в том числе 0,7% ушли в дальний отход). В 1870-х годах эта доля увеличилась до 5,4% (1,0% дальнего отхода), в 1880-х годах – 6,6% (1,2%), в 1890-х годах – 9,5% (4,6%)²⁸⁹. В целом по России в 1896 году разрешения на отход получили 7 млн. человек (8,5% ко всему сельскому населению). Перепись 1897 года зафиксировала 12 млн. человек из числа родившихся в Европейской России, живущих не на местах своего рождения (12% от всего населения)²⁹⁰.

Как и раньше, отход был наиболее распространен в Центральном районе. В 1896 году во Владимирской губернии ушло в отход 20,4% сельского населения, в Калужской – 20,5%, в Ярославской – 17%, в Московской – 16,6%. Многие отходники годами жили в городах, фактически превращаясь в ремесленников или рабочих. В 1882 году 49% населения Москвы составляли крестьяне, переселившиеся сюда, но числившиеся проживающими в своих деревнях, к 1902 году эта цифра увеличилась до 67%. Такая картина наблюдалась во всей России, если в 1858 г. крестьяне составляли 20% населения городов, то в 1897г. – 43%²⁹¹.

Обычно отходники проживали в городах без семей. В 1897 году 53% всех рабочих Москвы были женаты, но в городе с семьями жили только 4%. Заработка рабочего хватало лишь на то, чтобы снять комнату в подва-

ле или угол в общей комнате, но он не мог содержать в городе семью. По материалам обследования двух уездов Костромской губернии, пятая часть мужчин проживала вне дома по году и более, их жены оставались в деревне, сами вели хозяйство и часто выполняли самые тяжелые работы, что отрицательно сказывалось на их здоровье. Смертность среди отходников и их жен была значительно выше, чем в среднем по уездам²⁹².

Что касается «трудоустройства» отходников центрального района, то данные по Тверской губернии говорят о том, что 35% из них были ремесленниками (плотниками, сапожниками и др.), 24% – строительными рабочими, 8% нанимались на сельскохозяйственные работы. 15% отходников составляли женщины, большинство из них нанималось в прислуги. Фабричных рабочих среди отходников было немного, по Тверской губернии – 8%, по Владимирской – 12%, но, тем не менее, они составляли 79% всех рабочих на фабриках Московской губернии (куда шли в отход из соседних губерний). Это объясняется тем, что число рабочих мест на фабриках было невелико (около 40 тыс.), и крупная промышленность не могла обеспечить работой даже десятую часть излишнего сельского населения²⁹³.

Молодая фабричная промышленность, однако, была особенно заманчивой областью трудоустройства для отходников, потому что в ней были относительно высокие заработки. В 1900 году фабричный рабочий в Московской губернии получал зарплату, составлявшую в пересчете на рожь 250 пудов, в то время как в соседней земледельческой Калужской губернии чистый доход среднего крестьянского хозяйства в 8 душ составлял (без учета промыслов) около 300 пудов. Относительно высокие заработки объяснялись высокими прибылями, получаемыми в текстильной промышленности; в других, нефабричных отраслях, оплата была в 2,5 раза меньше²⁹⁴. К тому же, как отмечалось выше, число мест на фабриках было невелико. «Малоземелье, – говорится в результатах обследования Московской губернии, – вызывает отлив от земледелия более значительный, чем требуемый интересами промышленности...»²⁹⁵ Безработица в городах временами порождала обратный отток населения в деревню, в частности, возвращение отходников к сельским занятиям отмечалось в Московской губернии в конце XIX века²⁹⁶.

Если крестьяне центральных губерний шли на заработки в города, то отходники с Черноземья по преимуществу шли на юг, в Степное Причерноморье, где в это время налаживалось крупное экспортное производство хлеба. Отмеченный выше огромный рост отхода на Черноземье был свидетельством нарастающей перенаселенности региона, особенно его северных губерний. Если судить по числу выданных паспортов, в 1896 году в отход ушло 17,9% населения в Рязанской губернии и 14,4% в Тульской губернии; в южных губерниях количество отходников составляло 5-7%²⁹⁷. Эти цифры, однако, несколько преувеличивают истинные масштабы отхода, так как некоторые крестьяне брали паспорта два раза в год.

Насколько существенна была роль отхода в доходах крестьянского хозяйства? В материалах «Комиссии 1901 года» утверждается, что душевой

доход от отхода и промыслов в 1890-х годах составлял в среднем около 8 рублей, однако выводы Комиссии вызывают резонные сомнения специалистов, поскольку не ясны ни источники получения информации, ни методика расчета²⁹⁸. Как показывают бюджетные обследования, проведенные в 1885-1896 в Калужской и Воронежской областях, отход и местные промыслы в среднем обеспечивали около 20% дохода²⁹⁹.

Распространение отходничества было тесно связано с процессом расслоения крестьянства и формирования сельского пролетариата. В больших семьях в отход обычно шли взрослые сыновья или младшие братья хозяина. При делении семьи младшие члены получали землю, но часто продолжали заниматься отходничеством; они не обрабатывали свою землю и не имели лошадей; свои наделы они сдавали в аренду другим общинникам или нанимали для их обработки соседей (это называлось «управкой»). С другой стороны, бывало, что и хозяева средних лет, не будучи в силах прокормиться земледелием, переходили к отходничеству и продавали своих лошадей. Наконец, было много разорившихся крестьян, которые не уходили в отход, а работали в имениях местных землевладельцев. Таким образом, в деревне формировался слой безлошадных крестьян, сельских рабочих, которые одновременно были и мелкими землевладельцами³⁰⁰.

Во времена крепостничества каждая крестьянская семья должна была иметь, по крайней мере, одну лошадь – потому что в противном случае она не смогла бы отбатывать барщину. Если крестьянин по каким-то причинам лишался лошади, то помещик предоставлял ему ссуду для покупки новой, поэтому число безлошадных крестьян было незначительно. После отмены крепостного права положение резко меняется. В Елецком уезде Орловской губернии в 1868-1876 годах было лишь 6% безлошадных крестьян, а в 1888 г. – 23%³⁰¹. На этот же процесс указывают приводимые И.Д. Ковальченко данные по 13 имениям Черноземного и Центрального районов³⁰².

Губерния	Годы	Безлошадные	1 лошадь	2 лошади	3 и более
Орловская	1888	21	25	23	31
	1900	29	28	22	21
	1912	32	27	22	19
Тамбовская	1888	22	24	20	34
	1900	29	28	20	23
	1912	34	31	18	17

Табл. 4.18. Процентное распределение дворов в зависимости от количества лошадей по данным военно-конских переписей³⁰³.

Как показывают данные земских переписей, уже к началу 1880-х годов на Черноземье образовался значительный слой безлошадных крестьян, составлявший более пятой части всех дворов³⁰⁴. Между тем, отходничест-

вом в 1870-х годах занималось лишь 5% населения, поэтому очевидно, что рост числа безлошадных крестьян был связан с разорением крестьянства более чем с отходничеством (которое было попыткой уйти от разорения). Группа безлошадных была более многочисленной в северных губерниях Черноземья; в Ранненбургском и Данковском уездах Рязанской губернии в 1882 году она достигала 36% всех дворов. В этих уездах 25% дворов не только не имели лошадей, но не держали вообще никакого скота, 15% дворов полностью сдавали свой надел в аренду (или не имели земли), 9% не имели домов (то есть на самом деле проживали в других местах). При этом нужно отметить, что это были сельскохозяйственные уезды, и возможности для занятия промыслами там были невелики³⁰⁵.

Слой безлошадных крестьян постепенно возрастал, и к 1912 году составлял примерно треть всех дворов (табл. 4.18). Одновременно увеличивалось количество крестьян, имевших только одну лошадь. Это были бедняки, которые не оставили земледельческое хозяйство, но с трудом перебивались из года в год. «Однолошадные никогда не успевают вспахать свои полосы», – свидетельствуют «Итоги статистического исследования» Курской губернии³⁰⁶. Количество средних крестьян, имевших две лошади, оставалось примерно постоянным и составляло около пятой части дворов, в то время как количество зажиточных крестьян уменьшилось с одной трети до одной пятой.

4.3.8. Рост недоимок

Демографический рост в Центральном и Черноземном районах привел к уменьшению душевого надела и к снижению чистых сборов на душу населения. Показателем бедственного положения крестьян был рост недоимок по выкупным платежам. Недоимки могли накапливаться из года в год, но с другой стороны, старые недоимки выплачивались позже и текущую задолженность можно оценить как процентное отношение недоимок к платежам текущего года. В 1866 году это отношение составляло на Черноземье 30%, в 1871 году – 19%, в 1876 – 31%, в 1881 году – 23%³⁰⁷. В Центральном районе отношение суммы недоимок к сумме выкупных платежей в 1866 году составляло 27%, в 1871 году – 23%, в 1876 году – 23%, в 1881 – 48%³⁰⁸. Недоимки по подушной подати были еще больше, и Н. И. Ананьич отмечала, что ни в одной стране мира недоимки не достигали таких размеров³⁰⁹. Невозможность собрать недоимки заставляла власти идти на их списание; в 1870-х годах крупные суммы задолженности были списаны, в частности, с Рязанской и Пензенской губерний. Понижение недоимок по выкупным платежам в 1881 году в значительной мере было достигнуто за счет их частичного списания, и в целом можно констатировать, что после некоторого улучшения к 1871 году положение с платежами резко ухудшилось. Однако в различных губерниях положение могло сильно различаться. В то время как в Орловской губернии недоимки достигали 50-60% от суммы ежегодных платежей, Тульская губерния почти не имела задолженности³¹⁰.

Пытаясь не допустить недоимок, местные власти часто шли на распродажу имущества крестьян, в том числе лошадей и инвентаря. В 1869 году министр финансов М. Х. Рейтерн писал министру внутренних дел о массовой распродаже крестьянского имущества в ряде губерний, указывая, что тем самым подрывается сама возможность крестьян в дальнейшем платить налоги³¹¹. В конечном счете, непосильные повинности приводили к тому, что у крестьян не было запасов хлеба, и в случае неурожая начинался голод. В 1867 году голод охватил ряд северо-западных и центральных губерний, в 1871-1873 годах он свирепствовал в Смоленской и Самарской губерниях, в 1880 году – в Поволжье. В годы голода уже не было речи о сборе недоимок – властям самим приходилось помогать голодающим. Именно голод побудил правительство в 1872 году создать особую «Комиссию для исследования сельского хозяйства».

«Вопрос о недостаточности крестьянских наделов... поднят был уже в докладе Комиссии для исследования сельского хозяйства в 1872 году, – говорится в одном из правительственных документов. – Сведения, собранные различными земствами, и исследования частных лиц, между которыми заслуживают особого внимания работы статистика Московского земства Орлова и профессора Янсона, показали несомненную связь общего упадка крестьянского хозяйства и вообще обеднения большинства крестьян с недостаточными размерами их наделов и величиною падающих на них платежей»³¹². Упомянутая Комиссия отмечала, в частности, что «причины обеднения многих крестьян... заключаются в малом плодородии почвы, требующем сильного удобрения, в недостатке лугов и вследствие этого невозможности содержать достаточное количество скота, в общинном владении и круговой поруке, в значительном и почти повсеместном разделе семей, дробящем рабочие инвентари и препятствующем отхожим заработкам, в значительном обложении земли...»³¹³.

4.3.9. Изменение крестьянского менталитета как следствие Службы

Уменьшение доли зажиточных дворов было связано не только с нехваткой земли и общим обеднением деревни, но и с распадом больших семей. До реформы помещики старались сохранять большие трудоспособные семейные коллективы и часто запрещали семейные разделы. В этих запретах, так же как в запретах продажи лошадей и предоставлении ссуд проявлялась стремление помещиков не допустить разорения крепостных. В 1861 году крестьяне получили волю, но вместе с тем были предоставлены самим себе. После освобождения разделы семей должны были производиться только с разрешения «мира», но фактически производились самовольно. В 1861-1882 годах в 46 губерниях Европейской России разделались 2371 тысяча крестьянских семей, причем лишь 13% из них имели соответствующее разрешение. Согласно обследованию, проведенному в Ярославской губернии в 1873-1882 годах, 35% отделившихся семей не получали при разделе никакого имущества или получали очень мало³¹⁴.

Процесс распада сложных семей был связан с развитием отходничества: семья, один из членов которой почти постоянно находился в отходе, утрачивала свое единство. Отходник, нередко приносящий в семью значительные суммы денег, приобретал психологическую и экономическую независимость и часто стремился выделиться из семьи. С другой стороны, отходники приносили в деревню вольные нравы города и с трудом переносили необходимость подчиняться старшим в семье³¹⁵.

В Ренненбургском и Данковском уездах Рязанской губернии в 1858 году средняя семья насчитывала 9,7 человека, и среди них было 2,2 взрослых работника-мужчины. К 1882 году средняя численность семьи уменьшилась до 6,4 человек, а число работников-мужчин – до 1,5 человек. В Коротоякском уезде Воронежской губернии соответствующие цифры для 1858 года составляли 10,3 и 2,1, для 1882 года – 7,3 и 1,7³¹⁶. В результате прогрессирующего распада больших семей за вторую половину XIX века средняя численность семьи на Черноземье уменьшилась с 10,2 до 6,1 человека³¹⁷.

На рубеже XIX-XX вв. совместное проживание родителей с несколькими женатыми сыновьями стало, как правило, кратковременным и длилось не более трех-пяти, реже – 8 лет. Семьи распались, как только появлялась минимальная возможность для организации отдельных хозяйств. Совместное проживание женатых братьев стало редким явлением³¹⁸.

Распад больших семей резко ограничивал возможность взаимопомощи и кооперации внутри семейных коллективов и негативно отражался на благосостоянии крестьян. Труднее всего приходилось малым семьям, так как работать в хозяйстве мог один отец, а мать, обремененная малолетними детьми, могла лишь изредка оказывать ему помощь. Материалы бюджетного обследования крестьян Воронежской губернии, проведенного в 1887-1896 гг., показывают, что душевой доход в малых семьях был в полтора раза меньше, чем в больших (табл. 4.19). Поэтому распад сложных семей рассматривался властями как одна из главных причин ухудшающегося положения деревни. В 1886 году был принят закон, по которому семейные разделы могли происходить только с согласия главы семьи и по постановлению сельского схода, принятого двумя третями голосов. Но закон постоянно нарушался, и разделы продолжались с неослабевающей интенсивностью³¹⁹.

Анализ данных, проведенный И. Гурвичем для Коротоякского уезда Воронежской губернии, показывает, что малые семьи – это были по преимуществу молодые семьи, основанные безлошадными крестьянами-рабочими, батраками и отходниками. Большие семьи – это были земледельческие семьи, возглавляемые стариками, придерживавшимися старых традиций. Главами средних семей были крестьяне среднего возраста, не чуждые «новых веяний»; они могли заниматься наряду с земледелием промысловой деятельностью и посылать своих подростков сыновей в отход³²⁰.

Характерно, что раздел семей рассматривался Комиссией 1872 года как следствие общего падения нравов, связанного с негативным влиянием на

деревню буржуазного города. Это влияние, по мнению Комиссии, приводило к росту индивидуализма, неуважению к родителям, к религии, проявлялось в семейных раздорах, в «щегольстве», в росте пьянства и т. д.³²¹. С точки зрения правительства наиболее существенной переменной в крестьянском сознании было то, что вслед за неуважением к родителям шло неуважение к властям. В одном из политических обзоров по Таганрогскому уезду говорится, что среди крестьян «прежнее подчинение старым и древним обычаям заменяется произволом, неуважением к власти и закону»³²².

Поскольку отходничество было следствием Сжатия, то изменения в менталитете крестьян, в конечном счете, были вызваны переменами в экономической и демографической ситуации. Однако имело место и «влияние буржуазного города» – то есть опосредованное влияние вестернизации. Важно отметить, что оба фактора в данном случае работали в одном направлении – в сторону ослабления коллективизма и усиления индивидуализма, что в итоге означало ослабление устоев традиционного общества.

В сознании крестьян шла постоянная борьба старых и новых идеалов, но, по мнению Б. Н. Миронова, до конца XIX века старые традиции все же оставались преобладающими³²³. Во всяком случае, вплоть до конца столетия крестьянство оставалось в целом законопослушным; индекс уровня преступности не показывал тенденции к росту и, по сравнению с другими странами оставался низким. Однако уровень преступности среди рабочих был в 19 раз выше, чем у крестьян!³²⁴ Рабочие были намного более «эмансипированными» чем, крестьяне, намного более смелыми и активными в отстаивании своих интересов (пусть и незаконными средствами). Между тем, рабочие в своей массе были те же крестьяне-отходники, которые бежали от нужды в город. Советник Лорис-Меликова генерал Е. М. Богданович отмечал, что «число недовольных в России весьма велико, причем они принадлежат преимущественно к населению наемному фабричному, заводскому, отхожему...»³²⁵ По некоторым данным, работавшие на фабриках отходники проявляли даже большую активность, чем собственно пролетарии³²⁶. Естественно, отходники возвращались в свою деревню и привносили в нее дух непокорности властям; таким образом, пробуждение социальной активности крестьянства было лишь вопросом времени.

В конечном счете, психологическая эмансипация крестьянства была одной из сторон процесса Сжатия и разрушения традиционного общества. Малоземелье вынуждало часть крестьян к поискам пропитания вне привычной среды, и наиболее активные из них шли в города; им стоило немалого труда устроиться там; они часто бедствовали и вели полукриминальную жизнь бродяг и нищих. В конце концов, они становились рабочими, и иногда неплохо зарабатывали, но они сохраняли ненависть к властям, которые преследовали их как бродяг, и к помещику, который когда-то захватил землю их отцов и обрек их на скитания. Возвращаясь в деревню к родственникам, они неизбежно передавали им заряд активности и ненависти.

Наконец, существовал еще один фактор, способствовавший психологической эмансипации крестьянства. Покорность крестьян была основана на

их забитости и неграмотности, и с распространением грамотности крестьяне становились более активными. В 60-х годах число грамотных среди крестьян составляло 5-6%, к 1897 году оно увеличилось до 17,4%, а к 1913 году процент грамотных среди крестьян двенадцати центральных губерний достиг 25%. Показателем роста грамотности среди молодых мужчин является процент грамотных призывников (подавляющую часть которых составляли крестьяне). В 1874 году доля грамотных призывников составляла 21%, в 1898 году – 45%, в 1913 году – 68%³²⁷.

Многие современники, например, С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев, отмечали, что рост грамотности способствовал росту среди крестьян настроений недовольства своим приниженным положением. На роль образования, как фактора, дестабилизирующего традиционное российское общество, указывают также и некоторые современные исследователи, и в частности, Р. Уэйд³²⁸. Б. Д. Греков и К. Ф. Шацillo отмечают существование довольно тесной корреляции между временными рядами, характеризующими, с одной стороны, рост грамотности (такими, как посещение библиотек крестьянами) и, с другой стороны, процессы дестабилизации (такими, как число поджогов)³²⁹.

Нужно отметить также, что с переходом к всеобщей воинской обязанности большая часть крестьян получала навыки военной службы. Служба в армии, в особенности во время войн, способствовала повышению активности и агрессивности. Отслужив срок, призывники возвращались в деревню – и становились самой активной частью сельского населения. По свидетельству местных властей, именно вернувшиеся с военной службы призывники часто выражали непочтение старшим и становились инициаторами семейных разделов³³⁰.

Таким образом, психологическая эмансипация крестьян была еще одним фактором, грозящим в перспективе нарушить социально-экологическое равновесие. Балансирование на полуголом уровне потребления не могло продолжаться вечно, рано или поздно должен был наступить кризис.

4.3.10. Взаимодействие демографического и диффузионного факторов

Демографически-структурная теория утверждает, что Сжатие вызывает обеднение элиты, обострение конкуренции за доходные должности, фрагментацию элиты и выступления отдельных элитных групп против правительства. Как мы попытаемся показать далее, эти обстоятельства играли важную роль в кризисе конца 1870-х-начала 1880-х годов. Однако, как не раз бывало и раньше, вместе с демографическим фактором действовали и другие факторы – в том числе фактор диффузии.

Как отмечалось выше, современная историческая наука рассматривает социально-экономическое развитие России в общем контексте процесса мировой модернизации. Одним из основных компонентов модернизации является вестернизация, то есть перенимание европейской техники и промышленности, экономических, социальных и политических порядков пе-

редовых стран Запада. Процесс вестернизации приводит к столкновению с традиционными социально-политическими институтами и носит революционный характер, поэтому Теодор фон Лауэ называл его «революцией извне». В политической сфере «революция извне» осуществляется через бурные политические революции и радикальные реформы, и в этом смысле почти все революции XIX и начала XX века можно назвать политическими «революциями извне».

Одним из проявлений модернизации были изменения в социальной структуре общества, проявившиеся в появлении новых социальных групп и классов. Модернизация породила промышленный пролетариат, буржуазию и интеллигенцию, и хотя можно спорить о том, что эти группы существовали в какой-то форме и раньше, но несомненно, что в процессе модернизации они многократно увеличились количественно и приобрели новое качество. *Ключевым моментом в этом процессе социальных изменений было появление интеллигенции*, той социальной группы, которая была носителем новых знаний – знаний, которые разрушали старое общество.

Понятие «интеллигенция» было предметом длительной дискуссии в российской историографии; изложение основных моментов этой дискуссии можно найти, например, в известной книге М. Е. Главацкого³³¹. В контексте «теории вестернизации», отмечает Т. фон Лауэ, интеллигенция была «типичным побочным продуктом излияния западноевропейской цивилизации в Россию, это была группа, не имеющая аналогов на Западе, но достаточно обычная среди слаборазвитых стран. Эта группа вынесла главный удар столкновения между Россией и “Европой”. Ее миссия состояла в том, чтобы передать культурные стимулы с Запада, и привязать их, по возможности, к местным условиям. В ее составе можно было найти всех образованных русских независимо от их социального происхождения, потому что образование само по себе подразумевало вестернизацию»³³². Такое понимание очень близко реальному самоощущению интеллигентов начала XX века. Интеллигенция «есть прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух», – писал С. Н. Булгаков в сборнике «Вехи»³³³.

Как отмечает Дж. Фишер, слабость буржуазных средних классов привела к тому, что в России роль главной «прогрессивной силы» играла не буржуазия (как было на Западе), а интеллигенция (как в развивающихся странах). При этом русская интеллигенция была политически независимой и более активной, чем на Западе; она встала во главе народных масс, привлекая их лозунгами политического и социального равенства³³⁴.

Интеллигенция росла вместе с распространением образования, и ее рост находил свое выражение в росте числа учащихся и студентов. За 1860-1880 гг. число учащихся средних школ увеличилось более чем в 4 раза, с 17,8 до 69,2 тыс.; число студентов высших учебных заведений возросло с 4,1 до 14,1 тыс. Появились технические школы и вузы – непосредственное проявление технической революции. В реальных училищах в 1880 г. было 13,2 тыс. учащихся, в технических вузах – 6,1 тыс.³³⁵ В клас-

сических вузах также давалось образование западного образца, и формирующаяся русская интеллигенция изначально воспитывалась в сознании интеллектуального, технического, экономического и социального превосходства Запада. По самому своему происхождению интеллигенция была «западнической», она была пропитана западной культурой, и ее политической программой была либеральная программа переустройства общества по западному образцу – сюда входили, в частности, политические свободы, парламент, свобода предпринимательства и вероисповедания. При этом естественно, что российская интеллигенция в значительной степени формировалась из тех народов империи, которые были более близки западной культуре, чем православные великороссы. В 1886 году среди студентов российских университетов было 15% евреев, квота поляков составляла 20%, и, кроме того, было много немцев и финнов³³⁶.

«Россия находится на уверенном, устойчивом пути прогресса и реформы, – писала в марте 1865 г. газета «Нью-Йорк тайме». – С новыми провинциальными учреждениями и распространением средних школ и газет..., она скоро обучит массу интеллектуальных и организованных граждан, которые будут полностью способны к управлению»³³⁷. Считалось само собой разумеющимся, что «интеллектуальные граждане», получившие западное образование, должны стоять у руля управления обществом, и перedelывать его в соответствии с европейскими стандартами. Такое «общественное мнение» выражало не только стремление к модернизации, но и претензии интеллигенции на обладание властью. *Для интеллигенции борьба за модернизацию была вместе с тем борьбой за свои групповые интересы*³³⁸. Однако реальность была такова, что власти не прислушивались к интеллигенции. Овладев западными знаниями, интеллигенты чувствовали свое превосходство над окружающими, что вступало в противоречие с их реальным, не слишком высоким положением, и с отсутствием возможности влиять на власть. «Навсегда подвешенная между “идеалом”, взятым из западноевропейской философии... – писал фон Лауэ, – и “реальностью”, которая обозначила убогую Россию, российская интеллигенция (подобно ее коллегам в других странах) была глубоко трагической группой»³³⁹. Почти в тех же словах описывает положение интеллигенции С. Блэк: «Как обычно бывает с интеллектуалами в обществах, запоздавших с модернизацией, они разрывались между европейскими стандартами, принятыми ими за образец, и реальностью, которую они видели вокруг себя»³⁴⁰.

Это противоречие побуждало интеллигенцию к активным попыткам переделать действительность, искать союзников, пропагандировать свои взгляды через прессу и возбуждать другие недовольные социальные группы, чтобы, воспользовавшись их помощью, добиться своей цели. Интеллигенция выступала в роли проводника идей модернизации и инициатора борьбы за модернизацию – и хотя она была еще малочисленна, за ней стояло мощное диффузионное воздействие западной культуры, ей придавали силы технические и военные достижения Запада. Роль интеллигенции

– это была роль одного из каналов, через который проявлял свое действие могущественный фактор диффузии.

В соответствии с теорией «революции извне» или «революции вестернизации» модернизация (или вестернизация) была основным содержанием происходивших в России и во всем мире революционных процессов. В контексте этой теории интеллигенция была носителем революционных идей и «революционным классом». «Русское революционное движение, а потом и сама революция развивалась по своему пути главным образом благодаря энергии и стремлениям интеллигенции... – писал М. Малиа. – Русское революционное движение в своих различных фазах не было ни буржуазным, ни пролетарским, а было по сути дела, интеллигентской революцией»³⁴¹.

Основным способом распространения «западнических» идей были публикации в прессе. Журналисты и литераторы симпатизировали этим идеям уже в силу своего образования, которое подразумевало знакомство с европейской культурой. Большинство российских газет пореформенного периода придерживалось либеральной ориентации – постольку, поскольку это позволяли цензурные условия³⁴². «Пресса стала неоспоримой силой, – писал в 1862 году министр внутренних дел П. А. Валуев. – Это факт не исключительный, а общий, который вытекает из универсальных форм цивилизации. Наша пресса вся целиком в оппозиции правительству»³⁴³.

Пропаганда содействовала привлечению союзников, и первым союзником интеллигенции стала та часть дворянской аристократии, которая после реформы 1861 года перешла в оппозицию и взяла на вооружение лозунги английского аристократического либерализма (см. выше, п. 4.2.3). Другим, более радикально настроенным союзником, стало разоряющееся мелкое дворянство.

Формирование интеллигенции протекало в условиях кризиса, который охватил русское дворянство после реформы 1861 года. Падение доходов дворянства означало для этого сословия сокращение экологической ниши и, в соответствии с демографически-структурной теорией, было равносильно Сжатию внутри дворянского сословия.

Реакцией дворянства на это Сжатие (помимо растущего недовольства) был поиск новых источников доходов. Многие оставшиеся без средств существования мелкие дворяне пытались поправить свои дела, устроившись на государственную службу. Если прежде потомственные дворяне пренебрегали должностями низших чиновников, то теперь (в соответствии с предсказанием демографически-структурной теории) началась конкуренция за эти должности. Среднее образование давало значительные преимущества при поступлении на службу; лица, закончившие университет, могли сразу же претендовать на места до X класса. Дворянская молодежь – не только русская, но в значительной степени польская мелкая шляхта – устремилась в гимназии, училища и университеты³⁴⁴. Около половины учащихся, как в средних школах, так и в вузах, составляли дети дворян и чиновников. В основном это были выходцы из низших слоев дворянства: для

детей аристократии существовали особые привилегированные училища (Пажеский корпус, Александровский лицей и др.). Профессор Петербургского университета А. Н. Бекетов в 70-х годах отмечал «всеобщую бедность студентов»³⁴⁵. Терпя нужду, студенты в процессе обучения знакомились с западными общественными идеями, что не могло не вызвать критическое отношение к существующим порядкам³⁴⁶.

Таким образом, разорившееся мелкое дворянство становилось одним из главных источников формирования интеллигенции. Но наплыв разоренных дворян привел к «переизбытку кадров». В то время как численность учащихся возросла в 4 раза, число чиновничьих мест (включая неклассные) увеличилось в 1857-1880 годах лишь на 8%, с 119 до 129 тыс. Если даже добавить к этому 52 тыс. мест в земствах³⁴⁷, то очевидно, что канцелярии были неспособны вместить резко возросший поток претендентов. Студентам 70-х годов, указывал Ю. Бергман, нередко приходилось страдать от безработицы. При слабости промышленного развития ни канцелярии, ни земства не могли обеспечить занятость многим выпускникам из мелких дворян, чьи семьи испытывали трудности в связи с отменой крепостного права, поэтому революционная деятельность становилась для них все более привлекательной³⁴⁸.

Необходимо отметить, что правительство понимало опасность складывающейся ситуации. «Лица, вышедшие из школы... должны найти место в обществе, – признавал П. А. Валуев в докладной записке 1866 года. – У нас, где почти каждый смотрит на государственную службу как последствие и цель образования, это условие неисполнимо. Таким образом, возрастает... тот интеллигентный пролетариат, который всегда готов действовать против всякого правительства»³⁴⁹.

Таким образом, как и предсказывает теория, в обстановке Сжатия и кризиса элиты, в России сложилась обстановка жесткой конкуренции за доходные должности, которая фрагментировала элиту и отбрасывала тех, кто не смог получить должность, в ряды оппозиции.

Дворянские амбиции студентов усиливались сознанием превосходства, полученного от приобщения к западной культуре; в сочетании с молодостью и бедностью это способствовало росту радикализма и появлению отрицавших традиционные порядки «нигилистов». В 60-е годам, отмечает М. Конфино, сложился определенный стереотип «нигилиста», включавший в себя индивидуализм, требование женской эмансипации, отрицание религии и многих традиционных условностей³⁵⁰. «Нигилисты» происходили преимущественно из дворянских семей, среди политических преступников 60-х годов около 70% составляли дети дворян и чиновников, 61% составляли учащиеся, студенты и недавние выпускники³⁵¹.

«Нигилисты» не просто заимствовали европейскую идеологию, то брали свои идеи из ее радикальных течений, таких как социализм, марксизм, бланкизм. Р. Пайпс отмечал, что философские основы нигилизма «были созданы из материалов, взятых прямо с Запада, особенно из французской социалистической и позитивистской литературы и немецкого материализ-

ма»³⁵². Это заимствование облегчалось сотрудничеством некоторых русских революционных кружков с марксистами в рамках I Интернационала. Программа славянской секции Интернационала была образцом радикализма, в ней говорилось, что только «уничтожение государства, права собственности и юридической семьи делает возможным организацию народной жизни снизу вверх на основе коллективного труда»³⁵³.

Таким образом, кризис элиты привел к тому, что наряду с основным, либеральным течением «западнической» оппозиции, появились радикальные «западнические» группы. Кризис элиты был вызван несоответствием численности растущей элиты ее сократившимся после реформы доходам; как отмечалось выше, кризисы такого рода могут получить объяснение в рамках демографически-структурной теории. Однако главную роль в последовавших затем драматических событиях сыграл диффузионный фактор, выразившийся в перенимании русской интеллигенцией идеологических установок западного радикализма.

4.3.11. Политический кризис рубежа 1870-1880-х годов

Как предсказывает демографически-структурная теория, в обстановке Сжатия оппозиционные фракции элиты, как правило, обращаются за поддержкой к недовольным народным массам и провоцируют народные выступления.

Действительно, «нигилисты» были малочисленны, и, сознавая свою слабость, они искали союзников в массах. Эти поиски союзников привели к тому, что «нигилизм» принял «народнический» оттенок; среди лозунгов новой оппозиции появились требования перехода всей земли в руки крестьян и свободы крестьянского самоуправления³⁵⁴. В 1874 году около 2 тысяч членов студенческих и интеллигентских кружков «пошли в народ» с тем, чтобы путем агитации, в конечном счете, поднять крестьян на восстание. Таким образом, народники пытались инициировать действие демографического фактора, выражавшегося в росте крестьянского малоземелья и приводившего к напряженности в деревнях. Однако «народники» не нашли поддержки у народа. В культурном отношении «народники» оказались чуждыми крестьянам, которые не понимали их наполненного иностранными словами городского языка и не верили им. Приверженность интеллигенции западной культуре препятствовала соединению ее с народом. «Народ, – писал Н. Г. Чернышевский, – не делает разницы между людьми, носящими немецкое платье»³⁵⁵.

Кроме того, отмена крепостного права резко повысила авторитет самодержавия в глазах народа и укрепила распространенный в среде крестьян миф о справедливом царе. Даже в тех случаях, когда крестьяне поднимали восстания, они восставали не против царя, а против местных властей, скрывших «истинную волю» царя (как это было в Бездне в 1861 году). В этих условиях «народники» иногда (как было в Чигирине в 1877 году) прибегали к обману, распространяя «царские манифесты», призывавшие к восстанию против помещиков³⁵⁶. Это был метод провоцирования конфлик-

тов внутри традиционного общества, применявшийся интеллигенцией, в частности в европейских революциях 1848 годов (см. ниже п. 5.1.2). Однако все попытки поднять крестьян на большое восстание закончились неудачей.

Когда «народники» увидели, что они не встречают поддержки среди крестьян, революционеры пошли по пути перенимания еще более удаляющих их от народа западных методов борьбы. «Народная воля» приняла на вооружение идеологию бланкизма и методы террора³⁵⁷.

Во время «хождения в народ» «нигилисты» сумели вовлечь в свои организации некоторое количество крестьян, но и в этот период *большинство революционеров составляли представители элиты*. Из числа 1665 революционеров, арестованных полицией в 1873-1879 годах, дворян было 28,2%, духовных лиц – 16,6%, военных – 13,4%; дети крестьян и мещан составляли по 13,5%. 87% «народников» 70-х годов были моложе 30 лет. Руководящее звено организации «Народная Воля» (154 человека) на 38% происходило из дворян, на 10% – из духовенства, на 7% – из купеческого сословия. Две трети этих профессиональных революционеров учились в вузах, но половина из учившихся была исключена по причине нехватки средств или противозаконной деятельности. Так же как среди всех студентов и интеллигентов, среди революционеров было много поляков и евреев (имевших, кроме того, и свои счеты с властями)³⁵⁸.

Убедившись в бесплодности своих агитационных попыток, радикалы перешли к террористическим методам. Террор произвел впечатление на власть. Уже первая волна террористических актов в феврале 1879 года побудила правительство искать поддержки общества. Прежде всего, необходимо было нейтрализовать влияние «народников» на крестьянство. В марте было обнародовано «высочайшее повеление» Александра II, в котором говорилось о будущей отмене подушной подати. Председатель Особого совещания П. А. Валугев, оценивая ситуацию, отмечал, что народные массы «готовы по первому призыву оказать содействие правительству против его врагов», в то время как «образованная часть населения» сохраняет нейтралитет³⁵⁹.

После покушения 2 апреля 1879 года Александр II, принимая депутатов дворянства, выразил надежду, что теперь дворянство будет помогать ему, а не критиковать, как прежде³⁶⁰. Однако дворянство, с 1861 года находившееся в оппозиции монархии, выжидало, а либералы стремились использовать ситуацию для давления на правительство с целью введения конституции. Либеральная программа предполагала присоединение выборных от дворянства и земства к Государственному совету; в области аграрных отношений либералы предлагали уничтожить круговую поруку, разрушить общину и разрешить крестьянам продавать надельную землю³⁶¹.

Когда 5 апреля 1880 года прогремел взрыв в Зимнем дворце, император вручил чрезвычайные полномочия графу М. Т. Лорис-Меликову, который предложил удовлетворить требования либеральной оппозиции созданием совещательного органа при Госсовете, так называемой «Общей комиссии».

Советники Лорис-Меликова считали крестьянство в целом лояльным правительству. Генерал Р. А. Фадеев писал, что «подростки, составляющие реальную силу революционной партии, просто обмануть», что крестьяне «вполне благонадежны и ропщут лишь вследствие несовершенства налоговой системы, тяжело отражающейся на состоянии населения»³⁶². Лорис-Меликов принял меры, чтобы поддержать крестьянскую благонадежность. В августе 1880 года была организована серия сенаторских ревизий с целью выяснения положения в провинции. Под впечатлением отчетов о ревизиях было принято решение о разработке мер, направленных на снижение выкупных платежей. Когда поступили сведения о неурожае в ряде губерний, правительство поспешило организовать выдачу ссуд голодающим крестьянам, был отменен соляной акциз, а также приняты меры для снижения цены на хлеб в столицах³⁶³.

Таким образом, правительству удалось в определенной мере нейтрализовать действие демографического фактора и предупредить возможные крестьянские выступления. Либеральная оппозиция была нейтрализована обещанными уступками, поэтому, когда 1 марта 1881 года «народовольцы» убили императора Александра II, в столице и в провинции не последовало никаких волнений. Наоборот, убийство царя вызвало направленную против «западнической» оппозиции реакцию традиционалистских сил.

4.4. Демографически-структурная динамика в 1880-1890-е годы

4.4.1. Традиционалистская реакция

Убийство Александра II произвело огромное впечатление на русское общество и вызвало резкую перемену общественных настроений. Террористы рассматривались как орудия западного влияния; в южных губерниях произошли еврейские погромы. В народе распространился слух, что царь был убит дворянами, недовольными отменой крепостного права, и Лорис-Меликов в циркулярном письме предупреждал губернаторов о возможности крестьянских выступлений против помещиков³⁶⁴. Новый министр внутренних дел славянофил граф Н. П. Игнатьев говорил, что «почву для тайной организации нигилистов составляли поляки и евреи»³⁶⁵. «Надо прежде всего препятствовать подпадению народа под влияние интеллигенции, которая утратила связь с народной традицией», – говорил К. П. Победоносцев³⁶⁶.

Таким образом, убийство Александра II вызвало традиционалистскую реакцию, направленную против западного влияния, против «западников» и «инородцев». Либеральные министры убитого царя были вынуждены уйти в отставку; с поста председателя Госсовета был удален самый знаменитый «западник» предшествующего царствования – великий князь Константин Николаевич. К власти пришли деятели славянофильского направления: К.П. Победоносцев, Н. П. Игнатьев; глашатаями новой политики стали редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков и редактор «Гражданина» князь В. П. Мещерский. Принятая новым правительством доктрина

«народного самодержавия» провозглашала отвержение западных идейных влияний и возврат к традиционным русским ценностям. Эта доктрина в известной степени повторяла лозунг «самодержавие, православие, народность» времен Николая I и подразумевала религиозное освящение власти государя, опору на дворянство, как связующее звено между царем и народом, возвращение к патриархальным государственным отношениям времен Московской Руси и идеологию попечительства над крестьянством, призванную обеспечить народную любовь³⁶⁷.

Проводилась политика «русификации» и стеснения «иностранцев»; среди высших сановников уменьшилось количество лютеран-немцев (в 1853 году лютеране составляли 16% членов Государственного Совета, а в 1903 году – только 2%)³⁶⁸. Чтобы ослабить влияние петербургской буржуазии на чиновников, для чинов высших классов было запрещено участие в правлении акционерных обществ.

Авторы доктрины «народного самодержавия», в согласии с основной идеей славянофилов, считали, что Россия – не Европа и должна идти своим путем, отличным от капиталистического пути Запада. Они надеялись, что защищенная от проникновения буржуазных отношений община будет по-прежнему выступать в качестве основы российской социальной традиции. «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй... – утверждал в 1897 г. министр внутренних дел Плеве – ... имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и борьбы классов»³⁶⁹.

4.4.2. Политика по отношению к крестьянству

В соответствии с неомальтузианской теорией, в период Сжатия обедневшее население оказывается не в состоянии платить налоги, и государство вынуждено уменьшать свои предъявляемые к народу требования.

Как отмечалось выше, под влиянием отчетов о сенаторских ревизиях М. Т. Лорис-Меликов пришел к выводу о необходимости снижения выкупных платежей. В подготовленном Министерством финансов записке «О финансовом положении России» в качестве главной причины недоимок указывался *рост населения*. «Когда население возросло, – говорилось в записке, – отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожаи... тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным, исправное поступление налогов и платежей прекратилось, и правительство само оказалось вынужденным позаботиться о прокормлении нуждающегося населения»³⁷⁰.

После убийства Александра II (1 марта 1881 года) намеченная реформа стала тем более необходимой³⁷¹. По закону, принятому 28 декабря 1881 года, выкупные платежи были уменьшены на 1 рубль с каждого душевого надела. В Центральном районе средняя плата с десятины уменьшилась с 1 руб. 79 коп до 1 руб. 27 коп. (на 30%). В Черноземном районе плата с деся-

тины уменьшилась с 2 руб. 29 коп. до 1 руб. 80 коп. или, в переводе на хлеб, с 4,2 до 3,3 пуда с десятины и примерно столько же с человека (на Черноземье душевой надел составлял около 1 десятины). Одновременно более чем наполовину были сложены недоимки, и все крестьяне, еще оставшиеся «временнообязанными», были переведены на выкуп с понижением платежа на 20%³⁷².

После снижения выкупных платежей на очередь встал вопрос об обещанной Александром II отмене подушной подати; она была отменена в 1886 году. На Черноземье подушная подать в переводе на хлеб составляла 2,5-3 пуда на душу, и вместе с уменьшением выкупных платежей общее сокращение налогов бывших помещичьих крестьян составило 42-47%. Стремясь компенсировать потери бюджета, правительство перевело государственных крестьян на выкуп. Выкупная операция была рассчитана на 44 года, в течение которых крестьяне должны были платить за ссуду в среднем 82 коп. с десятины вместо прежних 56 коп. оброчной подати. Однако и при этом повышении платежа государственных крестьян в расчете на десятину были в 1,6 раза меньше, чем платежи бывших помещичьих крестьян³⁷³.

Под давлением Сжатию правительство стремилось переложить часть тягот с плеч переобремененного крестьянства на другие сословия. Для компенсации потерь от отмены подушной подати был увеличен поземельный налог (который собирался и с дворян), увеличен имущественный налог с горожан, введены налоги на прибыль акционерных компаний и банковских вкладчиков³⁷⁴. Однако, по сравнению с другими странами, участие зажиточных слоев населения в налоговых тяготах было незначительным. Поземельный налог давал в России лишь 1,5% доходов бюджета, в то время как во Франции – 9,1%. Налог на городскую недвижимость в России давал 0,77% доходов, а налог на денежный капитал – 1,4%. В других странах эти подати входили в состав подоходного налога, который давал в Пруссии 16,4%, а в Англии – 18% доходов³⁷⁵. Высшие классы российского общества по-прежнему пользовались привилегиями, унаследованными от эпохи крепостного права и несовместимыми с понятием о цивилизованном обществе. Нежелание высших классов нести налоговые тяготы было одним из факторов, обуславливавших финансовую слабость России.

Чтобы до какой-то степени ослабить земельную нужду, правительство решило организовать покупку дворянских земель крестьянами через специально созданный Крестьянский банк. Условия этой покупки были тяжелее условий выкупа земель по реформе 1861 года: крестьяне вносили 25% наличными, а за оставшуюся сумму уплачивали банку 6,5% в течение 55 лет. В принципе, купив землю на таких условиях, крестьяне еще долго платили за нее деньги, немногим уступавшие арендной плате, и эту землю можно лишь условно считать крестьянской. Как бы то ни было, за 1877-1900 годы крестьяне приобрели десятую часть частных земель Черноземья. К 1900 году частные земли крестьян увеличились с 3 до 7% всех удобных земель, и вместе с надельными землями крестьяне владели 67% удобных

земель. Купцы и мешане, которые тоже скупали земли разорвавшихся дворян, увеличили свою долю с 4% до 9%, а доля дворянского землевладения уменьшилась с 32 до 24%³⁷⁶.

В соответствии с неомальтузианской теорией для периода Сжатия характерны реформы, направленные на облегчение положения народа. Мы упоминали выше о значительном снижении налогов в 1880-х годах. Другим проявлением этой тенденции была политика попечительства по отношению к крестьянству. Как отмечал позднее министр внутренних дел В. К. Плеве, политика попечительства началась во времена графа П. Д. Киселева, и нашла свое яркое проявление в реформе 1861 года³⁷⁷ – но элементы этой политики можно обнаружить еще во времена Петра I и Павла I: в общем смысле, она была частью теории «регулярного государства». В 1880-х годах главным проводником политики попечительства был первый советник царя К. П. Победоносцев; идеи попечительства разделялись многими политиками и общественными деятелями того времени, в том числе и либералами³⁷⁸.

Основным принципом политики попечительства была поддержка крестьянской общины как гарантии от появления нищего, голодного и склонного к бунту пролетариата. «Одна общинная связь может охранить крестьянское население от обезземеливания», – писал К. П. Победоносцев³⁷⁹; один из идеологов реформы 1861 года К. Д. Кавелин называл общину «страховым учреждением от безземельности и бездомности»³⁸⁰. Эта мысль многократно повторялась в правительственных документах. «При сравнительно низком уровне крестьянского хозяйства, – говорится в проекте Редакционной комиссии о пересмотре законоположений о крестьянах (1903 г.), – опека общины, оберегая слабых и подгоняя нерадивых, должна быть признана благотворительной»³⁸¹.

В ряду законов и указов, реализовавших основной принцип политики попечительства, следует назвать указ 1883 года, запрещающий продажу крестьянских изб и построек, закон 1886 года об ограничении семейных разделов, указ 1887 года, запрещающий сдачу надельной земли в аренду без согласия общины. В целях укрепления общины были приняты законы 1893 года о запрещении продажи досрочно выкупленных наделов за пределы общины, об ограничении их залога, о контроле общины за арендой наделов и об упорядочении переделов земли³⁸². В свете политики попечительства следует рассматривать также и введение института земских начальников, но эта реформа оказалась неудачной³⁸³.

Важным принципом политики попечительства была опора на общину как основу политической стабильности. Как отмечалось ранее, в период кризиса конца 1870-х – начала 1880-х годов крестьянство продемонстрировало свою полную лояльность правительству. Изучение динамики крестьянских волнений (см. рис. 4.4 и 4.13.) свидетельствует, что число волнений было меньше, чем в 1840-х и 1850-х годах, и не показывало уверенной динамики к росту. Так же как и в первой половине XIX века, вступление нового императора на престол порождало всплеск волнений, связан-

ных с надеждами на наделение крестьян землей (а в предыдущий период – с надеждами на освобождение). Очевидно, после реформы 1861 года крестьяне продолжали надеяться на царя, как на своего защитника и предостоятеля.

С. Ю. Витте в 1893 году называл крестьянскую общину «главной опорой порядка»; в подтверждение своих мыслей он цитировал Бисмарка, который говорил, что «вся сила России – в общинном землевладении»³⁸⁴. В упомянутом выше проекте Редакционной комиссии говорится, что «крестьяне более чем представители какой-либо другой части населения всегда стояли и стоят на стороне создающих и положительных основ обществственности и государственности и.. являются оплотом исторической преемственности в народной жизни против всяких разлагающих сил...»³⁸⁵.

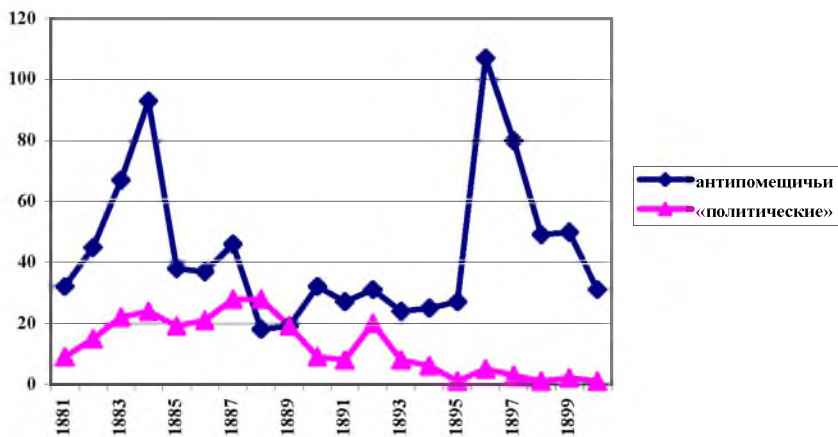

Рис. 4.13. Динамика крестьянских волнений в 1881-1900 гг.³⁸⁶

Еще одним направлением политики попечительства было создание церковно-приходских школ, предназначенных как для обучения грамоте, так и для нравственного воспитания народа в православном и верноподданническом духе. Победоносцев неоднократно заявлял, что он считал дело распространения школ самым важным, «так как оно делалось для народа». Народный учитель в его представлении должен был быть главным проводником в народные массы исконно русских национальных традиций и идеалов православной любви к ближнему. В 1880 году в России насчитывалось только 273 церковно-приходские школы с 13 тысячами учащихся, а в 1902 году их число достигло 31855; школы посещало 1783 тыс. учащихся³⁸⁷. В деле начальной грамотности был достигнут огромный прогресс, но, как отмечал Витте, развитие образования должно было усилить стремление народа к справедливости и способствовать росту влияния социалистов.

Поскольку разложение общины, рост малоземелья и изменение крестьянского менталитета были следствиями Сжатия, то политика попечительства, в конечном счете, имела целью приостановить Сжатие (или, по крайней мере, нейтрализовать его последствия). Естественно, такая политика была обречена на неудачу.

4.4.3. Динамика элиты. Положение дворянства

Политический кризис рубежа 70-х-80-х годов вынудил монархию к уступкам не только народу, но и дворянству. Главной чертой традиционалистской политики стала опора на дворянство. Формально это выглядело как примирение этактистской монархии с элитой после разрыва, произошедшего в 1861 году. В октябре 1882 года министром внутренних дел был назначен представитель консервативных дворянских кругов Д. А. Толстой. Протестуя против проводимой Н. Х. Бунге политики уступок крестьянству, новый министр заявил Александру III, что не признает «крестьянской России». «Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создали», – говорил Толстой, имея в виду руки тысяч дворян³⁸⁸. Главная идея консервативной партии заключалась в том, что сохранение самодержавия невозможно без сохранения дворянства, что дворянство (а не крестьянство) является главной опорой самодержавия³⁸⁹.

По мысли консервативных идеологов, дворянство должно было играть роль «100 тысяч полицейских», осуществляющих надзор и опеку над другими сословиями, прежде всего над крестьянством. Александр III принял эту программу консерваторов и во время коронации обратился к собравшим со всей России волостным старшинам с наказом слушаться своих предводителей дворянства³⁹⁰.

Произошедшие перемены отражали некоторое изменение расстановки сил в структуре «государство-элита-народ», повышение роли дворянства в ущерб государству и народу. Эти перемены отразились и на распределении ресурсов в рамках структуры. В финансовой области государство было вынуждено вернуть дворянству некоторые его привилегии, прежде всего льготный кредит. Во исполнение этой программы в 1885 году был создан Дворянский банк, предоставлявший дворянам льготные кредиты под 5% годовых на срок до 48 лет. В 1889 году процент был снижен до 4,5%; для сравнения ставка кредитования Крестьянского банка была больше на 2,25%, а акционерных банков – на 2,5- 3,5%. В 1886-1888 годах помещики получили 173 млн. руб. кредитов, что в 7 раз превышало выданные в те же годы кредиты Крестьянского банка.³⁹¹

Широкомасштабное субсидирование дворянского класса было вызвано не только политическими причинами, но и попыткой противостоять разразившемуся в этот период аграрному кризису. Резкое увеличение хлебного экспорта из России, США и некоторых других стран в 70-е годы вызвало падение цен на мировых рынках. Это привело к падению цен также и в России; на Черноземье средняя цена ржи уменьшилась с 72 коп. коп в 1881-1885 гг. до 45 коп. в 1886-1890 гг. Арендаторы помещичьих земель

стали разрывать арендные договоры, арендная плата в Орловской губернии уменьшилась в 1886-1889 гг. на 20%. Для многих помещиков наступили трудные времена. В 1888 году пензенские дворяне отказались от уплаты государственных и частных долгов, прося отсрочки. В 1889 году недоимка Дворянского банка по процентам составила 5,2% к сумме долга, то есть превысила годовую сумму процентов³⁹².

В результате продаж общая площадь дворянских земель сократилась с 77,8 млн. дес. в 1861 г. до 73,1 млн. дес. в 1877 г., 57,7 млн. дес. в 1892 г. и 53,2 млн. дес. в 1905 г. Доля дворянских земель в частном землевладении уменьшилась в 1877-1905 гг. с 80% до 62% в 1905 г.; на Черноземье помещики потеряли за эти годы 29% своих земель³⁹³.

В то время как дворянское землевладение сокращалось, численность дворянства постоянно росла. В 41 губернии Европейской России (без 9 западных губерний с польским дворянством) в 1858 г. насчитывалось 234 тыс. потомственных дворян, в 1870 г. – 305 тыс., в 1897 г. – 478 тыс. В 6 губерниях Черноземья (без Пензенской губ.) в 1858 г. было 45,1 тыс. дворян, в 1870 г. – 45,8 тыс., в 1897 г. – 60,9 тыс.³⁹⁴. Если в 1870 г. на одного дворянина на Черноземье приходилось 176 дес. земли, то в 1897 г. – 104 дес., на 40% меньше³⁹⁵. Если принять численность дворянской семьи в 4-5 человек, то средний размер поместья на Черноземье составлял 400-500 десятин. Эта цифра близка к средней по России.

Группы владений по размеру	1877			1895			1905		
	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер (дес.)	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер владения (дес.)	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер (дес.)
До 100 дес.	56,4	1916	34	60,4	1851	28	59,7	1601	30
%	50,2	2,8		57,8	3,2		58,9	3,4	
100-500 дес.	33,4	8316	249	29,2	7208	247	25,6	6397	250
%	29,6	12,1		25,4	13,4		25,3	13,3	
500-1000 дес.	10,6	7520	707	9,6	6650	694	8,0	5634	703
%	9,4	10,9		8,4	12,4		7,9	11,8	
1000-5000 дес.	10,4	21121	2031	8,3	16435	1972	6,9	13600	1976
%	9,2	30,7		7,3	30,5		6,8	28,3	
более 5000 дес.	1,8	29890	1643	1,2	21799	17594	1,1	20699	1830
%	1,6	43,5	7	1,1	40,5		1,1	43,2	1
Всего по 44 губерниям	112,6	68774	613	114,8	53944	470	101,3	47902	473
%	100	100		100	100		100	100	

Табл. 4.19. Структура и динамика дворянского землевладения по 44 губерниям России³⁹⁶.

Более половины всех поместий 44 губерний Европейской России составляли мелкие и мельчайшие поместья размером до 100 десятин. За 1877-1905 гг. численность мелкого дворянства заметно возросла, и его удельный вес в общей численности дворян увеличился с 50 до 59%. Имея

поместья в среднем около 30 десятин, эти дворяне по уровню доходов многим отличались от зажиточных крестьян. Как отмечала Особая комиссия 1892 года, такие владения «едва ли могут служить достаточным обеспечением развитых в этом сословии потребностей»³⁹⁷. Мелкопоместное дворянство было особенно распространено в западных и левобережных украинских губерниях, где проживали потомки польской шляхты и казацкой старшины. Много мелких дворян было также и на Черноземье, в районах, где в XVII веке проходили «засечные черты». Особое совещание по делам дворянского сословия отмечало бедственное положение мелкого дворянства черноземных губерний, которое не получает никакой помощи ни от земств, ни от дворянских обществ³⁹⁸. Таким образом, не удивительно, что значительная часть «нигилистов» происходила из мелкопоместных дворян.

На другом полюсе сосредотачивалось крупнейшее дворянство – так называемые «латифундисты» или «лендлорды». 102 семьи, принадлежавшие по большей части к старинным родам, в 1905 году владели 30% всей дворянской земли. Разница в положении этих семей и остального дворянства была столь велика, что на страницах дворянской прессы слово «лендлорд» приобрело бранное значение; «лендлордов» изображали как непримиримых противников среднепоместного дворянства и вообще дворянского дела³⁹⁹.

Что касается средних поместий (от 100 до 1000 дес.), то их численность в 1877-1905 годах уменьшилась почти на четверть, с 44 тыс. до 34 тыс. «Вымирающее» среднее дворянство было источником постоянных жалоб, с которыми обращались к правительству предводители дворянства. В 1896 году 27 губернских предводителей дворянства, прибывшие на коронацию Николая II, подали царю «Записку», в которой вновь жаловались на всеобщее оскудение поместного дворянства, писали «о переходе из затруднительного положения в нестерпимое» и о появлении «на близком уже расстоянии разорения среднего и крупного землевладения»⁴⁰⁰. В ответ правительство снизило процентную ставку для должников Дворянского банка до 4% в 1894 году и до 3,5% в 1897 году. Было учреждено Особое совещание по делам дворянства, но его работа не привела к существенным результатам⁴⁰¹.

Таким образом, в соответствии с теорией, Сжатие и увеличение численности дворянства привели к затяжному кризису элиты. В соответствии с теорией, элита требовала поддержки у государства, но это поддержка не могла существенно изменить ее положения.

Иногда высказывается мнение, что главной причиной разорения дворянства был его экономический консерватизм – нежелание тратить деньги на улучшение хозяйства. Как показывают материалы исследований, помещичьи хозяйства не обладали существенными преимуществами перед крестьянскими хозяйствами в части внедрения усовершенствованных орудий труда⁴⁰². Это объясняется тем, что в условиях аграрного перенаселения главным фактором, влияющим на прибыль помещичьих хозяйств, было не внедрение передовой агротехники, а дешевизна рабочей силы. Поденная плата батраков в Южном Степном районе была в полтора раза больше, чем на

Черноземье, и это было главной причиной того, что и себестоимость пуда ржи была в полтора раза больше⁴⁰³.

Более того, прибыль на десятину земли при «экономической» обработке полей батраками была существенно меньше, чем при сдаче их в аренду, и этот разрыв увеличивался с ростом перенаселения. По этой причине в начале XX века у крупных помещиков лишь 43% пашни входило в состав экономии, остальная пашня сдавалась в аренду. Но и в экономиях 44% пашни обрабатывалось в счет отработок инвентарем крестьян⁴⁰⁴. «Аграрное перенаселение вызывало... разложение крупного хозяйства и окончательное превращение прежнего дворянина-хозяина в эксплуататора крестьянской нужды», – писал Б. Бруцкус⁴⁰⁵.

Аграрное перенаселение делало помещичьи хозяйства Черноземья весьма прибыльными и без использования техники; отношение арендной платы к цене земли в начале XX века составляло в этом регионе 10,3%, то есть землевладелец получал с капитала (с учетом трехполья) 6,7% прибыли – значительно больше, чем в среднем по Европейской России. Для сравнения отметим, что средний дивиденд в промышленности составлял в 1901-1905 годах 5,9%, то есть владеть землей на Черноземье было выгоднее, чем вкладывать деньги в промышленные предприятия⁴⁰⁶.

Таким образом, русских помещиков трудно упрекать в отсутствии деловой хватки – экстенсивный характер помещичьих экономий определялся условиями Сжатия.

4.4.4. Динамика государства: финансовый кризис и новый этатизм

Как отмечалось выше, неомальтузианская теория утверждает, что для периода Сжатия характерны финансовый кризис государства и тенденции к этатизму.

В российской и в западной историографии широко распространено мнение о том, что, в 80-90-х годах, несмотря на сильное дворянское влияние, этатистская группировка в правительстве все же преобладала и что российская монархия, в целом, сохраняла свое положение «взвешенным»⁴⁰⁷.

Помимо старой этатистской традиции, столь ярко проявившей себя в освобождении крестьян, на политику государства влиял и диффузионный фактор. 80-е годы XIX века были временем смены тенденций в мировой экономической политике, когда после финансового кризиса середины 70-х либеральная экономическая доктрина стала уступать место тенденциям государственного регулирования и государственного капитализма. В Германии развитие теории государственного регулирования нашло свое выражение в концепции «социальной монархии» Лоренца Штейна и работах авторитетной экономической школы «катедер-социалистов». Это сочетание новейших социальных теорий с прусскими этатистскими традициями проявилось в характере реформ, проводимых канцлером Бисмарком. В 1880-х годах Бисмарк провозгласил начало «социальной реформы», которая подразумевала, в частности, принятие нового рабочего законодательства, включавшего (впервые в Европе) законы о социальном страховании.

В этой связи германский канцлер много говорил о «праве на труд» и о «государственном социализме», под которым он подразумевал этатистское регулирование социальных и имущественных отношений. Другим проявлением этатистской политики Бисмарка было расширение государственно-предпринимательства и создание мощного государственного сектора экономики. Государственный сектор экономики должен был удовлетворять самые насущные потребности государства и вместе с тем приносить доходы, за счет чего снижалась доля прямых налогов на население. Наиболее ярко государственно-капиталистические тенденции проявились во введении водочной и табачной монополий и в национализации железных дорог; в 1891 году 93% германских железных дорог принадлежали государству⁴⁰⁸.

Германия была наиболее могущественным государством Европы, а Бисмарк – наиболее авторитетным политическим лидером тех времен. Зародившись в Германии, волна этатистских реформ распространилась по всей Европе, не миновав и России. В первую очередь был поднят вопрос о национализации железных дорог. В России построенные частными компаниями железные дороги приносили убытки, и казне приходилось платить гарантированные прибыли по акциям и облигациям из своих средств, записывая эти дотации в задолженность компаний. Поскольку задолженность постоянно росла, то правительство сочло за лучшее по примеру Германии выкупить основные железнодорожные магистрали в казну. Однако выкуп железных дорог затруднялся нехваткой средств; в министерство Бунге (1881-1886) в казну было выкуплено только 1,3 тыс. верст дорог⁴⁰⁹.

Россия подражала Германии и в деле введения рабочего законодательства. «В России не менее чем в Германии, – писал Н. Х. Бунге в официальном докладе Александру III, – нужно бороться с разрушительным стремлением революционной партии, но чтобы отнять у последней почву, необходимо обеспечить благоденствие народа и действовать в том же направлении, как действует князь Бисмарк»⁴¹⁰. В 1882-1886 годах были приняты законы, ограничивавшие труд подростков и женщин, а также ночные работы; была упорядочена выплата заработной платы, появилась фабричная инспекция, наблюдавшая за условиями труда. Однако подготовка закона о страховании рабочих (во многом следовавшего германскому прототипу) осталась незавершенной. Социальные реформы правительства включавшие, помимо рабочего законодательства, меры по облегчению податных тягот крестьян и создание Крестьянского банка, вызвали противодействие дворянской партии. Катков и Мещерский поставили Бунге в вину приверженность к социалистическим идеям, и, вместе с другими обвинениями, это вынудило министра финансов подать в отставку⁴¹¹.

Ярким проявлением Сжатия был *финансовый кризис государства*, обостренный мерами по снижению налогов с крестьян. Как показывает график на рис. 4.8, государственные доходы в расчете на душу населения в 1876-1885 гг. снизились. Между тем, 1861-1880 гг. сумма зарубежных кредитов, направленных главным образом на железнодорожное строительство, составила 2 млрд. руб. В 1881 году платежи по займам достигли 240 млн.

руб., что составляло 34% доходов бюджета⁴¹². Новое правительство было вынуждено резко сократить размеры зарубежных займов и жить по средствам. В 1881-1893 гг. были взяты кредиты только на 450 млн. руб.; масштабы железнодорожного и промышленного строительства резко сократились. В 1882-1885 гг. правительству в ущерб обороноспособности пришлось пойти на уменьшение военных расходов⁴¹³.

В 1886 году Александр III обратился за советом по поводу улучшения финансовой ситуации к известному математику профессору И. А. Вышнеградскому, который предложил этатистский план резкого увеличения доходов бюджета и перераспределения ресурсов в пользу государства. В частности, по примеру Бисмарка, Вышнеградский рекомендовал ускоренный выкуп частных железных дорог, повышение косвенных налогов, введение винной монополии и повышение таможенных тарифов. 1 января 1887 г. Вышнеградский был назначен министром финансов и приступил к реализации своего плана. При проведении выкупной операции акционеры получили за свои акции суммы, соответствовавшие номиналу, но правительство не смогло полностью взыскать задолженность с железнодорожных компаний и списало 700 млн. руб. долгов – это были чистые убытки государства. В министерство Вышнеградского казной было выкуплено 5,5 тыс. верст железных дорог. С 1889 году железнодорожные тарифы стали устанавливаться государством, и тарифная политика превратилась в мощный инструмент экономического регулирования⁴¹⁴.

Другим крупным проектом в области национализации было введение государственной винной монополии. Это была ярко выраженная этатистская мера, речь шла о том, чтобы отнять у винооторговцев – крупного слоя российской буржуазии – их огромные доходы (180-200 млн. руб., в год) и обратить эти доходы на прибыль казны. Из-за необходимости подготовительных мероприятий Вышнеградскому не удалось быстро ввести винную монополию, но министр увеличил акцизы на спирт, табак, сахар, ввел новые акцизы на керосин и спички. Были увеличены также и прямые налоги: поземельный налог, налог на городскую недвижимость и др.; усиленно собирались недоимки⁴¹⁵.

Увеличение таможенных пошлин имело целью как увеличение казенных доходов, так и защиту национальной промышленности от иностранных (прежде всего германских) конкурентов. Общая сумма таможенных пошлин возросла с 14,3 % от стоимости импортируемых товаров в 1877 г. до 32,7 % в 1892 г. Однако повышение тарифов вызвало таможенную войну с Германией, которая в ответ подняла тарифы на русский хлеб⁴¹⁶.

Таможенная реформа привела к росту цен на импортные предметы роскоши и вызвала недовольство дворянства. Вдобавок, Вышнеградский пытался ввести высокий налог на заграничные паспорта и затруднить вывоз валюты той частью русской аристократии, которая почти постоянно проживала за границей. Эта попытка закончилась неудачей, но она показала, что новый министр склонен проводить этатистскую политику вопреки интересам элиты. Повышение пошлин и налогов позволило Вышнеград-

скому за три года увеличить доходы бюджета примерно на четверть. В пересчете на хлеб душевая налоговая нагрузка возросла примерно с 7,5 до 11,5 пуда (см. рис. 4.8); в конечном счете, смысл политики правительства состоял в перераспределении ресурсов в пользу государства.

Вышнеградский сумел до некоторой степени облегчить бремя платежей по «железнодорожным» долгам. Воспользовавшись падением процентной ставки на Западе, правительство выпустило новые займы и на полученные деньги погасило старые обязательства. В результате платежи по займам снизились; если в 1886 году они составляли 38% доходной части бюджета, то в 1892 г. – 28%⁴¹⁷.

Одним из пунктов программы Вышнеградского было привлечение в Россию иностранных капиталов. Во второй половине 80-х годов на Западе стал ощущаться избыток капиталов и ставка, по которой предоставлялись кредиты, составляла в 2,5-3,5%, в то время как в Петербурге – 5-5,5%⁴¹⁸. Это означало, что предпринимательство в России давало в полтора-два раза более высокие прибыли, чем на Западе, и существовали благоприятные условия для привлечения капиталов. Однако имелось существенное препятствие, заключавшееся в неустойчивости курса русского кредитного рубля по отношению к золотой валюте: предприниматель, вложивший валюту, мог понести убытки в случае понижения курса. Таким образом, главным условием привлечения капиталов была стабилизация курса и введение золотого рубля. Для этого нужно было увеличить приток в Россию золота – то есть увеличить экспорт. В принципе, меры к увеличению экспорта принимались и ранее, и позиция правительства в этом вопросе совпадала с настоятельными пожеланиями дворянства. В 1884-1885 годах тогдашний министр финансов Н. Х. Бунге совершил инспекционную поездку, осмотрел все порты Европейской России и наметил программу мер по расширению хлебной торговли. С 1885 года стали выдаваться ссуды под зерно. В 1889 году Вышнеградский произвел радикальное снижение железнодорожных тарифов и установил экспортные премии⁴¹⁹. Эти меры привели к тому, что вывоз в расчете на душу населения увеличился в полтора раза, с 3,9 пуда в 1884/85-1886/87 годах до 5,8 пуда в 1887/88-1889/90 годах. В результате притока валюты курс рубля поднялся с 65 до 80 копеек и правительство, печатая бумажные рубли, скупало на них золото для создания необходимого запаса и скорейшего введения золотого стандарта⁴²⁰. При этом оно сознательно шло на временное снижение потребления хлеба внутри страны.

4.4.5. Кризис 1892 года

Количество хлеба, остававшееся в стране после вывоза, составляло в 1875/76-1888/89 хозяйственных годах 14-19 пудов на душу населения. Вывоз хлеба большого урожая мог продолжаться не один год, после вывоза в текущем году в стране могли остаться значительные запасы, тогда на следующий год независимо от урожая вывоз увеличивался и остаток хлеба в стране уменьшался. Механизм вывоза работал таким образом, что усред-

ненный трехлетний остаток на потребление составлял практически постоянную величину в 17-18 пудов (см. рис. 4.14). В 1889 году был неурожай, цены поднялись, но благодаря снижению транспортных расходов вывоз оставался выгодным, и это привело к тому, что остаток на потребление упал до небывало низкого уровня – немногим больше 11 пудов. Голод не начался лишь потому, что предыдущие годы были урожайными, и в хозяйствах оставались кое-какие запасы. В следующем году урожай был посредственным, ниже среднего, а экспорт оставался высоким; остаток снова оказался ниже минимального уровня, и страна снова жила за счет запасов. «Внешнеторговую политику Вышнеградского не зря называли “голодным экспортом”... – отмечает В. Л. Степанов. – В ряде регионов вообще не оставалось сколько-нибудь значительных запасов хлеба, что в случае неурожая было чревато массовым голодом»⁴²¹. Об истощении запасов говорилось и в сообщениях из губерний: «Хотя в 1890 году был более-менее недурной урожай, – доносил воронежский уездный исправник, но однако же сохранение продуктов оказалось недостаточным для того, чтобы за покрытием всех предшествующих нужд, образовать необходимые запасы... Общий неурожай в текущем году... при полном отсутствии кормовых и продовольственных средств поставил большинство крестьянских хозяйств в безвыходное положение»⁴²².

Когда весной 1891 года с мест стали поступать сообщения о грядущем недороде, директор департамента неокладных сборов А. С. Ермолов вручил Вышнеградскому записку, в которой писал о «страшном признаке голода»⁴²³. Однако министр финансов проигнорировал это предупреждение и вывоз зерна продолжался в течение всех летних месяцев. «Сами не будем есть, а будем вывозить!» – заявлял Вышнеградский⁴²⁴.

В результате неурожая чистый душевой сбор составил около 14 пудов, запасы были истощены экспортом предыдущих лет, и в итоге разразился голод, унесший, по подсчетам Р. Роббинса, около 400 тысяч жизней⁴²⁵. И.А. Вышнеградский прибег к решительным этатистским мерам, он ввел запрет на вывоз хлеба и выступил с предложением о введении подоходного налога для обложения лиц, располагавших «сравнительно большим достатком». Однако это предложение было отвергнуто правительством, а запрещение на вывоз хлеба продержалось лишь 10 месяцев и было отменено под давлением дворянства и коммерческих кругов. С министром финансов случился удар, и вскоре его вынудили уйти в отставку⁴²⁶.

Неурожай был особенно бедственным в регионах Черноземья и Поволжья. В Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской губерниях крестьяне собрали на своих наделах меньше, чем посеяли. Как это обычно бывает, голод сопровождался эпидемиями. В Воронежской губернии от холеры погибло 11 тысяч человек, от цинги – 10 тысяч, было много погибших от дизентерии и брюшного тифа. В целом превышение смертности над обычным уровнем составило 1,7 процента или 44 тысячи человек. Число жертв было не таким большим, каким оно бы могло быть, благодаря энергичным мерам, принятым правительством для помощи голодающим. В

апреле 1892 года хлебные ссуды получили 1 млн. из 2,6 млн. населения губернии⁴²⁷.

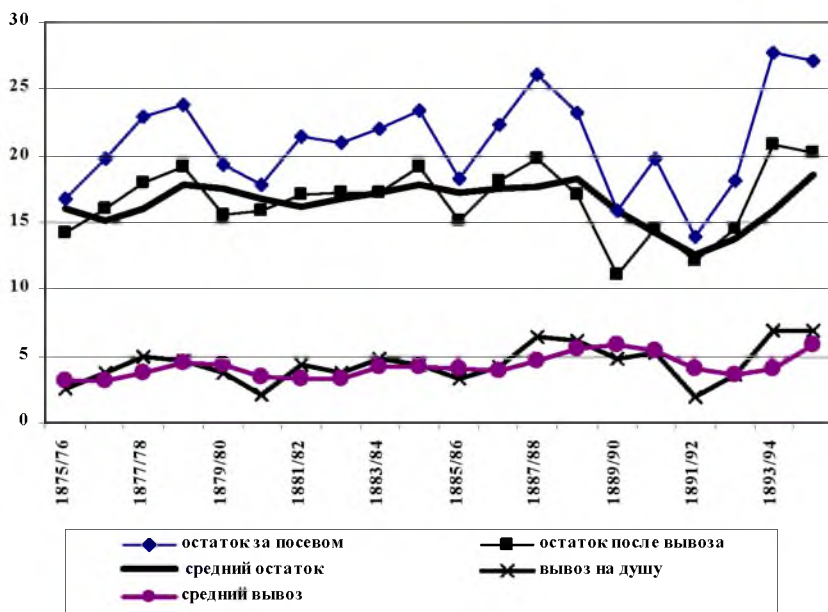

Рис. 4.14. Динамика потребления и вывоза в 1875-1894 годах по 50 губерниям Европейской России⁴²⁸.

Широкие масштабы предоставления помощи отчасти нейтрализовали неблагоприятные политические последствия голода. Источники не отмечают подъема крестьянских волнений, крестьяне не проявляли политической активности, они были по-прежнему покорны властям: процесс психологической эмансипации еще не успел получить значительного развития. Однако это был последний случай, когда голод не вызвал крестьянских выступлений. Уже через десять лет положение резко изменилось⁴²⁹.

С точки зрения демографически-структурной теории кризис 1892 года имел много общего с кризисами 1568-1571 и 1723-1725 годов – в том смысле, что он носил не число демографический, а преимущественно структурный характер, был вызван увеличением давления государства на крестьянство. Правда, в 1890-1892 годах это давление было более косвенным, оно выражалось, с одной стороны, в увеличении косвенных (а не прямых) налогов, а с другой стороны, в стимулировании хлебного экспорта. Хотя государство не само вывозило зерно, тем не менее, помогая экспортерам лишать народ хлеба, оно получало непосредственную выгоду, скупая притекавшее от экспорта золото на бумажные рубли.

4.4.6. Экономическая политика С. Ю. Витте

Несмотря на кризис 1892 года, государство (в соответствии с прогнозом неомальтузианской теории) продолжало проводить экспансионистскую политику.

После отставки И. А. Вышнеградского министром финансов был назначен С. Ю. Витте. Витте продолжительное время был близким помощником Вышнеградского и на посту министра финансов в основном следовал планам своего предшественника – но делал это более осторожно и осмотрительно. Расширение экспорта хлеба позволило удвоить золотой запас, стабилизировать курс рубля и в 1897 году ввести золотой номинал. Так как в России норма прибыли была выше, чем в Европе, то стабилизация денежного обращения вызвала резкий прилив иностранных капиталов. Если в 1890 г. иностранные акционерные капиталы в России составляли 214 млн. руб., то в 1900 г. – 911 млн. руб., их доля в общем акционерном капитале возросла с пятой части до половины. Прилив иностранного капитала (вместе с ростом внутренних капиталовложений) привел к бурному росту русской промышленности; общая стоимость продукции за 1890-1900 гг. увеличилась вдвое. Эти успехи, впрочем, были весьма относительными, на фоне других государств Россия продолжала оставаться отсталой аграрной страной. В последние годы XIX века доход на душу населения составлял в России 46 долларов, в то время как во Франции – 178, в Англии – 205, в США – 259 долларов⁴³⁰.

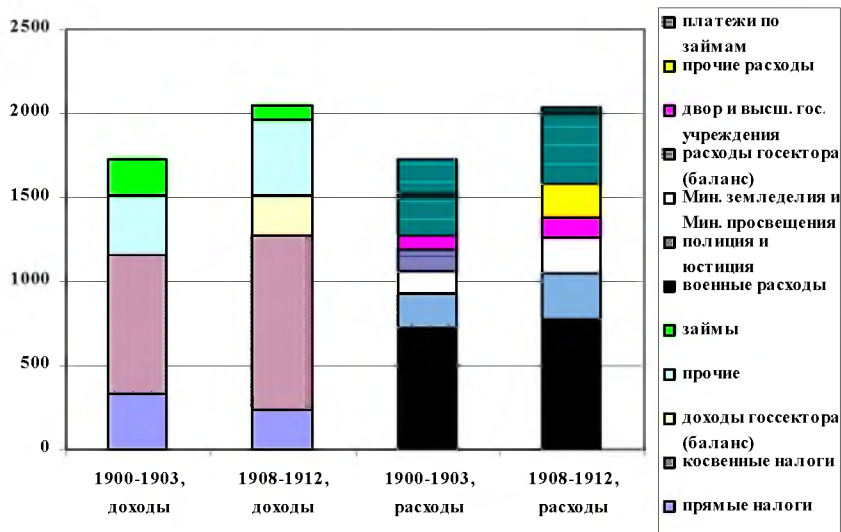

Рис. 4.15. Доходы и расходы бюджета начала XX века в пересчете на хлеб (млн. пудов⁴³¹)

В 1897 году была введена предложенная в свое время Вышнеградским казенная винная монополия, которая в 1900-1903 годах дала около 300

млн. руб. чистого дохода – примерно четверть доходов бюджета. Несмотря на голод 1892 года, правительство почти не снизило налоговой нагрузки (резко увеличенной Вышнеградским), душевое налогообложение в пересчете на хлеб сохранялось на уровне 11 пудов (см. рис. 4.8 и 4.16). При этом упор делался на косвенные налоги, на обложение акцизом предметов широкого потребления (таксировании). Г. Робинсон иронизировал, что «когда крестьянин мог позволить себе роскошный вечер, он заполнил бы лампу таксированным керосином (если он имел лампу), зажег бы его таксированной спичкой (или лучиной), завернул бы немного таксированного табака в таксированную сигаретную бумагу (или в обрывок газеты), и погрузился бы в облако дыма. Если бы после этого он захотел пить, то утолил бы жажду стаканом таксированного чая, в прикуску с кусочком таксированного сахара. Или возможно он пошел бы купить бутылку водки... и в результате этого акта потребления, государство получило бы хороший доход, используя одновременно свои способности мытаря и винного монополиста»⁴³².

Взросшие доходы от косвенных налогов, таможенных пошлин и винной монополии позволили правительству более активно вести политику по созданию государственного сектора экономики. В 90-х годах было выкуплено 15 тыс. верст частных железных дорог и была развернута невиданная по масштабам программа строительства государственных дорог – в том числе строительство Транссибирской магистрали. За 1896-1900 годы было построено 15 тыс. верст железных дорог, и их общая протяженность достигла 56 тыс. верст; около 70% всех железных дорог принадлежало государству⁴³³.

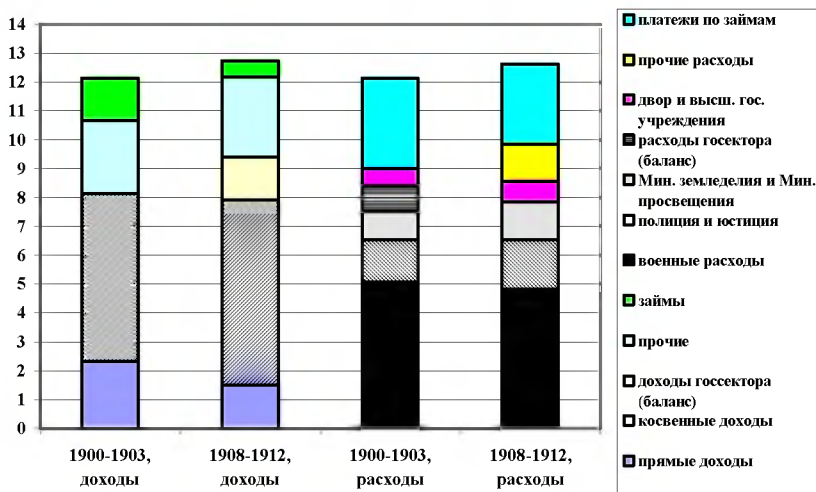

Рис. 4.16. Доходы и расходы бюджета начала XX века в пересчете на хлеб на душу населения (пуд.)⁴³⁴

Помимо железных дорог, государственный сектор включал казенные земли и леса, оружейные и горные заводы, почту и телеграф, а также Госбанк. Все эти предприятия в 1900-1903 гг. давали в среднем 570 млн. валовой прибыли в год, которая шла не только на эксплуатационные расходы, но и на строительство новых предприятий, в частности, около 200 млн. руб. использовалось на строительство новых железных дорог⁴³⁵.

Таким образом, государственный сектор экономики во все больших масштабах использовался для финансирования индустриализации. Более того, правительство брало на себя регулирование основных параметров экономической жизни страны. Т. Шанин отмечает, что С. Ю. Витте следовал при этом «германскому пути» экономического развития, который отличался от «классического» английского капитализма⁴³⁶. «В России, – писал Витте Николаю II в 1895 г. – по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину»⁴³⁷.

Принципиальные цели этатистской политики были самоочевидны: речь шла об упрочении монархии и увеличении мощи Российской империи. В условиях до крайности обострившейся гонки вооружений индустриализация была необходимым компонентом военной политики. Индустриализация и финансовые реформы позволили увеличить военные ассигнования с 210 млн. руб. в среднем в 80-х годах до 490 млн. руб. в 1900-1903 гг. Армия была перевооружена новыми системами оружия, скорострельными винтовками и пушками; был создан броненосный флот. Эти успехи, были, конечно, относительными, по уровню вооружений русская армия по-прежнему отставала от германской или французской, но они все же позволяли поддерживать определенное военное равновесие.

Таким образом, хотя крестьянство голодало, а дворянство было недовольно этатистской политикой, правительство не сокращало своих расходов и даже увеличивало давление налогового пресса. Однако рост недоимок заставил правительство признать крайнее напряжение платежных сил населения, и в начале русско-японской войны оно не сочло возможным хотя бы частично финансировать военные расходы за счет увеличения прямых налогов. С другой стороны, опасаясь недовольства элиты, власти не решалось ввести подоходный налог на состоятельные слои населения⁴³⁸. В итоге, возможности увеличения доходов были исчерпаны, и в случае появления непредвиденных расходов финансовая система оказывалась под угрозой кризиса. Демографически-структурная теория говорит, что в период Сжатия реальные доходы государства сокращаются и оно должно испытывать финансовый кризис. В российском случае правительство искало выход из финансового кризиса на пути этатистской политики частичной национализации и государственного регулирования.

Сконцентрированная на нуждах государства этатистская политика Витте вскоре привела к конфликту между правительством и дворянством. В феврале 1896 года было создано Совецание губернских предводителей

дворянства – первое столь представительное собрание с 1861 года. Участники совещания обвинили правительство в том, что оно заботится исключительно о нуждах промышленности, железных дорог и банков, в то время как благосостояние деревенской России падает. Высокие таможенные тарифы, введенные в 1891 году, защищали промышленность от иностранной конкуренции, но заставляли потребителей, в том числе и дворян, покупать промышленные товары по высоким ценам. В то время как консерваторы предъявляли экономические требования, либералы выступали с лозунгом ограничения самодержавия. На совещании раздавались голоса, требовавшие для дворянства права на представительство в законодательных учреждениях. Дворянская оппозиция укрепилась в земствах (где дворяне играли главную роль) и земское движение стало основой либерального движения в России⁴³⁹.

Отвечая на раздававшуюся из дворянского лагеря критику, Витте четко сформулировал основные принципы этатизма. В записке, предназначенной для Николая II, Витте изображал самодержавие как самодовлеющую власть, располагающую полной свободой действовать исключительно в своих целях. Все сословия были для этой власти одинаково равны, и ни одно из них не могло претендовать на роль «союзника». «Не имея противников, русская верховная власть не нуждалась и в союзниках... – так оценивал Витте роль сословий. – Все они... несли государственное тягло, которое возлагалось на них верховной властью для общего блага народа и хльзы»⁴⁴⁰.

В своих неофициальных высказываниях Витте шел гораздо дальше. «Чтобы ни говорили, а в душу человека вложена идея справедливости, которая не мирится с неравенством, – писал Витте Мещерскому в 1901 году, – с бедствиями одних в пользу других... В сущности, по моему убеждению, это корень всех исторических эволюций. С развитием образования народных масс... сказанное чувство справедливости, вложенное в душу человека, будет все более и более расти в своих проявлениях». Витте связывал это пробуждение ищущих справедливости народных масс с социалистическим движением. «Везде социализм делает громадные успехи... – писал Витте. – Спасение от такого положения вещей заключается только в самодержавии, создающем свое бытие в охране интересов массы, создающем, что оно зиждется на интересах народного блага, или же в режиме социализма...». Князь Бисмарк, продолжал Витте, «все сие отлично понимал, и он был первейший социалист, проведший ряд мер, которые временно дали другое течение дела в Германии»⁴⁴¹.

Военный министр А. Н. Куропаткин высказывал мысли, созвучные идеям Витте. «Надо, усмиряя происходящие беспорядки, – писал Куропаткин в 1901 году, – усмирять капиталистов, заводчиков, фабрикантов, которые о нуждах рабочих, как и ранее, думают мало, поглощенные заботами о наживе...»⁴⁴²

Однако за словами «государственников» о социальной справедливости не следовало соответствующих дел. Налоговые реформы Витте оставили в неприкосновенности податные привилегии дворянства. В 1897 г. дворяне в

среднем платили с десятины своих земель 20 коп. налогов; нищее крестьянство платило с десятины 63 коп. налогов и 72 коп. выкупных платежей, всего 1 руб. 35 коп. – в семь раз больше, чем дворяне⁴⁴³. Тем не менее, дворянство было недовольно политикой этактистов. Не решаясь прямо выступить против самодержавия, консервативная дворянская пресса в 1897 году начала кампанию против бюрократии, обвиняя ее в проведении «антидворянской политики».

Конфликт между этактистским государством и землевладельческой элитой был важной стороной российской общественной жизни и некоторые социологи, например, Т. Скочпол, считают его главной причиной русской революции⁴⁴⁴.

4.4.7. Положение чиновничества и офицерского корпуса

В контексте демографически-структурной теории большое внимание уделяется внутренней динамике государства и его отношениям с элитой. Опорой монархии и главным носителем этактистской идеи была профессиональная бюрократия. Хотя формально многие чиновники были (преимущественно, личными) дворянами, потомственное дворянство считало личных дворян и классовых чиновников самостоятельной сословной группой, «не имеющей ничего общего с действительным, то есть потомственным дворянством»⁴⁴⁵. Эта сословная группа была почти столь же многочисленна, как потомственное дворянство; в пределах Европейской России ее численность вместе с семьями составляла в 1858 г. 277 тыс. человек, в 1870 г. – 317 тыс., в 1897 г. – 487 тыс. Чиновники низших классов (XIV–IX) составляли около половины всего чиновничества; они жили, в общем, небогато, получая вознаграждение лишь в 2-3 раза превосходившее зарплату квалифицированного рабочего. Тем не менее, по сравнению с серединой столетия материальное положение низших и средних чиновников улучшилось. В 1900 году жалование чиновника IX класса составляло 750-900 рублей в год, то есть было примерно втрое больше, чем в 1850-х годах. Для сравнения, чистый доход среднего крестьянского хозяйства в Калужской губернии в 1896 году равнялся 238 рублям⁴⁴⁶.

Чиновники четырех высших рангов были (в соответствии с рангом) потомственными дворянами, но они составляли лишь 1,4% от всего классного чиновничества, и даже среди них далеко не все имели поместья, то есть были настоящими дворянами-помещиками (а не выслужившимися чиновниками). Доля помещиков в высшей бюрократии постепенно падала, в 1858 г. родовыми поместьями владели 34% чиновников I-IV классов, а в 1902 г. – только 16%. Государственный Совет в 1858 году почти полностью состоял из помещиков, причем 69% процентов его членов были не просто помещиками, а латифундистами, владельцами более чем тысячи крестьянских душ или 5 тысяч десятин. К 1902 году доля помещиков в Совете уменьшилась до 57%, а доля латифундистов – до 22%. Влияние дворянства постепенно уменьшалось, но на самом высшем уровне, уровне

правительства, оно все же оставалось преобладающим: 90% членов правительств 1901-1917 годов по происхождению были дворянами⁴⁴⁷.

Помимо государственных чиновников, существовали и земские чиновники, работавшие в системе местного самоуправления. В 1880 году из земских бюджетов оплачивалось около 140 тыс. чиновников, примерно столько же, сколько из государственной казны. Земское чиновничество зависело уже не от правительства, а от земских собраний, в которых преобладала либеральная дворянская оппозиция. Естественно, в этой среде были распространены оппозиционные настроения. Существенно, что среди земских чиновников было много специалистов, агрономов, врачей, учителей, то есть интеллигенции. Другой слой интеллигенции составляли служащие негосударственных предприятий и «лица свободных профессий». Интеллигенция получала в университетах западное образование и воспитывалась в пропитанной оппозиционными настроениями студенческой среде; естественно, что она сохраняла эти настроения и в дальнейшем. Перепись 1897 года зарегистрировала 105 тыс. лиц с высшим образованием, из них 68% составляли дворяне. В России насчитывалось 17 тыс. врачей, 10 тыс. учителей средних школ, 3 тыс. адвокатов. Лиц со средним образованием насчитывалось около 1 млн., из них 30% – дворяне и чиновники⁴⁴⁸. Таким образом, русская интеллигенция была наполовину дворянской, но, как отмечалось выше, она происходила в основном из обедневшего дворянства, вынужденного зарабатывать на хлеб службой или «свободными профессиями». Западное образование делало интеллигенцию оплотом либеральных идей, и недовольство своим положением находило выход в радикальном, «левом» либерализме.

В отличие от чиновничества, офицерский корпус армии всегда считалась цитаделью поместного дворянства. В 1895 году потомственные дворяне составляли половину (50,8%) офицерского корпуса; в пехоте, где служба была менее престижной, их было 40%; 27% пехотных офицеров составляли личные дворяне. Чрезвычайно важно, однако, что среди офицеров-дворян было очень мало настоящих помещиков, даже среди генерал-лейтенантов подавляющее большинство (81%) не имели никакой земельной собственности⁴⁴⁹. Таким образом, позиции дворянства в армии и высших сферах чиновничества постепенно слабели, что способствовало большей независимости государства от элиты.

4.4.8. Положение крестьянства после голода 1892 года

Таким образом, опираясь на чиновничество и армию, монархия могла проводить этатистскую политику индустриализации, которую называли «антидворянской». Но как соотносилась эта политика с нуждами крестьянства? Мы видели, что в самом начале ее проведения резкий рост вывоза зерна привел к голоду 1892 года. Хотя кризис не вызвал немедленного восстания, он резко ускорил тот необратимый процесс, итогом которого была крестьянская война 1905 года. В условиях голода многие крестьяне были вынуждены продавать свой скот – в том числе рабочих лошадей. С 1888 по 1893 год доля безлошадных дворов

1888 по 1893 год доля безлошадных дворов увеличилась в Тамбовской губернии с 22 до 31%, в Воронежской губернии – с 26 до 41%⁴⁵⁰. Разорившиеся безлошадные крестьяне не могли вернуть полученные во время голода продовольственные ссуды. Между тем, сумма этих ссуд на начало 1892 года составляла 128 млн. руб. и новая задолженность по ссудам была вдвое больше прежних недоимок по выкупным платежам. Правительство понимало, что крестьяне не в состоянии вернуть ссуды, и в 1894 году списало половину этой задолженности⁴⁵¹. Однако бремя оставшихся долгов и текущих выплат по налогам и выкупным платежам было непосильным; недоимка продолжала увеличиваться. Как видно из графиков на рис. 4.17, до голода 1891 года недоимка во многих губерниях не только не росла, но и уменьшалась. Это был результат политики И. А. Вышнеградского, ужесточившего порядок сбора налогов. Голод 1891 года привел к скачкообразному росту крестьянской задолженности: голодавшие крестьяне, естественно, не могли платить налоги, а правительство не могло проявлять обычную жестокость при их сборе. Затем, в середине 1890-х годов, наступило время хороших урожаев, и методы сбора стали более строгими: в 1894 году за недоимки было арестовано около 10 тыс. сельских старост – почти вдвое больше, чем в 1891 году⁴⁵². Тем не менее, недоимка продолжала быстро расти, к концу XIX века она увеличилась в Орловской и Тульской губернии примерно вдвое и в 2,5 раза превысила размеры среднего оклада.

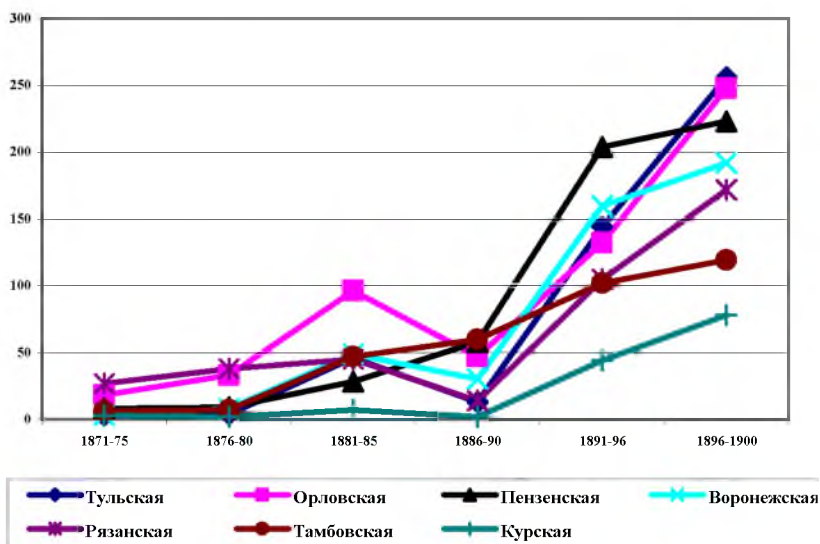

Рис. 4.17. Недоимки по казенным платежам в губерниях Черноземья (в процентах к среднему окладу за указанный период)⁴⁵³.

Рост недоимок, очевидно, свидетельствовал о том, что крестьянские хозяйства Черноземья не могут восстановиться после кризиса и что положение быстро ухудшается. Ситуация была относительно менее кризисной в Курской губернии и наиболее тяжелой в Тульской и Орловской губерниях. Тяжелый кризис наблюдался также в соседнем Поволжье, в Самарской губернии недоимка достигла 367%. В других регионах страны положение было намного более благоприятным; в Центральном регионе губернии, кроме Московской, практически не имели долгов⁴⁵⁴.

Большинство исследователей полагают, что рост недоимок является свидетельством кризисного состояния крестьянского хозяйства. Однако в 1990-х годах была предпринята попытка ревизии традиционной точки зрения. Американский исследователь С. Хок подсчитал, что в целом по России к моменту отмены выкупных платежей недоимка составляли лишь 5% к той сумме, которую должны были заплатить крестьяне с 1861 года. «Документы свидетельствуют, что крестьяне были в состоянии выполнять свои операции и действительно их выполняли, – шипит С. Хок. – Документы эти не содержат информации, позволяющей оценить уровень жизни крестьян»⁴⁵⁵. Такой усредненный подход стирает и порайонные, и временные различия. Мы уже говорили, что многие регионы, действительно, не имели долгов. Более того, в 1890 году положение с выплатами было относительно благополучным и на Черноземье; в Тульской губернии, например, накопленная недоимка составляла только 13% от годового оклада. Однако к 1900 году недоимка возросла до 256% процентов, и это означает, что за 1896-1900 годы крестьяне не выплатили половину полагавшейся с них суммы. Не 5%, а 50%! И (в отличие от С. Хока) правительство оценило значение этой информации: в 1898 году в Комитете министров по инициативе государственного контролера Т. Филиппова и с санкции Николая II был поставлен вопрос о «чрезмерном напряжении сил сельского населения особенно в центральных губерниях»⁴⁵⁶.

Положение осложнялось в связи с вновь начавшимся ростом арендной платы. А. М. Анфимов, пересчитав денежную арендную плату в долю урожая, пришел к выводу, что «цифры кажутся почти фантастическими». «Действительно, как можно поверить, что на рубеже веков херсонский «десятишник» отдавал владельцу земли половину урожая, а курский и орловский мужик – даже две трети (больше, чем при испольщине). Но цифры неумолимы: действительно, отдавал. Что он при этом думал – другое дело. Эти его думы руководили им, когда он, вооружившись дубьем, в 1905 году шел громить усадьбу своего арендодателя, а в 1917 г. вообще прогнал его с земли»⁴⁵⁷.

В целом экономическая ситуация на Черноземье, как и раньше, определялась ростом населения и нехваткой пашен. Посевные площади уже не увеличивались, и шло соревнование между ростом населения и урожайности. Как видно из рис. 4.18, увеличение урожайности в основном компенсировало рост населения, и 5-летний тренд не показывал явной тенденции к падению. Однако тренд колебался: колебания тренда, которые С. Уикфорт отмечал в масштабе всей России, имели место и в масштабе Черноземного региона – причем они были более сильными. В 1899-1902

земного региона – причем они были более сильными. В 1899-1902 годах тренд поднялся выше отметки в 30 пудов, затем понизился до 22-23 пудов в 1905-1906 гг. и вновь поднялся в 1910-1911 гг. Эти колебания тренда отмечали гораздо более интенсивные колебания урожаев, наряду с годами очень высоких урожаев, когда чистый душевой сбор превышал 35 пудов, имели место и катастрофические неурожаи: 1891-1892, 1897, 1901, 1905-1906 гг. При этом нужно учитывать, что Черноземье было экспортирующим регионом, и хлеб, производившийся на полях помещиков и зажиточных крестьян, вывозился, в значительной части, за границу. Поэтому падение душевого сбора в годы неурожаев ниже 19 пудов означало, что на долю основной массы крестьян приходилось значительно меньше минимальной нормы потребления – то есть крестьяне голодали.

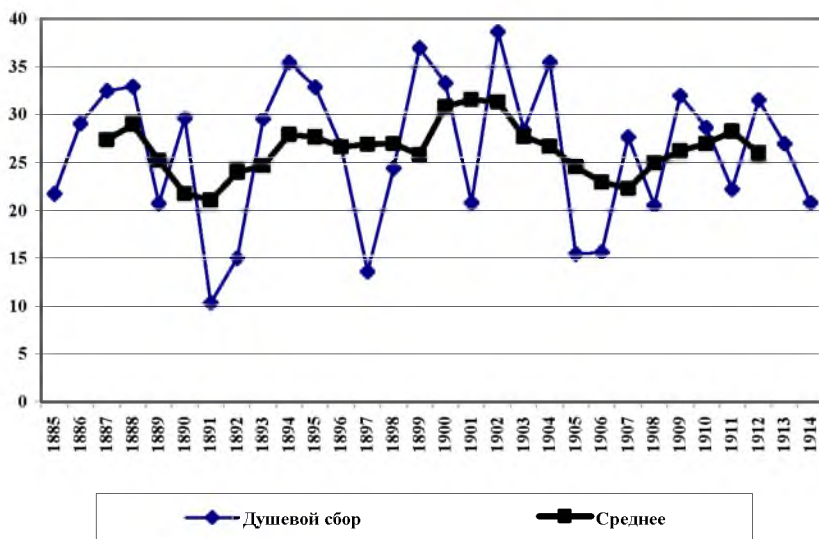

Рис. 4.18. Чистые душевые сборы и 5-летнее среднее в Черноземном регионе⁴⁵⁸.

В целом по России положение было, естественно, более сложным. Центральный район жил привозным хлебом, и динамика урожаев здесь не отражает реальную картину обеспеченности района продовольствием. На Юге продолжалось освоение целинных земель; новым обширным регионом колонизации стал Северный Кавказ. После строительства Новороссийского порта три кавказские губернии стали давать существенную часть экспорта, поэтому их необходимо учитывать в общем хлебном балансе России. Данные о производстве хлеба на Кавказе имеются с 1893 года, и график на рис. 4.19 отражает картину потребления, производства и вывоза хлеба в 1893-1914 годах. С 1900 года имеются также данные о потреблении (это чистый остаток после вывоза с учетом «видимых» запасов на элеваторах, в складах, в торговой сети и у крупных производителей). Как вид-

но из рис. 4.20, разница между потреблением и чистым остатком обычно не превышала 10%, то есть «видимые» запасы не играли существенной роли.

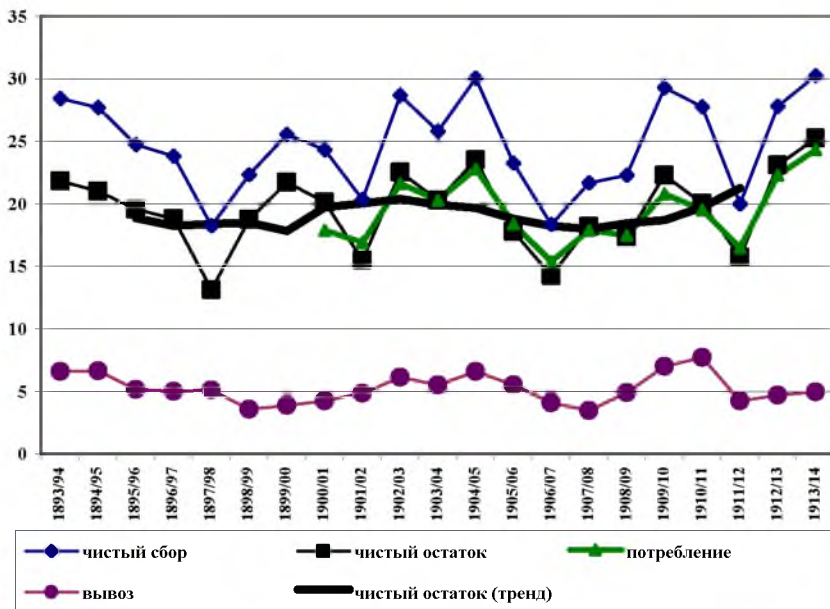

Рис. 4.19. Динамика сборов, потребления и вывоза хлеба на душу населения по 53 губерниям Европейской России⁴⁵⁹.

Так же как и на Черноземье, 5-летний тренд чистого остатка для Европейской России не показывает очевидной тенденции к увеличению или уменьшению потребления. Кривая движется вдоль средней линии в 19,3 пуда, плавно поднимаясь до 20 пудов в 1902-1903 гг., опускаясь до 18 пудов в 1907-1908 годах и затем снова поднимаясь. Однако если рассматривать более длительный период времени, то надо заметить, что среднее потребление по 53 губерниям в 1893-1912 гг. (19,3 пуда) было выше, чем среднее потребление по 50 губерниям в 1870-1888 гг. (17,7 пуда). Эти данные, однако, не следует оценивать слишком оптимистически, поскольку, как отмечалось, рост потребления зерна на корм скоту в этот период привел к повышению минимальной нормы потребления хлеба примерно с 18 до 19,2 пуда. Минимальная норма в 19,2 пуда соответствует реальному среднему потреблению зерна в 1893-1912 гг. (19,3 пуда). Правда, в продовольственные ресурсы населения входило еще некоторое количество картофеля (в 1890-х гг. в пересчете на хлеб – 1,3 пуда на душу), однако эта добавка в основном компенсировалась расходами на винокурение и закупками армии (см. табл. 4.8).

Таким образом, хотя в отдельные пятилетия отмечалось увеличение потребления, в среднем потребление хлеба и картофеля в России примерно соответствовало минимальной норме. «Сельское население России постоянно балансировало на грани недоедания, и достаточно было небольшого ухудшения, недорода, чтобы эта грань была перейдена», – отмечает Т. В. Привалова⁴⁶⁰. Кроме того, сильное различие в уровне потребления между бедными центральными и богатыми окраинными губерниями; между зажиточными бывшими государственными крестьянами и бедняками, бывшими крепостными, приводило к тому, что при среднем потреблении, соответствующем минимальной норме, миллионы бедняков испытывали хронический голод.

В принципе, даже в годы неурожая чистый сбор не падал ниже 18 пудов хлеба на душу, и это еще не означало голода. Но губительным было то обстоятельство, что в годы неурожая продолжался вывоз зерна. В неурожайный 1897/98 хозяйственный год чистый душевой сбор составил 18,2 пуда, а вывоз на душу населения – 5,1 пуда, то есть 28% к чистому сбору, в результате остаток после вывоза составил лишь 13,1 пуда – много меньше голодной нормы. По данным П. Н. Першина в этот год голодало 27 млн. крестьян. В 1901/02 году душевой чистый сбор составлял 20,3 пуда, вывоз – 4,8, а чистый остаток – 15,5 пуда; число голодавших было примерно таким же⁴⁶¹.

Отказ от ограничения экспорта даже в голодные годы был составной частью этактической политики С. Ю. Витте, стремившегося во что бы то ни стало поддерживать курс рубля. Эта политика была чревата опасными последствиями: голод 1902 года привел к первым массовым волнениям крестьян.

4.4.9. Уровень жизни по данным бюджетных обследований

Демографически-структурная теория требует рассмотрения динамики потребления с учетом имущественной дифференциации в крестьянской среде. Средние цифры потребления хлебов по России или отдельным регионам не отражают специфики положения разных слоев крестьянства. Прежде всего, необходимо отметить, что к началу XX века сохранялось деление на две большие группы крестьян: бывших помещичьих крепостных и бывших государственных крестьян. Как и прежде, эти крестьяне имели разное земельное обеспечение и разный уровень жизни. Например, в Курской губернии в 1905 г. бывшие крепостные имели 4,8 дес. на двор, а бывшие государственные крестьяне – 9,3 дес.⁴⁶²

	Помещичьи крестьяне		Государственные крестьяне	
	1877	1905	1877	1905
Число дворов (тыс.)	3813	5734	3781	5303
Надел на 1 двор	8,9	6,7	15,1	12,5

Табл. 4.20. Численность и средние наделы бывших государственных и помещичьих крестьян Европейской России⁴⁶³.

Как показывают данные табл. 4.20 в среднем по Европейской России земельные наделы бывших государственных крестьян были почти вдвое больше, чем наделы бывших помещичьих крестьян.

Некоторую дополнительную информацию дают бюджетные обследования, проводившиеся земствами в различных губерниях. Число таких обследований за 1880-1900 гг. невелико, и в большинстве случаев охват обследования ограничивается десятком-другим крестьянских дворов. Со статистической точки зрения достаточно репрезентативными можно считать лишь обследования, проведенные в Воронежской губернии в 1887-1896 гг. (всего 230 бюджетов), в Калужской губернии в 1896-1897 гг. (2417 бюджетов) и в Полтавской губернии в 1902-1903 гг. (100 бюджетов). Нужно учесть также, что некоторые исследователи (в том числе Г. Робинсон) полагают, что бюджетные обследования несколько приукрашивают реальную картину за счет преувеличения доли более состоятельных хозяйств⁴⁶⁴.

Данные воронежского обследования относятся в основном ко времени до голода 1892 года, после которого положение в деревне резко ухудшилось. Результаты обследования анализировались различными авторами в двух группировках, когда хозяйства делились на группы либо по количеству рабочего скота, либо по размерам надела. Первая группировка позволяет выделить слой безлошадных «крестьян-рабочих», который резко выделяется среди других крестьян тем, что основную часть своего скромного дохода эти крестьяне получают от работы по найму. Интересно, что крестьяне, имеющие одну лошадь, имеют меньший душевой доход, чем крестьяне-рабочие, обе эти категории бедняцкого населения представлены малыми, по-видимому, в основном, молодыми семьями, и вместе охватывают 45% дворов. Потребление хлеба, указанное в этой и в следующих таблицах, – это потребление в пищу без учета кормов. Уровень потребления хлеба в бедняцких семьях лишь немного превышает минимальную норму в 15 пудов; в других группах потребление значительно выше. Хозяйства с 2-3 лошадьми образуют 40-процентый слой середняков, душевой доход в этих хозяйствах в полтора раза больше, чем у бедняков, середняки потребляют на 40% больше хлеба и в 2,5 раза больше мяса. Необходимо отметить, что на уплату налогов и повинностей шла сравнительно небольшая доля чистого дохода крестьян – от 8 до 12% (см. табл. 4.21)

Е. Вильбур дополняет эти сведения географическим анализом и показывает, что в четырех из 12 уездов губернии среднее число лошадей и волов на двор составляло 3,3, то есть это были довольно зажиточные уезды. В целом, по мнению Е. Вильбура, положение крестьян Воронежской губернии было отнюдь не бедственным и имелось много зажиточных хозяйств⁴⁶⁵. В этом нет ничего удивительного: материалы Л. Н. Маресса (табл. 4.12) показывают, что Воронежская губерния была самой зажиточной губернией Черноземья, здесь преобладали бывшие государственные крестьяне, и положение крестьян было много лучше, чем в северной части района.

	крестьяне- рабочие	Хозяйства с числом голов рабочего скота				
		1	2	3	4	5 и более
Процент хозяйств в губернии	18	27	26	14	8	7
Душ на семью	4,5	5,4	8,2	11,6	11,1	12,1
Доходы (руб.)	159	220	469	724	832	1034
В т. ч. в %: от земледелия и сдачи земли в аренду	26	43	50	59	59	48
от скотоводства	12	25	19	23	21	28
От "личных промыслов" (ра- бота по найму, ремесло)	52	23	17	10	16	10
от "предприятий"	2	3	10	4	3	11
прочее	8	6	4	4	1	2
Расходы на хозяйство	30	88	176	319	381	518
Чистый доход	129	132	293	405	451	516
Чистый доход на душу (руб.)	29	24	36	35	41	43
Расходы на душу:	28	26	33	36	40	43
в т. ч.: на пищу	16 (57%)	15(61%)	19(54%)	22(63%)	23(57%)	24(57%)
остальные личные потребности	10(35%)	8(32%)	11(30%)	11(32%)	13(32%)	16(37%)
подати и повинности	2(7%)	3(12%)	3(9%)	3(8%)	3(8%)	4(9%)
потребление на душу (по 66 хозяйствам)						
хлебные продукты	17,4	16,4	23,2	22,8	25,1	26,2
Мясо	0,59	0,49	1,18	1,29	1,79	1,79

Табл. 4.21. Средняя численность семей в Воронежской губернии и их доход в зависимости от числа лошадей⁴⁶⁶.

С другой стороны, данные об уровне смертности показывают более негативную картину. Данные, представленные в таблице 4.22 получены в результате проведенной в губернии сплошной подворной переписи.

	безземельные	Десятин на двор			
		до 5	5-15	15-25	св. 25
% хозяйств по губернии	4	23	49	18	6
Душевое потребление хлеба (пуд)	11,5	18,0	19,1	21,5	22,4
Душевое потребление мяса (пуд)	0,7	0,7	0,8	1,2	1,5
В% к числу групп в среднем за год умерших	3,41	3,5	3,32	2,86	2,62
калек	3,91	1,78	1,47	1,15	0,88
больных	0,97	0,58	0,42	0,32	0,25

Табл. 4.22. Уровень питания, смертности и заболеваемости в зависимости от размера надела в Воронежской губернии⁴⁶⁷.

Несмотря на то, что малоземельные крестьяне (до 5 дес.) потребляли лишь на 17% меньше хлеба, чем зажиточные (имевшие 15-25 дес.) уровень заболеваемости и смертности у них был намного выше, что свидетельствует о большом значении других факторов, одним из которых, очевидно, являлись тяжелые условия жизни отходников. Комиссия под председательством Ф. А. Щербины, проводившая бюджетное обследование в Воронежской губернии, в целом давала пессимистическую оценку уровня жизни воронежских крестьян. В докладе комиссии отмечалось, что 55% общин не могли прокормиться со своих наделов. «В чисто земледельческой местности, производящей исключительно зерно, часть населения из года в год недоедает, болеет, вымирает, совершает преступления, не имея хлеба и средств для добывания его в достаточном количестве»⁴⁶⁸.

Обследование Полтавской губернии было проведено в спешном порядке сразу же после крестьянских волнений 1902 года. При этом оценивался лишь узкий круг показателей, непосредственно связанных с продовольственной обеспеченностью крестьянских хозяйств (см. табл. 4.23).

	Без посева	Размеры посева в дес.					
		До 1	1-3	3-6	6-9	9-15	15-50
% хозяйств по губернии	24	6	23	25	11	7	3
Душевое потребление хлеба (пуд)			12,8	17,1	18,4	20,0	21,2

Табл. 4.23. Уровень потребления хлеба в Полтавской губернии в зависимости от размеров посевной площади⁴⁶⁹.

Как показывают данные табл. 4.23, уровень потребления в Полтавской губернии был значительно ниже, чем в Воронежской. Обращает на себя внимание большое количество хозяйств, вообще не имевших посева – их было почти четверть. В хозяйствах без посева и с посевом до 1 дес. потребление, очевидно, было не выше, чем в хозяйствах с посевом в 1-3 дес., поэтому можно заключить, что, по крайней мере, половина хозяйств губернии потребляла хлеба меньше минимальной нормы. В контексте событий 1902 года это подтверждает прогноз демографически-структурной теории о том, что падение потребления в низших слоях населения может привести к восстаниям прежде, чем среднее потребление упадет ниже критического уровня.

В то время как Воронежская и Полтавская губернии имели сельскохозяйственную специализацию, Калужская губерния принадлежала к промышленному Центральному району. Продукция среднего крестьянского надела в Калужской губернии была почти вдвое меньше, чем в Воронежской, и огромную роль приобретали промысловые занятия крестьян, в основном, отходничество в Москву и другие города. При этом оставались большие резервы незанятого рабочего времени – в среднем 288 дней на двор, при 265 рабочих днях в году. По существу, один человек на двор оставался безработным – это было следствие аграрного перенаселения и невозможности найти работу в городах⁴⁷⁰.

При среднем урожае от промыслов и работы в чужих хозяйствах калужские крестьяне получали в среднем 52% своих доходов⁴⁷¹. Однако даже с учетом этой добавки средний доход крестьянского хозяйства в Калужской губернии был в 1,6 раза меньше, чем в Воронежской губернии, калужане расходовали меньше средств на одежду и жилище, расходы на пищу в деньгах были практически одинаковы, но цены на зерно в Калужской губернии были в полтора раза выше, чем в Воронежской. Налоги, как и в Воронежской губернии, отнимали примерно десятую часть чистого дохода крестьян (табл. 4.24).

Существенно, что если в прежние времена крестьяне ходили в домотканой одежде и получали топливо, а также строительные материалы из ближайшего леса, то теперь им приходилось покупать одежду, обувь, дрова и некоторые продукты питания на рынке. Чтобы купить необходимые товары, крестьяне должны зарабатывать деньги промыслами или продавать часть зерна. Таким образом, в новых условиях крестьянин должен производить не только зерно, необходимое для пропитания, корма скоту и уплаты налогов, но и иметь некоторый излишек для продажи.

	Калужская губ.	Воронежская губ.
Чистый доход	29,5	47,2
Расходы	31,6	37,8
В том числе: на питание	21,6 (68%)	20,6 (54%)
на одежду	3,5 (11%)	6,0 (16%)
на жилище	2,8 (9%)	3,9 (10%)
Налоги	3,1 (10%)	3,2 (8%)
Религиозные расходы	0,6 (2%)	2,4 (7%)
Прочие расходы	0,0	1,7 (4%)

Табл. 4.24. Сравнение душевых доходов и расходов крестьян в Калужской и Воронежской губерниях (в рублях)⁴⁷².

В промысловой Калужской губернии потребление хлеба в расчете на душу мало зависело от размера посева. Если не принимать во внимание самых богатых и самых бедных крестьян, то потребление остальных групп примерно соответствовало минимальной потребительской норме в 15 пудов. Более низкий средний уровень жизни обуславливал значительно более высокий уровень смертности, чем на Черноземье. Характерно также, что (как и в Воронежской губернии) размеры посева более сильно сказывались на уровне смертности, чем на уровне питания.

Таким образом, учет имущественной дифференциации (в соответствии с требованиями демографически-структурной теории) показывает чрезвычайно существенную разницу в материальном положении и потреблении различных групп крестьянства. В соответствии с теорией, ухудшение по-

ложения беднейшего крестьянства приводило к вспышкам волнений еще до начала революции 1905 года.

	Без посева	Величина посева в дес.					В среднем
		Дк3	3-6	6-9	9-12	Ск12	
% хозяйств по уезду	5,6	27,4	39,0	17,5	6,0	4,3	
% рабочих дней, занятых на промыслах	56,1	24,1	19,1	18,6	17,4	13,1	19,1
Число рабочих дней на двор, остающихся незанятыми	14	182	262	348	39	501	288
Душевое потребление хлеба и картофеля (пуд.)	11,6	15,4	15,1	15,6	15,2	15,8	
Душевое потребление мяса и сала (пуд.)	0,9	1,1	1,3	1,3	1,5	1,6	
На 100 рабочих дней потеряно болезней	58	15	14	13	12	7	13
% умерших за год в данной группе		5,04	4,11	4,38	3,97	2,6	4,1

Табл. 4.25. Уровень питания, смертности и заболеваемости в зависимости от размера надела в Козельском уезде Какуржской губернии (1896г.)⁴⁷³.

4.4.10. Данные о состоянии здоровья населения

Еще одним проявлением Сжатия было ухудшение биологического статуса населения.

«Плохое питание, сменяющееся полным голоданием... имеет своим следствием ухудшение народного здоровья, – писал А. А. Кауфман, – мало того – прямое физическое вырождение народных масс. Это ясно видно из данных о числе забракованных при приеме на военную службу...»⁴⁷⁴

Изменение количества призывников, забракованных медицинскими комиссиями, и средний рост рекрутов в определенной степени отражают изменение в уровне жизни населения. Динамика этих показателей была подробно исследована Б. Н. Мироновым, причем установлено, что наиболее надежные данные относятся к 1874-1912 годам, когда требования, предъявляемые к призывникам, оставались неизменными.

	1874-78	1879-83	1884-88	1889-93	1894-98	1899-1901	1902-05	1906-09	1910-13
% забракованных	11,2	14,9	16,9	17,9	17,7	22,1	19,9	18,3	19,4
Рост, мм	1622	1620	1621	1634	1642	1647	1649	1651	1651

Табл. 4.26. Результаты врачебного осмотра призывников⁴⁷⁵.

Количество призывников, забракованных по состоянию здоровья, за 1874-1901 гг. возросло почти вдвое, причем наибольший рост наблюдался в Черноземье, а наименьший – в Новороссии⁴⁷⁶. «Понижение достатка в земледельческом населении коренных русских губерний, дававших основу

нашей армии, – писал военный министр генерал А. Н. Куропаткин, – отразилось понижением физических качеств населения, уменьшением роста, замедлением физического развития, большей восприимчивостью к заболеваниям. Когда земля стала плохо кормить население, увеличилось хождение на заработки, в том числе и в города. В деревнях развился сифилис, занесенный из городов и фабрик, число сифилитиков, поступающих в войска, стало увеличиваться. Увеличились также заболевания, связанные с алкоголизмом. Очень возросло и заболевание глазами»⁴⁷⁷.

Известный исследователь Д. Н. Жбанков писал в 1904 году: «Здоровье и физическое развитие призываемых непрерывно и в очень значительной степени ухудшается по всей России... Очевидно, хронические неурожаи и голодовки и постоянно ухудшающееся благосостояние сельского населения сильно отражается на здоровье народа»⁴⁷⁸.

Тем не менее, несмотря на увеличение отбраковки призывников, после 1889 года отмечалась тенденция к увеличению их роста. В этой связи Б. Н. Миронов отмечает, что «по-видимому, с 1890-х годов в питании крестьянства наметился перелом и в дальнейшем, до 1914 года, оно устойчиво улучшалось»⁴⁷⁹. Действительно, после голода 1892 года имело место некоторое увеличение среднего душевого потребления (см. табл. 4.8 и рис. 4.12), но, если учесть увеличение расхода зерна фураж, то этот рост, по-видимому, не был столь значительным, чтобы вызвать зафиксированную источниками экселерацию. В принципе, в традиционном обществе наличие связи между потреблением и биометрическими показателями несомненно, и мы (вслед за Б. Н. Мироновым) использовали эту связь для характеристики уровня потребления в XVIII веке (см. п. 3.6). Однако в конце XIX века ситуация осложняется в связи с влиянием новых факторов, связанных с начавшимся процессом модернизации. Несомненно, очень существенное влияние на показатель роста оказывали улучшение гигиенических условий и успехи здравоохранения. Кроме того, специалисты отмечают, что одной из причин начавшейся экселерации было явление гетерозиса – усиление жизнеспособности у потомков, родившихся в результате смешанных браков; это резкое усиление процессов смешения населения было вызвано освобождением крепостных крестьян и появлением железных дорог⁴⁸⁰.

Если бы причиной увеличения роста рекрутов было существенное увеличение потребления, то, очевидно, это привело бы также и к уменьшению доли забракованных рекрутов. Однако в действительности эта доля увеличивалась одновременно с ростом призывников вплоть до 1901 года, и впоследствии, несмотря на некоторое уменьшение, оставалась высокой. Более того, имелась положительная и довольно существенная корреляция между процентом забракованных и ростом призывников (0,78) – как будто увеличение роста призывников свидетельствовало не об их здоровье, а, скорее, наоборот. Таким образом, хотя связь между увеличением роста призывников и увеличением потребления имела место, в данном случае она не была ярко выраженной, и на основании этой связи вряд ли можно делать вывод о значительном росте потребления.

Б. Н. Миронов также отмечает, что коэффициент корреляции между процентом забракованных новобранцев и сбором хлебов на душу населения в 13 регионах России оказывается очень низким (0,329), что «питание не являлось фактором полностью или в решающей степени определяющим состояние здоровья населения. Правильнее говорить о целом комплексе причин, таких, как жилище, потребление алкоголя, медицинское обслуживание, санитарные условия, распространение отхожих промыслов и др.»⁴⁸¹

4.4.11. Аграрное перенаселение как признанная реальность

В конце 90-х годов огромный рост недоимок в Черноземном районе (и в соседних губерниях) побудил правительство обратить внимание на положение крестьян в этом регионе. В конце 90-х годов проблема «оскудения Центра» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А. И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности»⁴⁸². «Комиссия 1901 года» проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений, результатом которой стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России⁴⁸³. **Выводы комиссии сводились к тому, что главной причиной «оскудения» является перенаселение.** Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн., а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52%. Особенно высоким этот процент был на Черноземье, где он составлял от 64 до 67%⁴⁸⁴.

Эти впечатляющие цифры были признаны многими специалистами-историками. С. М. Дубровский и П. А. Хромов, повторяя цифры «Комиссии 1901 года», писали о том, что половина трудоспособного населения деревни относилась к числу «лишних людей»⁴⁸⁵. А. М. Анфимов подчеркивал, что в центральных районах существовало «колоссальное аграрное перенаселение»⁴⁸⁶. Некоторые специалисты, однако, признавая большие масштабы перенаселения, на основании своих подсчетов выводили процент излишней рабочей силы меньший, чем «Комиссия 1901 года». Так Л. И. Лубны-Герцык полагал, что на Черноземье не использовалось 28% рабочего времени сельского населения⁴⁸⁷. А. В. Островский уменьшал цифру «излишнего населения» для Европейской России и черноземной полосы до 27-35%⁴⁸⁸.

Однако П. Г. Рындзюнский подверг сомнению саму методику определения «излишнего населения», исходя из производственных возможностей крестьянского хозяйства. Действительно, теоретически одна семья могла обработать надел, достаточный для прокормления двух-трех семей, которые при таком подходе оказывались «излишними». Рындзюнский полагает, что надел, достаточный для удовлетворительного существования семьи, был равен 15 десятинам, умножает эту величину на количество дворов и получает необходимое количество земли; сопоставляя эту величину с реально имеющимся количеством, можно найти «степень удовлетворенности» крестьян землей. При таком подходе оказывается, что степень удовлетворенности землей крестьян Европейской России была равна 83% – «излишними» были только 17% дворов. В целом перенаселение было как будто невелико, однако существовали огромные порайонные различия: в то время как в Северо-Западном и Степном районах обеспеченность была значительно выше 15-десятинной нормы, на Черноземье существовал ог-

ромный очаг аграрного перенаселения. Степень земельной удовлетворенности крестьян семи черноземных губерний была равна 57%, то есть 43% крестьян этого региона были «лишними»⁴⁸⁹.

Наконец, относительно недавно (в 2001 году) В. Г. Тюкавкин попытался пересмотреть вопрос об аграрном перенаселении, утверждая, что нормой крестьянского надела для Европейской России нужно считать не 15, а 9 десятин. Однако и при таком подходе, признает В. Г. Тюкавкин, группа общинных дворов, недостаточно обеспеченных землей, составляла 54,3%. «Главная же беда великорусской деревни Центра, – отмечает В. Г. Тюкавкин, – была в неравномерном распределении земли... По данным ВЭО, только в результате неравномерного распределения наделных земель сборы хлеба с них не обеспечивали в черноземной полосе 64,3% проживающих там крестьян»⁴⁹⁰. Таким образом, В. Г. Тюкавкин акцентирует роль имущественного расслоения крестьянства, что соответствует требованиям демографически-структурной теории.

В итоге, при любом подходе, как отмечал П. Г. Рындзюнский, «наличие аграрного перенаселения в пореформенной России – факт несомненный...»⁴⁹¹.

Правительственные комиссии еще продолжали свою работу, когда в марте-апреле 1902 года крестьянские волнения охватили несколько смежных уездов Полтавской и Харьковской губерний. Волнения были вызваны голодом в результате неурожая в предшествующем году; крестьяне врывались в помещичьи экономии и забирали хранившийся в них хлеб; другое имущество и людей, как правило, не трогали. В общей сложности было «разобрано» 105 помещичьих экономий, в волнениях участвовало 38 тыс. человек⁴⁹².

Причины волнений стали объектом рассмотрения Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Полтавский губернатор князь Урусов доказывал, что главной причиной является малоземелье, и иллюстрировал земельную нужду крестьян следующими цифрами: при средней по губернии земельной обеспеченности в 6,1 дес. на двор 17% крестьянских хозяйств были безземельными, 35% малоземельных хозяйств имели в среднем по 1,5 дес. на двор. За 10 лет численность рабочего скота сократилась наполовину, и 38% хозяйств вообще не имели лошадей и волов. Цены земли и аренды, отмечал Урусов, в последнее время непомерно возросли, а доходы отходников упали вследствие распространения сельскохозяйственных машин в южных губерниях. (В дополнение к данным Урусова можно отметить, что стоимость аренды на полтавщине была такова, что арендатор получал меньше половины урожая с арендованной земли.)⁴⁹³

Для решения земельной проблемы Урусов предлагал переселить на свободные земли окраин половину малоземельных крестьян губернии – ни много, ни мало, 337 тысяч человек. Полтавский губернатор стал одним из инициаторов разработки закона о переселении крестьян; предлагалось перейти к форсированному выселению из Центра на окраины деревенской бедноты. Закон 6 июня 1904 года должен был облегчить переселение, ус-

тановив принцип вознаграждения переселенца за оставляемый в общине надел (правда, вступление закона в силу было отложено до окончания войны с Японией). Чтобы помочь крестьянам, в августе 1904 года были отменены огромные недоимки по выкупным платежам. В 1903-1904 гг. были приняты также законы об отмене круговой поруки в общине и об отмене телесных наказаний крестьян⁴⁹⁴.

Эти новые законоположения означали коренную переоценку правительством роли общины, как в поддержании благосостояния крестьян, так и в обеспечении уплаты податей. Община уже не считалась «страховым учреждением от безземельности и бездомности». Новый взгляд на общину был обоснован С. Ю. Витте в известной «Записке по крестьянскому делу»⁴⁹⁵. Витте указывал на рост малоземелья как на главную причину крестьянских бедствий. Если крестьянам по-прежнему будет закрыт выход из общины, то *в общине будет действовать закон Мальтуса*, писал Витте. Поэтому «надо установить, чтобы каждый крестьянин, освобождающий землю, получал известное вознаграждение за нее и мог уйти»⁴⁹⁶.

Таким образом, политики того времени, имея на руках подробную информацию, вполне реально оценивали роль перенаселения и даже ссылались на мальтузианскую теорию.

4.4.12. Динамика народа: положение наемных рабочих

Хотя крестьянство составляло подавляющую часть населения России, понятие «народ» не исчерпывалось крестьянством, в него входили также наемные рабочие разных категорий. В конце XIX века, по некоторым данным, в Европейской России насчитывалось около 10 млн. ежегодно работавших по найму⁴⁹⁷, но это были не постоянные рабочие; это были по преимуществу крестьяне-отходники или батраки. Наиболее многочисленную группу составляли батраки, которые нанимались на разные сроки, на несколько дней, на лето, на год. Вследствие кратковременности земледельческого сезона, когда «день кормил год», поденная плата батраков в сезон была довольно велика (см. рис. 4.20), но большую часть года они не имели работы, поэтому плата за летний день ничего не говорит об их уровне жизни. Формально рабочие и батраки получали не меньше, чем в «благополучные» времена XVII века, но, как отмечалось в п. 3.1.5, структура расходов и доходов в те времена и в конце XIX века была несопоставимой, поэтому какое-либо сравнение уровня жизни не может быть правомочным.

Сравнивая рисунки 4.20 и 4.18 можно заметить, что тренд реальной заработной платы на Черноземье ведет себя примерно так же, как тренд душевого сбора; он колеблется, но в целом имеет скорее нейтральную тенденцию. Оплата рабочих, нанимавшихся на целый год, более репрезентативна; в среднем по Черноземью она составляла 70-х годах 49 руб., в 80-х – 51 руб., в 90-х – 53 руб. (в пересчете на хлеб 93, 92 и 98 пудов)⁴⁹⁸. Рублевая плата батрака практически совпадает с той суммой (52 руб.) которую, по воронежскому обследованию, получала от работы по найму и других «промыслов» средняя семья крестьян-рабочих (табл. 4. 21). Как показыва-

ют результаты обследования, семьи крестьян-рабочих относились к числу бедных, и, судя по динамике заработной платы, их положение на протяжении 30 лет существенно не менялось.

Другую значительную группу (ок. 3 млн.) составляли строительные рабочие, а также землекопы, грузчики и различные чернорабочие. Обычно это были отходники, которые уходили из деревни на лето; большую часть года строители были без работы, поэтому их довольно высокая поденная плата, так же как в случае с батраками, мало что говорит об уровне жизни. Как видно из рис. 4.20, динамика оплаты строительных рабочих, в общем, подобна динамике оплаты батраков, но спад 1891-1895 года менее выражен, и, в то время как для чернорабочих (так же как для батраков) общая тенденция нейтральная, для более квалифицированных рабочих (плотников) она скорее слабо повышательная.

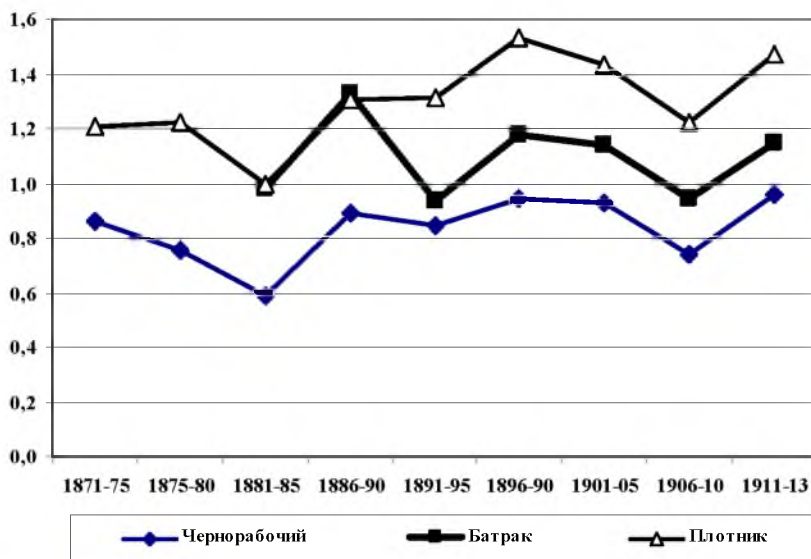

Рис. 4.20. Средняя поденная плата батрака в период уборки урожая на Черноземье и строительных рабочих (плотников и чернорабочих) в Петербурге в пудах ржи⁴⁹⁹

Существовала также категория рабочих-надомников (ок. 2 млн.) – ремесленники или крестьяне, работавшие в свободное время на купца-скупщика. Все перечисленные выше категории наемных работников объединяло то, что, в принципе, их существование не было связано с промышленным переворотом и развитием фабричной промышленности – такие группы рабочих существовали и в допромышленных аграрных обществах. Однако, кроме перечисленных категорий, существовали еще фабрично-заводские рабочие – новая прослойка населения, появившаяся с развитием

фабричной промышленности. В 1890 г. в Европейской России насчитывалось 840 тыс. фабрично-заводских рабочих, в 1901 г. – 1262 тыс.; при общем количестве работников в 44,7 млн. это составляло около 2% всех лиц работоспособного возраста⁵⁰⁰. Если иметь виду чисто количественные отношения, то Россия на 98 процентов оставалась традиционным обществом с традиционными социальными связями и социальной структурой. Теодор фон Лауэ утверждал, что в России, по существу, не было классов капиталистического общества, то есть, они находились в зачаточном состоянии⁵⁰¹. Это в целом, оправдывает наш подход к изучению демографических циклов в России как циклов, характерных для традиционного общества.

Однако все же необходимо более тщательно присмотреться к новым элементам российского общества: что нового привносили они в систему социальных взаимодействий, и насколько велика была их роль?

Прежде всего, необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX века российский рабочий класс находился еще в процессе формирования. Еще в 1895 году С. Ю. Витте заявлял, что, к счастью, в России не существует, в отличие от Западной Европы, ни рабочего класса, ни рабочего вопроса⁵⁰². Немецкий историк Б. Бонветч доказывает, что в России накануне революции еще не существовало класса «потомственных рабочих» и что промышленных рабочих еще нельзя было отделить от крестьян-отходников⁵⁰³. Действительно, рабочий класс не соответствовал обычным представлениям о стабильной социальной группе. В 1897 году среди городских рабочих Европейской России было 59% одиноких, а в Петербурге число одиноких достигало 87%. Таким образом, подавляющее большинство рабочих не имело семей – это были холостяки. По данным петербургского обследования 1908 года 67% этих холостяков (и 42% семейных) посылали деньги своим родным в деревню: средний размер посылки составлял 73 руб. у холостых и 39 руб. у семейных, в то время как средняя зарплата составляла 312 руб.⁵⁰⁴ Эти данные наводят на мысль, что большинство петербургских рабочих были попросту отходниками, которые, возможно, проживали в городе годами, но сохраняли связи со своими семьями в деревне. «Не стоит ли наш рабочий класс из холостой, покинувшей свои семьи молодежи?» – спрашивает С. Н. Прокопович и отвечает на свой вопрос статистическими данными: 56% рабочих Петербурга имели возраст 20-39 лет, в то время как в среднем по стране к этой возрастной категории принадлежало 39% населения⁵⁰⁵. «Вплоть до 1917 г. подавляющее большинство рабочих оставалось крестьянами, зарегистрированными в сельских обществах и владельцами наделной земли», – констатировал Дж. Уолкин⁵⁰⁶. Мнения о том, что «русский рабочий в массе своей есть русский крестьянин» придерживались также многие историки народнического и либерального направлений⁵⁰⁷.

Не имея семей, большинство рабочих не имело и квартир. Около 70% одиноких рабочих и 43% семейных снимали «угол». «Угол» – это кровать, иногда (когда живет семья) отгороженная занавеской. Холостяки часто спали прямо на полу, в коридорах, на кухне и т.д. Наем комнаты обходился

в 50-130 рублей, и лишь немногие могли это себе позволить. Что касается других параметров уровня жизни, то, по данным опроса, половина рабочих могла позволить себе покупку лишь поношенной одежды, и почти никто не мог позволить себе питаться в трактире. При такой экономной жизни на пищу, одежду, жилище уходило около 80% зарплаты, остальное отсылалось в деревню⁵⁰⁸.

При всем этом уровень зарплаты петербургских фабрично-заводских рабочих был самым высоким в России – в 1901 году он составлял 302 руб. в год. В Москве рабочие получали в среднем 202 руб., на Черноземье (в Рязанской губернии) – 123 руб., в среднем по России – 187 руб. В 1904 году средний рабочий день продолжался 10,6 часа; в году в среднем насчитывалось 287 рабочих дней. Чрезмерная продолжительность рабочего дня приводила к чрезвычайно широкому распространению профессиональных заболеваний. Один из докладчиков на торгово-промышленном съезде 1896 года отмечал, что рабочие-прядильщики выглядят, как «молодые старики». Условия жизни были таковы, что мало кто из рабочих доживал до 60 лет; по переписи 1897 года лиц старше 60 лет среди рабочих насчитывалось 1,0%, в то время как в среднем по всему населению – 9,6%⁵⁰⁹.

В принципе, заработная плата одного рабочего была сопоставима с доходом крестьянского хозяйства, но условия жизни рабочих – дорогие жилье и продукты, продолжительный рабочий день, исключительно плохие санитарные условия и т.д. – делают невозможным сравнение с жизнью крестьян. Суммарная характеристика условий жизни рабочих сводится к тому, что большинство из них не могло содержать семью. «Для большинства рабочих в Питере семья была недоступной роскошью», – подчеркивает С. Н. Прокопович⁵¹⁰. Рабочий класс, таким образом, мог существовать и расти только за счет притока извне, из крестьянской среды. С демографической точки зрения невозобновляемость населения (в традиционном обществе) есть признак крайне тяжелых условий существования, поэтому «революционное» настроение рабочего класса представляется вполне естественным.

Среди условий жизни рабочих особое место занимает необеспеченность постоянной занятости, возможность в любой момент оказаться на улице без средств существования. Это обстоятельство отчасти объясняет, почему преступность среди рабочих в 19 раз превышала преступность среди крестьян. В годы кризисов на улицах городов оказывались тысячи голодных, озлобленных и готовых к бунту безработных. Сосредоточение недовольных в больших городах, в особенности в столицах, многократно увеличивало для правительства опасность восстаний. Возвращение тысяч уволенных «отходников» в деревню также грозило опасностью, так как многие из них становились агитаторами, призывавшими полуголодных крестьян к неповиновению и бунту.

Еще одним фактором психологической эмансипации рабочих был их высокий уровень грамотности. На рубеже столетий среди рабочих Петербургской губернии было 69% грамотных, в среднем по России – 54%, в то

время как грамотность среди крестьян составляла 23%⁵¹¹. Как отмечалось выше, К. П. Победоносцев и С. Ю. Витте непосредственно связывали рост протестных настроений с ростом грамотности народных масс.

Таким образом, рост рабочего класса представлял опасность для властей, так как рабочие массы имели низкий жизненный уровень при относительно высоком уровне грамотности, они были сконцентрированы в больших городах и в столицах, и могли быть спровоцированы на выступления массовыми увольнениями в периоды экономических кризисов.

Правительство предпринимало некоторые меры, чтобы улучшить положение рабочих, так, в 1897 году был принят закон об ограничении рабочего дня 11,5 часами и обязательном воскресном и праздничном отдыхе. Однако в трудовых конфликтах власти, как правило, выступали на стороне предпринимателей, по закону 1886 года подстрекательство к стачке каралось 4-8 месяцами тюрьмы, участие в ней – 2-4 месяцами. Выработка действенного рабочего законодательства затруднялась бытующим представлением о том, что отношения между буржуа и рабочими в России не такие как на Западе, что они сохраняют свойственный «русскому духу» патриархальный характер⁵¹².

4.4.13. Политический кризис 1900-1903 годов

Новое обострение политической борьбы началось, как и в 70-х годах, со студенческих волнений. Кризис элиты, временно притушенный субсидиями Дворянского банка, в конце 90-х годов вновь вышел на поверхность. Разорение мелкого дворянства продолжалось неослабевающими темпами, численность дворянства росла, и как отмечалось выше, за 1870-1897 гг. количество земли, приходящейся на одного дворянина, уменьшилось почти вдвое. Соответственно, увеличивался поток дворян, добивавшихся казенного жалования на чиновных местах; стремление получить должность было одним из главных стимулов поступления в университеты, и двойное увеличение количества студентов в 1880-1900 годах отражает нарастание конкуренции за места. В 1900 г. (как и в 1880 г.) половина студентов происходила из дворян; их материальное обеспечение было по-прежнему низким, а шансы устроиться на должность малы: число чиновничьих должностей увеличилось лишь на 10%. Таким образом, кризис низших слоев элиты, как и в 70-х годах, способствовал новой вспышке студенческих волнений и новой активизации «народников», которые теперь называли себя «социалистами-революционерами», «эсерами»⁵¹³.

Движение студентов началось в феврале 1899 года с локального конфликта в Петербургском университете, когда жестокость, проявленная полицией, спровоцировала массовое движение протеста. Были перерваны занятия в 17 вузах; в студенческой забастовке приняло участие 25 тыс. студентов, которые требовали наказания полицейских чинов, неприкосновенности личности и университетской автономии. Из обеих столиц было выслано около 3 тыс. «зачинщиков», но в конце 1900 года волнения

вспыхнули вновь, причем на этот раз студенты пытались привлечь к демонстрациям рабочих⁵¹⁴.

В 1901 году, когда студенческие демонстрации уже пошли на спад, к студентам стали присоединяться рабочие: начался промышленный кризис. В 1900-1902 годах были уволены десятки тысяч рабочих, и общая численность промышленного пролетариата сократилась на 200 тыс. человек; на всех предприятиях происходило снижение заработной платы. По существу, это был первый кризис для молодой российской промышленности, и власти впервые столкнулись с неожиданным для них сопротивлением людей, теряющих заработки и средства к существованию. Поведение рабочих было не похоже на поведение привыкших к терпению крестьян; в нескольких городах произошли кровопролитные столкновения с полицией. В марте 1903 года в Златоусте полиция расстреляла демонстрацию рабочих, было убито 69 человек⁵¹⁵.

Весной 1902 года голод вызвал волнения крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях. Во время следствия власти пытались выяснить, не были ли волнения спровоцированы агитаторами из студентов или рабочих. Агитаторов не нашли, но идейная связь со студенческим движением все же имелась: крестьяне говорили, что их действия соответствуют некоему «манифесту», провозглашенному якобы великим князем Михаилом, «которому помогают студенты». Были найдены также листовки, копии которых крестьяне делали сами и передавали из деревни в деревню. За пятнадцать лет число грамотных среди крестьян возросло с 10 до 23%, а среди взрослых мужчин – даже до 36%. Крестьянами руководили грамотные вожаки, и что немаловажно – среди них было много бывших солдат, отслуживших в армии и вернувшихся в свою деревню⁵¹⁶.

Таким образом, в соответствии с теорией, оппозиционные фракции элиты, в данном случае студенты и интеллигенция, поощряли крестьян и рабочих на противодействие властям, но цели протестующих были различными. Если студенты выступали против властей, то крестьяне, в основном, выступали против помещиков, а рабочие – против промышленников. В количественном отношении активность различных групп можно сопоставить через численность арестованных по политическим обвинениям: в 1901-1903 годах среди арестантов было 11% дворян и детей чиновников, 9% крестьян и 47% рабочих. По сравнению с 1884-1890 годами среднегодовое число арестованных увеличилось в пять раз, при этом, хотя число арестованных дворян и детей чиновников не уменьшилось, их доля в массе арестантов снизилась почти втрое, а доля рабочих (среди которых было много крестьян-отходников) увеличилась более чем втрое⁵¹⁷. Таким образом, при сохраняющейся высокой активности оппозиционных слоев элиты, происходил процесс вовлечения в политическую борьбу народных масс – прежде всего, рабочих.

Однако правительство, по-видимому, не считало, что крестьянское (и даже рабочее) движение представляет для него существенную опасность. Крестьяне еще не рвались оказывать сопротивление войскам и полиции,

и их наказали «по-отечески»: было высечено несколько сот «зачинщиков». Что касается рабочих, то власти старались смягчить остроту конфликта; правительство пыталось проводить по отношению к рабочим, как и к крестьянам, «политику попечительства». В 1903 году был издан закон об ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве; другой закон вводил должность выборных рабочих старост. Газеты писали о «полицейском социализме», полиция под руководством полковника С. В. Зубатова участвовала в создании рабочих обществ и касс взаимопомощи. 19 февраля 1902 г. была организована грандиозная верноподданническая манифестация рабочих в Кремле⁵¹⁸.

4.5. Выводы

С точки зрения неомальтузианской теории наиболее важным процессом первой половины XIX века было замедление процесса колонизации и сопутствующее росту населения падение потребления. Имеющаяся информация о посевах и сборах выявляет классическую картину «мальтузианских ножниц»: население растет, а потребление падает и в середине столетия достигает минимально возможной нормы. При этом региональные данные выявляют существенные различия между регионами: оказывается, что падение душевого сбора проявляется наиболее ярко в Черноземном районе, в то время как в Центральном районе душевой сбор был близким к минимальной норме уже в начале века и на протяжении периода почти не менялся. Соответственно, рост населения в Центральном районе был медленным и к концу периода практически прекратился, на Черноземье же он был более значительным, хотя тоже замедлился.

Падение потребления до минимума и демографическая стагнация являются основными признаками наступившего Сжатия; помимо этих признаков на протяжении всего периода мы наблюдаем в Центральном районе и другие явления, характерные для периода Сжатия: частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, быстрое развитие ремесел и торговли, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, уход крестьян в города, быстрый рост городов.

Анализ в рамках демографически-структурной теории позволяет существенно дополнить эту картину. После убийства Павла I баланс сил в борьбе за распределение ресурсов вновь изменился в пользу дворянства. *Ограничив претензии государства, дворянство приступило (после войны 1812 года) к неслыханному до тех пор увеличению оброков и барщин крепостных крестьян.* В контексте теории эта экспансия отчасти объясняется непропорциональным ростом численности дворянства и уменьшением числа крестьян, приходящихся на одно дворянина, однако в данном случае большую роль сыграло также влияние диффузионного фактора. Как свидетельствуют современники, рост потребностей дворян объяснялся их стремлением жить так, как жили их европейские собратья.

В результате резкого перераспределения ресурсов в пользу элиты крестьянам был оставлен лишь минимум жизненных средств. Это привело к

хроническому недоеданию среди крепостных, в годы неурожаев превращавшемуся в голод, сопровождаемый эпидемиями. *Рост численности крепостных фактически прекратился, и, таким образом, мы наблюдаем (в дополнение к общей картине) картину исключительно интенсивного Сжатия внутри одного сословия – Сжатия, вызванного не ростом численности этого сословия, а сужением его экологической ниши в результате усиления эксплуатации.* В конечном счете, это Сжатие привело к демографическому кризису 1847-1848 года, когда голод и эпидемии унесли жизни примерно одного миллиона человек. Так же как кризисы 1724-1726 и 1786-1787 годов, этот кризис носил по преимуществу структурный характер и был вызван перераспределением ресурсов внутри структуры, в данном случае от крестьянства к элите. Так же как в 1786-1787 годах, после кризиса наблюдается уменьшение реальной ренты, то есть частичная корректировка неадекватного распределения ресурсов. Как и в те времена, государство, со своей стороны, обращает внимание на бедственное положение крестьян и принимает некоторые меры в пользу крестьянства – в частности, восстанавливает забытый павловский закон о трехдневной барщине.

Как и в 1790-х годах, политика государства в отношении крестьян отчасти объяснялась ролью диффузионного фактора – но в середине XIX века эта роль стала более значимой. Влияние Европы привело к тому, что в глазах «западников» (и в глазах монархов) крепостничество превратилось в позор России. Этот идеологический сдвиг проявился как в программах движения «декабристов», так и в неуверенных попытках Александра I и Николая I облегчить положение крестьян. Существенно, однако, что эти попытки долгое время были бесплодными – то есть сам по себе диффузионный фактор в то время был недостаточным стимулом для реформ.

В рамках демографически-структурной теории назревающий конфликт между монархией и элитой объясняется также и конкуренцией за ресурсы. Дворянство вело борьбу за ресурсы не только с крестьянством, но и с государством, и в частности, оно не допускало увеличения прямых налогов на крепостных крестьян (попытка Сперанского компенсировать уменьшение реального размера этих налогов закончилась его падением). Государство, стесненное в своих финансовых возможностях, выходило из положения с помощью повышения косвенных налогов, увеличения оброков государственных крестьян, а во время войн – путем печатания бумажных денег. Крымская война вновь поставила вопрос о недостатке средств и о взрывоопасном положении в тылу армии – о «пороховом погребе под государством». Как утверждает неомальтузианская теория, *Сжатие должно было вызвать попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, и тенденцию к установлению элитарной монархии.* Логично было бы считать, что Великая реформа была именно такой социальной и элитарной реформой, естественным образом вписывающейся в контекст неомальтузианской теории. Однако и в этом случае (как во многих других), мы видим, что демографический фактор действо-

вал не изолированно, а синхронно с диффузионным фактором. Вновь усилившийся диффузионный фактор требовал модернизации России по образцу Европы – то есть отмены крепостного права.

Отмена крепостного права означала трансформацию структуры – то есть *создание новых отношений внутри структуры, связанное с определенным качественным изменением составляющих ее элементов и принципов их взаимодействия. Эта трансформация проявлялась не только в том, что крепостные крестьяне стали свободными людьми и рента значительно уменьшилась, но также и в том, что государство вновь приобрело независимость от элиты. Монархия вышла из состояния подчиненности и вновь, как при Петре I, стала самодержавной этатистской монархией.*

Таким образом, в результате совокупного действия факторов крепостное право было отменено, экологическая ниша крестьянства расширилась, и угроза социального взрыва на время отступила. Сжатие в рамках одного сословия разрядилось, но Сжатие в рамках всей России сохранялось. Оно проявлялось в уменьшении душевых сборов и в крестьянском малоземелье, которое особенно ощущалось в Центральном районе. Хотя непосредственная угроза миновала, дальнейший рост населения, согласно теории, должен был привести к новому кризису.

Суммируя приведенные материалы о социально-экономическом развитии России в 1860-1904 годах, необходимо, прежде всего, отметить, что уже в начале этого периода экономика страны находилась в фазе Сжатия. Мы можем констатировать наличие таких классических признаков Сжатия, как *низкий уровень потребления основной массы населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, рост задолженности, уход крестьян в города (в частности, в форме отходничества), рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, дешевизну рабочей силы, высокие цены на хлеб, высокие цены на землю, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости.*

Т. Шанин сравнивает ситуацию в России с современной ситуацией в перенаселенных развивающихся странах⁵¹⁹. Однако, в отличие от обычной картины Сжатия в странах с частной земельной собственностью, крестьяне в России не имели собственности на свои наделы и фактически оставались прикрепленными к земле. Поэтому бедняки не продавали свою землю и не уходили в города на постоянное жительство, а сдавали свои наделы в аренду и занимались отходничеством. Это замедляло процесс разорения бедняков, но в то же время удерживало крестьян в деревне, усугубляя аграрное перенаселение.

Главным признаком Сжатия был чрезвычайно низкий, близкий к минимально возможному, уровень душевого потребления, обусловленный аграрным перенаселением и крестьянским малоземельем. Но в отличие от классической ситуации стационарной экологической ниши, когда падение

потребления приводит к приостановке роста населения, в России, несмотря на прогрессирующее малоземелье, численность населения росла. Этот феномен был связан с расширением экологической ниши, вызванным ростом урожайности: рост населения в точности соответствовал росту урожайности, причем потребление оставалось на минимальном уровне. При этом посев для внутреннего потребления в 1860-1900 годах оставался практически постоянным, то есть увеличение потребления могло происходить только за счет роста урожайности. Ситуация была такова, что население страны потребляло сбор с определенной почти постоянной площади посевов, в то время как с другой части посевов хлеб вывозился. Эта другая часть посевов по размерам примерно соответствовала посевам на помещичьих землях, и, несколько упрощая реальную картину, можно представить, что основная часть хлеба, произведенного на помещичьих землях, вывозилась, в то время как хлеб, произведенный на крестьянских землях, потреблялся внутри страны. Таким образом, *помещичье землевладение непосредственно сокращало экологическую нишу этноса.*

Роль вывоза была такова, что хотя душевое производство зерна и картофеля росло и в 1901-1910 годах достигло (в пересчете на зерно) 26 пудов, потребление оставалось на уровне 19 пудов – уровне минимальной нормы. Правительство поощряло экспорт, поскольку, с одной стороны, оно находилось под влиянием помещиков, а с другой стороны, усиленный экспорт способствовал укреплению рубля и привлечению необходимых для индустриализации иностранных капиталов. Таким образом, экспорт был обусловлен, во-первых, стремлением помещиков дороже продать свой хлеб (и хлеб арендаторов), и, во-вторых, этатистскими целями правительства.

Другим важным аспектом социального развития, рассматриваемым в рамках демографически-структурной теории, является динамика элиты. Реформы 1861 года вызвала обеднение дворянства – то есть Сжатие в элите. Как обычно, Сжатие привело к фрагментации элиты и появлению оппозиционных группировок; этому способствовали также и процессы вестернизации, обусловившие формирование нового социального слоя, интеллигенции. Интеллигенция и оппозиционные фракции дворянства стали питательной средой для образования прозападных либеральных и радикальных групп. Одна из этих групп, «народники», попыталась вовлечь в движение народ и провозгласила лозунг «Земля и воля!» – однако попытка закончилась неудачей вследствие приверженности народа к традициям и нежелания действовать вместе с вестернизованными элементами.

После убийства Александра II началась традиционалистская реакция, и правительство стало проводить политику «народной монархии», опоры на консервативное дворянство и «попечения» над крестьянством. В соответствии с теорией продолжающегося Сжатия побуждало монархию проводить реформы, направленные на облегчение положения народа – в данном случае, была осуществлена отмена подушной подати и сокращение выкупных платежей. Однако – также в соответствии с теорией – Сжатие привело к

финансовому кризису, и в министерство Вышнеградского правительство изменило свою политику, ужесточило сбор налогов и попыталось получить средства на цели индустриализации посредством увеличения экспорта хлеба, стабилизации рубля и привлечения иностранного капитала. В рамках демографически-структурной теории такую политику можно трактовать как давление государства и элиты на народ с целью перераспределения ресурсов; элита и государство в своих целях отнимали у народа часть ресурсов, и это принимало форму широкомасштабного экспорта хлеба (а не повышения оброков и налогов, как раньше). Пик этого наступления пришелся на 1888-1891 годы и (вместе со случайными климатическими колебаниями) привел к голоду 1892 года; то есть кризис 1892 года находит в рамках теории такое же объяснение, как многие предшествующие кризисы – он был следствием сокращения экологической ниши народных масс вследствие наступления на народ государства и элиты.

После голода 1892 года началось «время оскудения»; крестьяне не могли платить налоги, и министр финансов Витте старался найти выход из финансового кризиса за счет увеличения косвенного обложения и развития госсектора (в частности, за счет введения винной монополии и частичной национализации железных дорог). В соответствие с теорией, развитие госсектора можно трактовать как проявление порожденных Сжатием этатистских тенденций (но имело место и диффузионное влияние со стороны Германии). При этом большие размеры экспорта хлеба сужали экологическую нишу народа и стимулировали рост социальной напряженности. Сжатие требовало от правительства принятия мер к облегчению положения народа, но в течение почти двадцати лет – от отмены подушной подати в 1886 году до сложения недоимок в 1904 году – правительство отказывалось принимать такие меры. В конечном счете, оно было вынуждено признать факт оскудения крестьянства центральных областей, и, проведя достаточно детальное обследование, установило, что причиной оскудения являются перенаселение и малоземелье – но не успело принять никаких реальных мер к исправлению ситуации: началась революция.

Еще одно важное обстоятельство, характеризующее динамику Сжатия – это его пульсирующий, колебательный характер, связанный с квазипериодическими климатическими колебаниями, сказывающимися на урожайности. Эти колебания отчетливо проявляются при анализе пятилетних средних, и их минимумы представляют собой периоды падения потребления, чреватые обострениями социальных конфликтов. Необходимо учитывать также значительный разброс в уровне потребления среди различных групп крестьянства; бывшие государственные крестьяне имели средний надел, почти вдвое превосходящий средний надел бывших крепостных крестьян. Поэтому, *хотя среднее потребление сохранялось примерно на уровне минимальной нормы, потребление бывших государственных крестьян было в среднем выше нормы, а потребление бывших крепостных крестьян – ниже нормы; в периоды климатических минимумов положение бывших крепостных крестьян было особенно тяжелым.*

Следует обратить особое внимание на длительность периода Сжатия – по крайней мере, шесть десятилетий. В мировой истории известны лишь немногие случаи, когда общество столь долгое время балансировало на грани голода; воздействие случайных факторов обычно быстро выводило систему из состояния неустойчивого равновесия. Относительная стабильность социополитического положения в России объяснялась, в первую очередь, тем авторитетом, которое приобрело самодержавие после освобождения крепостных. Этот авторитет сказался во время политического кризиса рубежа 70-80-х годов и во время голода 1892 года. Уменьшение выкупных платежей и отмена подушной подати показали, что власть отслеживает экономическую ситуацию и принимает меры к улучшению положения народа. Однако в дальнейшем политика поддержания крестьянства сменилась политикой индустриализации, положение крестьянства (в частности, на Черноземье) вновь стало ухудшаться, и авторитет власти постепенно таял.

Другим фактором сохранения относительной стабильности был внешний мир, отсутствие больших войн на протяжении полувека. Единственная война, которую вела в этот период Россия, была популярная в народе война с Турцией за освобождение южных славян. Победа в этой войне способствовала укреплению авторитета самодержавия, но внешнеполитическая обстановка постепенно ухудшалась. Появление на западных рубежах России могущественной Германской империи впервые за полтора столетия поставило Россию перед лицом превосходящего в военном отношении противника.

Военное превосходство Германии было проявлением происходившего в Европе процесса модернизации; в то же время это превосходство было одним из решающих факторов, вынуждавших к модернизации Россию. Мощное давление диффузионного фактора заставило правительство перейти к форсированной политике индустриализации, а политика привлечения средств для индустриализации, в свою очередь, вызвала голод 1892 года. Проблема заключалась в том, что в условиях Сжатия государство не могло взять необходимые ему ресурсы у народа и не решалось взять их у элиты – это была описанная в демографически-структурной теории ситуация кризиса государства, и в данном случае этот кризис стимулировался влиянием технического и диффузионного факторов – влиянием процесса модернизации.

ГЛАВА V. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ЭКОСОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

5.1. Теоретические аспекты революционного процесса

5.1.1. Две теории революции

Целью нашего исследования является анализ возможности применения концепции демографических циклов для объяснения социально-экономической истории России, и в частности, социального и политического кризиса начала XX века. Центральное место в этом кризисе занимают две русские революции, революции 1905 и 1917 годов. Как отмечалось выше, демографически-структурная теория предлагает стандартную схему объяснения революционных кризисов, исходя из демографической и социально-экономической динамики. Эта схема предполагает, что, во-первых, увеличение численности низших классов населения в условиях ограниченности ресурсов приводит к продовольственным кризисам, падению потребления, массовому недовольству и восстаниям (происходит Сжатие в низших классах). Во-вторых, увеличение численности элиты приводит к конкуренции за места в высших сословиях, распадению элиты на фракции и выступлениям недовольных фракций, которые присоединяются к народным восстаниям или даже провоцируют их (Сжатие в элите). В-третьих, государство в условиях роста цен и падения реальной стоимости налогов испытывает финансовые затруднения; оно не может собирать налоги с обнищавшего населения и оказывается на грани банкротства (Сжатие в государственной сфере). В-четвертых, финансовый кризис государства приводит к потере управляемости, и оно оказывается не в состоянии поддерживать политическую стабильность – происходит коллапс государства.

Механизм, описываемый демографически-структурной теорией, действует на протяжении периода, предшествующего революции, и во время самой революции – то есть, для того, чтобы проверить адекватность теории, мы должны проверить ее действие и непосредственно во время кризиса – а именно, проанализировать, каким образом фракционировалась элита, как она поднимала на борьбу народ – и как сам народ поднимался на восстание под воздействием голода и малоземелья, как развивался финансовый кризис, имела ли место потеря управляемости и т. д.

В то же время мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что демографический фактор является лишь одним из действующих факторов

и демографически-структурная теория (как отмечалось ранее) не полностью объясняет последовательность событий. Таким образом, необходимо показать границы объяснительных возможностей этой теории и указать на те события, которые не находят объяснения в рамках этой теории, но объясняются влиянием других факторов.

В этой связи необходимо, по возможности, рассмотреть роль других факторов, в частности, роль фактора диффузии, которая изучается в рамках теории вестернизации. Теория вестернизации предлагает свое объяснение революций XIX-XX веков; эта теория рассматривает революцию как результат столкновения двух культур, распространяющейся по миру «современной» («modern») «западной» культуры и культуры «традиционного» общества. Западный культурный комплекс несет с собой научно-технические достижения Европы, новые машины и обеспечивающее его превосходство новое оружие, промышленность, охватывающую весь мир торговую и финансовую деятельность, частную собственность, политические свободы, свободу вероисповедания и парламентаризм. Противостоящий ему традиционный культурный комплекс (в российском варианте) – это самодержавие, православие, общинность, патриархальность, сословность и другие атрибуты традиционного российского общества. Единственной культурой в традиционном обществе является интеллигенция. По мере модернизации и вестернизации интеллигенция численно росла и распространяла свое влияние на другие общественные слои. Но все же интеллигенция была сравнительно малочисленна и слаба, поэтому она была вынуждена искать союзников и использовать в своих целях социальные конфликты традиционного общества. В конечном счете, в России и в других «развивающихся» странах должно было прийти время руководимых интеллигенцией политических революций². Как отмечалось выше, Теодор фон Лауэ называл все революции XIX-XX веков «революциями вестернизации» или «революциями извне» – в том смысле, что они были индуцированы внешним, западным влиянием. Это внешнее влияние проявлялось также и в том, что, поскольку интеллигенция выступала проводником европейского влияния, то она пользовалась идеологической, политической и финансовой поддержкой Запада³.

Возможность двойственного рассмотрения русской революции с учетом действия различных факторов и с точки зрения различных теорий неоднократно отмечалась в историографии. Как известно, многие историки рассматривают русскую революцию 1905 года как две «параллельные» революции⁴. Одним из первых эту двойственность отметил в 1907 году П.Б. Струве, который выделил в революции два течения: первое из них он называет «modern» – Струве видел в этом течении движение к «современности», под которым разумелась «вестернизация». Второе течение Струве называл «элементарным», подразумевая под этим стихийное стремление низов к освобождению от «материальных тягот» – попросту стремление простолюдинов быть сытыми и иметь надел, который сможет их прокормить.

мить⁵. Это второе течение, по-видимому, находит свое объяснение в демографически-структурной модели революции – далее мы рассмотрим этот вопрос более подробно.

5.1.2. Пример теоретического анализа: революции 1848 года

Как демографически-структурная теория, так и теория вестернизации исходят из единства мирового исторического процесса, и в соответствии с этим подходом русская революция была не единичным и не изолированным явлением – у нее были прообразы и аналоги, анализ которых может помочь в изучении российской истории. Сравнение с европейскими революциями помогает прояснить механизм революции 1905 года – но оно полезно и с методологической точки зрения, как пример применения используемых нами теорий. При этом образцом для сопоставления будут служить европейские революции 1848 года – именно с этими революциями сравнивает революцию 1905 года большинство исследователей⁶.

Анализ европейских революций 1848 года с позиций демографически-структурной теории был дан Дж. Голдстоуном. Акцентируя роль демографического фактора, Дж. Голдстоун указывает прежде всего на рост населения, которое увеличилось во Франции в 1800-1851 гг. на 31%, а в Германии в 1815-1845 г. на 40%. Сельскохозяйственное производство повсюду (кроме восточной Германии) росло медленнее, чем население, что нашло свое выражение в постепенном росте цен и уменьшении реальной заработной платы. Рост населения привел к измельчению крестьянских наделов и уходу крестьян в города, где они пытались заработать на жизнь ремеслом или работой по найму. Численность городского населения во Франции увеличилась вдвое, а его доля возросла с 9,5 до 14,5%. Хотя промышленное производство росло, индустриализация еще только начиналась, и, к примеру, в Германии фабричные рабочие составляли только несколько процентов от всех работников, поэтому фабрики не могли обеспечить излишнее население работой⁷.

Чрезвычайно важно, отмечает Дж. Голдстоун, что в условиях напряженной продовольственной ситуации в Европе (как и в России) неурожайные годы приводили к значительным колебаниям цен и реальной заработной платы. Во Франции фазы падения заработной платы приходились на 1828-1832 и 1845-1848 гг. и эти периоды голода и нищеты были важными экономическими предпосылками революций 1830 и 1848 гг.⁸

С другой стороны, численный рост элиты привел к увеличению числа претендентов на чиновные и другие доходные места. Число учащихся лицеев во Франции в 1816-1848 гг. увеличилось в три раза, в такой же степени возросло число студентов германских университетов. Администрация, армия, суды не могли дать работу массе новых выпускников. Во Франции в 1820-х годах жалование офицеров было сокращено вдвое. Уменьшение жалования и недостаток доходных мест вызывали массовое недовольство средних классов общества, прежде всего молодежи. Это недовольство было питательной средой для либеральных и радикальных группировок⁹.

В целом, Дж. Голдстоун рисует картину демографически-структурного кризиса, во многом подобного кризису времен французской революции и кризису XVII века. «В первой половине XIX века европейские монархи стояли перед тем же созвездием проблем: продовольственный кризис, волнения городского населения, падение реальной заработной платы и расширение когорты образованных кандидатов на места в элите, которое погубило некоторых из их предшественников в середине XVII и в конце XVIII века»¹⁰.

Таким образом, Дж. Голдстоун не придает особого значения процессам модернизации континентальных европейских стран, смыкаясь в этом с принадлежащей Э. Лабруссу концепцией «последнего кризиса старого типа»¹¹.

Другое объяснение европейских революций дается в рамках теории модернизации (или «вестернизации»). С. Блэк рассматривает революции 1848 года как важнейший этап модернизации – начало периода, когда власть в странах континентальной Европы переходит «модернизаторскому руководству»¹². Первоначальным и главным центром европейской модернизации была родина промышленной революции – Англия. Впечатляющий размах индустриализации вызвал на континенте стремление к перениманию английской техники и английских социально-экономических институтов. В 1820-х во Франции сформировалась политическая группировка, члены которой называли себя «либералами» (это имя затем приняли и английские виги). Лидер либералов, известный историк Ф. Гизо, использовал свою кафедру в Сорбонне для пропаганды английского государственного строя и английской «славной революции» 1688 года. Характерно, что в 1830-1840-х годах «прогрессивный» образованный класс в Германии и Франции так же, как впоследствии и в России, называли «интеллигенцией», – но в дальнейшем, после победы революции 1848 года, этот термин (по отношению к западному образованному классу) вышел из употребления¹³. Интеллигенция была сравнительно малочисленной социальной группой, поэтому она пыталась привлечь на свою сторону народные массы. Часть интеллигенции для привлечения на свою сторону народа обещала ему всеобщее избирательное право – это политическое направление получило название радикализма. Радикализм родился в Англии¹⁴, но отцом международного радикализма и международного революционного движения был знаменитый итальянский революционер Джузеппе Мадзини. Обстановка народной нищеты внушала Мадзини уверенность, что народ всегда готов к восстанию, что ему не хватает лишь вождей. Таким образом, родилась теория «революционной инициативы»: образованная молодежь должна была идти в народ и поднимать его на борьбу¹⁵. Мадзини первым создал инфраструктуру политической «революции извне»: он организовал эмигрантский революционный центр в Лондоне, который субсидировался английскими радикалами и секретными службами. Эмигрантский центр издавал газету, которая распространялась в Италии и призывала итальянцев к восстанию. В надлежавший момент отряды эмигрантов должны были

высадиться в стране, инициировать восстание и доставить повстанцам оружие. Мадзини (и Отгосту Бланки) принадлежит также идея использования политического терроризма в революционных целях¹⁶.

Как отмечает Э. Хобсбаум, все революции 1848 года «имели что-то общее». По Хобсбауму, это общее заключалось в том, что революцию начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Этот союз быстро добивался успеха, и весной 1848 года почти все монархи Европы были вынуждены даровать своим подданным конституции. Достигнув своих целей, либералы переходили от союза с радикалами и рабочими к союзу с консервативными монархическими силами, создавая «партию порядка». Но рабочие были не удовлетворены достигнутым, им нужна была не конституция, а «право на труд» и высокая зарплата, и они продолжали свое наступление, грозившее превратиться в «социальную революцию». Это приводило к столкновению с «партией порядка», и рабочие терпели поражение. Когда опасность со стороны низших классов уменьшалась, «партия порядка» распалась, консерваторы собирались с силами, разгоняли либеральные парламенты и отнимали у либералов большую часть конституционных гарантий. В итоге монархия возвращалась к власти – но в обновленном и реформированном виде¹⁷.

Начало французской революции характерно с точки зрения методов, которые использовали революционеры для возбуждения масс. В первые месяцы 1848 года радикалы развернули так называемую «банкетную компанию», в ходе которой устраивались якобы «частные» банкеты с сотнями и тысячами участников, на которых подписывались петиции с требованием расширения избирательных прав. Когда назначенный на 22 февраля банкет был запрещен, начались демонстрации; толпа, подошедшая к министерству иностранных дел, была остановлена солдатами; внезапно из толпы стали стрелять в солдат, те ответили залпом – было убито более 30 человек. Демонстранты погрузили тела убитых на телеги и двинулись по парижским бульварам, крича, что расстреливают народ. Во Франции свирепствовал кризис, и в Париже было множество голодающих безработных; народ стал строить баррикады. Войска, двинутые на подавление бунта, вследствие неудачных распоряжений вошли в соприкосновение с толпой, были сразу же разогнаны, и многие батальоны перешли на сторону народа. Вооруженные инсургенты двинулись к Тюильри, и король был вынужден бежать¹⁸.

В Пруссии с 1830-х годов существовали как либеральные, так и радикальные политические группы. Либералы объединяли часть помещиков-юнкеров и предпринимателей; они имели большинство в местных ландтагах, и их лозунгом было создание общепрусского Соединенного ландтага с последующим принятием конституции. Англия и международный капитал оказывали либералам прямую поддержку: когда король Фридрих-Вильгельм IV обратился к Ротшильдам с просьбой о предоставлении займа, они обусловили свое согласие созывом представительного собрания. В 1847 году в условиях экономического кризиса, голода и надвигающегося

банкротства король принял эти требования и объявил о созыве Соединенного ландтага, который должен был вотировать займы и новые налоги. Ландтаг еще не успел собраться, когда пришли известия о революции во Франции. В Берлине начались многолюдные митинги, на которых радикалы призывали голодающих рабочих к составлению петиции с требованиями политических свобод. 13-15 марта имели место несколько столкновений демонстрантов с полицией и войсками. 17 марта, после получения известий о революции в Вене, на собраниях горожан было принято решение на следующий день идти толпой к дворцу и передать королю петицию с требованием свободы печати, ускорения созыва ландтага и удаления войск. Однако король пошел на уступки и подписал указ о свободе печати и скорейшем созыве ландтага – поэтому запланированное шествие превратилось в верноподданническую манифестацию. В разгар манифестации группа демонстрантов подняла черно-белое знамя оппозиции, начались беспорядки и охранявшие дворец солдаты открыли огонь по толпе. Народ отхлынул на соседние улицы и начал строить баррикады; студенты бросились в предместья поднимать рабочих. Баррикадные бои продолжались до утра 19 марта. В конце концов, король приказал вывести войска из Берлина и вышел к народу, обнажив голову перед принесенными на площадь телами убитых революционеров¹⁹.

Непосредственный свидетель событий, известный историк Леопольд фон Ранке, в докладной записке королю доказывал, что революция была вызвана, главным образом, «Invasion» – «нашествием» чужеземных идей, т. е. широчайшим распространением в 1840-х годах английских и французских либеральных теорий²⁰.

Таким образом, как во Франции, так и в Пруссии, революционная инициатива принадлежала «вестернизированной» либеральной и радикальной интеллигенции, которая старалась поднять на борьбу народ, не чураясь приемов политической провокации: стрельбы из толпы по полиции и организации чреватых кровавыми репрессиями шествий к правительственным учреждениям. Ввиду своей слабости интеллигенция искала союзников и использовала в своих целях социальные конфликты традиционного общества. Обратим внимание также на поддержку, оказываемую интеллигенции извне, – на эмигрантские центры, на печатную пропаганду, на финансирование движения внешними силами.

Попытаемся теперь сравнить этот сценарий революции с тем, который был реализован в 1905 году в России.

5.2. Демографически-структурный анализ революции 1905-1907 годов

5.2.1. Фрагментация элиты: оппозиционные группировки

Фрагментация элиты является одной из важных предпосылок революции как в демографически-структурной теории, так и в теории вестернизации. Демографически-структурная теория полагает главной причиной этой

фрагментации обеднение части элиты, происходящее в результате роста ее численности (Сжатие в элите); в результате этого процесса низшие слои элиты переходят в оппозицию существующему режиму. В предыдущих главах было показано, что этот процесс действительно имел место, и что часть обедневшей элиты принимала участие в движении народников. Другая часть дворянской элиты высказывала свое недовольство в рамках движения земцев-конституционалистов. Это движение имело опору в местном земском самоуправлении, что придавало ему большую силу. Земцы-конституционалисты выступали за ограничение самодержавия и создание выборного представительства – причем до февраля 1905 года это представительство мыслилось как представительство высших сословий, то есть движение выступало с сословных позиций²¹.

Теория вестернизации также предполагает фрагментацию элиты, но на другой основе – в результате того, что часть элиты усваивает западные культурные ценности – так появляется интеллигенция, противостоящая традиционалистскому дворянству. Наличие этого процесса в России также не вызывает сомнений. В середине XIX века вестернизация нашла свое выражение в идеологической сфере и породила идейное течение, которое называли «западничеством» и которое противостояло традиционалистскому «славянофильству». В конце XIX века в качестве наследницы «западников» выступала либеральная оппозиция, представленная по большей части интеллигенцией.

В январе 1904 г. в Петербурге состоялся учредительный съезд «Союза освобождения», объединившего земских конституционалистов и представителей либеральной интеллигенции. На съезде присутствовали 19 земцев и 26 лиц «свободных профессий», но в избранном ими «Совете Союза» обе фракции были представлены одинаковым числом членов²². «Союз», прежде всего, был партией «западников», выступавших за экономическую, политическую, культурную модернизацию по западному образцу. Русская действительность была для «освобожденцев» синонимом отсталости и азиатчины, негативным явлением, которое нужно было преодолеть, чтобы устремиться вдогонку за Европой. Один из лидеров партии кадетов В. А. Маклаков писал, что идеал интеллигенции «был так далек от русской действительности, что она не старалась его с ней преемственно связывать»²³. При подготовке программных документов «Союза освобождения» изучались только западные политические формы, русские традиции демонстративно игнорировались²⁴. В программе «Союза освобождения» не предлагалось никаких мер для решения земельного вопроса или облегчения положения рабочих; в соответствии с западной либеральной идеей она была посвящена исключительно задачам борьбы против самодержавия, за конституцию и политические свободы²⁵. Очевидно, что в начальный период своего существования «Союз» еще не собирался привлекать на свою сторону народные массы и ничего им не обещал.

Однако существовали и другие, элитные по происхождению, оппозиционные группы, которые искали союза с народом. Происхождение этих

групп было связано с новой волной западного диффузионного влияния. Раскол в европейской идеологии и появление марксистского «Интернационала» привели к расколу среди русских «западников», от основной массы которых отделилось течение социал-демократов («эсдеков»). Российская социал-демократическая партия (РСДРП) организационно оформилась летом 1903 года, на съезде, происходившем сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. «Программа-минимум» «эсдеков», в общих чертах, совпадала с программой либералов (дополнительно выдвигалось требование 8-часового рабочего дня). Однако после осуществления этой программы в ходе «буржуазно-демократической революции» и после того, как слабый российский пролетариат в процессе дальнейшего развития численно возрастет, предполагалось осуществление социальной революции, которая ликвидирует частную собственность на средства производства. В соответствии с марксистской идеологией социал-демократы считали движущей силой развития рабочий класс, предполагали вести агитацию среди рабочих и почти ничего не обещали крестьянам²⁶.

Первоначально состав партии был по большей части интеллигентским; социал-демократы принадлежали к той небольшой части русской интеллигенции, которая находилась под идеологическим влиянием «Интернационала». В результате кружковой работы и привлечения рабочих к началу 1905 г. численность партии увеличилась до 9 тыс. человек, из которых 62% составляли рабочие, 5% – крестьяне, 33% – интеллигенты²⁷.

Марксистская идеология оказала влияние и на ту (тоже небольшую) часть интеллигенции, которая продолжала традиции «народников». В январе 1902 года была создана партия социалистов-революционеров («эсеров»). В программе этой партии (принятой в 1906 году) также сначала выдвигались минимальные требования (практически такие же, как у «эсдеков») и тоже говорилось о грядущем в далекой перспективе социальном перевороте, который ликвидирует частную собственность на средства производства. Однако в силу народнической традиции «эсеры» уделяли крестьянам гораздо большее внимание, чем «эсдеки». В программе говорилось, что «партия социалистов-революционеров ставит себе цель использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частно-владельческих земель... и переход их в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин... на началах уравнительного пользования»²⁸. Таким образом, эсеры (в отличие от «истинных марксистов») пытались использовать русские общинные традиции и намеревались поставить на службу марксистской идее готовую вспыхнуть крестьянскую войну. При этом они гораздо лучше, чем эсдеки, понимали причины этой войны: в программе эсеров говорилось о роли аграрного перенаселения²⁹.

Еще одной отличительной особенностью эсеров была их приверженность к террористическим методам – с одной стороны, это была дань старой народнической традиции, но, с другой стороны, террор был проявлением крайнего радикализма партии, вербовавшей в свои ряды людей, готовых пойти на смерть.

Численность партии эсеров перед революцией не превосходила 10 тыс. человек, в ходе революции она увеличилась до 65 тыс. В 1905-1907 г. эсеры вели активную пропаганду в деревне, и, поскольку их лозунги были привлекательны для крестьянской массы, то они сумели организовать 1555 крестьянских братств, в которых было 23 тыс. членов. По сравнению с общей численностью крестьянского населения это было очень немного, но другие партии совсем не имели крестьянских организаций, и число крестьян в них было незначительно. Среди эсеров крестьяне составляли 45%, рабочие – 43%, интеллигенты – 11,2%. В руководящем составе партии преобладали интеллигенты (77%) причем в большинстве дворянского происхождения – так же как народнических организациях 1870-х годов³⁰.

Как следует из приведенного выше краткого обзора, силы вестернизации в России были достаточно велики. «Однако, – пишет фон Лауэ, – с самого начала этот внушительный фронт разделяла невидимая трещина: традиционный барьер между образованными слоями, с одной стороны, и крестьянами и работниками – с другой»³¹. «В то время как верхние слои российского общества ориентировались на Запад, невежественный и суеверный крестьянин сохранял свои традиционные привычки. В глубине своего сердца он хранил инстинктивное подозрение, если не ненависть, к своим европеизированным господам, поскольку, в прошлом, начиная с Петра Великого, вестернизация России производилась за его счет»³². Наиболее важным фактором, формировавшим психологию крестьян, была сила традиции, приверженность крестьян к своим, русским, обычаям и к православной вере, утверждавшей превосходство русских над неправославными народами. Крестьяне и рабочие не доверяли интеллигентам, в которых они видели людей другой, чуждой народу культуры, одевающихся по-европейски и говорящих на своем, зачастую непонятном языке. Это недоверие долгое время препятствовало распространению в народе влияния радикальных партий, «народников», а потом эсеров и социал-демократов, которые, казалось бы, провозглашали народные лозунги, но были основаны прозападными интеллигентами (и дворянами) и выступали с вестернизаторских позиций. Однако постепенно, с распространением образования и городской культуры, сопротивление народных масс вестернизации уменьшалось.

5.2.2. Элита начинает наступление на государство

Как отмечалось выше (п. 4.2.1) во время больших войн механизм Сжатиya вызывает развитие кризиса по трем направлениям: во-первых, военные поражения приводят к потере авторитета власти и, таким образом, способствуют проявлению социальных конфликтов, во-вторых, невозможность

увеличения налогов с обедневшего населения вызывает трудности с финансированием военных расходов, эмиссию бумажных денег и гиперинфляцию; в-третьих, социальный раскол делает войска ненадежными и увеличивает риск восстаний солдат-крестьян. Русско-японская война не была «большой войной», и правительству удалось (за счет внешних займов) избежать финансового кризиса и инфляции, но другие из описанных проявлений кризиса имели место. Командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин отмечал «большую легкость», с которой солдаты сдавались в плен³³ – свидетельство ненадежности войск и нежелания воевать, позднее, в годы Первой мировой войны, «уходы в плен» примут характер эпидемии. Но наибольшее значение имело то, что поражения, понесенные на полях Маньчжурии, стали тяжелым ударом по авторитету власти³⁴.

В контексте теории модернизации военные поражения традиционных режимов не раз способствовали их падению и приходу к власти «модернизаторского руководства» – в качестве примеров можно привести падение Второй империи во Франции и крушение австрийского абсолютизма в 1860 году. Таким образом, события в России развивались по обычному европейскому сценарию: либеральная оппозиция воспользовалась падением престижа традиционной власти. В сентябре 1904 г. в Париже состоялась конференция, на которой «Союз освобождения» договорился с эсерами о совместных действиях по свержению самодержавия, вплоть до проведения террористических актов. Для оценки роли войны в дестабилизации политической системы существенно, что проведение конференции субсидировалось японской разведкой, причем В. Коупленд полагает, что это не было тайной для «освободителей»³⁵. Вполне естественно, что Япония была заинтересована в поддержке русской оппозиции, а либералы, со своей стороны, откровенно радовались победам Японии и поражениям русской армии; немецкий журналист Гуго Ганц писал из Петербурга, что общей молитвой либералов было: «Боже, помоги нам быть разбитыми!»³⁶

Чувствовавший себя неуверенно после гибели Плеве Николай II передал пост министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому, который проявлял склонность пойти на уступки оппозиции. 6-9 ноября по инициативе «Союза освобождения» был проведен Земский съезд; на съезде присутствовали 32 (из 34) председателя губернских управ, 7 предводителей дворянства, 7 князей, несколько графов и баронов. Подавляющим большинством голосов было принято требование создания законодательного выборного представительства. Представитель съезда Родзянко в беседе со Святополк-Мирским прямо угрожал, что если не будет представительства, то «будет кровь»³⁷.

После съезда в поддержку его решений началась «банкетная компания»; как отмечает Р. Пайпс, при этом, несомненно, был использован опыт французской революции 1848 года³⁸. «Союз освобождения» рекомендовал всем участникам митингов-«банкетов» принимать одни и те же резолюции с требованием созыва Учредительного собрания. В 34 городах состоялась

120 собраний, в которых участвовало свыше 50 тыс. представителей интеллигенции и дворянства. В конце ноября резолюцию, близкую резолюции земцев, принял состоявшийся в Москве съезд предводителей дворянства. Это означало, что под воздействием западных идей и ухудшения своего материального положения большая часть дворянства идет на прямую конфронтацию с теряющей свой авторитет самодержавной монархией³⁹.

В министерствах и в непосредственном окружении императора влияние оппозиции становилось все более сильным⁴⁰. В начале декабря Святополк-Мирский предложил программу реформ, включающую введение выборных представителей в Государственный Совет. На совещании 2 декабря царь ответил на предложение Мирского в этактистском духе, что «власть должна быть тверда и что во всех разговорах земцев он видит только эгоистическое желание приобрести права и пренебрежение к нуждам народа»⁴¹. «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, – поясняет Витте, – но оно хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним»⁴².

Таким образом, царь и представители этактистской бюрократии полагали (и, по-видимому, справедливо), что на данной стадии движение развивается по инициативе интеллигенции и части дворянства и в основе его лежат групповые интересы. Теоретически такое развитие событий может быть объяснено как совместное действие диффузионного и демографического фактора. «Сжатие в элите» толкало часть дворянства на путь к оппозиции, а прогрессирующая вестернизация придавала силы растущей интеллигенции; падение авторитета самодержавия в результате военных поражений придавало силы обеим оппозиционным группировкам, побудило их объединиться и перейти в наступление на монархию.

5.2.3. Элита обращается за поддержкой к народу

Одновременно с организацией Земского съезда оппозиция предприняла попытки организации демонстраций. В первую очередь, была развернута агитация среди студентов – массовой базы интеллигенции. 5 декабря оппозиция организовала многотысячную демонстрация студентов в Москве; шествие направлялось к резиденции генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича; когда оно было остановлено полицией, то из толпы раздались выстрелы; полиция в свою очередь, открыла стрельбу, несколько человек было убито, многие ранены⁴³. Как полагает В. В. Кавторин, выстрелы из толпы были провокацией⁴⁴, по-видимому, заимствованной из опыта европейских революции 1848 года.

Святополк-Мирский осудил действия московского обер-полицейстера Д. Ф. Трепова по разгону демонстрации 5 декабря. В ответ великий князь Сергей Александрович срочно прибыл в Петербург, где еще продолжалось обсуждение программы реформ Мирского. Великий князь обвинил министра внутренних дел в покровительстве оппозиции и в измене престолу. В результате пункт о введении выборных был вычеркнут из проекта реформ,

а Святополк-Мирский был вынужден подать в отставку (которая была отсрочена царем на месяц)⁴⁵.

Указ, изданный после совещания, обещал ввести государственное страхование рабочих, разработать меры по «устроению крестьянской жизни» и т.д.⁴⁶. Царь как будто искал поддержки у традиционалистски настроенного народа против наступающей вестернизированной оппозиции. До этого момента народ оставался в стороне от развивающегося конфликта. Хотя Сжатие в низших классах продолжалось, положение трудящихся масс в 1904 году все же немного улучшилось: урожай был хорошим, в промышленности происходило оживление, массовые увольнения прекратились, и правительство не ожидало новой волны стачек⁴⁷.

Между тем, оппозиция убедилась, что земский съезд, «банкетная компания» и демонстрации студентов не оказали нужного воздействия на власть, что необходимо привлечение к борьбе народных масс. Это означало, что необходимо использовать существующие социальные конфликты – и в частности, борьбу рабочих за улучшение своего положения. При этом в традициях 1848 года был использован метод политической провокации; результатом этой провокации стало «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года. Поскольку оценки событий 9 января 1905 года достаточно противоречивы, то автору пришлось провести конкретно-историческое исследование с привлечением источников⁴⁸. Выводы этой работы в общих чертах совпадают с выводами, сделанными директором департамента полиции А.А. Лопухиным в докладе министру внутренних дел: деятели «Союза освобождения» сумели подчинить своему влиянию руководителя питерских рабочих священника Гапона, и Гапон включил в петицию, которую рабочие желали представить царю, требования либеральной оппозиции. «Петиция эта большинству забастовщиков осталась неизвестной, и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести царю челобитную о своих нуждах и малом заработке»⁴⁹.

П. Б. Струве впоследствии признавал, что революцию «делали» интеллигенты и «делали плохо». «В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что *в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация...*» (курсив наш – С. Н.)⁵⁰.

Таким образом, интеллигенции и оппозиционной части дворянства удалось инициировать новое обострение конфликтов традиционного общества. Такое развитие событий в целом соответствует теоретическим положениям: как в демографически-структурной теории, так и в теории вестернизации революцию начинают высшие классы, которые втягивают народ в противостояние с властями. Современники оценивали события аналогичным образом: В. И. Ленин, например, писал, что «в периоды революционных кризисов массы пробуждаются к самостоятельным историческим выступлениям, как всей обстановкой кризиса, так и самими верхами...»⁵¹

«Кровавое воскресенье» вызвало вспышку рабочих волнений. Однако эпицентр этих волнений находился не в русских губерниях, а в Польше и в Литве – там, где любое недовольство многократно усиливалось националистическими настроениями. Поляки и литовцы в это время были до крайности возбуждены призывом в русскую армию для участия в войне на Дальнем Востоке; доля уклонившихся от призыва составляла от 11% в Польше до 28% в Литве⁵². 14 января в Варшаве из толпы демонстрантов стали стрелять по полиции; полиция ответила огнем, после чего начались беспорядки, продолжавшиеся три дня. По официальным данным в эти дни погибли 61 «бунтовщик» и несколько полицейских. В Лодзи бастовало 70 тыс. рабочих и также имели место кровопролитные столкновения с полицией. В Москве число единовременно бастовавших не превышало 20 тыс. человек; забастовка продолжалась около недели и обошлась без столкновений. В промышленной Владимирской губернии, где насчитывалось 140 тыс. фабричных рабочих, бастовало только 8 тыс. человек. При этом нужно учесть, что забастовщики применяли метод полунасиленного «снятия» с работы рабочих других заводов, и полиции приходилось брать под охрану предприятия, где рабочие желали продолжать работу. Кроме того, примерно половина забастовщиков выставляла экономические требования, не связанные с событиями 9 января⁵³.

Признавая масштабы волнений, С. Ю. Витте все-таки довольно оптимистически оценивал ситуацию; он говорил, что 80% народа еще не затронуто революционной пропагандой, и советовал царю опереться на народ и на армию⁵⁴. Чтобы успокоить рабочих, была создана «Комиссия для выяснения причин недовольства» под председательством сенатора Н. В. Шидловского; в эту комиссию приглашались выборные от рабочих. 24 января на совещании промышленников министр финансов В. Н. Кокорцев объявил о намерении правительства приступить к разработке рабочего законодательства. Однако уступки рабочим вызвали недовольство промышленников, которые стали выступать в поддержку либеральных реформ⁵⁵.

Вспышка рабочих волнений произвела большое впечатление на правящую бюрократию и усилила позиции либералов в правительстве. 17 января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов предупредил царя о том, что власть не может считать дворянство своей опорой. «В самом дворянстве происходит раскол, – говорил министр, – земские собрания, несмотря на преобладание дворян, не получили того консервативного направления, которого от них ожидали, а скорее – наоборот». Ермолов предупреждал, что нельзя полагаться на войска, которые могут отказаться стрелять в беззащитную толпу, что с каждым выстрелом возрастает опасность покушений на жизнь императора. Чтобы успокоить оппозицию, говорил Ермолов, необходимо вернуться к вопросу о выборном представительстве⁵⁶.

Граф Бобринский свидетельствует, что «страшно испуганные наступлением революции, великие князья теперь отбросили всякую спесь», что «в министерских сферах тоже перепугались и ждут исхода»⁵⁷. Этот испуг

имел некоторые основания: эсеры угрожали отомстить за расстрелы; 3 февраля 1905 года бомбой террориста был убит вел. кн. Сергей Александрович. Хорошо осведомленный А. А. Лопухин утверждал, что именно страх, появившийся после гибели Сергея Александровича, заставил Николая II пойти на уступки⁵⁸.

Еще одним фактором, действовавшим в поддержку либералов, стало вмешательство Европы: 24 января Вильгельм II «дружески посоветовал» Николаю II учредить собрание земских представителей для подготовки законопроектов. 4 февраля германский император прислал царю подробный обзор того, что думает о России «так называемый цивилизованный мир»; одновременно он обратился к «кузине» Марии Федоровне (вдовствующей императрице) с просьбой повлиять на сына⁵⁹.

Наконец, важную роль сыграл финансовый кризис. В начале войны правительство, ввиду крайнего напряжения платежных сил населения, признало невозможность увеличения прямых налогов. С другой стороны, опасаясь недовольства элиты, оно не решалось ввести подоходный налог на состоятельные слои населения. Война финансировалась в основном за счет внешних займов, и затруднения с их получением могли привести к финансовому кризису⁶⁰. В начале февраля в Петербург с полуофициальной миссией прибыл организатор французских займов для русского правительства, влиятельный банкир Эд. Нецлин; предупредив о возможных трудностях в получении займов, он также рекомендовал царю сделать уступки либеральной оппозиции⁶¹. Отвечая Нецлину, Николай I заявил, что серьезно думает о реформах⁶².

Совокупное действие всех перечисленных выше факторов привело к тому, что Николай II согласился на создание выборного представительства – причем, по мнению Б. В. Ананьича, вопрос о французском займе играл если не решающую, то, по крайней мере, значительную роль⁶³. 18 февраля 1905 года в рескрипте на имя нового министра внутренних дел Булыгина царь объявил о своем намерении отныне «привлекать... достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений...»⁶⁴. Рамки компетенции выборного представительства предстояло определить учреждаемому под председательством Булыгина «особому совещанию».

Таким образом, хотя масштабы инициированной оппозицией вспышки рабочих волнений были меньшими, чем ожидалось, оппозиции удалось добиться от самодержавия существенных уступок. В значительной степени – в соответствии с теорией вестернизации – этот успех объяснялся поддержкой оппозиции со стороны европейских правительств и общественности западных стран. Большую роль сыграли и финансовые трудности правительства: согласно демографически-структурной теории, государство в период Сжатия должно испытывать финансовый кризис. В начале 1905 года правительство было весьма чувствительно к вопросу о заключении займов и было вынуждено следовать «пожеланиям» Запада. Напомним,

что в 1847 году в результате такого же финансового давления прусский король обещал создать Соединенный ландтаг.

5.2.4. Политическая борьба весной и летом 1905 года

Правые фракции либералов приветствовали эти уступки самодержавия, и уступки на время ослабили давление оппозиции. Рабочие протесты также шли на спад, по сравнению с январем в марте число участников политических забастовок уменьшилось более чем в десять раз⁶⁵. Однако в феврале в политическую борьбу вмешался новый мощный фактор: в Черноземном регионе начались крестьянские волнения. Масштабы волнений пока были меньшими, чем в 1902 году, но крестьяне действовали более решительно: во многих случаях разгромленные усадьбы были затем сожжены. Как и в 1902 году, крестьянское движение было направлено не против царя, а против помещиков (многие из которых были либералами)⁶⁶. Правительство сразу же отреагировало на начало крестьянского движения: была частично снята задолженность по продуктовым долгам (выросшая после голода 1892 года до размеров, превосходивших недоимки по выкупным платежам)⁶⁷.

П.Н. Милоков писал, что в то время «революционное движение далеко не успело проникнуть в массы, его роль заменяла “симуляция революции” интеллигентами...»⁶⁸. Поэтому левое крыло либералов сделало решительный шаг, чтобы привлечь народные массы к борьбе. На съезде «Союза освобождения», состоявшемся 25-28 марта, в программу Союза было впервые внесено требование «нового наделения безземельных и малоземельных крестьян государственными... землями, а где их нет – частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель». В этой программе нашлось место и требованиям рабочих, и в частности, необходимости введения 8-часового рабочего дня. В отношении обещанного царем представительства говорилось, что выборы в него должны осуществляться путем всеобщей и равной подачи голосов. Таким образом, по мере обострения борьбы программа «Союза освобождения» приобретала радикальный характер. Важным направлением деятельности «Союза» стало создание профессиональных организаций в той среде, в которой функционировали «освобожденцы», – то есть в среде интеллигенции. Весной 1905 года были созданы союзы врачей, учителей, адвокатов, железнодорожных служащих и т. д.; все эти организации были объединены в «Союз союзов»⁶⁹.

Судя по общим данным о числе забастовщиков, рабочее движение в мае-июле несколько оживилось. Однако центр его находился по-прежнему в Польше: в Лодзи 9-11 июня бастовало 70 тыс. рабочих, шли баррикадные бои, число убитых «бунтовщиков» превышало 200 человек. В мае-июне бастовали более 30 тыс. текстильщиков Владимирской губернии; в Петербурге 9 июля была проведена стачка в память погибших 9 января; в стачке участвовало 35 тыс. рабочих, но это была лишь однодневная акция⁷⁰. Как отмечает С. Шварц, в целом для забастовок этого периода были характерны экономические требования⁷¹. Что касается крестьянского движения, то

летом было много конфликтов на почве потрав и покосов, но случаи «разборки» помещичьих имений были единичными.

Разгром при Цусиме нанес новый удар по авторитету самодержавия, и в обстановке смятения правительство одно время обсуждало вопрос о немедленном созыве Земского собора – но затем этот проект был оставлен⁷². Было решено пойти на мирные переговоры с Японией; это решение было обусловлено также и усугубившимися финансовыми проблемами: переговоры о кредитах сорвались, и стало ясно, что, по словам Витте, дальнейшее ведение войны возможно только «ценою полного финансового, а затем и экономического краха»⁷³. Таким образом, вновь, как и в период Крымской войны, выяснилось, что Россия не может вести войну в обстановке внутреннего конфликта, Сжатия и порожденного им финансового кризиса.

Период до августа 1905 г. проходил под знаком ожидания результатов работы булыгинского «совещания» по подготовке законов о будущей Думе. В июле 1905 г. состоялась серия правительственных совещаний в Петергофе, на которых обсуждался законопроект о Думе. Правительство искало для себя будущую думскую опору, и в этой связи высказывались суждения о расколе элиты и о ненадежности опоры на дворянство⁷⁴. Власти сочли, что основная масса крестьян еще не затронута революционной агитацией, и представители крестьян должны были составить 43% выборщиков депутатов в будущую Думу. 34% выборщиков должны были принадлежать к землевладельческой курии и 23% – к городской⁷⁵. «Расчет все явственнее сводился к тому, чтобы поставить перед ведущими пугурм самодержавия силами крестьянскую Думу и прикрыть ею власть», – писал Ю. Б. Соловьев⁷⁶. Таким образом, правительство рассчитывало создать в Думе традиционалистское, преимущественно крестьянское, большинство и противопоставить его вестернизированной интеллигентско-дворянской оппозиции.

6 августа был опубликован Манифест о Государственной думе; из манифеста следовало, что Дума будет избираться через многоступенчатую систему выборов и иметь совещательный характер. Введение имущественного ценза лишило избирательных прав практически всех рабочих. «Союз союзов» еще в июле призвал к бойкоту Думы и к устройству массовых протестов. Однако массовых народных протестов не последовало; по сравнению с летними месяцами активность рабочего и крестьянского движения в сентябре заметно снизилась. Это успокаивало правительство. В то же время оставалось неясным, как поведет себя крестьянство. В конце сентября Витте на совещании министров предостерегал, что «студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянскою пугачевщиною» и предлагал для предотвращения крестьянского движения «тотчас по собрании Думы передать ей крестьянский вопрос»⁷⁷. Это была позиция этатистской группировки в правительстве, которая считала возможным пожертвовать интересами (в значительной части либерального) дворянства ради государственных интересов и традиционного

принципа «самодержавие, православие, народность». А. Я. Аврех называл этот курс «цезаризмом», и считал Витте главным проводником прокрестьянской «цезаристской» политики⁷⁸. «Тогда было признано, – писал С. Ю. Витте, – что держава может положиться только на крестьянство, которое по традиции верно самодержавию. Царь и народ!.. Поэтому такие архиконсерваторы, как Победоносцев, Лобко и прочие, все настаивали на преимуществах в выборном законе крестьянству»⁷⁹.

Таким образом, весной и летом 1905 года революционное движение (за исключением Польши) развивалось в сравнительно медленном темпе. В попытке привлечь на свою сторону крестьян и рабочих либеральная оппозиция сделала решительный шаг влево, но не получила ожидаемого отклика. Правительство по-прежнему рассматривало традиционалистское крестьянство как свою опору в борьбе с вестернизированной оппозицией и предоставило ему значительное число мест в Думе. При этом баланс сил рассчитывался не по сословным и классовым интересам, а по вектору противостояния вестернизированных и традиционалистских группировок – в полном соответствии с теорией фон Лауэ. Социальные конфликты, казалось, отступали на второе место перед процессами диффузии.

5.2.5. Государство отступает: манифест 17 октября

Между тем, либеральная оппозиция прилагала все усилия, чтобы снова вовлечь в борьбу массы. Находившийся под влиянием либералов Крестьянский союз призвал крестьян писать петиции и приговоры с требованиями, перечисленными в специально изданной листовке. Среди этих требований, помимо всеобщего избирательного права, появилось радикальное требование передачи всей земли тем, кто ее обрабатывает⁸⁰. В середине сентября собрался новый земский съезд, и в программу земцев были включены требования наделения крестьян землей за счет частичного выкупа земли помещиков, а также 8-часовой рабочий день. «В обиход вошло выражение латинского поэта, – писал Миллюков: “Если не смогу склонить высших (богов), двину Ахеронт (адскую реку)”»⁸¹. Под «Ахеронтом» разумелись революционные народные массы. Часть земцев, несогласная с этой тактикой, покинула съезд, а большинство приняло решение о созыве 12 октября нового съезда для создания конституционно-демократической партии⁸².

«Передаточным звеном» между либералами и народом по-прежнему были студенты. 3 сентября в Выборге состоялся студенческий съезд, на котором было принято решение «использовать высшие учебные заведения для революционной агитации и пропаганды в широких массах населения и предпринять меры к организации боевых отрядов...»⁸³. В течение сентября в Московском университете прошло несколько митингов, на которые приглашали рабочих. Эта агитация была одним из побудительных мотивов забастовки московских печатников, которая началась 19 сентября. К 4 октября в Москве бастовало около 12 тыс. фабричных рабочих⁸⁴.

Главную роль в организации октябрьской всеобщей стачки сыграл «Всероссийский железнодорожный союз» (ВЖС) – профсоюз железнодорожных служащих, входивший в созданный либералами «Союз союзов». Это был профсоюз инженеров, техников, управленцев; он насчитывал около 6 тыс. человек, что составляло примерно 15% железнодорожных служащих. Что касается рабочих (которых на железных дорогах насчитывалось 700 тысяч), то в ВЖС их практически не было⁸⁵.

Хотя съезд ВЖС еще в июле принял решение о проведении всеобщей забастовки, в Центральном бюро союза не было согласия относительно времени ее проведения; многие считали, что подходящий момент еще не наступил. Как и в событиях 9 января, существенную роль сыграла провокация. В первых числах октября в Петербурге собрался съезд ВЖС, посвященный созданию пенсионных касс. 5 октября в Центральное бюро в Москве неожиданно поступило (оказавшиеся ложным) известие об аресте всех депутатов, и бюро сразу же разослало телеграмму с призывом к стачке. Хотя члены ВЖС составляли лишь 1% всех железнодорожных рабочих и служащих, с началом забастовки остановились практически все железные дороги. Условия функционирования дорог были таковы, что для остановки движения достаточно было сбоя в работе какой-нибудь из технических служб, например диспетчерской, телеграфной и т. д. После остановки движения рабочие собирались на митинг; некоторые из них поддерживали забастовку, другие не поддерживали – но они не могли возобновить движение, и им приходилось «бастовать». Таким образом, считается, что в железнодорожной забастовке участвовали все 750 тыс. рабочих и служащих этой отрасли⁸⁶.

Остановка всех железных дорог послужила мощным импульсом к развертыванию забастовочной борьбы. На одних фабриках рабочие использовали ситуацию, чтобы предъявить свои требования; другие фабрики останавливались просто в результате прекращения подвоза сырья. Толпы забастовщиков врываются на еще работающие предприятия и принуждали рабочих присоединяться к стачке. По данным фабричной инспекции в октябре бастовало 519 тыс. рабочих – около трети всех фабричных рабочих России. Большинство бастующих требовало увеличения зарплаты и введения 8-часового рабочего дня, почти 2/3 из них выдвигали политические требования – вплоть до созыва Учредительного собрания. В выдвижении политических требований большую роль играла агитация студентов и социал-демократов; в университетах почти непрерывно проходили митинги с участием рабочих. В стачке участвовало 200 тыс. студентов и учащихся средних школ. 13 октября «Союз союзов» призвал к забастовке входившие в него профсоюзы служащих. Во всеобщей забастовке приняли участие 150 тыс. служащих государственных, городских, земских учреждений, 150 тыс. рабочих и служащих торговых предприятий и городского транспорта⁸⁷.

Таким образом, всеобщая стачка была инициирована либеральной интеллигенцией из ВЖС и «Союза союзов», но в дальнейшем развивалась стихийно⁸⁸. В Петербурге представители бастующих предприятий для ко-

ординации усилий создали Совет рабочих депутатов, затем такие советы были созданы и в некоторых других городах. 12 октября собрался учредительный съезд конституционно-демократическая партии, на котором кадеты заявили о поддержке всеобщей стачки. Во вступительной речи на съезде П. Н. Милюков отмежевался от «аграриев и промышленников», заявив о «идейном, внеклассовом» характере новой партии. В программе кадетов содержались требования, заявленные сентябрьским земским съездом и направленные на привлечение масс – положение о наделении крестьян землей и 8-часовом рабочем дне. Таким образом, левые либералы делали ставку на союз с низшими классами⁸⁹.

Положение правительства осложнял постоянный финансовый кризис. Французские банки медлили с предоставлением займа, и президент Франции Лубэ прямо говорил С. Ю. Витте, что «без системы представительства и конституции Россия более идти не может»⁹⁰. Под давлением обстоятельств шаг влево была вынуждена сделать и этактистская бюрократия. 9 октября С. Ю. Витте представил царю записку, в которой предлагал ему сделать выбор: либо ввести военную диктатуру и подавить стачку вооруженной силой, либо пойти на кардинальные уступки, в том числе, расширить функции Думы и избирательные права, законодательно уменьшить продолжительность рабочего дня, и, в качестве крайней меры, организовать выкуп помещичьих земель, арендуемых крестьянами. Великий князь Николай Николаевич, которому царь предложил взять на себя роль диктатора, отклонил это предложение, сославшись на ненадежность войск, и посоветовал царю принять программу Витте. 17 октября царь подписал манифест, в котором сообщалось о «даровании населению незыблемых прав гражданской свободы» и о том, что отныне никакой закон не может получить силу без санкции Думы.

Назначенный председателем Совета министров Витте вступил в переговоры с бастующими. Руководству ВЖС были даны обещания «принять решительные и безотлагательные меры» по улучшению быта железнодорожников, и 20 октября оно призвало к прекращению стачки. Вслед за прекращением забастовки железнодорожников приступили к работе и многие бастовавшие фабрики.

Конституция означала модернизацию по западному образцу, а модернизация неминуемо должна была встретить сопротивление традиционалистских сил. Основой национальной традиции была православная церковь, которая всячески противилась распространению либеральных идей – в особенности по вопросу о свободе вероисповедания. Хотя впоследствии церковь официально осудила погромы, после 17 октября многие епископы выступили с призывами поддержать царя в борьбе с «крамольниками». Соборы стали центрами организации «крестных ходов»; тысячи людей с иконами и портретами царя вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою поддержку православной монархии; священники шли во главе толп. Более чем в 100 городах между манифестантами и стачечниками произошли столкновения; так как манифестанты численно превосходили «кра-

мольников», то столкновения принимали характер погромов. Повсюду на улицах избивали студентов и интеллигентов; в Томске стачечники были окружены в одном из зданий железнодорожного управления, которое было затем подожжено. В южных городах манифестации вылились в еврейские погромы; общее число жертв составило около 1600 человек⁹¹.

В ноябре-декабре 1905 года традиционалистское движение оформилось политически – был создан «Союз русского народа», который впоследствии стали называть «черной сотней». Однако программа «Союза» не шла дальше старого лозунга «самодержавие, православие, народность»; «черносотенцы» ничего не обещали ни крестьянам, ни рабочим, поэтому они не пользовались поддержкой в деревнях и рабочих кварталах.

Подводя итоги событиям октября 1905 года, можно констатировать, что они в общих чертах укладываются в рамки теории вестернизации: не получив от правительства обещанных уступок, либеральная оппозиция снова попыталась поднять на борьбу народ и инициировать социальные конфликты традиционного общества. Теперь (в отличие от 9 января) она открыто, с помощью студентов, агитировала рабочие массы и провозглашала социальные лозунги: 8-часовой рабочий день и передача земли крестьянам. С помощью небольшого профсоюза железнодорожных служащих оппозиции удалось остановить железные дороги и вовлечь рабочих в массовую стачку. На политику правительства оказывала воздействие и угроза финансового кризиса, которая придавала убедительность «пожеланиям» западных финансистов и политиков. В конечном счете, правительство было вынуждено пойти на новые, более существенные уступки и удовлетворить основные требования оппозиции. Правительство пообещало либералам конституцию, но народные массы почти ничего не получили, социальные требования, с помощью которых оппозиция вовлекла в движение народ, остались без ответа.

Таким образом, «западники» одержали победу – но их торжество породило традиционалистскую реакцию. Церковь подняла народные массы в защиту православия и самодержавия, и по городам прокатилась волна погромов.

Что касается социальных аспектов борьбы, описываемых демографически-структурной теорией, то они присутствовали в октябрьских событиях на глубинном, втором, плане: Сжатие в элите побуждало часть дворянства поддерживать вестернизованную интеллигенцию, а Сжатие в народных массах побуждало их идти за теми, кто обещал им землю и 8-часовой рабочий день. Однако уже в ноябре 1905 года социальная борьба вышла на первый план.

5.2.6. Крестьянство вступает в борьбу

Всеобщая железнодорожная стачка привела в движение огромные массы рабочих – и она оказала такое же воздействие на крестьян. Для крестьян железная дорога с ее четкой дисциплиной была символом государственной мощи; остановка дороги означала поломку государственного механизма.

«Крестьяне, – вспоминал очевидец событий, – толпами сходились к линии, убеждались, что чугунка стоит, расспрашивали железнодорожников о причинах забастовки и, зараженные новыми идеями, возвращались в свои села и деревни. Вести о забастовке будоражили деревню»⁹². В. М. Гохленер, изучавший крестьянское движение в Саратовской губернии, установил, что оно начиналось в селах, расположенных близ железных дорог и затем распространялось в глубинные районы⁹³.

Социал-демократы и эсеры вели агитацию в деревнях, но ее роль до крайности преувеличивалась партийными историками. Т. Шанин, ссылаясь на данные полиции, отрицает роль партийной агитации в крестьянских волнениях⁹⁴. Действительно, в Саратовской губернии, к примеру, в первой половине 1905 года большевистские листовки распространялись от случая к случаю лишь в 50-60 селах – а сел в губернии насчитывалось несколько тысяч⁹⁵. О. Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности агитации в Белоруссии, которые, правда, относятся к более позднему периоду, к 1907-1914 годам. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место в 14 из 131 селения, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды⁹⁶. «Складно говорившие» агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!» – отмечает О. Г. Буховец⁹⁷.

Другое дело – «агитация», проводимая вернувшимися в родные места отходниками, многие из которых участвовали в рабочих забастовках и демонстрациях. «Документы показывают, что крестьяне-рабочие... – пишет Т. Шанин, – часто приносили информацию о революционных событиях или руководили крестьянскими общинами в борьбе 1905-1907 гг.»⁹⁸. Через отходников в деревню поступали известия о беспорядках в городах, и суть этой информации сводилась к тому же, о чем сигнализировала остановка железной дороги – это были свидетельства ослабления государственной власти.

Очевидное ослабление власти было важным фактором развития событий, однако *основными факторами были хроническое малоземелье крестьян и неурожай 1905 года*. Неурожай имел локальный характер. В целом по Европейской России душевой чистый сбор составил 23,3 пуда, а потребление – 18,4 пуда, что было лишь немногим ниже средних показателей. Но по семи губерниям Черноземья чистый сбор составил только 15,4 пуда, вдвое меньше среднего уровня предыдущего пятилетия. Тяжелое положение сложилось также в Поволжье, особенно в Саратовской губернии, где урожай 1905 года был в 2,5 раза меньше среднего⁹⁹. При этом нужно учесть, что крестьянам принадлежал не весь урожай, что часть зерна лежала в помещичьих амбарах и, как обычно, готовилась к отправке за границу. Весной, когда запасы подойдут к концу, миллионам крестьян угрожал голод, и единственным выходом было «разобрать» хлеб, хранящийся в помещичьих экономах.

П. Н. Першин подсчитал чистый сбор зерна и картофеля на крестьянских полях во всех уездах Европейской России и отметил на карте те уезды, в которых сбор не превышал 12 пудов на душу. В зоне голода проживало 30 млн. человек, она охватывала Черноземье, Поволжье, Белоруссию, Литву и восточную часть Центрального района¹⁰⁰.

Резонансное действие трех факторов, хронического малоземелья, неурожая и ослабления государственной власти привело к тому, что крестьянство восстало. Как показывает П. С. Кабытов, именно осенью 1905 года в действиях крестьян исчезают свойственная им ранее робость и нерешительность¹⁰¹. Поскольку действия карательных сил были парализованы железнодорожной забастовкой, то крестьяне стали хозяевами в сельской местности. Во времена прежних выступлений «бунтовщики» обычно ограничивались захватом зерна в помещичьих экономиях, теперь же они, забрав зерно, сжигали поместья¹⁰². Восстание охватило, в основном, Черноземье и Поволжье. По данным МВД, в октябре-декабре 1905 года было разгромлено в общей сложности около 2 тыс. помещичьих имений (1/15 всего их числа), размеры убытков помещиков составили 29 млн. руб. В некоторых районах, например, в Балашовском уезде Саратовской губернии, были уничтожены буквально все помещичьи усадьбы. В Саратовской губернии за время революции было разрушено 2/5 всех поместий и потери помещиков оценивались в 9,6 млн. руб., в Самарской губернии ущерб составил 3,9 млн. руб., в Курской – 3,1 млн. руб., в Черниговской – 3,0 млн. руб., в Тамбовской – 2,5 млн. руб.¹⁰³ Генерал Сахаров, командовавший карателями в Саратовской губернии, отмечал, что «побудительной целью движения служит желание захватить хлеб в амбарах, так как губернию постиг в нынешнем году страшный голод», что восстание бушевало в малоземельных уездах, и почти не затронуло многоземельные районы¹⁰⁴. «В большинстве случаев крестьяне объясняли свое участие в движении тем, что они хотели есть, – писал С. Н. Прокопович. – Часто они ограничивались одним увозом хлеба и сена. Осенью 1905 года, когда начался голод в неурожайных местах, а помощи ни откуда не было, крестьяне решили спастись от голодной смерти “общим согласием”. Во многих местах разобраны или дележка помещичьих экономий была совершена по приговорам сельских обществ»¹⁰⁵. Если выносился такой приговор, то крестьяне внимательно следили, чтобы в разгроме усадьбы участвовали все, даже женщины и дети¹⁰⁶. Как отмечает Л. Т. Сенчакова, «общество» и «волость», общинный и волостной сход, были готовыми формами организации крестьян, которые использовались ими в борьбе с помещиками. Однако выше уровня волости крестьянская организация практически не поднималась; случаи, когда крестьяне объединялись всем уездом, чтобы воевать против помещиков всего уезда, были очень редкими¹⁰⁷.

Борьба носила, в основном, местный, локальный характер, каждая деревня воевала со «своим» помещиком, пытаясь заставить его задешево распродать крестьянам свои земли и уйти. Разгромив усадьбу своего помещика, крестьяне обычно успокаивались и ждали, что будет дальше. При

этом, несмотря на впечатляющие масштабы разрушений, восстание было отнюдь не всеобщим и не повсеместным. Для Воронежской губернии, например, подсчитано, что в восстании принимали участие жители 243 из 2509 сел и деревень, то есть им была охвачена только десятая часть населенных пунктов. Но и в восставших деревнях далеко не все жители участвовали в борьбе. По материалам следствия о разгроме имений в Дмитриевском уезде Курской губернии (февраль 1905 года) в волнениях принимало участие 40 общин с населением в 10 тыс. человек, но активно участвовали только 1368 человек¹⁰⁸.

Крестьянское восстание было стихийным и неуправляемым, и собравшийся в ноябре съезд Крестьянского союза не пытался говорить от лица восставших. Однако выступления на этом съезде и его решения позволяют выяснить настроения крестьянства. Депутаты требовали свободы слова и собраний, но при этом они по-прежнему не выступали против царя, обвиняя во всем министров и чиновников. По мнению многих исследователей, крестьяне больше интересовались экономическими вопросами, чем политическими¹⁰⁹. Как доказывает Т. Шанин, крестьянское восстание было выступлением, не зависимым от борьбы в городах, оно имело свои цели и свои причины¹¹⁰. В городах происходила, по терминологии Т. фон Лауэ, «революция извне», – в деревнях началась Крестьянская война.

«Самая серьезная часть русской революции 1905 г., – писал Витте, – конечно, заключалась не в фабричных, железнодорожных и тому подобных забастовках, а в крестьянском лозунге “Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники” – лозунге, осуществления которого начали добиваться силой»¹¹¹.

Однако крестьянская война 1905 года не походила на «пугачевщину». Как ни странно, восстание было почти бескровным, крестьяне громили помещичьи усадьбы, но не трогали помещиков и, по мере возможности, избегали столкновений с властями. Когда в деревню приходили войска, им не оказывали активного сопротивления – потому что безоружные крестьяне попросту не могли сопротивляться вооруженной силе. В действиях крестьян просматривалось желание не доводить борьбу до кровопролития. Это желание проявилось также в том, что съезд Крестьянского союза высказался против вооруженного восстания и не одобрил разгрома поместий, считая крайним средством борьбы сельскую забастовку и отказ от уплаты податей¹¹². В действиях крестьян кое-где еще проглядывала вера в царя – но правительство применяло для подавления волнений самые жестокие меры, в некоторых случаях даже артиллерию. Министр внутренних дел Дурново 31 октября 1905 года отдал приказ, в котором призывал карателей действовать «круто и сурово»¹¹³.

Крестьянское восстание означало, что в революцию вовлекаются глубинные пласты общества, огромные массы сельского населения. Однако революционный процесс не остановился на этом – он продолжал расширяться, вовлекая в себя последний оплот самодержавия – армию. Армия состояла в основном из крестьян, поэтому массовые крестьянские

волнения неминуемо передавались и в солдатскую среду. Первая бунтарская вспышка произошла еще в июне – это было восстание на броненосце «Потемкин». Во время всеобщей стачки отмечалось невиданное прежде явление – массовое участие солдат в митингах и демонстрациях. В конце октября и в ноябре имели место 5 вооруженных солдатских митингов, 6 вооруженных демонстраций и 7 вооруженных солдатских выступлений, сопровождавшихся борьбой с правительственными войсками. 26-27 октября произошло вооруженное восстание в Кронштадте; 12-17 ноября – в Севастополе; 2-3 декабря происходили волнения в московском гарнизоне¹¹⁴.

Таким образом, в ноябре 1905 года в деревне началась полномасштабная социальная революция. В значительной степени эта революция была инициирована подготовленной либералами октябрьской стачкой, большую роль сыграл случайный фактор – неурожай в черноземных областях, но главной, глубинной причиной было малоземелье, перенаселение и Сжатие – процессы, описываемые демографически-структурной теорией. Теперь эти процессы вышли на первый план.

5.2.7. Элита переходит на сторону государства

Крестьянское восстание вызвало огромную тревогу в правительственных сферах: становилось ясно, что революция распространяется на огромные крестьянские массы. Д. Ф. Трепов в срочном порядке представил царю проект наделения крестьян посредством принудительного отчуждения помещиков половины земли. Трепов настаивал, чтобы о новой «Великой реформе» возвестил сам царь и притом немедленно, однако Николай II отправил проект С. Ю. Витте, а Витте полагал, что закон должна принять Дума и в ожидании ее созыва поручил доработку проекта главноуправляющему землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлеру. В качестве немедленной меры было принято решение о сложении выкупных платежей. Это была существенная уступка властей, царь практически полностью (за исключением маленького поземельного налога) снимал с крестьян центральные прямые налоги; теперь крестьяне платили только местные, мирские и земские подати, и в целом прямое обложение крестьян уменьшилось более чем вдвое¹¹⁵. Кроме того, было решено облегчить покупку помещичьей земли крестьянами с помощью ссуд Крестьянского банка.

Восстание крестьян и слухи о готовящейся реформе вызвали панику среди дворянства. 17 ноября 1905 года 277 крупнейших помещиков 33 губерний срочно съехались в Москву на совещание, на котором было объявлено о создании Союза землевладельцев. Союз обвинил Витте в «недостойной политике, опирающейся на революционные силы» и потребовал немедленно «успокоить и водворить мир в сельских местностях», используя власть, «не ограниченную в средствах суда и расправы». Одновременно была организована придворная агитация против проекта Кутлера, а группа гвардейских офицеров (в традициях екатерининских времен) составила заговор с целью устранения Витте¹¹⁶.

Витте действительно медлил с «судом и расправой» и не вводил военного положения. «Помню недоумение, которое долго возбуждало поведение Витте, – вспоминал В. А. Маклаков. – Он бездействовал, давая революции разрастаться»¹¹⁷. Премьер-министр пытался остановить революцию, заключив соглашение с либералами. В середине ноября состоялся очередной земский съезд, оказавшийся последним. Либеральная «общественность» окончательно раскололась; правые либералы создали партию «октябристов» и заявили о поддержке правительства; левые либералы (кадеты) продолжали настаивать на прямом и равном избирательном праве, но намеревались вести дальнейшую борьбу парламентскими средствами. Кадеты уже не поддерживали демонстраций и забастовок – и пугались мысли о возможности вооруженного восстания. Правда, не вошедшая в партию кадетов группировка либеральной интеллигенции из «Союза освобождения» вместе с «Союзом союзов» по-прежнему выступала за сотрудничество с социал-демократами и революционные методы борьбы¹¹⁸.

Таким образом, издание манифеста 17 октября и крестьянское восстание вызвали перегруппировку политических сил. С одной стороны, началась реакция: на правом фланге происходила консолидация нелиберальной части дворянства и традиционалистских монархических группировок типа «Союза русского народа». С другой стороны, инициировавшая революцию либеральная группировка раскололась на три части: «октябристы» помогли правительству остановить революцию, «кадеты» отошли от внепарламентской борьбы, и лишь левая интеллигенция продолжала борьбу в союзе с социал-демократами. В то же время вовлеченные либералами в борьбу рабочие пока ничего не получили от революции и были полны решимости добиваться Учредительного собрания, равных избирательных прав, но главным образом – 8-часового рабочего дня. Крестьяне, вовлеченные в борьбу либералами и рабочими, по-прежнему требовали земли.

Процесс отхода либералов от инициированной ими борьбы и перехода части из них в лагерь противника является достаточно типичным для «революций вестернизации» и хорошо изучен на примере революций 1848 года. «С момента появления баррикад в Париже все умеренные либералы... стали потенциальными консерваторами, – писал Э. Хобсбаум. – По мере того, как умеренное мнение более или менее быстро изменилось или вовсе исчезло, рабочие... остались одни или, что даже более фатально, столкнулись с союзом консервативных и бывших умеренных сил со старыми режимами: “партией порядка”, как называли это французы»¹¹⁹. Таким образом, «западники», добившись удовлетворения своих требований, прекратили активную борьбу. То течение русской революции, которое можно отождествить с «революцией вестернизации», на этом практически закончилось – продолжающаяся (и нарастающая) революция носила теперь чисто социальный характер. Перед лицом этой социальной революции часть «западников» объединилась с традиционалистами для борьбы против наступающих народных масс.

5.2.8. Народ терпит поражение

Октябрьская стачка не дала рабочим того, что они требовали: 8-часовой рабочий день и увеличение заработной платы. Поэтому на петербургских фабриках началось движение за введение 8-часового дня явочным путем: проработав 8 часов, фабричные прекращали работу и шли «снимать» рабочих других предприятий. В ответ предприниматели по соглашению с правительством объявили грандиозный локаут: 72 петербургских завода прекратили работу; 100 тысяч рабочих остались без средств существования¹²⁰. Таким образом, новый кризис был неизбежен. До конца ноября в Петербурге существовало своего рода «двоевластие» правительства и Петербургского Совета, который опирался на Советы в других городах и явочным порядком вводил на предприятиях 8-часовой рабочий день. 27 ноября Петербургский Совет призвал всех граждан не платить налоги, изымать вклады из сберегательных касс и требовать расчета только золотой монетой. Среди вкладчиков началась паника; за месяц из касс было изято 110 млн. руб., налоги почти не поступали, правительство снова находилось на грани банкротства – финансовый крах был отсрочен лишь займом в 100 млн. руб., предоставленным французскими банками в конце декабря¹²¹. Этот заем был в известной степени отражением произошедшей перегруппировки политических сил: западные банкиры и политики вслед за русскими «западниками» стали оказывать поддержку новому правительству.

К началу декабря перегруппировка политических сил усилила позиции правительства, и оно перешло в наступление; 3 декабря Петербургский Совет был арестован в полном составе. В Москве и в ряде других городов советы призвали к всеобщей забастовке, которая по замыслу социал-демократов должна была перейти в вооруженное восстание. Однако рабочие теперь боролись практически в одиночестве: либералы вышли из борьбы, лидер кадетов П. Н. Милюков осудил призыв к новой стачке как «преступление против революции». В стачке приняла участие лишь небольшая часть служащих, входивших в «Союз союзов» (всего лишь 30-40 учреждений). Количество бастовавших рабочих достигло 433 тыс., но в целом стачка имела меньшие масштабы, чем в октябре¹²².

Однако распространение революционных настроений на армию, казалось, могло дать рабочим шанс на победу. В начале декабря в частях московского гарнизона происходили волнения, и, когда 9 декабря началось восстание в Москве, у генерал-губернатора Ф. В. Дубасова было лишь 1350 верных солдат. Но и численность восставших была невелика – около 2 тысяч вооруженных дружинников (среди них 250-300 студентов). Союз железнодорожников (ВЖС) принял участие в забастовке, и движение было вновь парализовано, что затруднило действия правительственных войск. Однако через несколько дней военные сумели наладить работу Николаевской железной дороги, по которой из Петербурга в Москву был переброшен гвардейский Семеновский полк. С прибытием подкреплений правительственные войска перешли в наступление, и 17-18 декабря восстание было подавлено. Массовые аресты рабочих активистов нанесли удар по

руководству всеобщей стачки, и вскоре она прекратилась. Затем были проведены массовые увольнения участников выступлений; весной 1906 года в Петербурге число безработных достигло 40 тыс., в Москве – 20 тыс., по всей России – около 300 тыс. человек; что составляло примерно пятую часть общей численности фабричных рабочих¹²³.

В деревне в ноябре и декабре продолжались массовые выступления, сопровождавшиеся разгромом помещичьих имений. Если в октябре, по данным С. М. Дубровского, было зафиксировано в общей сложности 219 выступлений, то в ноябре – 796, а декабре – 575¹²⁴. В декабре по всей сельской местности свирепствовали карательные экспедиции; в Саратовской губернии (где размах волнений был наибольшим) было казнено по суду и без суда 379 участников выступлений, сотни людей были сосланы в ссылку. Обычная практика карателей заключалась в том, что кавалерия окружала общинный сход и крестьян угрозами и массовыми порками принуждали к выдаче «зачинщиков»; после этого арестованных гнали на железнодорожную станцию и отсылали в Сибирь. В начале 1906 года восстания были в основном подавлены. В январе число выступлений упало до 179, а в феврале – до 27¹²⁵.

В подавлении восстаний большую роль сыграла пропаганда кадетов, которые уговаривали рабочих и крестьян перенести борьбу на легальную, парламентскую основу. В конечном счете, оставшись без союзников, рабочие и крестьяне потерпели поражение. Поддерживавшая их левая интеллигенция была деморализована; в учреждениях осуществлялись массовые увольнения «левых». Многие левые интеллигенты отошли от борьбы; часть ушла к кадетам, «Союз союзов» прекратил существование. Студенческое движение было парализовано закрытием университетов (они открылись только в сентябре 1906 года)¹²⁶.

Подводя итоги краткому описанию декабрьских событий, можно отметить, что эти события развивались по описанной Э. Хобсбаумом классической модели революций 1848 года: после отхода либералов от революции она приняла чисто социальный характер; оставшись в одиночестве, рабочие восстали в защиту своих прав и потерпели поражение. Социальный конфликт развивался по линии, намеченной демографически-структурной теорией: Сжатие в народе привело в восстанию как в городах, так и в деревнях. Политический кризис сопровождался финансовым кризисом, однако последний был нейтрализован внешними займами. Это в значительной степени помогло правительству сохранить управляемость административной машины и армии; армия в целом подчинялась приказам, и благодаря этому восстание было подавлено. Таким образом, революционный процесс остался незавершенным и не прошел всех фаз, описываемых демографически-структурной теорией.

5.2.9. Союз элиты и государства

В период рабочего восстания дворянство окончательно осознало ту опасность, которую несет ему революция, и отшатнулось от либералов.

С.Ю. Витте писал, что в начале революции «дворянство увидело, что придется делить пирог с буржуазией – с этим оно было согласно, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем, последний... только в сентябре 1905 г. проявился во всей своей стихийной силе... Вот когда дворянство и буржуазия увидели этого зверя, то они начали пятиться, то есть начал производиться процесс поправки...»¹²⁷

С конца 1905 года началось массовое изгнание либеральных дворян из земств. Либеральное земское дворянство, инициировавшее революцию вместе с интеллигенцией, так же как и интеллигенция, выходит из революционного процесса. Раскол дворянства преодолевается, происходит его консолидация на платформе решительной борьбы за сохранение своей собственности и против этактистских проектов наделения крестьян за счет помещиков. В начале января 1906 года собравшийся в Москве съезд предводителей дворянства предложил свою аграрную программу, включавшую переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения малоземельных крестьян на окраины. Съезд обратился к царю с ходатайством об отклонении проекта Кутлера¹²⁸. Дворянство защищало свои имущественные интересы, апеллируя к (не признаваемому крестьянами) принципу неприкосновенности частной собственности на землю. В противовес догме, Витте и Кутлер звали к реализму: «...слишком упорное отстаивание принципа частной собственности... может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего...», – говорилось в проекте¹²⁹. Николай II сделал выбор в пользу дворянства. 10 января царь собственноручно написал на докладе о проекте Кутлера: «Не одобряю. Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»¹³⁰. Этот символический акт означал, что монархия и дворянская элита объединяются на почве защиты помещичьего землевладения.

Н. Н. Кутлер был уволен в отставку, однако дворянство видело в главноуправляющем земледелия лишь исполнителя указаний С. Ю. Витте и требовало смещения премьер-министра. «Правительство Витте явно идет против высочайшей воли императора, вновь подтвердившего святость и неприкосновенность частной собственности», – говорилось в докладе февральского съезда «Союза землевладельцев»¹³¹. Действительно, при обсуждении Основных законов С. Ю. Витте горячо возражал против запрещения Думе касаться вопроса о принудительном отчуждении помещичьих земель. Главным аргументом Витте была сохранявшаяся угроза крестьянских восстаний, и ему удалось отстоять пункт о возможности отчуждения, но позиции премьера в борьбе с дворянством постепенно слабели¹³².

Правительство Витте держалось в значительной степени благодаря той моральной поддержке, которую ему оказывал Запад и которая проявлялась на переговорах о предоставлении кредитов. Для окончательного преодоления финансового кризиса требовалось заключить большой заем, и во время

переговоров французские политики снова выступали с «пожеланиями» в либеральном духе. 4 апреля в Париже было подписано соглашение о займе на 848 млн. руб.; это огромное финансовое вливание должно было обеспечить стабильность нового политического режима. Однако, как только заем был заключен, правительство Витте было уволено в отставку¹³³.

Процесс консолидации дворянства был оформлен на съезде уполномоченных дворянских обществ, состоявшемся в Москве 21-28 мая 1906 года. Съезд осудил деятельность «самозванных земцев» и «неуполномоченных» предводителей дворянства, выдвигавших либеральные требования весной 1905 года. В избранном съездом Совете Объединенного дворянства уже не было либеральных деятелей, и в направленном царю адресе дворянство снова присягнуло на верность самодержавию. Дворянство призывало царя защитить помещичье землевладение и настаивало на тех принципах решения аграрного вопроса, которые были сформулированы январским съездом предводителей дворянства. Члены Совета Объединенного дворянства должны были «обрабатывать» министров и, используя свое положение при дворе, добиваться принятия правительством дворянской программы¹³⁴. При этом важную роль играло то обстоятельство, что правительство и Государственный совет по большей части состояли из дворян, то есть дворянская элита еще сохраняла определенные возможности контроля над властью через ее персональный состав (мы говорили об этом выше, в п. 4.4.7).

Существенно, что консолидация дворянства проходила под традиционалистскими монархическими лозунгами. Почувствовав опасность социальной революции, дворяне оставили свои вестернизаторские устремления и перешли в лагерь традиционализма. «Патриоты»-дворяне создали «Русскую монархическую партию», насчитывавшую около 10 тыс. членов; другая патриотическая организация, «Русское собрание», включала до 2 тыс. человек, в том числе представителей высшей знати¹³⁵. Традиционалистское движение, таким образом, принимало дворянский и охранительный характер, причем оно было призвано охранять не только самодержавие и правослаvie, но и помещичье землевладение.

5.2.10. Контрнаступление государства

«Успокоение» масс было достигнуто в значительной мере за счет обещания созыва Думы, которая должна была рассмотреть требования всех недовольных. Закон о выборах в Думу был издан в разгар восстания, 11 декабря; он устанавливал, что крестьяне (как и в законе 6 августа) составят 43% выборщиков, землевладельцы – 32%, горожане – 22% и рабочие – 3%. Социал-демократы и эсеры в запале борьбы призывали бойкотировать выборы, и кадеты остались единственными представителями левой оппозиции. На выборах они обещали крестьянам – землю, рабочим – сокращение рабочего дня, и народные массы приняли активное участие в голосовании.¹³⁶

Открытие заседаний Думы состоялось 27 апреля. «Торжественно отпраздновала деревня день открытия Государственной думы, – писал со-

временник, – молебствия в церквях, красный колокольный звон, процессии с красными знаменами – символ победы»¹³⁷. Решимость добиться своих требований через Думу была велика, крестьяне говорили своим посланникам: «Иди и умри там со славой, иначе умрешь здесь со стыдом»¹³⁸. На выборах кадеты получали 38% мест в Думе, депутаты крестьян, впоследствии составившие группу «трудовиков», – 24% мест¹³⁹. В то же время выборы продемонстрировали слабость традиционалистских партий: они ничего не обещали народу и не получили думских мест.

Главным вопросом, обсуждавшимся в Думе, сразу же стал аграрный вопрос; кадеты предлагали частичное отчуждение помещичьих земель за выкуп, «трудовики» допускали возможность полного отчуждения без выкупа¹⁴⁰. Правительство отвергало всякое принудительное отчуждение и игнорировало работу Думы. Конфликт между правительством и Думой протекал на фоне усилившихся крестьянских волнений: в апреле было зафиксировано 47 крестьянских выступлений, в мае – 160, в июне – 739. Крестьянские волнения отражались также и волнениями в солдатской среде: в апреле было 4 солдатских выступления, в мае – 24, в июне – 84¹⁴¹.

Однако быстро выяснилось, что крестьянские депутаты, «трудовики», находятся в меньшинстве, и максимум того, что может дать Дума, – это частичный выкуп помещичьих земель. Кроме того, пришло время сева, и перед крестьянами встал вопрос: батрачить на помещика, как прежде, или продолжать начатое осенью восстание. Эти факторы и воздействие «думской агитации» привели к тому, что крестьяне снова поднялись против помещиков. Однако движение по-прежнему носило местный характер, каждая деревня вела свою «войну» с местным помещиком. Разгромов помещичьих усадеб теперь было относительно немного; основным методом борьбы стали сельскохозяйственные забастовки: крестьяне отказывались батрачить на помещика и не допускали до работы пришлых поденщиков¹⁴².

В 1906 году крестьяне боролись практически в одиночестве. Либералы и интеллигенция отошли от внепарламентской борьбы, рабочие были запуганы массовыми увольнениями и неохотно поднимались на забастовки¹⁴³. Правда, в апреле-мае количество стачечников несколько возросло, но эти цифры получены за счет однодневных первомайских стачек, и к тому же наибольшая активность забастовщиков отмечалась в Польше. Петербург и Москва участвовали в стачках гораздо менее активно; как пишет С. В. Тютюкин, «передовые отряды российского пролетариата и, прежде всего, рабочие крупнейших заводов нередко воздерживались от отдельных частных выступлений, экономя силы для решающего натиска»¹⁴⁴. В. И. Ленин ожидал, что пик крестьянского восстания будет достигнут летом 1906 года и советовал отложить до этого времени вооруженное восстание в городах. При этом крестьянское восстание (как доказывает Т. Шанин) развивалось независимо от борьбы рабочих или агитации партий¹⁴⁵. Таким образом, положение изменилось кардинальным образом: если в октябре 1905 года крестьяне шли за рабочими, то теперь рабочие собирались идти за крестья-

нами. Но только собирались: из планировавшегося выступления ничего не получилось.

Правительство было до крайности обеспокоено как требованиями Думы, так и подкреплявшим их крестьянским движением. В июне 1906 года этатистские круги предприняли еще одну попытку прийти к соглашению с оппозицией. Генерал Д. Ф. Трепов встретился с Милюковым и предложил ему участвовать в составлении «министерства доверия»; при этом Трепов выразил согласие как с требованием всеобщих и равных выборов, так и с требованием частичного отчуждения помещичьей земли. Однако (как показывает Р. Мэннинг), решающую роль сыграло вмешательство Совета объединенного дворянства, рекомендовавшего министру внутренних дел П. А. Столыпину распустить Думу. Консолидация дворянства привела к тому, что оно постепенно подчиняло себе правительство. 9 июля Первая Государственная Дума была распущена. В манифесте о роспуске Думы говорилось, что действия депутатов «смutilи» крестьян, которые перешли в ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества и неповиновению властям¹⁴⁶.

Столыпин ожидал, что роспуск Думы вызовет «общие беспорядки» и подготовил войска – но масштабы беспорядков оказались намного меньше ожидаемых. Собравшись в Выборге, депутаты разогнанной Думы обратились к населению с призывом о гражданском неповиновении, они призвали не платить налоги и не давать рекрутов. По мнению самих кадетов, это обращение было «жалким минимумом действий», оно было равнозначно отказу либеральной интеллигенции от борьбы. Социал-демократы и эсеры призвали к всеобщей забастовке; забастовка началась 24 июля, но не приняла всеобщего характера, проходила вяло и закончилась через несколько дней. Многие большие заводы отказались примкнуть к стачечникам – это говорило о том, что рабочий класс тоже выходит из борьбы. Крестьяне еще продолжали борьбу, но крестьянское движение оставалось раздробленным и неорганизованным, и разгон Думы не оказал существенного влияния на местную войну, которую крестьяне вели со своими помещиками¹⁴⁷.

Убедившись в слабости оппозиции, новый премьер-министр Столыпин перешел в решительное наступление. 1 августа 1906 года были введены военно-полевые суды, которые в течение следующих нескольких месяцев послали на казнь более 1 тыс. «зачинщиков беспорядков». Крестьянскому движению был нанесен тяжелый удар, число выступлений сократилось с 682 в июле до 117 в октябре. Правда, восстания не были подавлены до конца, и к лету 1907 года число выступлений снова поднялось; в июне оно достигло 216. Новый всплеск крестьянских волнений был связан с неурожаем 1906 года, который принял масштабы даже большие, чем в 1905 году. В 1906/07 хозяйственном году потребление хлеба в среднем по стране составило только 15,4 пуда – то есть было ниже, чем в голодном 1901/02 году. По подсчетам П. Н. Першина, в зоне голода оказалось 235 уездов с населением 44 млн. человек, на 14 млн. больше, чем год назад. Однако

реакция крестьян на голод в этот раз была более слабой – сказались усталость от борьбы, усиление правительства и отсутствие союзников. К зиме 1907 года крестьянское движение было окончательно подавлено, в декабре имело место лишь 12 выступлений – революция закончилась¹⁴⁸.

Пользуясь ослаблением борьбы, Совет объединенного дворянства поставил вопрос об изменении нормы представительства в Думе с тем, чтобы обеспечить дворянское большинство. Эти требования были подкреплены Вторым съездом уполномоченных дворянских обществ в ноябре 1906 года, однако правительство не решилось сразу же пойти по этому пути. Выборы во Вторую Думу в начале 1907 года привели к новому поражению правительственных партий; крестьяне отвечали на правительственные репрессии тем, что голосовали за левых, и при выборах депутатов лояльные правительству выборщики от дворян оставались в меньшинстве. Открывшаяся 20 февраля 1907 года Вторая Дума, как и Первая Дума, вошла в конфронтацию с правительством по вопросу об аграрной реформе. Хотя кадеты, следуя тактике «бережения Думы», стремились смягчить это противостояние, правительство не желало пойти навстречу, и 3 июня 1907 года Дума была распущена. Одновременно с роспуском Думы царским манифестом – в нарушение Основных законов – было объявлено об изменении порядка выборов. По новому закону помещики должны были составить половину общего числа выборщиков – таким образом, новая Дума отдавалась во власть дворянства¹⁴⁹.

Подводя итоги заключительного периода революции, можно отметить, что к этому времени почти полностью исчезает противостояние между «западниками» и традиционалистами, определявшее первый этап революции. Обе противостоящие группировки разрушаются, основная часть дворянства переходит из лагеря «западников» в лагерь традиционалистов, а большинство крестьянских депутатов поддерживает в Думе «западников». Конфронтация происходит теперь по основному социальному вопросу – вопросу о земле; главное содержание демографически-структурной теории – Сжатие в народных массах – выходит на первый план, оттесняя все прочие социально-экономические и политические проблемы. Перед лицом этой угрозы дворянство уже не замечает Сжатия в элите и присоединяется к монархии в целях поддержания статус-кво. Прозападная интеллигенция частью выходит из борьбы, лагерь «западников» разрушается, и в результате они теряют большую часть своих конституционных завоеваний.

Помимо выделения главных «значущих» факторов революции, необходимо кратко остановиться и на тех факторах, которые оказались «незначущими». Общеизвестно, что крупная буржуазия не сыграла особой политической роли в происходивших событиях. В качестве причины политической инертности промышленников и торговцев обычно указывают то обстоятельство, что они были, в общем, довольны тем покровительством, которое оказывало им царское правительство. Только на заключительном этапе революции представители капитала попытались было создать свою партию, но эти попытки имели своим результатом лишь организацию «Со-

вета съездов представителей промыслов и торговли», который подчеркнул отмежевался от политических выступлений. Правда, капиталисты были отчасти представлены в «Союзе 17 октября», но главную роль в этой партии играли крупные землевладельцы¹⁵⁰.

Мелкая торгово-промышленная буржуазия также не сказала своего самостоятельного слова в революции. Хотя этот социальный слой был достаточно многочисленным, он оказался расколот на части. Одна часть его пошла за интеллигенцией в партию кадетов; по имеющейся статистике в составе Калужской, Симбирской и Смоленской губернских организаций этой партии мелкие буржуа (торговцы, мещане, приказчики, ремесленники, домовладельцы) составляли 32%, интеллигенты – 31%, чиновники – 18%, землевладельцы – 10%, крестьяне и рабочие – 8%. Таким образом, кадетскую партию можно назвать интеллигентски-мелкобуржуазной, но главную роль в ней играла все же либеральная интеллигенция. Другая часть мелкой буржуазии пошла за «черносотенцами», но традиционалистские силы оказались слабыми и, за исключением событий октября 1905 года, ничем себя не проявили. Наконец, третья и, возможно, наибольшая часть мелких буржуа осталась пассивной¹⁵¹.

5.2.11. Итоги революции (выводы)

С точки зрения неомальтузианской теории революция 1905-1907 годов была началом *экосоциального кризиса*. В этот период появляются такие признаки кризиса, как *восстания, социальные реформы, попытки перераспределения собственности*; существенную роль играл так же голод, который появился не впервые, но впервые сыграл революционизирующую роль. И хотя некоторых важных признаков классического экосоциального кризиса в 1905-1907 годах еще не наблюдается, это объясняется тем, что первая революция была лишь началом кризиса, и основные события были еще впереди.

Подводя итоги нашему краткому описанию событий революции, попытаемся схематически (и максимально упрощенно) отобразить взаимодействие различных факторов, повлиявших на динамику политических событий. *Основными дестабилизирующими факторами, как отмечалось выше, были: аграрное перенаселение и низкий уровень жизни городских рабочих (Сжатие в народных массах), разорение дворянства (Сжатие в элите) и вестернизация.* Факторами, поддерживавшими стабильность системы, были сила традиции, авторитет самодержавной власти, сила полицейского аппарата и армии.

В течение сорока лет после Великой реформы действие дестабилизирующих факторов постепенно усиливалось, и политическое равновесие становилось все менее устойчивым. Толчком, нарушившим равновесие, стал внешний фактор – поражения в войне, которые нанесли сильный удар по авторитету самодержавия. *В соответствии с демографически-структурной теорией, революция началась с раскола элиты: часть дворянства, недовольная этатистской политикой правительства, вступила в союз с вестернизированной интеллигенцией и сделала своим*

в союз с вестернизированной интеллигенцией и сделала своим знаменем либеральный лозунг ограничения самодержавия. «Вначале это была идиллия либеральных предводителей дворянства... – отмечал П. Н. Милоков, – они хотели представительства “имущественных классов”»¹⁵². Прозападный либеральный блок («Союз освобождения») подчинил своему влиянию студенчество (также исповедовавшее западные идеи), однако силы блока были недостаточны, и либералы предприняли попытки спровоцировать выступления рабочих. После расстрела 9 января начались рабочие стачки и первые волнения в деревне, и, чтобы привлечь на свою сторону массы, «Союз освобождения» пообещал рабочим 8-часовой рабочий день, а крестьянам – выкуп части помещичьих земель. В события вмешался поддерживавший либералов Запад, и совокупное действие всех факторов заставило царя обещать создание выборного представительства (18 февраля). Волнения стали стихать, и, воспользовавшись этим, царь попытался аннулировать уступки и лишить обещанную Думу реальных полномочий. В ответ либеральный блок снова активизировал свои усилия, через посредство студентов попытался подтолкнуть к протестам рабочих, а главное – с помощью железнодорожных служащих организовал забастовку на железных дорогах. Железнодорожная забастовка инициировала всеобщую стачку, и царь был вынужден согласиться на наделение Думы законодательными полномочиями (манифест 17 октября).

Таким образом, до 17 октября революционный процесс в России можно трактовать как «революцию вестернизации», в которой главная роль принадлежала вестернизированной интеллигенции и либеральному дворянству. После 17 октября многие либералы сочли, что цель достигнута, и отошли от борьбы; остальные (кадеты) решили продолжать оппозиционные действия в рамках Думы и также отказались от активных действий. Между тем, октябрьская стачка инициировала вступление в борьбу огромных крестьянских масс; таким образом, стало проявляться действие самого мощного фактора, аграрного перенаселения. «Революция вестернизации» была перекрыта мощным социальным конфликтом, давно вызревавшим внутри традиционного общества и находящим объяснение в рамках демографически-структурной теории.

Перестройка политических сил привела к распаду лагеря вестернизаторов. Основная часть дворянства, напуганная крестьянским восстанием, перешла в лагерь традиционалистов и сплотилась вокруг престола, а либеральная фракция дворянства сошла с политической арены. Раскол дворянской элиты был ликвидирован, и объединенное дворянство обратилось против бунтующих низших сословий. Эстатысты в правительстве попытались было маневрировать между крестьянством и дворянством, но дворянство добилось их изгнания и подчинило себе правительство.

Между тем, рабочие, требовавшие 8-часового рабочего дня и ничего не получившие, поднялись на восстание, а в деревне продолжались погромы дворянских поместий. Решающим обстоятельством в судьбе революции стало то, что, хотя волнения стали распространяться и на армию, в целом

она все же подчинялась правительству. Правительству удалось избежать как финансового краха, так и потери управления – тех роковых процессов, которые, согласно демографически-структурной теории, определяют коллапс и разрушение государства. Революция 1905 года оказалась незавершенной; восстания в городе и деревне были подавлены. После арестов активистов и массовых увольнений рабочие вышли из борьбы; крестьянство еще раз поднялось на борьбу летом 1906 года, но, в конечном счете, потерпело поражение.

Таким образом, революцию инициировали недовольные фракции элиты, они втянули в борьбу массы, а когда достигли своей цели, вышли из борьбы; в итоге элита консолидировалась и подавила выступления масс. Как отмечалось выше, такая схема была характерна и для европейских революций 1848 года, однако в русской революции была одна особенность, а именно – то, что революция в городах спровоцировала восстание крестьян, которые выступали под собственными лозунгами. Эта особенность отражала больший масштаб аграрного перенаселения и Сжатия, преобладание экономических процессов традиционного общества над процессами индустриализации.

Согласно теории, Сжатие должно побуждать правительство проводить реформы, направленные на облегчение положения народа, – тем более во время революции, когда народ требует этих реформ. Ответом правительства на эти требования стала отмена выкупных платежей и облегчение условий кредита. Одно время обсуждался вопрос о новой «Великой реформе», которая должна была отдать крестьянам большую часть помещичьих земель. Проведение такой реформы означало бы торжество этатистской политики и, вполне вероятно, предотвратило бы революцию 1917 года. Однако консолидировавшееся дворянство сумело подчинить своему влиянию Николая II и разгромить этатистскую партию в правительстве. В результате, как отмечает П. Гатрелл, крестьянство убедилось в том, что государство поддерживает принцип «святости» дворянского землевладения. Таким образом, массовый протест против дворянского землевладения неизбежно переходил в протест против государства, то есть против царской власти¹⁵³. Как и предупреждал Николай II выдающийся философ Е. Н. Трубецкой, «недальновидность власти превратила в России вопрос аграрный в вопрос о форме правления»¹⁵⁴. Традиционалистская иллюзия о «царе-батюшке» была окончательно развеяна, и в дальнейшем властям предстояло иметь дело не с выступлениями, направленными против помещиков, а с восстаниями против самодержавия. Это обстоятельство означало также и кризис традиционализма, который постепенно терял свою роль опоры существующей общественной системы.

Представляют интерес те выводы из революции, которые сделало правительство. Прежде всего, нужно отметить, что правящая бюрократия прекрасно сознавала различие между целями политической революции «modern» и «гораздо более серьезными» социальными целями народа – то различие, о котором писал Струве. «Смута политическая, революционная

агитация... начали пускать корни в народе, питаюсь смутой гораздо более серьезной, смутой социальной, развившейся в нашем крестьянстве», – говорил П. А. Столыпин в Госсовете 15 марта 1910 года¹⁵⁵. Н. П. Дурново, министр внутренних дел в кабинете Витте, в написанной позже (в феврале 1914 года) «Записке» подчеркивал, что социалистические устремления масс давят над политическими целями либерального «общества». «... Народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолудин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении – Россия, несомненно, будет свергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905-1906 годов»¹⁵⁶.

Характерно, что в этих условиях Дурново предлагает не идти на уступки корыстным интересам либеральной оппозиции и ставит перед правительством этатистские цели. «Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия... Более чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения»¹⁵⁷. Однако, несмотря на заявления такого рода, с точки зрения крестьянства, правительство не выступало в роли «беспристрастного регулятора социальных отношений», так как отказывалось передать землю народу.

Либеральная оппозиция также сделала из революции свои выводы, в значительной степени совпадающие с выводами правительства. В этом смысле очень показательны статьи из сборника «Вехи», в котором его авторы – и в их числе ведущие деятели оппозиции – признавали опасность для интеллигенции политики вовлечения в революцию народных масс, провоцирования их на социальную борьбу. П. Б. Струве писал, что «в том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс заключалась... политическая ошибка... Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация... но не в этом суть дела.

Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали**. Делали революцию, в то время когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании»¹⁵⁸. *Испугавшись спонтанного взрыва крестьянской войны, «вестернизированные» либералы отныне отказывались от союза с народом и «делания революции», они провозглашали своей задачей «политическое воспитание» – то есть политическую пропаганду в верхах. Испуг был столь силен, что М.О. Гершензон писал о том, что «нужно благословлять власть, которая своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ненависти народной»¹⁵⁹. Очевидно, этим испугом и объясняется принципиальное нежелание либеральной оппозиции вступить в союз с массами в ходе следующего революционного кризиса, в 1917 году.*

5.3. Демографически-структурная динамика в период 1908-1914 гг.

5.3.1. Аграрная реформа

Анализ социально-экономического развития в 1908-1914 годах тесно связан с проблемой объективных причин революции 1917 года и с общей проблемой существования исторических закономерностей, проявлением которых, согласно традиционной точке зрения, была эта революция. Однако несостоятельность марксистской трактовки этих закономерностей привела к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще. «Из-за утраты веры в закономерность исторических событий... – отмечает известный американский историк Леопольд Хеймсон, – в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков, объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов, не говоря уже об объяснении падения царского режима прекращением проведения столыпинских реформ вследствие внезапной смерти премьер-министра от рук террористов в 1911 г.»¹⁶⁰

Далее в этой главе мы попытаемся кратко проанализировать имеющиеся данные о результатах столыпинских реформ в контексте продолжающегося процесса демографического сжатия. Одним из наиболее важных моментов в динамике социально-экономического развития были изменения в уровне жизни крестьянства. Крестьянские восстания были подавлены, но необходимо признать, что, в конечном счете, крестьянство добилось некоторого облегчения своего положения. Наиболее важной правительственной уступкой была отмена выкупных платежей. В конце XIX века крестьяне платили с десятины в среднем 72 коп. выкупных платежей, 5 коп. поземельного налога и 58 коп. земских и мирских сборов¹⁶¹. Отмена выкупных

* Выделено цитируемым автором

платежей на практике означала почти полное снятие с крестьян государственных прямых налогов; более 9/10 крестьянских податей теперь шли органам местного самоуправления, земствам и «миру». Если в 1901 году в среднем по России крестьяне платили всех (государственных, земских и мирских) прямых налогов в пересчете на хлеб 3,5 пуда с души, то в 1912 году – 1,7 пуда с души¹⁶².

По данным бюджетных обследований в Воронежской и Калужской губерниях подати всех видов отнимали 8-10% чистого крестьянского дохода; стало быть, снятие платежей составляло в среднем около 5% дохода. Однако бывшие помещичьи крестьяне Черноземья платили не 72 коп., а 1 руб. 80 коп. с десятины¹⁶³, и для этой категории крестьян отмена выкупа означала прибавку 10-15% дохода. Как отмечалось выше, неспособность крестьян платить выкупные платежи была одним из главных признаков «оскудения» Центра; теперь государство почти не требовало с крестьян денег – если не принимать во внимание косвенные налоги. Это был весьма показательный результат Сжатия, которое, согласно теории, делает крайне затруднительной уплату прямых налогов.

Для прекращения крестьянских восстаний большое значение имело то обстоятельство, что в манифесте о закрытии Первой Думы царь обещал предпринять реформы, направленные к расширению крестьянского землевладения. Правительство противопоставило крестьянской программе «черного передела» свою программу реформ, которую обычно связывают с именем П. А. Столыпина¹⁶⁴. «Столыпинская аграрная программа настолько совпадала с аграрной программой Совета объединенного дворянства, – писал А. Я. Аврех, – что все тогдашние наблюдатели, от кадетов до большевиков, прежде всего подчеркивали это родство»¹⁶⁵. Как отмечалось выше, программа Первого съезда уполномоченных дворянских обществ (май 1906 г.) содержала три основных пункта: переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения малоземельных крестьян на окраины; эти пункты стали основными положениями правительственной программы¹⁶⁶.

Нужно отметить, что современные исследователи придерживаются различных точек зрения на связь П. А. Столыпина и Совета объединенного дворянства. Но даже те из них, кто отрицает прямое влияние Совета на премьер-министра, признают идейное совпадение позиций. Так, А. П. Бородин цитирует одного из лидеров Объединенного дворянства князя Б. Н. Шербатова, который находил «поразительное сходство между нашими тогдашними пожеланиями и проектами правительства»¹⁶⁷.

С идейной стороны правительственная программа опиралась на общепринятые положения либеральной политической экономии. Либеральные экономисты уже давно доказывали, что земельные переделы, принудительный севооборот и чересполосица в крестьянских общинах являются факторами, негативно влияющими на продуктивность земель. После реформ 1860-х годов количество переделов уменьшилось, и по правительственным данным, относящимся к 28 губерниям, переделы проводились примерно в половине всех общин¹⁶⁸. Считалось, что архаические черты общины служили ~~366~~ главной причиной того, что средний

общины служили главной причиной того, что средний урожай на частновладельческих землях в 1891-1900 годах был на 21% выше, чем на наделных. Теоретически ликвидация общины могла повысить урожайность и смягчить проблему аграрного перенаселения, однако П. Гатрелл полагает, что аргументация противников общины не столь очевидна, а Л. Волин отмечает, что более высокие урожаи на частных землях отчасти объяснялись их лучшим качеством¹⁶⁹. Как бы то ни было, требование создания из крестьянских полос компактных наделов, передачи их в частную собственность и разрушения общины было одним из традиционных требований русских либералов, начиная с выступления тверского дворянства в 1862 году. При этом имелось в виду, что бедные крестьяне, получив землю в частную собственность, будут вынуждены вскоре продать ее крепким хозяевам, у которых найдутся средства, чтобы повысить урожайность посредством применения современной агротехники. Это был так называемый «пруссский путь развития капитализма»: в Пруссии после освобождения крестьян в ходе так называемого «регулирования» было произведено укрупнение крепких крестьянских хозяйств за счет сгона с земли крестьян-бедняков¹⁷⁰.

Другой аргумент правительства имел демографический характер. П. А. Столыпин указывал, что темпы роста населения в России превышают темпы роста в других государствах и настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод. В этом положении, утверждал Столыпин, есть только два выхода – освоение новых земель и переход части населения в другие отрасли труда¹⁷¹. В этой аргументации П. А. Столыпин следовал за некоторыми известными экономистами, в частности, за А. А. Чупровым и Б. Бруцкусом, которые, кроме того, доказывали, что именно существование земельных переделов является причиной аномально высокого естественного прироста, и, следовательно, разрушение общины есть средство в борьбе с аграрным перенаселением¹⁷².

Стремление дворянства к разрушению общины было вызвано также и тем, что общинные порядки формировали отрицательное отношение крестьян к помещичьей частной собственности. При обсуждении столыпинского проекта в Совете министров 10 октября 1906 года подчеркивалось, что отсутствие в сознании общинного крестьянства «правильного взгляда на частную собственность» в значительной мере обуславливает «происходящие в последнее время почти повсеместно... разгромы частновладельческих имений»¹⁷³. С другой стороны, община представляла собой готовую организацию, которую широко использовали восставшие. Столыпинское правительство, писал С. Ю. Витте в воспоминаниях, «принялось энергично за это преобразование не в сознании государственной необходимости этой меры, а в соображениях полицейских – по такой логике: необходимо обеспечить спокойствие частных владельцев... чтобы больше не было дворянских погромов. Как это сделать? Очень просто – крестьяне собственники будут защищать помещичью собственность»¹⁷⁴. «Ясно, что составители

указа 9 ноября очень мало думали о *хозяйственной* стороне дела, – подчеркивал экономист и один из кадетских лидеров А. А. Кауфман, – и что главное их внимание было направлено на *чисто-политическую* задачу... Общинному духу стали приписывать возникновение аграрных волнений и беспорядков. И вот община из друга сделалась врагом самодержавного правительства»¹⁷⁵.

По-видимому, это и было основной причиной, по которой ранее консервативное большинство дворянства внезапно склонилось к поддержке чуждой ему либеральной доктрины. Этот переход был настолько неожиданным, что глава русских либералов (и известный историк) П. Н. Милюков был вынужден упрекнуть Столыпина в забвении того факта, что русская действительность стоит ближе к коллективистской традиции, чем к правительственным мечтам о европеизации земледелия¹⁷⁶. Кадеты, так же как и некоторые представители дворянства и этактистского чиновничества, высказывали опасения, что быстрое разрушение общины вызовет массовое разорение малоземельных крестьян и аграрные волнения¹⁷⁷.

Царский указ, изданный 9 ноября 1906 года, в промежуток между разгоном Первой и созывом Второй Думы, предоставлял каждому владельцу общинного надела право выйти из общины, потребовав укрепления надела в личную собственность с выделением земли «к одному месту», на «отруб» или хутора. «В широкие крестьянские массы, – писал наблюдавший за ходом реформы немецкий профессор Аугаген, – вгоняется клин путем создания сословия крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»¹⁷⁸. Э. Кингстон-Мэнн называет эту политику политикой «репрессивной модернизации», утверждая, что русские «модернизаторы» в своем преклонении перед частной собственностью были «сбиты с пути истинного» и не понимали положительной роли общинных традиций¹⁷⁹.

Вторая Дума (в значительной степени голосами крестьянских депутатов) отвергла указ о реформе; она была распущена, и, в конце концов, указ был утвержден Третьей Думой, в которой преобладали дворянские депутаты. Другой закон (от 29 мая 1911 года) позволял общинам проводить землеустройство с компактным выделением земли и одновременным укреплением ее в личную собственность; при этом община могла сохраняться. Землеустройство могли проводить и отдельные дворы без выхода из общины.

В целом за 1906-1915 гг. в 45 губерниях Европейской России, в которых проходила реформа, из общины вышло 26,6% дворов, которые имели 16,3% земли. Наделы выходявших крестьян были меньше средних потому, что укреплялась только пахотная земля, а угодья оставались в общине. Кроме того, из общины часто выходили бедняки, собиравшиеся продавать надел, или отходники, уже давно не обрабатывавшие самостоятельно свою

* Выделено цитируемым автором

землю. В ходе реформы перешло к отрубному и хуторскому землепользованию 10,3% хозяйств, имевших 10% всей земли¹⁸⁰.

По семи губерниям Черноземного района вышло из общины 26,5% дворов, которые имели 15,6% общинной земли, но на отруба и хутора выдано только 8,8% хозяйств; примерно четверть укрепленных в собственность земель была сразу же продана¹⁸¹. Степень разрушения общины в различных губерниях сильно различалась, так, например, в Курской губернии из общины вышло 42% дворов, в Орловской – 38%, а в Тамбовской – только 22%. Средний размер выделившегося двора по Тамбовской губернии составлял 4,1 дес., в то время как средний размер общинных хозяйств – 7 десятин. Средний размер хуторов и отрубов равнялся 6,4 дес., тогда как рассчитанный экономистами прожиточный минимум для такого рода хозяйств составлял 10,5 дес. В Землянском уезде Воронежской губернии почти половина отрубных дворов не имела лошадей. Как отмечают многие исследователи, зажиточные крестьяне предпочитали оставаться в общине – таким образом, ставка Столыпина на «сильных и крепких» хозяев не вполне оправдалась¹⁸².

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Число дворов, вышедших из общины (тыс.)	48	508	579	342	146	122	135	98	30
Число землеустроенных дворов (тыс.)	12	60	205	262	319	248	387	472	
в т. ч. единоличных дворов (тыс.)	8	42	119	152	207	123	193	204	
Число переселенцев (тыс.)	400	620	537	201	73	144	196	214	16

Табл. 5.1. Динамика выхода из общины, землеустройства и переселения на окраинные земли (за вычетом вернувшихся обратно)¹⁸³.

Другой важной составляющей столыпинских реформ была организация массового переселения крестьян на окраины. Переселение представлялось наиболее простым путем (хотя бы частичного) решения земельной проблемы, и, как отмечалось выше, принципиальное решение о поощрении переселения было принято еще в июне 1904 года. В контексте происшедшего разрушения общины переселение было также одним из способов обеспечения земель тех бедняков, которые уходили из общины, продавая свою землю. Однако правительственная программа не была подкреплена ресурсами; расходы на переселение в 1907-1913 годах составили лишь около 200 млн. руб., что составляло *только 1% всех государственных расходов за эти годы*. В 1906-1916 годах в восточные районы переселились 3078 тыс. крестьян, но ввиду отсутствия средств 546 тыс. человек вернулись обратно. Когда неудачливые переселенцы стали возвращаться назад, это отбило охоту к переселению у собиравшихся в путь, и волна переселения быстро спала. В итоге на новых местах закрепилось только 2532 тыс. переселенцев¹⁸⁴.

Еще одной мерой властей, направленной на снижение остроты аграрного кризиса, была организация покупки крестьянами частных земель. Для этой цели в 1906 году было произведено снижение процентной ставки Крестьянского банка до 4,5%; при этом было разрешено предоставлять кредиты практически на всю сумму покупки. Это решение было подано как царская милость, поскольку реальная стоимость кредита была примерно на 1% больше, и фактически крестьяне покупали землю на 15-20% ниже стоимости; получавшуюся разницу продавцам доплачивал банк. Теперь крестьяне, казалось бы, могли приобретать землю на относительно льготных условиях, что до какой-то степени напоминало программу частичного выкупа помещичьих земель, предлагавшуюся кадетской партией – с той разницей, что дворяне продавали землю добровольно. После разгрома нескольких тысяч имений часть помещиков решила продать свои владения; количество предлагавшейся к продаже земли резко возросло, и правительство выделило Крестьянскому банку практически неограниченные средства для скупки этих земель и перепродажи их крестьянам в рассрочку. Таким образом, были созданы условия для расширения крестьянского землеуладения, что могло до некоторой степени смягчить земельный голод¹⁸⁵.

Облегчение условий кредита вызвало положительную реакцию в крестьянской среде и в какой-то мере способствовало постепенному затуханию крестьянских восстаний. Если число крестьян, желавших купить землю через посредство Крестьянского банка, составляло в 1904 г. 97 тыс., то в 1906 г. оно возросло в четыре раза; в Черноземном районе изъявила желание прикупить землю десятая часть крестьян-домохозяев¹⁸⁶. Банк, в соответствии с идеей реформы, оказывал предпочтение тем крестьянам, которые покупали целые хутора; такие крестьяне получали кредит на всю сумму покупки. А. М. Анфимов подсчитал, что крестьяне, покупавшие в Ливенском уезде Орловской губернии хутора в 12 дес., должны были для уплаты процентов по кредиту продавать каждый год, по меньшей мере, половину урожая¹⁸⁷. В 1913 году платежи крестьян Крестьянскому банку составили 88 млн. руб., то есть сравнились с отмененными выкупными платежами. «Так, в иной форме, повторилась пресловутая “выкупная операция”, только с той разницей, что прежде 90 млн. руб. выплачивали за 95 млн. дес. наделных земель, а теперь – за 15 млн. кушленных земель»¹⁸⁸.

За 1905-1914 годы дворяне продали, в основном Крестьянскому банку, 22% своих земель. Однако результаты снижения кредитного процента были отчасти нейтрализованы повышением цен на землю; если в 1904 году десятина стоила в среднем 112 руб., то в 1909 году – 144 руб. Тем не менее, за 1905-1914 годы в 47 губерниях Европейской России (без Прибалтики) крестьяне приобрели 9,7 млн. дес. частной земли, что увеличило их долю в землевладении (суммарно наделном и частном) с 68 до 72%. Правда, некоторая часть этих земель принадлежала «чуждым лендлордам», богатым крестьянам, превратившимся в помещиков; если мы будем считать крестьянскими лишь участки менее 50 десятин, то доля крестьян за указанный период увеличилась с 64 до 68%. Ситуация на Черноземье была

примерно такой же, что и по России в целом. В 1905 году в семи губерниях (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская и Черниговская) доля крестьянской земли (включая купчую с участками менее 50 десятин) составляла 67%. За 1905-1915 годы крестьяне прикупили 486 тыс. дес. земли; если считать, что вся эта земля была в мелких участках, то доля крестьянского землевладения возросла до 69%. Хотя доля некрестьянских земель немного уменьшилась, радикальных изменений не произошло, и крестьяне по-прежнему требовали «черного передела»¹⁸⁹.

«Таким образом, – подводит итог Р. Пайпс, – взвесив все обстоятельства, следует признать, что результаты столыпинских реформ были весьма скромными. “Аграрной революции” не получилось...”¹⁹⁰

5.3.2. Аграрное развитие в 1907-1913 годах

Удалось ли Столыпину ослабить перенаселение в деревне? За 1906-1913 годы из деревень Европейской России выбыло 4138 тыс. крестьян, продавших землю и ушедших в города; еще 2566 тыс. переселились за Урал; в сумме выбытие составило 6704 тыс. человек. Однако за это же время естественный прирост составил 14127 тыс. чел.; в итоге за восемь лет деревенское население возросло на 7489 тыс. чел, или на 7,3%, и, несмотря на все старания, проблема аграрного перенаселения еще более обострилась¹⁹¹. Как отмечалось выше, «Комиссия 1901 года» определяла численность излишних рабочих в 23 млн., что составляло 53% всей рабочей силы; по расчетам А. М. Анфимова, произведенным по той же методике, в 1913 году имелось 32 млн. «лишних» рабочих, что составляло 56% всей рабочей силы¹⁹².

Однако на Черноземье мероприятия правительства принесли сравнительно больший эффект, нежели в других регионах. Для Тамбовской губернии, как показал А. А. Иванов, в 1912 году доля излишних работников осталась той же, что и 12 лет назад, и ситуация, во всяком случае, не ухудшилась. В 1905-1912 годах количество крестьянских дворов в Тамбовской губернии возросло на 13%, а надел земли на двор уменьшился с 7 до 6,6 дес., но это уменьшение было компенсировано увеличением урожайности. Однако по-прежнему сохранялась большая разница в земельном обеспечении бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. В Липецком уезде бывшие государственные крестьяне имели 7,5 дес. земли, а бывшие помещичьи – только 4,0 дес. на двор; в Усманском уезде, соответственно 8, 0 и 4,6 десятины¹⁹³.

Реформа способствовала резкому усилению оттока населения из наиболее перенаселенных районов Черноземья. В 1900 году в Епифанском уезде Тульской губернии половина земли принадлежала частным владельцам (в основном, помещикам), и крестьяне находились в бедственном положении. В 1906-1910 годах из уезда выселилось 40% дворов. Благодаря этому количество дворов без посева в 1899-1911 годах сократилось на 28%, а общее число дворов почти не увеличилось, то есть обеспечение земель, хотя и ненамного, но улучшилось¹⁹⁴. Некоторое представление о

динамике перенаселения дает также изменение арендной платы; средняя арендная плата по семи губерниям Черноземья составляла в 1901 году 42% процента от урожая, а в 1912-1914 годах – 41%. Что касается заработной платы батраков, то в 1906-1910 годах она уменьшилась, а в 1910-1913 годах вернулась к уровню 1901-1905 годов (см. рис. 5.1). Таким образом, в отношении арендной платы и заработной платы батраков ситуация практически не изменилась, однако, само по себе то обстоятельство, что удалось нейтрализовать негативное влияние роста населения, было некоторым успехом¹⁹⁵.

Увеличилась ли продуктивность сельского хозяйства? В 1910-1914 годах по сравнению с 1901-1905 годами валовой сбор зерновых по Европейской России увеличился на 12,2%, урожайность возросла на 6,5%. По семи губерниям Черноземья валовой сбор увеличился на 8,4%, урожайность возросла на 8,9%¹⁹⁶. Как отмечает И. Д. Ковальченко, такое увеличение нельзя признать значительным, в особенности, учитывая огромный рост населения¹⁹⁷. Средний чистый душевой сбор на Черноземье в 1900-1904 годах составлял 31,3 пуда, в 1909-1913 годах – 28,3 пуда, в 1910-1914 гг. – 26,0 пуда. Правда, по сравнению с неурожайными 1905-1909 годами тренд поднялся, но в новой фазе подъема значения душевого производства были ниже, чем в предыдущей (см. рис. 4.18).

Как отмечалось выше, колебания тренда носили циклический характер; в значительной мере они определялись климатическими факторами, чередованием периодов высоких и низких урожаев. А. М. Анфимов полагает, что прогресс был достигнут в результате, главным образом, действия климатических и ценовых факторов, и в меньшей степени в результате реформы¹⁹⁸. В 1905-1912 годах цены на хлеб в Германии повысились на 29%, что вызвало повышение экспортных цен; стоимость пшеницы в русских вывозных портах уже в 1905-1908 годах увеличилась на 32%. Повышение цен обеспечило рост прибылей российских производителей, которые теперь могли вкладывать больше средств для увеличения производства, – но благоприятная конъюнктура не могла длиться вечно, и в 1913 году цены стали снижаться, предвещая новый кризис¹⁹⁹. Был ли связан рост с выделом хуторов и приватизацией земли?

Как видно из табл. 5.2, корреляция между ростом производства и такими параметрами, как процент выхода из общины или процент землеустроенных земель, отсутствует; следовательно, мы не можем приписывать рост производства столыпинской реформе. По-видимому, связь между «обуржуазиванием» земельных отношений и интенсификацией сельского хозяйства была не столь простой, как казалось. Л. И. Бородин и И. Д. Ковальченко отмечали, что Степной район, характеризовавшийся самым глубоким обуржуазиванием крестьянства, характеризовался также и самой низкой интенсивностью сельскохозяйственного производства²⁰⁰.

С другой стороны, возможно, что результаты реформы еще не успели сказаться; для улучшения хозяйства требовалось время, как говорил Столыпин, «двадцать лет покоя». По расчетам Л. С. Дякина требовалось даже

не 20, а 50 или 80 лет²⁰¹. Решающим условием повышения продуктивности хозяйства до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между тем, в 1913 году капиталовложения в расчете на 1 десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии (урожайность была меньше в 2,4 раза). Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за пять или десять лет²⁰². «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что **было уже поздно**», – подчеркивает В. П. Данилов²⁰³.

	Рост произ-водства (%)	Процент вышед-ших из общины	Процент земли у вышедших	Процент земле-устроенной земли
Курская	13,3	43,8	28	0,14
Орловская	3,6	39	26,4	0,11
Тульская	2,0	21,6	14,5	0,33
Рязанская	9,7	17	9,4	0,12
Воронежская	15,8	20,1	12,7	0,19
Пезенская	10,7	25,2	15,7	0,30
Тамбовская	2,2	24	14	0,20
Коррекция средостатистика		0,03	0,00	-0,23

Табл. 5.2. Рост производства в 1901-05 – 1910-14 гг., процент выхода из общины и землеустройства в Черноземном районе²⁰⁴.

Тем не менее, некоторые позитивные сдвиги были достигнуты. В 1912/13 и 1913/14 годах вывоз на душу населения существенно уменьшился, что в сочетании с очень богатыми урожаями привело к росту потребления (см. рис. 4.12). Некоторые авторы склонны считать этот рост показателем того, что продовольственное положение радикально улучшилось²⁰⁵, в то время как другие специалисты полагают, что изменения не были столь существенными, что положение оставалось тяжелым²⁰⁶. При этом необходимо учитывать, что в России были относительно бедные и относительно богатые области, поэтому средние данные о росте потребления не отражают реального положения в регионах. Ввиду важности этого вопроса в контексте требований демографически-структурной теории автору пришлось провести конкретно-историческое исследование с использованием источников о вывозе и ввозе из отдельных губерний четырех главных хлебов (ржи, пшеницы, ячменя и овса). Это исследование позволило оценить уровень потребления хлеба в различных губерниях (чистый остаток за вычетом вывоза и расходов на винокурение, см. табл. 5.3).

Анализируя данные таблицы, можно прийти к выводу, что по сравнению с 1908-1911 годами потребление в 1909-1913 годах увеличилось – и в некоторых губерниях довольно существенно. На севере, в Архангельской и

* Выделено цитируемым автором

Вологодской губерниях, несмотря на это увеличение, среднее потребление оставалось ниже минимальной нормы. Тяжелое положение было также в Новгородской губернии, но столичная Петербургская губерния снабжалась существенно лучше. На грани голода существовало население западных губерний, Витебской, Могилевской, Минской, Смоленской (хотя в двух последних губерниях в 1909-1913 годах положение улучшилось). Из губерний Центра неудовлетворительное положение в 1908-1911 годах было в Тверской, Калужской, Ярославской и Костромской губерниях (в двух последних оно стало лучше). На Черноземье в зоне голода находились Рязанская и Тульская губернии, на Украине – Черниговская губерния. Относительно высокий уровень потребления был в Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Киевской губерниях. На востоке, в Вятской и Пермской губерниях уровень потребления был удовлетворительным. В Поволжье, в Казанской, Уфимской, Саратовской губерниях положение оставалось тяжелым, но в Симбирской губернии оно заметно улучшилось²⁰⁷.

Губерния	1908-11	1909-13	Губерния	1908-11	1909-13
<i>Архангельская</i>	<i>15,0</i>	<i>15,9</i>	Пермская	25,7	27,4
<i>Вологодская</i>	<i>15,9</i>	<i>16,4</i>	Вятская	22,1	23,2
<i>Новгородская</i>	<i>17,6</i>	<i>18,7</i>	<i>Уфимская</i>	<i>16,7</i>	<i>19,2</i>
Петербургская	21,0	23,8	<i>Казанская</i>	<i>15,2</i>	<i>19,2</i>
Псковская	19,4	19,7	<i>Симбирская</i>	<i>18,0</i>	23,3
<i>Витебская</i>	<i>17,6</i>	<i>18,2</i>	<i>Саратовская</i>	<i>13,0</i>	<i>19,3</i>
<i>Могилевская</i>	<i>17,3</i>	<i>18,3</i>	Тамбовская	19,3	23,6
<i>Минская</i>	<i>18,2</i>	19,8	<i>Рязанская</i>	<i>16,4</i>	<i>17,9</i>
<i>Смоленская</i>	<i>19,1</i>	20,6	<i>Тульская</i>	<i>17,1</i>	<i>18,3</i>
<i>Тверская</i>	<i>15,9</i>	<i>17,4</i>	Орловская	20,1	21,3
<i>Ярославская</i>	<i>14,8</i>	22,7	Курская	24,2	26,8
<i>Костромская</i>	<i>19,2</i>	22,6	Воронежская	19,7	28,2
Нижегородская	20,3	23,3	<i>Черниговская</i>	<i>16,2</i>	<i>17,8</i>
Владимирская	21,5	22,6	Киевская	23,3	24,9
Московская	21,2	22,1	Полтавская	23,4	31,1
<i>Калужская</i>	<i>16,9</i>	<i>18,4</i>	Харьковская	23,2	29,1

Табл. 5.3. Душевое потребление хлеба и картофеля (в переводе на хлеб 1:5) с учетом перевозок «четырёх главных хлебов» и за вычетом расходов на винокурение²⁰⁸. Курсивом выделены губернии с потреблением меньше минимальной нормы(19,2 пуда).

Таким образом, в Европейской России существовали относительно богатые и относительно бедные, полуголодные области²⁰⁹. Если обратиться к данным 1908-1911 года, то мы увидим, что регион бедности представлял

собой связную область, охватывающую основную часть Центра, смежные с Центром черноземные и западные губернии, Север и некоторые губернии Поволжья. Если исключить белорусские губернии, то этот регион примерно соответствовал Московскому царству времен Ивана Грозного – это были перенаселенные коренные области России, с которых в дальнейшем шло расселение на окраины. Поскольку перенаселение, в соответствии с теорией, способствовало развитию в этих регионах промышленности и ремесел, то регион бедности в основном совпадал с промышленными и «потребляющими» губерниями, а регион достатка – это были зернопроизводящие окраинные губернии. Не случайно, что именно по границе между «бедными» и «богатыми» губерниями прошла линия фронта в гражданскую войну, что бедные промышленные и потребляющие губернии стали крепостями «красных», в то время как богатые губернии поддерживали антибольшевистские силы²¹⁰.

Губернии	Хлеб и картофель в пересчете на хлеб 1:5, пуд.	Мясопродукты, пуд.	Годы обследования	Число описанных хозяйств
Вятская	18,57	0,85	1900-1901	1987
<i>Вологодская</i>	<i>15,2</i>	1,21	1905-1907	329
Олонекская	23,0	3,08	1900	157
Новгородская	17,59	0,68	1909	?
<i>Костромская</i>	<i>14,11</i>	0,57	1908-1909	376
<i>Ярославская</i>	<i>15,24</i>		1909	2192
Московская, Московский уезд	16,52	1,44	1912	25
<i>Московская, Волоколамский уезд</i>	<i>12,69</i>	1,11	1910	25
Смоленская	17,08	1,18	1911	71
<i>Калужская</i>	<i>13,4</i>	1,69	1909	119
<i>Тульская</i>	<i>15,9</i>	1,29	1910-12	
Пензенская	16,11	1,29	1912/13	263
Симбирская	21,36	0,56	1913	225
Харьковская	17,7	1,35	1910	101
Полтавская	16,4	1,82	1911	147
Херсонская	29,3	2,09	1898	124

Табл. 5.4. Среднее потребление по данным бюджетных обследований. Выделены значения, близкие к минимальной норме в 15 пудов²¹¹.

Окраины, Степной Юг, Южное Черноземье, Пермь были богатыми областями. Однако в том, что касается Черноземья, необходимо в соответствии с требованиями демографически-структурной теории акцентировать важность имущественной дифференциации и напомнить о делении крестьянства на две примерно равные группы, бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. Это деление обуславливало ярко выраженное неравенство в средней величине земельного надела и уровне потребления. С точки зрения статистики это означало, что даже при том, что среднее

потребление по губернии выше минимального уровня, потребление половины населения могло быть ниже минимума. Таким образом, даже в «благополучных» губерниях существовали сотни тысяч голодных и озлобленных бедняков, мечтавших о «черном переделе».

Картину потребления, рисуемую данными статистики, можно дополнить материалами бюджетных обследований, проводившихся в различных губерниях. Данные этих обследований суммированы в таблице, приводимой ниже и основанной на материалах А. В. Чаянова и С. А. Клепикова (табл. 5.4).

Необходимо отметить, что в отличие от таблицы 5.3 в этой таблице приводится потребление продуктов в пищу, то есть не учитываются расходы на корм скоту. «Обращают на себя внимание центральные губернии пониженной нормой потребления, – отмечал А. В. Чаюнов. – *Окраинные губернии в общем имеют повышенные нормы.* Если взять губернии: Костромскую, Ярославскую, Московскую, Смоленскую, Калужскую и Тульскую, то средняя норма этого района – 13,65 пуда (без картофеля – С. Н.). По остальным губерниям – 18,06 пуда»²¹². Перечисленные здесь губернии (кроме Московской) выделены как губернии с низким потреблением также и в таблице 5.4, таким образом, расчеты, основанные на статистике урожая и перевозок, согласуются с данными бюджетных обследований. Однако эти расчеты дают более полную картину, и в частности, выявляют существование, помимо Центра, очагов бедности в Белоруссии, в Поволжье и на Севере. Хотя в 1909-1913 годах положение несколько улучшилось и эти очаги бедности сократились в размерах, они не исчезли и продолжали оказывать негативное воздействие на общую ситуацию.

Еще одним позитивным моментом было создание более эффективной, чем прежде, системы государственной помощи на случай голода. «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» были утверждены еще в 1900 году²¹³, но реализация заложенных в них мер, включавшая создание разветвленной системы продовольственных складов, в основном, относится уже к периоду после революции 1905 года. Как отмечает Г. Е. Корнилов, принятые меры, в частности, помогли избежать страшного голода в Пермской губернии в 1911 году, когда урожай был вдвое меньше обычного²¹⁴. Однако, хотя ресурсы продовольственных складов были достаточны, чтобы бороться с локальными неурожаями, они не могли обеспечить снабжение городов в военный период²¹⁵.

5.3.3. Развитие промышленности и положение рабочих

Повлияла ли революция на положение рабочих? После «Кровавого воскресенья» правительство обещало приступить к выработке рабочего законодательства. Комитет министров в качестве образца для выработки этого законодательства назвал страховые законы Бисмарка, которые позволили канцлеру «взять рабочее движение в свои руки». Однако сопротивление промышленников замедлило работу над законами, и они были

приняты лишь в июне 1912 года. Новое рабочее законодательство предусматривало страхование не только от несчастных случаев, но и от болезни; размеры пособия достигали 2/3 заработка. Предложение об ограничении рабочего дня 10 часами было отвергнуто, однако в результате стачек во время революции рабочие добились сокращения средней продолжительности рабочего дня с 10,6 часа в 1904 году до 9,9 часа в 1913 году²¹⁶.

Что касается реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих, то, как видно из рис. 5.1, в 1905-1909 годах она немного уменьшилась, а в 1911-1913 годах вернулась к прежнему уровню. Динамика заработной платы строительных рабочих (см. рис. 4.20) была аналогичной. Л. И. Бородин и Т. Я. Валетов обращают внимание на то обстоятельство, что в российской промышленности было большее, чем на Западе, различие в уровне оплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих, причем, если реальная заработная плата неквалифицированных рабочих в изучаемый период практически не менялась, то оплата квалифицированных рабочих возросла примерно на 15%. Исследователи объясняют это явление тем, что чернорабочие набирались в основном из крестьян (приток которых в города увеличился), а квалифицированные кадры – из потомственных горожан²¹⁷.

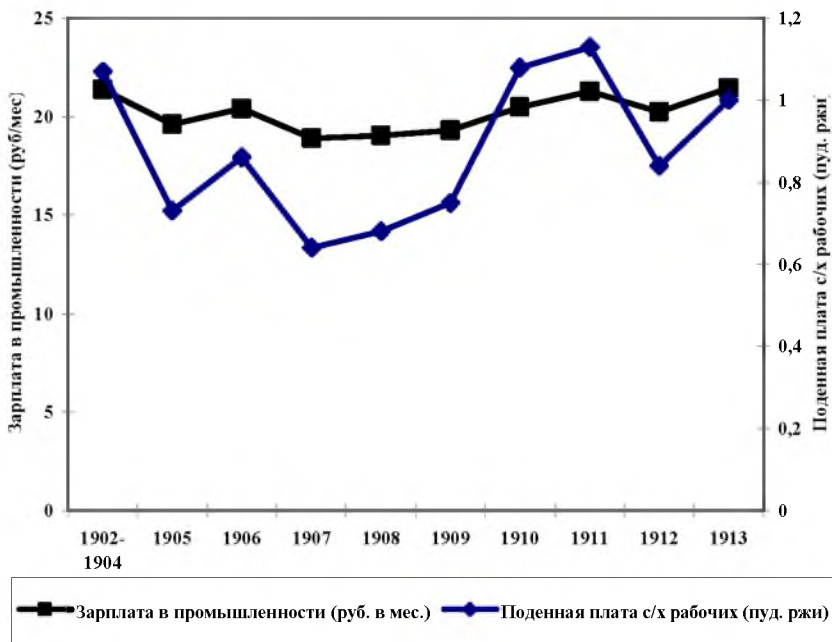

Рис. 5.1. Реальная заработная плата в среднем по фабрично-заводской промышленности (руб. в мес. в переводе на цены 1913 г.) и поденная плата сельхозрабочих летом (в пудах ржи в день)²¹⁸.

Дешевизна рабочей силы (сравнительно с другими странами) была одним из важнейших факторов, стимулировавших развитие русской промышленности. Выступая в Государственном Совете в апреле 1912 года, С.Ю. Витте объяснял, что развитие промышленности в России определяется действием «двух живительных влияний» — протекционизма и *аграрно-го перенаселения*. Обилие рабочей силы давало возможность промышленникам работать при слабом техническом и энергетическом оснащении производства и держать низкий уровень заработной платы²¹⁹.

Уровень заработной платы, в конечном счете, определялся соотношением спроса и предложения; с одной стороны, аграрное перенаселение выбрасывало из деревни сотни тысяч разорившихся бедняков, с другой стороны, расширявшаяся промышленность испытывала потребность в новых рабочих. В 1909 году начался новый промышленный подъем, сопровождавшийся бурной учредительской деятельностью. Капиталы акционерных промышленных компаний возросли с 1888 млн. руб. в 1908 году до 2848 млн. руб. в 1913 году, причем доля иностранного капитала в новых компаниях составила лишь 13%. Приток нового национального капитала был вызван главным образом увеличением экспорта хлеба и повышением хлебных цен на мировом рынке. Стоимость экспорта возросла с 779 млн. руб. в 1900-1902 годах до 1543 млн. руб. в 1911-1913 годах, за счет этого в стране появились капиталы, часть которых (впрочем, небольшая) вкладывалась в промышленность. Таким образом, индустриализация финансировалась, в конечном счете, за счет сельскохозяйственного экспорта²²⁰.

Данные о численности рабочих имеются лишь для 1900 и 1913 годов (см. табл. 5.5).

	1900 г.	1913	Рост в %
Фабрично-заводская промышленность	2043	3112	52
в т. ч. обрабатывающая	1536	2467	61
горная и горнозаводская	507	645	27
Транспорт и связь	995	1398	41
Прочие категории наемных рабочих	13735	18171	32
в т. ч. сельское хозяйство	5843 (1897 г.)	6500	11
мелкая промышленность	2000 (1890 г.)	3706	85
Прислуга	2112 (1897 г.)	3000	42
Чернорабочие	1738 (1911 г.)	2500	44
строительство	1369 (1897 г.)	1600	17
торговля	674	865	28
Всего	16773	22682	35
Численность населения (млн.)	133,0	170,9	29

Табл. 5.5. Численность наемных рабочих²²¹.

В целом, очевидно, что доля фабрично-заводских рабочих в населении по-прежнему оставалась незначительной, и российское общество в своей основе оставалось традиционным аграрным обществом.

Промышленный подъем привел к росту численности рабочих фабрично-заводской промышленности (включая горнозаводскую) с 2528 тыс. в 1908 году до 3112 млн. в 1913 году, то есть промышленность дала дополнительно 584 тыс. рабочих мест. Между тем, как отмечалось выше, только в Европейской России за это время в города перешло 4138 тыс. крестьян. Таким образом, *мы видим классическую картину демографического Сжания: разоряющиеся крестьяне устремляются в города, но промышленность оказывается не в состоянии обеспечить их работой.* Противники столыпинской реформы не раз высказывали опасения, что разорившиеся крестьяне не смогут найти работу в городах, что города будут переполнены толпами бунтующих безработных. Официальной регистрации безработных в России не велось, и имеются лишь отдельные цифры о числе безработных в некоторых городах. Судя по этим цифрам, процент безработных в Петербурге за 1900-1913 гг. возрос в два с половиной раза. В 1914 году недавно пришедшая из деревни молодежь составляла половину петербургских рабочих, и среди этой молодежи были популярны радикальные анархистские и большевистские лозунги. Не удивительно, что именно Петербург был основным центром рабочих вступлений в 1913-1914 гг.²²²

5.3.4. Изменения в положении элиты

Как отмечалось выше, революция 1905-1907 года привела к консолидации дворянского сословия под консервативными лозунгами Совета объединенного дворянства. Монархия после некоторых «цезаристских» колебания вступила в союз с Объединенным дворянством и после разгона Второй Думы изменила избирательный закон таким образом, чтобы обеспечить в Думе дворянское большинство. По новому закону один выборщик приходился в землевладельческой курии на 230 человек, в первой городской курии (для лиц с высоким имущественным цензом) – на тысячу человек, во второй городской курии – на 15 тысяч человек, в крестьянской курии – на 60 тысяч, в рабочей – на 125 тысяч человек. Из 442 мест в Третей Думе помещикам было обеспечено 233 места (56,8%), крупной городской буржуазии – 72 места (17,6%); реально было избрано 229 дворян²²³. «В законе этом, – писал Витте, – выразилась все та же тенденциозная мысль, которую Столыпин выражал в Государственной думе: что Россия существует для избранных 130000, т. е. для дворян, что законы делаются, имея в виду сильных, а не слабых, а потому закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает “выборных” членов Думы, он дает “подобранных” членов Думы – подобранных так, чтобы решения были преимущественно в пользу привилегированных и сильных»²²⁴.

Опорой «объединенного дворянства» были правые партии, в том числе «Союз русского народа»; эти партии получили в совокупности 147 мест.

Партией, получившей наибольшее количество мест (154), стала «партия 17 октября», более чем на три четверти состоявшая из помещиков и чиновников, но возглавляемая крупным промышленником А. И. Гучковым. У кадетов, оставшихся в оппозиции, было только 54 депутата, социал-демократы имели 19 мандатов²²⁵. Таким образом, Третья Дума выражала в основном интересы поместного дворянства, и революция, в конечном счете, привела к тому, что самодержавие было вынуждено поделиться властью с дворянством. Ситуация была похожей на ситуацию после Великой французской революции, и наблюдатели сравнивали Третью Думу с «бесподобной палатой» Людовика XVIII²²⁶.

Как отмечалось выше, правительство Столыпина опиралось на союз с дворянством и проводило в главном, аграрном, вопросе откровенно продворянскую политику. Однако самодержавие не желало отказаться от давней традиции править самостоятельно, и уже вскоре после роспуска Второй Думы правительственный официоз, газета «Россия», стала апеллировать к этой традиции. «Центральное место в апологии сильной власти занимал, естественно, тезис о надклассовой сущности государства, – отмечал В. С. Дякин. – Традиционные этатистские воззрения русской бюрократии получили в столыпинский период дальнейшее развитие...»²²⁷

В конкретном контексте 1907 года речь шла о попытке Столыпина провести реформу местного управления и заставить дворянство поделиться своей властью с земельными собственниками-крестьянами. «Объединенное дворянство» и Дума энергично воспротивились этой попытке и затянули рассмотрение соответствующих законопроектов. В конечном счете, правым удалось посеять семена недоверия между царем и премьер-министром, и после смерти Столыпина попытки реформ были постепенно оставлены²²⁸.

Категория лиц, получающих доходы	Доходы св. 1 тыс. р.		Доходы св. 50 тыс. р.	
	млн. р.	%	млн. р.	%
Владельцы торгово-промышленных предприятий	859	46	361	69
Землевладельцы	412	22	76	14
Владельцы денежных капиталов	340	18	49	9
Собственники городской недвижимости	257	14	39	7
Всего	1868	100	525	100

Табл. 5.6. Совокупные доходы различных категорий собственников в 1909-1910 гг.²²⁹

Правые неустанно подчеркивали свою верность самодержавию и предлагали еще более ограничить полномочия Думы. Проведенные под правительственным давлением выборы 1912 года упрочили положение правых партий, дав им 185 мандатов. Преобладание в Думе помещиков привело к сплочению самодержавия и дворянства на почве консервативной полити-

ки; правительство более не стремилось к реформам, а думское большинство беспрекословно поддерживало его в текущих вопросах²³⁰.

Между тем, соотношение сил различных сословий постепенно менялось. Промышленный подъем 1909-1913 годов привел к обогащению торговой и промышленной буржуазии, с другой стороны, продажи земли ослабили экономическую роль дворянства.

Как видно из табл. 5.6, владельцы торгово-промышленных предприятий намного превосходили землевладельцев по совокупным размерам доходов, причем в категории богатейших собственников это превосходство было подавляющим. Дворян среди этих владельцев было ничтожно мало – всего 2%, это были в подавляющем большинстве купцы, мещане, ремесленники – настоящая торгово-промышленная буржуазия, четко отделявшая себя от дворян и помещиков. Как отмечалось выше, буржуазия не проявляла особой активности в период революции 1905-1907 годов. В предвоенный период положение начинает меняться. В 1912 году представители торгово-промышленного мира создали новую либеральную партию прогрессистов, которая встала в оппозицию правительству. Эта оппозиция проявилась как в устных и печатных выступлениях, так и в согласии прогрессистов финансировать VI съезд РСДРП, намечавшийся на 1914 год²³¹.

Накануне войны отмечается оживление и среди интеллигенции, традиционно поддерживавшей партию кадетов. После революции интеллигенция переживала глубокий кризис, ознаменовавшийся появлением известного сборника «Вехи», в котором вожди бывшего «Союза освобождения» призывали своих последователей отречься от былых революционных заблуждений. В Третьей Думе кадеты проводили осторожную политику «ответственной оппозиции», но Четвертой Думе они вновь стали выступать с радикальными законопроектами, выдвинув требование всеобщего и равного избирательного права. Вновь, как во времена «Союза освобождения», либералы и социал-демократы вели переговоры о создании широкого антиправительственного фронта. На заседании ЦК партии кадетов весной 1914 года левое меньшинство партии потребовало вновь, как в 1904 году, заключить союз с социал-демократами и эсерами с целью проведения согласованной кампании демонстраций и стачек. Однако лидер кадетов П. Н. Милоков выступил против этого плана, заявив, что политический переворот открыл бы дорогу громадным волнениям, которые приняли бы стихийный характер, напоминаящий смуты Разина и Пугачева²³². П. Н. Милоков не раз повторял эту мысль впоследствии, будучи проникательным политиком и историком, он чувствовал, что с 1905 года над страной стоит призрак Разина и Пугачева, призрак Крестьянской войны.

5.3.5. Социальная нестабильность в 1908-1914 гг.

Подавление революции 1905-1907 года не означало успокоения и возврата к дореволюционной ситуации. Крестьянские волнения затухали постепенно, и их уровень в 1908-1910 годах оставался на порядок более высоким, чем до революции (см. рис. 5.2).

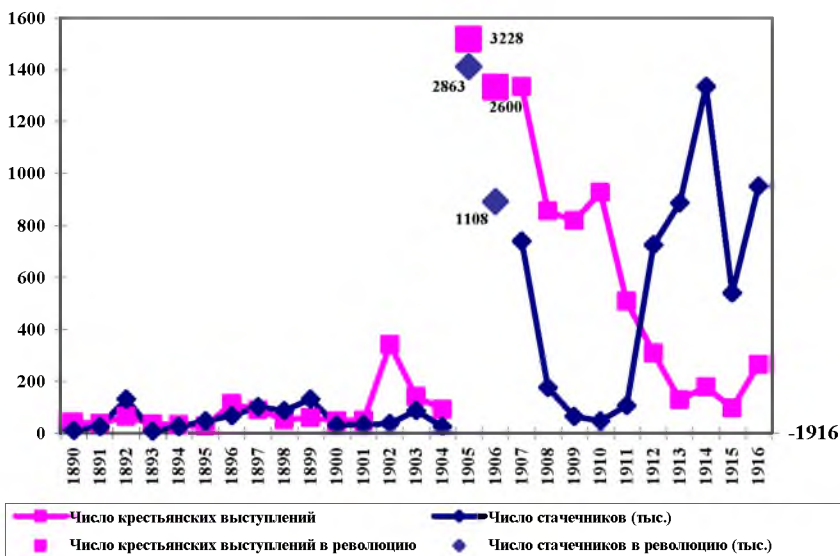

Рис. 5.2. Интенсивность крестьянского и рабочего движения в 1890-1916 годах²³³.

Вид преступлений	1884-93 гг.	1906-08 гг.	1909-13 гг.
Против общественного и государственного порядка	23,3	56,2	55,4
в т. ч религиозные	1,6	1,5	5,2
государственные		2,9	2,3
против порядка управления	3,8	13,1	22,1
Против личности	32,3	134,3	149,2
Против собственности частных лиц	40,8	208,7	245,5

Табл. 5.7. Число наиболее важных зафиксированных преступлений (в среднем в год, тыс.)²³⁴.

Когда в 1912-1913 годах сельские волнения пошли на спад, обострилась ситуация в городах, нахлынула новая волна стачек, ослабевшая только с началом войны. Показательно также и то, что волна государственных преступлений и преступлений против собственности не схлынула с окончанием революции, а продолжала будоражить общество. На период 1906-1908 годов пришлось два революционных года, и средняя преступность в этот период примерно соответствует «уровню революции» (или лишь немного меньше его). Как видно из таблицы 5.7, по числу преступлений «против порядка управления» уровень 1909-1913 годов намного превосходит «уровень революции», что наводит на мысль о том, что революция не закончилась, а приняла хроническую форму постоянных (пусть, мелких)

протестных акций. Население не смирилось, а продолжало протестовать; об этом говорит и сохранившийся по-прежнему высоким уровень государственных преступлений, и повысившийся по сравнению с революционными временами уровень преступлений против собственности (куда входили и поджоги помещичьих имений). Таблица 5.8, учитывает более мелкие протестные акции, которые не отражены на рис. 5.2.

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Всего протестных акций по Европейской России	2477	2007	2420	6261	4522	1791	646
В т. ч. поджоги помещичьих усадеб	589	542	703	805	358	189	81
поджоги имущества кулаков	141	95	513	4377	1433	209	8
Всего протестных акций по 6 губерниям Черноземья	394	226	202	1392	621	154	54

Табл. 5.8. Число крестьянских протестных акций в 1907-1913 гг.²³⁵

Действительно, число мелких протестных акций, в особенности поджогов, в 1910-1911 годах было значительно больше, чем в последний год революции (1907 г.). С. М. Дубровский связывает это обстоятельство с борьбой общинников против выхода зажиточных крестьян из общины и находит, что динамика протестных акций коррелирует (возможно, с некоторым запозданием) с динамикой выходов; после 1910 года число выходов уменьшилось и волна протестов пошла на убыль²³⁵. По-видимому, сказалось так же и то, что после неурожая 1911 года пришли два феноменальных по урожайности года, когда уровень потребления в деревне (как отмечалось выше) существенно повысился.

Однако спад протестных акций в 1912-1913 годах не отражал действительных настроений крестьянства. Если мы рассмотрим динамику мелких проступков против «правительственного и общественного порядка», то обнаружим, что число таких правонарушений в 1910-1913 годах не только не уменьшилось, но возросло с 65 до 97 тыс. Таким образом, несмотря на урожайные годы, крестьянство не успокоилось и продолжало выражать свое недовольство существующим положением²³⁷. О том, к чему может привести недовольство законом о выходе из общины, предупреждал Столыпина тамбовский крестьянин И. Болтышев: «Я не пророк, но убежден, при случае какой бы то ни было общественной беды в большом размере, в виде войны особенно неудачной... от закона 9 ноября останутся только обгорелые головешки да трупы»²³⁸.

«Не подлежит... сомнению, – писал С. Ю. Витте, – что на почве земле- владения... и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурба- ции в империи, особенно при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят придать в последние годы, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства суще- ствуют для сильных»²³⁹.

Авторитетная группа аграрных историков, исследовавшая последствия столыпинской реформы на массовых материалах Тамбовской губернии, делает вывод, что «большинство крестьян Тамбовской губернии не подержало программу разрушения общины. Конфликты... доходили до вооруженных столкновений... Ни столыпинская реформа, ни Первая мировая война не отвлекли крестьянство от решения главного вопроса – вопроса о земле... Важнейшей особенностью менталитета и непосредственно социально-политического движения традиционного крестьянства стала готовность к восстанию, поскольку государство явно не оправдало их социальных ожиданий»²⁴⁰.

«После революции 1905-1907 гг. в деревне больше не было крупных массовых выступлений, – писал известный исследователь А. Я Аврех. – Преобладающий характер имели, так сказать, первичные формы массового протеста... – порубки, поджоги, потравы, столкновения с чиновниками-землеустроителями. Тем не менее, наблюдатели, знавшие деревню, в один голос оценивали ситуацию в ней как крайне социально напряженную и взрывоопасную. Дело тут заключалось в революции в умах десятков миллионов крестьян, в отказе от прежней патриархальной психологии... уходила в прошлое приниженность крестьянина перед попом, чиновником, баринном. Особенно такое умонастроение было характерно для деревенской молодежи...»²⁴¹ На резкие изменения в ментальности крестьянских масс указывают многие исследователи. Это проявлялось, прежде всего, в трехкратном – даже по сравнению с революцией – росте числа религиозных преступлений (см. табл. 5.7). По некоторым данным, число последователей различных сект достигло 5 млн., а вместе со старообрядцами их число составляло 35 млн. человек. Защищавшая помещиков церковь потеряла свой прежний авторитет; традиционная идеология, выражавшаяся лозунгом «за веру, царя и отечество», вытеснялась оппозиционными идеологическими направлениями²⁴². Очевидно, что с ослаблением традиционализма самодержавие теряло почву под ногами и лишалось большей части своих приверженцев. Эти процессы полностью соответствовали прогнозу демографически-структурной теории, которая утверждает, что нарастание государственного кризиса сопровождается ослаблением официальной идеологии и распространением диссидентских течений.

Как отмечалось выше, имели место также и изменения в ментальности рабочих, отчасти связанные с притоком разоренных и озлобленных крестьян из деревни. Р. Пайпс отмечает, что в 1914 году более половины рабочих Петербурга были пришлыми и эти слои считали даже эсеровскую программу слишком умеренной, предпочитая ей более эмоциональные лозунги большевиков и анархистов²⁴³. Появились новые черты в отношениях рабочих и городских высших сословий, такие, как демонстративное отвержение рабочими принятого среди высших сословий европейского костюма. Рабочие требовали от заводской администрации обращаться к ним на «вы», и эти требования отразились в многократном росте жалоб рабочих в фабричную инспекцию. Чрезвычайно важным было то обстоя-

тельство, что в результате ослабления традиционализма рабочие больше не чувались социал-демократов и интеллигентов – исчез тот традиционалистский барьер, который когда-то разделял крестьян и «народников», а потом сказывался в движении 9 января. Более того, многие из рабочих считали РСДРП не «интеллигентской», как прежде, а своей, «рабочей» партией. В связи с этим обращает на себя внимание обнаруженная Ю. И. Кирьяновым и Л. И. Бородкиным высокая корреляция между числом распространенных социал-демократами листовок и количеством стачечников (0,88)²⁴⁴.

Суммируя имеющиеся данные, известный американский историк Л.Хеймсон считает возможным говорить о революционных изменениях в менталитете – о «революции растущих надежд», связанной с высвобождением масс из-под гнета традиционной психологии покорности и с резким ростом социальных требований²⁴⁵. Эта психологическая революция привела к тому, что, хотя репрессии 1907-1911 годов нанесли тяжелый удар рабочему движению, оно довольно быстро восстановилось. Как показывает статистический анализ, новая волна была лишь в небольшой степени связана с динамикой заработной платы: рабочие требовали повышения своего социального статуса, и забастовки носили по большей части политический характер. Это в особенности проявилась в 1912 году, когда Ленский расстрел и знаменитая фраза министра внутренних дел А. А. Макарова «так было и так будет впредь» вызвали новую волну массовых политических стачек. Положение быстро обострялось, и в 1913 году количество стачечников достигло уровня революционного 1906 года. В стачечной борьбе предвоенного периода ярко проявлялась связь между интенсивностью политических стачек и концентрацией рабочих в крупных промышленных центрах, во главе ее шли рабочие-металлисты Петербурга. В июле 1914 года еще один расстрел вызвал всеобщую стачку, демонстрации и беспорядки в Петербурге; бастовало 130 тыс. человек, в некоторых районах города были возведены баррикады²⁴⁶.

Эти события происходили в разгар внешнеполитического кризиса, когда русскому правительству приходилось принимать решение о действиях ввиду назревавшего военного конфликта. В конечном счете, Россия решила поддержать Сербию, то есть вступить в войну. Многие современники считали это решение чрезвычайно рискованным. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков, подписывая указ о мобилизации, сказал: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти...»²⁴⁷ Как отмечалось позднее в записке, поданной МВД начальнику Генштаба генералу Алексею, «Германия, начиная войну, была уверена, что у нас немедленно же вспыхнет поднятое рабочими революционное движение, что мятежи и внутреннее недовольство совершенно парализуют нашу военную мощь»²⁴⁸.

Наиболее точный прогноз будущего развития событий был дан членом Государственного Совета П. Н. Дурново в уже цитированной выше «Записке». Если война окажется для России победоносной, то все будет хорошо, писал Дурново. *«Но в случае неудачи социальная революция, в самых*

крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Побезеденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению»²⁴⁹.

«Этот документ, обнаруженный и опубликованный после революции, – пишет Р. Пайпс, – так точно предсказывает ход грядущих событий, что, не будь столь несомненно его происхождение, можно было бы заподозрить позднейшую подделку»²⁵⁰. Логика «предсказания Дурново» достаточно проста: в случае неудачи в войне с Германией должно повториться в более сильной степени то, что уже происходило после неудачной войны с Японией, то есть в революцию 1905 года. Дурново предсказывал, что недовольные фракции элиты снова начнут агитационную кампанию и революционеры поднимут на восстание крестьянство, пообещав ему землю. В действительности, как мы увидим ниже, это предсказание оказалось неточным: в феврале 1917 года произошла «революция без революционеров»; крестьян-солдат никто не агитировал, обещая им землю, они уже не нуждались в агитации – они поднялись сами собой.

5.4. Первая мировая война и февральская революция 1917 года

5.4.1. Механизм брейкдауна в условиях войны

«Среди историков существует мнение, – отмечает Э. Хобсбаум, – о том, что Россия... могла бы продолжать поступательное и эволюционное движение в сторону процветающего либерального общества, если бы это движение не было прервано революцией, которой, в свою очередь, можно было бы избежать, если бы не первая мировая война. Ни одна из возможных перспектив развития не удивила бы современников больше, чем эта. Если и существовало государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей»²⁵¹.

Однако вопрос о том, что было бы, если бы не было войны, в принципе не имеет право на постановку – и не только по той причине, что история не имеет сослагательного наклонения. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса. А. Н. Боханов подсчитал, что в XVI веке русское государство

воевало 43 года, в XVII веке – 48 лет, в XVIII веке – 56 лет, в XIX веке – 30 лет²⁵². Конечно, не все эти войны были большими войнами с «великими державами». Специфика ситуации второй половины XIX столетия заключалась в том, что большая война почему-то запаздывала. Между окончанием Крымской и началом Первой мировой войны прошло 58 лет, в то время как временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI-первой половине XIX века в среднем составляли лишь 16 лет²⁵³. Последний мирный период был очень длинным потому, что русское правительство сознавало неготовность страны и армии к большой войне и часто шло на большие дипломатические уступки, как было, например, во время боснийского кризиса 1908 года²⁵⁴. Однако, как указывает Э. Хобсбаум, в 1910-х годах неизбежность войны воспринималась уже как неоспоримый факт²⁵⁵. «Продолжавшееся международное напряжение и напряжение от гонки вооружений – все это создавало настроение, в котором война воспринималась почти как облегчение... – отмечает Д. Джолл. – Предшествующий международный кризис, рост вооружений и флота и настроение, которое они создавали, – все это позволяло определить, что эта конкретная война не могла не разразиться в данный момент»²⁵⁶.

Таким образом, война была неизбежной исторической реальностью, и нам предстоит еще раз описать и проанализировать механизм действия демографически-структурной теории в условиях войны. Большое значение при этом имеет то обстоятельство, в какой фазе демографического цикла происходит война. Как отмечалось ранее (пункты 1.1.1 и 1.1.3) в соответствии с концепцией Дж. Голдстоуна война не может вызвать брейкдаун в периоды низкого давления, но способствует брейкдауну в период Сжатия. В пункте 4.2.1, анализируя механизм кризиса в период Крымской войны, мы отмечали, что он имел три направления развития. Первая встававшая перед страной проблема заключалась в нехватке вооружений, что вело к *военным поражениям и ослаблению авторитета власти*. Вторая проблема заключалась в том, что в обстановке Сжатия и перманентного финансового кризиса государство могло финансировать войну лишь за счет эмиссии бумажных денег, что приводило к *гиперинфляции, развалу рынка и в перспективе – к нарушению снабжения городов*. Третья – и главная – проблема заключалась в том, что Сжатие, крестьянское малоземелье и народная нищета вызывали глубокий социальный раскол общества, что в условиях налагаемых войной тягот было *чревато восстаниями крестьян-ополченцев и восстаниями в тылу*.

Необходимо подчеркнуть также, что, согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности – в том числе в результате войн. Таким образом, *война была еще одним фактором Сжатия, намного увеличивавшим его интенсивность*.

Интересно отметить, что П. Н. Дурново в цитированной выше записке выделяет, причем во взаимосвязи, первую и третью проблему, но не говорит о второй – видимо, потому что финансовые трудности во время непро-

должительной русско-японской войны были разрешены с помощью внешних займов и не вызвали гиперинфляции.

В начале Первой мировой войны продовольственное положение тоже было относительно благоприятным, и никто не предвидел будущих трудностей²⁵⁷. Экспорт, прежде сводивший внутреннее потребление к полуголодному уровню, был теперь запрещен; было запрещено и винокурение, таким образом, в стране должно было оставаться количество зерна, более чем достаточное для снабжения армии и тыла. В 1914 году урожай был средний, а в 1915 году – самый высокий за последнее десятилетие. Как показывают расчеты, душевое потребление в тылу в 1914/15-1915/16 годах составляло 23-25 пудов – то есть было значительно большим, чем потребление населения в предвоенное время (см. табл. 5.9).

	1914/15	1915/16	1916/17
Посевная площадь (млн. дес.)	85,7	82,4	75,9
Высев (млн. пуд)	728	700	645
Сбор(млн. пуд)	4660	4800	3968
Чистый остаток(млн. пуд)	3932	4100	3323
Потребление армии (млн. пуд)	317	598	486
Вывоз(млн. пуд)	33	42	3
Винокурение(млн. пуд)	22	10	10
Остаток(млн. пуд)	3560	3449	2824
Население (млн.)	162,0	141,4	143,6
Армия (млн.)	6,5	11,6	14,7
Беженцы (млн.)	0,0	10,0	10,0
Потребители в тылу (млн.)	155,5	139,8	138,9
Душевое потребление в тылу (пуд.)	22,9	24,7	20,3

Табл. 5.9. Хлебный баланс в 1914-1917 годах (без оккупированных территорий, Закавказья и Средней Азии)²⁵⁸.

К весне 1915 года в армию было мобилизовано 6,3 млн. человек, а к весне 1917 года – 13,5 млн., что составляло 47% трудоспособного мужского населения. Это привело к резкому изменению демографической ситуации в деревне, на смену избытку рабочей силы пришел ее недостаток. В семи губерниях Черноземья (Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Черниговской) без работников-мужчин осталось 33% хозяйств, во многих хозяйствах земля была засеяна лишь благодаря старой традиции общинных «помочей». Не хватало работников и в помещичьих хозяйствах. Арендная плата по семи губерниям упала с 41% урожая в 1912-1914 годах до 17% в 1915 году и 15% в 1916 году; резко возросла оплата батраков (в Тамбовской губернии – на 60-70%). На юге, в Новорос-

сии, не получавшие прежней прибыли помещики стали сокращать запашку; в Херсонской губернии к 1916 году владельческая запашка сократилась в 2,3 раза. Однако в целом по стране, если не учитывать потерю оккупированных территорий, уменьшение посевных площадей было незначительным (Центрально-Черноземном районе – на 4%)²⁵⁹.

Как отмечают многие авторы, с чисто продовольственной точки зрения положение крестьянства во время войны улучшилось²⁶⁰, но в плане уменьшения социальной напряженности это не имело существенного значения. Отношение к правительству и к войне определялось негативной инерцией предшествующего периода. «Село, и прежде антигосударственное по настроению, – отмечают В. А. Дьячков и Л. Г. Протасов, – не видело нужды в активной поддержке государственных военных усилий, ставя на первое место борьбу за землю и волю, против помещиков, хуторян... против твердых цен, проваливая продовольственную разверстку А. А. Риттиха, саботируя государственные повинности и налоги... Внутренний конфликт, ненависть к “врагу внутреннему” были сильнее, подпитываясь негативно осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами, хроническим социально-культурным недопотреблением»²⁶¹. С началом войны к накопленному за десятилетия социальному недовольству добавилась боль расставания с родными и близкими; если прежде крестьянство страдало от голода, то теперь «мужиков» посылали умирать на непонятной для них войне. Во время мобилизации «плач мужчин, женщин, детей слышался в России повсеместно»²⁶².

В годы войны русская армия на 90% состояла из крестьян²⁶³. Исследователи крестьянского менталитета отмечают, что в основе отношения крестьян к войне лежало традиционное фаталистическое восприятие ее как стихийного бедствия, наподобие засухи и неурожая. Поэтому крестьяне и на этот раз в своей массе подчинились судьбе: 96% мобилизованных явились на призывные пункты²⁶⁴. Но на многих призывных пунктах неожиданно вспыхнули стихийные волнения, которые пришлось усмирять силой, по неполным официальным данным при подавлении этих бунтов было убито 216 призывников. Власти пытались объяснить эти волнения несвоевременным введением «сухого закона», что не позволяло провозжать призывников «по обычаю». Однако Дж. Санборн приводит примеры, когда официальное объяснение было заведомо ложным, и показывает, что в основе волнений лежало социальное недовольство. Мобилизация сопровождалась огромным потоком жалоб на то, что «богатые» уклоняются от призыва, что «за 100 рублей можно получить бронь»²⁶⁵. Генерал С. А. Добровольский, начальник мобилизационного отдела, писал об обилии «всевозможных просьб... об освобождении, или, по крайней мере, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толпы народа, а от нашего культурного общества и из среды буржуазии»²⁶⁶.

Таким образом, *фактор социального раскола проявился в самом начале войны, при этом раскол приобрел еще одно измерение: простонародье должно было идти на фронт умирать, в то время как элита и ее служи-*

тели могли отсиживаться в тылу. Социальный раскол в значительной мере определил постепенно развивающееся противостояние «фронт» – «тыл»; он обусловил ненависть и презрение фронтовиков к «тыловым крысам», включая полицию, штабных офицеров, высшее командование и правительство. После понесенных поражений крестьянская ненависть кристаллизовалась в обвинение в предательстве, адресуемое высшим офицерам – то есть по-преимуществу дворянам-помещикам, старым врагам крестьян. «Крестьянская психология солдата указывала ему конкретного виновника его страданий – предательство офицеров, особенно высших, и министров»²⁶⁷.

Однако конфликт фронта и тыла был более широким, чем традиционное противостояние народных низов и элиты, он втягивал в себя и средние слои, людей, которые прежде не проявляли социального недовольства, а теперь люто ненавидели тех, кто послал их умирать, а сам отсиживался в тылу. Эта ненависть проявлялась, в частности, в отказах фронтовиков (в том числе казаков и офицеров) оказывать помощь полиции в подавлении голодных бунтов (о чем пойдет речь ниже). Как отмечал А. Уайлдман, внутренняя логика армейской жизни в годы войны в большей степени вела к бунтарству, нежели любая пропаганда²⁶⁸.

Многие наблюдатели отмечали, что мобилизованные крестьяне не понимали, ради чего они должны идти на войну. Удивительно, но в первые три месяца войны свыше половины писем с фронта вообще не содержали упоминаний о военных действиях; они были наполнены заботами о семье и хозяйстве²⁶⁹. «У них не было никакого представления о том, ради чего они воюют, – свидетельствует британский военный атташе А. Нокс, – не было у них и сознательного патриотизма, способного укрепить их моральный дух перед зрелищем тягчайших потерь...»²⁷⁰. «Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все, что от него требует власть, – писал генерал Ю. Н. Данилов, – он терпел, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания»²⁷¹. Едва ли не единственной внутренней мотивацией крестьянского участия в войне – но мотивацией неофициальной, исключительно на уровне бытового сознания – были слухи о том, что после окончания войны солдаты-победители получат землю. Эти слухи были аналогичны слухам 1812 и 1855 годов о том, что крепостные-ополченцы получат свободу. Однако по мере затягивания войны ничем не подкреплявшиеся надежды постепенно рассеивались²⁷².

Нежелание крестьян-солдат воевать сказывалось уже в начале войны. Председатель Думы М. В. Родзянко приводил примеры, когда во время атаки с поля боя дезертировало до половины солдат, подчеркивая, что это примеры «далеко не единственные»²⁷³. К концу 1914 года в различных армиях было издано большое количество приказов, отмечавших отсутствие стойкости у солдат и распространившиеся сдачи в плен²⁷⁴. Русская армия уступала противнику в артиллерии, и русские генералы старались использовать численное превосходство, безжалостно бросая своих солдат в пштыковые атаки. Осенью 1914 года на Восточном фронте 3 млн. русских

сражались с 1,5 млн. австрийцев и немцев, и к концу года русские потери достигли 1,4 млн. Уже в начале 1915 года закончились мобилизационные запасы снарядов и винтовок, на фронт прибывали невооруженные пополнения. Затем началось немецкое наступление. В июле 1915 года в сражении на реке Нарев тысячи солдат не имели винтовок, а для артиллерии была установлена норма в 5 выстрелов на орудие в сутки. Немецкие же орудия были обеспечены 600-1000 выстрелами. В день немецкого наступления артиллерийская подготовка продолжалась пять часов, и за это время обороняющиеся потеряли 30% боевого состава²⁷⁵. Военный министр А. А. Поливанов говорил на заседании Совета Министров 16 июля: «...Пользуясь огромным преобладанием артиллерии, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. В то время как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами...»²⁷⁶.

Таким образом, механизм кризиса начал действовать: недостаток вооружений привел к поражениям 1915 года и к резкому падению авторитета власти. Дурново предсказывал, что, как и в 1904 году, поражения в войне вызовут компанию обвинений в адрес правительства со стороны либеральной оппозиции и требования поделить власть – и действительно, поражения 1915 года вызвали яростную антиправительственную кампанию в Думе и формирование оппозиционного «Прогрессивного блока» из прогрессистов, кадетов, октябристов и части националистов. Однако на конференции кадетов в июле П. Н. Милоков снова напомнил призывающим к революции о призрак Разина и Пугачева: «Это была бы не революция, – говорил лидер кадетов, – это был бы ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный... Какова бы ни была власть – худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более чем когда-либо»²⁷⁷. В силу этих опасений программа блока была чрезвычайно скромной, она включала амнистию политзаключенных, отмену национальных ограничений, расширение местного самоуправления и тщательно обходила главные вопросы о земле и равном избирательном праве. По существу, единственным лозунгом, объединяющим оппозицию, было создание «министерства доверия» с участием думских лидеров. Р. Пайпс отмечает, что Николая II приводили в ярость политики, игравшие свои игры, когда войска на фронте истекали кровью. Решив проявить твердость, царь распорядился прервать заседания Думы на несколько месяцев²⁷⁸. Наученная опытом 1905 года, оппозиция не обращалась за поддержкой к рабочим, и роспуск Думы прошел относительно спокойно; таким образом, вопреки предсказанию Дурново, антиправительственная кампания не вызвала массовых революционных выступлений²⁷⁹.

Разгромленные русские армии потеряли в летней кампании 1915 года 2,4 млн. солдат, в том числе 1 млн. пленными. Деморализованные и не понимающие смысла войны солдаты массами сдавались в плен. Начальник

штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич писал военному министру: «Получаются сведения, что в деревнях... уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»²⁸⁰. Янушкевич добавлял, что солдатам незнакомо само понятие «патриотизм», что тамбовец – патриот лишь Тамбовской губернии, а на общероссийские интересы ему наплевать. Поэтому – тут генерал затрагивал главный вопрос – солдата «надо поманить», пообещать ему земельный надел в 10 десятин²⁸¹. На заседании 30 июля А. А. Поливанов говорил, что «деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры»²⁸². Большие потери, массовые сдачи в плен и дезертирство привели к тому, что осенью 1915 года на фронте осталось только 870 тыс. солдат – втрое меньше, чем в начале войны. Ввиду столь тяжелого положения началась мобилизация старших призывных возрастов, 30-40-летних мужчин, отцов семейств. В деревнях при проходах мобилизованных происходили душераздирающие сцены: миллионы похоронок открыли масштабы кровавой бойни и стало ясно, что у уходящих немного шансов вернуться. Произошло 82 бунта, сопровождавшихся разгромами магазинов, вокзалов и полицейских участков; мобилизованные требовали отправить воевать отсиживавшихся в тылу полицейских. Призывники разбегались по пути на фронт; по данным И. М. Пущкаревой количество бежавших из маршевых эшелонов достигало сотен тысяч²⁸³. «Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, – свидетельствует М. В. Родзянко, – и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона...»²⁸⁴

Характерным свидетельством отсутствия национального единства в расколотой жестоким социальным конфликтом стране было голосование думских фракций трудовиков и социал-демократов против военных кредитов осенью 1915 года. Л. Хеймсон отмечал, что среди политических партий воюющих стран русские трудовики и социал-демократы представляли собой единственные парламентские фракции, которые проголосовали против военных кредитов единогласно. «У рабочих отсутствовало ощущение, что они принадлежат к единой нации», – писал Л. Хеймсон²⁸⁵. То же самое, очевидно, можно сказать и о крестьянах.

Правительство пыталось заставить солдат сражаться. Были созданы специальные вооруженные команды для доставки мобилизованных на фронт. В армии были введены телесные наказания и смертная казнь за саморанения. Солдат предупреждали, что в случае сдачи в плен их семьи лишатся пайков, а сами они после войны будут отправлены в Сибирь²⁸⁶. Приказ командующего восьмой армией А. А. Брусилова гласил: «... Сзади нужно иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что еще хуже, сдаться в плен»²⁸⁷.

Осенью немецкое наступление остановилось; зимой благодаря налаживанию производства внутри страны и помощи союзников удалось улучшить снабжение армии винтовками и снарядами. Как показывают отчеты военных цензоров, за время зимней передышки настроение солдат улучшилось, и это позволило летом 1916 года бросить армию в наступление. Однако неравенство в вооружении сохранялось: русская армия потребляла 5 кг металла на каждого солдата в месяц, в то время как германская – 102 кг., то есть в 20 раз больше²⁸⁸. Летняя кампания 1916 года превратилась в новую кровавую бойню, и если верить данным Генерального штаба, то потери убитыми и ранеными были лишь немногим меньшими, чем в 1915 году. Для характеристики морального состояния солдат особенно показательны потери пленными: в 1916 году эти потери составили 1,5 млн. солдат – притом, что армия не отступала, как в 1915 году, а наступала²⁸⁹. О распространении добровольной сдачи в плен говорят многие историки, опирающиеся на анализ фронтовой корреспонденции²⁹⁰ (необходимо особо отметить фундаментальное исследование О. С. Поршневу²⁹¹). Эта тема широко представлена в письмах офицеров: «Представится случай, охотно идут в плен, а тем более, что против нас австрийцы», «австрийцы очень часто переходят к нам в плен, наши тоже не спят: как только начальство заглядится, так и уходят» и т. д.²⁹² Характерно также одно из солдатских писем: «От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте... Почему наша Россия оказалась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову...»²⁹³

Современными исследователями подсчитано, что в целом за время войны Россия потеряла 3,9 млн. пленными, в 3 раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленных, а в германской, английской и французской армиях – от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12-15 раз чаще, чем солдаты других армий (кроме австрийской)²⁹⁴.

Помимо сдачи в плен, массовый протест принимал и другие формы. Резко возросло число дезертиров, по некоторым оценкам к началу 1917 года оно составляло 1,5 млн.²⁹⁵ Отмечались случаи отказа частей идти в наступление («забастовки солдат»), братания с солдатами противника. В солдатских письмах все чаще встречаются угрозы посчитаться с «пузанами, которые сидят в тылу»²⁹⁶. В последние месяцы 1916 года цензоры Казанского военного округа отмечали в своих отчетах, что «такого уныния как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. 2,5 года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Нет доверия к власти, нет и веры в себя. А остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы»²⁹⁷. В отчете за январь 1917 года был приведен отрывок из солдатского письма, отражавший, по мнению военно-цензурной комиссии, типичное настроение солдат: «Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови... кушпы-спекулянты строят свое благополучие и счастье»²⁹⁸.

Осенью 1916 года Петроградское жандармское управление отметило факты начавшегося разложения армии: массовую сдачу солдат в плен, дезертирство и вражду солдат к офицерам²⁹⁹ – характерное проявление обострения социальной розни. В октябре 1916 года произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге; возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной³⁰⁰.

Еще более опасным для властей было положение на флоте. Генерал-губернатор Кронштадта Р. Вирен писал в Главный морской штаб в сентябре 1916 года: «Достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость – форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль – через минуту раздастся взрыв... Мы судим, уличенных ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели. 80 тысяч под суд не отдашь»³⁰¹.

Таким образом, к концу 1916 года два фактора кризиса, о которых говорилось выше – падение авторитета власти в результате военных поражений и ненадежность войск как следствие предшествовавшего войне Сжатия и военных тягот – два фактора кризиса подготовили почву для революции

5.4.2. Продовольственный кризис в городах

Однако существовал еще и третий фактор: гиперинфляция, развал рынка и голод в городах. Как отмечалось выше, благодаря прекращению экспорта страна в целом была вполне обеспечена продовольствием. Однако, помимо проблемы производства, существовала еще проблема распределения продовольствия. В мирное время вопросы распределения продовольствия решались через рынок, и государство не вмешивалось в рыночную экономику, опасаясь нарушить интересы землевладельцев. Такой же политики самоустранения оно придерживалось и в первый военный год, не придавая особого значения проблеме распределения.

Между тем, в 1915 году система рыночного распределения стала разрушаться в результате финансового кризиса и начавшейся быстрой инфляции. Как отмечалось выше, типичный механизм кризиса общества, находящегося в состоянии Сжатия, в условиях войны включал гиперинфляцию и развал рынка. Это объяснялось тем, что Сжатие вызывало финансовый кризис, и в этих условиях военные расходы могли финансироваться, в основном, лишь за счет эмиссии бумажных денег. Огромные военные расходы не могли быть профинансированы, исходя из обычного бюджета. В 1914 году доходы бюджета составляли 2,8 млрд. руб., и поскольку увеличить доходы за счет налогов с населения было практически невозможно, то в 1915 году доходы формально остались на том же уровне (а с учетом инфляции существенно уменьшились). Между тем военные расходы за вторую половину 1914 года составили 2,5 млрд. руб., за 1915 год – 9,4 млрд., за 1916 год – 15,3 млрд.³⁰² Военные расходы намного превосходили обычные доходы во всех воюющих странах, но в России ситуация намного усу-

гублялась условиями Сжатия. Для стран с относительно высоким уровнем жизни, помимо повышения налогов и эмиссии бумажных денег, существовал еще один путь получения доходов – внутренние займы. Правительства этих стран могли опираться на поддержку народа, который готов был кредитовать государство ради будущей победы – и главное, мог кредитовать государство, потому что даже простые люди имели определенные сбережения. В Германии доля займов в годы войны составляла 90% средств, полученных на внутреннем рынке, и 74% военных расходов³⁰³. В России Сжатие обуславливало бедность населения, поэтому за счет займов было погашено лишь 7,5 млрд. из 30,5 млрд. руб. военных расходов царского правительства – то есть 25%³⁰⁴.

Однако дело было не только в бедности: глубинной причиной возникших финансовых трудностей было нежелание населения оказывать поддержку властям, «отсутствие должного понимания населением гражданского долга»³⁰⁵. При этом необходимо отметить, что либеральная оппозиция агитировала за займы, и имущие слои населения вкладывали в них свои деньги, – речь идет об отсутствии поддержки правительства со стороны простого народа³⁰⁶. Это было следствие вызванного Сжатием социального раскола.

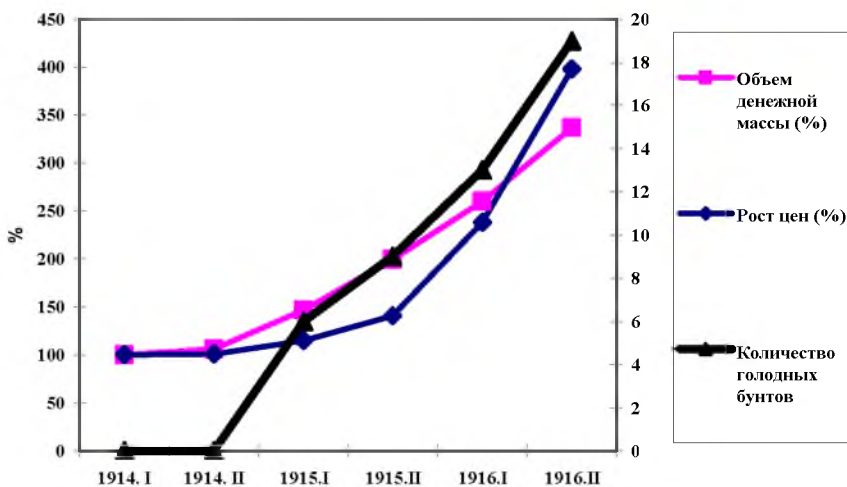

Рис. 5.3. Количество денег в обращении, индекс цен, и число голодных бунтов в городах (без Сибири, Закавказья, Кавказа и Донской области) по полугодиям³⁰⁷.

Таким образом, выяснилось, что Россия была не в состоянии самостоятельно финансировать войну, и союзники были вынуждены предоставить русскому правительству займы на общую сумму в 6,3 млрд. руб., что со-

ставило 21% военных расходов³⁰⁸. Однако, несмотря на эту помощь, внутренние и внешние займы покрывали расходы менее чем наполовину, а обыкновенные доходы (несмотря на формальное увеличение некоторых налогов) фактически даже уменьшились, и оставалось единственное средство финансирования армии – печатание бумажных денег. «Какие бы неточности в расчетах ни были, можно смело сказать, что выпуск бумажных денег явился для казны самым главным источником финансирования войны», – констатирует А. Л. Сидоров³⁰⁹. В конечном счете, к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России – ввиду отмеченных обстоятельств – эмиссия приобрела безудержный характер. По подсчетам А. Гурьева к весне 1917 году количество бумажных денег в обращении увеличилась во Франции на 100%, в Германии – на 200%, а в России – на 600%³¹⁰.

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к галопирующей инфляции, разрушению экономических связей и к потере хозяйственной, а потом и административной управляемости. К ноябрю 1916 года курс рубля упал до 60% номинала³¹¹. Естественным следствием такого положения был рост цен (см. рис. 5.3). В 1915 году цены росли значительно медленнее, чем денежная масса, в первом полугодии 1916 года рост ускорился, а во втором полугодии цены сделали резкий скачок и обогнали рост денежной массы. В соответствии с общеэкономическими законами это означало, что сократилось количество поступающих на рынок товаров, в том числе главного товара – хлеба. Во всем мире и во все времена реакция производителей на инфляцию одинакова: наблюдая быстрый рост цен, землевладельцы и крестьяне придерживают свой товар, чтобы подать его с большей выгодой, когда цена возрастет. На рынке появляется дефицит хлеба, от которого в первую очередь страдают горожане. Цены в городах быстро растут, у булочных выстраиваются длинные «хвосты», и массовое недовольство приводит к спонтанным вспышкам голодных бунтов, которые иногда превращаются в большие восстания. Примеры такого развития событий хорошо известны в истории, и мы напомним лишь два из них.

Первый пример – это события Великой французской революции. В 1792 году, во время войны с Австрией и Пруссией, все лица, годные к военной службе, были допущены в национальную гвардию – то есть народ получил в свои руки оружие. Как и в 1914-1917 годах, война финансировалась за счет эмиссии ассигнаций, стоимость которых быстро падала. Уже в ноябре 1792 года Сен-Жюст говорил, что «система торговли зерном опрокинута неумеренной эмиссией денежных знаков» и предупреждал о грядущих восстаниях³¹². К февралю 1793 года стоимость ассигната упала до 50% номинала, и 24-26 февраля по Парижу прокатилась первая – чисто стихийная – волна голодных бунтов. Напуганное правительство ввело максимальные цены на зерно, но максимум не соблюдался. Воспользовавшись создавшимся положением, якобинцы сумели превратить стихийное экономическое движение в политическое и объединили лозунги твердой цены на хлеб, изгнания из Конвента жирондистских депутатов, ареста подозре-

тельных и др. Организованное якобинцами вооруженное выступление национальной гвардии 31 мая -2 июня одержало победу, Робеспьер пришел к власти, но продовольственное положение не улучшалось. 4 сентября вспыхнул новый – снова стихийный – голодный бунт, и Конвент был вынужден объявить «всеобщий максимум», то есть максимальные цены на все товары. Затем последовало введение продразверстки с конфискацией всех излишков по твердым ценам и частичная национализация экономики; сопротивление недовольных было подавлено с помощью «революционного террора»³¹³.

Аналогия в развитии событий в России и в революционной Франции бросалась в глаза, и о ней начали говорить еще до начала русской революции. В ноябре-декабре 1916 года на эту аналогию обращалось внимание в выступлениях на заседаниях Всероссийской сельскохозяйственной палаты³¹⁴. 25 января 1917 года министр финансов П. Барк, выступая на Петроградской конференции Антанты, сообщал, что цены в России поднялись в 4-5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах, что если курс рубля не будет поддержан, то «возможна катастрофа, как во время французской революции». Отвечая П. Барку, английский представитель лорд Мильнер признал, что вопрос «курса есть самый трудный вопрос, но, увы, англичане не волшебники»³¹⁵. Таким образом, и русское, и английское (и французское) правительства понимали, в каком направлении развиваются события в России, но ничего не могли изменить.

Другой пример – это упоминавшийся выше московский «медный бунт» 1662 года. Он также произошел во время тяжелой войны, когда правительство, с одной стороны, проводило большие мобилизации, а с другой стороны – финансировало войну с помощью чеканки медных денег с номинальной стоимостью. В результате цены в городах резко возросли и в Москве вспыхнул бунт, в котором участвовали, в том числе, и солдаты полков «иноземного строя». Бунт был подавлен полками стрельцов, которые сохранили верность правительству, но одно время положение было очень опасным. Благополучный исход этого кризиса был обусловлен, в основном, тем обстоятельством, что страна находилась в фазе демографического восстановления, земли было много, уровень жизни был относительно высоким, и общество не было расколото жестоким социальным конфликтом (крепостное право еще не успело оказать своего негативного воздействия). В 1917 году ситуация была иной.

Указанные примеры говорят о том, что *события, подобные февральской революции 1917 года, могут происходить и в традиционном обществе*, и что участие промышленных рабочих в февральских событиях, в конечном счете, не было определяющим моментом.

В России хлебное снабжение городов было нарушено уже к осени 1915 года. А. Н. Хвостов, вскоре назначенный министром внутренних дел, уже в октябре этого года предупреждал о надвигающемся топливном и продовольственном кризисе в центральных и северных районах³¹⁶. По данным анкетирования, произведенного в сентябре 1915 года, в Центральном-

промышленном районе 88% городов испытывали недостаток в хлебе. Чтобы обеспечить снабжение городов и закупки для армии большинство губернаторов Европейской России запретили вывоз хлеба за пределы своих губерний, до крайности затруднив хлебную торговлю. Это вынудило хлебных торговцев искать всевозможные лазейки, давать взятки чиновникам и обходить запреты. Многие солидные фирмы, оказавшиеся не в состоянии встать на этот путь, были вынуждены прекратить свою деятельность, а те, которым удавалось провезти хлеб, продавали его по спекулятивным ценам³¹⁷.

Население городов отвечало на нехватку хлеба и спекулятивные цены стихийными бунтами, сопровождавшимися разгромом магазинов и торговых кварталов. На графике 5.3 учтены лишь крупные бунты с тысячами участников, отмеченные массовыми беспорядками и столкновениями с полицией и войсками. Число голодных бунтов росло одновременно с ростом цен. Едва ли не большинство участников бунтов составляли женщины. Участие женщин и справедливый характер требований доведенных до отчаяния людей вызывали сочувствие среди привлекаемых для подавления волнений солдат и казаков. Во время голодного бунта 2-3 мая 1916 года в Оренбурге казаки впервые отказались выполнять приказ атаковать толпу. В дальнейшем такое поведение солдат и казаков стало достаточно типичным: в 1916 году было 9 таких случаев³¹⁸.

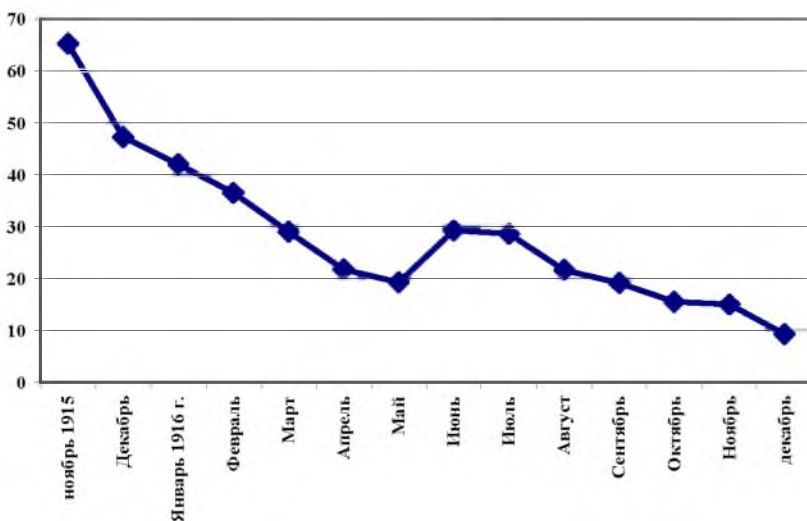

Рис. 5.4. Видимые запасы «главных хлебов» (млн. пуд.)³¹⁹

График на рис. 5.4 иллюстрирует постепенное ухудшение положения в хлебной торговле и уменьшение запасов на элеваторах, железнодорожных, портовых, торговых и других складах, где велся соответствующий учет. Запасы обычно достигали максимума в осенние месяцы, когда на рынок поступал хлеб нового урожая. В ноябре 1915 года запасы составили 65

млн. пудов, затем в ходе обычного торгового цикла они постепенно уменьшались. Но – в отличие от предыдущих лет – осенью 1916 году запасы не возросли. Урожай 1916 года был значительно хуже, чем в 1915 году, и, наблюдая рост цен в предыдущий период, производители, как помещики, так и крестьяне, не продавали хлеб. Инфляционные ожидания были таковы, что ходили слухи о будущем десятикратном увеличении цен. В результате зерно не попало на склады, оставшись в деревне, и запасы уменьшились до критического уровня³²⁰.

В результате паралича торговли в промышленных губерниях, питавшихся в значительной мере привозным хлебом, наблюдался резкий рост цен. На картограмме, показывающей уровень осенних цен 1916 года (рис. 5.5) выделяется область высоких цен, охватывающая Центрально-промышленный район и Северо-Запад. Тяжелое положение сложилось также в Белоруссии. Минская губерния до войны получала 4500 вагонов продовольствия, а в 1916 году – только 200 вагонов³²¹.

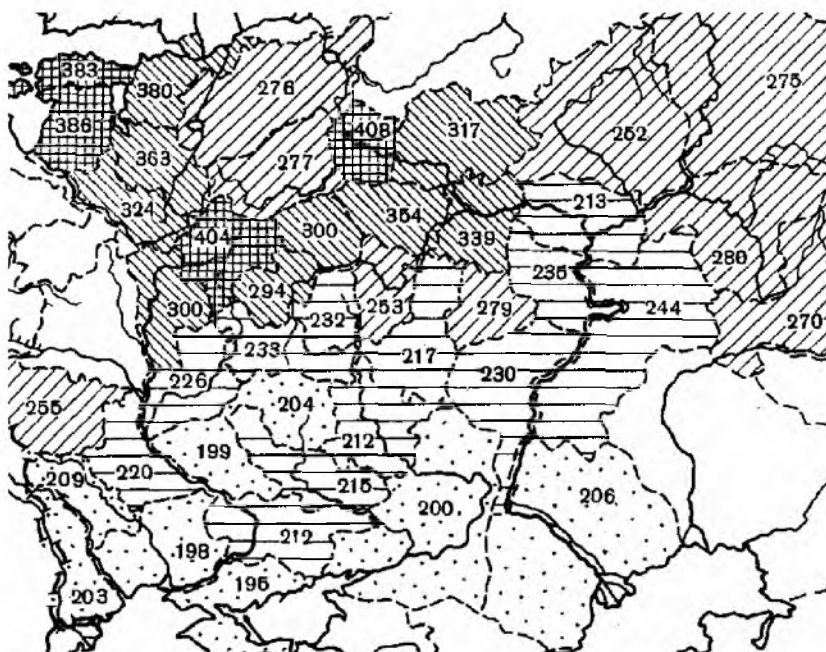

Рис.5.5. Цены на рожь осенью 1916 года (коп за пуд.)³²².

В течение всего лета 1916 года в правительстве шла борьба между сторонниками государственного регулирования цен и приверженцами «laissez faire». Еще в конце 1915 года бюджетный комитет Думы, выражая интересы помещиков, протестовал против установления введенных тогда твер-

дых цен на хлеб, закупаемый для армии. В июле 1916 года более реалистически мыслявший Госсовет потребовал установления обязательных для всех максимальных цен на хлеб, которые были введены с 9 сентября. Эти «твердые» цены были выше летних цен, но уже вскоре они оказались ниже, чем поднявшиеся цены свободного рынка. Производители отказывались продавать хлеб по твердым ценам, и они почти нигде не соблюдались, даже при государственных закупках. 10 октября в Особом совещании по продовольственному вопросу был выдвинут проект введения карточной системы, но он не был принят за отсутствием «технических средств» к выполнению. Впрочем, к этому времени во многих городах уже существовали свои карточки, но продажа продуктов по ним осуществлялась в небольших размерах и была лишь дополнением к свободному рынку³²³.

Между тем, положение быстро ухудшалось; в октябре было закуплено 49 млн. пуд., что составляло лишь 35% от запланированного количества хлеба, в ноябре – 39 млн. пуд (38%). В ноябре командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов предупредил правительство о надвигающемся голоде в войсках. Правительство осознало, что сам по себе хлеб уже не придет на рынок и необходимо принимать срочные меры. 29 ноября новый министр земледелия А. А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, далее он распределялся по уездам, волостям и в течение 35 дней должен был доведен до производителей – помещиков и крестьян. В течение 6 месяцев разверстанное количество хлеба необходимо было сдать государственным уполномоченным. Всего предполагалось закупить 772 млн. пудов хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов³²⁴.

А. А. Риттих предполагал, что он «за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи», однако к началу февраля министр был вынужден признать провал своих планов. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания³²⁵. М. В. Родзянко в записке, предназначенной для правительства, констатировал, что из намеченных к разверстанию 772 млн. пудов на 23 января 1917 года было реально разверстано волостями лишь 4 млн. пудов, и «эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки»³²⁶. За две недели до революции Риттих пессимистически признал, что, действительно, «может наступить катастрофа»³²⁷. В конечном счете, к лету 1917 года, уже после революции, было собрано в счет разверстки не более 170 млн. тонн зерна вместо намеченных 772 млн.³²⁸

Разверстка не удалась, и нужно было искать способы немедленного получения хлеба. В декабре 1916 года было начато изъятие хлеба из сельских запасных магазинов, в которых деревенские общины хранили запасы на случай голода. Эта мера вызвала бурный протест крестьян и была отменена после того, как столкновения с полицией приняли массовый характер. Были введены надбавки к твердым ценам за доставку зерна на железнодорожные станции, широко использовались угрозы реквизиции у нежелавших продать

хлебкомешчиков В декабре удалось закупить 63 млн. пудов (52% к плану), но почти весь этот хлеб пошел на снабжение армии. Города получали лишь малую часть закупок, задания по снабжению гражданского населения были выполнены в январе на 20%, в феврале – на 30%³²⁹.

А. Г. Шляпников приводит конкретные данные о степени выполнения снабженческих заявок по некоторым городам и губерниям. Так, для Пскова было запланировано поставить в ноябре и декабре 1916 года 321 вагон муки и зерна, а фактически было поставлено к концу января 1917 года только 76 вагонов. Для Новгородской губернии было запланировано 1800 вагонов, поставлено только 10. Для Вологодской губернии было запланировано поставить 1080 вагонов, поставлено 200. Для Рязанской губернии планировалось поставить 582 вагона, а фактически поставлено к концу января лишь 20 вагонов. Из-за отсутствия зерна во многих городах (в частности, в Царицыне, Тамбове, Нижнем Новгороде) остановились мельницы³³⁰.

Городское население какое-то время жило за счет запасов, еще имевшихся в торговой сети и на элеваторах (см. рис. 5.4), но они быстро подходили к концу. К началу 1917 года продовольственный кризис в городах принял катастрофический характер. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, огромных очередях у продовольственных магазинов в столицах. Тяжелым было положение и в других городах, даже на Черноземье, где в соседних с городами деревнях от хлеба ломились амбары. В Воронеже населению продавали только по 5 фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили 10 фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В декабре 1916 года карточки на хлеб были введены в Москве, Харькове, Одессе, Воронеже, Иваново-Вознесенске и других городах. В некоторых городах, в том числе, в Витебске, Полоцке, Костроме, население голодало³³¹.

Некоторые авторы утверждают, что в непоставках хлеба были повинны железные дороги, не справлявшиеся с перевозками из-за изношенности подвижного состава и снежных заносов, что хлеб был, но он лежал на станциях³³². Данные, приводимые Н. Д. Кондратьевым, говорят, что это не так. За декабрь 1916 – апрель 1917 года Петербургский и Московский районы не получили 71% планового количества хлебных грузов, на 80% эта непоставка объяснялась отсутствием груза и лишь на 10% – неподачей вагонов³³³. В снабжении фронта наблюдалась та же картина: в ноябре 1916 года фронт получил 74% продовольствия, в декабре – 67%. 87% непоставки интендантских грузов в эти месяцы произошло по вине Министерства земледелия, и лишь 13% – по вине железнодорожников³³⁴.

Что касается технического состояния железнодорожного транспорта, то количество паровозов составляло в 1914 году 20,0 тыс., в 1916 году – 19,9 тыс., количество товарных вагонов соответственно 485 и 504 тыс., доля «больных» вагонов – 3,7% и 5,6%; интенсивность перевозок увеличилась за это время на одну треть. До начала 1917 года положение на транспорте оставалось еще более-менее удовлетворительным, резкое ухудшение на-

ступило уже после Февральской революции³³⁵. Таким образом, до февраля 1917 года техногенный фактор не играл существенной роли в развитии кризиса.

Подводя итоги описанию экономической ситуации в 1916 году, можно констатировать, что вызванный войной и предшествующим Сжатием финансовый кризис привел к разрушению экономических связей, к потере хозяйственной управляемости и к голоду в городах. В соответствии с демографически-структурной теорией следующим этапом должна была быть потеря административной управляемости и коллапс государства.

5.4.3. Перед революцией

Уже осенью 1916 года повышение хлебных цен породило новую волну голодных бунтов и забастовок в промышленных районах. 17 октября началась стихийная забастовка 30 тысяч рабочих Выборгского района Петрограда. Рабочие направились к казармам, где размещалось 12 тысяч солдат 181 полка, и солдаты присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были рассеяны, 130 солдат было арестовано. Однако забастовка продолжалась еще несколько дней, и число бастующих достигло 75 тысяч³³⁶.

События 17-19 октября по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, стихийность, внезапность, участие женщин, переход солдат на сторону народа, отказ казаков стрелять в толпу) напоминают события 23-28 февраля 1917 года, и Л. Хеймсон назвал их «репетицией Февральской революции»³³⁷. Эта «репетиция» настолько встревожила Министерство внутренних дел, что оно спешно разослало циркулярные телеграммы с целью выяснить обстановку на местах. 30 октября директор Департамента полиции А. Т. Васильев представил доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 года, и что, если обстановка не изменится, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». Особо отмечалось донесение начальника Кронштадтского гарнизона, который предупреждал, что на подавление беспорядков войсками рассчитывать нельзя ввиду их ненадежности. В городах центрального района, резюмировал А. Т. Васильев, положение несколько менее напряженное, чем в столицах, что же касается деревень, то там сохраняется «спокойное, даже скорее безразличное отношение ко всему тому, что беспокоит городское население». Среди всех слоев населения наблюдается «охлаждение к войне», результатом которого являются «растущее дезертирство из армии и массовые сдачи в плен («уходы в плен»)). Отношение к думе изменилось, потому что она «сильно разочаровала массы». Что касается революционного движения, то в результате мо-

билизации в войска «революционных организаций, как таковых, почти нигде не существует». «Сопоставляя все выше приведенные признаки... – заключает Васильев, – обязуюсь доложить, что, признавая положение безусловно... угрожающим государственному порядку... возможностью возникновения в разных местностях империи, в особенности в столицах, крупных беспорядков, департамент полиции, со своей стороны, полагает, что нарастающее движение в настоящее время носит еще характер экономического, а не революционный»³³⁸.

Так же как и Дурново, Васильев основывался на опыте 1905 года и полагал, что не может быть «революции без революционеров», что сначала должна быть пропагандистская компания в законодательных учреждениях и агитация революционных организаций, которая поднимает народ на стачки, демонстрации, а потом и на восстания. Это был сценарий революций 1848 года, превратившийся позже в сценарий «революций вестернизации».

Осенняя вспышка стихийных волнений в городах убедила оппозицию, что страна стоит на грани революции. 1 октября на заседании Московского отделения ЦК кадетов Д. И. Шаховский, Ф.Ф. Кокошкин и В. А. Маклаков сравнивали страну с «бушующим огненным морем». Они обвиняли правительство в продовольственном кризисе, но признавали при этом, что у кадетов нет плана разрешения этого кризиса³³⁹. «До революции осталось всего лишь несколько месяцев, если таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше», – так передавались настроения кадетского руководства в сводке петроградского жандармского управления за октябрь 1916 года³⁴⁰.

Характерно, что вначале, как отмечал лидер октябристов А. И. Гучков, оппозиция рассматривала назревающую революцию по аналогии с 1848 годом, ожидая, что рабочие свергнут правительство, а затем «разумные люди, вроде нас, будут призваны к власти». Но затем пришло понимание того, что ситуация изменилась, что «те, которые будут делать революцию, встанут во главе этой революции». Поэтому необходимо было действовать самим, чтобы упредить революцию³⁴¹. «Времени для размышления не оставалось, – пишет Р. Пайпс. – Информация, имевшаяся в распоряжении политических деятелей в Москве и Петербурге (и конфиденциально подтвержденная, как нам теперь известно, полицией) указывала на то, что экономические трудности могут в любой момент вызвать массовые беспорядки. Чтобы предупредить это, Думе следовало взять власть в свои руки, и как можно быстрее...»³⁴²

Таким образом, либеральная оппозиция не обращалась к поддержке народа, как это было в 1905 году. Она учла опыт первой революции, и теперь всеми силами старалась предотвратить народное восстание. Как говорил В. В. Шульгин, «весь смысл существования Прогрессивного блока был предупредить революцию и тем самым возможность диктатуры до конца»³⁴³.

Между тем, для правительства естественный способ предупредить революцию состоял в заключении сепаратного мира с Германией. Осенью 1916 года имели место контакты между доверенными лицами русского и германского правительств; 3 октября правительство Б. В. Штюрмера пере-

дало в Вену и в Берлин русские условия мира. Сведения о сепаратных контактах стали известны союзникам по Антанте, и английский посол Д. Бьюкенен вошел в сношения с либеральной оппозицией с целью добиться отстранения Штюрмера³⁴⁴. 1 ноября 1916 года П. Н. Милоков произнес в Думе свою знаменитую речь, обвинив премьер-министра в предательстве. Как отмечалось выше, социальный конфликт в условиях войны приобрел еще одно измерение: крестьяне-фронтовики обвиняли дворянскую элиту в измене. Речь Милокова послужила «официальным подтверждением» этих подозрений и подлила масла в огонь ненависти. Огромный пропагандистский эффект этого выступления подчеркивается многими исследователями³⁴⁵, причем Л. Хеймсон выражает удивление по поводу того, что Милоков, всегда боявшийся революции, решился пойти на риск дестабилизации правящего режима³⁴⁶. В конечном счете, царь был вынужден отправить Штюрмера в отставку и назначить на его место англофила А. Ф. Трепова.

В момент нового обострения борьбы между либеральной оппозицией и монархией группа правых сановников, вдохновляемая П. Н. Дурново, представила царю программную записку с оценкой политического положения. Эта записка во многом повторяла выводы предвоенного «пророчества Дурново»: ее авторы выступали против уступок либеральной оппозиции потому, что либералы «столь слабы, столь разрозненны, и, надо говорить прямо, столь бездарны, что их торжество было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Главную опасность сановники видели не в либералах, а в левых революционных партиях: «Опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная». Революционные партии «вправе рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетариатом тотчас же, как революционные вожжи укажут им чужую землю». Уступки либералам не спасут положения монархии, потому, что «затем выступила бы революционная толпа», следом за либералами пришли бы «коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник»³⁴⁷. Л. Д. Троцкий отмечает «историческое предвиденье» авторов этого документа³⁴⁸, и, во всяком случае, нельзя отрицать того, что многоопытные бюрократы, владевшие подробной информацией о происходившем в стране, были способны сделать достаточно точный прогноз развития событий.

Рекомендации авторов записки сводились к созданию правительства из беспощадных сторонников самодержавия, к упразднению Думы, введению осадного положения в столицах, подготовке сил для подавления неизбежного «мятежа». «Эта программа и была, в сущности, положена в основу правительственной политики последних предреволюционных месяцев», — резюмирует Л. Д. Троцкий³⁴⁹. Под предлогом «рождественских каникул» Дума была вновь распущена на длительный срок, а Трепов был заменен на посту премьера Н. Д. Голицыным.

Думская атака на правительство снова закончилась неудачей, и оппозиция стала искать другие способы воздействия на власть. Группа заго-

ворщиков во главе с А. И. Гучковым работала над подготовкой военного переворота, но вербовка офицеров-исполнителей оказалась нелегким делом. Лидеры оппозиции установили также контакты с Рабочей группой, существовавшей при Центральном военно-промышленном комитете, и пытались использовать эту группу, чтобы организовать массовые манифестации рабочих в поддержку требований Думы. Однако министр внутренних дел А. Д. Протопопов (который, конечно, был знаком с «предсказанием Дурново») пресек эти контакты, арестовав большинство членов Рабочей группы. Вдобавок, П. Н. Милоков испугался и обратился к рабочим с призывом отказаться от участия в запланированной манифестации. 14 февраля 1917 года, в день открытия новой сессии Думы, бастовало 84 тыс. рабочих; часть стачечников провела демонстрацию на Невском проспекте, но войска не позволили большинству демонстрантов подойти к зданию Думы. Характерно поведение рабочих Выборгского района, которые восстали в октябре 1916 года: после того как оппозиция осудила их выступление, они отказались демонстрировать в поддержку Думы³⁵⁰.

Воззвание П. Н. Милокова к рабочим с призывом к спокойствию по смыслу совпадало с воззванием командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова³⁵¹. Таким образом, перед лицом революции элита демонстрировала не раскол, а сплочение. Наученные опытом 1905 года, либералы были готовы отказаться от борьбы, чтобы не вовлекать в нее народ. «Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш...» – говорил Милоков 27 февраля, когда революция стала реальностью³⁵².

Что касается социалистических партий, то они были до крайности ослаблены мобилизациями и репрессиями. 2 января 1917 года был арестован в полном составе петроградский комитет большевиков; на многих заводах вообще не было большевистских партийных ячеек³⁵³. Руководство партии, находившееся в эмиграции, не ориентировалось в обстановке: В. И. Ленин в лекции, прочитанной в Цюрихе в январе 1917 года, говорил, что ему и его сверстникам, очевидно, не суждено при жизни увидеть революцию³⁵⁴.

Между тем, правительство, которое критиковали за бездействие и пассивность, искало свой выход из кризиса. Как во времена Великой реформы и революции 1905 года, кризис заставил правительство снова обратиться к крестьянскому вопросу. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов предложил провести новую земельную реформу, предусматривавшую наделение крестьян землей за государственный счет, и Николай II дал согласие на разработку соответствующего проекта, для начала, для трех прибалтийских губерний³⁵⁵. Одновременно возобновились энергичные попытки заключения мира. 13 февраля в Вене были получены новые предложения русского правительства. 25 февраля Австрия и Германия получили личное обращение Николая II, который указывал на то, что «требование массами мира растет с каждым днем» и «за невнимание к этому требованию правительства могут дорого заплатить»³⁵⁶. Австрийский министр иностранных дел О. Чернин расценивал эти обращения «как последнюю попытку спа-

стись»³⁵⁷. Однако Германия отвергла русские условия, не без основания надеясь на быстрое ухудшение положения в России³⁵⁸.

В. С. Измозик, проанализировав массовый материал перлюстрации полицией частных писем, делает вывод, что «господствующим в политически активных слоях общества было действительно ожидание близкого краха»³⁵⁹. Председатель Думы М. В. Родзянко писал 26 декабря: «Мы накануне таких событий, которых... еще не переживала святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата»³⁶⁰.

Волна голодных стачек в городах быстро нарастала. О том, что с лета 1916 года интенсивность рабочего движения определялась уже не политическими и военными событиями, не призывами партий, а голой экономической реальностью, говорит появившаяся с этого времени прямая корреляция между числом стачечников и ценой на хлеб. По Московскому промышленному району коэффициент корреляции между ценой на ржаной хлеб и числом экономических стачечников (составлявшим подавляющее большинство бастующих) в период с июля 1916 по январь 1917 года составлял 0,8³⁶¹. В начале 1917 года речь шла уже не о росте цен, а об отсутствии хлеба. Московский городской голова М. В. Челноков послал председателю Совета министров четыре телеграммы, предупреждая, что нехватка продовольствия «угрожает вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения столицы»³⁶². 23 февраля председатель Общества фабрикантов московского промышленного района Ю. П. Гужон телеграфировал военному министру, что в результате закрытия хлебопекарен 93 тыс. рабочих не получают хлеба: «Фабрики и заводы приостанавливаются, рабочие волнуются, уходя искать хлеба»³⁶³. Таким образом, в Москве назревал такой же грандиозный голодный бунт, какой произошел в Петрограде.

Голод угрожал и армии. В декабре 1916 года состоялось совещание в Ставке под председательством Николая П. «На этом совещании выяснилось, что дело продовольствия войск в будущем должно значительно ухудшиться... – писал А. А. Брусилов. – Нам не объясняли причин расстройств народного хозяйства, но нам говорили, что этому бедственному положению помочь нельзя»³⁶⁴. Пока же солдатам в окопах вместо 3 фунтов хлеба в день стали давать 2 фунта, а в прифронтовой полосе – 1,5 фунта. Лошади почти не получали овса и находились в истощенном состоянии, поэтому артиллерия потеряла мобильность, и армия уже не могла наступать. В случае отступления такое положение должно было привести к потере артиллерии и обозов³⁶⁵.

В декабре 1916 года накопившееся недовольство солдатских масс, наконец, прорвалось в массовых выступлениях непосредственно на фронте. В ходе Митавской операции 23-29 декабря отказался идти в атаку 17 пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Командование все же смогло справиться с ситуацией; около ста наиболее активных уча-

стников выступления были расстреляны, несколько сот были осуждены на каторгу³⁶⁶.

В начале 1917 года по распоряжению председателя Совета министров было проведено обследование настроений войск на Северном и Западном фронтах. В материалах этого обследования отмечалось, что солдаты видят в деятельности правительства «измену и предательство» и был сделан вывод, что «возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как, любя царя, они все же слишком недовольны всем управлением страны»³⁶⁷. Командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов писал: «Можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия... была подготовлена к революции»³⁶⁸. Генерал А. М. Крымов говорил председателю Думы М. В. Родзянко незадолго до Февральской революции: «Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках»³⁶⁹.

Наиболее опасным для властей было то обстоятельство, что на фронте заканчивались запасы продовольствия. В начале февраля на Северном фронте продовольствия оставалось на два дня, на Западном фронте запасы муки закончились и части перешли на консервы и сухарный паек³⁷⁰. 22 февраля Николай II срочно отправился из Петрограда в Ставку спасать армию от продовольственного кризиса³⁷¹. Но на следующий день под воздействием того же продовольственного кризиса начались массовые волнения в Петрограде.

5.4.4. Февральская революция

В течение 1916 года среднее месячное потребление муки в Петрограде составляло 1276 тыс. пудов. Перебои с поставкой начались в ноябре, когда в столицу было доставлено 1171 тыс. пудов; в декабре поставка упала до 606 тыс. пудов, в январе было доставлено 731 тыс. пудов³⁷². В течение первых двух месяцев 1917 года установленный план снабжения Москвы и Петрограда хлебом был выполнен только на 25%. Петроград жил на счет запасов, которые стремительно уменьшались; с 15 января до 15 февраля запасы муки уменьшились с 1426 до 714 тыс. пудов. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщил премьер-министру, то за последнюю неделю подвоз муки составлял 5 тыс. пудов в день при норме 60 тыс. пудов, а выдача муки пекарям – 35 тыс. пудов в день при норме 90 тыс. пудов. А. А. Ритгих объяснял февральский срыв снабжения Петрограда снежными заносами; утверждалось, что 5700 вагонов застряли в пути из-за снегопадов. Однако трудности такого рода бывали всегда: в начале 1916 года оказались под снегом 60 тыс. вагонов – но это прошло незамеченным, потому что в городах были достаточные запасы хлеба. Очевидно, что временные срывы поставок начинают ощущаться лишь в период кризиса, когда система снабжения готова рухнуть и достаточно малейшего толчка, чтобы произошла катастрофа. Впрочем, по некоторым сведениям, дело было не в заносах на железных дорогах: 16 февраля на совещании в Ставке главноуправляющий Министерства земледелия Грудистов оправдывал кризис

снабжения не неподачей вагонов, а тем, что метели затруднили подвоз хлеба к станциям. Как бы то ни было, поставки не выполнялись и в предстоящие месяцы, так что снежные заносы (если они действительно имели место) только ускорили кризис. К 25 февраля запасы уменьшились до 460 тыс. пудов, а по другим сведениям – до 300 тыс. пудов³⁷³.

Правительство прекрасно понимало всю опасность сложившейся ситуации – и делало все возможное, чтобы избежать восстания. Как отмечалось выше, в конце января на переговорах со странами Антанты министр финансов П. Барк говорил о надвигающейся катастрофе и просил о предоставлении срочного кредита для укрепления курса рубля. Английский представитель лорд Мильнер ответил на это, что «увы, англичане не волшебники», но пообещал рекомендовать своему правительству рассмотреть вопрос о кредите³⁷⁴. Сомнительно, чтобы эти неопределенные обещания могли помочь царскому правительству, и в любом случае было слишком поздно: делегаты еще не успели вернуться на родину, как началась революция. Провожая своих делегатов, французский посол М. Палеолог поручил им передать президенту, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию³⁷⁵.

Английский посол Д. Бьюкенен еще до конференции попытался предупредить царя о грозящей опасности, он говорил о необходимости примирения с Думой, о жестоком продовольственном кризисе и о ненадежности войск. «Революция носилась в воздухе, – писал Д. Бьюкенен, – и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно»³⁷⁶. Когда на торжественном обеде 22 января Д. Бьюкенен сказал императору, что, по его сведениям, продовольственное снабжение прекратится через две недели, и что нужно спешить с принятием мер, то император согласился и прибавил, что «если рабочие не будут получать хлеба, то несомненно, начнутся забастовки»³⁷⁷. В этом ответе Николая II, так же как в ответе лорда Мильнера, и в обсуждении на совещании в Ставке явственно просматривалось признание того факта, что продовольственное положение будет ухудшаться и что *«этому бедственному положению помочь нельзя»*.

Таким образом, оставалось готовиться к голодному бунту – и правительство готовилось. Иногда высказывается мнение, что власти демонстрировали «вопиющую беспомощность и непредусмотрительность», что если бы не их некомпетентность, то вспыхнувший бунт можно было бы подавить³⁷⁸. В действительности власти планомерно и тщательно готовились к подавлению неизбежного восстания. Комиссия под председательством командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова закончила в середине января разработку плана дислокации и действий войск. Во главе карательных частей был поставлен командующий гвардейскими запасными частями генерал Чебыкин. Полки были расписаны по

районам. В каждом из шести полицмейстерств полиция, жандармерия и войска объединялись под командованием особых штаб-офицеров. Власти пошли на беспрецедентный шаг: они вооружили полицейские части пулеметами; в Петрограде на крышах домов было оборудовано не менее 50 пулеметных гнезд³⁷⁹. Полковник Д. Ходнев свидетельствует, что «петроградская полиция, как пешая, так и конная, равно как и жандармские части, были достаточны по численности и находились в образцовом порядке»³⁸⁰. Всем рядовым чинам полиции было объявлено, что им, как солдатам осажденной крепости, будет выдаваться усиленный оклад: от 60 до 100 рублей. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов резко усилить агентурную деятельность; благодаря этому он был хорошо осведомлен о планах оппозиции, и в частности, о готовившейся Рабочей группой демонстрации 14 февраля. К началу этой демонстрации полицейские пулеметчики заняли свои посты на крышах домов, а почти все ее организаторы были арестованы³⁸¹. Как считает Л. Хеймсон, это было одной из причин того, что намеченная манифестация не приобрела большого размаха³⁸²; за этот успех А. Д. Протопопов удостоился личной благодарности царя³⁸³. Таким образом, власти действовали предусмотрительно, и в некоторых случаях достаточно эффективно – поэтому революцию невозможно списать на их «вопиющую беспомощность».

Однако министра внутренних дел беспокоил вопрос о дислокации в Петрограде ненадежных запасных батальонов находившихся на фронте гвардейских полков – и это беспокойство было вполне понятно в свете имевших место восстаний запасников в Кременчуге и Гомеле. Как писал позднее А. Д. Протопопов, он обратился к генералу Хабалову с просьбой вывести из города запасные батальоны, но Хабалов ответил, что в округе нет других казарм, и заверил министра, что «войска исполнят свой долг»³⁸⁴. Однако многие сведущие представители власти, в том числе начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, продолжали высказывать сомнения в надежности запасных батальонов, в частности, потому, что солдаты этих батальонов явно не желали отправляться на фронт (отправка была назначена на 1 марта)³⁸⁵. В начале 1917 года прошел большой призыв и казармы запасных батальонов были переполнены; в них находилось около 200 тыс. солдат. «Вышедшие из лазаретов рассказывали об ураганном огне, о страшных потерях, – писал С.С. Ольденбург, – Солдатские массы были проникнуты одним страстным желанием – чуда, которое избавило бы их от необходимости “идти на убой”»³⁸⁶. 9 января на совещании в штабе Петроградского военного округа Глобачев прямо спросил генерала Чебыкина: «Ручаетесь ли вы за войска?». Чебыкин ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более что подавлять беспорядки будут назначены самые отборные, самые лучшие части – учебные команды»³⁸⁷. Учебные команды состояли из специально отобранных солдат, проходивших подготовку для последующего назначения сержантами. В отношении других воинских частей были приняты меры к изоляции их от петроградского населения; на проходные казармы были поставлены учебные команды,

и солдат не выпускали на улицу; солдатам не давали оружия, находившегося под охраной специальных нарядов³⁸⁸.

Тем не менее, Николай II испытывал тревогу и отдал приказ перевести в Петроград с фронта четыре надежных (как он считал) полка гвардейской кавалерии. Но приказ не был выполнен. А. И. Гучков (со слов командующего гвардейским кавалерийским корпусом принца Лихтенбергского) рассказывал, что офицеры-фронтовики стали протестовать, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ: «это не сражение». В итоге вместо гвардейской кавалерии в Петроград были присланы три флотских экипажа, в надежности которых Протопопов глубоко сомневался³⁸⁹. Впрочем, нельзя утверждать, что у властей не было надежных частей: в подавлении «беспорядков» 26 февраля участвовали десять эскадронов гвардейской кавалерии из Красного Села и Павловска³⁹⁰.

Обеспокоенная продовольственной ситуацией Петроградская городская дума 13 февраля высказалась за введение нормирования продажи хлеба; 19 февраля градоначальник Балк решил ввести карточную систему с первых дней марта³⁹¹. Слухи о введении карточек быстро распространились; с середины февраля печать сообщала о предстоящем в ближайшее время введении карточной системы и о том, что на взрослого едока будет отпускаться не более 1 фунта хлеба в день. 1 фунт в день – это норма, недостаточная для нормального питания взрослого человека, что же касается детей, то на них планировалось отпускать вдвое меньше. Разумеется, это вызвало стремление запастись хлебом, которое быстро переросло в продовольственную панику. Необходимо подчеркнуть, что паника не была случайностью – это была естественная реакция населения на стремительное уменьшение запасов. Газета «Речь» писала 14 февраля: «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получит булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше 1-2 фунтов на человека в день не продают, обывателям приходится являться в лавки со всеми своими домочадцами...»³⁹². «У нас сейчас расклеены на всех заборах объявления градоначальника с убеждением рабочих не вставать и обещанием расстрела, – свидетельствует одно из перлюстрированных полицией писем. – Готовится второе 9-е января. По всему судя, резюмируя все слухи и факты – быть взрыву. Но к чему это приведет? Чья возьмет? Страшно подумать: у нас нет хлеба...»³⁹³ 21 февраля пристав 4-го участка Нарвской части докладывал градоначальнику о нехватке хлеба и быстром росте недовольства: «Явление это крайне прискорбно и нежелательно, уже потому, что рабочий, не имея времени стоять в очереди, хлеба купить никак не может, а когда освобождается, такового в лавках уже не имеется»³⁹⁴. 22 февраля пристав 2-го участка Выборгской части докладывал: «Среди... рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2-3 дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размера, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов

двух хлеба, крестятся и плачут от радости»³⁹⁵. Директор департамента полиции, в свою очередь, докладывал министру внутренних дел: «...продолжающееся возрастание цен неустанно поддерживает в столичном населении настолько повышенно-нервное настроение, что при условии достаточного к тому повода в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки...»³⁹⁶

23 февраля рабочие праздновали международный женский день. Накануне на собраниях и митингах большевики призывали работниц отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее, текстильщицы Невской ничтожной мануфактуры объявили забастовку и толпой, с криками «Хлеба!», двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Все это происходило на Выборгской стороне, которая еще не вполне успокоилась после октябрьских событий. Движение разрасталось как снежный ком; к вечеру число бастующих достигло 60 тысяч; произошло несколько столкновений демонстрантов с полицией³⁹⁷.

Политические партии пока не придавали особого значения этим событиям. Выступая в Думе, лидер думских социалистов А. Ф. Керенский не звал к революции, а предостерегал об опасности всесокрушающего голодного бунта. «Ведь масса, стихия, у которой единственным царем делается голод, у которой... вместо рассуждения является острая ненависть ко всему, что препятствует им быть сытыми, уже не поддается убеждению и словам»³⁹⁸.

24 февраля бастовало уже 200 тысяч рабочих. Полиция разгоняла митингующих, но они вскоре собирались в других местах. Этот день – в соответствии с обычной картиной голодного бунта – был ознаменован разгромом и разграблением большого числа булочных и других магазинов³⁹⁹. Ни правительство, ни либеральная оппозиция еще не понимали смысла происходивших событий. «Удивительно, как мало значения придавали демонстрациям 23-25 февраля те, кого это более всего касалось... – писал Г.М. Катков. – В думских дебатах о демонстрациях не упоминали; Совет министров, заседавший 24 февраля, демонстрации даже не обсуждал... Даже революционная интеллигенция Петрограда не отдавала себе отчета в том, что происходит. Мстиславский-Масловский, старый эсер-боевик, говорит в своих мемуарах, что революция, “долгожданная, желанная”, застала их, “как евангельских неразумных дев, спящими”»⁴⁰⁰. «Какая там революция! – говорил 25 февраля руководитель бюро ЦК большевиков А. Г. Шляпников. – Дадут рабочим по фунту хлеба и движение уляжется»⁴⁰¹.

Таким образом, либеральная оппозиция и революционные партии придерживались той же точки зрения, что Дурново и Протопопов: они считали, что без их агитации и организации революция невозможна. Но, к всеобщему удивлению, революция оказалась «неорганизованной» и чисто стихийной, «революцией без революционеров».

Выводы современных исследователей подтверждают мнение современников о стихийном характере восстания. «С точки зрения революционного руководства февральское восстание имело две характерные черты, –

отмечает Ц. Хасегава. – Во-первых, движение не имело руководства, достаточно сильного, чтобы организовать массы в революционную силу. Во-вторых, руководители революционных партий не играли большой роли в восстании»⁴⁰². «Революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной», – заключает В. П. Булдаков⁴⁰³.

С одной стороны, и оппозиция, и власти постоянно говорили об опасности беспорядков, восстания, революции – но когда революция началась, они не приняли происходящее всерьез. С точки зрения Миллокова, движение оставалось «бесформенным и беспредметным»; оно сводилось к разгромам булочных и митингам под лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!»⁴⁰⁴. Днем 25 февраля императрица телеграфировала царю: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба...»⁴⁰⁵. Ближе к вечеру председатель Думы Родзянко встретился с главой кабинета Голицыным, военным министром Беляевым и Риттихом, но не смог получить от них вразумительного ответа на вопросы о мерах по организации хлебного снабжения и по умиротворению горожан. «Дайте мне власть, и я расстреляю, но в два дня все будет спокойно и будет хлеб», – самоуверенно заявил Родзянко⁴⁰⁶. Это заявление было вполне характерно для оппозиции, готовой на все, чтобы получить власть, но слова о том, что «будет хлеб», были, конечно, блефом – невероятно, чтобы некомпетентный в этом вопросе Родзянко мог обеспечить хлебное снабжение лучше, чем Риттих.

Хабалов, как и правительство, видел в происходящем лишь продовольственные волнения, поэтому он не давал полицейским разрешения на применение оружия и избегал использовать войска. Между тем, 25 февраля демонстранты осмелели и стали нападать на полицейских; в течение дня произошло 11 серьезных столкновений, когда в полицию стреляли и бросали бомбы. На Выборгской стороне демонстранты напали на два полицейских участка; несколько полицейских было убито. Обнаруживались все новые свидетельства ненадежности войск. Солдаты Финляндского полка после одного из столкновений вернулись в казармы и дали клятву не стрелять в народ. Казаки не подчинялись приказам и обнаруживали прямую склонность к братанию с толпой. Когда на Знаменской площади конная полиция атаковала митинг, казаки ударили ей в тыл и прогнали полицейских. На Казанской улице казаки освободили арестованных и избили городских, обвиняя их в том, что они служат за деньги⁴⁰⁷.

Один из информированных агентов охраны (член Выборгского районного комитета большевиков) составил для властей обстоятельный обзор событий 23-25 февраля. «...Движение вспыхнуло стихийно, без подготовки и исключительно на почве продовольственного кризиса, – говорилось в этом обзоре. – Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то масса получила уверенность в своей безнаказанности и ныне... народ уверился в мысли, что началась революция, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто

на стороне революционных сил... Ныне все зависит от линии поведения воинских частей, если последние не перейдут на сторону пролетариата, то движение быстро пойдет на убыль, если же войска станут против правительства, то страну уже ничего не спасет от революционного *переворота*»⁴⁰⁸.

Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два больших столкновения, в ходе которых офицеры, чтобы сдерживать натиск толпы, по собственной инициативе приказывали солдатам открывать огонь. Властям становилось ясно, что без применения оружия не обойтись. Ближе к ночи командующий военным округом генерал Хабалов получил телеграмму царя с требованием во что бы то ни стало прекратить беспорядки»⁴⁰⁹.

События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция породила продовольственный кризис, продовольственный кризис породил голодный бунт, и, хотя власти не желали применять оружие для его подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясным, отдавать такой приказ ненадежным войскам – войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали сражаться за нее и требовали земли, – означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию. *Это означало, что все три фактора брейкдауна, о которых говорилось выше – падение авторитета власти, голод в городах и ненадежность войск – будут действовать вместе.*

А. Д. Протопопов действовал по сценарию, успешно реализованному 14 февраля. Полицейские пулеметчики заняли свои места на крышах домов. В ночь с 25 на 26 февраля были арестованы почти все находившиеся в Петербурге активные деятели левых партий – свыше 100 человек, в том числе сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова, пять членов комитета большевиков и остатки Рабочей группы. Исходивший из традиционных представлений Протопопов надеялся таким образом обезглавить революцию. Но как вскоре выяснилось, арестованные ничем не руководили; революция развивалась сама собой – это была «революция *безреволюционеров*»⁴¹⁰.

26 февраля войска получили приказ стрелять в демонстрантов. Хабалов вывел на улицы самые верные, как он считал, части – учебные команды»⁴¹¹. К вечеру центр города с помощью пулеметов был «очищен» от митингующих. Самый большой расстрел произошел на Знаменской площади, где действовала учебная команда Вольнского полка во главе с капитаном Лашкевичем; здесь было убито больше сорока человек. Однако рабочие-очевидцы расстрелов сразу же бросились к казармам запасных частей, умоляя запасников остановить своих товарищей из учебных команд, и уже вечером в день расстрела произошел первый солдатский бунт. Состоявшая из фронтовиков четвертая рота Павловского полка (1500 солдат) двинулась в город, но у восставшей роты было лишь 30 винтовок, и, расстреляв все патроны, она была вынуждена положить оружие и вернуться в казармы»⁴¹². «Могло казаться, что царизм снова выиграл ставку и движение будет раздвлено», – писал Н. Н. Суханов»⁴¹³.

Но затем произошло неожиданное – и вместе с тем давно ожидавшееся, то, о чем предупреждал Дурново, и то, что уже не раз повторялось при

подавлении голодных бунтов: войска перешли на сторону народа. Всю ночь на 27 февраля генерал Хабалов получал тревожные сообщения из казарм, поначалу они не подтверждались, но в штабе ожидали нового солдатского бунта – и он произошел. Вернувшиеся после расстрелов солдаты Вольнского полка на ночной сходке решили больше не подчиняться карательным приказам – однако речь об организации какого-либо выступления на сходке не шла. Когда утром Лашкевич пришел на построение, солдаты отказались повиноваться; капитан вышел во двор казармы – и тут из окна прогремел сразивший его выстрел. Кто стрелял – осталось неизвестным, но выстрел послужил сигналом к бунту⁴¹⁴. Восстание было настолько спонтанным, что в ответ на вопрос об инициаторах выступления Вольнского полка солдаты называли шесть разных имен⁴¹⁵. Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; вскоре они соединились с рабочими Выборгской стороны, которые захватили оружие и сражались с полицией. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме; в некоторых случаях восставшим приходилось преодолевать сопротивление стоявших на проходных учебных команд, прежде чем запертые в казармах солдаты получали возможность присоединиться к «мятежникам». В других случаях части сами выходили навстречу восставшим с музыкой и с пением «Марсельезы». Лишь один самокатный полк, в который набирали призывников из состоятельных слоев населения, отказался участвовать в «мятеже» – однако его сопротивление было быстро подавлено. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем – 26 тысяч, вечером – 66 тысяч, на следующий день – 127 тысяч, 1 марта – 170 тысяч, т.е. весь гарнизон Петрограда. Днем 27 февраля Хабалов отправил отряд (сколько смог собрать – всего лишь около тысячи солдат) против «мятежников», но после незначительных столкновений солдаты перешли на сторону восставших. После этого Хабалов сосредоточил последние верные пары части у Зимнего дворца и Адмиралтейства; генерал Занкевич вышел переговорить с солдатами и понял, что на них рассчитывать нельзя; солдаты понемногу самовольно покидали Дворцовую площадь. К утру у Хабалова в Адмиралтействе осталось только полторы тысячи солдат, которые потребовали у генералов отпустить их (но Хабалов утверждал, что он сам распустил солдат под угрозой обстрела из пушек Петропавловской крепости). Генералы остались в Адмиралтействе дожидаться ареста⁴¹⁶.

Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции⁴¹⁷. Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. «Развитие бунта говорит о том, что ничего нельзя было сделать, чтобы его остановить», – констатирует Р. Пайпс⁴¹⁸. Однако многие полицейские наряды, используя размещенные на крышах зданий пулеметы, сражались до последнего патрона⁴¹⁹. «Петроградская полиция самоотверженно, честно и доблестно исполнила свой долг перед парем и родиной, – свидетельствует полковник Д. Ходнев. – Она понесла огромные потери»⁴²⁰. Разъяренные солдаты устроили полиции «кровавую баню».

«Запасы противочеловеческой ненависти вдруг раскрылись и мутным потоком вылились на улицы Петрограда...» – писал офицер, свидетель событий⁴²¹. В конечном счете, перепуганная полиция перешла на сторону восставших, и одна из жандармских рот даже проществовала к зданию Думы под красным знаменем и под звуки «Марсельезы»⁴²².

Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты, были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе – “земли и воли”, “долой Романовых”, “долой офицеров”...»⁴²³ 28 февраля у солдат появились первые, наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!»⁴²⁴. 1-2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!»⁴²⁵ Когда две недели спустя происходил первый парад революционного петроградского гарнизона, М. Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах – почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!»⁴²⁶

Таким образом, это был, собственно, не солдатский бунт, а крестьянское восстание. Подобно тому, как всеобщая стачка октября 1905 года спровоцировала крестьянскую войну, так и голодный бунт в феврале 1917 года спровоцировал крестьянское восстание. И поскольку на этот раз крестьяне имели в руках оружие, и к тому же находились в столице, то все решилось в один день. При такой расстановке сил исход событий был предопределен.

Николай II в это время находился в штабе генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом. При первых известиях о мятеже царь направил к Петрограду четыре полка под командованием генерала Иванова, однако железнодорожники остановили движение эшелонов вблизи Петрограда и отборные полки карателей (даже составлявший охрану царя батальон георгиевских ветеранов) были разогнаны революционерами. Дальнейшие действия царя зависели от позиции командующих фронтами, а она, свою очередь, определялась боязнью революции на фронте. 1 марта начальник генерального штаба М. В. Алексеев телеграфировал царю о том, что вслед за Петроградом восстала Москва и что революция грозит распространиться на армию⁴²⁷. Ночью 2 марта Родзянко после переговоров с Петроградским Советом сообщил Рузскому и Алексееву о том, что положение в столице диктует необходимость отречения. Алексеев запросил мнение командующих фронтами и флотами, сообщив, что сам он выступает за отречение с тем, чтобы предотвратить развал армии; все командующие согласились с мнением Алексеева. Некоторые из них, вслед за Алексеевым, указывали на опасность распространения революции на армию. Командующий Западным фронтом А. Е. Эверт писал: «Я принимаю все меры к тому, дабы сведения о настоящем положении дел в столице не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений». Командующий Балтийским флотом адмирал Непенин телеграфировал: «С огромным

трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое... Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу»⁴²⁸.

При обсуждении ситуации снова встал вопрос о наличии надежных частей для борьбы с восстанием. Как говорил Николаю II посланец Думы А. И. Гучков, «надежных» частей просто не было: «... Движение захватывает низы, и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт... Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители... конвоя Вашего Величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению»⁴²⁹. Гучкова поддержал генерал Рузский: «Нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург»⁴³⁰. Взвесив все обстоятельства – и в особенности мнение командующих фронтами – царь подписал заявление об отречении от престола.

Как позиция военных, так и отречение Николая II были прямыми следствиями восстания 170-тысячного гарнизона Петрограда. Единогласное решение командующих фронтами доказывает, что другое развитие событий было невозможно. Угроза развала была очевидной, сотни агитаторов уже направлялись из Петрограда на фронт, и генералы чувствовали, что сидят на пороховой бочке. Восстание на флоте уже началось: 1 марта в Кронштадте мятежные матросы убили адмирала Вирена и более 50 офицеров; 4 марта в Свеаборге погиб адмирал Непенин⁴³¹. 2 марта на псковской станции взбунтовался эшелон 1-го железнодорожного батальона; мятежные солдаты двинулись к царскому поезду, и их остановило лишь известие, что идут переговоры об отречении⁴³².

Что касается позиции Думы, то о ней лучше всего рассказывает В. В. Шульгин: «К вечеру, кажется, стало известно, что старого правительства нет... Оно попросту разбежалось по квартирам... Не стало и войск... Т. е. весь гарнизон перешел на сторону “восставшего народа”... Но вместе с тем войска как будто стояли “за Государственную думу”... здесь началось смещение... Выходило так, что и Государственная дума “восстала” и что она “центр движения”... Это было невероятно... Государственная дума не восставала... “Я не желаю бунтоваться, – говорил Родзянко. – Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались...” “Может быть два выхода, – отвечал Шульгин, – все обойдется – государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...”»⁴³³ «Государственной думе не оставалось ничего другого кроме как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию...», – заключает Родзянко⁴³⁴.

Таким образом, позиция либералов была вынужденной и диктовалась тем, что власть рухнула без их вмешательства. Оппозиционная элита не

готовила революцию и не участвовала в ней. Временное правительство лишь «подобрало власть», но, в конечном счете, не смогло удержать ее...

5.5. Выводы

Подводя итоги социально-экономического развития между двумя революциями, необходимо отметить, что в этот период правительство не только признало наличие аграрного перенаселения, но и приняло меры для его смягчения. Реформы Столыпина устранили то прикрепление крестьян к земле, которое ранее сдерживало миграции населения; было организовано переселение на свободные земли окраин. Крестьяне получили возможность продавать свою землю, и в результате мы видим классическую картину, характерную для *Сжатия в странах с рыночной экономикой: разоряющиеся крестьяне в массовых масштабах продают землю и уходят в города, где занимаются ремеслом или ищут работу по найму.*

Однако ни переселение на окраины, ни уход в города не компенсировали быстрого роста населения, и проблема малоземелья сохраняла свою остроту. Некоторое увеличение потребления было достигнуто за счет роста урожайности и относительного сокращения вывоза, но эти изменения носили, по-видимому, временный, конъюнктурный характер и, во всяком случае, анализ не прослеживает их непосредственной связи с реформами правительства, эффект которых мог проявиться только в *долгосрочном плане.*

Увеличение потребления не оказало существенного влияния на уровень социальной напряженности, который продолжал оставаться высоким, намного более высоким, чем до революции и лишь немногим ниже, чем в годы революции. Хотя количество крупных выступлений в деревне уменьшилось, количество мелких протестных акций возросло; в городах наблюдался новый мощный подъем стачечной борьбы – все это дает основание некоторым историкам рассматривать революции 1905 и 1917 года вместе, как два этапа одной революции, разделенных периодом обманчивого успокоения⁴³⁵.

Важным следствием революции 1905 года было резкое ослабление традиционалистской идеологии, которая прежде поддерживала самодержавие, помогала держать народные массы в покорности и отделяла народ от интеллигенции – в том числе и от обращавшихся к народу радикальных партий (социал-демократов и эсеров).

В ситуации не утасовшего до конца революционного движения любое ослабление самодержавия могло вызвать новую вспышку крестьянских восстаний. Большая война тем более должна была вызвать новый социальный кризис. *Механизм этого кризиса был типичным для военной экономики и включал три взаимосвязанных процесса: во-первых, резкое падение авторитета власти в результате военных поражений; во-вторых, возникающие вследствие чрезмерной эмиссии бумажных денег расстройство товарооборота, нехватка продовольствия в городах и голодные бунты, и, в-третьих, все возрастающая ненадежность войск – следствие Сжатия и созданного им глубокого социального раскола.*

Русская революция была инициирована голодным бунтом в Петрограде. То обстоятельство, что бунт вспыхнул именно 23 февраля, было до некоторой степени случайностью, но то, что он должен был произойти, с очевидностью следует из того, что такие бунты происходили и раньше (в октябре 1916 года) и позже, при Временном правительстве, которое, так же как и царское правительство, не смогло решить проблему снабжения городов. При длительной и напряженной войне расстройство товарооборота и голодные бунты были неизбежны – и эта неизбежность подтверждается также и тем, что правительство, прекрасно информированное и предвидевшее эти события, так ничего и не смогло сделать, чтобы предотвратить.

Петроградский бунт 23 февраля не был вызван непосредственно перенаселением и крестьянским малоземельем, и, в конечном счете, носил локальный характер. Он мог быть подавлен, как был подавлен Медный бунт 1662 года. Решающим моментом, как и в 1905 году, была позиция армии – будут ли солдаты стрелять в народ? И вот здесь проблема Сжатия и крестьянского малоземелья вставала во весь рост. Армия 1917 года – это были «просто взятые от сохи мужики», те мужики, которые требовали земли в 1905-м, и многие из которых после подавления первой революции ненавидели царя так же, как и своих помещиков. Теперь их мобилизовали в армию, но они не желали умирать в этой непонятной для них войне; они в массовых масштабах бежали из эшелонов или сдавались в плен. Некоторые авторы полагают, что солдаты подняли мятеж потому, что не желали идти на фронт, и действительно, Петроградский Совет впоследствии потребовал не отправлять на фронт части революционного гарнизона⁴³⁶. Солдаты-крестьяне не желали идти на фронт умирать за эту власть именно потому, что она стала для них чужой и враждебной, потому что она не давала им землю. В западных странах, где нации не были расколоты столь острым социальным конфликтом, солдаты не бросали оружие и не поворачивали его против своего правительства (пока не были увлечены русским примером). Тот уровень аграрного конфликта, тот уровень ненависти, о котором говорит предвоенная статистика преступлений, должен был проявить себя. Он диктовал поведение солдат, которое проявилось при подавлении бунтов 1916 года – солдаты неоднократно отказывались стрелять в толпу и переходили на сторону бунтовщиков. Как показывает рис. 5.3, число голодных бунтов стремительно нарастало, и вместе с тем нарастало число случаев солдатского неповиновения. О таком развитии событий предупреждал Дурново еще до начала войны: *«Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка»*. Еще до начала войны правительство понимало, что прежде надежная армия теперь, после 1905 года, ненадежна из-за *крестьянского стремления к земле*. В итоге, *голодный бунт в Петрограде в феврале 1917 года спровоцировал восстание крестьян, одетых в солдатские шинели*, и они воспользовались случаем, чтобы вновь поставить вопрос о

земле. В конечном счете, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию⁴³⁷.

Как отмечалось выше, революция 1905 года была связана с процессом вестернизации и с расколом элиты, недовольные фракции которой вовлекли в борьбу сначала пролетариат, а затем крестьянство; в итоге «революция вестернизации» переросла в социальную революцию. Элита оставалась расколотой и в 1917 году, однако ее оппозиционная вестернизированная фракция не желала революции, избегала союза с народом и фактически не принимала участия в событиях 23-28 февраля. В начале революции эсеры и меньшевики пренебрежительно называли вспыхнувшее движение «желудочно-стихийным», не подозревая, насколько близко это определение неомальтузианской трактовке революции⁴³⁸. Действительно, основным лозунгом рабочих было: «Хлеба!». Но лозунг «Земли и воли!», под которым восстали солдаты, в конечном счете, тоже означал «Хлеба!» – ведь земля для крестьянина означала хлеб. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с классическим экосоциальным кризисом, «когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания»⁴³⁹.

Несколько лет спустя генерал А. И. Деникин подвел итог событий революции в следующих словах:

«Главный, более того, единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собой все прочие явления и события – вымученный, выстраданный веками:

- *Вопрос о земле*» (выделено Деникиным – С. Н.)⁴⁴⁰.

В. И. Ленин дважды подчеркнул карандашом эту фразу из книги Деникина.

Главной движущей силой Февральской революции было Сжатие в народных массах. Согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности – в том числе в результате войн. Таким образом, *война была еще одним фактором Сжатия, намного увеличившим его интенсивность*. В условиях столь взрывоопасной ситуации другой фактор, изучаемый демографически-структурной теорией, Сжатие в элите, отступил на второй план и почти не проявлял своего действия. Но при этом значительную роль сыграл третий фактор – финансовый кризис. Финансовый кризис был вызван войной – но также и невозможностью в условиях Сжатия возложить на население дополнительные финансовые тяготы. Кризис привел к нарушению управляемости экономики и, по существу, к коллапсу государства, следствием чего было нарушение продовольственного снабжения городов, резко усилившее Сжатие и вызвавшее сначала грандиозный голодный бунт, а затем – революцию.

Необходимо отметить, что анализ революции 1917 года в рамках демографически-структурной теории подразумевает, что мы рассматриваем события в контексте закономерностей традиционного общества (которые изучает эта теория). Как отмечалось выше, такой подход объясняется тем, что Россия начала XX века была еще, в основном, доиндустриальным, тра-

диционным обществом, и подавляющее большинство населения страны составляло крестьянство (см. пункт. 4.4.12). Выдающийся историк и прощительный политик, П. Н. Милоков, сделал чрезвычайно глубокий вывод из событий, непосредственным свидетелем которых он являлся. «То, что поражает в современных событиях постороннего зрителя, – писал Милоков, – что впервые является для него разгадкой векового молчания «сфинкса», русского народа, то давно было известно социологу и исследователю русской исторической эволюции. *Ленин и Троцкий для него возглавляют движение гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову – к 18-му и 17-му векам нашей истории, – чем к последним словам европейского анархо-синдикализма*»⁴⁴¹.

Характерно, что с этим выводом соглашается и Л. Д. Троцкий, подчеркивающий, что «если бы аграрный вопрос, как наследие варварства русской истории, был разрешен буржуазией, русский пролетариат ни в коем случае не смог бы прийти к власти в 1917 году», что Советы пришли к власти благодаря «сближению и взаимопроникновению двух факторов совершенно разной исторической природы: крестьянской войны... и пролетарского восстания...»⁴⁴².

К этому мнению в той или иной форме присоединяются многие российские историки⁴⁴³. Так, например, В. П. Данилов пишет, что в России имела место «крестьянская революция, на фоне (на основе) которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 года»⁴⁴⁴. «И именно на гребне мощного крестьянского движения большевики сумели взять власть...» – отмечает В. В. Кабанов⁴⁴⁵. «Вовсе не случайно две революции в России совершились под знаменем аграрного переворота», – подчеркивают В. Л. Дьячков, С. А. Есиков, В. В. Канищев и Л. Г. Протасов⁴⁴⁶. П. Булдаков называет русскую революцию «бунтом традиционализма, неожиданно, но закономерно облачившегося в тогу новейших социальных доктрин»⁴⁴⁷.

Этот подход – акцентирование крестьянского характера революции – является достаточно традиционным для западной историографии⁴⁴⁸. Он согласуется и с современными концепциями российской истории этого периода как истории развивающегося общества, сопоставляющими революцию 1917 года с крестьянскими революциями XX века, такими, как революции в Мексике, Китае, Вьетнаме, Индонезии, Алжире, на Кубе⁴⁴⁹. Но хотя роль крестьянства в этих событиях была огромной, революции XX века, конечно, отличались от крестьянских войн средневековья – прежде всего наличием новых черт, связанных с происходившем в развивающихся обществах процессом модернизации⁴⁵⁰. Демографический фактор работал в этих революциях не в одиночку, как в прошлом, а вместе с техническим и диффузионным факторами. Ярким проявлением роли этих факторов в феврале 1917 года было то, что в результате падения самодержавия к власти пришло вполне вестернизированное Временное правительство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мы попытаемся сначала представить общую картину социально-экономического развития России с точки зрения концепции демографических циклов. Совокупные данные источников позволяют сделать вывод о том, что созданию Российского государства в конце XV века предшествовал глубокий экосоциальный кризис, после которого начался новый демографический цикл – первый цикл в рамках российской структуры «государство-элита-народ». В цикле конца XV-XVI веков влияние демографического фактора проявилось в росте населения, которое привело к отсутствию свободных земель и крестьянскому малоземелью в некоторых регионах, низкому уровню потребления основной массы населения, росту цен на хлеб, к уходу разоренных крестьян в города, к росту городов, к развитию ремесел и торговли. В середине XVI века появляются частые сообщения о голоде и эпидемиях и, в целом, создается обстановка, которая, согласно теории, описывается как предкризисная. Демографически-структурный подход оказывается особенно полезным при рассмотрении взаимоотношений внутри структуры «государство-элита-народ» и анализе того давления, которое оказывало государство на народ и элиту. Это давление в значительной мере усиливалось техническим и диффузионным факторами и в итоге привело к демографической катастрофе 1568-1571 годов. Резкое уменьшение численности населения (в соответствии с теорией) привело к уменьшению ренты и нарушению социально-экономического равновесия между сословиями. Стремление восстановить это равновесие проявилось в попытке установления крепостного права, что (в сочетании с воздействием других факторов) стало причиной кризиса Смутного времени.

Кризис не восстановил нарушенного равновесия, попытки установления крепостного права продолжались и, в конце концов, завершились закрепощением крестьян по Уложению 1649 года. Однако ввиду сопротивления крестьянства закрепощение не привело к быстрому росту ренты, и положение крестьян в XVII веке оставалось относительно благоприятным. Период восстановления экономики, начавшийся после двух катастроф, в соответствии с теорией, характеризовался обилием свободных земель, низким уровнем ренты и налогов, относительно высоким уровнем потребления и быстрым ростом населения. Однако вмешательство в этот процесс других факторов привело к петровской «военной революции» и трансформации структуры, в результате чего государство резко усилило давление на народ и элиту. Отнятие ресурсов стало причиной преждевременного Сжатия и кризиса 1723-1726 годов; Сжатие в центральном регионе продолжалось и в 1730-х годах и временно ослабло лишь в 1740-х годах, когда был налажен ввоз хлеба из колонизируемых областей Черноземья.

В теоретическом контексте, процесс колонизации был самым важным явлением экономической истории России XVII-XIX веков, в значительной мере смягчавшим последствия роста населения. Расширение экологической ниши отодвигало кризис перенаселения и привело к тому, что демографический цикл XVII-XIX веков оказался более длительным, чем известные европейские и восточные циклы. В этих условиях большое значение имело перераспределение ресурсов в рамках структуры «государство-элита-народ». Ослабление государства в середине XVIII века доставило господствующее положение элите, и дворянство осуществило масштабное перераспределение ресурсов в свою пользу. Это привело к росту ренты, сужению экологической ниши народа и к голоду 1787-1788 годов; в результате этого кризиса элита была вынуждена временно отступить, и рента понизилась. Новое резкое увеличение ренты произошло в 1816-1825 годах, следствием чего стало падение потребления и приостановка роста численности крепостных крестьян, а также новый пик голода и эпидемий в 1847-1849 годах. На этот раз опасность экосоциального кризиса (в сочетании с влиянием диффузионного фактора) вынудила монархию вмешаться и провести реформу 1861 года. После этой реформы государство вновь заняло господствующее положение в структуре.

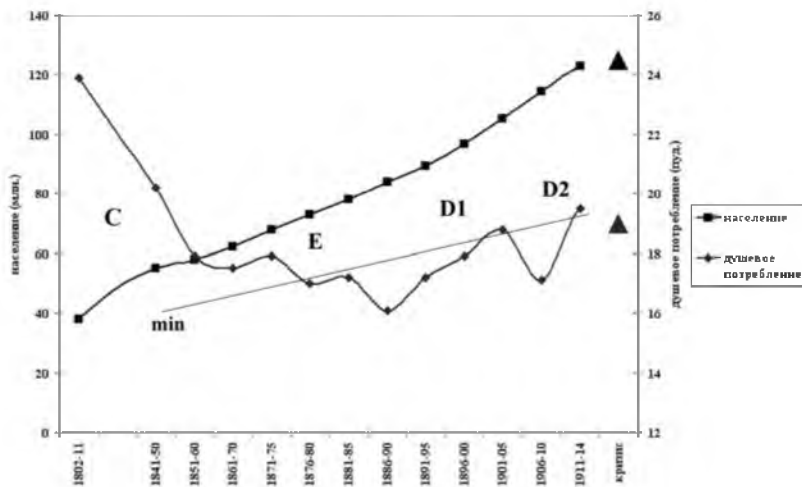

Рис. 6.1. Численность населения и уровень потребления (душевой чистой сбор за вычетом экспорта) в Европейской России⁴⁵¹. Линия min — минимальная норма душевого потребления.

График на рис. 6.1 описывает протекание второго российского демографического цикла в XIX веке. Поскольку все познается в сравнении, то мы привлечем для сравнения наиболее изученный случай английских демографических циклов. Для этого нам придется вернуться к материалу

первой главы и к графику на рис. 1.4. Как отмечалось в этой главе, в Англии имели место два различных по типу кризиса: кризис типа А происходил в условиях стационарной экологической ниши – это кризис традиционного общества, принимающий масштабы демографической катастрофы. Кризис типа В происходил в условиях расширения экологической ниши, которая, тем не менее, расширялась недостаточно быстро, чтобы страна могла избежать потрясений. Это был кризис периода начальной модернизации.

Первый российский демографический цикл, так же как первый английский цикл, проходил в условиях стационарной экологической ниши и завершился глобальной демографической катастрофой. В первой фазе второго цикла, в XVIII веке (рис. 3.8) и в первой половине XIX века (участок С на рис. 6.1) ход процессов, в общем, соответствует классической модели: население растет, а потребление падает (аналогично участку С на графике Брауна-Хопкинса).

После реформы 1861 года положение бывших крепостных крестьян значительно улучшилось, и рост их численности возобновился. Однако, в соответствии с мальтузианской теорией, рост населения вызывал уменьшение крестьянских наделов и падение потребления. Под давлением этого демографического роста и постоянно возникавших голодовок правительство было вынуждено постепенно уменьшать прямые налоги с крестьян. Крестьянство же реагировало на голод и нехватку земли, стараясь повысить урожай более тщательной обработкой наделов и применением удобрений – хотя в целом аграрная технология оставалась традиционной. Урожайность начала возрастать, и, таким образом, экологическая ниша стала расширяться. На участке Е мы наблюдаем картину Сжатия, когда кривая потребления движется почти что вдоль асимптоты, соответствующей минимальному уровню, но, в отличие от классического случая, население не стагнирует, а растет – оно растет ровно в той степени, в какой позволяет увеличение урожайности. Такого участка нет на графике Брауна-Хопкинса, но возможность такого варианта подробно обоснована в работах Э.Боксеруп⁴⁵².

В английском варианте мы наблюдаем резкое расширение экологической ниши, вызванное агротехнической модернизацией, в результате которой потребление стало расти, несмотря на рост населения (участок D на рис. 1.4). В России лишь относительно периода 1895-1913 годов (участки D1 и D2 на рис. 6.1) можно ставить вопрос о том, что рост урожайности начал обгонять рост населения, но это развитие было неустойчивым, и, если и можно говорить о начале модернизации, то изменения еще не были достаточными, чтобы вывести систему из состояния неустойчивости.

В целом, на протяжении второй половины XIX века потребление балансировало на уровне, близком к минимальной норме, и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания. Случайные воздействия, такие, как войны и большие неурожаи рано или поздно должны были нарушить это неустойчивое равновесие и привести к кризису. Пер-

вый такой кризис имел место в 1892 году, второй – в 1905-1907 годах, третий начался в 1917 году.

В период первой русской революции демографический фактор действовал вместе с диффузионным, и это отразилось в совмещении социальной революции с «революцией вестернизации». В февральской революции 1917 года главный конфликт – борьба за хлеб и землю, борьба за жизнь – заставил отступить все остальные проблемы на второй план. «Желудочно-стихийная революция без революционеров» выявила мощную роль демографического фактора, его огромное значение для изучения русской истории.

Таким образом, апробация демографически-структурной теории на материале российской истории показывает, что социально-экономическая динамика, описываемая этой теорией, составляет основную линию развития общества. На эту базисную динамику накладываются процессы, индуцированные другими, в основном внешними, факторами, но характер их действия, в конечном счете, определяется демографическим фактором. В условиях земельного изобилия, когда крестьяне имеют значительные запасы, социально-экономическая система сохраняет достаточную устойчивость, поэтому требуется исключительно сильное воздействие внешних факторов, чтобы вывести систему из равновесия. Воздействие внешних факторов сказывается, главным образом, в перераспределении ресурсов внутри структуры; при этом резкое уменьшение ресурсов народа может привести к кризису, как это было в 1723-1726, 1787-1788, 1847-1849 годах. Однако, когда в результате этого сокращения ресурсов начинается голод (то есть радикальным образом проявляются демографические ограничители), государство и элита немедленно реагируют на это, возвращая народу, часть ресурсов, и система возвращается в относительно стабильное состояние. Таким образом, благодаря наличию ресурсов в отсутствие перенаселения кризисы оказываются временными и преходящими. Наоборот, в условиях перенаселения демографический фактор превращается из стабилизирующего фактора в дестабилизирующий, социально-экономическая система становится неустойчивой и действие внешних факторов, присоединяясь к действию демографического фактора, рано или поздно (если объем ресурсов не увеличится) должно разрушить систему. Именно так, в условиях Сжатия и социальной неустойчивости произошли катастрофы 1568-1572 и 1917-1922 годов. Что же касается кризиса времен Смуты, то в рамках демографически-структурной теории этот кризис трактуется как продолжение кризиса 1568-1572 годов.

Из сказанного выше следует, что демографически-структурная теория оказывается особенно полезной при анализе кризисов 1601-1618, 1723-1726, 1787-1788, 1847-1849 годов. Классическая неомальтузианская теория может объяснить катастрофы 1568-1572 и 1917-1922 годов, но недостаточно эффективна при анализе указанных выше кризисов, для интерпретации которых необходимо рассмотрение отношений внутри структуры.

Процесс апробации демографически-структурной теории неразрывно связан с интерпретацией в контексте этой теории основных фактов рос-

сийской истории. Как было показано выше, во многих конкретных случаях эта интерпретация совпадает с представлениями тех или иных исторических школ и известных историков и, таким образом, находит подкрепление в уже существующих частных концепциях. В некоторых случаях она предлагает новое видение проблем, и это обстоятельство, возможно, требует проведения в данных случаях более подробных конкретно-исторических исследований, чем те, которые удалось провести автору в рамках данной работы. Это было бы вполне естественным, поскольку целью любого *методологического* исследования является не только обобщение достигнутых результатов, но и постановка задач для *конкретных* исследований, обнаружение «белых пятен» и спорных моментов в накопленной конкретно-исторической базе данных.

В любом случае, необходимо подчеркнуть, что основным достоинством предлагаемой демографически-структурной интерпретации российской истории является ее теоретическая цельность и фундированность: используя эту интерпретацию, мы, в конечном счете, опираемся на исторический опыт других стран, обобщенный в демографически-структурной теории.

В заключение необходимо отметить, что чрезвычайно важная роль демографического фактора в историческом процессе является общепризнанной. Соответственно, большое значение имеют и объяснительные теории, описывающие действие этого фактора, помогающие понять механизмы социального и экономического развития. Демографически-структурная теория на настоящий момент является наиболее современной и детально разработанной из этих теорий и ее использование – в сочетании с теорией модернизации и некоторыми другими концепциями – позволяет объяснить значительную часть наблюдаемых явлений исторического процесса. Это объяснение, разумеется, не исключает возможности других объяснений с использованием других методологий. В конечном счете, вопрос о преимуществах той или иной модели может быть решен лишь практикой исторического исследования – повседневной работой тысяч историков, изучающих материалы разных стран и разных эпох.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ Цит. по: Уколова В. И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1996. С. 12.
- ² Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue duree // Annales. 1958. octobre-decembre; русский перевод: Фернан Бродель. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 128.
- ³ Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. М., 2002. С. 35.

ГЛАВА I. НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО И ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНАЯ ТЕОРИЯ

- ¹ Заболотный Е. Б. Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX- начале XXI века. Тюмень, 2005. С. 175.
- ² См.: Теоретические проблемы исторических исследований/ ред. Е. И. Пивовар. М., 1997-2002. Вып. 1-4.
- ³ См. подробнее: Русакова О. Ф., Дука О. Г. Современная историография. Екатеринбург, 2004.
- ⁴ Платон. Законы, V, 741; Аристотель. Политика. 2.IV.8; 2.III.7; «Хань Фэй-цзы» // Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 261.
- ⁵ Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения//Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.
- ⁶ Там же. С. 9, 18-22.
- ⁷ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения //Рикардо. Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.
- ⁸ См. Pearl R. The biology of population growth. N. Y. 1925.
- ⁹ См. например: Бигон М., Харпер Дж., Таусенд К. Экология. Особи, популяции и сообщества. Т.1-2. М., 1989.
- ¹⁰ Losch A. Population Cycles as a Cause of Business Cycles//Quarterly Journal of Economics. 1937. Vol LI. P. 649-662; Cameron R. A concise economic history. From paleolithic times to the present. N. Y., Oxford, 1989.
- ¹¹ Malthus T. Principles of Political Economy. London, 1836; 2nd ed.; reprint, New York, 1951. P. 241-251.
- ¹² Яшнов Е. Е. Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин. 1933.
- ¹³ Яшнов Е. Е. Указ. соч. С. 41-42. См. также: Мугрузин А. С. Роль природных и демографических факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства) // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986. С. 11-44.
- ¹⁴ Simiand F. Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement général des prix au XVIe au XIXe siècles. Paris, 1932. P. 341.
- ¹⁵ Labrousse C.-E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siecle. – Paris, 1933. Т. 1, 2.
- ¹⁶ Abel W.. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung //Schmollers Jahrbücher. 58, Jahrgang, 1934; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.
- ¹⁷ Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siecle). Paris, 1973. P. 60-61.
- ¹⁸ Ibid. P. 79.
- ¹⁹ Postan M. Revision in Economic History: the fifteenth century // The Economic History Review. 1939. Vol. 9. № 2; Cipolla C. M. Revision in Economic History: the trend in Italian economic history in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1949. Vol. 2. № 2; Helleiner K. F. Population movement and agrarian depression in the

- later middle ages // *The Canadian Journal of Economical and Political Science*. 1943. Vol. XV. № 3; Perroy E. A l'origine d'une economie contractee: Les crises du XIV-e sieecle // *Annales. Economies, Societes, Civilisations*. 1949. Vol. IX. № 2; Salmarsh J. Plague and economic decline in England in the later middle ages // *Cambridge Historical Journal*. 1941. № 1.
- ²⁰ Postan M. M., Titov J. Z. Heriots and prices on Winchester manors // *Economical history review*. Ser.2.Vol 38. 1958-1959. P. 392-417. См. также: Postan M. M. *Essays on mediaval agriculture and general problems of mediaval economy*. Cambridge, 1973.
- ²¹ Klapisch-Zuber C. Plague and family life // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. Cambridge, 2000. – P. 128-130; Freedman P. *Rural society* // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 89-91.
- ²² Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // *The Economic History Review*. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3. P. 221-246.
- ²³ Smith R. *Demographic Developments in Rural England, 1300-1348* // *Before the Black Death. Studies in the "Crisis" of the Early Fourteenth Century*. Manchester, 1991. P.49-50.
- ²⁴ Mollat M., Postan M., Johansen P., Saporì A., Verlinden Ch. *L'Economie Europeenne aux deux demiers siecles du Moyen age* // *Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storiche*. Vol. III. Storia del Medioevo. 1955.
- ²⁵ Brown Ph., Hopkins S. V. *Seven centuries of building wages* // *Economica*, aout 1955.
- ²⁶ Abel W. *Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siecle)*. Paris, 1973. P. 400; Slicher van Bath B. H. *The agrarian history of Western Europe* A. D. 500-1850. L., 1963. P. 113.
- ²⁷ *The Agrarian history of England and Wales. Vol.2 : 1042-1350 / edited by H.E. Hallam*. Cambridge, 1988; Wrigley E. A., Schofield R. S. *The Population History of England, 1541-1571: A Reconstruction*. Cambridge (Mass.), 1981.
- ²⁸ Turchin P. *Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States* // *eJournal of Anthropological and Related Sciences*. 2005. N 1.
- ²⁹ Slicher van Bath B. H. *Op. cit.* P. 88-109; Wrigley E. A. and Schofield R. S. P. 446-478.
- ³⁰ Mousnier R. *Les XVIe et XVIIe siecles. Les progres de la civilisation eupoeenne et la declin de l'Orient (1492-1715)*. Paris, 1953; Slicher van Bath B. *Op. Cit*; Glass D. V., Eversley D. E. *Population in History*. London, 1965. Cippolla C. M. *Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700*. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.)
- ³¹ Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle*. 2 vols., Paris, 1960; Meuvret J. *Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime* // *Population*. 1946. # 4. P. 643-650; Duby G. *L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident mediaval*. 2 vol. Paris, 1962; Meuvret J. *Etudies d'histoire economique*. Paris, 1971; Chaunu P. *La civilisation de l'Europe clas-sique*. Paris, 1984. Русский перевод: Шоноу П. *Цивилизация классической Европы*. Екатеринбург, 2005.
- ³² Braudel F. *Histoire et sciences sociales. La longue duree* // *Annales*, 1958, octobre-decembre; русский перевод: Бродель Ф. *История и общественные науки. Историческая длительность* // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 118.
- ³³ Braudel F. *Civilisation materille, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siecle*. T. 1. Paris, 1967. Русский перевод: Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках*. Т.1. М., 1986.
- ³⁴ Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках*. Т.1. Структуры повседневности. М., 1986. С. 42-44.
- ³⁵ Le Roy Ladurie E. *Les paysans de Languedoc*. P., 1966. T. 1-2; Idem. *De Waterloo à Colyton: histoire, demographie et sociétés* // Le Roy Ladurie E. *Le Territoire de l'historien*. P., 1973. P. 301-311; Idem. *L'histoire immobile* // *Annales*. E. S. G. 1974. № 3. P. 673-692.
- ³⁶ *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. IV. *The economy of expending Europe in the 16th and 17th centuries*. Edited by E. E. Rich and E. H. Wilson. London and New York, 1967.

- ³⁷ Histoire économique et sociale de la France. Paris, 1970-76. Т. 1-4.
- ³⁸ Postan M. M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100-1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973.
- ³⁹ Cameron R. Economic History, Pure and Applied // Journal of Economic History. 1976. Vol. 36. № 1. P. 32.
- ⁴⁰ Wrigley E. A. and Schofield R. S. Op. cit.
- ⁴¹ Ibid. P. 446-478; Schofield R. S. Through a Glass Darkly: *The Population History of England as an Experiment in History*// Population and History. From the Traditional to the Modern World. Cambridge, 1986. P. 11-34.
- ⁴² Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1990. P. 370.
- ⁴³ Schofield R. S. Op. cit. P. 18, 30.
- ⁴⁴ Ведение в экономическую географию. М., 2001. С. 56.
- ⁴⁵ Lee R. Econometric Studies of Topics in Demographic History. New York, 1978.
- ⁴⁶ См. Форрестер Дж. Мировая динамика. М., 1978; Геловани В. А., Пионтковский А. А., Юрченко В. В. О задаче управления в глобальной модели WORLD-3. М., 1975; Meadows D.L. and al. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N.Y., 1972. О современном состоянии проблемы моделирования исторических процессов см.: Математические модели исторических процессов. М., 1996; Плотинский Ю. М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. М., 1992; Goldin C. Cliometrics and the Nobel. // Journal of Economic perspectives. 1995. Vol. 9. № 2. – P. 191-208.
- ⁴⁷ Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.
- ⁴⁸ График построен по информации базы данных FAOSTAT // <http://apps.fao.org/faostat/>
- ⁴⁹ Braudel F. L'Identite de la France. Les hommes et les choses. P., 1986. Русский перевод: Бродель Ф. Что такое Франция? Люди и вещи. М., 1995; Cameron R. A concise economic history. From paleolithic times to the present. N. Y., Oxford, 1989. Русский перевод: Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.
- ⁵⁰ Cameron R. Europe's second logistic // Comparative Studies in Society and History. 1970. № 12. P. 457.
- ⁵¹ Ashtor E. Histoire des prix et des salaires dans l' Orient Medieval. P. 1969; Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages . London, 1976. P. 66, 153.
- ⁵² Например: Ping-ti Ho. Studies on the Population of China, 1368-1953. Cambridge, 1959; Elvin M. The Pattern of the Chinese Past: A Social and Economic Interpretation. Stanford, 1973; Liu P. and Huang K. Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400// Modern Chinese Economic History. Taipei, 1977; Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986.
- ⁵³ Реальная заработная плата с учетом питания, получаемого у хозяев, подсчитана по: Chao K. Op. cit. P. 218-219. Table 9.2. Население: Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 63; Нефедов С. А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока// Восток – Oriens. 2003. №3.С.5
- ⁵⁴ Fischer D. H. The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History. Oxford, 1996.
- ⁵⁵ Wallerstein I. The Modern World-System. 2 vols. New York, 1974, 1989.
- ⁵⁶ Frank A. G., Gills S. B. The World System: 500 or 5000 Years? – London: Routledge, 1994.
- ⁵⁷ Richards J. F. The seventeenth century crisis in South Asia // Modern Asian studies. 1990. Vol. 24. № 4.
- ⁵⁸ Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М., 1990; Кульпин Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. М., 1999; Прусаков Д. Б. Природа и человек в Древнем Египте. М., 1999; Мещеряков А. Н. Ранняя история Японского архипелага как социальственный и информационный процесс // Лик сфинкса. М., 1995. С. 73-92.

- ⁵⁹ См.: Кульпин Э.С., Пантин В. И. Решающий опыт. М., 1993; Кульпин Э.С. Путь России. Кн. 1. Первый социально-экологический кризис. М., 1995.
- ⁶⁰ Кульпин Э. С. Человек и природа... С. 123.
- ⁶¹ Komlos J., Nefedov S. Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // *Historical Methods*. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92-94; Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Chinese Journal of Population Science*. 2003. № 3. P. 48-53 (на кит. яз.); Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society // *Social Evolution & History*. 2004. Vol. 3. N 1. P. 69 – 80; Turchin P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. Princeton and Oxford, 2003; Коротаяев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М, 2005; Tsirel S. V. *On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population// Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics – Moscow: Russian State Social University, 2004. – P. 367–369.*
- ⁶² Boserup E. *The Conditions of Agricultural Growth. The Economics of Agrarian Change Under Population Pressure*. L., 1965.
- ⁶³ Brenner R. *Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe//Past and Present*. 1976. N 70. PP. 30-75.
- ⁶⁴ Grigg D. *Op. cit.* P. 284.
- ⁶⁵ Lee R. *English Population, Wages, and Prices: 1541-1913// Population and History. From the Traditional to the Modern World*. Cambridge, 1986. P. 75-100; Lee R. *Models of Preindustrial Population Dynamics, with Applications to England// Tilly Ch. (ed.). Historical Studies of Changing Fertility*. Princeton, 1978. P. 155-207.
- ⁶⁶ Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л., 1971. С. 189, 216.
- ⁶⁷ Dupaquier J. *La'autoredulation de la population française//Histoire de la population française*. Paris, 1988. T. 2. P. 418-422.
- ⁶⁸ Fischer D. H. *Op. cit.* P. 434-435.
- ⁶⁹ Le Roy Ladurie E. *Les paysans de Languedoc*. P., 1990. P. 346-370.
- ⁷⁰ *Ibid.* P. 347.
- ⁷¹ *Ibid.* P. 349.
- ⁷² Grigg D. *Op. cit.* P. 20-28. 39, 76-78.
- ⁷³ Коротаяев А.В. Некоторые экономические предпосылки классовобразования и политогенеза // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. М., 1991. С. 151.
- ⁷⁴ Там же. С. 152.
- ⁷⁵ Нефедов С. А. Метод демографических циклов//*Уральский исторический вестник*. 2001. № 7. С. 105.
- ⁷⁶ Сови А. *Общая теория населения*. Т. 1. М., 1977. С. 6.
- ⁷⁷ Malthus T. *Principles of Political Economy...* P. 10.
- ⁷⁸ Chao K. *Op. cit.* P. 8.
- ⁷⁹ Labrousse E. 1848-1830-1789. Comment naissent les revolutions//*Actes du congrès historique du centenaire de la révolution de 1848*. Paris, 1848. P. 1-29; Laubrousse E. *The Crisis in the French Economy at the End of the Old Regime//The Economic Origins of the French Revolution*. Boston, 1958. P. 59-92.
- ⁸⁰ Алексеев В. В., Нефедов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма//*Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 70-73.
- ⁸¹ Коротаяев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М, 2005. С. 287.
- ⁸² Chao K. *Op. cit.* P. 8.
- ⁸³ Сорокин П. А. Голод как фактор. М., 2003.
- ⁸⁴ Там же. С. 410-412.
- ⁸⁵ Там же. С. 420. Прим. 10.

-
- ⁸⁶ Mousnier R. Op. cit. P. 236; Блош Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 109.
- ⁸⁷ Нефедов С. А. Теория демографических циклов и социальная эволюция... С. 5-22.
- ⁸⁸ Turchin P. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States// *eJournal of Anthropological and Related Sciences*. 2005. № 1.
- ⁸⁹ Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 138-139.
- ⁹⁰ Нефедов С. А. Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. С. 45-48; Нефедов С. А. Метод демографических циклов// *Уральский исторический вестник*. 2001. №7. С. 93-107.
- ⁹¹ Шоноу П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 218.
- ⁹² Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. See also: Goldstone J. East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China// *Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. N. 1. P. 103-143
- ⁹³ Многочисленные примеры отзывов можно найти в статье Ч. Даннинга: Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia?// *Comparative Studies in Society and History*. 1997. Vol. 39. N. 3. P. 590. Comm. 4. См. также: Стародубровская И. В., Май В. А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 27.
- ⁹⁴ Richards M. Reviews// *Journal of Social History*. 1993. N 26. P. 877.
- ⁹⁵ Ibid. P. 5-6.
- ⁹⁶ Ibid. P. 6-7.
- ⁹⁷ Skocpol T. States and Social Revolutions. New York: Cambridge Univ. Press, 1979. P. 47-49.
- ⁹⁸ Goldstone J. Op. cit. P. 5-7.
- ⁹⁹ Ibid. P. 8.
- ¹⁰⁰ Ibid. P. 11.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 459-462.
- ¹⁰² Ibid. P. 24-25, 461.
- ¹⁰³ Goldstone J. Op. cit. P. 30; Lee R. English Population... P. 75-100.
- ¹⁰⁴ Ibid. P. 32-33.
- ¹⁰⁵ Turchin, P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003. P. 119-120.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 24-25, 459.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 24, 460-462.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 24, 460.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 21.
- ¹¹⁰ Ibid. P. 461.
- ¹¹¹ Turchin, P. Historical Dynamics...
- ¹¹² Ibid. P. 121-131; 184-196.
- ¹¹³ Dunning Ch. Op. cit. P. 582-585.
- ¹¹⁴ Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195-225; Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625-1632. London, N. Y., Toronto, 1958. P. 61-68; Duffy M., ed., The Military revolution and the state, 1500-1800. Exeter, 1980; Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3, 10-11, 56, 77-78. См. также: Кола Д. Политическая социология. М., 2001. 406 с
- ¹¹⁵ Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War// *Russian History*. 1998. Vol. 25, Nos. 1-2. P. 123-125.
- ¹¹⁶ Алексеев В. В., Нефедов С. А, Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии// *Уральский исторический вестник*. 2000. № 5-6. С. 152-184.
- ¹¹⁷ Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N. Y. 1966; Laue Th., von. The World Revolution of Westernization. N. Y. 1987.. P. 7.

-
- ¹¹⁸ Ibid. P. 69.
- ¹¹⁹ Ibid. P. 71.
- ¹²⁰ Медушевский А. И. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 47; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 41.
- ¹²¹ Black C. E. The Modernization of Russian Society// The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change Since 1861. Cambridge (Mass.), 1960. P. 662-663.
- ¹²² Цит. по: Побережников И. В. Социальное изменение в теоретических проекциях//Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 63-64.
- ¹²³ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 13.
- ¹²⁴ Laue Th. von. Why Lenin? Why Stalin?: A Reappraisal of Russian Revolution. 1900-1930. Philadelphia and New York, 1964; Laue Th. von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth century in Global Perspective. N.Y., 1987.
- ¹²⁵ Laue Th. von. The World Revolution... P. 37.
- ¹²⁶ Laue Th. von. Why Lenin... P. 8-9, 33.
- ¹²⁷ См., например: Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург-Лувен, 1997; Алексеев В. В., Побережников И. В. Школы модернизации: эволюция теоретических основ//Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 8-49; Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Лейбович О. Л. Реформы 1953 – 1964 гг. в контексте отечественной модернизации. Пермь, 1995; Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции. // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001; Побережников И.В. Модернизация: теоретические и методологические проблемы // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. С. 163-169; Прокуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии //Вопросы истории. 2005. № 7; Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000; Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М.Вебер и современные теории модернизации.-СПб., 1998; Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994; Семеникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизация. Брянск, 2000; McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. Princeton, 1989.
- ¹²⁸ Ляхов М. Е. Климатические экстремумы в центральной части европейской территории СССР в XIII-XX вв.//Известия АН СССР. Серия географическая. 1984. № 4. С. 72-73, табл. 3-4.
- ¹²⁹ См., например: Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. М., 2002. С. 174-183; Коротаев А. В. Объективные социологические законы и субъективный фактор//Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 306; Побережников И. В. Социальное изменение в теоретических проекциях//Уральский исторический вестник. 2001. № 7. – С. 58-65.
- ¹³⁰ Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. Волгоград, 2000. С. 61-63.
- ¹³¹ Побережников И. В. Социальное изменение... С. 58-65.
- ¹³² Яковенко И. Г. Циклы развертывания цивилизаций и цикличность всемирной истории//Цивилизация. Восхождение и слом. М., 2003. С. 98.
- ¹³³ Тертыйшный А. Т., Трофимов А. В. Современные концептуальные ориентиры в изучении российской истории// Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург-Москва, 2004. С. 581.
- ¹³⁴ See: Vincent J. Book Reviews//Journal of Economic Literature. 1993. Vol. 31. Issue 1. P. 272.

-
- ¹ Нефедов С. А. О демографических циклах в истории средневековой Руси// Клио. 2002. № 3. С. 193-203
- ² Там же. С. 199-200. См. также: Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVII вв. Переяславский уезд. М.-Л., 1966. С. 21,37; Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси. М., 1936. С. 82; Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1947. С. 168; Langer L. Plague and russian countryside: monastic estates in the fourteenth and fifteenth centuries // Canadian-American Slavic Studies. 1976. Vol. 3. № 3; Miller D. Monumental building as indicator of economic trends in Northern Rus' in the later Kievan and Mongol periods, 1138-1462// American historical review. 1989. Vol. 9. №2. P. 372-373.
- ³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 12. М., 2000. С. 220; ПСРЛ. Т. 13. С. 220-221.
- ⁴ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 306-312.
- ⁵ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Б. Очерки истории СССР. Конец XV-начало XVII вв. Л., 1957. С. 21. Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 132-149.
- ⁶ Кобрин В. Б. Становление поместной системы //Исторические записки. 1980. Т. 105. С.157; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М., 1985. С. 101.
- ⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 113.
- ⁸ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 127.
- ⁹ Виппер Р. Ю. Иван Грозный//С. Ф. Платонов. Иван Грозный (1530-1584). Випер Р. Ю. Иван Грозный. М.: Изд. УРАО, 1998. С. 139.
- ¹⁰ Скрынников Р. Г. История Российская IX-XVII вв. М., 1997. С
- ¹¹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982. С. 208, 259; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV-начала XVI века. М., 1967. С. 189-190; Флоря Б. Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV- первой половине XVI века// История СССР. 1972. №1. С. 56-59.
- ¹² Соловьев С. М. Сочинения. Т. 3... С. 56.
- ¹³ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси// История СССР, 1991. № 4. С. 59-60.
- ¹⁴ Борисов Н. С. Иван III. М., 2000.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 248.
- ¹⁶ Юрганов А. А. Идеи Пересветова в контексте мировой истории и культуры// Вопросы истории. 1996. № 2. С. 20.
- ¹⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 325.
- ¹⁸ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб, 2001. С. 434.
- ¹⁹ См.: Вернадский Г. В. Россия в средние века. Москва-Тверь, 1997. С. 118.
- ²⁰ Kollmann N. Sh. Kinship and Polinics. The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547. Stanford, 1987. P. 112-113.
- ²¹ An economic and social history of Ottoman Empire. 1300-1914. Cambridge, 1994. P. 138.
- ²² Каштанов С. М. Указ. соч. С. 253; Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 59.
- ²³ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 273.
- ²⁴ Скрынников Р. Г. История Российская... С. 229-230.
- ²⁵ Цит. по: Зимин А. А. Россия на рубеже... С. 176.
- ²⁶ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Б. Указ соч. С. 62; Зимин А. А. Россия на пороге Нового Времени. М., 1972. С. 409.
- ²⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 72, 74.
- ²⁸ Романовский-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 15.
- ²⁹ Kollmann N. Sh. Kinship and Polinics... P. 1-3.
- ³⁰ См. например: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 321.

- ³¹ Различные точки зрения на эту проблему представлены в материалах дискуссии 1968-1971 гг. См., например: Сахаров А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма//История СССР. 1971. № 1. С. 111-126; Кристенсен С. О. История России XVIII в. Обзор исследований и источников. М.: 1989. С.34-46.
- ³² ПСРЛ. Т. 5. С. 261; НПЛ. С. 409.
- ³³ ПСРЛ. Т. 12. С. 129; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 22.
- ³⁴ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 340-344; Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. P. 95; Pelenski J. State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropdischen Geschichte. 1980. Bd. 27. S. 159, 165.
- ³⁵ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 341-342. См. также: Wittfogel K.-A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. 1963. Vol. 22. №12.
- ³⁶ Ostrowski D. The Mongol origins of Moscovite I Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. № 4. P. 526-527, 542.
- ³⁷ Вишпер Р.Г. Иван Грозный. М. 1944, с. 9; Vernadsky G. On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History//Transactions of Connecticut Academy of Arts an Sciences. 1945. Vol. XXXVI, p. 24-36.
- ³⁸ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III... С. 187-188.
- ³⁹ Контарини А. Рассказ о путешествии в Москву в 1478-77 гг.// Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 22.
- ⁴⁰ Джовио П. Книга о московитском посольстве//Все народы едино суть. М.,1987.С.489,497.
- ⁴¹ Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486г.)//Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Вып. 5. М., 1963. С. 654.
- ⁴² Герберштейн С. Указ. соч. С. 121.
- ⁴³ Цены: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1974 (далее – АИСЗР. Т.II). С. 21, 22.
- ⁴⁴ Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siecle). Paris., 1973. P. 189-190.
- ⁴⁵ Кольчева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 41; АИСЗР. Т.II. С. 365.
- ⁴⁶ АИСЗР. Т.II. С. 180. Табл. 94.
- ⁴⁷ Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII-XVIII в.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 145.
- ⁴⁸ АИСЗР. Т. I. С. 48-50.
- ⁴⁹ Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 99.
- ⁵⁰ АИСЗР. Т.II. С. 291.
- ⁵¹ Абрамович Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII века//История СССР. 1972, № 3. С. 75; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 144.
- ⁵² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3... С. 169.
- ⁵³ См.: Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. М., 1960. С. 166.
- ⁵⁴ АИСЗР. Т. I. С. 34, 82.
- ⁵⁵ Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в.//Исторические записки. 1959. Т. 64. С. 237-244.
- ⁵⁶ See: Crummev R. Moscow and the General Crisis of Seventeenth Centure//Journal of early modern history. 1998. Vol. 2. P. 167.
- ⁵⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 130.
- ⁵⁸ Английские путешественники в Московском государстве. М., 1938. С. 56.
- ⁵⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 66; АИСЗР. Т. I. С. 34, 82, 111, 116-118, 323.
- ⁶⁰ Конечский В. Я. К истории сельского расселения и хозяйства в долине реки Ловать в эпоху средневековья // Новгород и новгородская земля. Новгород, 1992. С. 43.

- ⁶¹ Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением. (XIV-XVI вв.). Л., 1987. С. 6,14; Шапиро Л. В. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России// Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. 72; АИСЗР. Т.II. С. 112.
- ⁶² АИСЗР. Т.II. С. 173, 373.
- ⁶³ Горская Н. А., Милов Л. В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России//История СССР. 1982, № 2. С. 73-74.
- ⁶⁴ Индова Е. И. Указ. соч. С. 144-145
- ⁶⁵ Степанова Л. Г. Урожайность зерновых культур в конце XV-начале XVI в. (по данным Новгородских писцовых книг)//Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2000. № 5. С. 102.
- ⁶⁶ АИСЗР. Т.II. С. 290.
- ⁶⁷ Новгородские летописи. Спб., 1879. С. 321; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3... С. 312; АИСЗР. Т.II. С. 33.
- ⁶⁸ АИСЗР. Т.II. С. 32, 33, 42, 235, 290, 291.
- ⁶⁹ Веселовский С. Б. Село и деревня... С. 131.
- ⁷⁰ Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 64.
- ⁷¹ Там же. С. 64. Табл. 3.
- ⁷² Прокопьева Л. С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в.// Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 102.
- ⁷³ Зимин А. А. Реформы... С.86; Горская Н. А. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI-начале XVII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 151.
- ⁷⁴ Там же. С. 186.
- ⁷⁵ Цит. по: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 332.
- ⁷⁶ Цит. по: Зимин А. А. Указ. соч. С. 238.
- ⁷⁷ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Б. Указ соч. С. 52; Копанев А. И. Указ соч. С. 181.
- ⁷⁸ Цит. по: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного ... С. 80.
- ⁷⁹ Герберштейн С. Указ. соч. С. 130.
- ⁸⁰ АИСЗР. Т.II. С. 21, 22.
- ⁸¹ Новгородские летописи. Спб., 1879. С. 142.
- ⁸² Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л., 1951. С. 104.
- ⁸³ Blum J. Prices in Russia in the Sixteenth Century//The Journal of Economic History. 1956. Vol. 16, N 2. P. 182, 198-199; Mironov B. N. In Search of Hidden Information//Social Science History. 1985. Vol. 9, N 4. P. 342, 356.
- ⁸⁴ Цит. по: Маньков А. Г. Указ. соч. С. 31.
- ⁸⁵ Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 172-174.
- ⁸⁶ Там же. С. 172.
- ⁸⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978 (далее – АИСЗР. Т.III). С. 98.
- ⁸⁸ Цит. по: АИСЗР. Т.II. С. 72.
- ⁸⁹ Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. С. 233.
- ⁹⁰ Там же. С. 176.
- ⁹¹ История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986. С. 253.
- ⁹² Никольский Р. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века. Т. I. Вып. 2. СПб., 1910. с. ОХСII-ОХСVI; Маньков А. Г. Указ. соч. С. 106.
- ⁹³ Abel W. Op. cit. P. 189.
- ⁹⁴ Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века. М.-Л., 1948. С. 31-37; Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573-1595 гг. Вып. 2. М.-Л., 1978. С. 190-204; Из расходных книг Софийского Новгородского дома 1547-48 гг.//Монастырское хозяйство XVI-XVII вв. М., 1924. С. 84. В Ко-

стромском Ипатьевском монастыре оброк детеньшей был еще меньше. См.: Отырок из расходной книги Костромского Ипатьевского монастыря//Сборник Археологического института. 1898. С. 129.

- ⁹⁵ АИСЗР. Т.1. С. 117-118; Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 108.
- ⁹⁶ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 303-307.
- ⁹⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 120,123.
- ⁹⁸ АИСЗР. Т.1. С. 326; Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 105.
- ⁹⁹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3... С. 312; АИСЗР. Т.П. С. 33.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 251-252.
- ¹⁰¹ Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 107.
- ¹⁰² Герберштейн С. Указ. соч. С. 132.
- ¹⁰³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 66.
- ¹⁰⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 71-73, 84-85.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 104; Зимин А. А. Россия на пороге Нового Времени... С. 123; Копанев А. И. Указ. соч. С. 239, 240.
- ¹⁰⁶ Герберштейн С. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁰⁷ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 25.
- ¹⁰⁸ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988. С. 19.
- ¹⁰⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного... С. 76-78.
- ¹¹⁰ Скрынников Р. Г. Великий государь Иоан Васильевич Грозный. Т.I-II. Смоленск, 1996. С. 106-109; Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М.,1902. С. 232.
- ¹¹¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. ... С. 194, 230; Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве//Исторические записки. 1974. Т. 95. С. 292. Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 96; История крестьянства в Европе. Т. 2. ... С. 265; Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 55, 69; Скрынников Р. Г. Великий государь Иоан... С. 106-109;
- ¹¹² Ключевский В. О. Указ. соч. С. 242.
- ¹¹³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. ... С. 194, 230; Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 55, 69; Скрынников Р. Г. Великий государь Иоан... С. 106-109.
- ¹¹⁴ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 158; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. ... С. 78; Kollmann N. Sh. Kinship and Polinics... P. 113.
- ¹¹⁵ Скрынников Р. Г. Великий государь... С. 130-131.
- ¹¹⁶ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного... С. 256; Панова Т., Пажемский Д. Отравили!// Родина. 2004. № 12. С. 31.
- ¹¹⁷ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3... С. 410.
- ¹¹⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3... С. 440.
- ¹¹⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 138.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3... С. 436.
- ¹²² Цит. по: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 90.
- ¹²³ ПСРЛ. Т. 13 С. 392.
- ¹²⁴ Кобрин В. Б. Становление поместной системы... С. 172.
- ¹²⁵ Памятники русского права. Вып. IV. М., 1955 (далее- ПРП). С. 577.
- ¹²⁶ Каштанов С. М. Социально-политическая история России... С. 348, 365, 371; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного ... С. 78.
- ¹²⁷ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного... С. 76, 81.
- ¹²⁸ Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Б. Указ соч. С. 54.
- ¹²⁹ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1996. С. 85, 105.
- ¹³⁰ Цит. по: Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 67.
- ¹³¹ Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси//Сочинения. Т. VIII. М., 1959. С. 9,16.
- ¹³² Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3... С. 424.

-
- ¹³³ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950. С. 10.
- ¹³⁴ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники... С. 312, 313, 331.
- ¹³⁵ Пересветов И. С. Сказание о Магмете-салтане// Все народы едино суть. М., 1987. С. 630-635.
- ¹³⁶ Историографию вопроса см.: Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. С. 37-45.
- ¹³⁷ Нефедов С. А., Даннинг Ч. К новой интерпретации социально-экономических предпосылок Смутного времени// Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург-Москва, 2004. С. 298-317
- ¹³⁸ Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195-225; Duffy M. (ed.) The Military revolution and the state, 1500-1800. Exeter, 1980; Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3, 10-11, 56, 77-78.
- ¹³⁹ Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии//Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 152-184.
- ¹⁴⁰ Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние //Вопросы истории. 2002. № 11. С. 40-41.
- ¹⁴¹ Волков В. Ратные силы //Родина. 2004. № 12. С. 53.
- ¹⁴² Аннинский С. А. Франческо Тьеполо. Рассуждение о делах Московии 1560 г.//Исторический архив. 1940. Т. III. С. 341; Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 15.
- ¹⁴³ Прочко И. С. История развития артиллерии. СПб., 1994. С. 50; Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М. 1949. С. 76; Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁴⁴ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 95-96; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 99.
- ¹⁴⁵ ПРП. Вып. 4. С. 585-586.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 367.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 584-586.
- ¹⁴⁸ Абрамович Г. В. Указ. соч. С. 79. Табл. 5.
- ¹⁴⁹ Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 104.
- ¹⁵⁰ ПРП. С. 584-586.
- ¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 271.
- ¹⁵² Фоскарини М. Рассуждения о Московии// Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 55-57.
- ¹⁵³ Флетчер Д. О государстве Русском//Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 78.
- ¹⁵⁴ Чернов А. В. Указ. соч. С. 58.
- ¹⁵⁵ Штаден Г. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁵⁶ Цит. по: Скрынников Р. Г. Великий государь Иоан... С. 191.
- ¹⁵⁷ Цит. по: там же. С. 265.
- ¹⁵⁸ Цит. по: там же. С. 265.
- ¹⁵⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного... С. 76-78;
- ¹⁶⁰ Там же. С. 379-392.
- ¹⁶¹ Цит. по: Скрынников Р. Г. Великий государь Иоан... С. 273.
- ¹⁶² Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV... С. 43-45; Vernadsky G. On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History//Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences. 1945. Vol. XXXVI. P. 24-36.
- ¹⁶³ Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий Л. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 294.
- ¹⁶⁴ Nefedov S. Eski Rusya' da Osmanli sistemi: Timar // DA – diyalog avrasya. Istanbul, 2003. № 8. P. 34-40; Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV... ;
- ¹⁶⁵ Vernadsky G. Op. cit.; Pelenski J. Op. cit.; Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1998; См. также: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М.,

1999. С. 149; Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России//История СССР, 1968, № 4. С. 81, 83.
- ¹⁶⁶ Vernadsky G. Op. cit.; Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV... С. 32, 36, 48; Nefedov S. Eski Rusia... P. 34-40.
- ¹⁶⁷ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе//Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 36. См. также: Платонов С. Ф. Иван Грозный.// Платонов С. Ф. Иван Грозный. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 79
- ¹⁶⁸ Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн... Т. 1. С. 388-390.
- ¹⁶⁹ Флетчер Д. Указ. соч. С. 41, 43.
- ¹⁷⁰ Назаров В. Д. Опричнина в контексте современной историографической ситуации (заметки и размышления)//Спорные вопросы отечественной истории XI-XVII веков. Ч. 2. М., 1990. С. 197.
- ¹⁷¹ Для построения графика использованы данные Г. В Абрамовича: АИСЗР. Т. II. С. 23-27, табл. 5, 8, 9. Данные о населенности двора см. АИСЗР. Т. II. С. 185, табл. 151, с. 194, табл. 157.
- ¹⁷² АИСЗР. Т. II. Табл. 36.
- ¹⁷³ АИСЗР. Т. I. С. 37.
- ¹⁷⁴ Цит. по: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 162.
- ¹⁷⁵ Цит. по: там же. С. 162.
- ¹⁷⁶ Колычева Е. И. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁷⁷ Klapisch-Zuber C. Plague and family life //The New Cambridge Medieval History. Vol. VII. Cambridge, 2000. P. 130; Slicher van Bath V. H. The Agrarian History of Western Europe F. D. 500-1850. L., 1963. P. 88.
- ¹⁷⁸ Колычева Е. И. Указ. соч. С. 178.
- ¹⁷⁹ Штаден Г. О Указ. соч. С. 92. См. также: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе... С. 55.
- ¹⁸⁰ Цит. по: Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного// История СССР. 1963. № 2. С. 115.
- ¹⁸¹ Цит. по: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁸² Колычева Е. И. Указ. соч. С. 182.
- ¹⁸³ АИСЗР. Т. II. С. 65, 169, 191.
- ¹⁸⁴ Колычева Е. И. Указ. соч. С. 180-186.
- ¹⁸⁵ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 396; Бахтин А. Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России//Вопросы истории. 2001. № 5. С. 53.
- ¹⁸⁶ Kastanov S. M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert// Jahrbucher für Gechichte Osteuropas. 1995. Bd. 43. S. 329.
- ¹⁸⁷ Hatcher J. Plague, population and the English economy: 1348-1530. London, 1977. P. 171; Postan M. Same economic evidence... P. 233.
- ¹⁸⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI века. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574-1600 гг. М.-Л., 1979. С. 301-304; АИСЗР. Т. II. С. 21.
- ¹⁸⁹ Петров В. А. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI века//Вопрос экономики и классовых отношений в Русском государстве XII-XVII веков. М.-Л., 1960. С. 169; Щепетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря//Исторические записки. 1948. Т. 18. С. 99; Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI века// Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 159-160; Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома//Летопись занятий Археографической комиссии за 1923-25 годы. Вып. 33. Л., 1926. С. 268, 270.
- ¹⁹⁰ Там же; Никольский Р. Указ. соч. С. ОХС-ОС; Расходная книга Дорогобужского Болдинского Свято-Троицкого монастыря//Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб, 1875. Стб. 290, 302, 311; Русская историческая библиотека. Монастырские приходно-расходные книги. Вып. 1. Л., 1924. Стб.

- 36, 38, 44, 68, 94; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 гг. М., 1996. С. 126, 130, 134.
- ¹⁹¹ Postan M. Op. cit. P. 236.
- ¹⁹² Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря... С. 31-37; Вотчинные хозяйственные книги XVI века. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573-1595 гг. Вып. 2. М.-Л., 1978. С. 190-204.
- ¹⁹³ Там же. С. 195. В книгах денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря встречаются упоминания о том, что работники получали на год 2 четверти ржи и 2 четверти овса. Четверть ржи весит 4 пудов, четверть овса – 2,7 пуда, из расчета 280 рабочих дней в году получается 0,8 кг хлеба в день.
- ¹⁹⁴ Postan M. Op. cit. P. 236-237; История крестьянства в Европе... Т. 2. С. 329.
- ¹⁹⁵ Подробнее см.: Нефедов С. А. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века// Отечественная история. 2003. № 5. С. 69-70.
- ¹⁹⁶ Дмитриева З. В. Вытны и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI-XVII вв. СПб, 2003. С. 217-218.
- ¹⁹⁷ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 257.
- ¹⁹⁸ Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 159; Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 89-91.
- ¹⁹⁹ Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 228.
- ²⁰⁰ АИСЗР. Т. II. С. 239; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 109.
- ²⁰¹ Штаден Г. Указ. соч. С. 122; Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М., 1970. С. 44; Дмитриева З. В. Указ. соч. С. 130.
- ²⁰² Абрамович Г. В. Указ. соч. С. 80,81; Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца петровских реформ. Л., 1986. С. 168.
- ²⁰³ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М., 1970, С. 49-50.
- ²⁰⁴ Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 184; АИСЗР. Т. II. С. 71.
- ²⁰⁵ Цит. по: Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М, 1970. С. 107.
- ²⁰⁶ История крестьянства СССР... С. 343.
- ²⁰⁷ Штаден Г. Указ. соч. С. 99.
- ²⁰⁸ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века... С. 13.
- ²⁰⁹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение... С. 309, 312; Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 104, 365.
- ²¹⁰ Шапиро А. Л. Русское крестьянство... С. 87-88; АИСЗР. Т. II. С. 288.
- ²¹¹ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе// Русский исторический журнал. Кн. VIII. Пг. 1922. С. 31.
- ²¹² Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М.: , 1970. С. 63.
- ²¹³ Цит. по: Тихомиров М. Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века// Вопросы истории. 1958. № 5. С. 16.
- ²¹⁴ Корецкий В. И. Указ. соч. С. 91.
- ²¹⁵ Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 167; Корецкий В. И. Указ. соч. С. 93-94, 124; Флоря Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России// Отечественная история. 1999. № 5. С. 123.
- ²¹⁶ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 20.
- ²¹⁷ Freedman P. Rural society// The New Cambridge Medieval History. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 82-101.
- ²¹⁸ Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1937. С. 259, 265, 292, 300.
- ²¹⁹ Freedman P. Op. cit. P. 94.
- ²²⁰ Мортон А. А. История Англии. М. 1950. С. 101,122.

- 221 Лиги Х. М. Закрепощение крестьян в Эстонии// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. С. 130; История Эстонской ССР. Таллин, 1958. С. 84, 112, 120.
- 222 История крестьянства в Европе... Т. 2. С. 414.
- 223 История крестьянства в Европе... Т. 2. С. 402-405; Т. 3. С. 370-373; История Венгрии. Т. 1. М., 1971. С. 225.
- 224 Цит. по: История крестьянства в Европе. Т. 3... С. 249- 250.
- 225 Масся И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.-Л., 1937. С. 72.
- 226 Скрынников Р. Г. Борис Годунов... С.29, 32.
- 227 Там же. С. 34; Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века... С. 46.
- 228 Масся И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.-Л., 1937. С. 72.
- 229 Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605). СПб, 1992. С. 251.
- 230 Флетчер Дж. Указ. соч. С. 55-60.
- 231 АИСЗР. Т. II. С. 23-27.
- 232 Там же. С. 76-78.
- 233 Скрынников Р. Г. Борис Годунов... С.49-50, 124.
- 234 Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 30-31; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 87-88; Корещкий В. И. Указ. соч. С. 124, 150; Флора Б. Н. Об установлении «заповедных лет»... С. 123.
- 235 Флетчер Дж. Указ. соч. С. 66.
- 236 АИСЗР. Т. II. С. 239.
- 237 АИСЗР. Т. II. С. 75, 239.
- 238 Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 189.
- 239 Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 200.
- 240 Готье Ю. А. Замосковский край в XVI веке. М., 1937. С. 168. См. также: Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1995. С. 110.
- 241 Кольчева Е. И. Указ. соч. С. 181-190, 200.
- 242 Корещкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 94; Куркин А. В. «Влияние новых видов метательного доогнестрельного и древкового наступательного вооружения на развитие западноевропейского военного искусства 14-15 веков». Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 24.
- 243 Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века... С. 20-25; Скляр И. М. О начальном этапе первой крестьянской войны в России// Вопросы истории. 1960. №6. С. 98. Прим. 77.
- 244 Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 38.
- 245 Корещкий В. И. Закрепощение крестьян... С. 145-147.
- 246 Скрынников Р. Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича//История СССР. 1973. № 1. С. 99-129; Анпилов Г. Н. К вопросу о законе 1592-1593 гг, отменившем выход крестьян, и урочных лета в конце XVI – первой половине XVII в.//История СССР. 1972. № 5. С. 160-177; Панеях В. М. Закрепощение крестьян в XVII веке: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корещкого)//История СССР. 1973. №1. С. 157-165.
- 247 Там же. С. 145, 302; ПРП. Вып. 4. С. 374, 539.
- 248 ПРП. Вып. 4. М., 1956. С. 586-587.
- 249 Петрухинцев Н. Н. Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в.//Вопросы истории. 2004. № 7. С. 37.
- 250 Цит. по: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. М., 1954. С. 335. См. также: Дмитриева З. В. Указ. соч. С. 111.
- 251 История крестьянства СССР... С. 257; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 146.

- ²⁵² Корецкий В. И. Закрепощение крестьян... С. 283-284; История крестьянства СССР... С. 257.
- ²⁵³ Горская Н. А. Указ. соч. С. 241, 245; Греков Б. Д. Указ. соч. С. 335; История крестьянства СССР... С. 257.
- ²⁵⁴ Труды рязанской ученой архивной комиссии. 1904. Т. 28. Вып. 2. С. 147. Мы не касаемся ситуации в Иосифо-Волоколамском монастыре, где в это время проводил «реформы» старец Мисаил Безнин.
- ²⁵⁵ Там же. С. 91.
- ²⁵⁶ Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 150.
- ²⁵⁷ Там же. С. 111-115; Корецкий В. И. Закрепощение крестьян... С. 46-47;.
- ²⁵⁸ АИСЗР. Т.II. С. 183.
- ²⁵⁹ Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 86.
- ²⁶⁰ Скрынников Р. Г. Борис Годунов... С. 46.
- ²⁶¹ Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилукского монастыря. М.-Л., 1959. Табл. 2.
- ²⁶² Там же. С. 136; Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник... С. 142.
- ²⁶³ Масса И. Указ. соч. С. 61.
- ²⁶⁴ Буссов К. Московская хроника. 1584-1615. М.- Л., 1961. С. 98.
- ²⁶⁵ Сказание Авраамия Палицина.. М.-Л., 1955. С. 106.
- ²⁶⁶ Масса И. Указ. соч. С. 61.
- ²⁶⁷ Цит. по: Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 161.
- ²⁶⁸ Там же.
- ²⁶⁹ Там же. С. 212; Сказание Авраамия Палицина... С. 107.
- ²⁷⁰ Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 118-119. В Калуге осенью 1601 года четь овса стоила 5-6 алтын. Исходя из обычных ценовых соотношений, четь ржи должна была стоить 60-70 денег.
- ²⁷¹ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века... С. 38.
- ²⁷² Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века... С. 38; Crummeу R. Moscow and the General Crisis of Seventeenth Century//Journal of early modern history. 1998. Vol. 2. P. 167.
- ²⁷³ Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л., 1971. С. 172, график XVI-16.
- ²⁷⁴ Crummeу R. Op. cit. P. 167.
- ²⁷⁵ Масса И. Указ. соч. С. 59.
- ²⁷⁶ Сказание Авраамия Палицина... С. 106.
- ²⁷⁷ Цит. по: Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 131.
- ²⁷⁸ Буссов К. Указ. соч. С. 97.
- ²⁷⁹ Корецкий В. И. Указ соч. С. 208; Масса И. Указ. соч. С.59, 61.
- ²⁸⁰ Цит. по: Корецкий В. И. Указ соч. С. 210.
- ²⁸¹ Цит. по: Корецкий В. И. Указ соч. С. 230.
- ²⁸² Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России//Известия ГАИМК, 1934, вып. 72. С. 142; Зимин А. А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века// Вопросы истории, 1958, № 3. С. 98.
- ²⁸³ Сказание Авраамия Палицина... С. 108.
- ²⁸⁴ Корецкий В. И. Указ соч. С. 96.
- ²⁸⁵ Сказание Авраамия Палицина... С. 108,110.
- ²⁸⁶ Новый Летописец. Ст. 87. Цит. по: Готье Ю. А. Смутное время. М.,1921. С. 35.
- ²⁸⁷ Буссов К. Указ. соч. С. 100.
- ²⁸⁸ Маржерет Ж. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии//Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 266, 285.
- ²⁸⁹ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян... С. 46; Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 111-115.
- ²⁹⁰ Dunning Ch. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park, 2001. P. 116-117; Perrie M. Pretenders and Popular

-
- Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 63, 87, 245-246.
- ²⁹¹ Цит. по: Корецкий В. И. Указ соч. С. 241.
- ²⁹² Маржерет Ж. Указ соч. С. 1986. С. 266, 285.
- ²⁹³ Масса И. Указ. соч. С. 82.
- ²⁹⁴ Корецкий В. И. Указ соч. С. 238-244; Скляр И. М. Указ. соч. С. 98-100; ААЭ. Т. II. № 40; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVIII. 1601-1608. Сборник документов. М., 2003. С. 44.
- ²⁹⁵ В Кирилло-Белозерском монастыре в 1605-1608 годах «дворники» получали в среднем 120 денег в год, в 1603 году – 80 денег. В Иосифо-Волоколамском монастыре в 1588 и 1593 году дворнику платили 80 денег. См.: Никольский Р. Указ. соч. Т.1. Вып. 2. СПб., 1910. С. ОСXXXV-ОСCLX; Вотчинные хозяйственные книги XVI века. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573-1595гг. Вып. 2. – М.-Л., 1978.
- ²⁹⁶ Никольский Р. Указ соч. С. OCLXXXVII.
- ²⁹⁷ Буссов К. Указ. соч. С. 110.
- ²⁹⁸ Казанское сказание//Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С. 222.
- ²⁹⁹ Там же.
- ³⁰⁰ Шватченко О. А. Светская феодальная вотчина России в первой трети XVII века. М., 1990. С. 200.
- ³⁰¹ Корецкий В. И. Указ соч. С. 268, 314, 320.
- ³⁰² ПРП. Вып. 4. М., 1956. С. 586-587. См. также: Буганов В. И., Преображенский А. Л., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М.: Мысль, 1980. С. 271.
- ³⁰³ Буссов К. Указ. соч. С. 345.
- ³⁰⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. VI. М.-Л., 1966. с. 320.
- ³⁰⁵ Лебедев В. Э. Русская Смта: историческая динамика и последствия. Екатеринбург, 1993. С. 28-29.
- ³⁰⁶ Станиславский А. Л. Гражданская война в России. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 147.
- ³⁰⁷ Сказание Авраамия Палицина... С. 208; см. так же: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 565.
- ³⁰⁸ Станиславский А. Л. Указ. соч. М., 1990; Dunning Ch. Russia's First Civil War... Скрынников П. Г. Россия в начале XVII века...
- ³⁰⁹ Там же. С. 355-361; Тихонов Ю. А. Россия в первой половине XVII века// История СССР. Т. II. М., 1966. С. 302.
- ³¹⁰ Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 302.
- ³¹¹ Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII-XVIII вв. в России// История СССР, 1965, № 5. С. 67.
- ³¹² Чернов А. В. Вооруженные силы... С. 125.
- ³¹³ Ashtor E. L'histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. P. 1969. P. 73-74; Histoire de la France rurale. Т. 2. 1340-1789. Paris, 1975. S. 361-363; Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М., 1980. С. 108-113.
- ³¹⁴ Crummey R. Moscow and the General Crisis... P. 166-168.
- ³¹⁵ Ibid. P. 167.
- ³¹⁶ Ibid; Mironov B. In Search of Hudden Information: Some Issues in the Socio-Economic History of Russian in the Eighteenth and Nineteenth Centuries //Social Science History. 1985. Vol. 9. P. 339-359.

ГЛАВА III. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД ВОСТАНОВЛЕНИЯ И РОСТА

¹ Цит. по: Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига. М., 1973. С. 127.

- ² Цит. по: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 351.
- ³ Готье Ю. А. Замосковский край в XVI веке. М., 1937. С. 115-116; Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989 (далее – АИСЗР. Т. IV). С. 11; Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV-XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 170; Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 54.
- ⁴ Колесников П. Л. Северная деревня в XV-первой половине XIX века. Вологда, 1989. С. 155-157.
- ⁵ Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв). М., 1973. С. 26.
- ⁶ Там же; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 17; Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в.//Исторические записки. 1959. Т. 64. С. 237-244.
- ⁷ Цит. по: Станиславский А. Л. Гражданская война в России. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 89.
- ⁸ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 255-256.
- ⁹ История крестьянства СССР... Т. 2. С. 443; Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 216-231.
- ¹⁰ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 16.
- ¹¹ Горфункель А. Х. К вопросу об историческом значении Крестьянской войны начала XVII века//История СССР. 1962, № 4. С. 114.
- ¹² Цит. по: Милоков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 46; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 18, 133.
- ¹³ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 106.
- ¹⁴ Нефедов С. А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока// Восток – Oriens. 2003. № 3. С. 20-22.
- ¹⁵ Виппер Р. Ю. Иван Грозный//С. Ф. Платонов. Иван Грозный (1530-1584). Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.: Изд. УРАО, 1998. С. 139.
- ¹⁶ Швагченко О. А. Светская феодальная вотчина России в первой трети XVII века. М., 1990. С. 29, 189.
- ¹⁷ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца петровских реформ. Л., 1986. С. 47, 48, 138.
- ¹⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 294.
- ¹⁹ Цит. по: Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М, 1991. С. 86.
- ²⁰ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 125.
- ²¹ Милоков П. Указ. соч. С. 33.
- ²² Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 50, 54; Чернов А. В. Указ. соч. С. 161.
- ²³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 44.
- ²⁴ Швагченко О. А. Указ. соч. С. 14, 30, 41; История крестьянства СССР... Т. 2. С. 361.
- ²⁵ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 244.
- ²⁶ Цит. по: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 285.
- ²⁷ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 148, 157.
- ²⁸ Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII-XVIII вв. в России// История СССР, 1965, № 5. С. 67; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне... С. 117.
- ²⁹ Веселовский С. Сошное письмо. Т. 2. М., 1916. С. 493.
- ³⁰ Там же. С. 488-493.
- ³¹ Веселовский С. Указ. соч. С. 160, 174-181. Цены для пересчета ямских денег на хлеб см.: Там же. С. 174; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне... С. 112. Населенность двора: Там же. С. 98; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М., 1977. С. 112. Табл. 22. Величина для 1551-1553 гг рассчитана по: АИСЗР. Т. II. С. 23-27, табл. 5, 8, 9. С. 194, табл. 157.
- ³² Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998. С. 553.

- ³³ Цит. по: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. М., 1976. С. 145.
- ³⁴ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977; Тихонов Ю. А. Указ. соч.; Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965; Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. М., 1966.
- ³⁵ 1630-1644: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 127-128. Табл. 12. № 4, 8-14(кроме 12), 18; 1660-1669: Там же. С. 185. Табл. 32. № 1-3. С.188. Табл. 33. № 1-17 (кроме 8,10,16), 25-30, 38; 1680-1700: Там же. С. 251. Табл. 48. № 1-31 (кроме 5,10, 16,22, 26, 28,30); 1715-1723: Там же. С. 243.Табл. 47. № 3-14 (кроме 7,9,10,13), 19-29 (кроме 23, 24). С. 251. Табл. 48. № 119-136 (кроме 122, 123, 124, 126, 131), 153-154. Во всех этих случаях из таблиц Ю. А. Тихонова исключались поместья, имеющие менее 4 дворов и поместья с уровнем барщины менее 0,1 десятины на душу мужского пола в одном поле, поскольку столь низкая барщина подразумевает присутствие оброка. Мы использовали различные данные о барщине, перевода их в барщину в трех полях. Если ограничиться наиболее многочисленной группой данных о барщине в одном поле, то результаты практически не меняются, но надежность средних значений будет меньше.
- ³⁶ История крестьянства СССР... Т. 2. С. 364; Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVII веке. Л., 1964. С. 87.
- ³⁷ История крестьянства СССР... Т. 2. С. 367.
- ³⁸ АИСЗР. Т. III. С. 178. Табл. 60.
- ³⁹ Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С. 269. Табл. 51. Средние величины подсчитаны у И. Д. Ковальченко.: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. Табл. 55.
- ⁴⁰ Цит. по: Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением. (XIV-XVI вв.). Л, 1987. С. 58.
- ⁴¹ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 279.
- ⁴² Кондратенков А. Л. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края в XVII-XVIII веках//Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI-первая половина XIX в.). Смоленск, 1982. С. 41; АИСЗР. Т. IV. С. 126,134.
- ⁴³ Дмитриева З. В. Земельные наделы монастырских крестьян Белозерского уезда в XVI-XVII вв// Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. Киров, 1979. С. 60-61; Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI-XVII вв. СПб, 2003. С. 204-205.
- ⁴⁴ Личное сообщение З. В. Дмитриевой.
- ⁴⁵ Лохтева Г. Н. Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве половников Троицко-Гледенского монастыря Поморья в XVII в.// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 193.
- ⁴⁶ Цит. по: Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929. С.134.
- ⁴⁷ См.: Новосельский А. А. Указ. соч. С. 127, 134. Расчет сделан без учета деревни Подчерниной, где жили барщинные холопы.
- ⁴⁸ Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 202.
- ⁴⁹ В патриарших домовых вотчинах в 1701 дополнительную землю арендовали лишь 554 из 6932 дворов. (См.: Петрова Е. Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII – первой четверти XVIII века. Дисс. ... канд. ист. н. М., 1995. С. 131.) В вотчине Медведова пустынь в Дмитровском уезде (1681 г.), также как в вотчинах Пафнутьева-Боровского монастыря (1701 г.) плата за аренду составляла около 3 коп. на душу. Рассчитано по: Горская Н. А. Указ. соч. С. 46, 169; Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 247, 272.

- ⁵⁰ Подсчитано по: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 135. Табл. 13. № 9-13. С. 198. Табл. 34. № 6, 9, С. 271. Табл. 49. № 1.; Тихонов Ю. А. Рентные отношения в боярском владении середины XVII века//Феодализм в России. М., 1987. С. 161. Табл. 2. № 15; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 30, 160; Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 293; Табл. 60. Горская Н. А. Указ. соч. С. 249, 261, 289, 312, 344; Масленникова Н. Н. Псковские крестьяне конца XV-XVII веков. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. н. Л., 1984. Приложение. С.120. Табл. 84; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.-Л., 1959. С. 124; Черкасова М. С. О тенденциях развития феодальной ренты в России в XVII- начале XVIII века (по документам Троице-Сергиева монастыря)//Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 162. Цены: 1620-1630 гг: Веселовский С. Шoshное письмо. Т. I. М., 1915. С. 174; 1630-1700: Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне... С.112;
- ⁵¹ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне... С. 98.
- ⁵² Горская Н. А. Указ. соч. С. 345. См. также: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 301; Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн... С. 66; Горфункель А. Х. К вопросу об историческом значении... С. 116; Дмитриева З. В. Указ. соч. С. 242.
- ⁵³ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985. С. 112.
- ⁵⁴ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 165, 642; Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М., 1936. С. 26, 39-40, 42; Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 205-207; Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. М., 1937. С.287.
- ⁵⁵ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 165, 642; Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века//Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Т. XXXVII. 1963. С. 9; Мацук М. А. Указ. соч. С. 130-140.
- ⁵⁶ Мы используем обычную методику, применявшуюся ранее, в частности, И. Д. Ковальченко и авторами АИСЗР (см.: Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 263; АИСЗР. Т. 3. С. 176),
- ⁵⁷ Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмоскoвья в середине XVIII в М, 1959. С. 116.
- ⁵⁸ Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII-XVIII в.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 145
- ⁵⁹ АИСЗР. Т. I. С. 50.
- ⁶⁰ Горфункель А. Х. Указ. соч. С. 117.
- ⁶¹ Колесников С. П. Северная деревня в XV- второй половине XIX века. Вологда, 1976. С.301.
- ⁶² История крестьянства России... Т. 3. М., 1993. С. 54-55.
- ⁶³ АИСЗР. Т. 4. С. 126,134.
- ⁶⁴ История крестьянства Северо-Запада... С. 117.
- ⁶⁵ Новосельский А. Л. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVIIвека//Исторические записки, 1945.Т. 16.С.60.
- ⁶⁶ Олсарий А. Описание путешествия в Московию //Россия глазами иностранцев, 1980.329.
- ⁶⁷ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 261, 286.
- ⁶⁸ Дубинская Л. Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века(по материалам Мещерского края). Дисс... канд. ист. н. М., 1967. С. 152.
- ⁶⁹ Горская Н. А. Указ. соч. С. 81-82.
- ⁷⁰ Цит. по: Горская Н. А. Указ. соч. С. 293.
- ⁷¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 90.
- ⁷² Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia, 1600-1725. Chicago and London, 1999. P. 451.

-
- ⁷³ Ibid. P. 14.
- ⁷⁴ Ibid. P. 462-466.
- ⁷⁵ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.). М., 1973. С. 178-179. Табл. 28.
- ⁷⁶ Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 202.
- ⁷⁷ Hellie R. Op. cit. P. 466.
- ⁷⁸ Шипилов А. В. Русская культура питания в первой половине XVIII века//Вопросы истории. 2003. № 3. С. 146.
- ⁷⁹ Ibid. P. 450, 470.
- ⁸⁰ Шипилов А. В. Указ соч..С. 146, 147.
- ⁸¹ Ibid. P. 462-463. Tabl. 20.4.
- ⁸² Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900-1914 г. Л. , 1976. С. 218.
- ⁸³ Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siecle). P., 1973. P. 189-192, 195.
- ⁸⁴ Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы. XVI-XVII. М., 1910. С. 75; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 92, 101, 108; Заозерский А. Царская вотчина в XVII веке. М., 1937. С.177; Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и каширские заводы в XVII веке. М.-Л., 1934. С. 100,103; Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России. М., 1963. С. 178, 181; Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома... С. 305. Цены: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С.112; Орлов П. В. Пришлые рабочие в Москве в XVII веке. Киев, 1912. С.7-8.
- ⁸⁵ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 111.
- ⁸⁶ Цит. по: Милоков П. Указ. соч. С. 47.
- ⁸⁷ Готье Ю. А. Замосковский край в XVI веке. М., 1937. С. 115-116; История крестьянства СССР... Т. 2. С. 351; Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. М., 1919. С. 129-130; АИСЗР. Т.IV. С. 90. Табл. 4; Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв). М., 1973. С. 26; История крестьянства России... Т. 3. С. 17; Копанев А. И. Население Русского государства... С. 237-244.
- ⁸⁸ Водарский Я. Е. Население России за 400 лет... С. 26-28; История крестьянства России... Т. 3. С. 18; История крестьянства Северо-Запада... С. 90-91. Табл. 4; АИСЗР. Т.IV. С. 90. Табл. 4.
- ⁸⁹ Чернов А. В. Указ. соч. С. 139-140.
- ⁹⁰ История крестьянства России... Т. 3. С. 128.
- ⁹¹ Важинский В. Н. Сельское хозяйство в черноземном центре России в XVII веке. Воронеж, 1983. С. 19, 30.
- ⁹² Там же. С. 54. Цены см.: Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века//Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Т. СХХVII. 1963. С. 28. Прим. 79.
- ⁹³ Важинский В. Н. Сельское хозяйство в черноземном центре... С. 9-10.
- ⁹⁴ Цит. по: Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке//Исторические записки. 1938. Т.4. С. 29.
- ⁹⁵ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века... С. 106, табл. 19. С. 155. Табл. 29. С. 167. Табл. 3.
- ⁹⁶ Важинский В. М. Сельское хозяйство в черноземном центре России... С. 19; Швецова Е. А. Хозяйство дворянских крестьян Верхкоценской волости Тамбовского уезда. во второй половине XVII века//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 191. С. 174-175.
- ⁹⁷ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. III. М., 1993. С. 25.
- ⁹⁸ Важинский В. М. Хлебная торговля... С. 9; Богданов А. В. В тени Петра Великого. М., 1998. С. 162.

- ⁹⁹ Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.//Города феодальной России. М., 1966. С. 279-289.
- ¹⁰⁰ Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII-XVIII вв.//Города феодальной России. С. 182; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 64-66.
- ¹⁰¹ Волков М. Я. Формирование городской буржуазии... С. 180; История СССР. Т. III. М., 1967. С. 23-24.
- ¹⁰² Цит. по: Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁰³ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.- Л., 1947. С. 412.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Смирнов П. П. Указ. соч. С. 425-426.
- ¹⁰⁵ Смирнов П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVIII века. М., 1915. С. 10.
- ¹⁰⁶ Высоцкий Д. А. Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие русского государства XVII века. Автореф. дисс... канд. ист. н. Л., 1988. С. 13.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 1. С. 476.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Очерки истории СССР... С.154.
- ¹¹⁰ Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 1. С. 480. Т. 2. С. 10.
- ¹¹¹ Цит. по: Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 2. С. 10
- ¹¹² Очерки истории СССР... С. 231, 426; Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 2. С. 32-37; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. IV. 1645-1700. СПб, 1836. С. 5.
- ¹¹³ Городские восстания в Московском государстве XVII века. Сборник документов. М.- Л., 1936. С. 37, 39, 46-51, 56, 60; Олеарий А. Указ. соч. С. 384; Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 2. С. 168-233; Очерки истории СССР... С. 232-233, 245-249; Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 179.
- ¹¹⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. 2. М., 1954. С. 374.
- ¹¹⁵ Там же. С. 100; Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., С. 108; Рождественский С. В. Соборное уложение 1649 года//Три века. Т. 1. М., 1912. С. 193.
- ¹¹⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. III. М., 1937. С. 199.
- ¹¹⁷ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 46.
- ¹¹⁸ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1-2. М.- Л., 1947.
- ¹¹⁹ Смирнов П. Правительство В. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929. С. 12, 51, 61.
- ¹²⁰ Сперанский А. Н. К вопросу о сущности и характере псковского восстания 1650 года//Историк-марксист. 1936. № 5. С. 128.
- ¹²¹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 76; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С. 181; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 67.
- ¹²² Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 279.
- ¹²³ Греков Б. Д. Указ. соч. С. 392.
- ¹²⁴ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 22-23.
- ¹²⁵ Бродель Ф. Матерьяльная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. М., 1992. С. 459.
- ¹²⁶ Рождественский С. В. Указ. соч. С. 187; Маньков А. Г. Указ. соч. С. 16-17.
- ¹²⁷ Елифанов П. П. Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII века). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. М., 1969. С. 180; Хьюз Л. Царевна Софья. СПб, 2001. С. 144; Калинычев Ф. И. Правовые

- вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 58.
- ¹²⁸ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л., 1962. С. 26, 28, 49, 83; Буганов В. И., Преображенский А. Л., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 273.
- ¹²⁹ Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 202. Расчет средней барщины сделан по данным Ю. А. Тихонова. См: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 185. Табл. 32. № 1-3; С. 1888. Табл. 33. № 1-17.
- ¹³⁰ Подсчитано по: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 188. Табл. 33. № 18-21; С. 251. Табл. 48. № 1-14, 17-20. Имения №15,16 исключены из вычисления среднего, поскольку при столь низкой норме барщины есть основание подозревать присутствие других повинностей.
- ¹³¹ Подсчитано по: Воробьев В. М., Дегтярев А.Я. Указ. соч. С. 140, 159.
- ¹³² Подсчитано по: Воробьев В. М., Дегтярев А.Я. Указ. соч. С. 131, 147, табл. 60, 65.
- ¹³³ Чернов А. В. Указ. соч. С.168, 188, 189.
- ¹³⁴ Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века// Вопросы истории. 2004. № 4. С. 22-52.
- ¹³⁵ Чернов А. В. Указ. соч., с. 145, 162; Малов А. Рождение регулярной армии// Независимое военное обозрение. 20.07.2001; Калинычев Ф. И. Русское войско во второй половине XVII века//Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР. 1954. Вып. 2. С.81-82; Мейерберг А. Путешествие в Московию//Утверждение династии. М., 1997. С. 158.
- ¹³⁶ Цит. по: Уланов В. Я. Западное влияние в Русском государстве//Три века.Т.III, 1991. С. 216.
- ¹³⁷ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 108; Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона. Ч. 2. М.1892. С. 24.
- ¹³⁸ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 36; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 115-116; Курсков Ю. В. Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40-60-х годов XVII века. Чита, 1973. С. 61.
- ¹³⁹ Чернов А. В. Указ. соч. С.189.
- ¹⁴⁰ Hellie R. The Petrin Army: Continuty, Change, Impact//Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. VIII. P. 246-248; Епифанов П. П. Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII века). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. М., 1969. С. 242.
- ¹⁴¹ Crummeу R. Seventeenth Century Russia: Theories and Models// Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 2000. Bd.56.P.122
- ¹⁴² Хьюз Л. Указ. соч. С. 142-143.
- ¹⁴³ Милюков П. Указ. соч. С. 73-76.
- ¹⁴⁴ Филина Е. И. Царь Алексей Михайлович и политическая борьба при Московском дворе (1645-1652)//Российская монархия. Вопросы истории и теории. Воронеж, 1999. С. 97.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 99; Жарков В. П. Боярин Борис Иванович Морозов – государственный деятель России XVII века. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2001. С. 888.
- ¹⁴⁶ Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 171-172; Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины//Журнал Министерства Народного Просвещения. 1891, февр. С. 222.
- ¹⁴⁷ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 105, 108; Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках. Л., 1925. С. 109; Городские восстания... С. 44; Малов А. Рождение регулярной армии//Независимое военное обозрение. 20.07.2001 – http://nvo.ng.ru/history/2001-07-20/5_army.html; Курц Б. Состояние России в 1650-1655 годах по донесениям Родеса //Чтения в ОИДР, 1915. Кн. 2. Отд. II. С. 110,134.
- ¹⁴⁸ Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович//Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 79-80.

- ¹⁴⁹ Цит. по: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II. Сергиев посад, 1909. С. 190. См. также: Коллинс С. Нынешнее состояние России//Утверждение династии. М., 1997. С. 224; Каптерев Н. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 399-400.
- ¹⁵⁰ Андреев И. Нетихий Тишайший//Родина. 1998. № 9. С. 40.
- ¹⁵¹ Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины//Журнал Министерства Народного Просвещения. 1891, апрель. С. 341.
- ¹⁵² Котошихин Г. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁵³ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 23; Талина Г. В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. С. 56.
- ¹⁵⁴ Иловайский Д. И. Отец Петра Великого. М., 1996. С. 442.
- ¹⁵⁵ Сахаров А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма//История СССР. 1971. № 1. С. 121.
- ¹⁵⁶ Рейтенфельс Я. Сказание о Московии// Утверждение династии. М., 1997. С. 346.
- ¹⁵⁷ Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 482; Богданов А. В. Указ. соч. С. 209; Ключевский В. О. Указ. соч. Т. III. С. 89.
- ¹⁵⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб. 1842.. С. 189.
- ¹⁵⁹ Чернов А. В. Указ. соч. С. 146, 189; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1906. С. 131.
- ¹⁶⁰ Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины//Журнал Министерства Народного Просвещения. 1891, май. С. 96.
- ¹⁶¹ Крижанич Ю. Указ. соч. С. 226.
- ¹⁶² Важинский В. М. Сельское хозяйство в черноземном центре... С. 44; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века... С. 62.
- ¹⁶³ Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 49, 64, 73.
- ¹⁶⁴ Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998.
- ¹⁶⁵ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера... С. 121,178-179; Мацук М. А. Указ. соч. С. 552. Табл. 29.
- ¹⁶⁶ Стрелецкая подать 350 юфтей с сохи (в сохе было около 500 дворов) и четвертной налог 4800 четвертей с 10800 дворов. См.: Мацук М. А. Указ. соч. С. 110, 134, 475, 555.
- ¹⁶⁷ Стрелецкая подать 350 юфтей с сохи была переведена на деньги из расчета 2 рубля за юфть; но действительная цена юфти на Вятке была 1 рубль, поэтому для того, чтобы заплатить эту подать, нужно было продать 700 юфтей – 1,4 юфти на двор. Считая другие налоги, на двор приходилось 2 рубля платежей. См.: Мацук М. А. Указ. соч. С. 112, 151, 555.
- ¹⁶⁸ Цит. по: Мацук М. А. Указ. соч. С. 113. См. также: Мацук М. А. Указ. соч. С. 112, 153, 555.
- ¹⁶⁹ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера... С. 77; Колесников П. Л. Указ. соч. С. 159-161, 275-276. По оценке П. Л. Колесникова, в 1620-х годах население Севера составляло 0,7 млн., а в 1678 году – около 1 млн.; Швейковская Е. Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в. Дисс. на соиск. уч. степ. док. ист. н. М., 1993. С. 236, 237.
- ¹⁷⁰ Лохтева Г. Н. Указ. соч. С. 193.
- ¹⁷¹ Копанев А. И. Указ. соч. С. 168-174; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 604-605; Мацук М. А. Указ. соч. С. 410; Огризко З. А. Из истории крестьянства на севере феодальной России XVII в. М., 1968. С. 15.
- ¹⁷² Копанев А. И. Указ. соч. С. 100.
- ¹⁷³ Цит. по: Милоков П. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁷⁴ Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуа. 1680. М., 1905. С. 343.

-
- ¹⁷⁵ Суворов Н. О ценах на разные жизненные припасы в г. Вологде в XVII и XVIII столетиях. Б. М. 1863. С.12; Милоков П. Указ. соч. С. 60; Колесников П. Л. указ. соч. С. 267; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 606.
- ¹⁷⁶ Хьюз Л. Указ. соч. С. 89-98; Богданов А. П. Указ. соч. С. 245.
- ¹⁷⁷ Хьюз Л. Указ. соч. С. 134, 139.
- ¹⁷⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. Т. IV. С. 89-90; Маньков А. Г. Развитие крепостного права... С. 56,60, 134, 135; Хьюз Л. Указ. соч. С. 144; История крестьянства России... Т. III. М., 1993. С. 34; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 145-148.
- ¹⁷⁹ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 144; Соловьев С. М. Сочинения. Т. VII. С.453.
- ¹⁸⁰ Ключевский В. О. Указ. соч. Т. IV. С.66.
- ¹⁸¹ Милоков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 123.
- ¹⁸² Водарский Я. Е. Петр I// Вопросы истории, 1993. № 6. С. 63; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 13.
- ¹⁸³ Милоков П. Указ. соч. С. 121; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII века. М., 1988. С. 34-35, 44-45.
- ¹⁸⁴ Милоков П. Указ. соч. С. 114, 118; Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 74-77, 103.
- ¹⁸⁵ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. I. М., 1943. С. 102.
- ¹⁸⁶ Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII-начале XIX века//Исторические записки. 1974. Т. 93. С. 169-169. Табл. 9.
- ¹⁸⁷ Гуннар А. Карл XII и его армия //Царь Петр и король Карл. М., 1999. С. 167-168; Пузыревский. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. Спб., 1889. С. 66; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698-1801. М., 1995. С. 9.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 27; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 22, 23.
- ¹⁸⁹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VIII... С. 600-601.
- ¹⁹⁰ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 239.
- ¹⁹¹ Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единоедержавие Петра Первого (1696-1725) // Артиллерийский журнал. 1865. № 10. С. 615-616, 622; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VIII... С. 604.
- ¹⁹² Капинцев Д. История металлургии Урала. Т. I. М., 1939. С. 48; Ляпин В. «Сибирского железа пушки...» //Уральский следопыт. 1994, № 9. С. 12.
- ¹⁹³ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 75; Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948. С. 25; Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1828. С. 28, 46; Захаров В. Н. Указ. соч. С. 220, 223.
- ¹⁹⁴ Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 109; Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 99; Захаров В. Н. Указ. соч. С. 234, 238; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 102.
- ¹⁹⁵ Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны//Полтава. К 250-летию полтавского сражения. М., 1959. С. 23; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 128, 132.
- ¹⁹⁶ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 42.; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁹⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. IV. М., 1937. С. 81-83.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 84-85.
- ¹⁹⁹ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 61.

- ²⁰⁰ Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 111.
- ²⁰¹ Цит. по: Бушкович П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)// Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 91.
- ²⁰² Там же. С. 100; О повреждении нравов в России князя М. Щербатова. Факсимильное издание. М., 1983. С. 20.
- ²⁰³ Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны//Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 170-171.
- ²⁰⁴ Постников С. П. Эпоха петровских преобразований//Многоконцептуальная история России. Кн. I. Екатеринбург, 2000. С. 209.
- ²⁰⁵ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 70-75, 110; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 180; Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth Century Nobility. N. Y. 1966. P. 36, 52, 53; Соловьев Б. И. Русское дворянство и его выдающиеся представители. Ростов-на-Дону, 2000. С. 112.
- ²⁰⁶ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 161.
- ²⁰⁷ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 152, 161, 164-165, 363; Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII века//Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 327-328.
- ²⁰⁸ Милоков П. Указ. соч.. С. 108, 111, 118, 141, 175.
- ²⁰⁹ Наш расчет, опирающийся на данные И. А. Булыгина (см. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. Табл. 4, 5, 6, 10а, 10б, 11, 12) с корректировкой для поместных крестьян. Мы учитывали лишь денежные и натуральные налоги, но не учитывали повинности. Средняя населенность двора принимается в 9,2 человека (см.: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 98).
- ²¹⁰ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 474-476, 484.
- ²¹¹ Corvisier A. Armees et societes en Europe de 1494 a 1789. Paris, 1976. P. 126.
- ²¹² Анисимов Е. В. Государственные преобразования... С. 13.
- ²¹³ См.: Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба... Табл. 9.
- ²¹⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX... С. 563.
- ²¹⁵ Булыгин И. А. Указ. соч. С. 142; Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957. С. 80.
- ²¹⁶ Цит. по: Луппов С. П. Указ. соч. С. 94.
- ²¹⁷ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. X... С. 432.
- ²¹⁸ См.: Булыгин И. А. Указ. соч. С. 153-155.
- ²¹⁹ См. прим. 31.
- ²²⁰ См., например: Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII-начало XVIII в. М. 1976. С. 83.
- ²²¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. IV. М., 1937. С. 110.
- ²²² Подсчитано по: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 243. Табл. 47. № 3-14 (кроме 7,9,10,13), 19-29 (кроме 23, 24). С. 251. Табл. 48. № 119-136 (кроме 122, 123, 124, 126, 131), 153-154. Во всех этих случаях из таблиц Ю. А. Тихонова исключались поместья, имеющие менее 4 дворов и поместья с уровнем барщины менее 0,1 десятины на душу мужского пола в одном поле, поскольку столь низкая барщина подразумевает присутствие оброка. Мы использовали различные данные о барщине, переводя их в барщину в трех полях. Если ограничиться наиболее многочисленной группой данных о барщине в одном поле, то результаты практически не меняются, но надежность средних значений будет меньше.
- ²²³ Урожайность: Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII-XVIII в.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 145; Посев: Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в се-

- редине XVIII в. (30-70-е годы). М., 1959. С. 11; Милов Л. В. Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 125.
- ²²⁴ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начало XVI века. Л. 1971. С. 50.
- ²²⁵ Рассчитано по: Алефиренко П. К. Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40-50-х годах XVIII в.//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М., 1962. С. 137. Табл. 2; Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 270. Табл. 49; Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. М., 1947. С. 286. Табл. 1; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Л., 1981; Прохоров М. Ф. Крепостное крестьянство России в 1750-х-начале 1770-х годов. Дисс... докт. ист. н. М., 1997. С. 112.. Данные о поместьях кн. Меньшикова рассчитаны по: РГАДА, ф. 11, оп. 2м, д. 70, л. 15об, 16об, 20, 20об, 37, 37об, 40об, 42об, 61обЮ 62об. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.) Л., 1985. Приложение. Табл. 1.
- ²²⁶ Наш расчет, опирающийся на данные И. А. Булыгина (см. Булыгин И. А. Указ. соч. Табл. 4, 5, 6, 10а, 10б, 11, 12).
- ²²⁷ Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века//О первоначальном накоплении в России. М., 1958. С. 157,160.
- ²²⁸ Миронов Б. Н. Бремя величия//Родина. 2001, № 9. Табл. 1.
- ²²⁹ Милоков П. Указ. соч. С. 202.
- ²³⁰ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 18; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М.: Наука, 1977. С. 191.
- ²³¹ Петрова Е. Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII- первой четверти XVIII века. Дисс... канд. ист. н. М., 1995. С. 8; Слесарчук Г. Н. Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века. Автореферат. дисс... канд. ист. н. М., 1955. С. 9.
- ²³² Бакланова Е. Н. Указ соч. 16; История крестьянства России... С. 19.
- ²³³ Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., С. 159. Табл. 17.
- ²³⁴ Заозерская Е. И. Указ соч. С.160.
- ²³⁵ Троицкий С. Н. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.,1966. С. 118.
- ²³⁶ Цит. по: Заозерская Е. И. Указ соч. С. 167.
- ²³⁷ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 140.
- ²³⁸ Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 1.
- ²³⁹ Копелевич Ю. Х. Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII в. М., 1974. С. 193.
- ²⁴⁰ Богословский М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-27 г. М., 1902; Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII-XVIII веков: Попытки сравнительного подхода к проблеме//Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 64, 67.
- ²⁴¹ Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство//Вестник права. 1902. Т. XXXII. № 9-10. С. 2-5.
- ²⁴² Медушевский А. И. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С. 67.
- ²⁴³ История крестьянства России... С. 637.
- ²⁴⁴ Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. 5. СПб, 1911. №3294.\$31.
- ²⁴⁵ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 130-131; Ольминский М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М., 1925. С. 92.

- ²⁴⁶ Богословский М. Указ. соч. С. 35; Анисимов Е. В. Государственные преобразования... С. 292; Федосова Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт)//Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С.185-194.
- ²⁴⁷ Богословский М. Указ. соч. С. 26.
- ²⁴⁸ Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 216; Милоков П. Указ. соч. С. 76.
- ²⁴⁹ См. например: Сорокин Ю.А. О понятии "абсолютизм"/Исторический ежегодник. 1996. Омск, 1999. С. 4-16.
- ²⁵⁰ Raeff M. Op. cit. P.35-36.
- ²⁵¹ Кристенсен О. История России XVIII в. М., 1989. С. 38.
- ²⁵² Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 36.
- ²⁵³ См., например: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I... С. 52; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи . Т. I. СПб, 1999. С. 370. Ср.: Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб, 2001. С. 432.
- ²⁵⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб, 2001. С. 434.
- ²⁵⁵ Rostovtzeff M. Ptolemaic Egypt// The Cambridge Ancient History. Vol VII. L., 1928. P. 109-154; Rostovtzeff M. The social economic history of the hellenistic world. Vol. I-III. Oxford, 1941; Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. М., 1994. С. 96, 117; Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1999.
- ²⁵⁶ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX. М., 1993. С. 475.
- ²⁵⁷ Цит. по: Анисимов Е. В. Время петровских реформ... С. 480.
- ²⁵⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 477; Ермолов. А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. I. СПб, 1909. С. 14.
- ²⁵⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 551-553; Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 38, 127.
- ²⁶⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. Т. II. СПб., 1910. С. 379; Анисимов Е. В. Материалы комиссии Д. М. Голицына о подати (1727-1730 гг.)// Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 339.
- ²⁶¹ Там же, табл. I; С. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XI. М., 1993. С. 148.
- ²⁶² См. табл. 1.1.
- ²⁶³ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 385-391; Троицкий С. Н. Финансовая политика... Табл. 23; ПСЗ. Т. VII. № 5-17. С. 745, 747; № 5032. С. 758,759; № 5043. С. 768-769.
- ²⁶⁴ Цит. по: Костомаров Н. Н. Екатерина Алексеевна, первая русская императрица// Костомаров Н. Н. Раскол. М., 1994. С. 520-521.
- ²⁶⁵ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX. С. 575; Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 41; Петрухинцев Н. Н. Указ. соч. С. 142.
- ²⁶⁶ Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в.//Абсолютизм в России. М., 1964. С. 424.
- ²⁶⁷ Костомаров Н. И. Самодержавный отрок// Костомаров Н. И. Раскол. М., 1994. С. 551.
- ²⁶⁸ Сомина Р. А. Невский проспект. Исторический очерк. Л., 1959. С. 23.
- ²⁶⁹ Манштейн К. Г. Записки о России. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. С. 26.
- ²⁷⁰ Цит. по: Каменский А. Б. Указ. соч. С. 203.
- ²⁷¹ Цит. по: Манштейн К. Г. Указ. соч. С. 30.
- ²⁷² Kivelson V. Kinship Politics/Autoeratic Politics. A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture//Imperial Russia. New Histories for the Empire. Bloomington and Indianapolis, 2001. P. 17-18.
- ²⁷³ Kivelson V. Op.cit. P.14; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 294-302; Анисимов Е. Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994. С. 189-190;
- ²⁷⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С.302-305; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 302-305; Kivelson V. Op.cit. P.16-17, 20.
- ²⁷⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 312-313.
- ²⁷⁶ Там же. С. 305, 335, 336, 339.

- ²⁷⁷ Буганов В. И., Преображенский А. Л., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 179; Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 44.
- ²⁷⁸ Подсчитано по: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века... С. 77. Табл. 8.
- ²⁷⁹ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 50.
- ²⁸⁰ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 61.
- ²⁸¹ Цит. по: Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 138.
- ²⁸² Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. X. С. 465-466; Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 28, 32, 38, 135-136, 139.
- ²⁸³ Цит. по: там же. С. 140.
- ²⁸⁴ Там же.
- ²⁸⁵ Там же. С. 53, 165.
- ²⁸⁶ Цит. по: Там же. С. 29.
- ²⁸⁷ Прокофьева Л. С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в.//Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 350.
- ²⁸⁸ Прохоров М. Ф., Федудин А. А. Помещичьи крестьяне в России в середине XVIII века. М., 2003. С. 24.
- ²⁸⁹ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 38; см. также: Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 43.
- ²⁹⁰ Волков С. И. Указ. соч. С. 23, 40; Ермолов. А. С. Указ. соч. С. 14; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 100-101..
- ²⁹¹ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985. С. 120.
- ²⁹² Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 264.
- ²⁹³ Волков С. И. Указ. соч. С. 22.
- ²⁹⁴ Цит. по: Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке//Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 122.
- ²⁹⁵ Инструкция П. И. Рычкова управителям и приказчикам имений//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1990. С. 84.
- ²⁹⁶ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 270.
- ²⁹⁷ Волков С. И. Указ. Соч. С. 33, 130.
- ²⁹⁸ Подсчитано по: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957. С. 101.
- ²⁹⁹ История крестьянства России... Т. III. С. 77, 332; Волков С. И. Указ. Соч. С. 22, 40, 46, 84, 86.
- ³⁰⁰ Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913. С. 39.
- ³⁰¹ Подсчитано по: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века... С. 106, 225-227.
- ³⁰² Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII- первой половине XIX в. М., 1971. Приложение 2.
- ³⁰³ Троицкий С. М. Районирование... С. 125.
- ³⁰⁴ Милов Л. В. Указ. соч. С. 205, 213.
- ³⁰⁵ Цит. по: Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке//Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 107.
- ³⁰⁶ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 252.

- ³⁰⁷ Прохоров М. Ф., Федулин А. А. Помещичьи крестьяне России в середине XVIII века. М., 2003. С. 64-66, 74, 79.
- ³⁰⁸ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 258, 282-283.
- ³⁰⁹ Цит. по: Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 343.
- ³¹⁰ Индова Е. И. Указ. соч. С. 144-145.
- ³¹¹ Ковальченко И. Д. Указ. соч. 279.
- ³¹² Милов Л. В. Великорусский пахарь... С. 386.
- ³¹³ Подсчитано по: Кабузан В. М. Изменения в размещении... Приложение 2; Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 44-45. Табл. 19.
- ³¹⁴ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 407.
- ³¹⁵ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII века. М., 1958. С. 255.
- ³¹⁶ Волков М. Я., Троицкий С. М. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной силы в России в первой половине XVIII века//История СССР. 1965. №4. С. 87.
- ³¹⁷ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII-начало XX века. М., 1974. С. 211-213; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 258, 404.
- ³¹⁸ Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл.1 и табл.2.
- ³¹⁹ Подсчитано по: Кабузан В. М. Народонаселение России... Табл. 17; Миронов Б. Н. Бремя величия... Табл. 1.
- ³²⁰ Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 126, 141.
- ³²¹ Там же. С. 157, 165, 209-210, табл. 18, 20.
- ³²² Там же. С. 142, 153-154; Волков М. Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII в. – первая половина XVIII в. Винокурное производство. М., 1979. С. 55, 67;.
- ³²³ Троицкий С. М. Финансовая политика... С.71-79; Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII – 1861г.). М., 1958. С. 45, 50; Кони Ф. История Фридриха Великого. М., 1997. С. 209-210.
- ³²⁴ РГАДА, ф. 11, оп. 2м, д. 70, л. 15об, 16об, 20, 20об, 37, 37об, 40об, 42об, 61обЮ 62об. Наши данные отличаются от данных С. М. Троицкого: Троицкий С. М. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в.(по архиву князя А. Д. Меншикова)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. Л., 1972. С. 125.
- ³²⁵ Цит. по: Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб, 1906. С. 121. Это указание позволяет нам считать, что около 1760 года средний оброк составлял примерно 50 коп. с души.
- ³²⁶ Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки //Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. М., 1987. С. 29.
- ³²⁷ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 176,180.
- ³²⁸ Мыльников А. С. Искушение чудом: «русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л.: Наука, 1991. С. 50, 61-75.; Гринцберг Л. И. Фридрих II// Вопросы истории. 1988. № 11. С. 98-118.
- ³²⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I... С.314.
- ³³⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. V. М., 1937. С. 50,52.
- ³³¹ Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 412.
- ³³² Окунь С. Б. История СССР. Конец XVIII – начало XIX века. Часть I. М., 1974.
- ³³³ ПСЗ. Т. XVII. № 12.474, 12.488, 12.659, 12. 570, 12. 664, 12. 711.
- ³³⁴ Троицкий С. М. Русский абсолютизм... С. 265.
- ³³⁵ История СССР. Т. III. М., 1967. С. 486-490; Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века... С. 66; Вдовина Л. Н. Право и суд//Очерки русской культуры XVIII века. Ч. II. М., 1897. С. 177; Леонтович В. В. История либерализма в России. 1702-1914. М., 1995. С. 31.

- ³³⁶ Кабузан В. М. Народнонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963. С. 154.
- ³³⁷ Рассчитано по: Троицкий С. М. Финансовая политика... Табл. 20,23; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 73, 76; Чечулин Н. Д. Указ. соч. С.260-262, 314-317. Цены взяты для Центрального района, см. Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл.1.
- ³³⁸ Цит. по: Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 158.
- ³³⁹ Рассчитано по: Чечулин Н. Д. Указ. соч. С.166; Троицкий С. М. Финансовая политика... Табл. 4.
- ³⁴⁰ Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 184.
- ³⁴¹ Corvisier A. Op. zit. P. 126.
- ³⁴² Цит. по: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 440.
- ³⁴³ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII- начало XIX столетия. М., 1982. С. 133.
- ³⁴⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 178; Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск, 1999. С. 213.
- ³⁴⁵ Сорокин Ю. А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996. С. 48, 53.
- ³⁴⁶ О повреждении нравов... С. 1-2.
- ³⁴⁷ Цит. по: Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм... С. 213-214.
- ³⁴⁸ Русский архив. 1876. №7. Стлб. 399.
- ³⁴⁹ Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М., 2002. С. 380.
- ³⁵⁰ Ключевский В. О. Указ. соч. Т. V. С. 140, 152.
- ³⁵¹ См. например: Мадариага И. Указ. соч. С. 218.
- ³⁵² Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 51. М., 1992. С. 691.;Ключевский В. О. Указ. соч. Т. V. С. 134-137.
- ³⁵³ Белявский М. Г. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965. С. 33; Каменский А. Б. Указ. соч. С. 356; Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. II. СПб, 1888. С. 40-42.
- ³⁵⁴ Цит. по: там же. С. 43.
- ³⁵⁵ Там же. С. 20; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.-Л., 1946. С. 148.
- ³⁵⁶ Семевский В. И. Крестьянский вопрос... Т. I. С. 385, 386.
- ³⁵⁷ Storch H. Cour's de economic politique on expositiondes principes qui determinent la proserrite des nations. Berlin, 1815. Цит. по: Струве П. Б. Указ. соч. С. 155.
- ³⁵⁸ Струве П. Б. Указ. соч. С. 155.
- ³⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 70.
- ³⁶⁰ Белявский М. Т. Указ. соч. С. 33.
- ³⁶¹ Raeff M. Origins of the Russian Intelligensia the 18th Century Nobility. N. Y., 1966. P. 79-80; Lentin A. Russia in the Eighteenth Century. N. Y. 1973. P. 89, 103; Blum J. Lord and Peasants in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. N. Y. 1973. P. 394-385, 445, 452; Mouravieff B. La monarchie russe. Paris, 1962. P. 45; Domar E. The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis// Journal of Economic History, 1970. Vol. 30. №1; Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, 1987. P. X; Хобсбаум Э. Век революции. 1789-1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 25.
- ³⁶² Raeff M. Op. cit. P. 79-80.
- ³⁶³ Blum J. Op. cit. P. 431, 468-469.
- ³⁶⁴ Mouravieff B. Op. cit. P. 45.
- ³⁶⁵ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 290; Миронов Б. Н. Бремя величия... С. 35; Данилова Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965. М., 1970. С. 138.
- ³⁶⁶ Стрейс Я. Путешествие по России голландца Стрюйса. – Б.м., б. г. С. 39.
- ³⁶⁷ О повреждении нравов в России... С. 16.
- ³⁶⁸ Цит. по: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века... С. 168.
- ³⁶⁹ Россия в 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса//Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 30.

- ³⁷⁰ Горланов Л. Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России//Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С.56; Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 262, 316.
- ³⁷¹ О повреждении нравов в России... С. 72.
- ³⁷² Марасинова Е. И. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 85-86.
- ³⁷³ Сорокин Ю. А. Павел I... С. 52, 102.
- ³⁷⁴ Цит. по: Яковкина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб, 2002. С. 12.
- ³⁷⁵ Цит. по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы.... Т. I. С. 144.
- ³⁷⁶ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. II. М., 1878. С. 17-18.
- ³⁷⁷ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1956. С. 407.
- ³⁷⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 3. М., 1992. С. 477.
- ³⁷⁹ Kahan A. The Costs of "Westernisation" in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century//Slavic Review. 1966. Vol. XXV. N 1. P. 46.
- ³⁸⁰ Цит. по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы.... Т. I. С. 141.
- ³⁸¹ Там же. С. 141-142.
- ³⁸² Kahan A. Op. cit. P. 49.
- ³⁸³ Болотов А. Т. Записки. Т. 3. М., 1873. С. 685.
- ³⁸⁴ Болотов А. Т. Записки. Т. 1. М., 1870. С. 147.
- ³⁸⁵ Инструкция П. И. Рычкова... С. 69. У Рычкова обычная норма барщины – 1 хозяйственная десятина в одном поле на тягло, максимальная – 1,5 дес. Если в тягле считать пять человек, то при пересчете в казенные десятины и на душу получатся указанные в тексте цифры.
- ³⁸⁶ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 144.
- ³⁸⁷ Болотов А. Т. Современник или записки для потомства. СПб., 1891. С. 21,30, 31.
- ³⁸⁸ Рутковский Я. Экономическая история Польши. М., 1953. С. 132-133,169; Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднее-средневековой Польши. Л., 1975. С. 110. Прим. 33; Дорошенко В. В. действие «революции цен» в Восточной Прибалтике в XVI в.//ЕАИВЕ. 1961. С. 125.
- ³⁸⁹ Например: Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба... С. 184.
- ³⁹⁰ Рябков Г. Т. Смоленские помещицы крестьяне в конце XVIII -первой половине XIX века. М., 1991. С. 32-34.
- ³⁹¹ Ковальченко И. Д. Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок... С. 218, 219; С. 33; Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба... С. 168-169; 177; История крестьянства России... Т. 3. С. 308; История Польши. Т. I. М., 1956. С. 170.
- ³⁹² Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 404.
- ³⁹³ Бульгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века. (По материалам Пензенской губернии). М., 1966. С. 48, 60; Ковальченко И. Д. Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок... С. 213-214.
- ³⁹⁴ Ржаникова Т. П. Помещицы крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева. Дисс... канд. ист. н. Л., 1953. С. 50.
- ³⁹⁵ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 404-405.
- ³⁹⁶ История крестьянства России... Т. 3. С. 335.
- ³⁹⁷ Милов Л. В. Указ. соч. С. 396,
- ³⁹⁸ Рассчитано по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы.... Т. I. С. 593; Александрова В. И. Крепостные крупной помещицкой вотчины Центральной России в XVIII-XIX вв. Дисс.канд. ист. н. Л., 1953. С. 66.
- ³⁹⁹ Рассчитано по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы.... Т. I. С. 593; Милов Л. В. Исследование... С. 301-302.

- ⁴⁰⁰ Александрова В. И. Указ. соч. С. 81; Казарина М. А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII века (по материалам барщинных вотчин Голицыных). Дисс... канд. ист. н. М., 1952. С. 133; Милов Л. В. Исследования.... С. 263-264, Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 276;
- ⁴⁰¹ Ржаникова Т. П. Указ соч. С. 178-182, 297.
- ⁴⁰² Миронов Б. Н. Русский город... С. 113. .
- ⁴⁰³ Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России М, 1947. С. 221.
- ⁴⁰⁴ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 229.
- ⁴⁰⁵ РГИА, ф. 1088, оп. 19, д. 195, л. 51-52.
- ⁴⁰⁶ Цит. по: Ржаникова Т. П. Указ. соч. С. 171-172.
- ⁴⁰⁷ Подсчитано по: Коган Э. С. Очерки истории крепостного крестьянства по материалам вотчин Курактных 2-й половины XVIII века//Труды ГИМ. 1960. Вып. 35. С. 19, 76.
- ⁴⁰⁸ Коган Э. С. Указ. соч. С. 76-83, 94-95, 100.
- ⁴⁰⁹ Подсчитано по: Коган Э. С. Указ. соч. С. 19, 7; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 4, 6.
- ⁴¹⁰ Мадариага И. Указ. соч. С. 215.
- ⁴¹¹ Рубинштейн Н. Л. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века//Вопросы истории. 1956. № 11. С. 35-51.
- ⁴¹² Пугачевщина. М., 1926. Т. 1. С. 94.
- ⁴¹³ История крестьянства в России... Т. III. С. 271; Мадариага И. Указ. соч. С. 430.
- ⁴¹⁴ Подсчитано по: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... С. 446-449.
- ⁴¹⁵ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса// Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 48.
- ⁴¹⁶ Цит. по: Ермолов. А. С. Указ. соч. С. 82.
- ⁴¹⁷ РГАДА, ф. 1290, оп. 6, д. 1135, л. 3.
- ⁴¹⁸ Дракохруст Е. И. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в.//Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 123-124.
- ⁴¹⁹ Ермолов. А. С. Указ. соч. С. 82.
- ⁴²⁰ Цит. по: Ермолов. А. С. Указ. соч. С. 82.
- ⁴²¹ Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М., 1951. Табл. 6.
- ⁴²² Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы.... Т. I. С.. 594-595.
- ⁴²³ Подсчитано по: Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959. С. 179; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века//История СССР. 1966. № 4. С. 75; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 4, 6.
- ⁴²⁴ Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 119.
- ⁴²⁵ Подсчитано по: Милов Л. В. Исследование.... С. 220-241.
- ⁴²⁶ Цит. по: Дружинин Н. М. Указ. Соч. С. 73.
- ⁴²⁷ Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному Межеванию. М., 1965. С. 249.
- ⁴²⁸ Подсчитано по: История крестьянства России... С. 328.
- ⁴²⁹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 294-296.
- ⁴³⁰ Рубинштейн Н. Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века//Вопросы истории. 1952. № 2. С. 95.
- ⁴³¹ Подсчитано по: Федоров В. А. Указ. соч. С. 232; Прокофьева Л. С. Указ. соч. С. 112-113; Щепетов К. Н. Указ. соч. С. 286; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 161; Троицкий С. М. Финансовая политика... Табл. 7; Чуцулин Н. Д. Указ. соч. С. 260-262; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 1-6.

- ⁴³² Сретенский Л. В. Помещичья вотчина нечерноземной полосы России во второй половине XVIII века (по материалам ярославской вотчины М. М. Щербатова). Дисс... канд. ист. н. Б. м., 1959. С. 178, 195.
- ⁴³³ Щепетов К. Н. Указ. соч. С. 94, 99.
- ⁴³⁴ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации... С. 75.
- ⁴³⁵ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. Т. 3. М., 1996. С. 128.
- ⁴³⁶ Подсчитано по: Милов Л. В. Исследование.... С. 278-282, 292-298; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 1-6.
- ⁴³⁷ Федоров В. А. Указ. соч. С. 238.
- ⁴³⁸ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы.... Т. I. С. 52; Милов Л. В. Указ. соч. С. 286.
- ⁴³⁹ Kahan A. Op. cit. P. 51. Tab. 6.
- ⁴⁴⁰ Ibid. P. 52.
- ⁴⁴¹ Ibid. P. 51. Tab. 6.
- ⁴⁴² Миронов Б. Н. Русский город... С. 112.
- ⁴⁴³ Подсчитано по: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII-первой половине XIX в. М., 1971. Приложение 2.
- ⁴⁴⁴ Миронов Б. Н. Русский город... С. 65, 71.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 82. Табл. 10
- ⁴⁴⁶ Миронов Б. Н. Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века//Родина. 2003. № 8. С. 16
- ⁴⁴⁷ См. например: Сорокин Ю. А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996; Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск, 1999; Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1982; Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел. М., 1990; Оболенский Г. Л. Император Павел I. Смоленск, 1996; McGrew R. E. Paul I of Russia. Oxford, 1992.
- ⁴⁴⁸ Цит. по: Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм... С. 256.
- ⁴⁴⁹ Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 255, 257, 258, 262; Ragsdale H. Tsar Paul and the Question of Madness. N. Y., 1988; Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁵⁰ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I... С. 496; Сорокин Ю. А. Павел I... 1996. С. 31.
- ⁴⁵¹ Рассчитано по: Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской части России в конце XVIII- начале XIX веков. М., 1987. С. 35. Табл. 3; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 5,6.
- ⁴⁵² Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв). М., 1973. С. 89-91; Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России (XVIII – первая половина XIX в.)//Вопросы истории. 1959. № 12. С. 126.
- ⁴⁵³ Неупокоев В.И. Указ. соч. С. 90-91; Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 139; Лященко П. И. Указ. соч. С. 396, 398. Цены для пересчета: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 3.
- ⁴⁵⁴ Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 216, 254, 255.
- ⁴⁵⁵ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 62.
- ⁴⁵⁶ McGrew R. E. Op. cit. P. 355-356.
- ⁴⁵⁷ Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 317.
- ⁴⁵⁸ Crummeу R. Moscow and the General Crisis of Seventeenth Century//Journal of early modern history. 1998. Vol. 2. P. 167.
- ⁴⁵⁹ Подсчитано по: Кабузан В. М. Народонаселение России... Табл. 17; Миронов Б. Н. Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке // Отечественная история. 2004. № 6. Табл. 4.
- ⁴⁶⁰ Миронов Б. Н. Антропометрический подход...; Миронов Б. Н. Бремя величия... Табл. 1.

ГЛАВА IV. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД
СЖАТИЯ

- ¹ Ковальченко И. Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства в России в первой половине XIX века//История СССР. 1959. №1. С. 73-74.
- ² Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 246.
- ³ Ковальченко И. Д. Динамика уровня... С.53-86. Четверти переведены в пуды исходя из соотношений 1870-х годов: 1 четверть посева равна 7,33 пуда, 1 четверть сбора равна 7,76 пуда. (см.: Нифонтов А. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974. Табл. 32, 43, 42).
- ⁴ Нифонтов А. С. Указ. соч. С. 140. Вес смешанной четверти см.: Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатый, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. С. 42. Прим. 15.
- ⁵ Фурсов В. Н. Землевание и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в.//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 23.
- ⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. II. М.-Л., 1958. С. 348.
- ⁷ Подсчитано по: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963. Табл. 17
- ⁸ Душевое производство: Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 73-74. Четверти переведены в пуды исходя из соотношений 1870-х годов: 1 четверть равна 7,8 пуда. (см.: Нифонтов А. Указ. соч. Табл. 32, 43, 42). Естественный прирост вычислен по данным о численности населения: Кабузан В. М. Указ. соч. Табл. 17.
- ⁹ Рязанский М. М. Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России (опыт количественного анализа по данным Курской губернии)//История СССР. 1991. №2. С. 142-150; Рындзюнский П. Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861г.??//Вопросы истории. 1967. №. 7. С. 54-70.
- ¹⁰ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 96; Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959. С. 55.
- ¹¹ В соответствии с часто применяющимся делением мы относим к Центральному (Центрально-промышленному) району Московскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Калужскую и Нижегородскую губернии. К Черноземному (Центрально-черноземному) району обычно относят Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии. Однако ввиду противоречий в статистических данных о Курской губернии (ср: Ковальченко И. Д. Динамика уровня... Табл. 2. и Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. М., 1978. С. Табл. 31), мы в дальнейшем исключаем эту губернию из корреляционного анализа.
- ¹² Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 327.
- ¹³ Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII – 50-х годах XIX века (численность, размещение, этнический состав). СПб, 2001. С. 239.
- ¹⁴ Комиссаренко. А. И Основные параметры кризиса крепостного хозяйства в аграрной сфере России в середине XIX века // <http://liber.ruh.ru/Conf/Russia/komisarenko.htm>
- ¹⁵ Нефедов С. А. Об уровне жизни крестьян и динамике населения в связи с динамикой сбора хлеба, оброков и барщины в 1800-1860 годах//Экономическое обозрение. 2005. Т. 12.

-
- ¹⁶ Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... Табл. 21 и Приложение, Табл. 5; Крутиков В. И. Об изменении размеров наделов помещичьих крестьян в первой половине XIX века//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. С. 160.
- ¹⁷ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 306.
- ¹⁸ Кабузан В. М. Крепостное крестьянство в XVIII – 50-х годах XIX века. Численность, состав и размещение//История СССР. 1982. № 3. С. 79, 82.
- ¹⁹ Подсчитано по: Кабузан В. М. Изменения в размещении... Приложение 2.
- ²⁰ Нефедов С. А. Об уровне жизни крестьян и динамике населения...
- ²¹ Расчитано по: Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII-первой половины XIX века. М., 1974. С. 232. Табл. 30; Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955. Табл. 7; Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М., 1951. Табл. 6; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 143. Табл. 26. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985. Приложение, табл. 9, 12.
- ²² Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 73.
- ²³ Цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. II. СПб, 1888. С. 438.
- ²⁴ Гиндин И. Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение//Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968. С. 338.
- ²⁵ Яковкина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб, 2002. С. 12.
- ²⁶ Смахтина М. В. Система ценностей великорусского и малороссийского помещного дворянства в первой половине XIX в. (до 1861г.) //Конференции, дискуссии, материалы. 2002. М., 2003. С. 58, 60-61.
- ²⁷ Сивков К. В. Указ. соч. С. 57; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 296-297.
- ²⁸ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 96; Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 55.
- ²⁹ Подсчитано по: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 389.
- ³⁰ Там же. С. 278; Милов Л. В. Из истории производительности труда в земледелии России//Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории России. Вильнюс, 1963. С. 130-134.
- ³¹ Александрова В. И. Крепостные крупной помещичьей вотчины Центральной России в XVIII-XIX вв. Дисс. канд. ист. н. Л., 1953. С. 207; Инструкция П. И. Рычкова управителям и приказчикам имений//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1990. С. 68, 70; Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства//Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 79.
- ³² Лященко П. И. Очерки аграрной экологии России. Т. I. Л., 1924. С. 127-128; Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 145.
- ³³ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 358, 366, 400.
- ³⁴ Федоров В. А. Крепостная вотчина России во второй четверти XIX века// Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 49.
- ³⁵ Милов Л. Природно-климатический фактор... С. 80.
- ³⁶ Янель З. К. О некоторых вопросах «второго издания крепостничества»//Исторические записки. 1965. Т. 78. С. 168; Рябков Г. Т. Сокращение пашни в наделах помещичьих

- крестьян Смоленской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. С. 449, 456.
- ³⁷ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 263, 268.
- ³⁸ Рассчитано по : Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... Табл. 21, 24(размер наделов и урожайность); Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по изследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Часть. I. СПб. 1903. Табл. XV (высев).
- ³⁹ Подсчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 171. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение, табл. 11, 13.
- ⁴⁰ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века//История СССР. 1966. № 4. С. 73.
- ⁴¹ Павлишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. Репринтное издание. Рязань, 1995. С. 84.
- ⁴² Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. IV. СПб., 1882. С. 328.
- ⁴³ РГИА, ф. 1281 (1850 г.), оп. 5, д. 55, лл. 29-30.
- ⁴⁴ Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949. С. 43; Кабузан В. М. Крепостное крестьянство... С. 69.
- ⁴⁵ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 44-45.
- ⁴⁶ Сивков К. В. Указ соч. С. 192, 198; Игнатович И. И. Указ соч. С. 9-14.
- ⁴⁷ Александрова В. И. Указ. соч. С. 293, 295, 305. Цены для пересчета на хлеб: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9, 12.
- ⁴⁸ Подсчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171; цены взяты за 1855-1859 года: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9, 12.
- ⁴⁹ Федоров В. А. Помещичьи крестьяне... С. 54, 61; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 77, 306.
- ⁵⁰ Расчитано по: Федоров В. А. Указ. соч. С. 232. Табл. 30; Индова Е. И. Крепостное хозяйство... Табл. 7; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... Табл. 32.
- ⁵¹ Рассчитано по: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 389; Ковальченко И. Д. Динамика уровня... С. 68 (посев по губерниям); Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I. С. 312-313, Т. II. С. 296 (численность различных категорий крестьян); Федоров В. А. Помещичьи крестьяне... С. 54-57.
- ⁵² Подсчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171. Взята средняя цена за 1855-1859 годы: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл.11,13.
- ⁵³ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации... С. 73.
- ⁵⁴ Федоров В. А. Указ. соч. С. 242-243; Индова Е. И. Крепостное хозяйство... С. 89, 90.
- ⁵⁵ Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. С. 70.
- ⁵⁶ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. III. М., 1993.С.318,327-328
- ⁵⁷ Покровский С. А. Указ. соч. С. 221.
- ⁵⁸ Введенский Р. М. Характер помещичьей эксплуатации и бюджеты оброчных крестьян в 20-40-х годах XIX века//История СССР.1971. № 3. С. 50.
- ⁵⁹ История крестьянства России... Т. 3. С. 318, 327-328; Федоров В. А. Указ. соч. С. 58; Покровский С. А. Указ. соч. С. 220-222.
- ⁶⁰ Миронов Б. Н. Русский город... С. 65, 82; Кабузан В. М. Изменения в размещении ... Приложение 2.
- ⁶¹ Goldstone J. Op. cit. P. 30.
- ⁶² Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. II. СПб, 1903. С. 82.

- ⁶³ Подсчитано по: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. II. М.-Л., 1958. С. 346, 349, 578; Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171. Взятая средняя цена за 50-е годы: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл.11, 13.
- ⁶⁴ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I. С. 369; Т. II. 349-351.
- ⁶⁵ Там же. Т. I. С. 66.
- ⁶⁶ Там же. Т. I. С. 99; Горланов Л. Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России//Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 69.
- ⁶⁷ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I. С. 496, 530, 567; Т. II. С. 26, 52, 54, 56; Леонтович В. В. История либерализма в России. 1702-1914. М., 1995. С. 163.
- ⁶⁸ Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. М., 1981. С. 102.
- ⁶⁹ Нефедов С. А. Об уровне жизни крестьян и динамике населения...
- ⁷⁰ Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 50.
- ⁷¹ Там же. С. 46.
- ⁷² Там же. С. 92-94; Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826-1857 гг. М., 1990. С. 169-170.
- ⁷³ Там же. С. 170, 179; Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 122.
- ⁷⁴ Рахматуллин М. А. Указ. соч. С. 58, 191, 198; Нифонтов А. С. Россия в 1848 году... С. 110-111.
- ⁷⁵ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. Табл. 1.
- ⁷⁶ Сборник РИО. Т. 98. С. 114.
- ⁷⁷ Цит. по: Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 105.
- ⁷⁸ Рахматуллин М. А. Указ. соч. С. 183.
- ⁷⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. II. С. 89.
- ⁸⁰ Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 241.
- ⁸¹ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 16.
- ⁸² Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1851 гг//История СССР.1971. №4. Табл. 1-3. Для Черноземья 6 губерний без Пензенской.
- ⁸³ Там же. Табл. 1,2.
- ⁸⁴ Цит. по: Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России (XVIII – первая половина XIX в.)//Вопросы истории. 1959. № 12. С.132.
- ⁸⁵ Самарин Ю. Сочинения. Т. II. М., 1878. С. 11.
- ⁸⁶ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 24
- ⁸⁷ Игнатович И. И. Указ. соч. С. 85.
- ⁸⁸ Тяпкина Н. И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984. С. 50.
- ⁸⁹ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 11.
- ⁹⁰ Там же. С. 12.
- ⁹¹ Струве П. Б. Указ. соч. С. 139. См. также: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 12.
- ⁹² Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции... С. 131.
- ⁹³ См., например: Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. I. С. 394; Яковлева В. А. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крепостного хозяйства накануне отмены крепостничества в России. Йошкар-Ола, 1997. С. 196; Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С.8; Blum J. Lord and Peasants in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1963. P. 614, 617.
- ⁹⁴ Сивков К. В. Указ. соч. С. 102.
- ⁹⁵ Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 129, 157, 166; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 102.
- ⁹⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. I. С. 409.

- ⁹⁷ Троицкий С. Н. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 77-78.
- ⁹⁸ Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII – 1861г.). М., 1958. С. 183.
- ⁹⁹ Там же. С. 197-198.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 188; Гиндин И. Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение//Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968. С. 333; Крутиков В. И. К вопросу о положении помещичьих крестьян в период кризиса крепостничества (задолженность помещичьих имений Тульской губернии накануне реформы 1861 года)// Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 126.
- ¹⁰¹ Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 342, 350.
- ¹⁰² Ковальченко И. Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России//ЕАИВЕ. 1959. С. 204; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861-1892. М., 1972. С. 380, 384; Готтрелл П. Значение великих реформ в истории экономики России//Великие реформы в России. М., 1992. С. 114.
- ¹⁰³ Боровой С. Я. Указ. соч. С. 174. «Конечно, нельзя считать, что все вклады коммерческого банка принадлежали буржуазным элементам, – пишет С. Я. Боровой, – так же как не все вклады в Заемном банке и Сохранной казне принадлежали дворянам. Но купечество, естественно, тянулось к «своему» банку, а дворянство – к своим сословным учреждениям».
- ¹⁰⁴ Там же. С. 168-169.
- ¹⁰⁵ Цит. по: Там же. С. 204.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 42. См. также: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб, 1898. С. 227.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁰⁸ Цит. по: Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 60-61.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 64.
- ¹¹⁰ Сафонов М. М. Указ. соч. С. 72, 82, 144-150, 241; Окунь С. Б. История СССР. Т. 1. Л., 1974. С. 131-132, 137-141.
- ¹¹¹ Цит. по: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 30, 31.
- ¹¹² Сафонов М. М. Указ. соч. С. 242.
- ¹¹³ Там же. С.243.
- ¹¹⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.С.61-64.
- ¹¹⁵ Цит. по: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 170.
- ¹¹⁶ Цит. по: Валлотон А. Александр I. М., 1991. С. 268.
- ¹¹⁷ См.: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 216-221.
- ¹¹⁸ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 220; Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975. С. 29, 36, 42, 75, 76; Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М., 1975. С. 85, 92, 275; Пыпин А. Н. Общественное движение в России. При Александре I. СПб., 2001. С.388-396; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 421-426.
- ¹¹⁹ Сафонов В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 45.
- ¹²⁰ Пантин Е. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С.80-96.
- ¹²¹ Лотман Ю. М. В. И. Ленин об идеологической сущности движения декабристов//Ученые записки Тартуского го. ун-та. Вып. 251. 1970. С. 3-4.

- ¹²² Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957. С. 429.
- ¹²³ Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке//Вопросы истории. 2001, № 2. С. 34; Белоусов Р. А. Государственный бюджет до-революционной России//Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 36; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 9.
- ¹²⁴ Цит. по: Неупоков В.И. Государственные повинности крестьян Европейской части России в конце XVIII- начале XIX веков. М.,1987. С. 30.
- ¹²⁵ Неупоков В.И. Указ. соч. С. 26, 30, 94; Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 40; Предтеченский А. В. Указ. соч С. 258, 269.
- ¹²⁶ Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 36; Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 25; Неупоков В.И. Указ. соч. С. 26, 31, 94.
- ¹²⁷ Окунь С. Б. История СССР. Ч. 2. Л., 1978. С. 56; Маркин А. С. Война и миф //http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Markin1/index.html
- ¹²⁸ Там же. С. 126; Коломиец А. Г. Финансы Российской империи в последние годы правления Александра I//Финансы. 1999. № 8. С. 64.
- ¹²⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. II. С.147.
- ¹³⁰ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67, 70.
- ¹³¹ Государственная канцелярия (1802-1902). СПб, 1902. С. 15.
- ¹³² Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 27, 29.
- ¹³³ Там же. С. 93, 97.
- ¹³⁴ Цит. по: там же. С. 133.
- ¹³⁵ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979. С. 26, 36.
- ¹³⁶ Подсчитано по: Корелин А. П. Указ. соч. С. 98; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 29.
- ¹³⁷ Подсчитано по: Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 40, 42.
- ¹³⁸ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 130; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 114.
- ¹³⁹ Подсчитано по: Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 40, 42.
- ¹⁴⁰ Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990. С. 198.
- ¹⁴¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. II. С. 20.
- ¹⁴² Цит. по: Крестьянское движение 1827-1869 гг. Вып. 1. М., 193131-32.
- ¹⁴³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I. С. 611-614, 625.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 52.
- ¹⁴⁵ Игнатович И. И. Указ. соч. С. 349.
- ¹⁴⁶ Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 194, 203-205. 241.
- ¹⁴⁷ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 12.
- ¹⁴⁸ Бестужев И. В. Крымская война и революционная ситуация//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1963. С. 198.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 195-198; Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 27; Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 41; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 10.
- ¹⁵⁰ Бестужев И. В. Указ. соч. С. 194, 200; Игнатович И. И. Указ. соч. С. 298, 311, 314; Тарле Е. В. Сочинения. Т. IX. М., 1959. С. 469.
- ¹⁵¹ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 298, 299, 304.
- ¹⁵² Цит. по: Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 31.
- ¹⁵³ Соловьева С. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 61-66, 75; Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 26.
- ¹⁵⁴ Струве П. Б. Указ. соч. С. 148; Gerschencron A. Agrarian Policies and Industrialisation, Russia. 1861-1917// The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI. Pt. 2. London and New York, Cambridge, 1967. P. 708.

- ¹⁵⁵ Conrad A., Meyer J. The Economics of Slavery in the Ante Bellum South//Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. Apr.
- ¹⁵⁶ Цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. II. С.363-365.
- ¹⁵⁷ Цит. по: Шаповалов А. «Все Романовы – революционеры...». Великий князь Константин Николаевич // http://www.kulturagz.ru/Archive_/Issues/vipusk_2000_30/Rubriks/smena1/a1.htm
- ¹⁵⁸ Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ// Великие реформы в России 1856-1874. М., 1992. С. 52.
- ¹⁵⁹ Цит. по: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I.С. 536.
- ¹⁶⁰ Цит. по: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984. С. 66; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права... С. 75.
- ¹⁶¹ Цит. по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 118.
- ¹⁶² Захарова А. Г. Самодержавие и реформы в России//Великие реформы в России. М., 1992. С. 30.
- ¹⁶³ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 10; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права... С. 99-100; Крестьянское движение в России в 1857-1861 гг. М. 1963. С. 736. Из общего числа крестьянских выступлений исключены прошения и выступления против винных откупов.
- ¹⁶⁴ Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002. С. 70.
- ¹⁶⁵ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 117, 120, 129, 231; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права... С. 159.
- ¹⁶⁶ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 317.
- ¹⁶⁷ Цит. по: Сладкевич Г. Н. Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации// Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1962. С. 76; См. также: Христофоров И. А. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁶⁸ Корелин А. П. Указ. соч. С. 242; Попов И. П. Тверское выступление 1862 года и его место в событиях революционной ситуации//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1974. С. 262-264.
- ¹⁶⁹ Валуев А. П. О внутреннем состоянии России//Исторический архив. 1958. № 1. С. 143.
- ¹⁷⁰ Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел (1861-1864)М, 1961.С.241.
- ¹⁷¹ Там же. С. 98.
- ¹⁷² Рассчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С.157, 159.
- ¹⁷³ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. М., 1978. С. 135.
- ¹⁷⁴ Рассчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171, 174.
- ¹⁷⁵ Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 19, 21.
- ¹⁷⁶ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 139-141.
- ¹⁷⁷ Фидл Д. 1861: «Год юбилея»//Великие реформы в России 1856-1874. М., 1992. С. 82; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. I. С. 328; Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян// Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) М., 1996. С. 98; Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянский менталитет и община//Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) М., 1996. С. 27.
- ¹⁷⁸ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965. С. 323-324; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права... С. 206, 256-257; Безгин В. Б. Коллективизм и эгалитаризм в общинной психологии русского крестьянства конца XIX – начала XX века//Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб, 2004. С. 272.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 138-141, 295.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 250, 294.
- ¹⁸¹ Цены для пересчета : Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9,11.
- ¹⁸² Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 307.
- ¹⁸³ Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 260.

- ¹⁸⁴ Рассчитано по: Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по излелованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Часть. I. СПб. 1903. (Далее – Материалы Комиссии 1901 года...). Табл. XV; Дружинин Н. М. Русская деревня... Табл. 10.
- ¹⁸⁵ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 185.
- ¹⁸⁶ Программа партии Социалистов-Революционеров// Сборник программ политических партий России. Вып.1-й. Спб., 1906. С. 13-23.
- ¹⁸⁷ Цит. по: Леонтович В. В. Указ соч. С. 61.
- ¹⁸⁸ Цит. по: Христофоров И. А. Указ. соч. С. 312.
- ¹⁸⁹ Black C. E. The Modernization of Russian Society// The Transformation of Russian Society. – Cambridge (Mass.), 1960. P. 671.
- ¹⁹⁰ Записка Н. Х. Бунге Александру III «О финансовом положении России»//Исторический архив. 1960. №2. С. 143.
- ¹⁹¹ Цит. по: Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 18.
- ¹⁹² См.: Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке//Вопросы истории. 2001, № 2. С. 43.
- ¹⁹³ Рейтерн М. Х. Биографический очерк. СПб, 1910. Приложения. С. 100.
- ¹⁹⁴ Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 44; Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. I. Л., 1924. С. 160; Соловьева С. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 100, 105; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 324, 325.
- ¹⁹⁵ Подсчитано по: Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 93,95. Использованы цены Центрального района, см: Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985Приложение. Табл.11, 14.
- ¹⁹⁶ Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 40, 50; Соловьева С. М. Указ. соч. С. 117.
- ¹⁹⁷ Подсчитано по: Погребинский А. П. Указ. соч. С. 93,95. Использованы цены Центрального района, см: Миронов Б. Н. Хлебные цены в России... Приложение. Табл.11, 14.
- ¹⁹⁸ Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 28; Ананьич Н. И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 207.
- ¹⁹⁹ Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 50.
- ²⁰⁰ Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 352, 391, 392; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 106.
- ²⁰¹ Там же. С. 64,67, 73; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 102, 111; Лаврычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1900. М., 1974. С. 66.
- ²⁰² Цит. по: Лаврычев В. Я. Указ. соч. С. 77.
- ²⁰³ Там же. С. 77, 154, 228.
- ²⁰⁴ Там же. С. 185; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 190; Егизарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 105.
- ²⁰⁵ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 г. М., 1979. С. 56, 67.
- ²⁰⁶ Егизарова Н. А. Указ. соч. С. 31; Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 107.
- ²⁰⁷ Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974. Табл. 16.
- ²⁰⁸ Цит. по: там же. С. 177.
- ²⁰⁹ Покровский С. А. Указ. соч. С. 246, 250
- ²¹⁰ Лященко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 270.

-
- ²¹¹ Покровский С. А. Указ. соч. С. 246, 250; Струве П. Б. Крепостное хозяйство. М., 1913. С. 125. Прим.
- ²¹² Цит. по: Игнатович И. И. Указ. соч. С. 137.
- ²¹³ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг. Л., 1978. С. 54, 61, 91.
- ²¹⁴ Материалы Комиссии 1901 года... Табл. XV.
- ²¹⁵ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. (конец XIX – начало XX веков). М., 1969. С. 120; Революционная ситуация в России на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1983. С. 29.
- ²¹⁶ Покровский С. А. Указ. соч. С. 251, 317, 318; Ляшенко П. И. Русское зерновое хозяйство... С. 270-271. См. также табл. 6.1.
- ²¹⁷ Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства//Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 215-246. С. 223.
- ²¹⁸ Цит. по: Китанина Т. М. Указ. соч. Л., 1978. С. 43.
- ²¹⁹ Нифонтов А. С. Указ. соч. Табл. 23, 28, 40, 47; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. Табл. А. 1.
- ²²⁰ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб, 2000. С. 47.
- ²²¹ Подсчитано по: Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. М., 1902. С. 88.
- ²²² Подсчитано по: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11; Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe – XXe siècle). P., 1973. P. 433.
- ²²³ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб, 1902. С. 7.
- ²²⁴ Подсчитано по: Ежегодник России 1909 г. СПб, 1910. С. 191-193; Покровский С. Указ соч. С. 383; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960. С. 86.
- ²²⁵ Ляшенко П. И. Очерки аграрной эволюции... С. 204.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ Подсчитано по: Нифонтов А. С. Указ. соч. Табл. 23, 28, 40, 47. Для 1850-60-х годов четверти переведены в пуды исходя из соотношений 1870-х годов: 1 четверть посева равна 7,33 пуда, 1 четверть сбора равна 7,76 пуда. (см.: Нифонтов А. Указ соч. Табл. 32, 43, 42). Данные о вывозе: Сборник сведений по истории и статистике...; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. II. СПб, 1902. С. 132-133. Вывоз взят по хозяйственным годам.
- ²²⁸ Ляшенко П. И. Очерки аграрной эволюции... С. 243.
- ²²⁹ Там же. С. 174.
- ²³⁰ Подсчитано по: Попов П. Хлебофуражный баланс. 1840-1924//Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 37.
- ²³¹ Чернышев И. В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. М.-Л., 1926. С. 90.
- ²³² Цит. по: Биншток В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здравие. М.-Л., 1929. С. 14.
- ²³³ Посев для внутреннего потребления подсчитывается как общий посев минус посев для вывоза, а посев для вывоза – это вывоз, деленный на урожайность в самах.
- ²³⁴ Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. N. Y., 1986. P. 127. См. также: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 164.
- ²³⁵ Фортунатов А. Урожай ржи на крестьянских землях Казанской губернии. Б. м. 1889; Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth. The Economics of Agrarian Change Under Population Pressure. L., 1965. См. также: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 164.
- ²³⁶ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России//Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 190; Анфимов А. М. Налоги и земель-

- ные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. 1910-1912 гг.//ЕАИВЕ. 1962. С. 502.
- ²³⁷ См., например: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 51.
- ²³⁸ Подсчитано по: Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 190.
- ²³⁹ График построен по информации базы данных FAOSTAT // <http://apps.fao.org/faostat/>
- ²⁴⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 3. М., 1992. С. 257.
- ²⁴¹ Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y. 1966. P. 73-74.
- ²⁴² Для зарубежных стран: Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб, 1901. С. 216-217. Для России см. предыдущую таблицу; для сопоставимости с данными П. Лохтина произведен пересчет картофеля в зерно в соотношении 1:4.
- ²⁴³ Чистый остаток за вычетом посева для периода с 1883 по 1914 г.: справочники «Урожай... года», для периода 1870-83: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, Т. I. СПб, 1902. С. 7. Данные о вывозе: там же; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. II. СПб, 1902. С. 132-133; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. Табл. VII. А.4.
- ²⁴⁴ Цит. по: Ерофеев Н. Д. Уровень жизни населения России в конце XIX – начале XX в.//Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 1. С. 55.
- ²⁴⁵ Белоусов Р. А. Экономическая история России. XX век. Кн.I. М., 1999. С. 21.
- ²⁴⁶ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 571.
- ²⁴⁷ Череванин Ф. А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет. 1883-1923 гг. //Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927. С. 161.
- ²⁴⁸ Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991. P. 134, 172.
- ²⁴⁹ Gerschencron A. Agrarian Policies and Industrialisation, Russia. 1861-1917// The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI. Pt. 2. London and New York, Cambridge, 1967. P. 778.
- ²⁵⁰ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста// Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 36.
- ²⁵¹ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 44.
- ²⁵² Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988. Табл. 9.
- ²⁵³ Рассчитано по: Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. М., 1978. Табл. 10, 11 ; Материалы Комиссии 1901 года... Табл. XV; Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. 1881. С. 48-58. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9,11. Данные о повинностях с души в Центральном районе взяты для Московской губернии.
- ²⁵⁴ Вольф Э. Р. Крестьянские восстания//Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 296.
- ²⁵⁵ Подсчитано по: Янсон Ю. Указ. соч. С. 51-58.
- ²⁵⁶ Дружинин Н. М. Указ. соч. Табл. 25.
- ²⁵⁷ Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1994. С.255,302,304.
- ²⁵⁸ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 185.
- ²⁵⁹ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 54; Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 47.

- ²⁶⁰ Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 105; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 292.
- ²⁶¹ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. VIII.
- ²⁶² Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 164.
- ²⁶³ Абрамович Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII века//История СССР. 1972. № 3. С. 80; Le Roy Ladurie, E. The French peasantry, 1450-1660. Aldershot, 1987. P.177; Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М.,1955. С. 144.
- ²⁶⁴ Рассчитано по: Егизарова Н. А. Указ. соч. С. 163.
- ²⁶⁵ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. XV; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. Табл. А. 1.
- ²⁶⁶ Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. I. СПб, 1897. С. 79-80; Материалы Комиссии 1901 года... Табл. XV; Дружинин Н. М. Русская деревня... Табл. 11.
- ²⁶⁷ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 5.
- ²⁶⁸ Цит. по: Фурсов В. Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в.//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 23.
- ²⁶⁹ Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. СПб, 1910. С. 22, 27.
- ²⁷⁰ Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж, 1991. С. 20.
- ²⁷¹ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. XV; расчет для 7 губерний (Московская, Владимирская, Костромская, Тверская, Калужская, Ярославская, Нижегородская).
- ²⁷² Анфимов А. М. Земельная аренда... С. 164.
- ²⁷³ Подсчитано по: Дружинин Н. М. Русская деревня... Табл. 49; Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9,11. Учтен рост населения за 1858-1877 годы.
- ²⁷⁴ Рашин А. Г. Указ. соч. С. 67; Рянский Л. М. К вопросу о «вымирании» крепостного крестьянства в период кризиса феодализма//Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 132. Для сопоставимости с данными Л. М. Рянского расчет сделан для 6 губерний Черноземья, исключая Тульскую.
- ²⁷⁵ Schofield R. S. Through a Glass Darkly: *The Population History of England as an Experiment in History*// Population and History. From the Traditional to the Modern World. Cambridge, 1986. P. 14.
- ²⁷⁶ Цит. по: Морозов С. О. Центральная Россия в 1897-1917 гг.: проблемы демографического развития. Пенза, 2001. С. 99.
- ²⁷⁷ Там же. С. 100.
- ²⁷⁸ Рассчитано по: Рашин А. Г. Указ. соч.. С. 67.
- ²⁷⁹ Вычисления П. П. Семенова. См.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 66 . Расчет сделан для 7 губерний Черноземья плюс Калужская губерния и для 6 губерний Центра (Московская, Владимирская, Тверская Нижегородская, Костромская, Ярославская).
- ²⁸⁰ Подсчитано по: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 44-45. Табл. 19
- ²⁸¹ Хок С. Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1961-1914 годы.//Отечественная история. 1996. № 2. С. 45-47.
- ²⁸² См. например: Княжинская Л. А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980. С. 95.
- ²⁸³ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. I. С. 191.
- ²⁸⁴ Подсчитано по: Рашин А. Г. Указ. соч. Табл. 123, 145, 167.

-
- ²⁸⁵ Подсчитано по: там же. Табл. 19, 145.
- ²⁸⁶ Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 13; Лохтин П. Указ соч. С. 216-217. Уровень смертности для России показан для 1891-1900 гг.; для других стран – 1891-1895 гг..
- ²⁸⁷ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 58.
- ²⁸⁸ Подсчитано по: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 95-96. 55.
- ²⁸⁹ Подсчитано по: Фурсов В. Н. Классовая борьба... С.47.
- ²⁹⁰ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. М., 1980. С. 15; Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 341.
- ²⁹¹ Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв). М., 1973. С. 114; Дубровский С. М. Указ. соч. С. 341.
- ²⁹² Энгел Б. Бабыя сторона/Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 76, 85, 89.
- ²⁹³ Там же. С. 342; Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 220; Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 109.
- ²⁹⁴ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... С. 36; Рындзюнский П. Г. Указ соч. С. 41.
- ²⁹⁵ Московская губерния по местному обследованию. М., 1903. Т. I. Вып. I. С. 40
- ²⁹⁶ Там же. Т. IV. Вып. 1. С. 40.
- ²⁹⁷ Дубровский С. М. Указ. соч. С.
- ²⁹⁸ Материалы Комиссии 1901 года... С. 216; Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984. С. 29.
- ²⁹⁹ Материалы Комиссии 1901 года... С. 36.
- ³⁰⁰ Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 80.
- ³⁰¹ Там же. Табл. 20.
- ³⁰² Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 353-355.
- ³⁰³ Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс... канд. ист. н. Москва, 1998. С. 53; Земцов Л. И. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземного района на рубеже XIX-XX веков//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 54.
- ³⁰⁴ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 168. Табл. 22.
- ³⁰⁵ Гурвич И. Указ. соч. С. 40, 58, 53.
- ³⁰⁶ Цит. по: Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма... С. 267.
- ³⁰⁷ Подсчитано по: Дружинин Н. М. Русская деревня... Табл. 5.
- ³⁰⁸ Подсчитано для 6 губерний (без Нижегородской) по: Дружинин Н. М. Указ. соч. Табл. 29.
- ³⁰⁹ Ананьич Н. И. Указ. соч. С. 190.
- ³¹⁰ Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 78, 80.
- ³¹¹ Цит. по: Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60-70-е годы XIX в.). Л., 1972. С. 94.
- ³¹² Официальное обоснование проекта закона об учреждении Крестьянского банка (принят 16 мая 1882 г.). Цит. по: Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Материалы и комментарии. Курск, 1927. С. 180.
- ³¹³ Доклад Комиссии 1872 года. СПб, 1873. С. 7.
- ³¹⁴ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 24; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 237.
- ³¹⁵ Гурвич И. Указ. соч. С. 60.
- ³¹⁶ Там же. С. 61, 62.
- ³¹⁷ Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С.237, табл. IV.1.

-
- ³¹⁸ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. I. 1900-1939. М., 2000. С. 69.
- ³¹⁹ Рындрзонский П. Г. Утверждение капитализма... С. 1598.
- ³²⁰ Гурвич И. Указ. соч. С. 62, 84, 85.
- ³²¹ Доклад Комиссии 1872 года. СПб, 1873. С. 1-3, 49-51.
- ³²² Красный архив. 1938. № 4-5. С. 209.
- ³²³ Там же.
- ³²⁴ Там же. С. 89, 94, 96.
- ³²⁵ Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1879-1880-х годов. М., 1964. С. 197.
- ³²⁶ Johnson R. E. Peazants and Proletarian: The Working Class of Moskow at the End of the Nineteenth Century. New Brunswick, 1979. P. 158.
- ³²⁷ Рашин А. Г. Население России... С. 294, 304; Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России XIX и начале XX в.//Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 32, 37.
- ³²⁸ Wade R. The Russian Revolution. 1917. Cambridge, 2000. P. 4-9.
- ³²⁹ Греков Б. И. Шапилю К. Ф. Динамика социально-политической напряженности в России в 1895-1913 гг. Опыт политического анализа//Россия и США на рубеже XIX-XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 23.
- ³³⁰ Носевич В. Л. Демографический рост в белорусской деревне второй половины XIX – начала XX века: причины и последствия// [http:// letopis.nm.ru/since/ conference/ CONFERENCE/ programm.htm](http://letopis.nm.ru/since/conference/CONFERENCE/programm.htm).
- ³³¹ Главацкий М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Екатеринбург, 2003. С. 5-33.
- ³³² Laue Th., von. Why Lenin... P. 70.
- ³³³ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество// Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 29.
- ³³⁴ Fisher G. Russian liberalism. From gentry to intelligentsia. Cambridge. Mass., 1958. P. IX, 48-49, 120-125.
- ³³⁵ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. 1971. С. 51-57.
- ³³⁶ Кожин В. Черносотенцы и Революция. М., 1998. C.
- ³³⁷ Цит. по: Black C. E. The Modernization Of Russian Society// The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change Since 1861. Cambridge (Mass.), 1960. P.665.
- ³³⁸ Chirousky N. An Introduction to Russian History. New York, 1967. P. 150; Treadgold D. Lenin and His Rivals. The Struggle for Russia's future. 1898—1906. New York, 1965P.5.
- ³³⁹ Laue Th., von. Why Lenin... P. 70-71.
- ³⁴⁰ Black C. E. The Modernization of Russian Society... 1960. P. 673.
- ³⁴¹ Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Harvard, 1961. P. 5.
- ³⁴² Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 338.
- ³⁴³ Валуев А. П. О внутреннем состоянии России//Исторический архив. 1958. № 1. С. 142.
- ³⁴⁴ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979. С. 96; Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч. С. 51-57.
- ³⁴⁵ Цит. по: Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч. С. 27, 28.
- ³⁴⁶ Brower I. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tharist Russia. L. 1975. P. 230.
- ³⁴⁷ Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II.. С. 202, табл. X. 1.
- ³⁴⁸ Bergman J. Vera Zasulich: A Biography. Stanford, 1983. P. 11.
- ³⁴⁹ Валуев А. П. О политических настроениях различных групп общества и средствах укрепления правительственной власти// Исторический архив. 1958. № 1. С. 152.
- ³⁵⁰ Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth Century Russia//Doctadus. 1972. Vol. 101. N 2 . P 130-134.
- ³⁵¹ Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч. С. 298, 309

- ³⁵² Pipes R. Russian Marxism and its Populist Background//The Russian Review. 1960. Vol. 15. N 1. P. 319-320.
- ³⁵³ Цит. по: Интенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965. С. 227.
- ³⁵⁴ Feuer L. The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements. N. Y., L., 89, 97.
- ³⁵⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1951. С. 92.
- ³⁵⁶ Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 70-80; Филд. Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. //Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002. С. 110-114.
- ³⁵⁷ Революционная ситуация в России на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1983. С. 281.
- ³⁵⁸ Интенберг Б. С. Указ. соч. С. 374.
- ³⁵⁹ Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 99.
- ³⁶⁰ Там же. С. 85.
- ³⁶¹ Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования// К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 1. М.-Петроград, 1923. С. 111, 117.
- ³⁶² Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 194.
- ³⁶³ Там же. С. 253-254.
- ³⁶⁴ Там же. С. 313.
- ³⁶⁵ Цит. по: там же. С. 338.
- ³⁶⁶ Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М., 1927. С. 39.
- ³⁶⁷ Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881-1884 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М., 2000. С. 64, 85; Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 121.
- ³⁶⁸ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 130, 199.
- ³⁶⁹ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1979. С. 295.
- ³⁷⁰ Записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России»//Исторический архив. 1960. № 2. С. 133-134.
- ³⁷¹ Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 255.
- ³⁷² Там же. С. 260, 262.
- ³⁷³ Там же. С. 141; Ананьич Н. И. Указ. соч. С. 200-203; Чернуха В. Г. Указ. соч. Л., 1972. С. 77.
- ³⁷⁴ Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 136, 139, 140.
- ³⁷⁵ Яснопольский Н. П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. Ч. I. Киев, 1890. С. 36.
- ³⁷⁶ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. VIII.
- ³⁷⁷ Цит. по: Симонова М. С. Указ. соч. С. 38.
- ³⁷⁸ Степанов В. Л. Указ. соч. С. 248.
- ³⁷⁹ Победоносцев К. П. Сочинения. СПб, 1996. С. 149.
- ³⁸⁰ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 112.
- ³⁸¹ Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. I. СПб, 1903. С. 22; См. также: Брусникин Е. М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80-90-е годы XIX века)//Вопросы истории. 1970. № 2. С. 36.
- ³⁸² Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 90, 91;
- ³⁸³ Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. М., 1902. С. 281; Симонова М. С. Указ. соч. С. 209; Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 191.
- ³⁸⁴ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 112.
- ³⁸⁵ Там же. С. 12.
- ³⁸⁶ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 83. Табл. 14.
- ³⁸⁷ Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев//Тайный правитель России. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 27.

- ³⁸⁸ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С.165.
- ³⁸⁹ Там же. С. 279.
- ³⁹⁰ Там же. С. 246.
- ³⁹¹ Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 190-191, приложение, табл. 19.
- ³⁹² Там же; Китанина Т. М. Хлебная торговля России... С. 47, 100; Егиазарова Н. А. Указ. соч. С. 108.
- ³⁹³ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 200; Проскуракова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX века//История СССР. 1973. № 1. С. 61, 63. Данные по Черноземному району без Пензенской губ.
- ³⁹⁴ Корелин А. П. Указ. соч. С. 40, 292-293.
- ³⁹⁵ Подсчитано по: Там же. С. 56, 292-293; Материалы Комиссии 1901 года... Табл. VIII.
- ³⁹⁶ Корелин А. П. Указ. соч. С. 62. Табл. 4.
- ³⁹⁷ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 205.
- ³⁹⁸ Цит. по: Корелин А. П. Указ. соч. С. 65.
- ³⁹⁹ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 269.
- ⁴⁰⁰ Цит. по: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 357.
- ⁴⁰¹ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 218, 245.
- ⁴⁰² Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 71, 77-76; Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России//Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 19.
- ⁴⁰³ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... С. 229-231; Егиазарова М. А. Указ. соч. С. 115.
- ⁴⁰⁴ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 18; Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство... С.83, 84, 132-133, 201; Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971. С. 136.
- ⁴⁰⁵ Брудкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград, 1922. С. 65.
- ⁴⁰⁶ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство... С. 178. Табл. 74; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 412. Табл. I.
- ⁴⁰⁷ Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. London, 1963. P. 29; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. М., 1978. С. 16-17; Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976. С. 17.
- ⁴⁰⁸ Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические взгляды канцлера Бисмарка. – СПб, 1911. С. 103, 400-409; Чубинский В. В. Бисмарк. Биография. СПб., 1997. С. 450; Степанов В. Л. Указ. соч. М., 1998. С. 201
- ⁴⁰⁹ Степанов В. Л. Указ. соч. С. 207.
- ⁴¹⁰ Записка Н. Х. Бунге Александру III «О финансовом положении России»//Исторический архив.1960. № 2. С. 143.
- ⁴¹¹ Степанов В. Л. Указ. соч. С.227-228.
- ⁴¹² Там же. С. 110.
- ⁴¹³ Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 63; Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. М., 1973. С. 81.
- ⁴¹⁴ Погребинский А. П. Указ. соч. С. 156-159; Степанов В. Л. Указ. соч. С. 210.
- ⁴¹⁵ Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861-1904 гг.). М., 1997. С. 73; Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский//Отечественная история. 1993. № 4. С. 109.
- ⁴¹⁶ Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1900. М., 1974. С. 185; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 190; Егиазарова Н. А. Указ. соч. С. 105; Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 62, 64.

- ⁴¹⁷ Степанов В. Л. Указ. соч. С. 177.
- ⁴¹⁸ Хадонов Е. Е. Указ. соч. С. 72.
- ⁴¹⁹ Степанов В. Л. Указ. соч. С. 166.
- ⁴²⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 219-221.
- ⁴²¹ Степанов В. Л. Указ. соч. С. 166. 110.
- ⁴²² Цит. по: Книга М. Д. История голода 1891-1892 гг. в России. Дисс... к. и. н. Воронеж, 1997. С. 60.
- ⁴²³ Ермолов. А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. I. СПб, 1909. С. 100.
- ⁴²⁴ Шванебах П. X. Денежное обращение и народное хозяйство. Спб., 1901. С. 21.
- ⁴²⁵ Robbins R. G. Famine in Russia. 1891-1892. N. Y., London, 1975. P. 171.
- ⁴²⁶ Степанов В. Л. Указ. соч. С. 112; Книга М. Д. Указ. соч. С. 169.
- ⁴²⁷ Там же. С. 161-162.
- ⁴²⁸ Чистый остаток за вычетом посева для периода с 1883 по 1894 г.: справочники «Урожай... года», для периода 1870-83: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, Т. I. СПб, 1902. С. 7. Данные о вывозе: там же; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. II. СПб, 1902. С. 132-133.
- ⁴²⁹ Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете//Менталитет и аграрное развитие России. М., С. 120.
- ⁴³⁰ Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 142, 154, 195, 211; Прокопович С. Н. Народный доход западноевропейских стран. М.-Л., 1930. С. 47.
- ⁴³¹ Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 21, 27, 72, 74, 75. Цены взяты для Центрально-Промышленного района: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11,14.
- ⁴³² Shanin G. T. Rural Russia Under the Old Regime. N. Y. -L., 1967. P. 252.
- ⁴³³ Лященко П. И. История народного хозяйства... С. 152.
- ⁴³⁴ Погребинский А. П. Указ. соч. С. 21, 27, 72, 74, 75. Цены взяты для Центрально-Промышленного района: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11,14.
- ⁴³⁵ Погребинский А. П. Указ. соч. С. 21, 27.
- ⁴³⁶ Shanin T. Russia as a "developing society". Houndmills, London., 1985. P. 191.
- ⁴³⁷ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. III. Указ. соч. С. 68.
- ⁴³⁸ Русские финансы и европейская биржа в 1904-1906 гг. М., 1926. С. 137-138.
- ⁴³⁹ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 192, 223; Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass. 1955. P. 198.
- ⁴⁴⁰ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 282.
- ⁴⁴¹ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 288.
- ⁴⁴² Цит. по: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. М., 1973. С. 1680.
- ⁴⁴³ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 132.
- ⁴⁴⁴ Skocpol T. States and Social Revolutions. New York, 1979. P. 47-49, 95-97.
- ⁴⁴⁵ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 279.
- ⁴⁴⁶ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 89; Материалы Комиссии 1901 года... С. 36.
- ⁴⁴⁷ Подсчитано по: Корелин А. П. Указ. Соч. С. 98, 100, 302-303; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 200; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 207; Канищев В. В. Выходцы из провинциальных городов в политической элите России первой четверти XX века//Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX вв. Тамбов, 2001. С. 38.
- ⁴⁴⁸ Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 201; Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 52, 66; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981. С. 50, 60, 78.
- ⁴⁴⁹ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 203, 207.
- ⁴⁵⁰ Материалы Комиссии 1901 года... С. 201-214. Табл. XVIII.

-
- ⁴⁵¹ Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 119.
- ⁴⁵² Там же. С. 90; Wheatcroft S. Op. cit. P. 169.
- ⁴⁵³ Материалы Комиссии 1901 года... Табл. 24.
- ⁴⁵⁴ Там же.
- ⁴⁵⁵ Хок С. Л. Мальтус... С. 33.
- ⁴⁵⁶ Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX-начала XX в.//Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 236-237.
- ⁴⁵⁷ Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 145.
- ⁴⁵⁸ Подсчитано по: Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг.//Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927. С. 78-79, 103-107. Посев: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. 15. Население: Рашин А. Г. Население России... Табл. 19.
- ⁴⁵⁹ Чистый остаток за вычетом посева: справочники «Урожай... года». Данные о вывозе: там же; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. II. СПб, 1902. С. 132-133; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. Табл. VII. А.4. Потребление: Череванин Ф. А. Влияние колебаний урожаев в течение 40 лет//Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М. 1927. С. 172.
- ⁴⁶⁰ Привалова Т. В. Питание русского крестьянства на рубеже веков// Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 145.
- ⁴⁶¹ Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. I. М., 1966. С. 48.
- ⁴⁶² Чернышев И. В. Сельское хозяйство довоенной России... С. 38.
- ⁴⁶³ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... Табл. 18
- ⁴⁶⁴ Robinson G. T. Op. cit. P. 251.
- ⁴⁶⁵ Wilbur E. Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the "Impoverished Center" at the End of the Nineteenth Century//The Journal of Economic History. 1983. Vol. XLIII. N 1. P. 139, 144.
- ⁴⁶⁶ Подсчитано по: Корневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 119, 122-123; Ленин В. И. Развитие капитализма в России. М., 1986. С. 117, 129.
- ⁴⁶⁷ Подсчитано по: Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 175, 274-285.
- ⁴⁶⁸ Чвикалов А. И. Уездное земство – о нуждах крестьян//Русская провинция. Вып. 2. Воронеж, 1995. С. 34-45.
- ⁴⁶⁹ Хлебные бюджеты мелких земледельческих хозяйств Полтавской губернии//Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1907 год. Полтава, 1907. С. 95, 131.
- ⁴⁷⁰ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город... С. 41, 48; Материалы Комиссии 1901 года... С. 36; Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 42.
- ⁴⁷¹ Пешехонов А. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях//Русское богатство. 1896. № 8. Отд. I. С. 191.
- ⁴⁷² Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Вып. 2. Калуга, 1898. С. 708; Материалы Комиссии 1901 года... С. 36.
- ⁴⁷³ Статистическое описание Калужской губернии... С. 654. Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 42, 164.
- ⁴⁷⁴ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁷⁵ Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. С. 40.
- ⁴⁷⁶ Материалы Комиссии 1901 года... С. 32.
- ⁴⁷⁷ Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб, 2003. С. 176.

- ⁴⁷⁸ Цит. по: Миронов Б. Н. Указ. соч. 39.
- ⁴⁷⁹ Миронов Б. Н. Указ. соч. 39.
- ⁴⁸⁰ Властовский В. Г. Акцелерация роста и развития детей. М., 1976. С. 88-99.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 40.
- ⁴⁸² Симонова М. С. Проблема «оскудения»... С. 236-237.
- ⁴⁸³ Материалы Комиссии 1901 года....
- ⁴⁸⁴ Там же. Вып. III. С. 234.
- ⁴⁸⁵ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 330. Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960. С.
- ⁴⁸⁶ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 229.
- ⁴⁸⁷ Цит. по: Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVIII века до 1917 года//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. – С. 61. См. также: Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР//Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 352.
- ⁴⁸⁸ Островский А. В. О Региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862-1914)//Проблемы исторической географии России. Вып. II, М, 1982. С.181.
- ⁴⁸⁹ Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX-XX вв. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 155-172.
- ⁴⁹⁰ Тюкавкин В. Г. Великокорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа М, 2001. С. 7.
- ⁴⁹¹ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город... С. 18.
- ⁴⁹² Першин П. Н. Указ. соч. С. 227.
- ⁴⁹³ Симонова М. С. Кризис аграрной политики... С. 83, 84; Першин П. Н. Указ. соч. С. 227.
- ⁴⁹⁴ Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции// ЕАИВЕ. 1962. С. 483, 485; Wheatcroft S. Op.cit. P. 167.
- ⁴⁹⁵ Записка по крестьянскому делу председателя Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1904.
- ⁴⁹⁶ Цит. по: Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 211.
- ⁴⁹⁷ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма... С. 263.
- ⁴⁹⁸ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. 22.
- ⁴⁹⁹ Оплата батрака по шести губерниям Черноземного района (Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской) подсчитана по: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. III. СПб., 1902. С. 8-9; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. С. 470-471, 516-517. Оплата строительных рабочих: Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.) М., 1973. С. 117. Табл. 16. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11.
- ⁵⁰⁰ Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 103, 161.
- ⁵⁰¹ Laue Th. von., The Chances for Liberal Constitutionalism//Slavic Review. 1965. Vol. XXIV. N 1. P. 41-43.
- ⁵⁰² Цит. по: Верт Н. История советского государства. М. 1995. С. 19.
- ⁵⁰³ Von W e t s c h В. Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991. S. 54,74.
- ⁵⁰⁴ Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909. С. 5-6, 35.
- ⁵⁰⁵ Там же. С. 6.
- ⁵⁰⁶ Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. London, 1963. P. 98-99.

-
- ⁵⁰⁷ См.: Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 27-28.
- ⁵⁰⁸ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 17, 40, 91.
- ⁵⁰⁹ Там же. С. 6; Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.) М., 1973. С. 48, 73, 108; Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906. С. 110.
- ⁵¹⁰ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 6.
- ⁵¹¹ Там же. С. 5.
- ⁵¹² Степанов В. Л. Указ. соч. С. 217; Витте С. Ю. Воспоминания... Т. I. С. 367; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 167.
- ⁵¹³ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России... С. 56, 60; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. Табл. X.1.
- ⁵¹⁴ Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899-1907 гг. М., 1971. С. 31, 37, 44-56.
- ⁵¹⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 238; История СССР. Т. VI. С. 27-28, 50-51; Корелин А. П., Гютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX века в России//Вопросы истории, 1980. № 10. С. 16.
- ⁵¹⁶ Веселовский В. Крестьянское движение 1902 года. М., 1923. С. 103.
- ⁵¹⁷ Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных// Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 64-74; Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность//Право. 1913. № 33. С. 1917.
- ⁵¹⁸ Кризис самодержавия... С. 84.
- ⁵¹⁹ Shanin T. Russia as a "developing society". Houndmills, London., 1985. P.188.

ГЛАВА V. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ЭКОСОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

- ¹ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. P. 24-27.
- ² Black C. E. The Dynamics of Modernization...P. 72-73.
- ³ Ibid. P. 73.
- ⁴ См. подробнее: Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 87.
- ⁵ Струве П. Б. Patrioticа. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 23.
- ⁶ Первая российская революция 1905-1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991. С. 50; Mackenzie D., Curran M. A history of Russia and Soviet Union. Houndmills, 1982. P. 404.
- ⁷ Goldstone J. Op. cit. P. 285-345.
- ⁸ Ibid. P. 293, 304, 311.
- ⁹ Ibid. P. 306-309, 339-341.
- ¹⁰ Ibid. P. 295.
- ¹¹ Labrousse E. La crise de l'economie francaise ci la fin de l'ancien regime et an debit de la Revolution. T. I. Paris, 1944. P. 180.
- ¹² Black C. E. The Dynamics of Modernization... P. 71, 76.
- ¹³ История Франции. Т. II. М., 1973. С. 197-199; Хобсбаум Э. Век капитала. 1848-1875. Ростов-на Дону, 1999. С. 32-34; Пайпс Р. Русская революция. Ч. I. М., 1994. С. 138.
- ¹⁴ Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения. 1770-1920. М., 1959. С. 63-64.
- ¹⁵ Кирова К. Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805-1872). М., 1981. С. 21.
- ¹⁶ Там же. С. 42-52; Сандомирский Г. Покушение 14 января 1858г. и смерть Орсини//Орсини Ф. Воспоминания. М., 1934. С. 335-336, 480.
- ¹⁷ Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 17, 23-26.
- ¹⁸ История XIX века. Т. 5. М., 1938. С. 5-12.

- ¹⁹ Блос В. История германской революции 1848 года. СПб, 1908. С. 93-104; Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948. С.
- ²⁰ Кан С. Б. Немецкая историография революции 1848-1849 гг. в Германии. М, 1962. С. 45-47.
- ²¹ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1981. С. 94-112; Шаховский Д. И. «Союз освобождения»//Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М, 2001. С. 583.
- ²² Шаццлло К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901-1904 гг.)//Исторические записки. 1976. Т. 97. С. 75; Милоков П. Н. Воспоминания. Т. I. М., 1990. С. 274.
- ²³ Цит. по: Леонтович В. В. История либерализма в России. 1702-1914. М., 1995. С. 363.
- ²⁴ Там же. С. 363-364.
- ²⁵ Шаццлло К. Ф. Указ. соч. С. 75.
- ²⁶ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 418-424; Keep J. L. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963. P. 270.
- ²⁷ Уткин А. И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905-1907 гг.//Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М. 1987. С. 12, 17, 22.
- ²⁸ Программа партии Социалистов-Революционеров// Сборник программ политических партий России. Вып. 1-й. СПб., 1906. С. 13-23.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Леонов М. И. Численность и состав партии эсеров в 1905 и 1907 гг.// Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М. 1987. С. 52, 64, 57.
- ³¹ Laue Th. von. Why Lenin... P. 50.
- ³² Ibid. P. 27.
- ³³ Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб, 2003. С. 565. См. также: Шикунц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. М., 2003. С. 25, 71.
- ³⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. 4 дополнительный полутом. Россия. СПб, 1902. С. LXXXIX.
- ³⁵ Copeland W. R. The Uneasy Alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899-1904. Helsinki, 1973. P. 153; Шаццлло К. Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX века (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре – октябре 1904 года)//История СССР. 1982. № 4. С. 55-57.
- ³⁶ Цит. по: Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 282.
- ³⁷ Дневник Е. А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг.// Исторические записки. 1965. № 77. С. 253.
- ³⁸ Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 29.
- ³⁹ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб, 1991. С. 26.
- ⁴⁰ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1981. С. 138.
- ⁴¹ Цит. по: там же. С. 131.
- ⁴² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 487.
- ⁴³ Гусятников П. С. Указ. соч. С. 135-136.
- ⁴⁴ Кавторин В. В. Указ. соч. С. 309.
- ⁴⁵ Там же. С. 310.
- ⁴⁶ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 166.
- ⁴⁷ Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 235, 237.
- ⁴⁸ Нефедов С. А. 1905 год: «революция извне»?//Вопросы истории. 2005. (в печати)
- ⁴⁹ Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января// Красная летопись. 1922. № 1. С. 334-335.
- ⁵⁰ Струве П. Б. Интеллигенция и революция////Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 145.

-
- ⁵¹ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 26. С. 218.
- ⁵² Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 529.
- ⁵³ Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М., 1955. С. 668-683; Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 108; Рабочий класс в первой российской революции 1905-1907 гг. М., 1981. С. 95.
- ⁵⁴ Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С.80.
- ⁵⁵ История СССР. Т. VI. М., 1968. С. 123.
- ⁵⁶ Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 68-70.
- ⁵⁷ Цит. по: там же. С. 79.
- ⁵⁸ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.-Пг., 1923. С. 59-60.
- ⁵⁹ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С.87, 96.
- ⁶⁰ Русские финансы и европейская биржа в 1904-1906 гг. М., 1926. С. 137-138.
- ⁶¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн.1. М., 1992. С. 69-71; Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897-1914. Л., 1970. С. 128-132.
- ⁶² Цит. по: Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 132.
- ⁶³ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 132.
- ⁶⁴ Цит. по: История СССР. Т. VI. М., 1968 С. 125.
- ⁶⁵ Рабочий класс в первой российской революции 1905-1907 гг. М., 1981. С. 95.
- ⁶⁶ Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1956. С. 46-49. С. 58; Шустов К. Б. Настроение российской деревни на начальном этапе революции 1905-1907 гг. //Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003. С. 172.
- ⁶⁷ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 99, 143.
- ⁶⁸ Милоков П. Н. Воспоминания. Т. I. М., 1990. С. 272.
- ⁶⁹ Шаховский Д. И. «Союз освобождения»//Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М., 2001. С. 589.
- ⁷⁰ Шустер У. А. Указ. Соч. С. 133; Рабочий класс в первой русской революции... С.127,132.
- ⁷¹ Schwarz C. M. The Russian Revolution of 1905. The Worker's Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago and London, 1967. P. 135.
- ⁷² Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 142.
- ⁷³ Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 399.
- ⁷⁴ Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 174-175; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 177
- ⁷⁵ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 181.
- ⁷⁶ Там же. С. 185.
- ⁷⁷ Цит. по: Там же. С. 186.
- ⁷⁸ Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 9.
- ⁷⁹ Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 358.
- ⁸⁰ Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 71, 357.
- ⁸¹ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 309,
- ⁸² Там же. С. 309, 332.
- ⁸³ Цит. по: Гусятников П. С. Указ. Соч. С. 152.
- ⁸⁴ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М.-Л., 1955. С. 409.
- ⁸⁵ Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975. С. 44, 119, 127.
- ⁸⁶ Пушкарева И. М. Указ. соч. С. 148, 152, 154.
- ⁸⁷ История СССР. Т. VI... С. 157, 158; Рабочий класс в первой русской революции... С.156,161.
- ⁸⁸ Кеер J. L. Op. cit. P. 219, 222.
- ⁸⁹ История СССР. Т. VI... С. 166.
- ⁹⁰ Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 455.
- ⁹¹ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905-1914). М., 1992.С. 56, 72-74.
- ⁹² Цит. по: Рабочий класс в первой русской революции... С. 175.

- ⁹³ Гохленер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 200.
- ⁹⁴ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. М., 1997. С. 154
- ⁹⁵ Гохленер В.М. Указ соч. С. 192.
- ⁹⁶ Буховец О. Г. Указ соч. С. 315.
- ⁹⁷ Буховец О. Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 192.
- ⁹⁸ Шанин Т. Указ. соч. С. 258. См. также: Кабытов П. С. Указ. соч. С. 64, 67; Рабочий класс в первой русской революции... С. 176
- ⁹⁹ Подсчитано по: Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927. С. 78-79, 103-107.
- ¹⁰⁰ Першин П. Н. Указ. соч. С. 48, 51.
- ¹⁰¹ Кабытов П. С. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁰² Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1989. С. 87-88, 94; Шанин Т. Указ. соч. С. 161.
- ¹⁰³ Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб, 1907. С. 26; Гохленер В.М. Указ соч. С. 233.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 29.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 37.
- ¹⁰⁶ Безгин В. Б. Коллективизм и эгалитаризм в общинной психологии русского крестьянства конца XIX – начала XX века // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб, 2004. С. 272
- ¹⁰⁷ Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение... С. 182, 257
- ¹⁰⁸ Симонова М. С. Крестьянское движение 1905-1907 гг. в советской историографии // Исторические записки. 1975. Т. 95. С. 209-210.
- ¹⁰⁹ Clarkson G. D. A History of Russia. N. Y., 1961. P. 381-382; Robinson G. T. Op. cit. P. 185, 204.
- ¹¹⁰ Там же. С. 169, 204-207
- ¹¹¹ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 2. М., 2001. С. 251.
- ¹¹² Там же; Кирюхина Е. И. Всероссийский крестьянский съезд в 1905 г. // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 114-124.
- ¹¹³ Баранов В. П. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 190-1907 гг. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Вып. 1. Тамбов, 1996. С. 17.
- ¹¹⁴ История СССР. Т. VI... С. 175-180; 193.
- ¹¹⁵ Рассчитано по: Дубровский С. М. Указ. соч. С. 132; Кризис самодержавия в России... С. 241.
- ¹¹⁶ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 188-189, 200.
- ¹¹⁷ Цит. по: Кризис самодержавия... С. 252.
- ¹¹⁸ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 333-336; 341-343; Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 42-49; Kochan L. Russia in Revolution. London, 1966. P. 94; Robinson G. T. Op. cit. P. 164, 168.
- ¹¹⁹ Хобсбаум Э. Век капитала... С. 26.
- ¹²⁰ Рабочий класс в первой русской революции... С. 183, 186.
- ¹²¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 106-118; Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 153-161.
- ¹²² Рабочий класс в первой русской революции... С. 200; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция... С. 241; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 349.
- ¹²³ Рабочий класс в первой русской революции... С. 195-211, 267-268; Гусятников П. С. Указ. соч. С. 189.
- ¹²⁴ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 42.
- ¹²⁵ Там же; Шанин Т. Указ. соч. С. 164; Гохленер В.М. Указ соч. С. 218.
- ¹²⁶ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах... С. 243.
- ¹²⁷ Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 487.

- ¹²⁸ История СССР. Т. VI... С. 216; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 236; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 63-64.
- ¹²⁹ Цит. по: Аврех А. Я. Указ. соч. С. 14.
- ¹³⁰ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 197.
- ¹³¹ Цит. по: там же. С. 204.
- ¹³² Кризис самодержавия... С. 295.
- ¹³³ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 140-147;
- ¹³⁴ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 215,218, 233; Хостинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2001. С. 440.
- ¹³⁵ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 218-224; Степанов С. Л. Указ. соч. С. 110; Политические партии России. Конец XIX – начало XX века М, 1996.С.529.
- ¹³⁶ История СССР. Т. VI... С. 211.
- ¹³⁷ Цит. по: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 69.
- ¹³⁸ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 362; История СССР. Т. VI... С. 217, 221
- ¹³⁹ История СССР. Т. VI... С. 217, 221.
- ¹⁴⁰ Цит. по: Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1963. С. 132..
- ¹⁴¹ Дубровский С. М. Крестьянское движение... С. 42; Bushnell J. Mutiny amid Repression. Bloomington, 1985. P. 173; Сидельников С. М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962. С. 307-309.
- ¹⁴² Шанин Т. Указ. соч. С. 149, 166; Сенчакова Л. Т. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁴³ Keep J. L. Op. cit. 1963. P. 265.
- ¹⁴⁴ Рабочий класс в первой русской революции... С. 288.
- ¹⁴⁵ Шанин Т. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁴⁶ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 377-378; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 235; Manning R. T. The Crisis of the old Order in Russia. Gentry and Government. Princeton, 1982. P. 247, 250, 258; Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 53.
- ¹⁴⁷ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 178-184; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 401.
- ¹⁴⁸ Дубровский С. М. Крестьянское движение... С. 42; Першин П. Н. Указ. соч. С. 48-49.
- ¹⁴⁹ Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 306; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 239, 243; История СССР. Т. VI... С. 238-241, 249.
- ¹⁵⁰ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. М., 1978. С. 9-11.
- ¹⁵¹ Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. С. 68.
- ¹⁵² Милоков П. Н. Указ. соч. С. 408.
- ¹⁵³ Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. N. Y., 1986. P. 232.
- ¹⁵⁴ Цит. по: Дьячков В. А., Еииков С. А. Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть(опыт регионального изучения)// Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 150.
- ¹⁵⁵ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. М., 1991. С. 246
- ¹⁵⁶ Дурново П. Н. Записка//Красная новь. 1922. № 6. С. 195-196.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 196-197.
- ¹⁵⁸ Струве П. Б. Интеллигенция и революция///Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 145.
- ¹⁵⁹ Гершензон М. О. Творческое самосознание//Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 92.
- ¹⁶⁰ Хеймсон Л. Об истоках революции//Отечественная история. 1993. № 6. С. 4.
- ¹⁶¹ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 132.

- ¹⁶² Пересчет сделан по средним ценам за 1900-1902 и 1911-1913 года. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 14; налоги: Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи... С. 502.
- ¹⁶³ Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 260, 262.
- ¹⁶⁴ История России. XX век. М., 1996. С. 94; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг.... С. 224.
- ¹⁶⁵ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁶⁶ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг... С. 224.
- ¹⁶⁷ Бородин А. П. Объединенное дворянство и аграрная реформа// Вопросы истории. 1999. №9. С. 37.
- ¹⁶⁸ Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1963. С. 191.
- ¹⁶⁹ Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. N. Y., 1986. P. 121, 123; Volin L. A Century of Russian Agriculture. From Alexander II to Kruchev. Cambridge (Mass.). 1970. P. 69.
- ¹⁷⁰ Попов И. П. Тверское выступление 1862 года и его место в событиях революционной ситуации//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1974. С. 262-264; Кнапп Г. Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб, 1900. С.118, 170-171;
- ¹⁷¹ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. М., 1991. С. 47,49,53.
- ¹⁷² См.: Бруцкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград, 1922. С. 58-62.
- ¹⁷³ Цит. по: Сидельников С. М. Аграрная политика... С. 96.
- ¹⁷⁴ Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 325. См. также: Колонтаева А. В. Витте и аграрный вопрос в России (1892-1908 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. н. Росговн-Дзю, 1998. С.25.
- ¹⁷⁵ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 128, 131.
- ¹⁷⁶ Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 261.
- ¹⁷⁷ Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 150, 154.
- ¹⁷⁸ Цит. по: Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России и революционный процесс//Реформы или революция? Россия 1861-1917. – СПб, 1992. С. 254.
- ¹⁷⁹ Kingston-Mann E. In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian Development. Princeton, 1999. P. 4, 6.
- ¹⁸⁰ Сидельников С. М. Аграрная политика... С. 110, 178-180; Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство... С. 120.
- ¹⁸¹ Подсчитано по: Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 574, 585, 367.
- ¹⁸² Там же; Иванов А. А. Указ. соч. С. 32, 69, 74; История России. XX век... С. 96.
- ¹⁸³ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 200, 241, 392, 532.
- ¹⁸⁴ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 392; Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Материалы и комментарии. Курск, 1927. С. 148.
- ¹⁸⁵ Сидельников С. М. Аграрная политика... С. 98, 192-195.
- ¹⁸⁶ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство... С. 40.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 142.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 144.
- ¹⁸⁹ Подсчитано по: Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 85. Табл. 2 ; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... Табл. 17, приложение 1.
- ¹⁹⁰ Пайпе Р. Указ. соч. Ч. 1. М., 1994. С. 198.
- ¹⁹¹ Посчитано по: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 370, 371.
- ¹⁹² Там же. С. 371.
- ¹⁹³ Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра... С. 46-47, 83.
- ¹⁹⁴ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 459, 466.
- ¹⁹⁵ Анфимов А. М. Земельная аренда в России... С.164.
- ¹⁹⁶ Подсчитано по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств... Табл. А1.

-
- ¹⁹⁷ Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России... С. 256.
- ¹⁹⁸ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство... С. 264.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 152; Кондратьев Н. Д. Рынок хлеба и его регулирование во время революции и гражданской войны. М., 1991. С. 116; Gatrell P. The Tsarist Economy... P. 123; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 415.
- ²⁰⁰ Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России//Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 28.
- ²⁰¹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 591.
- ²⁰² Фигуровская Н. К., Симонов В. В. Н. Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н. Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 34, 36.
- ²⁰³ Данилов В. П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года//Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 60.
- ²⁰⁴ Подсчитано по: там же; Дубровский С. М. Указ. соч. Приложение 1-5.
- ²⁰⁵ Шагин Э. М. А. В. Чаянов об аграрных сдвигах в крестьянском хозяйстве в предреволюционной России//Аграрные технологии в России IX-XX вв. Арзамас, 1999. С. 185-186; Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг. 1922.
- ²⁰⁶ Ерофеев Н. Д. Уровень жизни населения России в конце XIX – начале XX в.//Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 1. С. 68; Привалова Т. В. Питание русского крестьянина на рубеже веков// Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 145.
- ²⁰⁷ Данные по Саратовской губернии по-видимому занижены из-за недостоверности сведений о речных перевозках.
- ²⁰⁸ Подсчитано по: данные о перевозках: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1. Петроград, 1916; Выпуск 2, Петроград, 1917; Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Петроград, 1916; чистый остаток за вычетом посева; справочники «Урожай... года»; данные о винокурении: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915; Год девятый. Петроград, 1916.
- ²⁰⁹ Роголина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начале XX века//Вопросы истории. 2004. № 7. С. 12.
- ²¹⁰ Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг//Вопросы истории. 1992. № 1. С. 24.
- ²¹¹ Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып.1. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований. М., 1916. С. 47. Табл. 16; Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920. С. 27.
- ²¹² Там же. С. 38.
- ²¹³ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 1. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 24-30.
- ²¹⁴ Корнилов Г. Е. Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века//History of the Russian Peasantry in the 20th Century. Vol. 1. Tokyo, 2002. P. 37-38.
- ²¹⁵ Там же. С. 38
- ²¹⁶ История СССР.Т. VI. С. 369-375; Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень... С. 48.
- ²¹⁷ Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Росла ли реальная зарплата рабочих в период капиталистической индустриализации?//Вестник РГНФ. 2002. № 1. С. 18, 23, 24.
- ²¹⁸ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М, 1960. С. 121; Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930. С. 12-13.

- ²¹⁹ Цит. по: Шепелев Л. Е. Проблемы развития промышленности и рабочий вопрос в России в 1904-1914 гг.// Реформы или Революция? Россия 1861-1917. СПб, 1992. С. 227
- ²²⁰ Ляшенко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 405-406, 412-413.
- ²²¹ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900-1914 г. Л., 1976. С. 42.
- ²²² Посчитано по: Крузе Э.Э. Указ. соч. С. 23, 26, 42; Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР в 1917-1930 гг. М., 1973. С. 51; Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 216.
- ²²³ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 30; Давидович А. М. Указ. соч. С. 304, 305.
- ²²⁴ Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 134. Прим.
- ²²⁵ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 30; Давидович А. М. Указ. соч. С. 304, 305.
- ²²⁶ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 35.
- ²²⁷ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. М., 1978. С. 34.
- ²²⁸ Там же. С. 129, 233.
- ²²⁹ Дубровский С. М. Сельское хозяйство... С. 68. Табл. 7.
- ²³⁰ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг... С. 236.
- ²³¹ Думова Н. Г., Шацлло К. Ф. Либералы и революция (тезисы доклада)// Реформы Или Революция? Россия 1861-1917. СПб., 1992. С. 172; Дякин В. С. Указ. соч. С. 9.
- ²³² Цит. по: Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции// Россия и первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб, 1999. С. 25.
- ²³³ Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 518.
- ²³⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 2. С. 90.
- ²³⁵ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 530, 541, 551.
- ²³⁶ Там же. С. 532.
- ²³⁷ Там же. С. 527; Анфимов А. М. Указ. соч. С. 82-85.
- ²³⁸ Цит. по: Иванов А. А. Указ. соч. С. 139.
- ²³⁹ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 2. М., 2001. С. 251.
- ²⁴⁰ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 9. См. также: Дьячков В. А., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть. 1860—1920 гг.// Менталитет и социальные изменения в России. М, 1996.
- ²⁴¹ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 91.
- ²⁴² Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914-март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 93.
- ²⁴³ Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 216.
- ²⁴⁴ Кирьянов Ю. И., Бородкин Л. И. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX – начале XX вв.//Россия и США на рубеже XIX – XX вв. М., 1992. С. 51; Поршнева О. С. Указ. соч. С. 149, 159; Хеймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией //Рабочее и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб 1997.С.28-54.
- ²⁴⁵ Хеймсон Л. Об истоках революции... С. 6.
- ²⁴⁶ История СССР. Т. VI... С. 424, 464; Кирьянов Ю. И., Бородкин Л. И. Указ. Соч. С. 48; Хеймсон А., Бриан Э. Стачное движение в России во время мировой войны: количественный анализ// Россия и США на рубеже XIX – XX вв. М., 1992. С. 80.
- ²⁴⁷ Цит. по: История СССР. Т. VI. М., 1968. С. 520.
- ²⁴⁸ Цит. по: Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М., 1994. С. 160.
- ²⁴⁹ Дурново П. Н. Записка//Красная новь. 1922. № 6. С. 195-197.
- ²⁵⁰ Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 2. С. 239.
- ²⁵¹ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 423.
- ²⁵² Боханов А. Н. Самодержавие – русская форма монархического авторитаризма//Московский журнал. 2004. №3.

- ²⁵³ Мы не учитываем «малые» войны со слабыми противниками: с Персией, с Польшей после 1700 года, с Турцией после 1800 года, со Швецией после 1730 года.
- ²⁵⁴ История СССР. Т. VI. М., 1968. С. 484.
- ²⁵⁵ Там же. С. 437.
- ²⁵⁶ Джолл Д. Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. С. 396-397.
- ²⁵⁷ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 187.
- ²⁵⁸ Рассчитано по: Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. Табл. 80, 85. Численность беженцев: Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 149.
- ²⁵⁹ Анфимов А. М. Российская деревня... С. 155, 188, 189, 205; Иванов А. А. Указ. соч. С. 117, 124; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 123.
- ²⁶⁰ Пайпс Р. Указ. соч. С. 266.
- ²⁶¹ Дьячков В. А., Протасов А. Л. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия// Россия и первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 62.
- ²⁶² Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему// Россия и первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 205.
- ²⁶³ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 82, 403.
- ²⁶⁴ Поршнева О. С. Указ. соч. С. 106, 110, 112; Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 76.
- ²⁶⁵ Санборн Дж. Указ. соч. С. 207, 212.
- ²⁶⁶ Цит. по: Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М., 1994. С. 12.
- ²⁶⁷ Дьячков В. А., Протасов А. Л. Указ. соч. С. 63.
- ²⁶⁸ Цит. по: Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей?// 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 99.
- ²⁶⁹ Поршнева О. С. Указ. соч. С. 222.
- ²⁷⁰ Цит. по: Пайпс Р. Указ. соч. С. 230.
- ²⁷¹ Поршнева О. С. Указ. соч. С. 217.
- ²⁷² Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян//Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб., 2004. С. 311, 312.
- ²⁷³ Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 254.
- ²⁷⁴ Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М., 1994. С. 61-62.
- ²⁷⁵ Уткин А. И. Указ. соч. С. 121; Поршнева О. С. Указ. соч. С. 252; Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 258-259.
- ²⁷⁶ Цит. по: Головин Н. Н. Указ. соч. С. 312.
- ²⁷⁷ Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 96.
- ²⁷⁸ Пайпс Р. Указ. соч. С. 256.
- ²⁷⁹ Хэймсон А., Бриан Э. Указ. соч. С. 103-104.
- ²⁸⁰ Цит. по: Головин Н. Н. Указ. соч. С. 311.
- ²⁸¹ Цит. по: Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 189.
- ²⁸² Там же. С. 313.
- ²⁸³ Поршнева О. С. Указ. соч. С. 243, 245; Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция. 1917 г. в России. М., 1982. С. 84; Пайпс Р. Указ. соч. 247.
- ²⁸⁴ Родзянко М. В. Указ. соч. С. 275.
- ²⁸⁵ Хэймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции)//Россия XXI. 1998. № 9-10. С. 144, 156.
- ²⁸⁶ Там же.; Поршнева О. С. Указ. соч. С. 233; Головин Н. Н. Указ. соч. С. 311.
- ²⁸⁷ Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 78.
- ²⁸⁸ Мотревич В. П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2004. С. 267.

-
- ²⁸⁹ Головин Н. Н. Указ. соч. С. 120, 323;
- ²⁹⁰ Вахрушева Н. А. Солдатские письма и цензорские отчеты, как исторический источник // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972. С. 67-88; Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990. С. 122-127
- ²⁹¹ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914-март 1918 г.). Екатеринбург: УрО Ран, 2000. С. 260.
- ²⁹² Цит. по: Поршнева О. С. Указ. соч. С. 260.
- ²⁹³ Цит. по: Вахрушева Н. А. Указ. соч. С. 75.
- ²⁹⁴ Пайпс Р. Указ. соч. С. 92.
- ²⁹⁵ Пайпс Р. Указ. соч. С. 275; Родзянко М. В. Указ. соч. С. 274.
- ²⁹⁶ Кабытов П. С. Указ. соч. С. 123.
- ²⁹⁷ Цит. по: Вахрушева Н. А. Указ. соч. С. 77.
- ²⁹⁸ Цит. по: Поршнева О. С. Указ. соч. С. 259.
- ²⁹⁹ Черняев В. Ю. Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // Россия и первая мировая война. СПб, 1999. С. 197.
- ³⁰⁰ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1967. С. 430.
- ³⁰¹ Цит. по: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Переферия. М., 1971. С. 107.
- ³⁰² Погребинский А. П. Государственные финансы... С. 125, 130
- ³⁰³ Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 301, 306, 309.
- ³⁰⁴ Погребинский А. П. Государственные финансы... С.125; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960. С. 151.
- ³⁰⁵ Цит. по: Страхов В. В. Внутренние займы в России в первую мировую войну // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 39.
- ³⁰⁶ Там же. С. 33,36.
- ³⁰⁷ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Табл. 36.
- ³⁰⁸ Сидоров А. Л. Финансовое положение... С. 441.
- ³⁰⁹ Там же. С. 149.
- ³¹⁰ Там же. С. 146.
- ³¹¹ Там же. С. 138; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Табл. 36.
- ³¹² Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. III. М., 1979. С. 429-438.
- ³¹³ Соболев А. Первая республика. 1792-1804. М., 1974. С. 60, 44, 46, 82-83.
- ³¹⁴ Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрём 1917 года. Л., 1927. С.56.
- ³¹⁵ Сидоров А. Л. Финансовое положение... С. 430, 432.
- ³¹⁶ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914-1917. Л., 1967. С. 132-133.
- ³¹⁷ Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 63, 190; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 144.
- ³¹⁸ Кирьянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914-февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3-18.
- ³¹⁹ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Табл. 36.
- ³²⁰ Там же; Пайпс Р. Указ. соч. С. 275.
- ³²¹ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 233.
- ³²² Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Картограмма 4.
- ³²³ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 171, 177-179, 203; Гордеев Г. С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.-Л.: 1925. С. 82.
- ³²⁴ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 217, 255-259; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 200-201, табл. 5.

- ³²⁵ Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 57-58.
- ³²⁶ Записка М. В. Родзянки // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69.
- ³²⁷ Цит. по: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 493.
- ³²⁸ Погребинский А. П. Сельское хозяйство... С. 58.
- ³²⁹ Анфимов А. М. Российская деревня... С. 268; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 218; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 288.
- ³³⁰ Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М., 1992. С. 9.
- ³³¹ Погребинский А. П. Сельское хозяйство... С. 54, 56; Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 59; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 334.
- ³³² См. например: Сидоров А. Л. Экономическое положение... С. 611.
- ³³³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 288.
- ³³⁴ Подсчитано по: Васильев Н. Транспорт России в войне 1914-1918 гг. М., 1939. С. 90, 91. Табл. 36.
- ³³⁵ Там же. С. 98, 100, 109.
- ³³⁶ Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С.
- ³³⁷ Хэймсон А., Бриан Э. Указ. соч. С. 103.
- ³³⁸ Буржуазия накануне февральской революции. М-Л., 1927. С. 136-138.
- ³³⁹ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914- весна 1917 г.). М., 2003. С. 221.
- ³⁴⁰ Буржуазия накануне... С. 135.
- ³⁴¹ Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 14-17.
- ³⁴² Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 267.
- ³⁴³ Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 440.
- ³⁴⁴ Лебедев В. В. проблема выхода из войны и кризис самодержавия // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 51; Соколов Б. В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 42; Семенников В. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929. С. 60; Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Л., 1990. С. 229; Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 48-49.
- ³⁴⁵ См., например: Дьячков В. А., Протасов А. Л. Указ. соч. С. 68;
- ³⁴⁶ Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 31.
- ³⁴⁷ Цит. по: Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М. 1997. С. 57-58.
- ³⁴⁸ Там же. С. 58.
- ³⁴⁹ Там же.
- ³⁵⁰ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л., 1977. С. 209, 231, 242, 251; Хэймсон А., Бриан Э. Указ. соч. С. 104.
- ³⁵¹ Шульгин В. Указ. соч. С. 428.
- ³⁵² Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1-2. М., 1991. С. 46-49, 88.
- ³⁵³ Старцев В. И. Указ. соч. С. 245.
- ³⁵⁴ Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 18.
- ³⁵⁵ Искандеров А. А. Закат империи. М., 2001. С. 590.
- ³⁵⁶ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 42; Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 57.
- ³⁵⁷ Цит. по: Лебедев В. В. Указ. соч. С. 53.
- ³⁵⁸ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 42; Зайончковский А. Мировая война 1914-1918 гг. Т. II. М., 1938. С. 6-7; Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 57.

- ³⁵⁹ Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации)// Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб, 1999. С. 168.
- ³⁶⁰ Цит. по: там же.
- ³⁶¹ Подсчитано по: Лекомцев М. Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития России в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Россия и США на рубеже XIX – XX вв. М. Наука, 1992. С. 150-154.
- ³⁶² Цит. по: Сидоров А. Л. Экономическое положение... С. 497.
- ³⁶³ Там же.
- ³⁶⁴ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 199.
- ³⁶⁵ Там же. С. 199, 204.
- ³⁶⁶ Зайончковский А. Мировая война 1914-1918 гг. Т. II. М., 1938. С. 108.
- ³⁶⁷ Русская армия накануне революции// Былое. 1918. № 1. С. 156.
- ³⁶⁸ Брусилов А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 204.
- ³⁶⁹ Родзянко М. В. Указ. соч. С. 277.
- ³⁷⁰ Там же. С. 104; Разложение армии в 1917 году. М.-Л., 1925. С. 7.
- ³⁷¹ Искандеров А. А. Указ. соч. С. 527.
- ³⁷² Шляпников А. Г. Указ. соч. С. 8-9.
- ³⁷³ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914-1917. Л., 1967. С. 314; Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С.59; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 254; Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 43, 48. Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрём 1917 года. Л., 1927. С. 54; Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 193; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1996. С. 202.
- ³⁷⁴ Сидоров А. Л. Финансовое положение... С. 436.
- ³⁷⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1996. С. 196.
- ³⁷⁶ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М., 2001. С. 213, 217-220.
- ³⁷⁷ Там же. С. 224.
- ³⁷⁸ См. например: Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей?// 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 100.
- ³⁷⁹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1... С. 125; Шляпников А. Г. Указ. соч. С. 70-71; Семенов Е. П. Февральские и мартовские дни 1917 г. //Исторический вестник. 1917. Т. 147. № 3. С. 7.
- ³⁸⁰ Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка//1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 258.
- ³⁸¹ В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова //Былое. 1918. №7. С. 91, 108-109; Семенов Е. П. Указ. соч. С. 6.
- ³⁸² Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса... С. 31.
- ³⁸³ Семенов Е. П. Указ. соч. С. 2.
- ³⁸⁴ Цит. по: Искандеров А. А. Указ. соч. С. 569.
- ³⁸⁵ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения //Вопросы истории. 2002. № 8. С. 86; № 9. С. 62.
- ³⁸⁶ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 618.
- ³⁸⁷ Глобачев К. И. Указ. соч. С. 62.
- ³⁸⁸ Мстиславский С. Д. Гибель царизма. Февральский переворот// Крушение царизма. Л., 1986. С. 408. Прим. 3.

- ³⁸⁹ Гучков А. И. Указ. соч. С. 29; Искандеров А. А. Указ. соч. С. 571-572; Глобачева С. Н. Прелюдия происходящих в мире событий// Вопросы истории. 2002. №11. С. 107.
- ³⁹⁰ Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г. в Петербурге//Вопросы истории. 1998. № 7. С. 101.
- ³⁹¹ Hasegava Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London, 1981. P. 200.
- ³⁹² Цит. по: Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 60.
- ³⁹³ Цит. по: Измозик В. С. Указ. соч. С. 169.
- ³⁹⁴ Там же. С. 65.
- ³⁹⁵ Цит. по: там же. С. 190.
- ³⁹⁶ Буржуазия накануне... С. 190.
- ³⁹⁷ Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 71-77; Катков Г. М. Указ. соч. С. 257-258.
- ³⁹⁸ Там же. С. 87.
- ³⁹⁹ Акаемов Н. Ф. Агония старого режима (По приставским донесениям и показаниям свидетелей)//Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. XI, XII.
- ⁴⁰⁰ Катков Г. М. Указ. соч. С. 265.
- ⁴⁰¹ Свешников Н. Ф. Выборгский районный комитет РСДРП (б) в 1917 г.// В огне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 г. Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. М., 1967. С. 93.
- ⁴⁰² Hasegava T. Op. cit. P. 314.
- ⁴⁰³ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 55.
- ⁴⁰⁴ Милоков П. Н. История второй русской революции... С. 40/
- ⁴⁰⁵ Цит. по: Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 87.
- ⁴⁰⁶ Цит. по: Гайда Ф. А. Указ. соч. С. 293.
- ⁴⁰⁷ Hasegava T. Op. cit. P. 247, 252, 254, 262; Старцев В. И. 27 февраля 1917 года. М., 1984. С. 117, 119; Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 56; Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г... С. 97.
- ⁴⁰⁸ Февральская революция и охранное отделение//Былое. 1918. № 1. С. 173-174.
- ⁴⁰⁹ Hasegava T. Op. cit. P. 263.
- ⁴¹⁰ Старцев В. И. . Указ. соч. С. 124-128; Катков Г. М. Указ. соч. С. 262, 283; Семенов Е. П. Указ. соч. С. 6-7.
- ⁴¹¹ Hasegava T. Op. cit. P. 269.
- ⁴¹² Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г.//Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 159-161; Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1... С. 134.
- ⁴¹³ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 63; Старцев В. И. Указ. соч. С. 124-128.
- ⁴¹⁴ Чапкевич Е. И. Русская гвардия в Февральской революции//Вопросы истории. 2002. № 9. С. 8; Старцев В. И. Указ. соч. С. 139-140. Кирпичников Т. И. Восстание лейб-гвардии Волынского полка в феврале 1917 года//Крушение царизма. Л., 1986. С.310-314; Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 623.
- ⁴¹⁵ Мстиславский С. Д. Гибель царизма. Февральский переворот// Крушение царизма. Л., 1986. С. 316.
- ⁴¹⁶ Старцев В. И. Указ. соч. С. 140-142; Катков Г. М. Указ. соч. С. 274-282; Дякин В. С. Русская буржуазия... С. 328; Падение царского режима. Т. I. М.-Л., 1926. С. 232-235; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 193; Кирпичников Т. И. Указ. соч. С. 310-314; Акаемов Н. Ф. Указ. соч. С. XXIX.
- ⁴¹⁷ См.: Руднева С. Е. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная научная конференция// Отечественная история. 1998. № 1. С. 206.
- ⁴¹⁸ Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 312.
- ⁴¹⁹ Семенов Е. П. Указ. соч. С. 7; Дневник солдата//Крушение царизма. Л., 1986. С. 336.
- ⁴²⁰ Ходнев Д. Указ. соч. С. 267.
- ⁴²¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914-1919 // Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914-1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции. М., 1994. С. 33.

-
- ⁴²² Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 319, 343.
- ⁴²³ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 242.
- ⁴²⁴ Старцев В. И. Указ. соч. С.181.
- ⁴²⁵ Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 305
- ⁴²⁶ Палеолог М. Указ. соч. С. 244.
- ⁴²⁷ Дякин В.С. Русская буржуазия... С. 340.
- ⁴²⁸ Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 177, 179.
- ⁴²⁹ Цит. по: Искандеров А. А. Указ. соч. С. 544.
- ⁴³⁰ Гучков А. И. Указ. соч. С. 25.
- ⁴³¹ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Переферия. М., 1971. С. 111-112, 124, 137.
- ⁴³² Выступление 1-го железнодорожного батальона// Крушение царизма. Л., 1986. С. С. 343.
- ⁴³³ Шульгин В. В. Указ. Соч. С. 455-457.
- ⁴³⁴ Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 298.
- ⁴³⁵ Robinson G. T. Op. cit. P. 208.
- ⁴³⁶ Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. М., 2002. С. 114; Шульгин В. В. Указ. соч. С. 462; Февральская революция... С. 141; Палеолог М. Указ. соч. С. 220; Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 630.
- ⁴³⁷ Gatrell P. Op. cit. P. 231.
- ⁴³⁸ Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 87.
- ⁴³⁹ Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М., 1908. С. 93.
- ⁴⁴⁰ Деникин А. И. Указ. соч. С. 204. См. также: Аксельродов С. А. Религиозный смысл русской революции//Из глубины. Нью-Йорк, 1991. С. 60; Булгаков С. На пиру богов//Тамже. С. 115.
- ⁴⁴¹ Милоков П. Н. История второй русской революции... С. 17.
- ⁴⁴² Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1... С. 76.
- ⁴⁴³ См., например: Искандеров А. А. Указ. соч. С. 590; Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М., 1991. С. 40; Зубков К. И. Советский коммунистический эксперимент в контексте социальной революции XX века //Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург-Москва, 2004. С. 236; Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. I. М., 2002.
- ⁴⁴⁴ Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России// Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 314.
- ⁴⁴⁵ Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке//Вопросы истории. 1993. № 2. С. 37.
- ⁴⁴⁶ Дьячков В. А., Есиков С. А. Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения)// Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 150.
- ⁴⁴⁷ Буддаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем»// 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 217.
- ⁴⁴⁸ Мур Б. Революции угнетенных: свидетельство защиты// Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 308; Pares V. The Fall of Russian Monarchy. L. 1934. P. 39; Корчагова М. Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе// Отечественная история 1994. № 4/5. С. 206-207.
- ⁴⁴⁹ Шанин Т. Революция как момент истины... С. 29, 297; Вольф Э. Р. Крестьянские восстания//Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 294.
- ⁴⁵⁰ Волобуев О., Шелохаев В. «Великие потрясения» 1905-1907 годов в контексте российской модернизации// Свободная мысль. 2005. № 1. С. 191.

⁴⁵¹ Для 1800-1850 гг. потребление берется по 36 губерниям. См. примечания 28 к главе VI и 52 к главе VII. .

⁴⁵² Boserup E. Op. cit.

Литература

1. Абрамович Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII века//История СССР. 1972, № 3. – С. 65-84.
2. Авербух Р. Л. Революция в Австрии (1848-1849 гг.). – М.: Наука, 1970. – 245 с.
3. Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Изд. полит. лит, 1991. – 286 с.
4. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989. – 149 с.
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. – Л.: Наука, 1974. – 321 с.
6. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. – Л.: Наука, 1989. – 231 с.
7. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начало XVI века. – Л. 1971. С. 365.
8. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. – Л.: Наука, 1978. – 220 с.
9. Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. – М.: Наука, 1988. – 189 с.
10. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. – Екатеринбург-Лувен, 1997. – 326 с.
11. Алексеев В. В., Побережников И. В. Школы модернизации: эволюция теоретических основ//Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. – С. 8-49.
12. Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии//Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. – С. 152-184.
13. Алексеев В. В., Нефедов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма//Общественные науки и современность. 2002. № 6. – С. 66-77.
14. Алексеев В.В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики России. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 100 с.
15. Алексеев В.В. (ред.) Опыт российских модернизаций. XVIII-XX вв. – М.: Наука, 2000. – С. 246 с.
16. Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1998. – 347 с.
17. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. – Спб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 447с.
18. Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI- XVIII вв.- М.: Наука, 1975.–57-69.
19. Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. – Л.: Лениздат, 1990. – 315с.
20. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII века. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 422 с.
21. Алефиренко П. К. Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40-50-х годах XVIII в.//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М., 1962. – С. 137.
22. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. – М.: Наука, 1976. - 455 с.
23. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1988. – 242 с.

⁴⁵¹ Для 1800-1850 гг. потребление берется по 36 губерниям. См. примечания 28 к главе VI и 52 к главе VII. .

⁴⁵² Boserup E. Op. cit.

Литература

1. Абрамович Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII века//История СССР. 1972, № 3. – С. 65-84.
2. Авербух Р. Л. Революция в Австрии (1848-1849 гг.). – М.: Наука, 1970. – 245 с.
3. Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Изд. полит. лит, 1991. – 286 с.
4. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989. – 149 с.
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. – Л.: Наука, 1974. – 321 с.
6. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. – Л.: Наука, 1989. – 231 с.
7. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начало XVI века. – Л. 1971. С. 365.
8. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. – Л.: Наука, 1978. – 220 с.
9. Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. – М.: Наука, 1988. – 189 с.
10. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. – Екатеринбург-Лувен, 1997. – 326 с.
11. Алексеев В. В., Побережников И. В. Школы модернизации: эволюция теоретических основ//Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. – С. 8-49.
12. Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии//Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. – С. 152-184.
13. Алексеев В. В., Нефедов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма//Общественные науки и современность. 2002. № 6. – С. 66-77.
14. Алексеев В.В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики России. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 100 с.
15. Алексеев В.В. (ред.) Опыт российских модернизаций. XVIII-XX вв. – М.: Наука, 2000. – С. 246 с.
16. Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1998. – 347 с.
17. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. – Спб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 447с.
18. Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI- XVIII вв.- М.: Наука, 1975.–57-69.
19. Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. – Л.: Лениздат, 1990. – 315с.
20. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII века. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 422 с.
21. Алефиренко П. К. Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40-50-х годах XVIII в.//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М., 1962. – С. 137.
22. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. – М.: Наука, 1976. - 455 с.
23. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1988. – 242 с.

-
24. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – 196 с.
 25. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб. «Дмитрий Буланин», 2000. – 429 с.
 26. Ананьич Н. И. К истории отмены подушной подати в России//Исторические записки. 1974. Т. 94. – С. 183-220.
 27. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб: «Глаголь», 1994. – 443 с.
 28. Андерссон И. История Швеции. – М.: Изд. иностр. лит., 1951. – 408 с.
 29. Андреев И. Нетихий Тишайший//Родина. 1998. № 9. -С. 39-43.
 30. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. – Л.: Лениздат, 1989. – 495 с.
 31. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997.– 331 с.
 32. Анисимов Е. В. Материалы комиссии Д. М. Голицына о подати (1727-1730 гг.)// Исторические записки. 1973. Т. 91. – С. 338-352.
 33. Анисимов Е. В. Россия без Петра. – СПб: Лениздат, 1994. – 496 с.
 34. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. – М.: Мысль, 1986. – 238 с.
 35. Анпилогов Г. Н. К вопросу о законе 1592-1593 гг., отменившем выход крестьян, и урочных лета в конце XVI – первой половине XVII в.//История СССР. 1972. № 5. – С. 160-177.
 36. Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – 207 с.
 37. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
 38. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX веков). – М.: Наука, 1969. – 391 с.
 39. Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901-1912 гг.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г. – Минск, 1964. – С. 489-505.
 40. Анфимов А. М. Неоконченные споры//Вопросы истории. 1997. №5. – С. 49-72.
 41. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. – М.: Наука, 1984. – 230 с.
 42. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. – М.: Соцэргиз, 1962. – 383 с.
 43. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. – М.: Ин-т рос. ист., 2002. – 299с.
 44. Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России//История СССР. 1974. № 1. – С. 82-97.
 45. Арестов Н. Промышленность древней Руси. – СПб, 1866. – 300 с.
 46. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т.1-П. – М.: Изд. ФО СССР, 1991.
 47. Баш Э. История экономического развития Голландии в XVI-XVIII веках. – М.: Изд. иностр. лит., 1949. – 393с.
 48. Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. – М.: Прогресс, 1985. – 198с.
 49. Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. – М.: Изд. АН СССР, 1936. – 120 с.
 50. Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг.//Вопросы истории. 1992. № 1- С. 19-31.
 51. Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и каширские заводы в XVII веке. – М.-Л.: ОГИЗ, 1934. – 160 с.

-
52. Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере конец XVII-начало XVIII века. М.: Наука, 1976. – 201 с.
 53. Баранов В. П. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 190-1907 гг.//Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Вып. 1. -Тамбов, 1996. – С. 15-24.
 54. Бахтин А. Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России//Вопросы истории, 2001. № 5. – С. 52-72.
 55. Безгин В. Б. Коллективизм и эгалитаризм в общинной психологии русского крестьянства конца XIX – начала XX века//Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. – СПб: Нестор, 2004. – С. 270-274.
 56. Белозерцев А. Г. Зерновое хозяйство России (1865-1997). Историко-экономический очерк. – М.: Наука, 1998. – 224 с.
 57. Белоусов Р. А. Государственный бюджет дореволюционной России//Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 37-60.
 58. Белоусов Р. А. Экономическая история России. XX век. Кн.1. – М.: ИздАТ, 1999. – 407 с.
 59. Белоцерковский Г. М. Дело о каширских кормовых иноземцах Давыде Францове с товарищи 7137 г. – Тула, 1914. -20 с.
 60. Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). – М.: Изд. Моск. ун-та, 1965. – 381 с.
 61. Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. – М.: ГПИБ, 2002. – 419с.
 62. Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Измestyева Т.Ф., Лазарев В.В., Тихонов А.И., Компьютеризованный статистический анализ для историков. М., 1999
 63. Берк П. Новая история, ее прошлое и будущее //Imagines Mundi. Альманах исследований по всеобщей истории XVI-XX вв. 2004. № 3. – С. 87-115.
 64. Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность//Право. 1913. № 33. – С. 1912-1914.
 65. Бернацкий В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – 394 с.
 66. Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические взгляды канцлера Бисмарка. – СПб, 1911. – 489с.
 67. Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. – М.: Наука, 1965. – 661 с.
 68. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. – М.: Наука, 1973.- 615 с.
 69. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. – М.: Воениздат, 1958. – 643 с.
 70. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – М.: Наука, 1986. – 238 с.
 71. Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны//Полтава. К 250-летию полтавского сражения. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 21-63.
 72. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. – М.: Наука, 1991. – 236 с.
 73. Бестужев И. В. Крымская война и революционная ситуация//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – С. 189-213.
 74. Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. Т. I.- М., 1902. – 368 с.
 75. Бигон М., Харпер Дж., Таусенд К. Экология. Особи, популяции и сообщества. Т.1-2. – М., 1989.

-
76. Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. – М.: «Рудомино», 2001. – 879 с.
 77. Биншток В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здоровье. – М.-Л.: Гос. изд., 1929. – 90 с.
 78. Блос В. История германской революции 1848 года. – СПб, 1906. – 496с.
 79. Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. – 815 с.
 80. Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. - М.: Наука, 1988. – 152с.
 81. Богданов А. П. В тени Петра Великого. – М.: Армада, 1998. – 330 с.
 82. Богословский М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-27 г. – М., 1902. 522 с.
 83. Борисов Н. С. Иван III. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 644 с.
 84. Борисов Н. С. Политика московских князей. Конец XIII-начало XIV века. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1999. – 390 с.
 85. Боровой С. Я. Кредит и банк России (середина XVII – 1861г.). – М.: Госфиниздат, 1958. – 287 с.
 86. Бородин А. П. Объединенное дворянство и аграрная реформа// Вопросы истории. 1999. №9. – С. 33-45.
 87. Бородин Л.И. Многомерный статистический анализ в историческом исследовании. - М.: Изд. МГУ, 1986 – 187 с.
 88. Бородин Л. И. Квантативная история в системе координат модернизма и постмодернизма. // Новая и новейшая история. 1998. № 5. – С. 3-16.
 89. Бородин Л. И., Валетов Т. Я. Росла ли реальная зарплата рабочих в период капиталистической индустриализации?//Вестник РГНФ. 2002. № 1. – С.14-27.
 90. Бородин Л.И., Максимов С.В. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века: (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. N 5. – С. 124-143.
 91. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). – М.: Наука, 1992. – 264с.
 92. Боханов А. Н. Самодержавие – русская форма монархического авторитаризма//Московский журнал. 2004. №3.
 93. Брикнер А. Г. История Петра Великого. Т. 1-2. – М.: Терра, 1996.
 94. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 1-3. – М.: Прогресс, 1986, 1992.
 95. Бродель Ф. Что такое Франция? Люди и вещи. Ч. 1. – М.: Изд. Им. Сабашниковых, 1995. – 244 с.
 96. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 806 с.
 97. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. – С. 115-142.
 98. Брусникин Е. М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80-90-е годы XIX века)//Вопросы истории. 1970. № 2. – С. 34-47.
 99. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2001. – 463с.
 100. Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. – Пг: Право. 1922. – 236с.
 101. Бутанов В. И. Московские восстания конца XVII века. – М.: Наука, 1969. – 439с.
 102. Бутанов В. И., Преображенский А. Л., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. – М.: Мысль, 1980. – 342 с.
 103. Бутанов В. И. Петр Великий и его время. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
 104. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. – 376с.

-
105. Булдаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем»// 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. – С. 208-217.
 106. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. – М.: Наука, 1977. – С. 326.
 107. Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века. (По материалам Пензенской губернии). – М.: Наука, 1966. – 208 с.
 108. Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. – М.: Мосгорархив, 1996. – 395 с.
 109. Буховец О. Г. Ментальность и социальное поведение крестьян// Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 183-193.
 110. Бушкович П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)// Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. – Самара: «Самарский ун-т», 2000. – С. 80-120.
 111. Важинский В. М. Сельское хозяйство в черноземном центре России в XVII веке. – Воронеж, 1983. – 83с.
 112. Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века//Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Т. СXXXVII. 1963. – С. 3-30.
 113. Валишевский К. Иван Грозный. – М.: «ИКПА», 1989. – 420 с.
 114. Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел. – М.: «Икпа», 1990. – 662 с.
 115. Валлотон А. Александр I. – М.: Прогресс, 1991. – 399с.
 116. Васильев Н. Транспорт России в войне 1914-1918 гг. – М.: Гос. военн. издат., 1939. – 258 с.
 117. Вахрушева Н. А. Солдатские письма и цензорские отчеты, как исторический источник//Октябрь в Поволжье и Приуралье. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1972. – С. 67-88.
 118. Введенский Р. М. Характер помещичьей эксплуатации и бюджеты оброчных крестьян в 20-40-х годах XIX века//История СССР, 1971. № 3. – С. 44-57.
 119. Вдовина Л. Н. Право и суд//Очерки русской культуры XVIII века. Ч. II. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1987. – С. 152-185.
 120. Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 408 с.
 121. Скопин А. Ю. Введение в экономическую географию. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 272 с.
 122. Вернадский Г. В. Киевская Русь. – М.: Леан-Аграф, 2000. – 444 с.
 123. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. – М.: Леан-Аграф, 1997. – 476 с.
 124. Вернадский Г. В. Россия в средние века. – Москва-Тверь: Леан-Аграф, 1997. – 346 с.
 125. Вернадский Г. В. Московское царство. Т. 1-2. – Тверь-Москва, 1997.
 126. Верт Н. История советского государства. – М.: «Прогресс-Академия». 1995. – 543с.
 127. Веселовский В. Крестьянское движение 1902 года. М., 1923.
 128. Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. – М.: Наука, 1969. – 582 с.
 129. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 537 с.
 130. Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси. – М.: ОГИЗ, 1936. – 165 с.

-
131. Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. – М.: Изд. АН СССР, 1947. – 494с.
 132. Веселовский С. Сошное письмо. Т. 1-2. – М., 1916. – 716 с.
 133. Вильчинский Е. О. Андрей Денисьевич Винуус (Исторические материалы). – СПб, 1912. – 48 с.
 134. Виппер Р. Ю. Иван Грозный//С. Ф. Платонов. Иван Грозный (1530-1584). Випер Р. Ю. Иван Грозный. – М.: Изд. УРАО, 1998. – С. 101-211.
 135. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс 1995. – 639 с.
 136. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
 137. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука 1988.–301с.
 138. Водарский Я. Е. Количество земли и пашни на душу населения в центрально-промышленном районе в XVII-XIX вв.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. – М., 1970.- С. 237-245.
 139. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
 140. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). – М.: Просвещение, 1973. – 158 с.
 141. Водарский Я. Е. Петр I// Вопросы истории. 1993. № 6. – С. 59-79.
 142. Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.//Города феодальной России. – М.: Наука, 1966. – С. 271-296.
 143. Волков В. Ратные силы //Родина. 2004. № 12. - С. 53-56.
 144. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII в. – первая половина XVIII в. Винокуренное производство. – М.: Наука, 1979. – 336 с.
 145. Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII-XVIII вв.//Города феодальной России. М.: Наука, 1966. – С. 178-206.
 146. Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30-70-е годы). – М.: Изд. АН СССР, 1959. – 261 с.
 147. Волков М. Я., Троицкий С. М. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной силы в России в первой половине XVIII века//История СССР. 1965. №4. – С. 86-105.
 148. Волобуев О., Шелохаев В. «Великие потрясения» 1905-1907 годов в контексте российской модернизации// Свободная мысль. 2005. № 1 – С. 178-191.
 149. Володин А. В поисках революционной теории (А. И. Герцен). – М.: Госполитиздат, 1962. – 112 с.
 150. Вольф Э. Р. Крестьянские восстания//Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 294-304.
 151. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI-XVII вв.// Генезис и развитие феодализма. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1985. – С. 147-163.
 152. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986. – 198 с.
 153. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914- весна 1917 г.). – М.: РОССПЭН, 2003. – 432с.
 154. Галактионов И. В., Чистякова Е. В. Ордин-Нащокин – русский дипломат XVII века. – М.:Соцгиз, 1961.–134с.
 155. Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. – М., 1828. – 262 с.

-
156. Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. Численность, состав, положение. – М.: Наука, 1985. – 304 с.
 157. Ганелин Р. Ш. К предьстории «Кровавого воскресенья»//Новое о революции 1905-1907 гг. в России. – Л.: Изд. Ленингр. Ун-та, 1989. – С. 122-132.
 158. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. – СПб: Наука, 1991. – 222 с.
 159. Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г. в Петербурге //Вопросы истории. 1998. № 7. – 94-109.
 160. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. – М.: Наука, 1983. – 292 с.
 161. Геловани В. А., Пионтковский А. А., Юрченко В. В. О задаче управления в глобальной модели WORLD-3. – М., 1975. – 156 с.
 162. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М.: Госфиниздат, 1960. – 414 с.
 163. Гиндин И. Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение//Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. – М., 1968. – 321-356.
 164. Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности//История СССР. 1963. № 2. – С. 57-80; № 3-С. 37-60.
 165. Главацкий М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. – Екатеринбург: Изд. Уральск. ун-та, 2003. – 160с.
 166. Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев//Тайный правитель России. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. – М.: «Русская книга», 2001. – С. 6-26.
 167. Голдстоун Дж. Теории революции, революции 1989-1991 годов и траектории развития «новой» России//Вопросы экономик. 2001. № 1. – С. 117-123.
 168. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. – М.: «Кучково поле», 2001. – 435 с.
 169. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Ч. 1. Первая половина. – М., 1901. С. 146-147.
 170. Гордеев Г. С. Сельское хозяйство в войне и революции. – М.-Л.: Гос. Издат., 1925. – 205 с.
 171. Горланов Л. Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России//Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). – Владимир, 1984. С.56
 172. Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. – М.: Наука, 1977. – 363 с.
 173. Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. – М.: Наука, 1994. – 212 с.
 174. Горская Н. А. Милов Л. В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России//История СССР. 1982. № 2. – С. 66-85.
 175. Горская Н. А. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI-начале XVII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. – Рига: Изд. АН Латв. ССР, 1963. – С. 147-164.
 176. Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV-начале XVI века. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1974. – 215 с.
 177. Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1960. – 263 с.
 178. Горфункель А. Х. К вопросу об историческом значении Крестьянской войны начала XVII века//История СССР. 1962, № 4. – С. 112-118.
 179. Государственная канцелярия (1802-1902). СПб, 1902.
 180. Готрелл П. Значение великих реформ в истории экономики России//Великие реформы в России. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. – С. 106-127.

-
181. Готье Ю. А. Замосковный край в XVI веке. – М.: Соцгиз, 1937. – 410 с.
 182. Готье Ю. А. Смутное время. – М.: Гос. изд, 1921. – 149 с.
 183. Гохленер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции//Исторические записки. 1955. Т. 52. – 186-234.
 184. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. – 407 с.
 185. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. – 256 с.
 186. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста// Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 89-102.
 187. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. 2. – М.: Изд. АН СССР, 1954. – 469с.
 188. Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России//Известия ГАИМК, 1934, вып. 72. – М.-Л.: Соцгиз, 1934. – 160 с.
 189. Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома//Летопись занятий Археографической комиссии за 1923-25 годы. Вып. 33. – Л., 1926. – С. 201-362
 190. Греков Б. И. Шацилло К. Ф. Динамика социально-политической напряженности в России в 1895-1913 гг. Опыт политического анализа//Россия и США на рубеже XIX-XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1992. – С. 17-40.
 191. Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. – Волгоград: «Учитель», 2000. -367с.
 192. Гринцберг Л. И. Фридрих II// Вопросы истории. 1988. № 11. – С. 98-118.
 193. Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881-1884 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. – М.: Русский путь, 2000. – 240 с.;
 194. Гуннар А. Карл XII и его армия //Царь Петр и король Карл. – М.: «Текст», 1999. – С. 156-174.
 195. Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. – М.: ОГИЗ, 1941. – 209 с.
 196. Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899-1907 гг. М., 1971.
 197. Гуц А. К. Глобальная этносоциология. – Омск: Омский гос.ун-т, 1997. – 212с.
 198. Давыдов М. А. К вопросу о "голодном экспорте" хлеба из России// Экономическая история. Ежегодник. 2004. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 243- 286.
 199. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. – М.: Наука, 1975. – 349 с.
 200. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.: Наука, 1977. – 318с.
 201. Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России// Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 310-323.
 202. Данилов В. П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года//Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. – Вологда, 1992. – С. 53-64.
 203. Данилова Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1970. – С. 130-140.
 204. Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле. – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 440 с.
 205. Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. – М.: Наука, 1994. – 316 с.

-
206. Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянский менталитет и община//Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) М.: РОССПЭН, 1996. – 22-38.
 207. Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV-XVII веках. Очерк сельского расселения. Л.: Изд. Ленинг. ун-та, 1980. – 176 с.
 208. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – 227 с.
 209. Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. – М., 1994. – 157 с.
 210. Демографический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1985. – 606 с.
 211. Джолл Д. Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 413с.
 212. Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI-XVII вв. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2003. – 346с.
 213. Дмитриева З. В. Земельные наделы монастырских крестьян Белозерского уезда в XVI-XVII вв.// Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. – Киров, 1979. – С. 58-61.
 214. Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы. XVI-XVII. – М., 1910. – 95 с.
 215. Дорошенко В. В. Действие «революции цен» в Восточной Прибалтике в XVI в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. – Рига: Изд. Латв. ССР, 1963. – С. 114-125.
 216. Дорошенко В. В. К итогам изучения товарного производства в барщиннокрепостном хозяйстве Прибалтики XVI-XVIII вв.//Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). – Кишинев, 1976. – С. 146-154.
 217. Дракохруст Е. И. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в.//Исторические записки. 1938. Т. 4. – С. 1113-140.
 218. Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л.: Прибой, 1930. – 128 с.
 219. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. – 632 с.
 220. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. – М.: Наука, 1978. – 287с.
 221. Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. – М.: изд. АН СССР, 1956. – 167 с.
 222. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М: Наука, 1975. – 395с.
 223. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 599 с.
 224. Дьячков В. А. Деревня, город, государство и российские революции// Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. –Тамбов: Изд. ТГУ, 2007. – С. 43-51.
 225. Дьячков В. А., Есиков С. А. Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения)// Менталитет и аграрное развитие России. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 146-166.
 226. Дьячков В. А., Протасов А. Л. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия// Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). – СПб: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 58-67.
 227. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. – М.: Наука, 1978. – 245 с.

-
228. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914-1917. – Л.: Наука, 1967. – 371 с.
 229. Егиззарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. – М.: Изд. АН СССР 1959. – 191 с.
 230. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. I. – СПб, 1909. – 599 с.
 231. Ерофеев Н. Д. Уровень жизни населения России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 1. – С. 54-69.
 232. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. III. – М.: Прогресс, 1979. – 552с.
 233. Зайончковский А. Мировая война 1914-1918 гг. Т. II. – М.: Гос. военн. издат, 1938. – 287 с.
 234. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1879-1880-х годов. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1964. – 509 с.
 235. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. – М.: Просвещение, 1968. – 366 с.
 236. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
 237. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. – М.: Мысль, 1973. – 349 с.
 238. Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века// О первоначальном накоплении в России. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 144-188.
 239. Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. – М.: Гос. соц.-экон. изд, 1937. – 306 с.
 240. Заозерский А. Царская вотчина в XVII веке. – М.: Гос. соц.-эк. изд, 1937. – 306.
 241. Запартый В. В. Черная металлургия Урала. XII-XX вв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. – 496 с.
 242. Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1998. – 287 с.
 243. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
 244. Захарова А. Г. Самодержавие и реформы в России// Великие реформы в России. М.: Изд. Московского ун-та, 1992. – 24-44.
 245. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. – М., 1984.
 246. Земцов Л. И. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземного района на рубеже XIX-XX веков// Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 48-57.
 247. Зимин А. А. Всадник на распутье. Феодалная война в России XV века. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
 248. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 434 с.
 249. Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве // Исторические записки. 1974. Т. 94. – С. 271-300.
 250. Зимин А. А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории, 1958, № 3.
 251. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. – М.: Изд. соц.-экон. лит., 1960. – 510с
 252. Зимин А. А. Россия на пороге Нового Времени. – М. Наука, 1972. – 451 с.
 253. Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. – М.: Мысль, 1982. – 331 с.
 254. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV века. – М.: Наука, 1988. – 347 с.
 255. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. – М.: Наука, 1982. – 184 с.

-
256. Зубков К. И. Советский коммунистический эксперимент в контексте социальной революции XX века // Социальные трансформации в российской истории. – Екатеринбург-Москва: Академкнига, 2004. – С. 236-246.
 257. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
 258. Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. – М.: Мысль, 1976. – 184 с.
 259. Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического изучения. – М.: Высшая школа, 1981. – 295 с.
 260. Ивина А. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV-первой половины XV в. – М.: Наука, 1979. – 221 с.
 261. Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. – Л.: Наука, 1985. – 273 с.
 262. Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. – Л.: Мысль, 1925. – 405 с.
 263. Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. – М.: Наука, 1974. – 439 с.
 264. Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации)// Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). – СПб: Дмитрий Буланин, 1999. С. 160-170.
 265. Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. – С. 192-223.
 266. Иловайский Д. И. Отец Петра Великого. – М.: «Чарли», 1996. – 622 с.
 267. Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. – М.: Наука, 1964. – 350 с.
 268. Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 199 с.
 269. Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII-XVIII в.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. – М., 1970. – С. 141-163.
 270. Инструкция А. Т. Болотова управителям и приказчикам имений// Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). – М., 1990. – С. 92-189.
 271. Искандеров А. А. Закат империи. – М.: Редакция журнала «Вопросы истории», 2001. – 656 с.
 272. История Венгрии. Т. II. – М.: Наука, 1973. – 590 с.
 273. История крестьянства в Европе. Т. II. – М.: Наука, 1986. – 693 с.
 274. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. III. – М.: Наука, 1993. – 665 с.
 275. История крестьянства Северо-Запада России. – СПб.: Наука, 1994. – 331 с.
 276. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2. – М.: Наука, 1990. – 615 с.
 277. История России. XX век. – М.: АСТ, 1996. – 607 с.
 278. История России с древнейших времен до конца XVII века. – М.: АСТ, 1996. – 575 с.
 279. История России с начала XVIII века до конца XIX века. – М.: АСТ, 1996. – 543 с.
 280. История советского крестьянства. Т. 3. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
 281. История человечества. Т. VIII. Россия. – М.: Магистр-пресс, 2003. – 756 с.
 282. История Швеции. – М.: Наука, 1974. – 719 с.
 283. История Эстонской ССР. – Таллин: Эст. гос. изд., 1958. – 748 с.

-
284. Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке//Вопросы истории. 1993. № 2. – С. 34-46.
 285. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII- первой половине XIX в. – М.: Наука, 1971. – 188 с.
 286. Кабузан В. М. Крепостное крестьянство в XVIII-50-х гг. XIX в. Численность, состав и размещение // История СССР. 1982. № 3. – С. 67-85.
 287. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 229 с.
 288. Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII – 50-х годах XIX века (численность, размещение, этнический состав). – СПб: БЛИЦ, 2001. – 266с.
 289. Кабузан В. М. Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1858 гг.//История СССР, 1971. № 4. – С. 153-169.
 290. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1851 гг.// История СССР.1971. №4. – С. 153-169.
 291. Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. – Куйбышев: Изд. Саратовского ун-та, Куйбышевский филиал, 1990. – 145 с.
 292. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М.: Мысль, 1988. – 238 с.
 293. Казанское сказание//Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. – М.: Наука, 1969. – С. 203-233.
 294. Казарезов В. В. Крестьянский вопрос в России (конец XIX – первая четверть XX в.). Т. 1. – М.: Колос, 2000. – 472 с.
 295. Казеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов-на Дону: «Феникс», 1997. – 475 с.
 296. Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1954. –17с
 297. Калинычев Ф. И. Русское войско во второй половине XVII века//Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР. 1954. Вып. 2. С.81-82.
 298. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2001. – 575 с.
 299. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. – М.: Рос. гос. гум. ун-т., 1999. – 575 с.
 300. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. – М.: Высшая школа, 1965. – 255 с.
 301. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. – М., РОССПЭН, 2001. – 543 с.
 302. Кампфмейстер П. Юнкерство и крестьяне (помещики и крестьяне в Пруссии). Одесса, 1905. – 31 с.
 303. Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М.: Учпедгиз, 1948. – 232 с.
 304. Кан С. Б. Немецкая историография революции 1848-1849 гг. в Германии. М. : Изд. АН СССР, 1962. – 287 с.
 305. Канищев В. В. Выходцы из провинциальных городов в политической элите России первой четверти XX века//Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX вв. Тамбов, 2001. – С. 35-42.
 306. Канищев В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. –С. 513-530.
 307. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев подсад, 1909. – 523 с.

-
308. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. 1. – М.: Алгоритм, 2002. – 637с.
 309. Карелин А. Е. 9 января и Гапон//Красная летопись. 1922. – 106-119.
 310. Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860-1914 г.) – М.: Изд. АН СССР, 1951. – 214 с.
 311. Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М.: Мысль, 1979. – 211 с.
 312. Карпачев М. Д. Истоки российской революции. Легенды и реальность. – М.: Мысль, 1991. – 269 с.
 313. Катков Г. М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. – 431 с.
 314. Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII века. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 353 с.
 315. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. – М: Моск. науч. изд., 1918. – 267с.
 316. Кашинцев Д. История металлургии Урала. Т. I. – М.: ГОНТИ, 1939. – 292 с.
 317. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV-начала XVI века. – М.: Наука, 1967. – 391 с.
 318. Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. – М.: Наука, 1988. – 247 с.
 319. Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного// История СССР. 1963. № 2. – С. 96-117.
 320. Кирова К. Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805-1872). М.: Наука, 1981. – 183 с.
 321. Кирова К. Э. Заговорщики и народ. М.: Наука, 1991. – 158 с.
 322. Кирьянов А. А. История земледелия Новгородской земли X-XV вв. (по археологическим материалам // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. – С. 306-361.
 323. Кирьянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914-февраль 1917 г.)// Отечественная история. 1993. № 3. – С. 3-18.
 324. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.). – М.: Наука, 1973. – 146 с.
 325. Кирьянов Ю. И., Бородкин Л. И. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX – начале XX вв.//Россия и США на рубеже XIX – XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1992. – С. 40-48.
 326. Кирюхина Е. И. Всероссийский крестьянский съезд в 1905 г.//Исторические записки. 1955. Т. 50. – С. 95-141.
 327. Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. – Л.: Наука, 1985. – 383 с.
 328. Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг. – Л.: Наука, 1978. – 287 с.
 329. Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главных пищевых продуктов. М., 1920. – 52 с.
 330. Ключевский В. Курс русской истории. Т. I-V. – М.: Гос. соц.-эк. изд., 1937.
 331. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. – М.: Синодальная тип., 1902. – 547 с.
 332. Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси//Сочинения. Т. VIII. – М.: Изд. соц.-экон. лит., 1959. – С. 5-112.
 333. Кнапп Г. Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. – СПб, 1900. – 272 с.
 334. Княжинская Л. А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. – М.: Статистика, 1980. – 192 с.
 335. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). – М.: Мысль, 1985. – 277 с.
 336. Кобрин В. Б. Иван Грозный. – М.: Московский рабочий, 1989. – 173 с.
 337. Кобрин В. Б. Становление поместной системы //Исторические записки. 1980. Т. 105. – С. 150-195.

-
338. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси// История СССР. 1991. № 4. – С. 54-64.
 339. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 439с.
 340. Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России и революционный процесс//Реформы или революция? Россия 1861-1917. – СПб.: Наука, 1992. – С. 246-263.
 341. Ковальченко И. Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства в России в первой половине XIX века//История СССР. 1959. №1. – С.53-86.
 342. Ковальченко И. Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – С. 192-227.
 343. Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1959. – 275 с.
 344. Ковальченко И. Д. Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII-начало XX века. Опыт количественного анализа. – М.: Наука, 1974. – 412 с.
 345. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. – 399 с.
 346. Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве капиталистической России//Проблемы социально-экономической истории России. – М.: Наука, 1971. – С. 171-195.
 347. Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России//Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1991. – С. 18-47.
 348. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII-начало XX века. – М.: Наука, 1974. – 412 с.
 349. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века//История СССР. 1966. № 4. – С. 55-80.
 350. Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1988. – 223 с.
 351. Коган Э. С. Очерки истории крепостного крестьянства по материалам вотчин Куракиных 2-й половины XVIII века//Труды ГИМ. 1960. Вып. 35. – 127 с.
 352. Кожин В. Черносотенцы и Революция. – М., 1998. – 228с.
 353. Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII века//Исторические записки. 1973.Т. 91. – С. 267-337.
 354. Козинцева Р. Н. Русский экспорт сельскохозяйственной продукции в первой половине XVIII века//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник. IX. М., 1980. – С. 233-254.
 355. Кола Д. Политическая социология. – М.: Весь мир, 2001. – 406 с.
 356. Колесников С. П. Северная деревня в XV- второй половине XIX века. Вологда: Сев.-зап. книж. изд., 1976. – 415 с.
 357. Коллман Н. Боярские роды и их отношения при дворе: образование политической системы русского государства//Американская русистика: веки последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара: Изд. Самарского ун-та, 2001. – С. 172-202.
 358. Коломиец А. Г. Финансы Российской империи в последние годы правления Александра I //Финансы. 1999. № 8. – С. 62-64.
 359. Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). – М.: РОССПЭН, 2001. – 190с.
 360. Колосов Е. Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века//Исторические записки, 1962. Т. 71. – С. 259-270.

-
361. Кольчева Е. И. Аграрный строй России XVI века. – М.: Наука, 1987. – 229 с.
 362. Кольчева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV- XVI в.). – М.: Наука, 1971. – 255 с.
 363. Комиссаренко А. И Основные параметры кризиса крепостного хозяйства в аграрной сфере России в середине XIX века // <http://liber.rsu.ru/Conf/Russia/komisarenko.htm>
 364. Комлос Дж. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 428-440.
 365. Кондратенков А. Л. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края в XVII-XVIII веках//Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI-первая половина XIX в.) – Смоленск, 1982. – 39-55.
 366. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М: Наука, 1991. – 487 с.
 367. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете//Менталитет и аграрное развитие России. М.: РОССПЭН, 1994. – С. 115-123.
 368. Конецкий В. Я. К истории сельского расселения и хозяйства в долине реки Ловать в эпоху средневековья // Новгород и новгородская земля. – Новгород, 1992. – С. 38-44.
 369. Кони Ф. История Фридриха Великого. – М.: Алгоритм, 1997. – 503 с.
 370. Коновалов А. А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания// Советская археология. 1966. № 2. – С. 61-74.
 371. Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1951. – 255 с.
 372. Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. – Л.: «Наука», 1978. – 244 с.
 373. Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в.// Исторические записки. 1959. Т. 64. – С. 233-254.
 374. Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Б. Очерки истории СССР. Конец XV-начало XVII вв. – Л.: Гос. уч.-пед. изд., 1957. – 253 с.
 375. Копелевич Ю. X. Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII в. М.: «Наука», 1974. – 265.
 376. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. - М.: Наука, 1979. – 303 с.
 377. Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX века в России//Вопросы истории. 1980. № 10. – С. 4-24.
 378. Корневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. – М.: Госстатиздат, 1954. – 155 с.
 379. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. – М: Наука, 1970. – 367 с.
 380. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. – М.: Наука, 1975. – 389 с.
 381. Корнилов Г. Е. Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века//History of the Russian Peasantry in the 20th Century. Vol. 1. – Токуо, 2002. – Р. 33-54.
 382. Кортаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классовобразования и политогенеза.// Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. – М., 1991. – с.136-191.
 383. Кортаев А. В. Объективные социологические законы и субъективный фактор//Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. – С. 305-311.

-
384. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. – М.: КомКнига, 2005. – 344с.
 385. Корчагова М. Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе// Отечественная история 1994. № 4/5. – С. 205-216.
 386. Костомаров Н. И. Самодержавный отрок// Костомаров Н. И. Раскол. – М.: «Чарли», 1994. – С. 529-605.
 387. Костомаров Н. И. Екатерина Алексеевна, первая русская императрица// Костомаров Н. И. Раскол. – М.: «Чарли», 1994. – С. 469-528.
 388. Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования русского централизованного государства. – М.: Наука, 1965. – 461 с.
 389. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л.: Наука, 1984. – 663с.
 390. Кристенсен С. О. История России XVIII в. Обзор исследований и источников. – М.: Прогресс, 1989. – 254с.
 391. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900-1914 г. – Л.: Наука, 1976. – 299 с.
 392. Крутиков В. И Об изменении размеров наделов помещичьих крестьян в первой половине XIX века// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. – Киев, 1973.
 393. Крутиков В. И. Изменения численности и социального состава населения Тульской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в//Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. – Смоленск, 1979. – С. 123-129.
 394. Крутиков В. И. К вопросу о положении помещичьих крестьян в период кризиса крепостничества (зadolженность помещичьих имений Тульской губернии накануне реформы 1861 года)// Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). – Владимир, 1984. – С. 119-127.
 395. Ксенофонтов И. Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. – М.: РОССПЭН, 1996. – 308 с.
 396. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. Т.1. – М.: Мир, 1925. – 138 с.
 397. Кульпин Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. – М.: Московский лицей, 1999. – 272 с.
 398. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. – М.: Наука, 1990. – 247 с.
 399. Кульпин Э.С., Пантин В. И. Решающий опыт. – М.: Московский лицей, 1993. – 102 с.
 400. Кульпин Э.С. Путь России. Кн. 1. Первый социально-экологический кризис. – М.: Московский лицей, 1995. – 200 с.
 401. Курсков Ю. В. Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40-60-х годов XVII века. – Чита, 1973–159с
 402. Лаврычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1900. – М.: Мысль, 1974. – 251 с.
 403. Лавров А. С. Кабацкая реформа Никона//Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. – С. 16-19.
 404. Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. – М.: Археографический центр, 1999. – 298 с.
 405. Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. – М.: Мысль, 1975. – 382 с.
 406. Ле Руа Ладори Э. История климата с 1000 года. – Л. Гидрометеоздат, 1971. – 280 с.

-
407. Лебедев В. В. Проблема выхода из войны и кризис самодержавия //1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. – С. 45-58.
408. Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. – М.: Мысль, 1990. – 222 с.
409. Лейбович О. Л. Реформы 1953 – 1964 гг. в контексте отечественной модернизации. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1995. – 283 с.
410. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М.: Мысль, 1971. – 366 с.
411. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. – М.: Мысль, 1981. – 284 с.
412. Лекомцев М. Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития России в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Россия и США на рубеже XIX – XX вв. – М. Наука, 1992. – С. 142-154.
413. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. – М.: Изд. полит. лит., 1986.–610с.
414. Лебедев В. Э. Русская Смута: историческая динамика и последствия. – Екатеринбург, 1993. – 64 с.
415. Леонов М. И. Численность и состав партии эсеров в 1905 и 1907 гг.// Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. – М. 1987.- С. 49-95.
416. Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698-1801.- М.: «АСТ», 1995. – 296 с.
417. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1702-1914. – М.: «Русское слово», 1995. – 548 с.
418. Лиги Х. М. Закрепощение крестьян в Эстонии// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. – Рига: Изд. АН ЛССР, 1963. – С. 126-134.
419. Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. – М.: Наука, 1967.–127с.
420. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – 301. с.
421. Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861-1895 гг. – М.: Наука, 1972. – 423с.
422. Лобанова В. В. Рабочее население монастырской вотчины XVI-начала XVII веках в Тверском крае (по материалам вотчин Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря)//Вопросы историографии и истории крестьянства. Калинин, 1975. – С. 3-27.
423. Лобанова Е. В. Предпринимательское поведение крупного землевладельца XVII века (на материалах вотчинного архива боярина боярина Б. И. Морозова)//Экономическая история. Ежегодник. 2002. – С. 7-24.
424. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. – СПб, 1901. – 309 с.
425. Лотман Ю. М. В. И. Ленин об идеологической сущности движения декабристов//Ученые записки Тартуского го. ун-та. 1970. Вып. 251. – С. 3-7.
426. Лохтева Г. Н. Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве половников Троицко-Гледенского монастыря Поморья в XVII в.// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. – Минск, 1964. – С. 193-201.
427. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: Плановое хозяйство, 1926. – 124с.
428. Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР//Сельское хозяйство на путях восстановления. – М., 1925. – С. 338-367.
429. Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. – М.-Л.: Изд. АН ССР, 1957. – 187 с.

-
430. Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. – СПб: «Дмитрий Буланин», 1994. – 238 с.
431. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. – 526 с.
432. Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. – Л.: Наука, 1988. – 160 с.
433. Любимов Д. Н. Гапон и 9 января//Вопросы истории. 1965. № 8. – С. 123-130.
434. Ляпин В. «Сибирского железа пушкики...»//Уральский следопыт. 1994, № 9. – С. 10-13.
435. Ляхов М. Е. Климатические экстремумы в центральной части европейской территории СССР в XIII-XX вв.//Известия АН СССР. Серия географическая. 1984. № 4. – С. 68-74.
436. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. – М.: Госполитиздат, 1956. – 647 с.
437. Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке//Исторические записки. 1945. Т. 15. – С. 95-127.
438. Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. I. – Л. : “Прибой”, 1924. – 278 с.
439. Лященко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. – М.: Изд. Коммунист. академии, 1927. – 374 с.
440. Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. – М.: Учпедгиз, 1956. – 263 с.
441. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М.: «Новое литературное обозрение», 2002. – 973 с.
442. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Дело, 2003. – 285с.
443. Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – 586с.
444. Малков С.Ю., Коссе Ю.В., Бакулин В.Н., Сергеев А.В. Социально-экономическая и демографическая динамика в аграрных обществах // Математическое моделирование. 2002. Т. 14. № 9. – С. 103-108
445. Малов А. Рождение регулярной армии// Независимое военное обозрение. 20.07.2001.
446. Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. – М.: Наука, 1991. – 238 с.
447. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения//Антология экономической классики. Т. 2. – М.: «Эконом», 1993. С. 22. – С. 5-136.
448. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962. – 421 с.
449. Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. – Л.: Наука, 1980. – 269 с.
450. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1951. – 271 с.
451. Марасинова Е. И. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века.- М.: РОССПЭН, 1999. – 300 с.
452. Марасинова Е. Н. Вотчинник или помещик? (Эпистолярные источники о социальной психологии российских феодалов второй половины XVIII века)//Менталитет и аграрное развитие России(XIX-XX вв.) – М.: Росспэн, 1996. – С. 135 -145.
453. Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. I. – СПб, 1897. – С. 1-96.
454. Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. – СПб.: Полигон, 1994. – 535 с.

-
455. Маркин А. С. Война и миф//<http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Markin1/index.html>
456. Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. – Свердловск: ОГИЗ. Свердлов. обл. гос. изд-во, 1948. – 148 с.
457. Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. – Сыктывкар, 1998. – 671 с.
458. Медушевский А. И. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. – М.: Текст, 1994. – 318 с.
459. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устья Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 715 с.
460. Мецаряков А. Н. Ранняя история Японского архипелага как социоестественный и информационный процесс //Лик сфинкса. – М.: Московский лицей, 1995. – С. 73-92.
461. Миллер Д. Монументальное строительство как показатель тенденций экономического развития Северной Руси в поздний Киевский и монгольский периоды// Американская русистика: веки последних лет. Период Киевской и Московской Руси. – Самара: Изд. Самарского ун-та, 2001. – С. 98-142.
462. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 572 с.
463. Милов Л. В. Из истории производительности труда в земледелии России//Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории России. – Вильнюс, 1963. С. 130-134.
464. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному Межеванию. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1965. 309 с.
465. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса// Вопросы истории. 1992. № 4-5. – С. 37-56.
466. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства //Общественные науки и современность. 1995. №1. – С. 76-87.
467. Милкоков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. – СПб., 1905. – 678 с.
468. Милкоков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. – 183 с.
469. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. – Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1982. – 289 с.
470. Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. – М.: Советская Россия, 1971. – 141 с.
471. Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М.: Наука, 1967. – 930с.
472. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М.: Наука, 1989. – 238 с.
473. Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатый, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. – С. 30-43.
474. Миронов Б. Н. Бремя величия//Родина. 2001, № 9. – С. 32-36.
475. Миронов Б. Н. Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века//Родина. 2003. № 8. – С. 15-19.
476. Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л.: Наука, 1990. – 272 с.
477. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XIX в.). Т. 1-2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

-
478. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). – Л.: Наука, 1985. – 301 с.
479. Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII-начале XIX века//Исторические записки. 1974. Т. 93. – С. 149-188.
480. Миронов Б. Н. Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке // Отечественная история. 2004. № 6. – С. 17-30.
481. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.: ИФРАН, 1994. – 250 с.
482. Морозов Б. Н. Частная переписка семьи Лесли и внешняя политика России в середине XVII века// Молодые обществоведы Москвы – ленинскому юбилею. – М.: Наука, 1982. – С. 110-112.
483. Морозов С. О. Центральная Россия в 1897-1917 гг.: проблемы демографического развития. – Пенза: ПГАСА, 2001. – 227с.
484. Морозова Л. Е. Василий Иванович Шуйский//Вопросы истории. 2000.№ 10. – С. 72-97.
485. Мортон А. А. История Англии. – М.: Изд. иностр. лит., 1950. – 462 с.
486. Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения. 1770-1920. – М.: Изд. иностр. Лит., 1959. 420 с.
487. Мотревич В. П. Экономическая история России. – Екатеринбург: Изд. Гуманит. Ун-та, 2004. – 711 с.
488. Мур Б. Революции угнетенных: свидетельство защиты// Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. – С. 308-309.
489. Мыльников А. С. Искушение чудом: «русский принц, его прототипы и двойники-самозванцы. – Л.: Наука, 1991. – 266 с.
490. Думова Н. Г., Шацилло К. Ф. Либералы и революция (тезисы доклада)// Реформы или Революция? Россия 1861-1917. Материалы Международного Коллоквиума Историков. – СПб.: «Наука», 1992. – С. 172-174.
491. Назаров В. Д. Опричнина в контексте современной историографической ситуации (заметки и размышления)//Спорные вопросы отечественной истории XI-XVII веков. Ч. 2. – М., 1990. – С. 192-198.
492. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. I. 1900-1939. – М.: РОССПЭН, 2000. – 459 с.
493. Нефедов С. А. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века //Отечественная история. 2003. №5. - С. 63-72.
494. Нефедов С. А. О экономических предпосылках русской революции// Общественные науки и современность. 2005. №3. – С. 83-96.
495. Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние //Вопросы истории. 2002. № 11. - С. 30-53.
496. Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века// Вопросы истории. 2004. № 4. С. 22-52.
497. Нефедов С. А. О демографических циклах в истории средневековой Руси // Клио. 2002. № 3. - С. 193-203.
498. Нефедов С. А. Уровень налогов, оброков и барщины в России XVIII века // Клио. 2004. № 1. - С. 99-108.
499. Нефедов С. А. О законах истории и математических моделях// Известия Уральского государственного университета. 2000. № 15. - С. 15-23.
500. Нефедов С. А. Метод демографических циклов// Уральский исторический вестник. 2001. №7. - С. 93-107.
501. Нефедов С. А. Опыт моделирования демографического цикла// Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 29. - С. 131-142
502. Нефедов С. А. О теории демографических циклов// Экономическая история. Обзорные. 2002. Вып. 8. - С. 116-121

-
503. Нефедов С. А. О цене петровских реформ// Парадигмы исторического образования в контексте социального развития - Екатеринбург, 2003. - С. 143-152.
504. Нефедов С. А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока//Восток - Oriens. 2003. № 3. - С.5-22
505. Нефедов С. А. О теории демографических циклов//Круг идей. М. 2003. - С. 490-506.
506. Нефедов С. А. Уровень жизни в России XVII века //Уральский исторический вестник. 2003. №9. - С. 17-31.
507. Нефедов С. А. Об уровне жизни крестьян и динамике населения в связи с динамикой сбора хлебов, оброков и барщины в 1800-1860 годах //Экономическая история. Обозрение. 2005. Вып. 12.
508. Нефедов С. А., Даннинг Ч. К новой интерпретации социально-экономических предпосылок Смутного времени// Социальные трансформации в российской истории. - Екатеринбург- Москва: Академкнига, 2004. – С. 298-317.
509. Неттлау М. Очерки по истории анархических идей// <http://www.avtonom.org/lib/theory/nettlaui/history.html>.
510. Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской части России в конце XVIII- начале XIX веков. – М.: «Наука»,1987. – 287 с.
511. Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. – М., 1893. – 302 с.
512. Никольский Р. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство второй четверти XVII века (1397-1625). Т.1. Вып. 2. – СПб., 1910.
513. Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1974. – 316 с.
514. Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. – М.: Учпедгиз, 1949. – 315с.
515. Новосельский А. Л. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века//Исторические записки, 1945. Т. 16. – С. 40-49.
516. Носевич В. Л. Демографический рост в белорусской деревне второй половины XIX – начала XX века: причины и последствия// [http:// letopis.nm.ru/since/conference/ CONFERENCE/ programm.htm](http://letopis.nm.ru/since/conference/CONFERENCE/programm.htm).
517. Оболенский Г. Л. Император Павел I. – Смоленск: «Русич», 1996. – 398 с.
518. Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг. //Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. – М.-Л., 1927. – С. 1-160..
519. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и ее аграрная политика. – Саратов, 1914. – 334 с.
520. Огановский Н. П. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. – М., 1914. С. 46.
521. Огризко З. А. Из истории крестьянства на севере феодальной России XVII в. – М.: Советская Россия, 1968. – 162 с.
522. Окунь С. Б. История СССР. Т. 1-2. – Л.: Изд. Ленигр. Ун-та, 1974.
523. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – М.: Терра, 1992. – 640с.
524. Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. – М.: Мысль, 1975. – 190с.
525. Орлов П. В. Пришлые рабочие в Москве в XVII веке. – Киев, 1912. – 24 с.
526. Островский А. В. О Региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862-1914)//Проблемы исторической географии России. Вып. II. – М., 1982. – С. 171-188.
527. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980- гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 432 с.

-
528. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. – М.: Советский писатель, 1990. – 253 с.
529. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 1028 с.
530. Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 814 с.
531. Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1977. – 386 с.
532. Очерки русской культуры. Т. 1. – М.: Наука, 1969. – 477 с.
533. Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России. – М.: Наука, 1964. – С. 389-427.
534. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605). – СПб.: Наука, 1992. – 279 с.
535. Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапо-не // Минувшие годы. 1908. № 4. – С. 77-107.
536. Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в Рос-сии // История СССР. 1968. № 4. – С. 71-92.
537. Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. Т. II. – СПб., 1910. – 401 с.
538. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Ве-ликого. - СПб., 1897. – 185 С.
539. Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. – СПб.: Новый мир, 1906. – 305с.
540. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1-2. М.: РОССПЭН, 1994.
541. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
542. Панеях В. М. Закрепощение крестьян в XVII веке: новые материалы, концеп-ции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого) // История СССР. 1973. №1. – С. 157-165.
543. Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 490 с.
544. Панова Т., Пажемский Д. Отравили! // Родина. 2004. № 12. – С. 26-31.
545. Пантин В. И. Циклы и ритмы истории. – Рязань: Аракс, 1996.- 157 с.
546. Пантин Е. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783-1883 гг. – М.: Мысль, 1986. – 343 с.
547. Первая российская революция 1905-1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. - М.: ИНИОН, 1991. – 243с.
548. Пенской В. В. Военная революция в Европе XVI-XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. №2. С. 194-206.
549. Перковский А. Л. Кризис демографического воспроизводства крестьянства Рос-сии в первой половине XIX столетия // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. – М.: Статистика, 1977. – С. 167-190.
550. Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. I. – М.: Наука, 1966. – 489 с.
551. Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII века. – Л.: Наука, 1967. – 228 с.
552. Петров В. А. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI века // Вопрос экономики и классовых отношений в Русском государстве XII-XVII веков. – М.-Л., 1960. – С. 129-171.
553. Петрухинцев Н. Н. Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в. // Вопросы истории. 2004. № 7. – С. 3-40.
554. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриво-литического курса и судьбы армии и флота. 1730-1735 гг. – Спб.: «Алетейя», 2001. – 349 с.
555. Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. – М.: Соцгиз, 1937. – 487 с.
556. Пешехонов А. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях // Русское богат-ство. 1896. № 8. Отд. I. – С. 173-195.

-
557. Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Белицкий Л. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1958. – 390 с.
558. Пирлинг, Дмитрий Самозванец. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 476 с.
559. Платонов О. Терновый венец России. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. – 816 с.
560. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. – М.: «Памятники исторической мысли», 1995. – 469 с.
561. Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках. – Л.: Сеятель, 1925. – 150 с.
562. Платонов С. Ф. Иван Грозный. // Платонов С. Ф. Иван Грозный. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. – М.: Изд. УРАО, 1998. – С. 17-100
563. Плотинский Ю. М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. – 130с
564. Побережников И. В. Социальное изменение в теоретических проекциях//Уральский исторический вестник. 2001. № 7. – С. 57-92.
565. Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции. // Проблемы истории России. Вып. 4. – Екатеринбург, 2001.
566. Побережников И.В. Модернизация: теоретические и методологические проблемы // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. – М., 2001. – С. 163-169.
567. Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. Репринтное издание. – Рязань, 1995. – 450 с.
568. Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. – М.: Госфиниздат, 1954. – 266 с.
569. Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. – М.: Финансы, 1968. – 167с.
570. Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны//Исторические записки. 1950. Т. 31. – С. 37-60.
571. Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. – М.: Высшая школа, 1976. – 151 с.
572. Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн.1 – М.: Мысль, 1966. – 725 с.
573. Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. – М.: «Международная книга», 1947. – 403 с.
574. Политические партии России. Конец XIX – начало XX века. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800с.
575. Поляков Л. Российская модернизация: социо-психоаналитический подход // Коллаж. – М., 1997. – С. 55-75
576. Попов И. П. Тверское выступление 1862 года и его место в событиях революционной ситуации//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. – М.: Наука, 1974. – С. 262-264
577. Попов П. Хлебофуражный баланс. 1840-1924.//Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. – С. 1-50.
578. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914-март 1918 г.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – 414 с.
579. Постников С. П. Эпоха Петровских преобразований (первая четверть XVIII века) //Многоконцептуальная история России. Кн. I. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – С. 196-214.
580. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1957. – 456 с.
581. Привалова Т. В. Питание русского крестьянства на рубеже веков// Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. – М., 1997. – С. 128-146.
582. Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. – СПб., 1909. – 43 с.

-
583. Прокопович С. Н. Народный доход западноевропейских стран. – М.-Л., 1930.
584. Прокофьева Л. С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. – Л., 1967. – С. 98-113.
585. Прокофьева Л. С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопросы аграрной истории. – Вологда: ВГПИ, 1968. – С. 345-354.
586. Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVIII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1959. – 177 с.
587. Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века. (по материалам вотчин Шереметьевых). – Л.: Наука, 1981. – 214 с.
588. Проскурякова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1973. № 1. – С. 55-75.
589. Проскурякова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. – С. 153-165.
590. Прочко И. С. История развития артиллерии. – СПб.: «Полигон», 1994. – 495 с.
591. Прохоров М. Ф., Федулин А. А. Помещичьи крестьяне России в середине XVIII века. – М.: Прометей, 2003. – 286 с.
592. Прусаков Д. Б. Природа и человек в Древнем Египте. – М.: Московский лицей, 1999. – 240 с.
593. Прядин В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования (историографический анализ). Автореф. дисс... докт. Ист. наук. – Екатеринбург, 1996. – 39 с.
594. Пузыревский. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. – Спб., 1889. – 347 с.
595. Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция. 1917 г. в России. – М.: Наука, 1982. – 319 с.
596. Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М.: Наука, 1975. – 387 с.
597. Пылин А. Н. Общественное движение в России. При Александре I. – СПб.: Академический проект, 2001. – 557 с.
598. Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. – М.: Наука, 1973. – С. 132-176.
599. Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. – Лондон: Овесиа Пабликэйшн Интерчайндж, 1990. – 304 с.
600. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII-XVIII веков: Попытки сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. – Самара: «Самарский ун-т», 2000. – С. 48-79.
601. Разин Е. А. История военного искусства. Т. 2. – СПб.: «Омега-Полигон», 1994. – 650 с.
602. Ракитов А. И. Философские проблемы науки. Системный подход. – М.: Мысль, 1977. – 268 с.
603. Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826-1857 гг. – М.: Наука, 1990. – 303 с.
604. Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. – М.: Изд. политех. лит., 1982. – 303 с.
605. Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. – С.
606. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. – М.: Госстатиздат, 1956. – 351 с.

-
607. Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство//Вестник права. 1902. Т. XXXII. № 9-10. – С. 1-128.
608. Рейтерн М. X. Биографический очерк. СПб, 1910.
609. Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ// Великие реформы в России 1856-1874. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. – С. 44-72.
610. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения//Рикардо. Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.
611. Роголина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начале XX века//Вопросы истории. 2004. № 7. – С. 10-22.
612. Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР в 1917-1930 гг. – М.: Наука, 1973. – 382 с.
613. Рождественский С. В. Соборное уложение 1649 года//Три века. Т. 1. М., 1912. – С. 184-199.
614. Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. – Петр.: Изд.О. Боглановой, 1923. – 154 с.
615. Розенталь В. Н. Нарастание кризиса верхов в середине 50-х годов XIX века//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. – М.: Наука, 1962. – С. 40-60.
616. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – 655с.
617. Романовский-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. – Киев, 1912.
618. Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. – М.: Наука, 1976–385с
619. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. – М.: Госполитидат, 1957. – 495 с.
620. Руднева С. Е. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная научная конференция// Отечественная история. 1998. № 1. – С. 206-209.
621. Румянцева М. Ф. Теория истории. – М.: Аспект-прессе, 2002. – 317с.
622. Русакова О. Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идей. – Екатеринбург: Изд. УрО РАН, 2000. – 354с. .
623. Русакова О. Ф., Дука О. Г. Современная историография. – Екатеринбург: Изд. УрГСХА, 2004. – 230с.
624. Рубинштейн Н. Л. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века//Вопросы истории. 1956. № 11. – С. 35-51.
625. Рубинштейн Н. Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века//Вопросы истории. 1952. № 2. – С. 74-101.
626. Русские финансы и европейская биржа в 1904-1906 гг. – М.: Московский рабочий, 1926. – 399 с.
627. Рутковский Я. Экономическая история Польши. – М.: Изд. иностр. лит., 1953. – 426 с.
628. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. – М.: Наука, 1983. – 109 с.
629. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. – М.: Наука, 1978. – 293 с.
630. Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX-XX вв. // Социально-экономическое развитие России. – М., 1986. – С. 155-172.
631. Рындзюнский П. Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861г.??// Вопросы истории. 1967. №. 7. С. 54-70.
632. Рябков Г. С. Тормозящее влияние крепостного права на расселение крестьян в смоленских вотчинах Барышниковых в первой половине XIX в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960. – Киев, 1962. – С. 351-363.

-
633. Рябков Г. Т. Смоленские помещицы крестьяне в конце XVIII – первой половине XIX века. – М.: Прометей, 1991. – 272 с.
634. Рябков Г. Т. Сокращение пашни в наделах помещичьих крестьян Смоленской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. – С. 448-458.
635. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России XIX –XX вв. – СПб.: Наука, 1998. – 796 с.
636. Рянский Л. М. К вопросу о «вымирании» крепостного крестьянства в период кризиса феодализма//Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). – Владимир, 1984. – С. 127-138.
637. Рянский М. М. Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России (опыт количественного анализа по данным Курской губернии)//История СССР. 1991. №2. – С. 142-150.
638. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. – 796 с.
639. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 592 с.
640. Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян//Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. – СПб.: Нестор, 2004. – С. 309-312.
641. Сандомирский Г. Покушение 14 января 1858г. и смерть Орсини//Орсини Ф. Воспоминания. М.: Academia, 1934. – С. 305-367.
642. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. – Л.: Наука, 1988. – 247 с.
643. Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси.- М.: Изд. Моск. ун-та, 1949. – 234 с.
644. Сахаров А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма//История СССР. 1971. № 1. – С. 111-126.
645. Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. – М.: Наука, 1966. – 228 с.
646. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. – СПб., 1903. – 643 с.
647. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. I-II. – СПб., 1888. – 625 с.
648. Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. – СПб., 1909. – 694 с.
649. Семенников В. Романовы и германские влияния во время мировой войны. – Л.: Красная газета., 1929. – 151с.
650. Семеникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизация. – Брянск: Курсив, 2000. – 539с.
651. Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета 1905-1907 гг.//Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 173-182.
652. Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. – М.: Изд. АН СССР, 1951.–250с.
653. Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1980. – 287 с.
654. Сидельников С. М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1962. – 381 с.
655. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М.: Наука, 1973. – 655 с.

-
656. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М.: Изд. АН СССР, 1960. – 578 с.
657. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. – М.: Наука, 1987. – 252 с.
658. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г. – Минск: Наука и техника, 1964. – С. 475-489.
659. Симонова М. С. Крестьянское движение 1905-1907 гг. в советской историографии//Исторические записки. 1975. Т. 95. – С. 204-253.
660. Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX-начала XX в.//Проблемы социально-экономической истории России. – М.: Наука, 1971. – С. 236-263.
661. Скляр И. М. О начальном этапе первой крестьянской войны в России //Вопросы истории. 1960. № 6. – С. 90 – 101.
662. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. – М.: Наука, 1983. – 189 с.
663. Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т.I-II. – Смоленск: «Русич», 1996.
664. Скрынников Р. Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича//История СССР. 1973. № 1. – С. 99-129.
665. Скрынников Р. Г. История Российская IX-XVII вв. – М.: «Весь мир», 1997. – 496 с.
666. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. Смута. – М.: Мысль, 1988.–284с.
667. Скрынников Р. С. Россия накануне «смутного времени». – М.: Мысль, 1980. – 203 с.
668. Сладкевич Г. Н. Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1962.
669. Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства//Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 215-246.
670. Смахтина М. В. Система ценностей великорусского и малороссийского помещичьего дворянства в первой половине XIX в. (до 1861г.) // Конференции, дискуссии, материалы. 2002. –М.: Изд. Росс. ун-та дружбы народов, 2003. – С. 55-72.
671. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1-2. – М.- Л.: Изд. АН СССР, 1947.
672. Смирнов П. Правительство В. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. – Ташкент: Изд. Среднеазиатского ун-та, 1929. – 84 с.
673. Смирнов П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVIII века. – М., 1915. – 70 с.
674. Собуль А. Первая республика. 1792-1804. – М.: Прогресс, 1974. – 391 с.
675. Советов П. В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. – Кишинев: «Штиинца», 1980. – 283 с.
676. Сови А. Общая теория населения. Т. 1 – М.: Прогресс, 1977. – 503 с.
677. Соколов Б. В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г.// 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. – С. 38-44
678. Соловьев Б. И. Русское дворянство и его выдающиеся представители. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 315 с.
679. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. – М.: Наука, 1984. – 231 с.
680. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1-18. – М.: Мысль, 1990-1993.
681. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. – Л.: Наука, 1981. – 256 с.

-
682. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. – Л.: Наука, 1990. – 268 с.
683. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. – Л.: Наука, 1979. – 382 с.
684. Соловьева С. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1975. – 313 с.
685. Сорокин П. А. Голод как фактор. – М.: Академия, 2003. – 680 с.
686. Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск: Изд. Омского ун-та, 1999. – 320 с.
687. Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович//Вопросы истории. 1992. № 4-5. – С. 73-89.
688. Сорокин Ю. А. Павел I. Личность и судьба. – Омск: Омский госуниверситет, 1996. – 210 с.
689. Сорокин Ю.А. О понятии "абсолютизм"//Исторический ежегодник. 1996. – Омск: Омский государственный университет, 1999. – С. 4-16.
690. Сперанский А. Н. К вопросу о сущности и характере псковского восстания 1650 года//Историк-марксист. 1936. № 5. – С. 124-138.
691. Станиславский А. Л. Гражданская война в России. Казачество на переломе истории. – М.: Мысль, 1990. – 269 с.
692. Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. – 419 с.
693. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции от Кромвеля до Путина. – М.: «Вагриус», 2001. – 439 с.
694. Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л., 1977.
695. Сташевский Е. Смоленская война. Организация и состояние Московской армии. – Киев. 1919. – 328 с.
696. Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. – М.: «Росспэн», 1998–397с.
697. Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский //Отечественная история. 1993. № 4. – С. 99-115.
698. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905-1914). – М.: Издательство ВЗПИ, 1992. – 329 с.
699. Степанова Л. Г. Урожайность зерновых культур в конце XV-начале XVI в. (по данным Новгородских писцовых книг)//Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2000. № 5. – С. 89-102.
700. Страхов В. В. Внутренние займы в России в первую мировую войну// Вопросы истории. 2003. № 9. – С. 28-43.
701. Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. – М: Республика, 1997. – 527 с.
702. Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX веках. – М., 1913. – 340 с.
703. Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. – М.: Изд. АН СССР, 1954, – 532 с.
704. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – М. : Изд. Соц-экон. Лит., 1960. – 548 с.
705. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. – М.: Наука, 1982. – 470 с.
706. Суворов Н. О ценах на разные жизненные припасы в г. Вологде в XVII и XVIII столетиях. – Б. М., 1863. – 15 с.
707. Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. I. – М.: Изд. АН СССР, 1943. – 209 с.
708. Талина Г. В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М.: Магистр, 1996. – 143с.
709. Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. – М.: Наука, 1981. – 128 с.

-
710. Тарле Е. В. Сочинения. Т. IX. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – 626 с.
711. Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных// Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. – С. 64-74.
712. Татищев В. Н. История российская. Т. 1-7. М.-Л.: Наука, 1965.
713. Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки //Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. – М., 1987. – С. 28-54.
714. Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Современные концептуальные ориентиры в изучении российской истории// Социальные трансформации в российской истории. – Екатеринбург-Москва, 2004. – С. 571-584.
715. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. – М: Издат. полит. лит., 1956. – 477 с.
716. Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. – М.: Наука, 1969.–445с
717. Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI века// Исторические записки. 1938. Т. 3. – с. 130-160.
718. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. – М.: Изд. АН СССР, 1962. – 582 с.
719. Тихомиров М. Н. Словно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века//Вопросы истории. 1958. № 5. – С. 3-22.
720. Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII – начале XVIII в. – М.: Наука, 1974. – 334 с.
721. Тихонов Ю. А. Рентные отношения в боярском владении середины XVII века//Феодализм в России. – М.: Наука, 1987. – С. 158-171.
722. Ткачева Н. К. Из истории однодворцев в XVIII веке// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968. – Л: Наука, 1972. – С. 133-141.
723. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2002. – 776 с.
724. Троицкий С. М. Районирование форм феодалной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А. Д. Меншикова)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. – Л.: Наука, 1972. – С. 116-126.
725. Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. – М.: Наука, 1982. – 255 с.
726. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. – М.: Наука, 1974. – 395 с.
727. Троицкий С. Н. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. – М.: Наука, 1966. – 264 с.
728. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. – М.: Терра 1997. – 462с.
729. Туган-Барановский М. Русская фабрика. – М.: Гос. соц.-экон. изд, 1934. – 1934.
730. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М.: «Памятники исторической мысли», 2001. – 304 с.
731. Тютокин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. – М.: Наука, 1991. – 232 с.
732. Тяпкина Н. И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. – М.: Наука, 1984. – 225 с.
733. Уиткрофт С. О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931-1933 гг.//Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 842-865.
734. Уланов В. Я. Западное влияние в Русском государстве//Три века. Т. II. М., 1991. – С. 48-50.
735. Уланова В. Я. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 года//Три века. Т. 1. – М., 1912. – С. 200-226.
736. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия//История СССР. 1991. № 2. – С. 119-128.
737. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. – М.: ОГИЗ, 1941. – 433 с.

-
738. Устюгов Н. В. К вопросу о земельных пределах на Русском Севере в середине XVII в. // Исторический архив. Т. V. 1950. С. 40-49.
739. Утин А. И. Забытая трагедия, Россия в первой мировой войне. – Смоленск: «Русич», 2000. – 637 с.
740. Уткин А. И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905-1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М. 1987.- С. 8-26.
741. Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. – М.: «Гардарики», 2000. – 572 с.
742. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. – М.: «Наука», 1999. – 222 с.
743. Федоров В. А. Декабристы и их время. – М.: Изд. МГУ, 1992. – 272 с.
744. Федоров В. А. Крепостная вотчина России во второй четверти XIX века // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). – Владимир, 1984. – С. 38-53.
745. Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII-первой половины XIX века. – М.: Изд. Моск. ун-та., 1974. – 305 с.
746. Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России 1800-1860. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. – 168с.
747. Федосова Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация. – М., 2000. – С.185-194.
748. Фельдман М. А. О противоречиях в оценке процесса монополизации в России в начале XX века // Вопросы истории. 2003. № 9.
749. Фигуровская Н. К., Симонов В. В. Н. Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. – С. 3-84.
750. Филд Д. 1861: «Год юбилея» // Великие реформы в России 1856-1874. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. – С. 73-105.
751. Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. – М., 2002. – С. 110-114.
752. Филина Е. И. Царь Алексей Михайлович и политическая борьба при Московском дворе (1645-1652) // Российская монархия. Вопросы истории и теории. – Воронеж: «Истоки», 1999. – С. 97-113.
753. Флоря Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. – С. 121-124.
754. Флоря Б. Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV- первой половине XVI века // История СССР. 1972. №1. – С. 48-71.
755. Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978. – 167 с.
756. Фортунатов А. Урожай ржи на крестьянских землях Казанской губернии. – Б. м., 1889.
757. Фурсов В. Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. – С. 21-31.
758. Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. – Воронеж: Издат. Воронежского ун-та, 1991. – 197 с.
759. Хаймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия XXI. 1998. № 9-10. – С. 136-164.
760. Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и первая

-
- мировая война (материалы международного colloквиума). – СПб: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 17-31.
761. «Хань Фэй-цзы» // Древнекитайская философия. Т. 2. – М.: «Мысль», 1973. – с. 224-283. с.
762. Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861-1904 гг.). – М.: «ЮПАПС», 1997. – 240
763. Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей?// 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. – С. 95-106.
764. Хеймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией //Рабочее и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб, 1997. – С. 28-54.
765. Хеймсон Л. Об истоках революции//Отечественная история. 1993. – С. 3-15.
766. Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единодержавие Петра Первого (1696-1725) // Артиллерийский журнал. 1865. № 10. – С. 586-622.
767. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848-1875. – Ростов-на Дону: «Феникс», 1999. – 478с.
768. Хобсбаум Э. Век революции. 1789-1848. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 476 с.
769. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 541с.
770. Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция //Великие реформы в России. 1856-1874. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. – С. 90-104.
771. Хок С. Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1961-1914 годы.//Отечественная история. 1996. № 2. – С. 28-54.
772. Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманит. образования, 1996. – 171 с.
773. Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века – М.: Древлехранилище, 2003. – 620с
774. Хостинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). – Смоленск: «Русич», 2001. – 509 с.
775. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. – М.: «Русское слово», 2002. – 432 с.
776. Хьюз Л. Царевна Софья. – СПб: Гранд, 2001. – 411 с.
777. Хэймсон А., Бриан Э. Стачечное движение в России во время мировой войны: количественный анализ// Россия и США на рубеже XIX – XX вв. – М. Наука, 1992. – С. 79-113.
778. Чапкевич Е. И. Русская гвардия в Февральской революции//Вопросы истории. 2002. № 9. – С. 3-16.
779. Чвикалов А. И. Уездное земство – о нуждах крестьян//Русская провинция. Вып. 2. – Воронеж, 1995. – С. 34-45
780. Череванин Ф. А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет. 1883-1923 гг. //Влияние неурожаев на народное хозяйство России. –М. 1927. – С. 160-301.
781. Черепнин Л. В. Земские соборы 1632 и 1634 гг.//Из истории феодальной России. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та., 1978. – С. 133-140.
782. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. – М.: Наука, 1978. – 417 с.
783. Черепнин Л. В. Из истории формирования феодально-зависимого крестьянства на Руси // Исторические записки. 1956. Т. 56. – 235-264 с.

-
784. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. - М.: Изд. соц.-экон. лит., 1960. – 869 с.
785. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 2. – М.: Изд. АН СССР, 1951. – 428 с.
786. Черепнин Л. В., Назаров В. Д. Крестьянство на Руси в середине XII- конце XV в. //История крестьянства в Европе. Т. II. – М.: Наука, 1986. – С. 250-287.
787. Черкасова М. С. О тенденциях развития феодальной ренты в России в XVII- начале XVIII века (по документам Троице-Сергиева монастыря)//Европейский Север в культурно-историческом процессе. – Киров, 1999. – С. 160-165.
788. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. – М.: Воениздат, 1954. – 223 с.
789. Чернов А. В. Образование стрелецкого войска //Исторические записки. 1951. Т. 38. – С. 281-
790. Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г.//Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. – Л.: Наука, 1989. – С. 152-177.
791. Черняев В. Ю. Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи //Россия и первая мировая война. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 189-201.
792. Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. – М.: Прогресс, 1996. – 496 с.
793. Челинцев А. И. Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 года и железнодорожных перевозок. – Харьков, 1918. – 160 с.
794. Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60-70-е годы XIX в.). – Л.: Наука, 1972. – 225 с.
795. Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. – Петроград, 1918. – 384 с.
796. Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Материалы и комментарии. – Курск: «Советская деревня», 1927. – 232 с.
797. Чернышев И. В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. – М.-Л.: Госиздат, 1926. –199 с.
798. Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. – СПб, 1906. – 380 с.
799. Чубинский В. В. Бисмарк. Биография. – СПб: «Образование-Культура», 1997. – 528 с.
800. Шагин Э. М. А. В. Чайнов об аграрных сдвигах в крестьянском хозяйстве в предреволюционной России//Аграрные технологии в России IX-XX вв. – Арзамас, 1999. – С. 184-197.
801. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. – М.: «Весь мир», 1997. – 554 с.
802. Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII-XVIII вв. в России// История СССР, 1965, № 5. – С. 61-80.
803. Шапиро А. Л. Переход от повитной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960. – Киев, 1963. – С. 207-217.
804. Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. – Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1977. – 215 с.
805. Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением. (XIV-XVI вв.). – Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1987. – 255 с.
806. Шапиро Л. В. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России// Проблемы отечественной и всеобщей истории. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1969. – С. 59-79.

-
807. Шаповалов А. «Все Романовы – революционеры...». Великий князь Константин Николаевич// http://www.kulturag.ru/Archive/Issues/vipusk_2000_30/Rubriks/smena1/a1.htm
808. Шарапов С. Ф. Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881-1895. – СПб, 1897. – 19 с. с прил.
809. Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). – СПб.: Наука, 1994. – 187 с.
810. Шаховский Д. И. «Союз освобождения»//Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001. – С. 526-602.
811. Шацилло К. Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX века (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре – октябре 1904 года)//История СССР. 1982. № 4. – С. 51-70.
812. Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции. 1905-1907 гг. – М.: Наука, 1985. – 347 с.
813. Шацилло К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901-1904 гг.)//Исторические записки. 1976. Т. 97. – С. 70-98.
814. Шванебах П. Х. Денежное обращение и народное хозяйство. – СПб., 1901. – 237с.
815. Шватченко О. А. Светская феодальная вотчина России в первой трети XVII века. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1990. – 305 с.
816. Швецова Е. А. Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII века//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. – Минск, 1963. – С. 212-220.
817. Швецова Е. А. Хозяйство дворянских крестьян Верхоченской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII века//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. -Таллин, 1971. – С. 172-178.
818. Шевяков Н. К вопросу об опричнине Ивана IV. // Вопросы истории, 1956. № 9. – С. 71-77.
819. Шевченко М. М. История крепостного права в России. – Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1981. – 255 с.
820. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. – М.: Наука, 1883.- 324 с.
821. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. – 278 с.
822. Шепелев Л. Е. Проблемы развития промышленности и рабочий вопрос в России в 1904-1914 гг.// Реформы или Революция? Россия 1861-1917. – СПб: Наука, 1992. – С. 223-234.
823. Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России (XVIII – первая половина XIX в.) //Вопросы истории. 1959. № 12. – С. 123-136.
824. Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой четверти XIX века//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963. – Вильнюс: Минтас, 1965. – С. 388- 419.
825. Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 года. – Л.: Прибой, 1927. – 190 с.
826. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. – М.: Воениздат, 1956. – 331с.
827. Шилов А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 года//Красная летопись. 1925. № 2. – С. 29-36.
828. Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I-II. – СПб, 1898, 1903.

-
829. Шипилов А. В. Русская культура питания в первой половине XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 3. – С. 146-152.
830. Шляпников А. Г. Семнадцатый год. – М.: Республика, 1992. – 496с.
831. Шюно П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-фактория, 2005. – 605 с.
832. Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М.: «Новости», 1990. – 832 с.
833. Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905-1907 гг. – М.: Наука, 1976. – 281с.
834. Шустов К. Б. Настроение российской деревни на начальном этапе революции 1905-1907 гг. // Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград: Изд. Калинингр. ун-та, 2003. – С. 164-175.
835. Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. – М.: Изд. Дворца-музея, 1947. – 378 с.
836. Щепетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря // Исторические записки. 1948. Т. 18. – С. 92-147.
837. Щепетов К. Н. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства а вотчинах Черкасских в XVII веке // О первоначальном накоплении в России XVII-XVIII веков. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 51-72.
838. Щербатов М. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова. Факсимильное издание. – М.: Наука, 1983. – С. 1-96.
839. Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. – 271 с.
840. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII- начало XIX столетия. – М.: «Мысль», 1982. – 367 с.
841. Энгел Б. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России. – М.: Росспэн, 1996. – С. 75-91.
842. Юрганов А. А. Идеи Пересветова в контексте мировой истории и культуры // Вопросы истории. 1996. № 2. – С. 15-27.
843. Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке // Вопросы истории. 2001. № 2. – С. 32-45.
844. Юшко А. А. Московская земля IX-XIV веков. – М.: Наука, 1991. – 198 с.
845. Яковенко И. Г. Циклы развертывания цивилизаций и цикличность всемирной истории // Цивилизация. Восхождение и слом. – М.: Наука, 2003. – С. 97-122.
846. Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. – М.: Просвещение, 1994. – 255с.
847. Яковкина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. – СПб.: Лань, 2002. – 160с.
848. Яковлева В. А. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крепостного хозяйства накануне отмены крепостничества в России. – Йошкар-Ола, 1997. – 212 с.
849. Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднее-средневековой Польши. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1975. – 118с.
850. Янель З. К. О некоторых вопросах «второго издания крепостничества» // Исторические записки. 1965. Т. 78. – С. 150-180.
851. Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб: Тип. М. Стасюлевича, 1881. – 166 с.
852. Яснопольский Н. П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. Ч. I. – Киев, 1890. – 234 с.
853. Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) – М.: РОССПЭН., 1996. – С. 92-105.
854. Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVIII века до 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. – С. 44-64.
855. Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. – М.: Наука, 1973. – 301 с.

-
856. Яшнов Е. Е. Особенности истории и хозяйства Китая. – Харбин, 1933.- 119 с.
857. Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // Schmollers Jahrbücher. 1934. Bd. 58. S. 54-112.
858. Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.
859. Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe –XXe siècle). Paris: Flammarion, 1973. – 454 p.
860. Adams A. (ed.). Imperial Russia after 1861: peaceful modernization or revolution? – Boston : D.C. Heath, 1965.–108p
861. Alef G. Military Reforms on the Second Half of the Fifteenth Century// Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, 1973. Bd. 18. – P. 73-108.
862. Ashton T. S. The Industrial Revolution 1760 – 1830. – L., 1964. -167 p.
863. Ashtor E. L'histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. – Paris: S.E.V.P.E.N., 1969. -553 p.
864. Ashtor E. Levant trade in the later Middle Ages. – Princeton, 1983. – 599 p.
865. Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. – London: Collins, 1976. – 384 p.
866. Bergman J. Vera Zasulich: a biography. – Stanford, Calif: Stanford University Press, 1983. – 261 p.
867. Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. – N.Y. 1966. – 200 p.
868. Black C. E. The Modernization of Russian Society// The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change Since 1861. – Cambridge (Mass.), 1960. – P. 661-681.
869. Blum J. Prices in Russia in the Sixteenth Century//The Journal of Economic History. 1956. Vol. 16. N 2. – P. 182-199.
870. Blum J. Lord and peasant in Russia from the ninth to the nineteenth century. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 656p.
871. B o n w e t s c h B. Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991. – 240 S.
872. Boserup E. The conditions of agricultural growth: the economics of agrarian change under population pressure. – London: Aldine, 1965. – 124p.
873. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. T.1-3, Le temps du monde. – Paris: Colin, 1967-1979.
874. Braudel F. L' identité de la France. Les hommes et les choses. – Paris: Les Editions Artaud, 1986. – 781 p.
875. Brenner R. Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe//Past and Present. 1976. N 70. – P. 30-75.
876. Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1975. – 248 p.
877. Bushnell J. Mutiny amid repression: Russian soldiers in the Revolution of 1905-1906. – Bloomington: Indiana University Press, 1985. – 334 p.
878. The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. The economy of expending Europe in the 16th and 17th centuries. Edited by E. E. Rich and E. H. Wilson. London and New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – 617 p.
879. Cameron R. A concise economic history of the world: from Paleolithic times to the present. – New York: Oxford University Press, 1989. – 437 p.
880. Cameron R. Economic History, Pure and Applied // Journal of Economic History. 1976. Vol. 36. № 1. – P. 3-28.
881. Cameron R. Europe's second logistic // Comperetive Studies in Society and History. 1970. № 12. – P. 452-462

-
882. Chao K. Man and land in Chinese history: an economic analysis. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1986. – 268p.
883. Chaunu P. La civilisation de L'Europe classique. – Paris: Arthaud, 1970. – 706 p.
884. Chirousky N. An Introduction to Russian History. – London: Vision P, 1967. – 229p.
885. Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700. – London, 1976. – 337 p.
886. Cipolla C. M. Revision in Economic History: the trend in Italian economic history in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1949. Vol. 2. № 2 – P. 180-184.
887. Crummev R. Seventeenth Century Russia: Theories and Models// Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 2000. Bd. 56 P.113-131.
888. Crummev R. Moscow and the General Crisis of Seventeenth Century//Journal of early modern history. 1998. Vol. 2. – P.156-180.
889. Clarkson J. A history of Russia from the ninth century. – London: Longmans, 1962. – 974 p.
890. Conrad A., Meyer J. The Economics of Slavery in the Ante Bellum South//Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. Apr.
891. Conrad, A. H. Meyer J. R. Studies in econometric history. – London: Chapman & Hall, 1965. – 241 p.
892. Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth Century Russia//Doctadus. 1972. Vol. 101. N 2 . P. 130-134.
893. Copeland W. R. The Uneasy Alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899-1904. Helsinki, 1973.
894. Corvisier A. Armées et sociétés en Europe: de 1494 à 1789 . – Paris : Presses Universitaires de France, 1976. – 222p
895. Daniels R. Russia: the roots of confrontation. – Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1985. – 411p.
896. Domar E. The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis// Journal of Economic History, 1970. Vol. 30. №1
897. Duby G. Rural economy and country life in the medieval West. – London: Edward Arnold, 1968. – 600 p.
898. Dunning Ch. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. – University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press, 2001. – 657 p.
899. Dunning Ch. Cossaks and the Southern Frontier in the Time of Troubles//Russian History. 1992. Vol. 19. – P. 57-74.
900. Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia?// Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. N. 3. – P. 572-592.
901. Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War//Russian History. 1998. Vol. 25. Nos. 1-2. – P. 119-131
902. Dupaquier J. La'autoregulation de la population française//Histoire de la population française. Paris, 1988. T. 2.
903. Dupâquier J. La population française aux XVIIe et XVIIIe siècles. – Paris : Presses Universitaires de France, 1979. – 127p
904. Duffy M., ed. The Military revolution and the state, 1500-1800. – Exeter : University of Exeter, 1980. – 91 p.
905. Downing B. The Military Revolution and Political Change. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. – 308p.
906. Eason W. Population Changes//The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. – Cambridge, 1960. – P. 72-90.
907. Elvin M. The Pattern of the Chinese Past: A Social and Economic Interpretation. Stanford, 1973.

-
908. Emmons T. The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861. – Cambridge: Cambridge University Press, 1968. – 484 p.
 909. Field D. Rebels in the Name of the Tsar. – Boston, Mass.; London: Unwin Hyman, 1989. – 220 p.
 910. Fischer D. H. The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History. – Oxford, 1996. – 536 c.
 911. Fischer G. Russian liberalism: from gentry to intelligentsia. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958. – 240p.
 912. Freedman P. Rural society// The New Cambridge Medieval History. Vol. VI. Cambridge, 2000. – P. 82-101.
 913. Feuer L. The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements. London: Heinemann, 1969. – 543 p.
 914. Galai Sh. The Liberation Movement in Russia. 1900-1905. – London: Cambridge University Press, 1973. – 325p.
 915. Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850-1917. – N. Y., 1986. – 290 p.
 916. Gerschencron A. Agrarian Policies and Industrialisation, Russia. 1861-1917// The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI. Pt. 2. London and New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
 917. Glass D. V., Eversley D. E. (ed.) Population in History: essays in historical demography. – London: Edward Arnold, 1965. – 692 p.
 918. Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730: contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle. – Paris : S.E.V.P.E.N., 1960. – 653p.
 919. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. – Cambridge, 1980. – 333 p.
 920. Goldin C. Cliometrics and the Nobel. // Journal of Economic perspectives. 1995. Vol. 9. № 2. – P. 191-208.
 921. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. – London: University of California Press, 1991. – 608p.
 922. Goldstone J. East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China// Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30. N. 1. – P. 103-143.
 923. Goldstone J., Gurr T. R., Moshiri F. (eds.) Revolutions of the Late Twentieth Century. – Boulder, CO: Westview Press, 1991. – 395 pp.
 924. Grigg D. Population growth and agrarian change: an historical perspective. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1980. – 340 p.
 925. Haimson L. The Russian Marxists & the origins of Bolshevism. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1955. – 246 p.
 926. Hasegava Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. – Seattle and London: University of Washington Press, 1981. – 624p.
 927. Helleiner K. F. Population movement and agrarian depression in the later middle ages // The Canadian Journal of Economical and Political Science. 1943. Vol. XV. № 3 – P. 368-377.
 928. Hellie R. The Petrin Army: Continuity, Change, Impact//Canadien-Fmerican Slavic Studies. 1974. Vol. VIII.
 929. Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia, 1600-1725. – Chicago and London: The University Chicago Press, 1999. – 671 p.
 930. Histoire de la France rurale. T. 2. 1340-1789. – Paris: Seuil, 1975. – 620 p.
 931. Histoire economique et sociale de la France. T. 1-4. – Paris: Presses Universitaires de France, 1970-76.
 932. Hatcher J., Bailey M. Modelling the Middle Ages: the history and theory of England's economic development. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 254 p.
 933. Johnson R. E. Peazants and Proletarian: The Working Class of Moskow at the End of the Nineteenth Century. New Brunswick, 1979.

-
934. Jones R. The Emancipation of the Russian Nobility. 1762-1785. – Princeton, New Jersey, 1973. – 326 p.
935. Kahan A. The cost of Westernisation in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century// *Slavic Review*. 1966. Vol. XXV. N 1. – P. 40-46.
936. Kastanov S. M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert// *Jahrbucher fur Gechichte Osteuropas*. 1995. Bd. 43. - S. 321-346.
937. Keep J. L. H. The rise of social democracy in Russia. – Oxford: Clarendon Press, 1963. – 334 p.
938. Kingston-Mann E. In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian Development. Princeton: Princeton University Press, 1999. – 301 p.
939. Kivelson V. Kinship Politics/Autocratic Politics. A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture//*Imperial Russia*. New Histories for the Empire. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – P. 5-21.
940. Klapisch-Zuber C. Plague and family life //*The New Cambridge Medieval History*. – Cambridge, 2000. – P. 124-154.
941. Kochan L. Russia in revolution, 1890-1918. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1966. – 352 p.
942. Kolchin P. Unfree labor: American slavery and Russian serfdom. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1987. – 517 p.
943. Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987. -187 p.
944. Kolmann N. Russia // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VII. – Cambridge, 1998. – P. 748-770.
945. Kolmann N. S. The Principalities of Rus' in the fourteenth century// *The New Cambridge medieval history*. – Cambridge, 2000. – P. 764-794.
946. Kögel T., Prskawetz A. Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap// *Journal of Economic Growth*. 2001. Vol. 6. – P.337-57.
947. Komlos J., Artzrouni M. Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap// *Mathematical Population Studies*. 1990. Vol. 2. – P.269-287..
948. Komlos J., Nefedov S. A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth// *Historical Methods*. 2002. Vol. 35. № 2. - P. 92-94.
949. Labrousse E. La crise de l'economie francaise ci la fin de l'ancien regime et an debit de la Revolution. T. I. – Paris, 1944.
950. Labrousse C.-E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. – Paris: Editions des archives contemporaines, 1984. 2 v. – 691 p. (Réimpression)
951. Labrousse E. 1848-1830-1789. Comment naissent les revolutions//*Actes du congres historique du centenaire de la revolution de 1848*. Paris, 1848. – P. 1-29.
952. Laubrousse E. The Crisis in the French Economy at the End of the Old Regime//*The Economic Origins of the Franch Revolution*. Boston, 1958. – P. 59-92.
953. Langer L. Plague and Russian countryside: monastic estates in the fourteenth and fifteenth centuries // *Canadian-American Slavic Studies*. 1976. Vol. 3. № 3. – P. 351-368.
954. Laubrousse E. The Crisis in the French Economy at the End of the Old Regime//*The Economic Origins of the Franch Revolution*. Boston, 1958. – P. 59-92.
955. Laue von, Th. H. The Chances for Liberal Constitutionalism//*Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. N 1. P. 41-43.
956. Von Laue, Th. H. The world revolution of Westernization: the twentieth century in global perspective.- New York, Oxford: Oxford University Press, 1987. – 396 p.
957. Laue Th. von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution. 1900-1930. – Philadelphia: Lippincott, 1964. – 242 p.
958. Lavalay W., Wong R. Reversing the Malthusian narrative...// *Journal of Asian studies*. – Ann Arbor, 1998. – Vol. 57. № 3. – P. 714-748.

-
959. Le Roy Ladurie, E. *The French peasantry, 1450-1660*. Aldershot : Scolar, 1987. – 447 p.
960. Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. Vol.1. Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. – 745 p.
961. Le Roy Ladurie, E. *Les Paysans de Languedoc*. Vol.2. Annexes, sources, graphiques Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. – p. 749-1035.
962. Le Roy Ladurie E. *De Waterloo à Colyton: histoire, démographie et sociétés // Le Roy Ladurie E. Le Territoire de l'historien*. – P., 1973. – P. 301-311;
963. Le Roy Ladurie E. *L'histoire immobile // Annales*, E. S. G. 1974. № 3. – P. 673-692.
964. Le Roy Ladurie E. *Histoire du climat depuis l'an mil*. Paris: Flammarion, 1967.
965. Lee R. *Models of Preindustrial Population Dynamics, with Applications to England// Tilly Ch. (ed.). Historical Studies of Changing Fertility*. – Princeton, 1978. – P. 155-207.
966. Lee R. *Econometric Studies of Topics in Demographic History*. New York, 1978.
967. Lee R. *English Population, Wages, and Prices: 1541-1913// Population and History. From the Traditional to the Modern World*. Cambridge, 1986. – P. 75-100.
968. Lentin A. *Russia in the eighteenth century: from Peter the Great to Catherine the Great (1696-1796)*. – London: Heinemann Educational, 1973. – 139p.
969. Liu P. and Huang K. *Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400// Modern Chinese Economic History*. Taipei: Institute of Economics, Academia Sinica, 1977. – P. 61-81.
970. Losch A. *Population Cycles as a Cause of Business Cycles// Quarterly Journal of Economics*. 1937. Vol. LI. – P. 649-662.
971. Mackenzie D., Curran M. *A history of Russia and Soviet Union*. - Homewood, 1982. – 723 p.
972. Malia M.: *Alexander Herzen and the birth of Russian socialism, 1812-1855*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1961. – 486 p.
973. Malthus T. R. *Principles of political economy: considered with a view to their practical application*. 2nd ed., reprinted. – New York: Augustus M. Kelley, 1974. – 446p
974. Manning R. T. *The crisis of the old order in Russia: gentry and government*. – Princeton, N.J.; Guildford: Princeton University Press, 1982. – 555 p.
975. McDaniel T. *Autocracy, modernization, and revolution in Russia and Iran*. – Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 1991. – 239 p.
976. McEvery C., Jones R. *Atlas of World population history*. – N. Y., 1979. – 368 p.
977. McGrew R. E. *Paul I of Russia, 1754-1801*. Oxford: Clarendon Press, 1992. – 405 p.
978. Meadows D.L. and al. *The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. – London: Earth Island, 1972. – 205 p.
979. Meuvret J. *Études d'histoire économique : recueil d'articles*. – Paris : A. Colin, 1971. – 344 p.
980. Meuvret J. *Les Crises de subsistances et la démographie d'Ancien Régime// Population*. 1946. N 4. – P. 643-650.
981. Miller D. *Monumental building as indicator of economic trends in Northern Rus' in the later Kievan and Mongol periods, 1138-1462// American historical review*. 1989. Vol. 9. №2. – P. 360-390.
982. Mironov B. N. *In Search of Hidden Information// Social Science History*. 1985. Vol. 9. N 4. – P. 339-359.
983. Mollat M., Postan M., Johansen P., Saponi A., Verlinden Ch.. *L'Economie Européenne aux deux derniers siècles du Moyen âge// Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storica*. Vol. III. Storia del Medioevo. 1955. Mousnier R. *Les XVIe et XVIIe siècles. Les progrès de la civilisation européenne et la déclin de l'Orient (1492-1715)*. – Paris, 1953

-
984. Mouraviev B. *La monarchie russe*. Paris, 1962.
985. Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Social Evolution & History*. 2004. Vol. 3. N 1. - P. 69 - 80.
986. Nefedov S. An Elementary Model of Agricultural Population // *Third International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilization"*. - Moscow, 2004. - P. 177-178.
987. Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Chinese Journal of Population Science*. 2003. № 3. - P. 48-53. (на кит. яз.)
988. Nefedov S. Eski Rusia' da Osmanli sistemi: Timar - Тимар: османская система в Древней Руси // *DA - diyalog avrasya*. - Istanbul, 2003. N 8. - P. 34-40.
989. Nefedov S. *The Theory of Demographic Cycles and Origins of Autocracy* // *Hierarchy and Power in History of Civilization*. Moscow, 2002. - P. 163-165.
990. Ostrowski D. The Mongol origins of Muscovite I Political Institutions // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. № 4.
991. Pares B. *The Fall of Russian Monarchy*. - L. 1934. P. 39.
992. Pearl R. *The biology of population growth*. N. Y. 1925.
993. Pearl R. *The Introduction to Medical Biometry and Statistics*. - Philadelphia, 1930. - 456 p.
994. Perrie M. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. - 288 p.
995. Perrie M. *The agrarian policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party, from its origins through the revolution of 1905-1907*. - Cambridge (etc.): Cambridge University Press, 1976. - 216 p.
996. Perroy E. A l'origine d'une economie contractee, les crises du XIV siecle // *Annales E. S. C.* 1949. Vol. IX. № 2. - P. 167-182
997. Pipes R. *Russian Marxism and its Populist Background* // *The Russian Review*. 1960. Vol. 15. N 1. P. 319-320
998. Pomper Ph. *The Russian Revolutionary Intelligentsia*. New York: Thomas Y. Crowell, 1970. - 216 p.
999. Post J. D. A study in meteorological and trade cycles history // *Journal of Economic History*. 1974. Vol. 34. N 2. - P. 315-349.
1000. Postan M. Revision in Economic History: the fifteenth century // *The Economic History Review*. 1939. Vol. 9. № 2. - P. 160-167.
1001. Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // *The Economic History Review*. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3. - P. 221-246.
1002. Postan M. *Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy*. London: Cambridge University Press, 1973. - 302 p.
1003. Postan M. *The medieval economy and society: an economic history of Britain in the Middle Ages*. - London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. - 261 p.
1004. Postan M. M., Titov J. Z. *Heriots and prices on Winchester manors* // *Economical history review*. Ser. 2. Vol 38. 1958-1959. - P. 392-417.
1005. Ho Ping-ti. *Studies on the population of China, 1368-1953*. - Harvard U.P.; Oxford U.P, 1959. - 341p.
1006. Raeff M. *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth Century Nobility*. N. Y. 1966. - 248 p.
1007. Ragsdale H. *Tsar Paul and the question of madness: an essay in history and psychology*. - New York: Greenwood Press, 1988. - 266 p.
1008. Richards M. *Reviews* // *Journal of Social History*. 1993. N 26. - P. 876-877.
1009. Richards J. F. *The seventeenth century crisis in South Asia* // *Modern Asian studies*. 1990. Vol. 24. № 4. - P. 625-638.
1010. Rieber A. (ed.). *Alexander II, Emperor of Russia, 1818-1881: The Politics of Autocracy*. - Paris: Mouton, 1966. - 153 p.

-
1011. Roberts M. Essays in Swedish history. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1967. – 358p.
1012. Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625\6-1632. – London, N. Y., Toronto, 1958. – 820 p.
1013. Robinson G. T. Rural Russia Under the Old Regime. – N. Y. –L., 1967. – 327 p.
1014. Robbins R. G. Famine in Russia. 1891-1892. – New York; London: Columbia University Press, 1975. – 259p.
1015. Rostovtzeff M. The social economic history of the hellenic world. Vol. I-III. – Oxford, 1941. – 1659 p.
1016. Salmarsh J. Plague and economic decline in England in the later middle ages // Cambridge Historical Journal. 1941. № 1. – P. 23-41.
1017. Schofield R. S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History// Population and History. From the Traditional to the Modern World. – Cambridge, 1986. – P. 11-34.
1018. Schwarz S. M. The Russian revolution of 1905: the workers' movement and the formation of Bolshevism and Menshevism. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1967. – 361p.
1019. Schofield R. S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History// Population and History. From the Traditional to the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 11-34.
1020. Simiand F. Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement général des prix au XVIIe au XIXe siècles. Paris: Lib. Felix Alcan, 1932.
1021. Shanin T. Russia as a “developing society”. – Houndmills, London: Macmillan, 1985. – 268p.
1022. Skocpol T. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1979. – 407 p.
1023. Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe F. D. 500-1850. – L: Edvard Arnold., 1963. – 360 p.
1024. Smith R. Demographic Developments in Rural England, 1300-1348// Before the Black Death. Studies in the “Crisis” of the Early Fourteenth Century. Manchester, 1991. – P. 25-77.
1025. Steinmann, G., Prskawetz A., Feichtinger G. A Model on the Escape from the Malthusian Trap// Journal of Population Economics. 1998. Vol. 11. – P. 535-550.
1026. The Agrarian history of England and Wales /general editor Joan Thirsk. Vol. 2, 1042-1350 /edited by H.E. Hallam. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 1086 p.
1027. The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. The economy of expending Europe in the 16th and 17th centuries. Edited by E. E. Rich and E. H. Wilson. London and New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – 617 p.
1028. Treadgold D. Lenin and His Rivals. The Struggle for Russia's future. 1898—1906. – London: Methuen, 1955. – 293p.
1029. Tsirel, S. V. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population// Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics – Moscow: Russian State Social University, 2004. – P. 367–369.
1030. Turchin P. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States// eJournal of Anthropological and Related Sciences. 2005. N 1.
1031. Turchin, P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. – Princeton and Oxford: Princeton university press, 2003. – 245 p.
1032. Turchin P., Hall T. Spatial Synchrony Among and Within Wld-Systems: Insights from Theoretical Ecology// Journal of Wold-System Research. 2003. Vol. IX. N 1. – P. 37-64.

-
1033. Venturi F. Roots of revolution: a history of the populist and socialist movements in nineteenth century Russia. – London: Weidenfeld & Nicolson, 1960. – 850 p.
1034. Vernadsky G. On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History//Transactions of Connecticut Academy of Arts a Sciences. 1945. Vol. XXXVI. – P. 24-36.
1035. Volin L. A Century of Russian Agriculture. From Alexander II to Kruchev. – Cambridge (Mass.). 1970. – 650 p.
1036. Wade R. The Russian Revolution. 1917. – Cambridge, 2000. – 337 p.
1037. Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. – London: Thames & Hudson, 1963. – 320 p.
1038. Wallerstein I. The Modern World-System. 2 vols. New York, 1974, 1989.
1039. Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – P. 128-172.
1040. Wilbur E. Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the "Impoverished Center" at the End of the Nineteenth Century//The Journal of Economic History. 1983. Vol. XLIII. N 1. – P. 137-146.
1041. Wilbur E. Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's "Impoverished Center" at the End of the Nineteenth Century// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – P. 101-127.
1042. Wittfogel K.- A. Oriental despotism: a comparative study of total power. – New York: Vintage Books, 1983. – 556p.
1043. Wittfogel K.-A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. 1963. Vol. 22. №12.
1044. Wittfogel E. A. Oriental Despotism. A comparative study of total power. – New Haven, 1957. – 556 p.
1045. Wren M. The Course of Russian History. – New York, London: Macmillan, 1958. – 725 p.
1046. Wrigley E. A., Schofield R. S. The Population History of England, 1541-1571: A Reconstruction. - London: Edward Arnold, 1981. – 757 p.

Неопубликованные источники

1047. РГАДА, ф. 11, оп. 2м, д. 70 (Дело о городах и деревнях, положенных князю Александру Меньшикову).
1048. РГИА, ф. 1088, оп. 19, д. 195. (Фонд Шереметева).
1049. РГИА, ф. 1281 (1850 г.), оп. 5, д. 55. (Фонд департамента общих дел по совету министра внутренних дел).
1050. РГАДА, ф. 1290, оп. 6, д. 1135 (фонд Юсуповых).
1051. РГАДА, ф. 1441, оп. 1, д. 560 (фонд Кирилло-Белозерского монастыря)
1052. РГАДА, ф. 1196, оп. 4, д. 133а, 189, 231 (фонд Антониев-Сийского монастыря)
1053. РГАДА, ф. 1191, оп. 1 д. 85, 86, 93, 95 (фонд Знаменского монастыря)

Опубликованные источники

- 1054.** Акаемов Н. Ф. Агония старого режима (По приставским донесениям и показаниям свидетелей) // Исторический вестник. 1917. Т. 148. – С. V – XXIX.
1055. Аксельродов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. – Нью-Йорк: Телекс, 1991. – С. 31-66/
1056. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб. 1842. – 565 с.
1057. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук. Т. IV. 1645-1700. – СПб, 1836. – 500 с.

-
1058. Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых//Чтения ОИДР. 1847. № 5. – С. 10-140.
1059. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Ч. 1-2. – М.: Изд-во АН СССР, 1951.
1060. Английские путешественники в Московском государстве. – М., 1938.
1061. Аннинский С. А. Франческо Тьеполо. Рассуждение о делах Московии 1560 г.//Исторический архив. 1940. Т. III. – С. 305-388.
1062. Болотов А. Т. Записки. Т. 1-3. М., 1870-1873.
1063. Брусилов А. Мои воспоминания. – М., 1946.
1064. Булгаков С. На пиру богов//Из глубины. – Нью-Йорк: Телекс, 1991. – С. 111-119.
1065. Бунге Н. Х. Записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России»//Исторический архив. 1960. №2. С. 132-143.
1066. Бунге Н. Х. Записка Н. Х. Бунге Александру III «О финансовом положении России»//Исторический архив. 1960. №2. – С. 143-144
1067. Буржуазия накануне февральской революции. – М.-Л.: Госуд. изд., 1927. – 204с
1068. Бусов К. Московская хроника. 1584-1615. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – 399 с.
1069. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. – М.: АСТ, 2001. – 400с.
1070. В огне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 г. Сборник воспоминаний старых большевиков-петерцев. – М.: Мысль, 1967. – 671с.
1071. В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова //Былое. 1918. №7. – С. 91-123.
1072. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I-III. – М.: Изд. АН СССР, 1961.
1073. Валуев А. П. О внутреннем состоянии России//Исторический архив. 1958. № 1. – С. 141-144.
1074. Валуев А. П. О политических настроениях различных групп общества и средствах укрепления правительственной власти// Исторический архив. 1958. № 1. – С. 149-152.
1075. Васильчиков А. И. Тайная полиция в России// Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. – М.: «Русское слово», 2002. – С. 320-381.
1076. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание. – М.: Новости, 1990. – 214с.
1077. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. – СПб, 1996. -265 с.
1078. Витте С. Ю. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1-3. – М., 1960.
1079. Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу председателя Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте. – СПб., 1904. – 106с.
1080. Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. – М.: Внешторгиздат, 1960. – 1135 с.
1081. Внешняя торговля СССР. 1918-1966. – М.: Изд. межд. отн., 1967. – 242 с.
1082. Воинские артикулы Петра I. – М., 1950.
1083. Воейков В. Н. С царем и без царя. М.: Терра, 1995. – 479с.
1084. Из расходных книг Софийского Новгородского дома 1547-48 гг.//Монастырское хозяйство XVI-XVII вв. М., 1924. -С. 80-92.
1085. Вотчинные хозяйственные книги XVI века. Вып. 1. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80-90-х гг. – М.-Л., 1987. – 167 с.
1086. Вотчинные хозяйственные книги XVI века. Вып. 2. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. 1573-1595гг. – М.-Л., 1978. –306с
1087. Вотчинные хозяйственные книги XVI века. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574-1600 г. М.-Л., 1979. – 417 с.

-
- 1088.Временник Центрального статистического комитета МВД. 1902 г. № 51. – Спб., 1902. – 387 с.
- 1089.Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1-2. Документы и материалы. М.-Л., 1955.
- 1090.Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.
- 1091.Гапон Г. История моей жизни. Л.: «Прибой», 1926. – 183 с.
- 1092.Гваньини А. Описание Московии. М.: «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шигалина», 1997. – 173 с.
- 1093.Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1988. – 429 с.
- 1094.Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 59-87; № 9. С. 60-84.
- 1095.Глобачева С. Н. Прелюдия происходящих в мире событий // Вопросы истории. 2002. №11. – С. 98-119.
- 1096.Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. Ч. 1. 236 с. Ч. 2. 244 с.
- 1097.Горсей Дж. Записки о России. XVI–начало XVII в. – М.: Изд. Моск. ун-та., 1990. – 288 с.
- 1098.Городские восстания в Московском государстве XVII века. Сборник документов. – М.-Л.: Госсоецгиз, 1936. – 182с.
- 1099.Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. – 407 с.
- 1100.Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Вып. 5. – М., 1963. – С. 648-653.
- 1101.Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... – М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. – 144с.
- 1102.Данилевский Н. Я. Россия и Европа // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: «Логос», 1997. – С. 229-245.
- 1103.Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. – М.: Наука, 1991. – 519с.
- 1104.Джовио П. Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. – М: Молодая гвардия., 1987. – С. 479-500.
- 1105.Дневник Е. А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. // Исторические записки. 1965. № 77. – С. 240-293.
- 1106.Дневник солдата // Крушение царизма. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 334-338.
- 1107.Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись 1922. № 1. – С. 330-338.
- 1108.Доклад Комиссии 1872 года. – СПб, 1873.
- 1109.Дурново П. Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6. – С. 195-197.
- 1110.Ермолай-Еразм. Правительница и землемерие // История государства Российского. Хрестоматия. Источники. Мнения. XV-XVI вв. Кн.2. М.: Книжная палата, 1998. – С. 413-416.
- 1111.Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – Л.: Наука, 1968. – 172 с.
- 1112.Инструкция В. Н. Татищева по управлению именными // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1987. – С. 28-54.
- 1113.Инструкция кн. П. Б. Шереметева приказчику его волости в Ярославской губернии // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1987. – С. 134-220.
- 1114.Инструкция кн. М. М. Щербатова приказчикам вотчин ярославской губернии // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1987. – С. 73-170.

-
1115. Инструкция П. И. Рычкова управителям и приказчикам имений//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1990. – С. 62-91.
1116. Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Петроград, 1916. – 39 с.
1117. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 127 с.
1118. Кирпичников Т. И. Восстание лейб-гвардии Волынского полка в феврале 1917 года//Крушение царизма. – Л.: Лениздат 1986. – С. 300-314;
1119. Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. – 169 с.
1120. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: «Прометей», 1991. – 334 с.
1121. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн.1-2. – М.: Наука, 1992.
1122. Коллинс С. Нынешнее состояние России//Утверждение династии. – М.: Фонд Сергей Дубова, 1997. – С. 185-230.
1123. Контарини А. Рассказ о путешествии в Москву в 1478-77 гг.// Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 17-30
1124. Котошихин Г. О. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб, 1906. – 214 с.
1125. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. – М.: Наука, 2003. – 478 с.
1126. Крижанич Ю. Политика. – М.: Новый Свет, 1997. – 527 с.
1127. Куропаткин А. Н. Русская армия. – СПб: Полигон, 2003. – 590 с.
1128. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. – Киев, 1915. – 606 с.
1129. Курц Б. Состояние России в 1650-1655 годах по донесениям Родеса //Чтения в ОИДР, 1915. Кн. 2. Отд. II. С. 1-246.
1130. Кюстрин, маркиз де. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – 286 с.
1131. Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. – М.-Пг., 1923.
1132. Манштейн К. Г. Записки о России. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 440 с.
1133. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М.-Л.: Гос. Соц.-экон. изд., 1937. – 206 с.
1134. Маржерет Ж. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии//Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986. – С. 225-286.
1135. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднесельскохозяйственных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Часть. I-III.. СПб. 1903.
1136. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1-2. М., 1916, 1917.
1137. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. – М.: Изд. АН СССР, 1951. – 418 с.
1138. Мейерберг А. Путешествие в Московию//Утверждение династии. – М.:Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 43-184.
1139. Милоков П. Н. Воспоминания. Т. I. – М.: «Современник», 1990. – 443 с.
1140. Милоков П. Н. История второй русской революции. – М.: РОССПЭН, 2001. – 765 с.
1141. Московская губерния по местному обследованию. М., 1903. Т. I- IV.
1142. Мстиславский С. Д. Гибель царизма. Февральский переворот// Крушение царизма. – Л.: Лениздат 1986. – С. 315-325.

-
1143. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVIII. 1601-1608. Сборник документов. – М.: Наука, 2003. – 491 с.
1144. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 960 с.
1145. Невиль де ла. Любопытные и новые известия о Московии//Россия XV-XVII веков глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. – С. 473-529.
1146. Невский В. Январские дни в Петербурге// Красная летопись 1922. № 1. – С. 13-74.
1147. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 640 с.
1148. Новгородские летописи. – СПб., 1879. – 321 с.
1149. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической Комиссией. Т.1-6. СПб, 1895-1915.
1150. Олгарий А. Описание путешествия в Московию //Россия глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1980. – С.287-470.
1151. Падение царского режима. Т. I. – М.-Л.: Гос. издат., 1926. – 460 с.
1152. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Terra, 1996. – 287 с.
1153. Памятники русского права. Вып. I-IV. М.: Гос. издат. полит. лит., 1955.
1154. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М.: Наука, 1993. – 429 с.
1155. Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца (1880-1883). М., 1927.
1156. Письмо одного шведа из Москвы в 1647 году писанное//Северный архив. 1822. Ч. 1. – С. 151-158.
1157. Победоносцев К. П. Сочинения. – СПб: Наука, 1996. – 509 с.
1158. Полный свод законов Российской империи. Т. 1-16. - СПб: Законоведение, 1911.
1159. Полное собрание русских летописей. Т. 3, 5, 12, 13. - М. : Языки русской культуры, 2000.
1160. Программа партии Социалистов-Революционеров// Сборник программ политических партий России. Вып.1-й. – СПб., 1906. С. 13-23.
1161. Таубе И., Крузе Э. Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе//Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. – С. 29-60.
1162. Продовольствие крестьянского населения Тульской губернии. – Тула, 1917. – 29 с.
1163. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 1. Сборник документов. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 552 с.
1164. Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1-2. – Петроград, 1916, 1917. – 246 с.
1165. Псковские летописи. Вып. 1-2. – : Изд. АН СССР, 1941, 1955.
1166. Пугачевщина. – М: Госиздат, 1926. Т. 1. – 259 с.
1167. Рабочий класс в первой российской революции 1905-1907 гг. – М.: Наука, 1981. – 430 с.
1168. Разложение армии в 1917 году. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – 190 с.
1169. Расходная книга Кириллово-Комельского монастыря с сентября 1576 по август 1577 г. //Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 5. 1871. Отд. II. – С. 19-29.
1170. Революционная ситуация в России в середине XIX века. – М.: Наука, 1978. – 439 с.
1171. Революционная ситуация в России на рубеже 1870-1880-х годов. – М.: Наука, 1983. – С. 557 с.
1172. Рейтенфельс Я. Сказание о Московии// Утверждение династии. – М.: Фонд Сергей Дубова, 1997. – С. 231-406.

-
1173. Роде А. Посольство Олдерланда//Утверждение династии. – М.:Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 9-42.
1174. Россия в 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса//Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 30-120.
1175. Расходная книга Дорогобужского Болдинского Свято-Троицкого монастыря//Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб, 1875. – Стб. 290-311.
1176. Расходная книга Болдина Дорогобужского монастыря//Русская историческая библиотека. Монастырские приходно-расходные книги. Вып. 1. Л., 1924. – Стб. 36-94.
1177. Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. – М.: ИКАР, 2002. – 368с.
1178. Родзянко М. В. Записка М. В. Родзянки//Красный архив. 1925. Т. 3. – С. 69–86.
1179. Родзянко Рузском//Русская летопись. 1922. № 3.
1180. Русская армия накануне революции// Былое. 1918. № 1. – С. 151-157.
1181. Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. – Самара: Издат. Самарск. ун-та, 1994. – 360с.
1182. Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. II. – М.: Изд. И. Д. Самарина, 1878. – 444 с.
1183. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. – СПб, 1902.- 331 с.
1184. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. – 644 с.
1185. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915;
1186. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год четвертый. – СПб, 1910.
1187. Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I- III. СПб., 1902.
1188. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. XI. – Спб., 1903.
1189. Семенов Е. П. Февральские и мартовские дни 1917 г. //Исторический вестник. 1917. Т. 147. № 3. – С. 1-80.
1190. Сказание Авраамия Палицина. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1955. – 344 с.
1191. Сочинения И. Пересветова. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1956. – 386 с.
1192. Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков: "Пролетарий", 1928. – 205 с.
1193. Статистика землевладения. Сводные данные. СПб, 1905 г.
1194. Статистика Российской империи. Т. 40. Сборник сведений по России 1896 г. – СПб, 1897. – 370 с.
1195. Ежегодники России 1904 – 1910 гг. – СПб, 1905-1911 г.
1196. Статистический ежегодник России. 1912 г. (год девятый). – Спб, 1913 – 550 с.
1197. Статистический ежегодник России. 1913 г. – Спб, 1914. – 578 с.
1198. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 411 с.
1199. Сельское хозяйство России в XX веке. – М. : Новая деревня, 1923. – 340 с.
1200. Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914-1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции. – М.: Росс. гум. ун-т, 1994. – 287с.
1201. Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Вып. 2. – Калуга, 1898. – 744 с.
1202. Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. X. – Спб, 1875. – 112 с. +110 с. + 87 с.
1203. Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. X. – Спб, 1886. – 147 с.

-
1204. Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Кн.1-2. М.: Изд. полит. лит., 1991. – 383 с.
1205. Стрейс Я. Путешествие по России голландца Стрюйса. – Б.м., б. г. – 129 с.
1206. Отрывок из расходной книги Солодчинского монастыря 1596 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1904. Т. 28. Вып. 2. – С. 147-157.
1207. Отрывок из расходной книги Костромского Ипатьевского монастыря // Сборник Археологического ин-та. 1898. – С. 127-137.
1208. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. X. – М.: Гослитиздат, 1951. – 1095 с.
1209. Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. СПб, 1910.
1210. Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. СПб, 1903. Т. I – V.
1211. Тургенев Н. И. Россия и русские. – М.: О.Г.И., 2001. – 744 с.
1212. Февральская революция и охранное отделение // Бывшее. 1918. № 1. – С. 158-176.
1213. Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М.: РГГУ, 1996. – 352 с.
1214. Флетчер Д. О государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: «Русич», 2003. – С. 14-151.
1215. Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898, май. – С. 48-117.
1216. Фоскарини М. Рассуждения о Московии // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 55-57.
1217. Хлебные бюджеты мелких земледельческих хозяйств Полтавской губернии // Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1907 год. Полтава, 1907. – С. 90-143.
1218. Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. Ин-т российской истории РАН, 1997. – С. 250-292.
1219. Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. – М.: Археографический центр, 1996. – 188 с.
1220. Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 1. М.-Петроград, 1923. С. 104-120.
1221. Шикунц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. – М.: Гос. публ. ист. библ., 2003. – 231 с.
1222. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. – М.: Изд. Сабашниковых, 1925. – 182 с.
1223. FAOSTAT // <http://apps.fao.org/faostat/>

Диссертации

1224. Александрова В. И. Крепостные крупной помещицей вотчины Центральной России в XVIII-XIX вв. Дисс. канд. ист. н. – Л., 1953. – 407 с.
1225. Высоцкий Д. А. Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие русского государства XVII века. Автореф. дисс... канд. ист. н. – Л., 1988. – 16 с.
1226. Дубинская Л. Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Дисс... канд. ист. н. – М., 1967. – 268 с.
1227. Елифанов П. П. Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII века). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. – М., 1969. – 650 с. 267.
1228. Жарков В. П. Боярин Борис Иванович Морозов – государственный деятель России XVII века. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – М., 2001. – 246 с.

-
1229. Казарина М. А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII века (по материалам барщинных вотчин Голицыных). Дисс... канд. ист. н. – М., 1952. – 402 с.
1230. Колонтаева А. В. Витте и аграрный вопрос в России (1892-1908 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. н. – Ростов-на-Дону, 1998. – 27 с.
1231. Книга М. Д. История голода 1891-1892 гг. в России. Дисс... к. и. н. Воронеж, 1997. – 223 с.
1232. Петрова Е. Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII- первой четверти XVIII века. Дисс... канд. ист. н. – М., 1995. – 188 с.
1233. Прохоров М. Ф. Крепостное крестьянство России в 1750-х-начале 1770-х годов. Дисс... докт. ист. н. – М., 1997. – 902 с.
1234. Ржаникова Т. П. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева. Дисс... канд. ист. н. – Л., 1953. – 533 с.
1235. Масленникова Н. Н. Псковские крестьяне конца XV-XVII веков. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. н. – Л., 1984.
1236. Сретенский Л. В. Помещичья вотчина нечерноземной полосы России во второй половине XVIII века (по материалам ярославской вотчины М. М. Щербатова). Дисс... канд. ист. н. – Б. м., 1959. – 383 с.
1237. Слесарчук Г. Н. Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века. Автореферат. дисс... канд. ист. н. – М., 1955. – 15 с.
1238. Швейковская Е. Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. н. – М., 1993. – 415 с.
1239. Шевченко М. М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права. Дисс... канд. ист. н. – Воронеж, 1956. – 390 с.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

С. А. НЕФЕДОВ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНЫЙ
АНАЛИЗ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ РОССИИ**

КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XX ВЕКА

Екатеринбург
Издательство УГГУ
2005

Ответственный редактор
академик РАН В. В. Алексеев

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор В.В. Запарий
кандидат исторических наук, с. н. с. Е. В. Алексеева

*Книга рекомендована к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. - Екатеринбург: Издательство УГТУ, 2005. – 543 с.

ISBN 5-8019-0085-3

В монографии впервые в отечественной и мировой историографии предпринята попытка анализа социально-экономической истории России с позиций нового методологического подхода – демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна. Дается интерпретация основных событий российской истории с точки зрения положений демографически-структурной теории, определяются границы объяснительных возможностей этого подхода, изучается вопрос о взаимодействии демографического фактора с другими факторами исторического процесса.

Книга адресована специалистам-историкам, аспирантам и студентам вузов.

ISBN 5-8019-0085-3

© Нефедов С. А., 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ГЛАВА I. НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО И ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНАЯ ТЕОРИЯ 9

1.1. Классическое неомальтузианство 9

- 1.1.1. Развитие мальтузианско-рикардианской теории в XX веке 9
- 1.1.2. Фазы демографического цикла 21

1.2. Демографически-структурная теория 26

- 1.2.1. Основные положения демографически-структурной теории 26
- 1.2.2. Необходимость учета альтернативных объяснений 30
- 1.2.3. План исследования 36

ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ 39

2.1. Период восстановления и роста 39

- 2.1.1. Становление Московского царства 39
- 2.1.2. Начало демографического цикла: период восстановления 45
- 2.1.3. Повышение демографического давления. *Порядок в России* 47

2.2. Фаза Сжатия 50

- 2.2.1. Начало Сжатия 50
- 2.2.2. Динамика элиты 54
- 2.2.3. Государственный кризис и проекты реформ 57
- 2.2.4. Реформы Ивана IV: взаимодействие факторов 60

2.3. Экосоциальный кризис 66

- 2.3.1. Демографическая катастрофа 66
- 2.3.2. Экономические последствия катастрофы 71
- 2.3.3. Кризис государства 74
- 2.3.4. Социальные последствия катастроф: опыт Европы 76
- 2.3.5. Депрессия 80
- 2.3.6. Трансформация структуры: начало закрепощения 84
- 2.3.7. Голод 1601-1603 годов 86
- 2.3.8. Брейкдаун и гражданская война 89

2.4. Выводы 94

ГЛАВА III. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД ВОСТАНОВЛЕНИЯ И РОСТА 99

- 3.1. *Период восстановления 99*
 - 3.1.1 Россия после Смуты 99
 - 3.1.2. Динамика элиты: положение дворянства после Смуты 101
 - 3.1.3. Динамика государства: восстановление налоговой системы 103
 - 3.1.4. Динамика перераспределения ресурсов: размеры ренты 105
 - 3.1.5. Динамика народа: уровень жизни в XVII веке 111
 - 3.1.6. Начало колонизации Черноземья 116
- 3.2. *Трансформация структуры во второй половине XVII века 119*
 - 3.2.1. Закрепощение крестьян 119
 - 3.2.2. Динамика элиты: последствия закрепощения 123
 - 3.2.3. Создание полков «иноземного строя» 125
 - 3.2.4. Трансформация структуры 128
 - 3.2.5. Катастрофа на Севере 131
 - 3.2.6. Динамика государства: кризис самодержавия 133
- 3.3. *Реформы Петра Великого 135*
 - 3.3.1. Реформы как результат взаимодействия факторов 135
 - 3.3.2. Динамика элиты 138
 - 3.3.3. Перераспределение ресурсов в пользу государства 140
 - 3.3.4. Динамика народа: положение крестьян 143
 - 3.3.5. Динамика государства: абсолютизм и элитизм Петра Великого 147
- 3.4. *Демографически-структурные процессы в 1725-1760-х годах 150*
 - 3.4.1. Кризис 1723-1726 годов и контрреформы 150
 - 3.4.2. Борьба за распределение ресурсов в 1730-х годах 153
 - 3.4.3. Сжатие в Центральном районе 156
 - 3.4.4. Колонизация Черноземья. «Две России» 158
 - 3.4.5. Отступление государства 162
- 3.5. *Период дворянской монархии 165*
 - 3.5.1. Падение этактистской монархии 165
 - 3.5.2. Перераспределение ресурсов в пользу элиты 167
 - 3.5.3. Динамика народа: отягощение крепостничества 171
 - 3.5.4. Вестернизация и рост потребностей дворянства 172
 - 3.5.5. Начало товарного барщинного хозяйства 175
 - 3.5.6. Динамика перераспределения ресурсов: рост ренты 178
 - 3.5.7. Динамика структурных отношений: крестьянские восстания 180
 - 3.5.8. Кризис 1787-1788 годов и уменьшение ренты 182
 - 3.5.9. Сжатие в Центральном районе 183
 - 3.5.10. Рост городов как следствие Сжатия 187
 - 3.5.11. Попытка восстановления этактистской монархии 189
- 3.6. *Выводы 191*

ГЛАВА IV. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД СЖАТИЯ 198

- 4.1. *Демографические и социальные процессы в первой половине XIX века* 198
 - 4.1.1. Динамика посевов, сборов и населения 198
 - 4.1.2. Рост барщины вызывает стагнацию крепостного населения 202
 - 4.1.3. Повышение ренты после окончания войн 204
 - 4.1.4. Кризис 1847-1849 годов 207
 - 4.1.5. Сжатие в Центральном районе 209
 - 4.1.6. Положение государственных крестьян 212
 - 4.1.7. Динамика социальной борьбы. Крестьянские волнения 215
 - 4.1.8. Динамика элиты 217
 - 4.1.9. Вопрос о рентабельности баршинных хозяйств 219
 - 4.1.10. Динамика государства: правление Александра I 221
 - 4.1.11. Борьба за ресурсы 225
 - 4.1.12. Динамика государства: правление Николая I 226
- 4.2. *«Великие реформы» как трансформация структуры* 231
 - 4.2.1. Крымская война 231
 - 4.2.2. Первые шаги новой модернизации 233
 - 4.2.3. Освобождение крестьян 234
 - 4.2.4. Изменение положения крестьян в результате освобождения 238
 - 4.2.5. Итоги реформы 240
- 4.3. *Демографически-структурные процессы в пореформенный период* 242
 - 4.3.1. Процесс модернизации в 1860-1870-х годах 242
 - 4.3.2. Динамика элиты 246
 - 4.3.3. Открытие страны для мирового рынка и бум хлебного экспорта 248
 - 4.3.4. Динамика производства и потребления 251
 - 4.3.5. Положение различных групп крестьянства 260
 - 4.3.6. Рост населения 267
 - 4.3.7. Развитие отходничества как следствие Сжатия 270
 - 4.3.8. Рост недоимок 273
 - 4.3.9. Изменение крестьянского менталитета как следствие Сжатия 274
 - 4.3.10. Взаимодействие демографического и диффузионного факторов 277
 - 4.3.11. Политический кризис рубежа 1870-1880-х годов 282
- 4.4. *Демографически-структурная динамика в 1880-1890-е годы* 284
 - 4.4.1. Традиционалистская реакция 284
 - 4.4.2. Политика по отношению к крестьянству 285
 - 4.4.3. Динамика элиты. Положение дворянства 289
 - 4.4.4. Динамика государства: финансовый кризис и новый этатизм 292
 - 4.4.5. Кризис 1892 года 295
 - 4.4.6. Этатистская политика С. Ю. Витте 298
 - 4.4.7. Положение чиновничества и офицерского корпуса 302
 - 4.4.8. Положение крестьянства после голода 1892 года 303
 - 4.4.9. Уровень жизни по данным бюджетных обследований 308
 - 4.4.10. Данные о состоянии здоровья населения 313
 - 4.4.11. Аграрное перенаселение как признанная реальность 315

- 4.4.12. Динамика народа: положение наемных рабочих 317
- 4.4.13. Политический кризис 1900-1903 годов 321

4.5. Выводы 323

ГЛАВА V. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ЭКОСОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС 329

5.1. Теоретические аспекты революционного процесса 329

- 5.1.1. Две теории революции 329
- 5.1.2. Пример теоретического анализа: революции 1848 года 331

5.2. Демографически-структурный анализ революции 1905-1907 годов 334

- 5.2.1. Фрагментация элиты: оппозиционные группировки 334
- 5.2.2. Элита начинает наступление на государство 337
- 5.2.3. Элита обращается за поддержкой к народу 339
- 5.2.4. Политическая борьба весной и летом 1905 года 343
- 5.2.5. Государство отступает: манифест 17 октября 345
- 5.2.6. Крестьянство вступает в борьбу 348
- 5.2.7. Элита переходит на сторону государства 352
- 5.2.8. Народ терпит поражение 354
- 5.2.9. Союз элиты и государства 355
- 5.2.10. Контрнаступление государства 357
- 5.2.11. Итоги революции (выводы) 361

5.3. Демографически-структурная динамика в период 1908-1914 гг. 365

- 5.3.1. Аграрная реформа 365
- 5.3.2. Аграрное развитие в 1907-1913 годах 371
- 5.3.3. Развитие промышленности и положение рабочих 376
- 5.3.4. Изменения в положении элиты 379
- 5.3.5. Социальная нестабильность в 1908-1914 гг. 381

5.4. Первая мировая война и февральская революция 1917 года 386

- 5.4.1. Механизм брейкдауна в условиях войны 386
- 5.4.2. Продовольственный кризис в городах 394
- 5.4.3. Перед революцией 402
- 5.4.4. Февральская революция 407

5.5. Выводы 407

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 421

ПРИМЕЧАНИЯ 426

ЛИТЕРАТУРА 491

ПРЕДИСЛОВИЕ

Создание объяснительных моделей исторического процесса было целью для многих поколений историков. Начиная с Геродота и Фукидида, исследователи пытались обобщить исторический материал и вывести общие закономерности описываемых событий. Долгое время основным регионом изучения оставалась Европа, обобщаемый материал был весьма ограничен, а в построениях историков преобладали простые вербальные модели. Неадекватность подобных конструкций быстро выявлялась при более тщательном исследовании, и это порождало скептицизм среди многих историков и философов. «История имеет глубокий смысл, – писал Карл Ясперс, – но он недоступен человеческому пониманию»¹.

Однако усилия по поиску объективных закономерностей продолжались, и во второй половине XX века была предпринята мощная попытка научного прорыва в этом направлении. Речь идет об исследованиях широко известной французской школы «Анналов» – но значительные заслуги в этой работе принадлежали также немецким, английским и американским ученым, в том числе так называемой «Кембриджской группе» и школе «новой экономической истории». Сотни и тысячи историков работали над архивным поиском новых данных, были привлечены огромные массивы информации и налажена их обработка статистическими методами. «Очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера, – писал о школе «Анналов» Фернан Бродель. – А между тем, новая историческая наука уже существует, непрерывно совершенствуясь и видоизменяясь...»²

Историки до сих пор не могут объяснить причины последовавшего в конце 1980-х годов распада школы «Анналов». Одно из возможных объяснений состоит в том, что тема экономико-демографической цикличности во Франции была в основном исчерпана и не обещала перспектив новым поколениям историков. Однако в других странах это направление продолжало развиваться, и в последнее время особое место в его разработке заняла американская школа исторической социологии. «...В мировой науке, прежде всего американской и западноевропейской, за последние десятилетия накоплен солидный и почти еще не востребованный в нашем социально-философском и историческом познании багаж научных результатов, – отмечает известный исследователь Н. С. Розов, – а главное – резко возрос

интеллектуальный потенциал подходов, методов, концепций, понятий, касающихся теоретического описания социальных систем и их исторического развития»³.

Последним крупным достижением американской исторической социологии стала демографически-структурная теория Джека Голдстоуна, предлагающая новую объяснительную модель исторической динамики для эпохи позднего средневековья и нового времени. Эта теория представляет собой образец сложного теоретического синтеза с широким использованием материала не только Западной Европы, но и стран Востока – Китая, Японии и Османской империи. Позднее в работах П. Турчина была построена математическая модель, описывающая вербальную схему Дж. Голдстоуна, а в работах Ч. Даннинга была обоснована идея о возможности применения этой теории для описания процессов российской истории.

Целью нашего исследования является проверка возможности применения демографически-структурной теории для объяснения основных фактов социально-экономической истории России. Мы попытаемся шаг за шагом проследить динамику основных социально-экономических процессов и объяснить их с помощью предлагаемой модели. Мы попытаемся также рассмотреть вопрос о возможности альтернативных объяснений с использованием других теорий и о границах применимости демографически-структурной теории. При этом, однако, мы не считаем, что результаты такого изучения можно рассматривать как окончательные, поскольку одни и те же процессы допускают объяснение в рамках различных теорий и вопрос о выборе предпочтительного объяснения может быть решен только исторической практикой.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить свою искреннюю признательность Дж. Голдстоуну, без сотрудничества с которым эта работа была бы невозможна. Мы благодарны В. В. Алексееву, Ч. Даннингу, Дж. Комлосу и П. Турчину, принявшими непосредственное участие в этом исследовании в качестве соавторов некоторых статей, входящих в комплекс публикаций, послуживший основой для этой книги.

Сложность рассматриваемой проблемы не раз побуждала автора обращаться по конкретным вопросам к поддержке специалистов. В этой связи автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность Е. В. Алексеевой, З. В. Дмитриевой, Д. В. Гаврилову, Б. Ренеру, В. В. Канищеву, Г. Е. Корнилову, А. В. Кортаеву, М. А. Мапуку, Б. Н. Миронову, М. Ф. Прохорову, И. В. Побережникову, С. В. Цирелю. Мы благодарны также руководителю Центра экономической истории при историческом факультете МГУ Л. И. Бородкину и всем специалистам, принявшим участие в обсуждении отдельных глав этой работы на семинарах Центра.